

КАВКАЗСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЛИМП

Т.Е. Эфендиева
С.И. Эфендиев
Ф.С. Эфендиев

Кайсын Шуваевич

КУЛИЕВ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ
РАБОТЫ
О ТВОРЧЕСТВЕ
ПОЭТА

ТОМ
V

К восьмидесятипятилетию со дня рождения
народного поэта Кабардино-Балкарии
КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев,
Ф. С. Эфендиев

Кайсын Шуваевич
КУЛИЕВ

**ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ
СТАТЬИ
О ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА**

ТОМ 5

НАЛЬЧИК
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ЭЛЬ-ФА»
2002

Серия «КЛИО»
(Кавказский литературно-исторический Олимп®)
Раздел «Литература». Выпуск 9

Научный редактор серии А. И. Мусукаев

Художник серии М. М. Горлов

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Н. А. Шогенцукова**
доктор философских наук, профессор **Ф. А. Хараев**

В эту книгу вошли литературно-критические статьи, очерки, рецензии, эссе, литературные портреты, доклады и тезисы выступлений профессоров Эфендиевых – Салиха, Фуада, Тамары – о Кай-сыне Шуваевиче Кулиеве на Международных конгрессах, Всероссийских и межвузовских региональных конференциях разных лет.

Книга выходит в авторской редакции

Э 4603020102-029
Т43(03)-2002 без объявл.

ISBN 5-88195-524-2

© Т. Е. Эфендиева,
С. И. Эфендиев,
Ф. С. Эфендиев, 2002

© М. М. Горлов.
Оформление, 2002

© Издательский центр «Эль-Фа»,
2002

В большинстве дружных семей, как правило, есть альбом – у многих осталась привычка вести домашнюю фотолетопись. Правда, теперь на смену скромным черно-белым снимкам, вклеенным в большие бархатные или «кожаные» альбомы, пришли цветные. И альбомы теперь другие – компактные, напоминающие томики стихов. Их время от времени перелистывают. Особенно, когда повзрослевшие дети со своими семьями собираются в родительском доме. Сколько тогда воспоминаний, эмоций, чувств растроганности и просветленности!

В этом плане семья Салиха Ибрагимовича и Тамары Емельяновны Эфендиевых – не исключение. Вместе смотрим альбом, и их рассказы служат комментарием к снимкам: молодая семья Эфендиевых; маленькая Ирочка, родственники; вот Салих – студент, Фуад – школьник, а вот он в Армии. Старшие Эфендиевы – доктора наук: он – философских, она – филологических, Профессора. У них двое детей: дочь Ирина – кандидат медицинских наук, доцент кафедры госпитальной терапии, сын Фуад – доктор философских наук по специальности теория культуры: профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств. При разнообразии научных интересов есть общее: место работы – Кабардино-Балкарский госуниверситет – и любовь к поэзии Кайсына Кулиева, ко всему его многогранному творчеству, которому посвящена жизнь старшего поколения – отца и матери.

Первой я называю Тамару Емельяновну, поскольку именно она когда-то в конце 50-х гг. XX в. будучи молодой учительницей русского языка и литературы СШ селения Гунделен, КБАССР, увлеклась творчеством К. Кулиева. Ее благоговейное отношение к личности и таланту этого человека было столь искренним и всемерным, что «захватило» мужа и сына.

Тамара. «Я сидела в первых рядах и с интересом смотрела на прославленного поэта. Он излучал тепло, был впечатлителен и восприимчив, остро ощущал полноту и радость жизни. Все это я почувствовала, когда он начал рассказывать о себе, отвечая на вопросы присутствующих, читал стихи. Он умел ощущать и по-своему воспринимать светлое и грустное в жизни, ее жизнеутверждающие и трагические начала, радоваться всему, что его окружало. Это доказывалось стихами, отношением к людям, животному и растительному миру. Мастерство декламации и простота поведения заворожили меня, и тогда я поняла, что он станет на всю жизнь любимым поэтом... До книг «Так растет и дерево», «Поэт всегда с людьми» было еще далеко. Первая моя статья о Кулиеве была

написана в сентябре 1967 г., когда общественность готовилась отмечать 50-летие со дня рождения поэта»

(Из статьи «Первая встреча с поэтом». Она состоялась в 1965 г. в актовом зале главного корпуса КБГУ, где Кайсын Шуваевич встречался со студентами и преподавателями).

В последние годы работа над творчеством К. Ш. Кулиева стала в семье Эфендиевых совместной. Научные интересы Салиха Ибрагимовича – в плоскости философии. И если о чем и жалеет ученый, только о том, что не занялся изучением творчества Кулиева раньше. В год 80-летия со дня рождения поэта он провел в КБГУ Вторые Эльбрусские чтения, посвятив их его памяти. В дальнейшем планирует сделать мероприятие ежегодным – Кулиевскими чтениями.

Общий итог многолетней семейной работы, не считая вышедших монографий, учебных пособий для студентов и многочисленных статей Т. Е. Эфендиевой, – увидевшие свет за последние пять лет 4 тома: «Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта. 1917–1958». Том 1. (Нальчик: Эльбрус, 1997. – 242 с.); «Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта. 1959–1985». Том 2. (Нальчик: Эль-Фа, 1997. – 421 с.); «Кайсын Шуваевич Кулиев. Друзья поэта». Том 3. (Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 547 с.); «Кайсын Шуваевич Кулиев. Воспоминания современников». Том 4. (Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 638 с.). Готовятся к печати пятый и шестой тома: «Кайсын Шуваевич Кулиев: Литературно-критические статьи о творчестве поэта» и фотоальбом о поэте. Свои надежды на продолжение работы родители связывают с сыном Фуадом Салиховичем и его женой Росиной Александровной Эфендиевой (урожд. Мусукаевой), она кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры английского языка КБГУ, имеет несколько статей о К. Ш. Кулиеве. Росина приняла участие в научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Кайсына Кулиева, в ноябре 1997 г., и выступила с интересным сообщением о специфике метафористического мировидения Кулиева (англо-русские сопоставления). Через год, в сентябре 1998 г., она участвовала во II Международном конгрессе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» в г. Пятигорске и опубликовала статью «О достоверности перевода произведений Кайсына Кулиева с русского языка на английский».

А когда в мае 1999 г. отмечали 200-летие со дня рождения А. С. Пушкина, Росина выступила на межвузовской научно-практической конференции «Пушкин и Кавказ: история и современность» с сообщением «Образ женщины в лирике А. Пушкина и К. Кулиева» в Пятигорском государственном лингвистическом университете.

Профессора Эфендиевы надеются, что молодое поколение Эфендиевых будет продолжать исследования по творчеству Кайсына Кулиева.

Дочь Ирина (в замужестве Жетишева) выбрала в жизни другое поприще. И это несмотря на то, что мама с детства приобщала ее к художественной литературе и даже брала с собой на Всесоюзные научные конференции. Вспомнить тот же Ленинград и конференцию, посвященную юбилею С. А. Есенина, где Тамара Емельяновна выступала с докладом на тему «Трагические мотивы в любовной лирике Сергея Есенина и Кайсына Кулиева». Ирина сидела в зале Пушкинского Дома (ИРЛИ) среди ученых и слушала выступления.

В ту поездку у них была и незабываемая встреча с известным поэтом М. А. Дудиным, близким другом Кайсына Кулиева. Михаил Александрович познакомился с докторской диссертацией Т. Е. Эфендиевой по творчеству К. Ш. Кулиева и дал свой отзыв. И там же на одном из листов набросал портрет Кайсына. А девочке Ирине подарил свою книгу «Девочка и море» с автографом. Это был 1972 год.

Ирина Салиховна тоже любит поэзию Кайсына Кулиева, была лично с ним знакома, написала воспоминания о нем.

Салих. «Я – человек счастливый, раз у меня такое взаимопонимание в семье. Любой мой успех – это успех Тамары, а ее – мой. Так происходит потому, что мы делаем общее дело. Когда один что-то пишет, другой – дополняет. Я благодарен жене, что она дала мне возможность учиться очно в аспирантуре в Баку, спокойно заниматься наукой. В то время она учительствовала в моем родном Гунделене, растила дочь, ухаживала за моей матерью-старушкой. Позднее в Гунделене родился у нас сын, его мы называли в честь моего научного руководителя Фуадом. Очень хорошие отношения были у Тамары с моей матерью. Ради нее она учила балкарский язык, и они друг друга прекрасно понимали. Мне, не скрою, это приятно. Я в семье младший. А всего нас было у родителей шестеро сыновей и две дочери. Мама совсем не знала грамоты, умерла она на 104-м году жизни».

Тамара. «Салих тоже какое-то время, после возвращения из Киргизии, учительствовал в Гунделене и был завучем. Ученики его любили. Оказывается, в нем, философе, сильна крестьянская жилка – с удовольствием работает на земле. Теперь вот садом занимается, гордится, если хороший урожай овощей, фруктов. С учащимися же в школе занимался озеленением территории. А в Киргизии много работал с ребятами на пришкольном опытном участке – выращивали хлопок, кормили шелковичных червей, разводили породистых кроликов и все это сдавали государству. А каждый выпускной класс на память о себе высаживал в питомнике черенками пирамидальные тополя, которые предназначались для озеленения территорий кишлаков и айлов. И добивались таких успехов, что неоднократно становились участниками ВДНХ в Москве. Тогда большое внимание уделялось трудовому воспита-

нию учащихся. Эта же традиция сохранилась, когда Салих стал работать завучем в Гунделене и возглавлял ученическую производственную бригаду. За высокий урожай картофеля в 1960 г. его ученики были участниками ВДНХ и были награждены ценными подарками. До сих пор на территории средней школы № 1 в Гунделене шумят листвою шаровидные клены, стройные туи, белые акации, крымские сосны, высокие тополя, клены.

Во дворе дома, где мы теперь живем, по улице Осипенко, 26, муж посадил четыре плакучие ивы. Дорожит ими, поскольку они от ивушки, посаженной когда-то Кайсыном Кулиевым на берегу «Комсомольского озера» в нальчикском парке. Салих любит вспоминать, что когда он однажды гулял с Кайсыном Кулиевым вдоль этого озера, поэт сказал: «Эту плакучую иву посадил я вскоре после возвращения из Киргизии. А когда здесь купались мы, то вместе с Иссой Баташевым поливали ее, принося воду в резиновых шапочках».

Начиналось же все так...

Было время летних каникул. Директора Яр-Кишлакской школы вызвали в район. Салих Эфендиев был завучем. Поскольку срочных дел не предвиделось, он с друзьями решил поиграть во дворе школы в волейбол. Спортсменом он тоже был заядлым.

Краем глаза Салих заметил, как к школе подъехало такси, из него вышла девушка с небольшим чемоданчиком в руках и вошла в здание. Сторож школы, старый узбек, проводил ее в учительскую, где она присела на краешек стула и стала ждать.

Эфендиев, заглянув на всякий случай в комнату, спросил:

– Вам кого?

– Я выпускница Ростовского университета, направлена по распределению к вам на работу.

– Подождите минутку, – проговорил он и поспешил к себе (благо, жил поблизости), чтобы переодеться, так как назваться завучем, будучи в спортивном костюме, постеснялся.

Так и состоялось знакомство. Интересно, подсказало ли сердце кому-то из них в тот миг, что это судьба...

Ирина. Еще ребенком сказала дома, что будет врачом. С другой Мадиной Канукоевой после девятого класса пошли работать в республиканскую больницу санитарками. Родителям ничего не оставалось, как не препятствовать им. Как Ирина гордилась, когда получила первые заработанные своим трудом деньги. На них и поехала с мамой в Ленинград на научную конференцию, с мечтой пройти по Невскому проспекту и побывать в Эрмитаже.

«Мой муж Р. А. Жетишев – тоже медик, кандидат медицинских наук, окончивший аспирантуру в Ленинграде, доцент медфака КБГУ, завершивший докторскую диссертацию. Свои исследования и эксперименты он проводил там же – в Санкт-Петербурге.

Там он и купил книгу К. Ш. Кулиева «Человек. Птица. Дерево» и подарил ее моей маме».

Специальность Рашида Абдуловича – педиатр-реаниматолог новорожденных. По этой проблеме он пишет научные труды. Некоторые из них, такие, как «Человеческий рекомбинантный эритропоэтин (эпокрин) в лечении анемии», он издал в Санкт-Петербурге в 2001 г. (в соавт.). Он так же, как и все в нашей семье, любит поэзию К. Кулиева и с особым значением иногда читает его стихотворение:

.

На землю белую легли
Следы – твои, мои, иные...
Великий снегопад любви
Сплотил нас, путники земные!

Нас где-то ждут. О нас грустят.
О нас во сне лепечут дети.
А если все это не так –
Что белого на белом свете?

Перевела Б. Ахмадулина

«У нас двое детей – Рустам и Джамиля. Они школьники. Свое вхождение в мир художественной литературы они начинали с детских книг Кайсына Кулиева «Ласточка», «Зеленая сказочка», «Сказка солнца», «Времена года», подаренных поэтом моим родителям с автографами.

В том, что пошла в науку, нет ничего удивительного: был пример родителей. Они всего добились своим трудом.

После окончания медицинского факультета КБГУ меня направили в ординатуру в Москву, во Второй медицинский институт. Затем рекомендовали в аспирантуру. Но я была замужем, родилась ребенок. Сыну исполнилось десять месяцев, когда я оставила его на родителей и свекровь Узифат Хизировну Мизиеву; помогал и брат, он в это время учился в университете. Мы с мужем оба были в аспирантуре: я – в Москве, он – в Ленинграде. Кайсын Кулиев в это время часто болел, лежал в спецбольнице на Мичуринском проспекте. Я его навещала.

Кандидатскую диссертацию защитила досрочно, за два месяца до рождения дочери. Ее мы назвали в честь айтматовской литературной героини – Джамилей, – рассказывала Ирина Салиховна. – Не жалею, что стала врачом, но, приведишь все начать заново, пошла бы по стопам родителей: стала бы кайсыноведом».

Фуад. «Учился я в средней школе № 9 г. Нальчика. Увлекался краеведением. Занимался в кружке «Горный родник», кото-

рый вела кандидат педагогических наук, заслуженный педагог РСФСР А. В. Рыжеволова. Благодаря ей научился собирать материал, участвовал в школьных конференциях, приобщился к исследовательской работе. А. В. Рыжеволова издала книгу «Горный родник: вчера, сегодня, завтра» (Нальчик: Эльбрус, 1981). В ней есть несколько строк и обо мне.

С благодарностью вспоминаю и классного руководителя А. М. Лысову, которая привила любовь к природе. Мы с ребятами часто ходили на экскурсии, в походы. Так я увлекся туризмом.

Учась в университете, одновременно закончил факультет общественных профессий, стал инструктором горного туризма. Лето, как правило, проводил на турбазе «Кизиловка». Один сезон даже директором там был. Получил и армейскую закалку. Было это в Грозном. Я неплохо знал город и очень тяжело воспринял то, что с ним стало потом — руины, столько смертей...

После окончания аспирантуры стал работать в университете на кафедре культурологии, читал курсы лекций по эстетике и культурологии. Кандидатскую диссертацию защитил в Ростовском госуниверситете в 1995 г., а через четыре года там же — и докторскую диссертацию «Этнокультура и национальное самосознание» (На материалах Северного Кавказа).

Старался идти по стопам своих родителей, продолжить дело их жизни. Этнокультуру балкарцев нельзя рассматривать вне Кайсына Кулиева. Он — ее символ и духовная вершина».

Тамара. «Раньше мы с Салихом выезжали на научные конференции вместе, теперь он бывает на них с сыном. У них есть общие, изданные в соавторстве работы по философии и филологии, в которых, на мой взгляд, больше культурологических аспектов.

Мы с детьми гордимся, что Салих Ибрагимович награжден Почетной грамотой ЮНЕСКО. Совместно с Министерством образования РФ наш университет в 1996 г. провел межвузовскую научно-практическую конференцию «Воспитание молодежи на основе возрождения национальной культуры». Здесь было много докладов о Кайсыне Кулиеве. Это были Первые Эльбрусские чтения. В числе организаторов конференции были Эфендиев-старший и Эфендиев-младший».

Салих. «Нас с Тамарой радует, что наши дети — честные и трудолюбивые. Впрочем, для родителей, наверное, не бывает плохих сыновей и дочерей».

Н. Б. Черемисина

Раздел I

Рецензии и статьи разных лет

КНИГА ЗЕМЛИ

Рецензия на новый сборник стихов «Книга земли», опубликованная в газете «Комсомольское племя», Грозный, 1974. 24 апреля.

остановлением Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР поэту Кулиеву Кайсыну Шуваевичу за сборник стихов «Книга земли» присуждена Государственная премия СССР 1974 г.

Этот сборник открывается стихотворением «И не казалось мне, что я — пророк...» Видимо, поэт не случайно выбрал именно это стихотворение, поместив его в самом начале книги. Он писал:

.

Пророком я себя не называл.
Но если все же в том, что я сказал,
Послышится вам шепот снегопада,
И шелест опадающей листвы,
И жалоба срезаемой травы,
И горе увядающего сада,
Я буду рад: мне большего не надо.

Перевел Н. Гребнев

Имя балкарского поэта Кайсына Кулиева стоит в ряду с именами лучших поэтов нашей страны, олицетворяющих ведущие силы многонациональной советской поэзии.

Свой творческий путь в большую литературу Кайсын Шуваевич Кулиев начал в стенах бывшего Кабардино-Балкарского пединститута, где он преподавал литературу студентам учительского института в 1939–1940 учебном году. Именно тогда, летом 1940 г., вышла в свет его первая книга стихов «Здравствуй, утро!». С тех пор Кайсын Кулиев выступал пламенным певцом дружбы людей. И чем дальше развивалось творчество Кайсына Кули-

ева, тем разностороннее становилась тематика его произведений, шире диапазон его лирического голоса. Глубокие по мысли, яркие по форме его стихи и поэмы, его творческая судьба представляли собой наглядный пример успешного развития национальных культур, которого достигли наши автономные и союзные республики за годы Советской власти.

Произведения Кайсына Кулиева выпущены на родных языках почти во всех столицах союзных и автономных республик: Кишиневе, Риге, Душанбе, Фрунзе, Баку, Вильнюсе, Ташкенте, Тбилиси, Ашхабаде, Уфе, Ереване и Грозном. Кроме того, 30 книг этого поэта: «Горы», «Мир дому твоему», «Кизилый отсвет», «Раненый камень», «Избранная лирика», «Книга лирики», «Звездам — гореть!» и другие переведены на русский язык и широко известны в нашей стране и за ее пределами.

Новый поэтический сборник «Книга земли» — своеобразный итог жизненного опыта, поскольку его поэзия и жизненный путь неотделимы. Кулиев познал радость творчества, испытал святое чувство любви к Родине и земле отцов, где он родился и вырос, сделавшее его счастливым: «Земля родная! Лишь одной любовью тебя я в силах отблагодарить».

В новых стихах Кулиева нашли отражение самые заветные, самые светлые стремления людей. Здесь много стихов, обращенных к его друзьям, которые оставили заметный след в жизни поэта, которых он любил, чьей дружбой дорожил. Это Марк Бернес («Песня, которую не сможет спеть мой друг»), проф. Аскер Аппаев («Язык родной земли»), Яков Смоленский («Дом моего друга»), Ираклий Андроников («Я вспоминал друга в горах»), Ярослав Смеляков («Дождь в Братиславе»), Татьяна Марутова («Вечер у Машука»). Здесь есть стихи о Пушкине («На Пушкинскую площадь я пришел»), Лермонтове («Лермонтов к гибели шагая...», «Я по улице Лермонтова иду...»), о Кахетии («Ту ночь в Кахетии мне помнить вечно...»), Кавказе («Мой Кавказ»), о Грузии («Поэтам Грузии»), об Армении («Комитас», «Анаит») и, конечно, больше всего стихов о родном крае («Горянке», «Раздумье у реки Чегем», «Помолчим у горы», «Как на руках у матери...», «Я на ослике скакал» и др.).

Как на руках у матери,
нигде ты не будешь спать,
такого тепла не знать тебе,
не испытать опять.

Рук таких не сыскать тебе,
хоть обойди весь свет.
Спать на коленях матери —
большого счастья нет.

Перевёл Н. Коржавин

Много в этой книге стихов о тех, кто пашет землю, пасет скот, «возводит немудреные строенья». Поэтому в центре внимания «Книги земли» находились те, трудом которых создается все: от тончайших приборов до звездных городов. Эта книга о людях-тружениках, создававших материальные и духовные ценности. Обращаясь к ним, Кулиев сказал:

Ведь каждый труженик, как Прометей,
Свершая скромный подвиг понемногу,
Становится неволью равным богу,
Теплом и светом радуя людей.

Перевёл Н. Гребнев

Поэт понимал, что личность человека неповторима. Рабочий или колхозник — любой представитель трудового народа достоин уважения и почета.

Герою — слава, мудрецу — почет!
Но разве тот не стоит восхваленья,
кто просто пашет землю, скот пасет,
возводит немудреные строенья?

Гимном земле и людям труда звучали строки стихотворений «Ракеты улетают на луну», «Еще одна старая песня», «Где-то бомб водородных растут штабеля...», «Песня колосьев», «Песенка земле и небу», «Погонщики мулов», «Колосья и звезды», «Каждому — свое», «Вопросы жизни», «Песни горцев, подобно пословицам...», «Славит землю каждую строкой...». Острое ощущение родимого края и народа пронизывало многие поэтические строки

Кулиева. Он безраздельно приобщен к радостям и горестям родной земли («Я жил, как все, без славы, без вины...»):

Шел по дороге, падая порою.
Смеялся, плакал, старости страшился,
Своим крестьянским званием не кичился,
Я был, как все, — не гений, не герой.

Перевел Н. Гребнев

Это и есть жизненное кредо Кулиева. Но настоящая поэзия не ограничивается только этим. Кулиев всегда выступал за общечеловеческие идеалы, за дружбу между народами. «Пусть солнце светит всем труженикам мира!» — говорил он. Сознание единства интересов трудового народа, общность тяжелой судьбы, разделенной народами в годы Второй мировой войны, мечта о согласии и взаимопонимании между ними, стремление к человечности проявились во многих стихах этого сборника, особенно таких, как «Час, когда птицы поют», «Как ни спешно жизнь идет...», «Две песни, которые любила моя мать», «Скажи, земля, что ты хочешь?», «Свет», «Ночь. Спокойно дети спят...».

Пусть мольбу мою услышат
День и ночь и пусть хранят
от беды углы и крыши
всех домов, где дети спят.
Пусть дожди и снегопад
нрав недобрый умирят,
бури пусть бушуют тише
у домов, где дети спят.

Перевел Н. Гребнев

Гуманистические мотивы проявились и в двух других стихотворениях: «Реквием» и «Вместо реквиема». Кулиеву были близки страдания жителей Варшавы и Сталинграда, прошедших пламя ада, тех, «кто в печах Тремблинки задохнулся, и всех, кто погребен в чужой земле». Драматизм перечисленных событий вырастал из ощущения неразделимости судеб трудящихся людей с личной судьбой поэта, испытавшего те же переживания, что люди завоеванных стран. Возможно, вследствие это-

го мысль Кулиева поднималась до обобщения, символа страдания.

Мой реквием — земли глубоким ранам,
Горящим, как деревья, дням Вьетнама,
бомбейским детям, нищим с малых лет,
в Мадриде павшим и в Афинах тоже —
всей боли, что людей повсюду гложет,
траве, от крови изменившей цвет.

Эти строки из стихотворения «Реквием» в переводе Н. Коржавина («Книга земли». М., 1972), а вот перевод С. Липкина того же стихотворения, но после переиздания «Книги земли» (М., 1974). В том и другом случае взята концовка стиха.

Мой реквием — стихам замолкшим, недопетым,
когда я навсегда расстанусь с белым светом,
и ранам всей земли, и павшим за Вьетнам
его защитникам и преданным сынам,
бомбейской нищете на улицах старинных,
борцам, замученным в Мадриде и Афинах,
всем людям, кто открыл мне горести свои,
и боли той травы, которая в крови.

Разница небольшая, главное, что мысль осталась и верно была передана одним и другим переводчиками.

Хотелось бы отметить и другое, что есть в «Книге земли», а именно: грустные мотивы в связи с приближением старости, которая вызывала в поэте тревогу и душевное смятение. Он никогда не мог примириться с этим роковым, неотвратимым законом бытия, хотя разумом понимал, что все закономерно: «и старость есть, и надо смерть принять». Показательным в этом плане является стихотворение «Как зверолов-охотник в камышах...». Обратимся к финалу стихотворения:

Я жизнь любил и тех, кто любит жить.
Глядел на этот мир не узколобо.
И потому хочу я победить
Страх смерти — моего врага до гроба!

Перевел О. Чухонцев

Эти проблемы человеческого бытия начали волновать Кулиева очень рано, еще тогда, когда он был молодым.

Вероятно, потому, что в 22 года он уже был на войне и видел столько смертей, сколько иному человеку не удастся увидеть за всю долгую жизнь.

«Пока есть жизнь, и смерть на свете будет!» —
твердит мудрец, степенен и суров.
Он прав, но почему не могут люди
себя утешить правдой этих слов?

Перевел Н. Гребнев

На этот, казалось бы, простой вопрос, вечный и трагический для каждого человека, которому предстоит познать и старость и смерть, поэт не смог ответить. Кулиев как бы готовил себя и тех, кому суждено пройти эти драматические ступени жизни. В стихотворении «И в час, когда рождался мой рассвет...» (перевод Н. Гребнева) поэт убеждал себя:

Все ближе, ближе окончанье дня.
Достойно встретить должен я и это.
Мне хватит силы: ведь внутри меня
Живет воспоминание рассвета.

«Книга земли» несет в себе огромный нравственный потенциал, и возникла она на основе синтеза всего лучшего, что написано Кайсыном Кулиевым за последние годы. Его поэзия всегда была, есть и будет поэзией человека-мыслителя и гуманиста.

С. И. Эфендиев, Т. Е. Эфендиева

МУЗА В СТРОЮ СОЛДАТСКОМ...

**(Образ воина — защитника Родины — в поэзии
Кайсына Кулиева)**

К 30-летию Великой Победы

Статья была напечатана в газете «Комсомольское племя». Грозный, 1975. 17 апреля.

В полной мере духовный облик героя, олицетворявшего черты народного героического характера, проявил-

ся в поэзии Кайсына Кулиева в годы Великой Отечественной войны. Вызванный суровой обстановкой войны, образ советского человека воплощал в себе высокую героическую, качества духовно богатой личности. События и волнения тружеников фронта и тыла вошли в плоть и кровь поэта, вызвав потребность рассказать о виденном, о своих внутренних переживаниях. В стихотворении «Поэты» (1942) Кулиев писал, обращаясь к музе военной поры:

И нынче, горем всей земли горя,
Мы с вами муку разделяем, люди!
Воюем, чтоб приблизилась заря,
В груди у нас – победный гром орудий...
Мы – на полях сражений, где в огне
Растет победа, чтоб предстать однажды.
Как вы, как все, – мы гибнем на войне
И мучимся от голода и жажды.

Перевела Ю. Нейман

В годы Второй мировой войны Кулиев так сформировал свое поэтическое кредо: «Поэзия вдвойне сильней, когда она подкреплена делами и кровью ее создателей. Я убежден, что поэт в трудные дни родной земли обязан находиться на переднем крае. Трусость и малодушие так же не приемлемы для поэта, как отсутствие воображения или чувство стихии родного языка».

Суровый опыт военных лет придавал его стихам и очеркам новые черты – мужественной простоты, сдержанной силы и справедливого гнева. В 1941–1944 гг. Кулиев, работая военным корреспондентом фронтовых газет, писал много статей, очерков и стихов. Гражданское самосознание художника и воина нашло отражение в его стихотворениях «Земля моя», «Сегодня стих мой – беспощадный бой», «Жизнь, я твой сын», «Слово сердца», «Самое дорогое» и др. В них чувствовалось трагическое мужество того трудного времени, поэтому и стих уподоблялся раненому воину:

.....

Сегодня стих мой – раненый боец.
Вот пошатнулся он, за штык схватясь,

Вот падает он, кровью исходя,
И поднимается, от боли зубы сжав.

Сегодня стих мой – беспощадный бой.
В нем люди погибают. Кони в нем
Со ржаньем падают. Горят дома.
И ворон опускается на труп.

Перевела М. Петровых

В теме «Образ воина – защитника Родины» – одной из ведущих в поэзии Кулиева в 1941–1945 гг. – концентрировались такие гуманистические, нравственные и этические вопросы многонациональной отечественной литературы, как становление характера человека-патриота, мужество подвига во имя Отчизны, неразрывность судьбы человека и народа, освободительная роль советского воина, солдатская дружба и братство, не зависимые от национальной принадлежности, ибо у всех у них были единые цели и задачи: разбить врага, отстоять свободу Родины и приблизить день Победы. Кайсын Кулиев решал эти задачи, опираясь на материал действительности боевого времени, на то, что сам пережил и узнал, находясь в окопах с солдатами, участвуя в неравных боях. Ему, как и всем советским поэтам, предстояло пройти тяжелый путь военных будней, равняться на лучших сынов Отчизны, увидеть и разобраться в источниках силы и непобедимости воюющего народа. Поэтому он писал в 1942 г. в стихотворении «Самое дорогое»:

Кинжалу не убор, а острота нужна,
А мне, поэту, – острый слух да глаз,
Шум крыльев и стремнин, и ширь, и крутизна,
И даль снегов, и воздух твой, Кавказ!

Перевел Л. Шифферс

Уже в первые дни войны в образе лирического героя Кулиева запечатлелась одна из существенных черт народного характера – любовь к Родине, своему отчому краю, близким и дорогим людям и ненависть к врагам. Его национальное самосознание ярко проявилось в стихотворении «Жить!» (1942):

Убежденность моя созрела
Не в уютном, теплом дому,
А в полях, под бурей обстрела,
В ливне пуль, в огне и дыму.

Непреклонна и непокорна,
Как броня стальная, верна,
Из кольца врагов, как из горна,
Закаленной вышла она.

Перевел В. Державин

Несгибаемый, всепобеждающий дух патриотизма советских воинов, их убежденность в правоте и справедливости освободительной войны художественно отражены не только в этих строках, но и во многих других стихотворениях, таких, как «Перед боем», «Клятва», «Солдат», «Перекоп», «Сегодня на фронте», «На войне», «В глаза мои смотри...», «Твоя земля», «Баллада о погибшем друге», «Весна на фронте». В течение всего 1943 г. Кулиев сотрудничал в армейской газете «Сын отечества», где почти ежедневно публиковал свои стихи, очерки и рассказы.

Характерной особенностью кулиевского воина — защитника Родины — являлась суровая и мужественная справедливость. Примечательно в этом смысле стихотворение «Сестре Мариам с фронта» (1943). В нем нет изображения батальных описаний боя, в нем другое — атмосфера военного быта и готовность солдат выполнить свой воинский долг. Но есть и другое, о чем хотел рассказать поэт сестре, — его грусть по мирным дням. Стихотворение пленяло тонким ощущением правды чувства, охватившего воина. Задумавшись, он видит «парной туман в ущельях гор», слышит шум Чегемского водопада, чувствует запах скошенной травы на склоне горного пастбища. Но солдат понимал, что все это будет после Победы, в которую он крепко верил. Эта неугасимая вера в конечную справедливую Победу не покидала солдат никогда.

Солдат сорок первого года
Ничем он не победим.
Усталость, горечь похода
Ушли, как махорки дым...

Когда отгремят раскаты,
Снарядов умолкнет шквал,
Помянут добром солдата,
Кто землю их отстоял...

Перевела Ю. Нейман

Художественно отражая и показывая идейные и моральные качества защитников Родины, Кулиев говорил о главном: о том, что вело в бой солдат, об их героических подвигах во имя свободы и счастья трудового народа, того, что в тылу и на фронте. Их прочный союз воспевал поэт, потому что он являлся гарантией, основой грядущей победы. Воспевал Кулиев и союз народов многонациональной России. У него есть стихотворение «Россия» (1942), в котором дан образ могучей матери-Отчизны, с ее чарующей красотой — «прозрачными родниками», «медлительными реками», бескрайними просторами и трудолюбивым народом. В союзе с русским народом, утверждал поэт, горцы непобедимы («Нас всех возвышает России высь...»). О своей любви к России Кулиев не раз писал: «Люблю и вас я, волжские дороги...» (из стихотворения «Дороги»), «Мне довелось из Волги пить не раз, ее красой душа была горда...» («Всегда гордился тем, что горец я!»). В этом же стихотворении он признавался:

Мне рощи сосен по душе пришлись,
Их смутный шум и свежая хвоя,
Я их люблю...

Или: «Я по дорогам севера бродил. Любил простор и ширь его степей, хлеб дружбы ел и воду дружбы пил...» В морально-политическом единстве всех народов России, в патриотизме, в сплоченности фронта и тыла поэт видел источник победы.

Положительный герой военной лирики Кулиева находился в постоянном развитии и движении. Национальный характер складывался в конкретных обстоятельствах, в битвах с фашизмом. По-разному в различных жизненных случаях проявлялись черты и лучшие задатки нравственного облика воина-освободителя: он сочувствовал беженцам и сироте, потерявшему родителей; скорбел над пепелищем сожженных деревень и сел; сожалел

о сгоревшем на корню богатом урожае; страдал над убитыми.

Здесь видел убитого мальчика я,
Такого ж, как дети родных моих гор,
И долго стоял я, печаль затая,
Как тяжек был глаз этих мертвых укор!

Я девушку видел: в дорожной пыли
Лежала она, холодна и бледна,
Над ней украинские зори цвели,
А мне показалась горянкой она.

Перевела В. Звягинцева

Умудренный нелегким военным опытом, лирический герой Кулиева итожил свою фронтовую жизнь и пытался извлечь из нее четкие нравственно-философские выводы, чтобы передать другому поколению сгусток своего опыта, традиции воинствующего гуманизма («Вернул свободу отчизне, своих не ценя заслуг... И в этом — смысл твоей жизни! И в этом — смысл твоих мук»). Эта строка из стихотворения «Солдат» (1943), так сказать, финал его и поэтическое заключение. В «Балладе о погибшем друге» (1943) Кулиев говорил от лица погибших солдат:

Как трудно приходилось на войне,
Какая нам легла на плечи тяжесть...
Твой стих — мое последнее жилье.
И я хочу, чтоб в нем всегда звучали
Моя отвага, мужество мое,
Слова суровой правды и печали.

Перевел Е. Елисеев

Пройдя по дорогам войны, «деля табак с солдатом-чуважом», пролив свою кровь в Прибалтике и на Сапун-горе, под Севастополем и Сталинградом, лирический герой признавался (это признание самого поэта): «Как старый горец любит свой Казбек, так я люблю все земли и края». В гармоническом согласии с высшим художническим долгом — идти на помощь всем народам, закабаленным фашизмом, — находился глубокий общечеловеческий смысл поэзии Кулиева. Интернациональная тема, общечеловеческие и гуманистические мотивы зародились

в поэзии Кулиева там, на фронте, когда креп его поэтический голос, оттачивалась мысль, формировались его национальное самосознание и гражданственность. Вдохновенное слово Кайсына Кулиева в самые тяжелые дни войны помогало людям мобилизовать все силы на отпор врагу. В огне борьбы закалялась сплоченность людей и народов — один из могучих тогда источников побед над фашизмом.

Нежная, сильная духом поэзия Кулиева военного времени дала нам живой образец гражданственности, кровной причастности к важнейшим историческим событиям Второй мировой войны.

Пускай мой стих идет в строю солдатском
И, как солдат, стреляет по врагу,¹—

писал Кулиев на войне еще парашютистом-десантником и всей своей фронтовой жизнью подтвердил свою кровную причастность к Великой Победе.

¹ Стихи цитировались по кн.: Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 1.

Т. Е. Эфендиева

БЛАГОТВОРНЫЕ УЗЫ ПОЭЗИИ

Статья была опубликована в связи с 80-летием со дня рождения Н. С. Тихонова в газ. «Кабардино-Балкарская правда», 1976. 3 декабря.

Достойный продолжатель лучших традиций русской классики Николай Тихонов вместе с другими писателями заложил основу новой замечательной традиции, которая называлась тесным сотрудничеством и взаимовлиянием многонациональной советской литературы. Уже в 30-х гг. XX в. его романтически окрашенную поэзию хорошо знали. Он опубликовал в первой половине 30-х гг.

два сборника стихотворений: «Юрга» и «Стихи о Кахетии». Вместе с бригадой писателей поэт Тихонов путешествовал по Средней Азии и был на Кавказе.

Я прошел над Алазанью,
Над звенящею водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой, —

так писал он в одном из стихотворений сборника «Стихи о Кахетии».

Тихонов и Кавказ — это целая тема для исследований, и сам поэт не раз говорил о своей любви к Кавказу. Так, на вопрос корреспондента о его отношении к этому региону, он ответил:

— Кавказ... Он, как говорится, в моем сердце. Армения, Грузия, Азербайджан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Абхазия...

Писал Тихонов о Кавказе много раз и воспел его природу и горцев. Дружба с поэтом Кайсыном Кулиевым, несмотря на разницу лет, была долгой и плодотворной. Давнему, испытанному другу — Николаю Тихонову — Кулиев посвятил ряд произведений. В них дан образ поэта, человека и гражданина, жившего одной жизнью с народом, беззаветно служившего ему своим многогранным творчеством и общественной деятельностью. «Поэт и горы», «Каменщику Джанхоту», статьи и очерки, написанные о Тихонове, — это все о нем, Николае Семеновиче, сделавшем многое для сближения национальных литератур. Эпиграфом к поэме «Перекоп», которую Кулиев написал в 1944 г., послужили строки Николая Тихонова «Но мертвые, прежде чем упасть, делают шаг вперед». В первой части — «По следу героев» — Кулиев говорил о поэтической преемственности:

И Тихонов другом приходит ко мне
В балладе своей о Гражданской войне.
Копыта заржавели — времени след.
Поэзии, подвигам — ржавчины нет.

.

Мы тоже сегодня, к победе спеша,
Несем на губах свою соль Сиваша.

И мокнут ночами шинели у нас,
Как раньше отцы, так мы бьемся сейчас ¹.

Перевел Н. Коржавин

Эту благотворную традицию продолжали утверждать и развивать его ученики, молодые собратья по перу — писатели всего Кавказа, с которыми Николая Тихонова связывала поэтическая дружба — дружба национальных литератур. И. Гринберг в статье «Содружество поэтов и стихов» объяснил истоки этой дружбы так: «Да, кровная преданность Тихонова идеям пролетарского интернационализма привела его на землю другого народа не просто гостем, но побратимом, позволила ощутить строгую красоту природы, и эту яркость постижения с благодарностью воспринял горский поэт Кайсын Кулиев».

В строках «Каменщику Джанхоту» говорилось о Николае Семеновиче Тихонове как о непревзойденном мастере в области поэзии. Обращаясь к каменщику Джанхоту в день его шестидесятилетия, Кулиев писал: «Если труд твой подвигу под стать, если он поэзии сродни, ценится не меньше в наши дни. Мне твое знакомо мастерство. С тихоновским я сравню его».

Оба вы большие мастера:
Мастер камня с мастером пера! ²

Перевел Е. Елисеев

Искренней любовью к нему проникнуто и другое стихотворение Кулиева «Поэт и горы». Он восхищался его произведениями, в которых Тихонов «беседовал с горами, их язык поняв суровый», словно был их младший брат, и благодарит за «стих чеканный», за поэтическое мастерство, помогавшее ощутить звонкую поступь стиха и орлиные крылья дерзаний, за мужество:

Был ты мужества поэтом. И поэтому легко ты,
Очень просто, без натяжки стал поэтом гор крутых,
Чтобы люди новой эры всей душой рвались к высотам,
Чтобы их не испугало все, что станет против них ³.

Перевел Н. Коржавин

Этим и дорог Тихонов Кулиеву, который ценил в людях мужество и не раз сам воспевал это свойство характера человека. О взаимопонимании и дружбе людей писал Кулиев в этом стихотворении, глубоко осознав эти тихоновские традиции в жизни и литературе. Поэтому концовка стиха напоминала тост в честь гостя, который посетил очаг гостеприимного хозяина.

Поднимаю за тобою стих за все, что сердцу нужно.
И за мужество и юность мира – радости живых,
За людей хороших дружбу и стихов хороших дружбу,
За вершины и за то, чтоб восходить всегда на них ⁴.

Перевел Н. Коржавин

Эта идейно-нравственная направленность стихов Кулиева перекликалась с тем, о чем писал сам Н. С. Тихонов:

Мы пьем за родную страну!
За то, что ломали невзгоды,
Чтоб горе сломить навсегда,
За братские наши народы,
За звездные их города!

Отмечая замечательную традицию, общечеловеческое, взаимное уважение к другим народам и к их национальной культуре, Кулиев сказал на IV съезде писателей РСФСР: «Мне также хочется с глубоким уважением назвать имя Николая Семеновича Тихонова, работающего рядом с нами и с таким достоинством продолжающего горьковские традиции внимания и любви к литературам народов нашей Родины! И мы, как говорится, отвечаем Николаю Семеновичу, одному из выдающихся поэтов века, признательностью и сердечной любовью».

Эти слова Кулиева говорили об определенном влиянии на творческие судьбы многих советских поэтов и, в частности, на творческую судьбу самого Кулиева, который был связан с Николаем Тихоновым не только творческой, но и многолетней личной дружбой. Зародилась она еще в довоенные годы, когда начинающий горский поэт с увлечением читал стихи и поэмы, романтические

баллады и очерки Тихонова, находя в них подтверждение собственным настроениям, чувствам и симпатиям. Поэтическая переключка с Тихоновым явственно звучала в стихотворении «Беснуется угрюмый океан...» (1946):

Беснуется угрюмый океан.
Кромешная нависла темнота,
Спокойно умирает капитан,
Не вынимая трубки изо рта...
Я этот образ с детства полюбил.
Я им живу, пока не скажут ... жил ⁵.

Перевел Е. Елисеев

В годы Второй мировой войны, когда креп поэтический голос Кайсына Кулиева, оттачивалась его мысль, он встретил дружескую руку старшего по возрасту поэтического собрата, учителя и друга — Н. С. Тихонова. Стихотворные циклы лирико-эпического характера «Перекоп» и «Сиваш» (1943–1944) Кулиева написаны под непосредственным влиянием стихов и поэм Тихонова «Киров с нами». Н. С. Тихонов внимательно следил за творческим процессом начинающих писателей и поэтов молодых национальных литератур, всячески поддерживал и помогал, радуясь любому их успеху. В частности, чтобы Кулиева знали как поэта в период войны и послевоенное время, Тихонов переводил его стихи с балкарского на русский язык по подстрочникам. Или: когда Кулиев в 1943 г. был ранен и лежал в госпиталях, из Союза писателей СССР не раз приходили запросы и телеграммы о его здоровье за подписью Николая Тихонова. А когда балкарский народ депортировали в Среднюю Азию, то Тихонов вместе с другими писателями ходатайствовал перед правительством, чтобы на Кайсына Кулиева не распространялась эта жестокая акция. Не оставил он Кулиева без внимания и моральной поддержки и в послевоенные годы. Через много лет в статье «Страницы автобиографии» народный поэт Кабардино-Балкарии Кайсын Кулиев с благодарностью и волнением вспоминал о Н. С. Тихонове, проявившем большую заботу и внимание к его будущей поэтической судьбе: «В то бедствен-

ное для меня время Николай Семенович оказал мне неоценимую помощь. Этим он еще раз доказал верность своей давней любви к Кавказу и горцам». О поэзии Кулиева последних лет написаны Тихоновым статьи «Мужество и нежность», «Большая правда жизни», «Горской песни могучее крыло», «Певец мужества и нежности» и некоторые другие. В них Тихонов высоко оценил поэтическое дарование Кулиева, его яркий и самобытный талант. В 1974 г., отмечая достижения советской культуры, Тихонов как председатель Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР в области литературы, искусства и архитектуры сказал: «Лауреатом стал народный писатель Кабардино-Балкарии поэт Кайсын Кулиев, автор многих замечательных стихотворений и поэм. Сборник стихов «Книга земли» особо выделяется в его богатом поэтическом творчестве. Само его название символично. Любовь героя к родным горам перешагнула за их пределы, вобрала в себя широкий современный мир, где лучшие люди борются за передовые идеалы человечества».

Дружба Николая Тихонова с писателями и поэтами Кабардино-Балкарии принесла замечательные плоды — переводы из современной горской поэзии. Известны его переводы стихов Кулиева «Родной язык», «Как только ночь, полет прервав...», «Дождь застал нас в дороге», «В горах», «Не плачь и постарайся, друг...», «Осень пришла к нам, горы мои...».

Широта творческого диапазона Николая Тихонова, его общественная деятельность в укреплении взаимовлияния литератур и национальных культур заслужили глубокое признание всех представителей многонациональной советской литературы и всего нашего народа.

¹ Кулиев К. Горы. М., 1957. С. 168–169.

² Там же. С. 242.

³ Там же. С. 281.

⁴ Там же. С. 280.

⁵ Там же. С. 240.

«Я МНОГИХ НА МИЛОЙ ЗЕМЛЕ ЛЮБИЛ...»

Рецензия на сборник стихов
«Живу среди людей». «Кабар-
дино-Балкарская правда», 1977.
24 марта.

Жанр дружеского послания – традиционный в русской литературе. Родоначальником его считают Державина, потом Карамзина, позже в этом жанре выступали Жуковский, Батюшков и молодой Пушкин.

Лирическая манера Кайсына Кулиева в этом традиционном жанре своя, особенная, специфически горская. Дружеские послания в стихах, составляющие значительную часть книги «Живу среди людей», изданной в прошлом году в Москве, отмечены своеобразием: усилением индивидуально-биографического начала, чуткой отзывчивостью на все события эпохи, некоторой склонностью к прозаизированию философско-психологического характера, тонким лиризмом. Внутренняя субъективная личностная основа позволяла поэту наиболее достоверно и правдиво изобразить взаимоотношения с друзьями. Перед нами люди большой духовной красоты и силы – писатели и поэты Расул Гамзатов, Ираклий Абашидзе, Зульфия, Теймураз Чиргадзе, ученые и деятели культуры – Владимир Николаевич Орлов, Регина Кафриэлянц, врач Н. А. Лопаткин, женщина из Карачая под заглавными буквами З. Б.

Осмыслить и воплотить человеческие судьбы и дела в высокие поэтические строки было всегда потребностью души горского поэта, который еще в годы Второй мировой войны опирался на этот жанр, когда писал друзьям-фронтовикам с полей сражений. Это всем известные произведения Кулиева «Твоя земля» (Владимиру Сосюре), «Всегда гордился тем, что горец я!» (Николаю Тихонову), «Девушке с Севера» (Валентине Лебедевой), «Из тетради «В Старой Руссе» (Салиху Хочуеву), «Поэт на фронте» (Алиму Кешокову), «Кериму Отарову». В них, очень разных по содержанию и форме, Кулиев воспел не только дружбу воинов-защитников Родины, но и поэти-

ческое братство людей разных национальностей, сражавшихся и погибавших за свое единое Отечество. Опасность, нависшая над ним, только углубила и укрепила творческое взаимопонимание и дружеские связи поэтов. Находясь на фронте, думая о тревожном боевом времени, шагая трудными дорогами войны, Кулиев имел право сказать от имени своего поколения:

Мы начатых поэм не дописали,
Мы с отчих гор ушли на зов войны.
Навстречу буре боевой мы встали,
Как верные Отечества сыны.

Перевел В. Левик

Эти строки он написал на фронте, обращаясь к балкарскому поэту Кериму Отарову, который тоже в числе многих литераторов разных национальностей участвовал в сражении.

После войны, находясь вместе со своим народом в Средней Азии, куда были депортированы многие народы Северного Кавказа, Кулиев продолжал писать послания и посвящения своим товарищам и друзьям. Одно из них, написанное в 1947 г., — памяти Эффенди Капиева («Над старой книгой горских песен»). К этому времени относятся и такие его произведения, как «Не плачь и постарайся, друг...» (Джемалдину Яндиеву), «Ласточка» (Сергею Фиксину), «Иссык-Куль» (Памяти Алыкула Осмонова), «Киргизстану» (Аалы Токомбаеву), «Мой город» (Алиму Кешокову), «Поэт и горы» (Николаю Тихонову), «Дружба» (Расулу Гамзатову), «Русская сказка» (Дмитрию Кедрину), «Вечером, когда гремел гром» (Михаилу Кирееву).

После возвращения на родину Кулиев не оставил жанр послания и посвящения. Он продолжал писать стихи, обращаясь к своим друзьям. По долгу службы Кулиев часто ездил по нашей стране, не раз бывал и за рубежом. Многочисленные впечатления от поездок оставляли в его чуткой душе глубокие следы. Каждая из встреч с поэтическим собратом по перу обогащала его творческие замыслы. Особенно большой интерес представляли стихотворения Кулиева, отображавшие дружбу между поэта-

ми разных национальностей. В них находило выражение все богатство и многообразие раздумий, впечатлений о жизни, взаимоотношениях людей. Такими произведениями являются «Мустаю Кариму» (1959), «Соловьи» (М. Дудину), «Симону Чиковани» (1963), «Сильве Капутикян» (1963), «Ты помнишь лето? Лес, трава кругом...» (Я. Козловскому), «В сторону Сванетии иду» (Ревазу Маргиани), «Отар Чиладзе, ты назначь мне встречу...» (1966), «Марике Чиковани» (1966), «Амине Залиловой – жене казненного поэта» (1966) и др. К этому же жанру относятся и стихотворение Кулиева «Письмо к Расулу Гамзатову». Это не первое послание своему прославленному земляку. Было еще одно, в котором Кулиев излагал свои взгляды на мужскую дружбу. Оно так и называлось «Дружба» (1956). Это был год возвращения Кулиева в родные края после одиннадцатилетней ссылки.

Крепче дружбы мужской не найдешь ничего.
Это – связаны с деревом корни его.
Это значит – кинжал и его рукоять,
Это значит – стремян от седла не отнять.
Это – крылья с орлом составляют одно,
Это – связаны жизнью земля и зерно.

Перевел Н. Коржавин

В «Письме к Расулу Гамзатову» Кулиев художественно осмысливал пройденные им и его другом пути-дороги, далекие годы войны, потерю товарищей...

Глубокой силой чувств проникнуто маленькое стихотворение «Памяти А. Т. Твардовского», с которым Кулиев навсегда простился 21 декабря 1971 г. в Москве у Центрального Дома литераторов, где состоялся траурный митинг. А. Твардовский был для Кулиева не просто великим поэтом, а самым близким человеком, с которым были связаны многие годы жизни совместной творческой работы. Вспоминаются слова Кулиева из его книги «Так растет и дерево»: «Эти заметки – мое прощание с Александром Твардовским, мой горький реквием ему, мое слово в честь и во славу великого поэта великой России...» Поэтическое обращение Кулиева к светлой памяти своего учителя и друга вызвано болью, горечью утра-

ты, которые с годами не проходили. Кулиев не мог примириться с мыслью о том, что А. Т. Твардовского нет в живых. Значение стихотворения даже не в том, что по первому четверостишию можно судить о характере личных переживаний Кулиева, а в том особом смысле, которым наполнены последующие строфы стихотворения, равные признанию:

И голос его никогда не услышу,
Ни слова, ни голоса нет у него.
А я на рассвете и в сумерках вижу еще
Белые горы...

Близки к этому стихотворению по идейно-тематической основе и послания «Снова Марике Чиковани» и «Чокка».

Марику Чиковани, жену грузинского поэта Симона Чиковани, Кулиев знал лично, много раз бывал в ее семье. Понимающей, доброй, преданной, способной стать поддержкой и опорой в трудные дни – такой знал и помнил Кулиев эту женщину. Первое стихотворение о ней – «Марике Чиковани» – Кулиев написал в 1966 г., вскоре после похорон Симона Чиковани, когда эта замечательная женщина была еще жива. Кулиев присутствовал на похоронах поэта, видел безутешное горе вдовы и сумел это передать художественным словом:

О как ты плакала, Марика,
Не многим плакать так дано,
И небо за горой великой
С тобой рыдало заодно.

Перевел Н. Гребнев

Второе стихотворение «Снова Марике Чиковани» Кулиев написал через 10 лет, когда посетил пантеон горы Мтацминды, чтобы почтить память своих друзей. Женщиной исключительного ума, высокой добродетели, самоотверженности и благородства показал поэт нам Марику Чиковани в новом стихотворении, посвященном ей, высокие человеческие качества которой остались нетленными:

Не всему ли, что было прекрасно,
И по смерти скончания нет?
Даже звезды, которые гаснут,
Все же светятся тысячу лет...

Перевел Н. Гребнев

В стихотворении «Чокка» дан не просто зримо воспринимаемый портрет долгожителя гор, которого можно с полным правом причислить к альпинистам, к многократным покорителям вершин двуглавого Эльбруса. В нем Кулиев еще показал обычное, человеческое трудовое житие балкарца, прожившего в высокогорных условиях очень долгую жизнь. Вот начало стихотворения:

В селении Тегенекли,
Где, пав с Эльбруса, вдаль текли
Река и малость ручейка,
Жил, благоденствуя, Чокка.
Он умер в сто шестнадцать лет,
Из них сто лет он сеял хлеб,
И ровно сто шестнадцать лет
Он видел горы, солнце, лес
И высоко над головой —
Свет наших душ, Эльбрус седой.

Перевела Б. Ахмадулина

Поэтические послания и посвящения раскрывали духовный и чувственный мир не только его лирических героев, конкретных людей, но и его самого. В них преобладающую роль играло эмоционально-лирическое начало. В композиции их много места занимало изображение душевных переживаний поэта. О таких близких, понятных и полных тоски расставаниях и счастье кратких встреч говорилось в небольшом цикле стихов «Говорю женщине». Это не впечатления (хотя и это тоже!) от поездки в Индию, это выражение чувств к Женщине — любимой, с которой он случайно встретился во время пребывания в Индии, и она вдохновила поэта на создание прекрасных строк о любви. Это своеобразные «персидские мотивы» Кулиева в преломлении к Индии и к той, которая дала радость и счастье поэту.

Ночь опустилась тихо, не спеша,
Бомбей и ночь! И ты вдали от гор!
И счастлива тобой была душа,
И лицезреть тебя был счастлив взор!
И я на том ловлю себя опять,
Что не могу преодолеть тоску
По ночи той, о коей вновь сказать
Так сладостно сегодня языку.

Перевел Д. Долинский

В этом сборнике стихов есть и цикл «Море» (в переводе Н. Гребневой), посвященный М. Дахкильговой, жене поэта. Они написаны Кулиевым во время отдыха в писательском Доме творчества в Дубулты. Голубая Балтика, мерный рокот моря, приморские сосны, песчаные дюны — весь этот уют янтарного края с его тишиной навеял светлую грусть и легкое одиночество, помогая «вынашивать» у рижского лукоморья заветные мысли и мечты. Чудесная природа и покой, общение с морем породили прекрасные строки целого цикла стихов, внутренне спаянных единым творческим замыслом.

Среди сосен дом, где мы живем,
Рядом с домом море голубое.
Мерный рокот моря нам с тобою
Слышен утром, вечером и днем.

Поэт не просто бесстрастный созерцатель красоты моря. Море для него живое. Оно дышит, у него есть свой цвет, краски, свои запахи, звуки. О нем можно говорить, как о человеке или земле, — ласково, проникновенно. Любовь к морю, благодарно принимаемая широко распахнутым сердцем, — это исповедь о большом и светлом чувстве, озарившем поэта в дни пребывания на Балтике. Многие поэтические строки рождены ощущением счастья бытия, к которому поэт никак не мог привыкнуть. Его радовало здесь все: беспечно летящая птица над водой, женщина с мирно спящим ребенком на руках, лунный свет на морской глади.

На песке сажу я под сосной,
Так смотрю на мир, как будто с детства

И за годы, прожитые мной,
Не успел досыта наглядеться.

Жажда видеть людей счастливыми «под этим небом синим», а мир — в лучах тепла и света являлась продолжением кулиевской концепции радостного восприятия жизни. Однако всеобъемлющая радость бытия не заглушала ноты грусти, особенно в четвертой части этого цикла. Воспоминания о прошлом («тяжесть лет и тяжесть бед») усиливали элегический тон послания. Инструментом художественного отражения прошедшей жизни стало воображение. Назначение его в поэзии состояло не просто в способности представить себе те обстоятельства, о которых говорилось, но и в способности вовлечь читателей в изображаемое для того, чтобы они смогли понять и пережить состояние поэта. Это тот важный элемент воздействия в литературе и в искусстве, который еще Аристотель называл катарсисом — очищением. В искусстве происходит то, отмечал и Маркс, что, увидев человека в другом, относясь к другому, как к себе подобному, человек тем самым открывает и утверждает человека в самом себе.

В книге «Живу среди людей» для нас открывается поэт с его нравственным миром, эстетической культурой чувств. Его большая, многогранная жизнь вобрала в себя жизненные вехи его современников, их радости и горести, достижения и потери.

Хотелось бы закончить рецензию стихотворением «Жить удивляясь», почти программным в его поэтическом творчестве. Оно много говорит о мироощущении поэта, когда он создавал сборник стихов «Живу среди людей»:

Блистают звезды, цвет меняют горы,
Снега сползают, розы опадают,
Мне жалко больше тех людей, которых
На свете ничего не удивляет.

Рождаются великие творенья
Не потому ли, что порою где-то
Обычным удивляются явлениям
Ученые, художники, поэты?

ПОСТУПЬ ИСТОРИИ

(Национально-историческая тема в цикле стихов
«Половецкая луна»)

Рецензия была опубликована в
журнале «Нева», Л., 1977. № 3.
С. 173–175.

Ваша жизнь – судьбы моей исток.
К. Кулиев

Этот цикл стихотворений Кайсын Кулиев задумал давно – еще в 60-е гг., но закончил его только в 1974 г. Впервые стихи были опубликованы на русском языке в переводе Михаила Дудина в журнале «Аврора» (1974, № 10) и в книге М. Дудина «Лирика. Стихотворения и переводы» (Лениздат, 1976).

Обращаясь к истории создания этих стихов, Кулиев писал: «Это один из самых сложных моих циклов... Сложность заключается в том, что я обратился к истории, к своим предкам, к половцам» («ЛГ», 1974. 13 ноября).

Пристальное внимание к далекому прошлому характерно для современного литературного процесса, почти для всех видов и жанров литературы – романы, повести, поэмы, драмы («Лики на заре» В. Пановой, «Василий Буслаев» С. Наровчатова, «Миндаутас» Ю. Марцинкявичюса, «Салават» М. Карима, «Евпатий Коловрат», «Бунт» (о Пугачеве и Салавате Юлаеве), «Красный волгарь» (о Степане Разине), «Дмитрий Донской» Валентина Сорокина и др.). Седая древность вновь обретает актуальное звучание, поскольку художественное творчество немыслимо вне представлений о нравственных ценностях и идеалах, уходящих своими истоками в историю и насущно важных для духовного мира современного человека.

«Половецкая луна» Кулиева уводит нас в даль XI–XII вв., но это не историческое произведение в строгом смысле слова. Здесь мы не найдем ни конкретных исторических лиц, ни описания реальных событий, ни восстановления целостной картины далекой эпохи, когда пече-

негов сменили в причерноморских степях новые азиатские кочевники — половцы. Не это было целью автора.

Художественное мышление поэта углублялось в столь давние времена для того, чтобы через опыт осознанного историзма обрести высоту, с которой видны настоящее и будущее («Лишь то в потомках оживает вновь, что в предках утвердилось глубоко»). Поэтическая мысль, прозревшая суть исторического события, являлась стержнем цикла стихов «Половецкая луна» и выражала себя через авторское «я». Форма первого лица наиболее соответствовала идее произведения — гуманистической озабоченности судьбами отдельных людей и человечества в целом. Авторское «я» обретало свойство личности при помощи индивидуализации сферы сознания. Авторское сознание в данном случае оказалось сферой, где нашли воплощение история и современность. Жизненная правда повествования сосредотачивалась в правдивом воспроизведении основных сторон данной исторической эпохи настолько, насколько позволяли диалектический и социально-нравственные взгляды современного нам человека.

Стремление запечатлеть с позиции гражданина XX столетия исторические формы бытия воинственных предков породило некоторую условность литературного выражения (монолог воина-кочевника, введение образа автора-персонажа, автора-повествователя). Прибегая к форме своеобразной исповеди, носителя определенных черт национального характера, поэт почти все содержание семи частей, объединенных единством замысла, но лишенных сюжетно-событийных ситуаций, сводил к размышлениям умирающего воина. У этого человека появилась душевная потребность в «горькой правде»: ведь он своей жизнью измерил дороги истории, по собственному опыту и преданиям знал о многовековой борьбе половцев с соседними русскими княжествами. Все было в этой борьбе: и победоносные походы русских князей в половецкие степи, и набеги кочевников на них, и даже временный союз тех и других в период феодальных раздоров.

Но не о мужестве, отваге, воинской доблести думал умиравший, глядя на кровавый лик луны. Он вспоминал

походы половецких ханов, в которых участвовали десятки тысяч воинов, несших гибель и разрушение пограничным землям:

Вы неслись по земле черной бурей пустынь,
В дикой страсти самым разрушениям рады,
Наслаждались пожаром прекрасных святынь,
Вы не знали в кровавом разгуле пощады.

Сила, враждебная духовности, противостоявшая гуманизму, — страшна и опустошительна. В многовековой истории человечества можно найти немало трагических подтверждений этому... «В «Половецкой луне» отразились выстраданные мысли человека нашего времени, — писал В. Лавров, — познавшего своей жизнью, что такое разгул черных сил, безумная страсть убийства и разрушения»¹.

Дикая жестокость — свойство не только психологии кочевников, но и их национального сознания, порожденного уверенностью в величии совершаемого:

Он был в своей уверенности слеп.
Пожар и кровь — его судьбы дорога.
Он не растил и не лелеял хлеб
И острый меч считал превыше Бога.

Эта мрачная трагедия человеческого бытия — свидетельство тому, что на земле не было и нет народов с «легкой историей». Каждому выпадали на долю свои испытания, нередко жестокие, разрушительные войны. Половцы пережили свою долю, обрели свой исторический опыт. Возможно, это и заставило автора «Половецкой луны» в новом идейно-эстетическом аспекте взглянуть на путь их судьбы в ее обусловленности временем и историей. Обращаясь к началу начал — жизни народа, — поэт восклицал:

...Ваша жизнь — судьбы моей исток.
И мне нести свою по жизни ношу.
Но я не буду к прошлому жесток
И камень в это прошлое не брошу.

Эта строфа со свойственной Кулиеву афористической четкостью выражает его отношение к людям былых вре-

мен. Но ненасытную жажду завоеваний, присущую полковцам ханам, стремление к власти над людьми любым путем поэт гневно осуждал. Он понимал, что единственной целью их опустошительных набегов в пределы соседних государств и княжеств был захват чужих земель и чужих богатств. Эти войны сопровождались тяжкими жертвами с обеих сторон, разорением городов и крестьянских хозяйств, уводом в далекий «полон» и гибелью тысяч людей ради обогащения корыстных правителей и сомнительной славы завоевателей. Беседуя со своими воинственными предками, лирический повествователь судил их за то, что, послушные ханам, они несли только смерть и разрушение, страдание и жестокость:

Вы были храбры, родичи! И страх
Пред вами душу прожигал потемкам.
И, все живое превращая в прах,
Чего же вы оставили потомкам?

В этом вопросе таилось утверждение поэтом истины: люди должны не разрушать, а созидать и передавать из поколения в поколение сокровища материальной и духовной культуры. И именно поэтому неистовая жажда разрушения обрекла на творческое бесплодие целый народ:

Отвечайте мне, предки, чем память жива,
Где плоды ваших рук, торжество урожая,
И каких откровений высоких слова
Вы оставили миру, столетья сближая?

В философско-эстетическом плане поэт принимал жизнь как перспективу творчества, ибо культура каждого народа включает в себя компоненты духовного развития всего человечества. Кочевники же почти ничего не дали будущему народов Восточной Европы:

Где он, вашим стараньем построенный кров?
Где они, мастеров и строителей вежи?
Или только одна лишь пролитая кровь
На косматом пожарище ради утех?

Полет воображения, озаривший годы седой древности, событий и дел далеких предков, очень близок к тому, о

чем писал византийский писатель XII в. Евстафий Солунский о внезапных наездах конных половецких отрядов, грабеже и опустошении окрестных городов и сел: «В один миг половец близко, — писал он, — и вот уже его нет. Сделал наезд и, стремглав, с полными руками, хватается за поводья, понукает коня ногами и бичом и вихрем несется далее, как бы желая перегнать быструю птицу. Его еще не успели увидеть, а он уже скрылся из глаз»².

В «Половецкой луне» поэт отдал должное отваге, смелости, удалству, находчивости в боях и сражениях половецких воинов, их мужественному презрению к смерти:

Мой предок, закаленный на войне,
Считая храбрость выше всяких правил,
Сидел, как тигр, на бешеном коне,
И злую гибель ни во что не ставил.

Но какая цена этому, если в результате многочисленных набегов половцев зарастали травой села, города, цветущие нивы? Безрадостные картины разорения, бесчисленные кровопролития, встававшие в воображении, — все это вызывало справедливую горечь потомка, который судил прошлое строгим судом гуманиста-просветителя:

Над временем, самим себе указ,
Поет стрела, как варварская лира.
Я знаю вашу храбрость. Но у вас
Я не нашел Спинозы и Шекспира.

.
В степи полынной затерялся след.
Развеян прах. И сквозь тоску столетий
Из ваших дней идет печальный свет
В мою судьбу, в мои раздумья эти, —

таким горьким, но справедливым укором пронизаны строки, в которых поэт выражал свое представление о сути и смысле человеческого существования.

Я смотрю на луну. Я раздумьем томим.
Нету судьбам прошедшего ясного счета.
Те, что шли через гибель под ликом твоим,
На земле этой сами оставили что-то?

Это уже современное решение темы прошлого, издавна волновавшей мыслителей и художников, поскольку в процессе исторического развития преемственность культуры является основой прогресса, важным фактором развития народов и человеческой личности. Тема эта получила нравственное и светлое толкование в «Половецкой луне». Моральная взыскательность, вложенная в уста лирического повествователя («Я раздумьем томим. Нету судьбам прошедшего ясного счета»), бескомпромиссная оценка разных этапов жизни человечества подсказаны поэту общечеловеческими идеалами. Он как бы вместе со своим героем прошел дорогами далекого времени, преисполненный высокой любви к людям:

Мне горек запах ваших пепелищ.
Моя душа — чужой бедою слеpla.
И свой очаг я — голоден и нищ —
В годину горя возводил из пепла.

И я судить вас строго не могу.
У времени — законы жизни строги.
И разные в единственном кругу —
Судьбою перекрещены дороги.

«Читая «Половецкую луну», понимаешь, — писал М. Лавров, — что «На поле Куликовом» Блока стало тем камертоном, по которому настраивался и проверялся цикл. Ощущение минувшего здесь близко к блоковскому — не археологическими усилиями восстановленная картина истории, а скорее прозрением истории, в котором давнее и сегодняшнее так слиты, что не разорвешь, не выступишь в хронологический ряд. Волны эпох не идут одна за другой, а схлестываются, сливаются воедино. Мир, воссозданный поэтом, обобщен и трагичен»³.

Лирические строфы о жизни далеких предков — половцев — перерастают в поэтическое раздумье о современности. Живой струей входило прошлое в поток сегодняшней жизни. Стихи, начавшиеся воспоминаниями кочевника о нашествиях, заканчивались скорбным рекевием в час его смерти:

Ни правых, ни виновных. Ночь темна.
И нет на свете ни зимы, ни лета.

Качается кровавая луна
И в черном небе пропадает где-то.

Единственный свидетель человеческой трагедии — кровавая луна в черном небе. Смерть воина символизировала трудную победу поздно прозревшего разума: трагический исход был предрешен железной волей жестокого хана, хотя никто из его подданных не хотел умирать. Каждый, уходя в поход, надеялся вернуться вновь к своим любимым «по доброй воле рока». Но большинство осталось на поле брани, там, где «красной кровью намокла трава». Вот начало цикла стихов:

Освещается степь половецкой луной.
Облака, словно сны, беспокойны и рваны.
Красной кровью намокла трава подо мной.
И пылают мои обнаженные раны.

.

Я смотрю в этот лик половецкой луны,
Проклиная железную ханскую волю.
И в наплыве застывшей, как кровь, тишины
Я надежде своей умереть не позволю.

За драматическим накалом мыслей и чувств героя ощущалось волнение нашего современника, скорбь о тех, которые, по словам поэта, «умели тихо и сурово переносить утраты острой боль». Так естественно и органично входили судьбы людей прошлых поколений в духовный мир человека второй половины XX в. Это уже присущий именно ему строй мыслей — мыслей гуманиста, для которого страдания людей Земли неотделимы от его собственных:

Ваша боль, ваши раны — на теле моем.
Ваши судьбы меня окружают стеною.
Я к траве припадаю, пронзенный огнем,
Пригвожденный к земле оперенной стрелой⁴.

Социально-историческое, личное и психологически-эмоциональное сливалось в целостное лироэпическое повествование. Лирическое постижение истории осуществлялось через образ автора. Его мысли и чувства состав-

ляли главное содержание цикла стихов «Половецкая луна». Структура произведения, в рамках которой равноправно звучали голоса героя и поэта, становилась характерной для лирики второй половины XX в. и, в частности, для поэзии Кайсына Кулиева.

Хотелось бы отметить и еще одну особенность поэзии горского поэта. Голос истории в этом цикле как бы предупреждал об опасности, которая может разразиться над миром:

И я скачу. И крови жаждет хан.
И кровь течет и сохнет на кургане.
И вороны летят через туман,
И черные орлы кричат в тумане.

Образы черных орлов и воронов в художественной системе балкарского поэта, как и в родном фольклоре и в устном народном творчестве других народов, выражают тревогу души, недоброе предчувствие. Черный ворон связан с народными представлениями о «злой судьбе», о несчастье. Таков же символический смысл этого образа и в «Половецкой луне». Он предостерегал, будоражил мысль, напоминал об ответственности за будущее. Фольклорная образность и историзм поэтического мышления Кулиева утверждали те жизненные идеалы, то отношение к действительности, какие выражены и в устном народном творчестве. Кайсын Кулиев как поэт-мыслитель и гуманист не мог быть равнодушным к будущему, которое он видел в данном случае в свете прошлого и настоящего своей Родины. Это позиция действенного гуманизма, один из ведущих принципов реалистического искусства.

Цикл «Половецкая луна» проникнут пафосом гуманистического миропонимания. Говоря о социально-нравственных проблемах прошлого, Кайсын Кулиев отстаивал одну из высших человеческих ценностей – мирную жизнь на земле, взаимопонимание народов, их братство и взаимопомощь, то есть то, что на рубеже XX и XXI вв. звучит столь актуально, когда внутри государств возникают локальные войны и почти во многих странах терроризм правит бал и стал как бы нормой жизни. Мысли Кулиева о доброте и мужестве, верности и добрососедстве

со всеми, кто рядом, благородно действуют и оберегают людей от жестокости, насилия, призывая к общему гуманистическому пути развития в мире.

Своеобразие внутреннего строения цикла стихов позволило ему достоверно передать связь времен. Это произведение, по признанию его автора, «тесно соприкасается с сегодняшними чувствами, мыслями, тревогами моих современников»⁵.

¹ Лаэров В. Михаил Дудин. Очерк поэзии. Л., 1976. С. 134.

² Голубовский П. Печенеги, турки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884. С. 80.

³ Лаэров В. Указ. соч. С. 13.

⁴ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т./Пер. М. Дудина. М., 1977. Т. 2. С. 239.

⁵ Литературная газета. 1974. 13 ноября.

Т. Е. Эфендиева

СВЕТ ИСКАНЬЯ

Рецензия на сборник стихов
«Колосья и звезды». Кабардино-Балкарская правда. 1980.
29 августа.

«Свет исканья, вдохновенья, взлета, озаряй, не покидай меня!» — такими словами лауреат Государственной премии СССР Кайсын Кулиев заканчивает одно из стихотворений в новом сборнике «Колосья и звезды» (М.: Современник, 1979). Поэт ставит тему «Человек и общество» целью художественного исследования в нем. Отчетливо прослеживается концепция совершенствования личности, ее духовно-нравственный облик. Возьмем первые стихи этой книги, написанные поэтом в 1935–1938 гг. Это художественные зарисовки, сделанные на основе детских и юношеских впечатлений, но в них уже заметны подлинные поэтические находки. В «Песенке горной речушки», «Лейле», стихотворениях «В горах», «Утро мне

всего милее», «Мальчик и теленок», «Здравствуй, утро!», «Аробщик», «Мальчики и козлята» и других этой поры отразилось биение сердца родной земли, бесценные пейзажи малой родины, о которой непрестанно думал поэт:

Ночью над равниной спящей Кабарды
Ветер поднимает снеговые тучи
И несет их в горы, будто белый дым,
На землю летящий от звезды падучей.
Тишина в горах. Живое все уснуло.
Даже спит орел в заснеженном гнезде.
Только мне не спится. Выйдя из аула,
Я бреду ущельем с мыслью о тебе.

Перевел Ю. Столяров

Поток утреннего света окрылял восемнадцатилетнего поэта, и для описания непосредственных впечатлений, своего душевного состояния он находил точные и яркие выражения:

Утро мне всего милее.
Я люблю глаза ребячьи,
Осовелые спросонок.
Я люблю в окно послушать
Птичий гомон и возню.
Скоро в комнате запахнет
Свежевыпеченным хлебом
И вареной кукурузой,
И согреется подойник
От парного молока.

Перевел Е. Елисеев

Само звучание и подбор слов («птичий гомон», «свежевыпеченный хлеб», «парное молоко», «вареная кукуруза», «звонкие сады», «свежий ветер», «ясное небо») говорили о радости приобщения горского мальчика к жизни, о его мироощущении природы, односельчан. Показательным является стихотворение «Аробщик», в котором и горец, и его арба как необходимое средство передвижения в горах воспеты поэтом среди окружающей их природы: «Залиты горы светом луны. Возле дороги лежат валуны. Медленно тащится вол круторогий.

Едет аробщик по лунной дороге... Рад он высокой луне и прохладе. Горы клубятся туманные сзади». Ему радостно, спокойно, и он поет нескончаемую песню про то, что видит. Слушают его деревья («внимают дубы») и животные: медведица в чаще, «зайцы, лисицы; слушают совы, которым не спится». Песенка и само стихотворение овеяны светлым миропониманием. Вся палитра художественных средств в стихах Кулиева этой поры «работала» на показ светлых сторон жизни односельчан, на изображение морального состояния общества в целом и каждого горского труженика в отдельности.

Почти каждый художественный образ в ранней лирике Кайсына Кулиева являлся индивидуальным носителем национального самосознания, национальной психологии, быта, культуры 30-х. гг. От ранних взглядов Кулиева на человека и общество, в котором он находился, протягивались нити к дальнейшей его художественной концепции личности. Идеино-эстетические принципы творчества поэта иные начинания с сороковых годов, времени начала Второй мировой войны.

Второй период развития художественной концепции личности в творчестве Кулиева — это период Великой Отечественной войны, ознаменованный созданием поэм, баллад, цикла стихов о воине-защитнике Родины. В этом сборнике помещены стихи военной тематики. «Перед боем», «Сегодня стих мой — беспощадный бой...», «Жизнь, я твой сын...», «Поэты», «Дороги», «Всегда гордился тем, что горец я!», «Земля моя», «Дедовский дом», «Слово сердца» и другие выражали уже иные чувства и настроения поэта, сражавшегося на фронте вместе с другими бойцами героической армии. Поэт шел по нескончаемым трудным военным дорогам и думал о своих близких в родном крае.

Я стосковался по родным дорогам,
Дорогам, обнимающим хребты,
Как песня, к свежим рвущимся отрогам
И падающим в бездну с высоты.
Закрыв глаза, вновь вижу дождь весенний,
Развилку горных глинистых дорог.
В грязи машина. Конь усталый в пене,
Навстречу — смуглый молодой ездок.

Перевел Д. Голубков

В военный период раскрывался во всей полноте и многогранности духовный облик героя-воина, и кулиевский художественный характер представлял собой отражение общего и индивидуального, того, что было в действительности советского бойца, представителя многонациональной России. Строки «Я, твой верный сын, беру оружие. Боль твоя моею стала раною» выражали подлинно гражданское понимание сути дела. Эти строки из стихотворения «Жизнь, я твой сын». Обращаясь к ней, поэт писал, что все радостное осталось позади, «война сковала землю стужей, жизнь, печаль пришла к тебе неожиданная». Жизнь – Родина – Мать. Эти понятия в творческом сознании поэта равносильны и равновелики. Ничего не может быть дороже их, за них бьются насмерть воины – защитники Отечества – ради жизни на земле и своих близких.

Мать моя! Вмещает сердце воина
Песнь твою, и пляску, и страдания,
И любовь сыновняя удвоена
Материнской сединою раннею.

Перевел Д. Голубков

Внутренним стержнем поэтического сборника «Колосья и звезды» являлся процесс становления и формирования нравственно цельной личности, оптимистический пафос и жизнелюбие которой вытекали из самых глубин бытия защитника Родины, высокие идеалы которого сформировались уже в предвоенные годы. В военной лирике Кайсына Кулиева («Слово сердца», «Жить!», «Самое дорогое», «Горы мои») личность человека, участника Великой Отечественной войны, показывалась в двойном освещении: со стороны среды и автора, коллектива и индивидуума. Среда в стихах Кулиева того времени – не только военная обстановка, окопы и боевые товарищи по оружию, отступления и победы, бои и короткие передышки между сражениями, но и те социально-исторические и нравственно-политические факторы, которые определяли поступки и действия солдат и тружеников, ковавших победу в тылу. «Горит родной аул. И слышен плач и женщин, и детей...

На пепелищах трубы лишь торчат,
Разрушен мирных очагов уют.
Нахмураясь, скалы грозные молчат,
Как будто клятву отомстить дают.

Перевел М. Зенкевич

Мирный житель села превращался в грозного мстителя, в стойкого защитника своего края:

Он за серебряную рукоять
Кинжал из ножен вынул, подержал,
Взглянул на лезвие. В ножны опять,
Ни слова не сказав, вложил кинжал.

Это стихотворение было написано в 1942 г. и называлось оно «Клятва», как и у многих советских поэтов военной поры – М. Бажана, С. Вургуна, К. Симонова и др.

Гуманистическое созидательное начало война на фронте, партизана в тылу врага проявлялось не только в связи с внешним миром, но и по отношению к товарищам, к людям тех народов, свободу которым они несли. Эта мысль ярко выражена в стихотворении «Всегда гордился тем, что горец я!». Самые первые строки этого стихотворения обращены к людям завоеванных фашистами стран с уверениями, что российские солдаты будут сражаться и за их свободу, так как они являются носителями гуманистических идей, содружества и взаимопонимания. Хотя для них и нет ничего дороже отчего края.

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я!

Так писал Кайсын Кулиев в тяжелом для советских людей 1942 г., когда до Великой Победы было еще далеко.

Качественный сдвиг в гуманистической концепции личности Кулиева произошел на третьем этапе, уже после войны, когда он и его народ находились в ссылке, вдали от тех мест, которые сыны Балкарии отважно защищали; и в 60-е – 70-е гг., в период расцвета поэтического таланта, самого благополучного времени для творческой

работы поэта. В сборнике стихов «Колосья и звезды» это тоже нашло отражение – все события, думы и настроения горцев, их печаль на чужбине, радость возвращения передавалось через творческое сознание и воображение Кулиева.

Года уходят навсегда,
Они, как ливни, иссякают.
Подобно ливням, и года
Неодинаковы бывают,
Года бывают как дожди,
И проливные и скупые,
Года похожи на дожди:
Бывают добрые и злые.

Перевел Н. Гребнев

Кулиев конкретизировал свои представления об эстетическом идеале, связав их с этапами жизни балкарского народа, с теми изменениями, которые произошли в социально-экономической и культурно-политической жизни народов нашей многонациональной страны. А произошло многое: кончилась сталинская эпоха, началась иная, с быстрой сменой руководителей Советского государства; на духовную жизнь людей стали влиять многие объективные и субъективные факторы. Поэт итожил виденное и переосмысленное: «Какой бы сила ни была, есть сила и над ней. Хоть дуб силен, а все ж пила его ствола сильней». (Из стихотворения «Какой бы сила ни была...»)

Во многих стихах этого сборника Кулиева сила духа представала как основной критерий оценки личности, и композиция книги подчинялась этой задаче. Всей сути кулиевского поэтического мироощущения близки слова, сказанные деревом человеку, когда он спросил его: «... а чтоб ты от меня хотело? Чтоб корни глубоко пустив, стоя жить и умирать учился!..»

Человек и малая родина – тема многогранная, и она тоже прошла через творческое сознание поэта. Для него родной очаг – это святыня, как и мать, которая дала ему жизнь и воспитала его. «Огонь очага» – о любви поэта, о том, что все дороги в мир ведут из родного дома, он опора в нелегком пути каждого человека и его надежда:

Очаг родной, гори светлей!
В тепле твоём живут
Заботы наших матерей,
Отцов суровый труд.

Горит очаг, — и песнь жива,
И сыт мой отчий край.
Шепчу молитвенно слова,
Очаг, не остывай!

Перевела Ю. Нейман

Сложная диалектика жизненного опыта по-разному преломлялась в лирических стихах поэта — от грустно-трагических нот до жизнеутверждающего пафоса:

Моя бывшая спутница — беда,
Привыкшая считать мои потери,
Вот ты опять, как в прошлые года,
В мой дом вошла, не постучавшись в двери...

Лейтмотив личной грусти не так уж част в стихах поэта, а если он и встречался на страницах этого поэтического сборника, то не снижал оттенок положительного в характере лирического героя. Идея мужественной сдержанности лирического героя давно присуща поэзии Кайсына Кулиева. Проникая в сложный мир человеческих переживаний, Кулиев успешно осваивал глубины духовности личности, показывая ее мужество и слабость.

Богатый интеллектуальный мир своих современников Кулиев успешно продемонстрировал на страницах поэтического сборника «Колосья и звезды». В нем поэт как бы заново показал человека на войне, в мирной жизни, в плену трагических обстоятельств, в выборе ложного и истинного пути, в борьбе со стихийными силами природы. Духовные возможности, ответственность и стойкость людей — вот что воспевал поэт и утверждал художественным словом. Самое ценное в этом поэтическом сборнике, на наш взгляд, то, что диалектическое единство общечеловеческих начал художественно обобщено и воплощено поэтом в действиях и поступках, чувствах и мыслях героя, ровесника Кулиева, носителя гуманистических идей и нравственных ценностей, накопленных человечеством.

ИЗ ОПЫТА БЫТИЯ

Образы отчего дома, детства, матери-горянки давние в поэзии Кайсына Кулиева. Они составляют главную поэтическую суть сборника стихов «Краса земная» (М.: Сов. Россия, 1980), его фундамент и философское содержание. Эпиграфом ко всему сборнику взяты удивительно проникновенные и волнующие своей эстетической и нравственной значимостью слова Симона Чиковани «И, как знамена, пулями простреленные, мои раздумья реют надо мной».

Мир детства и родной земли – это целая философская система Кулиева, через которую он устанавливает связь своих постоянных, полюбившихся образов с конкретным проявлением поэтических раздумий и миром разнообразных чувств.

Сборник избранной лирики открывается стихотворением «Мать принесла воды из родника», написанном поэтом в 1936 г., когда ему минуло только девятнадцать лет. Стихи этой поры – чистые и светлые. Они радуют читателя особым отношением к миру бытия, к односельчанам. Это «Девушка набирает воду» (1940), «Дождь застал нас в дороге» (1940) и другие. В них отразилось отношение к родной природе, которая помогала молодому поэту выразить непосредственные впечатления, душевное состояние и переживания юношеских лет. Радость общения с зарей, утренним солнцем, зелеными деревьями, горной речкой переполняло душу поэта радостью бытия, чувством восторга и непосредственно выливалось в строки лирических стихов.

Мать принесла воды из родника,
А солнце только-только поднялось,
Порозовели в небе облака,
Расцвел в саду красавец абрикос.

Лучшая пора жизни человека – это ее начало, истоки, то есть пора детства. Все лучшее начинается с него. Именно тогда в душе маленького человека прорастают семена добра, справедливости, сопереживания, честности, благо-

родства. Детская и юношеская свежесть чувств сохраняется надолго в стихах поэта о матери-старушке, отцовском очаге, об ушедшем детстве, особенно в таких, как «Мать», «Я вижу, мама, день весенний...», «Голову уткнув тебе в колени...», «Свой дом я вспоминаю очень часто...», «Речки детства». Свое личностное, творческое восприятие мира детства Кулиев художественно воплотил в стихотворении «И я, бывало, покидал свой дом...»

И я, бывало, покидал свой дом,
Свой отчий двор, свой мир в краю родном,
Где обгорели тополя, как свечи,
Где после жатвы не было снопов,
А над потоком не было мостов,
И стыло слово на родном наречье.

Время это — не пора детства, а трагедия войны и насильственной высылки балкарского народа в среднеазиатские дали. Поэтому следующее четверостишие о том, что было пережито и сохранилось в исторической памяти народа:

Все это было и прошло давно,
Огонь войны, скитанье на чужбине,
Но по ночам я вижу и поныне
Все, что познать мне было суждено.

Но стихотворение это не о горечи и народной боли. Оно о другом:

У человека должен быть свой дом,
Свой отчий двор, свой мир в краю родном.
Жить человек не может по-другому.
Пусть человек всегда живет в тепле:
В конце концов любовь ко всей земле
Берет исток в любви к родному дому.

Об этом высоком и святом чувстве к родине и писал поэт. Родина — она как мать — одна у человека. Поэт делился выстраданными мыслями со своим поколением — ровесниками — и теми, кто только вступал в жизнь, для которых общечеловеческое, гуманное вырастало из определенной социальной и национальной почвы: «У

человека должен быть свой дом, свой отчий край, свой мир в краю родном, жить человек не может по-другому».

Непостижимо прекрасная пора детства и юности для поэта миновала давным-давно, но Кулиев вновь и вновь обращался к ней. Благодаря этой поре жизни, мастер стиха уже иными категориями, художественно выделяя общее от отдельного, сущность — от явления, исходил из определенного опыта бытия, того, что было ему близко, пережито лично им. Стихи эти с глубоким подтекстом, богатством оттенков, окрашенных в разные тона мысли и чувства — от философски мудрых рассуждений до горестных констатаций. Таким и явилось стихотворение «В гнездо я вернулся, в отеческий дом...» (1974). В нем поэтическая волна воспоминаний близка и понятна каждому, как лично прочувствованное и пережитое:

.
Плывут облака, исчезая вдали,
Проходят, как всякая малость.
Вот так и мои испытанья прошли,
Лишь горькая память осталась.

Через воспоминания о родном доме поэт подводил читателя к убеждению — беречь в себе сокровенное: любовь к родному очагу, матери, близким людям, ибо любовь к ним — это, в конечном счете, любовь к Отечеству, матери-России. В стихах этой тематики много от личности автора. Порой кажется, что поэт рассказывает о себе и о том, дорогом для него, человеке, которого больше нет на свете, но его вечная, безоглядная, великая любовь по-прежнему согревает сына. Это прежде всего Мать. «... будто, мама, ты жива, будто я не стар еще, не болен...» И как встарь «... голову уткнув тебе в колени, я дремал, я знал: со мною мать. Никогда в подобном упоенье после не случилось мне дремать» (1975).

Почти через весь сборник стихов «Краса земная» проходит образ матери. Мать в его лирике, как и земля, несет благодать, она — начало жизни. Женщина-мать дает «истоки жизни каждому из нас», чистоту стремлений и замыслов («О матери и жены, видно, чище нет наших душ, что вырастили вы»), силу дерзаний («Слабые руки,

вы силой своей нас окрыляли»). Мать дарует жизнь человеку, ожидает его первые шаги и слова, она в большом и малом верна всю жизнь благородному назначению человека. Воспевая женщину-мать и чувства к ней, Кулиев утверждал неубывающую самоотверженность, молодость человеческого сердца, благородство поступков. «Я знаю: если женщина жива, земля не может вымереть навечно», — писал поэт. Женщина в его поэзии — это великая Мать, родоначальница жизни, кормилица, радетьница; в ее руках судьба детей, мирный очаг, счастье семьи. Женщина — чудо, и ее земная красота согревает и волнует сердца. Такой она предстает в небольших поэмах этого лирического сборника стихов Кулиева, особенно в таких, как «Говорю Лейле в Чегеме» и «Вечерняя звезда».

В лирических стихах о матери-старушке Кулиев шел от малого клочка земли родного аула, горянки, сидящей на камне и ожидающей сына, к широким обобщениям, к тому, что приобретало общечеловеческое значение. Так, в стихотворении «Мать» святое чувство любви к земле отцов и дедов связано с широтой мировидения истинного художника слова, для которого его внутренний духовный мир и большой мир жизни людей едины.

Проходит Мать, идет издалека
Через века, поля и пепелища,
Идет от сотворенья, как сейчас,
Неся в руках могучих, хоть и тонких,
Истоки жизни каждого из нас...

Это органическое единство национального и общечеловеческого находило отражение во многих стихах Кулиева, в которых образ женщины-матери по величию чувства и силе, заключенной в нем, по глубине всеохватывающей любви равновелик в сознании поэта образу Матери-Родины. «Все радости земли, все горести и раны проходят сквозь тебя, все в сердце носишь ты».

Другая, не менее глубокая мысль избранной лирики «Краса земная» — это художественное осмысление категории времени, тесно связанной с образом детства и юности. «Мир детства — с ним навечно расставанье ...» Это

грустное «навечно» встречается и в стихотворении о лунорогих быках: «Может, вы, как детство, далеки и навечно ваше расставанье?» Подобные строки не исключают нот грусти и горького сознания о необратимости процессов времени. Но безнадежности нет. Категория времени выступает у Кулиева в системе художественных образов не как отвлеченное философское понятие, а как реальный процесс жизни и изменяемости мира: «Я кричу уходящему времени вслед: – Возврати мне надежды, что были вначале! – Я ответа прошу у безжалостных лет: – Вы куда моих лучших друзей разметали?» Формула времени в художественном бытовании поэта не исчерпывается только временной протяженностью; в большинстве стихотворений Кулиева речь идет о нравственно-философском восприятии времени, как у Шекспира в его строке «И дольше века длится день». Время у Кулиева – это связующая нить между прошлым и настоящим, когда ясно ощущается причастность самого поэта к всеобщей судьбе людей; поэтому радостный взгляд на преобразующийся светлый мир вскоре сменяется горькими раздумьями о быстротечности человеческой жизни: «Знаю, знаю, потом повторится не раз шум дождя, шорох листьев и запах коры – все без нас, как без тех, кто ушел раньше нас» («Помолчим у горы»). Властное вмешательство времени в человеческую жизнь не вызывало у поэта чувства обреченности. Драматический аспект в общем контексте стиха всегда почти неразрывно связан с верой в то, что не все на свете преходяще. Есть нравственные ценности, которые остаются всегда, есть величие человеческого познания мира, постижение его, есть одухотворенность в работе. «Меня работа ждет и манят дали, я столько строк еще не дописал...» или: «Пусть горе пред тобой не застит свет: жизнь – это смена радостей и бед».

В целом сборник стихов Кайсына Кулиева «Краса земная» проникнут обостренным, неутолимым прятием жизни, всей красы и совершенства природы, единством простоты и величия человеческих дел. И тот, кто возьмет в руки эту книгу, тот поймет, что поэт писал ее с думой о своем времени, о красе земной.

Литературные новинки, 1980

ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ (Стихи военных лет)

Статья была опубликована в связи с Международным женским Днем 8 Марта. Кабардино-Балкарская правда, 1983. 7 марта.

Тема любви к женщине постоянно была одной из ведущих в балкарской поэзии. С особой силой она прозвучала в годы Великой Отечественной войны. Керим Отаров, Кайсын Кулиев, Максим Геттуев, Азрет Будаев, Жанакаит Залиханов и другие глубоко понимали, что во имя самых высоких идеалов жила и боролась в эти годы женщина-горянка. В своих стихах они воспели и прославили ее.

Большой задушевностью отличались стихи Керима Отарова, обращенные к любимой и матери. Он писал:

Мы бьемся за все,
что нам близко и дорого в жизни, —
За радость детей, за свободу и счастье страны.
Но в сердце своем рядом с именем громким Отчизны
Я имя твоё пронесу по дорогам войны.

Поэт действительно прошел по суровым фронтовым дорогам, закалился в огне боев, сформировался как личность. И стихи его, обращенные к любимой женщине и матери, звучали мужественно и призывно, когда солдаты, «приняв без страха тысячу смертей, шли вперед по самому крутому и трудному из всех земных путей».

Задушевностью лирического склада отличались стихи «Письмо матери» (1942), «После боя» (1942), «Эшелон» (1942). К ним — женам, матерям, сестрам, ковавшим победу в тылу, — обращался лирический герой:

О матери, я вижу ваши лица,
Глаза я вижу ваши пред собой,

Вам эта ночь, наверное, приснится,
Когда уже окончен будет бой¹.

Перевел А. Заяц

Стремление к усилению идейно-эстетической значимости образа матери выражалось у Отарова не в частной теме личного характера, а через общенародные чувства и переживания. Изменились его стихи и о любимой. Одни и те же вариации первоначальной темы «любовь – грусть», «любовь – надежда», «любовь – светлая мечта», отдельные наблюдения и выводы сменялись более глубокими замыслами. Да и сам лирический герой стал более полноценным как личность. Он уже прошагал по изнурявшим фронтовым дорогам, повзрослел, переступил ту качественную ступень, которая отделяла его от конца 30-х гг. «Глаза любимых, дружеские руки...» написано в 1943 г. Оно о войне и о любви, о лучших человеческих качествах, о женщинах тыла:

Они сердца спасали от печали,
И, нас благословляя на борьбу,
Своим прикосновеньем облегчали
Суровую солдатскую судьбу².

Перевел С. Виленский

Стихи «Вдали от тебя» – глубоко личностные, посвященные жене Назифе Мокаевой. Они написаны на основе того, что происходило с поэтом в 1941–1942 гг. Острая память поэта позволяла ему говорить в двух планах: о былом, то есть о мирной жизни, «о том счастливом, давнем дне» и о сегодняшнем, то есть о войне, когда «злобствует враг» и идут бои. В первых трех частях цикла стихов речь шла главным образом о женщине, в любовь которой поэт глубоко верил и ждал встречи с ней («Как в победу я верю свято, я свято верю во встречу с тобой!»). И все его искренние откровения и подлинные переживания адресованы единственной, верной подруге жизни, любовь которой для него стала синонимом жизни, духовной опорой и большой силой. «Глаза любимых, дружеские руки...» были для воинов своеобразным духовным оружием, моральной поддержкой и силой.

...были между нами
И песней, что навеки дорога,
И крыльями, и острыми штыками,
Направленными прямо в грудь врага³.

Перевел С. Виленский

Ощущение причастности к общенародной борьбе, к единой цели — победить врага — давало Кериму Отарову моральное право говорить и писать от имени всех защитников Родины. Сугубо личное становилось в его стихах близким для многих.

В стихах Отарова, как и у многих других поэтов-фронтовиков, чувства к любимой и родине сливались в единое целое. Поэтому встречавшееся в стихах «ты» одновременно относилось и к родной земле, и к женщине-матери. Сугубо личное становилось в контексте стиха близким для многих, и частная судьба вырастала до общенародной, женской доли. Вот эти цельные и нераздельные думы солдата:

Как сон далекий — то прощанье,
Я оставлял тебя одну;
Твою любовь, твои страданья
С собой унес я на войну.

Или:

Подобно солдатам, что путь завершив,
Домой возвратиться спешат,
К тебе возвращаются мысли мои
На тысячу верст назад⁴.

Перевели С. Виленский и Я. Серпин

Кайсын Кулиев в лирических стихах «Любимой с фронта в первый год войны» (1941), «Девушке с Севера» (1942), «Лампочка из гильзы от снаряда...» (1943), «Цветы на фронте» (1943), «Я в первый год войны жестокой...» (1943), «Далека ты. Снег идет...» (1943) создал ряд пленительных женских образов. Некоторые из них написаны в форме признания, лирического монолога, воспоминания о встречах и расставаниях, призыва быть верной и мужественной. Иногда повествовательные сюжеты органично переходили в лирическую исповедальность, в ав-

торские отступления. Уже после войны не раз вспоминал поэт своего боевого друга, военврача В. М. Сидорову. Он написал стихотворение о первой встрече с этой замечательной девушкой, которая после окончания мединститута пошла на фронт и спасала жизнь солдат. Здесь она случайно встретилась с поэтом, когда в перерыве между боями он читал в хатке стихи своего любимого поэта Сергея Есенина притихшим солдатам. Когда он закончил читать стихи, то увидел девушку, удивленно смотревшую на него. Оказалось, что она тихо вошла и села послушать, как читает стихи молодой горец Кайсын. «Так и состоялась наша встреча, наша дружба от нее пошла...»

Так сошлась с твоей моя дорога,
Девушка в шинели, милый друг,
Я тогда счастливей стал намного,
И стихи счастливей стали вдруг ⁵.

Перевел Н. Коржавин

Стихотворения о любви военной поры отличались мягким лиризмом, глубокой искренностью, задушевностью. Они обращены к женщинам, которые разделили суровую участь солдат-фронтовиков, вместе с ними сражались и умирали за Родину, за свободу народа, за детей и внуков своих.

Лирический герой фронтовой поэзии не ожесточился в тяжелых испытаниях, он сохранил в чистоте и пронес по дорогам войны глубокое чувство любви к женщине. Он не верил тому, кто говорил об оскудении чувств на войне:

Тот, кто говорит, что на войне
Забывает про любовь свою,
Говорят неправду. Ясно мне:
Никогда он не бывал в бою ⁶.

Перевела В. Звягинцева

Так писал Кулиев в 1941 г.

В одном из стихотворений Кулиева рассказывалось, как солдат собирал на поле цветы для своей любимой. Война и цветы. Этот контраст подчеркивал духовную красоту человека, который и на войне видел и понимал

жизнь, как что-то духовное и высшее. «Как часто о тебе мне снились сны. И сколько я собрал цветов лесных. Но не было тебя...» — писал с грустью поэт, понимая, что любимая далека и, может быть, не удастся никогда ей вручить цветы. Смерть на войне мгновенна, и случайная пуля или осколок снаряда всегда поджидали солдата. В стихотворении «Он не дошел до победы» (из цикла стихов «О тех, что не вернутся») Кулиев писал:

Упрямо шел, любя и ненавидя,
Стремясь к победе сквозь огонь и тьму.
В дыму войны улыбку сына видел,
И дни и ночи шел солдат к нему...⁷.

Перевел Д. Голубков

В пороховом дыму пожарищ, нескончаемых боев местного значения солдат не забывал дорогой образ. В своей любви он черпал уверенность в победе жизни над смертью. Чистоту, благородство чувств солдата, его гуманность, пронесенные сквозь жестокие испытания, Кулиев выразил с необычайной простотой, лиризмом и ясностью в «Песне о голубых глазах». В этом стихотворении поэт подчеркивал незримое слияние любви воина к Родине и к любимой девушке, которой он хотел бы спеть песню.

Мы степью шли, от жажды изнывая,
С трудом давался каждый шаг.
Закрыла небо туча грозная...
А друг мой пел о голубых глазах.

.

И я доныне помню песню эту...
Немало песен сложит мой народ.
Но песнь о голубых глазах допета.
Ее никто, как друг мой, не споет ⁸.

Перевел Д. Голубков

Известный поэт-фронтовик Дмитрий Кедрин одним из первых отметил тогда наличие в стихах Кайсына Кулиева героико-романтической и лирической интонации, его умение выразить в переживаниях солдата-горца тос-

ку по любимой и родному очагу как общенародное чувство.

Разными гранями отражалось чувство к женщине в стихах балкарских поэтов в годы войны. Но неизменно одно: это возвышенное и благородное чувство было в душе солдата превыше всего. Так, в стихотворении Кулиева «Сестре Мариам с фронта» (1943) эти чувства своеобразно переданы через восприятие мира и войны. Уставший солдат отдыхал после боя и мысленно был в родном краю. Он «видел парной туман в ущелье гор», зеленое пастбище на склоне дня, слышал шум Чегемского водопада, шаги матери во дворе домика. Но умом он понимал, что все это будет после победы, в которую неотступно верил. Была в этом стихотворении и другая мысль — о внутренних закономерностях, определивших нашу победу. Это неразрывная связь армии с народом, с теми женщинами-труженицами, которые ковали ее в тылу. Поэтому Кулиев, обращаясь к ним, уверенно сказал: «Нет, не в кармане — в сердце я берег послания родной земли. И если я живым остаться смог, не вы ль меня уберегли?!»

Образ Родины в стихах балкарских поэтов военных лет — это символ свободы, счастья отчего края. При этом часто выступал образ матери как образ родной земли, отчизны. В стихах этой тематики женщина-мать — это неустанная труженица, вдохновительница на ратные подвиги и достойные Отчизны дела. Образ матери-старушки отождествлялся с понятием Родины. «Жди меня с победою, Россия, добрая, заботливая мать», — писал М. Геттуев в стихотворении «Русская мать». В нем не только выражение благодарности той, которая нашла поэта «после боя у холма крутого», спасла его, выходила от ран. Здесь было и поэтическое осмысление побед Советской Армии, ее освободительной миссии и нравственной силы воевавшего народа.

Примечательны стихи Кулиева о матери, написанные им в 1941–1944 гг. В них преломлялась душевная близость с самым дорогим человеком, а через нее — с народом. Боль и страдания сыновей становились открытыми ранами матерей. Это нашло художественное отражение в небольшом стихотворении М. Геттуева «Его под Вязьмой осенью убили» (1944), в котором рассказывалось о

надломленной горем старушке, пережившей своего сына. Полное драматизма стихотворение кончается словами:

Он воевал — она была с ним рядом.
И вместе с ним под Вязьмой умерла.

Образ матери-горянки запечатлен во многих стихах Кулиева, так как только мать может реально оценить всю глубину народного горя, проявить твердость духа, вместить всепобеждавшую любовь к жизни, понять сына и успокоить его. Это она верила в возвращение сына, когда уставали ждать любимые и жены. Она подолгу глядела вечерами вдаль «на крутые камни дорог» и бесконечно ждала, что «скоро настанет осенняя тишь, выпадет снег, сын вернется в аул...» Обращаясь к матери в 1941 г. Кулиев писал:

Косы черные, мать, распусти,
Шаль на плечи накинй, не тужи,
Слушай песню, не плачь, не грусти.
«Я взрастила Кайсына, — скажи.
Быть свободным, как горный орел,
Научила я сына-певца,
Мной вскормленный, он смелость обрел.
Был он гордым орлом до конца»⁹.

Перевела В. Звягинцева

Не измерить и не подсчитать, сколько горя и бед испытали женщины в дни войны. Глубоко символично звучали слова Кулиева в 1942 г. о том, что

Деревья, как печальные горянки, —
Таковыми вспоминаются они,
Мне видятся на выжженной полянке
Угрюмые, обугленные пни.

«Жертвы, принесенные советским народом во имя защиты своих идеалов, обусловили его горячее стремление к миру, — говорила глава правительства Индии Индира Ганди». Справедливо также сказал Кайсын Кулиев: «Каждая пуля на войне поражает одну цель — сердце матери».

Нравственный потенциал военной балкарской лири-

ки, обращенный к женщине, имел и имеет большую эстетическую ценность и огромное воспитательное значение для людей всех возрастов.

¹ Отаров К. Годы и горы. М., 1966. С. 10.

² Отаров К. Дороги. М., 1959. С. 87.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 51.

⁵ Кулиев К. Горы. М., 1957. С. 191.

⁶ Там же. С. 195.

⁷ Там же. С. 145.

⁸ Там же. С. 150, 151.

⁹ Там же. С. 126, 127.

Т. Е. Эфендиева

«Я В БЛИЗКИХ И ДРУЗЬЯХ ОПОРУ НАХОЖУ...»

(Рецензия)

В Москве, в издательстве «Современник», вышла последняя прижизненная книга стихов Кайсына Кулиева «Говорю людям». В нее вошли произведения, написанные за последние годы, многие из которых проникнуты глубокой печалью, грустными думами, душевной болью: «Что поделаешь — день прошел. Вечер пасмурный наступил... Впереди зима. Ночь черна, как зима — бела...» (Из стихотворения «Впереди — ночь»).

Разумом поэт понимал, что во все времена и эпохи трагедия пребывала с человеком вечно, ибо это часть его жизни. Она неотделима от его бытия так же, как счастье, труд, мечты. Но сердцем он не мог принять эту дисгармонию жизни, поэтому восклицал: «Старость всех потрясений и бедствий страшней! Но выдерживает человек эту горькую встречу с ней» («И это выдерживает человек»).

Старость, болезнь, смерть не могут не волновать людей, поэта — тем более. Сердечная чуткость повелевала ему быть верным жизненной правде. Обращаясь к Алиму Кешокову в письме, написанном из больницы, Кулиев говорил:

И если, как пришел для дедов и отцов,
И как настал для всех, огнем сраженных вражьем,
Настанет и для нас неотвратим, суров,
Последний смертный час,— в одну мы землю ляжем.

Время уходит безвозвратно, оно быстротечно, и Кайсын это хорошо понимал: «Алим, мой друг, земляк, однополчанин мой! Бег дней неудержим, дух времени тревожен...» И поэт был готов к самым тяжелым испытаниям. Главная опора и поддержка в трудные дни — это его друзья. Они приносили больному радость и утешение. Кайсын был уверен в том, что пока они слышат голоса друг друга и пение горных рек, то «смерти злой коса» им «будет не страшна в своем замахе злобном».

Видимо, не случайно в самые печальные часы Кулиев обратился к Алиму Кешокову: «Тревоги не тая, играет жизнь опять на черной мне свирели. Я из больницы, брат, пишу тебе сейчас». Оба они были солдатами переднего края обороны в годы Великой Отечественной войны. Она и породнила их, связав узами дружбы и братства, когда оба шли тяжелыми фронтовыми дорогами по волжским просторам, украинским степям и крымской земле, истерзанными боями. Вспоминая об этих днях, Алим Кешоков рассказал о пройденном вместе пути, о том, что они видели и пережили. В автобиографической повести «Вид с белой горы» он писал: «...судьба свела меня с Кайсыном Кулиевым, с которым мы прошли вместе Донбасс, Сиваш и Крым... Кайсын сразу включился в редакционную жизнь. Очерк Кулиева «Труп убийцы», написанный по живым впечатлениям от фронтовых дорог, был высоко оценен читателями».

Не раз они спасали друг друга от смерти, когда форсировали Сиваш. И это не забыл поэт: «Я помню Перекоп, и злобный свист свинца, и пулю твою пробитую фуражку». Помнил он, как они лежали в сырых окопах, делясь последним глотком воды и щепоткой табака: «На фронте были мы поэзии верны, опасности деля и хлеб, и горстку соли». Так писал Кулиев из больницы и был уверен, что его правильно поймут, душевно поддержат в минуты горькой печали. Потому-то, может быть, в этом стихотворении, обращенном к Алиму Кешокову, поэт сказал:

«... словно на войне, я в близких и друзьях опору нахожу. Ты мне опора, брат мой!»

Трагические ноты лирики Кулиева последних лет, особенно сборника стихов «Говорю людям», объясняются рядом причин, одной из которых была его тяжелая, неизлечимая болезнь. Мучительная боль нашла свое выражение через разные художественные формы. Приемы, к которым прибегал поэт, просты и эффективны. Иногда он начинал с письма из больницы («Алиму Кешокову»), дружеского послания («Овцеводу Салиху Атоеву»), товарищеского совета («Только так» — Чингизу Айтматову), посвящения («Памяти Мирзо Турсун-заде», «Зимней ночью зову друга», «Памяти Аркадия Кулешова»), с какого-нибудь конкретного факта («Подарок друга» — о писателе Нурпеисове Абдижамиле), размышления о случайно услышанном разговоре («Случайный диалог»), с письма-обращения. Боль иногда носит чисто личностный характер, как, например, в стихотворении «Дни бывают на свете такие...»: «Я как будто куда-то бегу. Я такого мученья, о Боже, не хочу пожелать и врагу». Но чаще выступала формой гуманистической борьбы за мир, против атомной угрозы, за будущее каждого человека в таких стихотворениях, как «Дайте отдохнуть печали!», «Зимняя тетрадь»:

И за тебя, и за детей
Тревожусь в трудной жизни этой,
За всех детей на всей Земле
Боюсь я в этот час суровый.

Испытание болью нашло отзвук не только в самых дальних уголках души поэта, оно и в проявлении любви ко всему живому, в тревоге за будущее человечества: «Одиночество. Тишь. Больница. Ветер за окнами веет о том, что может жизнь испепелиться!». Тревога века становилась болью души поэта, поэтому в «Письме зарубежному другу» он восклицал: «О, дожить бы до дней, когда единогласно люди мира решат: быть войне уничтоженной!»

Мысль о продлении жизни для него лично и для других хотя бы на день билась и пульсировала почти в каждом стихотворении: «Мне, смертному, подарок — каждый

час твой, твой каждый день — награда для меня». Или вот его разговор с собакой («Моей собаке Бойнак»):

Я, Бойнак, не спешу умереть,
Возвращусь я домой, и с тобою
Будет солнце весною нас греть
И огонь нашей печки зимою.

Поэту чрезвычайно дороги воспоминания о детстве и родных местах, «где ему каждая тропка знакома», где «все ладно, просторно, добротно! Невозвратного детства места», о матери и земляках, о любимых женщинах и друзьях. Естественно, пронзительным чувством вошла глубокая печаль и великая любовь в стихотворении о той, что разделила с поэтом последние дни его жизни. Он горько сожалел, что так мало было отпущено судьбой им совместно прожитых лет: «О краткость наших дней, о краткость наших лет!»

Однако в целом стихи Кулиева светлые, оптимистические, мудрые. Они несли чистый, немеркнувший свет добра и благородства, справедливости и честности, мужества и взаимопонимания людей, проникнуты любовью к отчей земле, прославлением мира, труда, красоты жизни. Вот его стихотворение «Прислушайся к словам». Им начинал поэт книгу лирики и выбрал его не случайно:

Прислушайся к словам: «Сегодня снег идет», —
звук стерся дочерна, но как бела улада!
Прислушайся к словам: «Сегодня льется дождь», —
всего-то, а душа — свежей дождя и сада.

Прислушайся к словам: «Светает на земле», —
лицо — уже светло, еще темна природа.
Прислушайся к словам: «Звезда встает во мгле», —
и обретут слова значение небосвода.

Прислушайся к словам: «Печется хлеб в печи», —
Нет новости старей, и нет желанней вести.
Прислушайся к словам: «Горит огонь в ночи», —
при них тепло, светло, как при тепле и свете...

Книга лирики «Говорю людям» — результат большого напряжения творческой мысли, громадной силы воли и

неутомимого труда. Хотелось бы сказать доброе слово и в адрес переводчиков М. Дудина, Н. Гребнева, Ю. Виноградова, М. Синельникова, Б. Ахмадулиной, О. Чухонцева, Л. Шерешевского, Н. Кондаковой, Я. Акима, Д. Долинского. Видимо, они брали для переводов те стихи Кулиева, которые были близки им по душе, их духовным интересам. Работали они по подстрочникам, которые делал для них сам Кулиев, поэтому они были верны подлиннику, и переводы их выполнены на высоком поэтическом уровне, с максимальным приближением к оригиналу. Заслуживают похвалы и благодарности читателей редакторы С. Агальцов, А. Дианов, художник Р. Вейлерт.

Рецензия была опубликована в газете «Кабардино-Балкарская правда» 17 декабря 1985 г. К. Ш. Кулиев не читал эту рецензию: он умер 4 июня. Книгу он читал и был рад ее хорошему оформлению, любил красный цвет, красные гвоздики, багрово-красные восходы солнца и закаты...

Т. Е. Эфендиева

«...НАВСТРЕЧУ БУРЕ БОЕВОЙ»

(Заметки о военной лирике двух поэтов-фронтовиков)

К 40-летию Великой Победы

Кайсын Кулиев и Керим Отаров – поэты, которые сражались на фронте в годы Великой Отечественной войны не только винтовкой, но и художественным словом. Одному из них не удалось дожить до 40-летия Великой Победы. В 1974 г. Отарова не стало. В сороковые огневые, четко сознавая, в чем назначение советской поэзии, он писал в стихотворении «Верное слово солдата»:

Хороший стих – надежный друг бойца.
Он кровью храбрых пламенеет.
Он греет богатырские сердца
И слабых делает сильнее.

Перевел Д. Голубков

Оба поэта с первых дней войны находились в действующей армии. Керим воевал в пехотной дивизии на Брян-

ском фронте, служил офицером разведки, участвовал в боях в качестве командира стрелкового взвода, а Кайсын сражался в Прибалтике, потом под Сталинградом, в Донских степях и в Крыму. Уже в самом начале войны они познали тяжелые дороги отступления в пороховом дыму и пыли, ожесточенные оборонительные бои и короткие часы отдыха, когда на смену штыку приходила поэзия. Думая о тревожном времени, шагая по российским дорогам войны, Кулиев имел моральное право сказать, обращаясь ко всем литераторам Отечества, которые почти все по зову сердца сразу ушли в июне 1941 г. на фронт, кто военными корреспондентами, а кто — просто солдатом в пехоту или в партизанские отряды:

Я свой стих под воем шрапнели
Поднимал навстречу грозе,
Только губы мои бледнели
Над телами милых друзей.

Перевел В. Державин

Эти строки приведены из стихотворения «Жить!» (1942), когда фашистские полчища уже захватили многие города и области России и подошли к берегам Волги, над Эльбрусом тоже развевался черный флаг с фашистской свастикой. Поэтому Кулиев писал:

Хоть за горло горе схватило —
Горе мужеством победить!
Хоть беда наш день омрачила, —
Непокорствуя, в битве жить!

Перевел В. Державин

Высочайший подвиг тружеников фронта и тыла вошел в плоть и кровь художников слова, вызвав потребность рассказать о виденном, о собственных внутренних переживаниях, о чувствах поэтов-воинов, разделивших с народом все тяготы военной жизни.

Мы начатых поэм не дописали,
Мы с отчих гор ушли на зов войны.
Навстречу буре боевой мы встали,
Как верные Отечества сыны.

Перевел В. Лезик

Эти строки Кулиев писал на фронте, обращаясь к балкарскому поэту Кериму Отарову, но они обрели общенародное звучание, как и строки письма самого Отарова, адресованные Кулиеву в том же 1942 г.: «Многое выпало на нашу долю и многое пришлось пережить. Но будем верить: настанет день, когда коварный враг будет уничтожен и земля отдохнет после тяжких потрясений. Тогда мы снова встретимся и будем счастливы, что выполнили сыновний долг перед Родиной». Отаров писал прямо с полей сражений, рассказывая о зверствах фашистов в стихотворениях «Сожженная земля» (1942), «Разоренная деревня» (1942). Когда поэт писал об этом, он не знал, что каждый четвертый белорус погибнет в страшной войне. В «Разоренной деревне» — художественный отклик на боль и гнев Хатыни и сотен других деревень, уничтоженных врагом.

С бою взяли село на рассвете,
Не сдержал нас и шквал огневой.
С бою взяли село — и никто нас не встретил,
И души не отыщешь живой.
Где дымились приветливо трубы
И дома протянулись в ряд,
Там теперь, словно черные трупы,
Обгоревшие сосны торчат.

Перевели С. Виленский и Я. Серпин

Трагическое в стихах Отарова военных лет — это тоже как призыв к борьбе с врагом, констатация мужества, средство проникновения в духовный и нравственный мир рядового солдата на тяжелых дорогах военной поры. «Беглец и дорога» — одно из таких стихотворений, написанных в 1943 г. Драматична судьба солдата, попавшего в плен к фашистам, и только сильные духом, со жгучей болью в душе продолжали бороться в лагерях смерти, чтобы как-то выжить или убежать. И если одному из них удавался побег, он клялся: «Живым в фашистский лагерь меня не возвратить». Хотя каждый из них знал сталинское категоричное выражение: «Пленных нет, а есть предатели». Большинство в плен попадали не по своей воле: многие из них были тяжело ранены, контужены или вовсе без сознания.

Кайсын Кулиев, как и Керим Отаров, тоже писал о правде военного быта, где жизнь и смерть, радость и горе всегда шли рядом. Раскрывая мир чувств и переживаний солдат, они рассказывали об их героизме и самоотверженности. Сурово и просто писал Кулиев о войне:

В России снег, а здесь дожди. Беда!
Шинели и обмотки набухают.
В окопах грязь. И хлюпает вода,
Февраль дождливый по войне шагает.

А вечером — холодные ветра.
И все на свете сразу застывает.
Лежит солдат и мерзнет до утра...
Так трудно здесь победу добывают.

Перевел Н. Коржавин

Этот последний цикл стихов «Перекоп» Кулиев написал в 1944 г., году в личном плане для Кулиева трагическом: его народ, как и другие народы Северного Кавказа, насильственно выслали по особому указу в Среднюю Азию, в Казахстан.

В стихах военной поры Кулиева и Отарова, как и у многих российских поэтов, символические образы берез, матерей, родных полей, очагов, аулов, улусов, кишков были очень часто равносильны понятию Отчизны, за свободу которой тысячи людей шли на смерть. Так, в стихотворении «Земля моя» (1942) Кулиев писал:

Как бьется за свое гнездо орел,
Так буду за тебя сражаться я,
Я кровью напою твой каждый дол,
Умру, обняв тебя, земля моя!

Перевел Д. Кедрин

Показывая идейные и морально-политические качества воинов, защищавших свое Отечество, поэты говорили о главном: о том, что вдохновляло их на подвиги, что позволяло им одерживать победы в смертельной схватке с фашизмом, намного лучше вооруженном в техническом отношении и боевом снаряжении. Преданность Родине, народу, убеждение в справедливости защиты, лю-

бовь к своим близким и родном очагу, сплоченность всех наций и их непомерные усилия в тылу во имя грядущей победы — вот источники силы, которые позволили победить врага и освободить народы Европы от завоевателей.

Вот как об этом писал Керим Отаров:

В едином поднимались мы порыве
За правду нашу и за честь страны,
Мы защищали мир — и справедливей,
Чем битва эта, в мире нет войны.

Перевел С. Виленский

Радость грядущей Победы не могла быть омрачена горечью временных утрат. И лирико-эпические зарисовки военных событий часто приобретали под пером Отарова направляющую силу военного плаката с наказом или с призывом матерей, жён, детей. И часто любовь к матери была равносильным чувством к Родине. Так, обращаясь к Отчизне, Отаров писал в 1943 г.:

Как мать свою, спасая от удара,
Сын заслоняет от врагов, любя,—
Так в грозный час от пламени пожара
Мы заслоняли, Родина, тебя.

Перевел С. Виленский

Родина-мать и родной очаг — эти понятия в сознании бойца были равносильными, и любовь к ним была одинаковой. Умереть за Отчизну — это значило умереть за мать и родину предков. В национальном самосознании каждого бойца эти категории были неразделимы. Во имя их сражались и погибали, боролись и побеждали. Кайсын Кулиев еще в 1941 г. написал стихотворение «Перед боем». Когда через час каждого воина ждала смертельная опасность, он, вспоминая свой дом и своих родных, мысленно прощался с ними, со всем, что было так дорого его сердцу.

Через час начинается бой.
Мать, я вижу твой ласковый взгляд,
Ты глядишь на меня, ты со мной,
Вот морщины твой лоб бороздят...

Черноглазая смуглая мать,
В час, когда я, быть может, умру,
Любо имя твое повторять —
В нем я силы для битвы беру.

Перевела В. Звягинцева

Зрелость патриотического сознания воинов различных национальностей в годы войны измерялась степенью проявленного героизма, стойкости и мужества во имя защиты единой Родины, осознанности нравственного по самой дорогой цене выбора — драться до конца, до последних сил во имя будущей жизни и свободы, выполнить свой воинский долг перед теми, кто остался в тылу, — стариками, женщинами, детьми. Именно в этом видели Кулиев и Отаров, как и другие поэты России, залог Победы, когда писали в 1941–1942 гг. стихотворения «Россия» (Отаров), «Сосны России шумят» (Кулиев).

Художественное осмысление нравственной силы воющего народа не могло не привести к раздумьям о Родине-матери — России, ставшей в те годы символом нашей многонациональной Отчизны. Поэтическое решение темы интернациональной общности людей — советского народа в целом — звучало в произведениях Керима Отарова «Услышь меня, Россия!» (1943) и Кайсына Кулиева «Россия» (1942).

В публицистически агитационном стихотворении «Услышь меня, Россия!» Отаров обращался ко всему многонациональному народу своей страны в трудный сорок второй от имени горцев Кавказа с призывом верить, что в тесном союзе советские люди смогут отстоять свободу и независимость. Глубокая связь с русским народом, единые интересы опоэтизированы Кулиевым в стихотворении «Россия», в котором он заявил от имени горцев:

Мы любим тебя, как любит река
То море, где путь ее так просторен.
Россия! Россия для нас на века —
Как небо для звезд и поле для зерен.

Перевела В. Звягинцева

Керим Отаров в стихотворениях «Услышь меня, Россия!» и «Россия» стремился к воссозданию поэтического

образа старой и новой России с ее прогрессивными, патристическими и гуманистическими традициями, славным историческим прошлым. Поэт вспоминал минувшие столетия, когда русская земля подвергалась нашествиям страшных полчищ степных кочевников; считавшихся непобедимыми шведов; немецких рыцарей. Мужественная борьба русского народа с неисчислимыми силами врагов вызывала сочувствие поэта. Обращаясь к той многострадальной Руси, претерпевшей страшные бедствия, он говорил: «Печали и беды твой лик омрачали, дышала ты трудно, устало. Ты гибла, казалось, но мощные крылья ты снова расправила, встала». Не обошел своим вниманием Отаров и самый напряженный период истории Кавказа, когда шла борьба за присоединение его к России. Поэт не касался социально-исторических причин, но стремился выразить суть народного мироотношения к России как оплоту мирного сосуществования различных этносов:

Ты – мать наша.
Счастье Кавказу дала ты,
Ты турка гнала, супостата,
Ты царский закон сокрушила проклятый
И стяг водрузила крылатый...

Перевел Д. Голубков

Так, через творческое сознание Отарова проходили вехи истории взаимоотношений России с Кавказом. Иначе мыслить поэт не мог, так как его национальное самосознание было сформировано определенной идеологией и временем, именуемым советским периодом. Поэт был глубоко убежден, что народы Кавказа «с надеждой тянулись к России», так как знали, что она защитит их в «печали, что русские горцам – родные» (*Отаров К. Дороги. М., 1959. С. 89*).

Историей и наукой доказано, что дружба народов нашей многонациональной страны явилась в годы войны решающим фактором в борьбе с врагом. И поэтическая мысль широко и полно отражала эту объективную закономерность. Так, Кулиев во многих стихотворениях военной поры показал, как военные трудности люди переносили вместе, помогали друг другу, как война морально

сближала людей, обостряла их чувства солидарности, сочувствия. В стихотворении «Всегда гордился тем, что горец я!» (1942) Кулиев прославлял горца, латыша, чуваша, сражавшихся за русские города на просторах России с такой же самоотверженностью и отвагой, с какой бы они защищали от врага свои родные края.

Чуваш, дружа со мною от души,
Мне с табаком протягивал кисет.
Мне русые знакомы латыши, —
Я, раненый, оставил крови след
На их земле, а друг мой умер там,
Склонясь к земле простреленным челом.
Жестокой битвы дым по волосам
Полз у меня в окопе под Орлом.

Перевел Д. Кедрин

В годы войны у Кулиева и Отарова был один жанр, который стал их излюбленным. Это послания и посвящения странам, народам, городам, союзным республикам, родным очагам. Обращения к друзьям были своеобразной формой выражения патриотических и иных чувств. «Украине» (1943) Отарова — одно из подобных стихотворений, в котором он писал от имени тех, кто свято верил в идеи дружбы, кто был рядом с ним в трудные дни войны:

Мы о тебе с любовью вспоминали
В густых лесах под Брянском и Орлом,
Мы не могли до срока возвратиться,
Твою судьбу решали мы в бою...

Перевел С. Виленский

Беспримерный подвиг защитников волжской твердыни, сражавшихся двести дней и ночей, Кулиев воспел в стихотворении «Сталинградцам». А в таких произведениях, как «Поэт на фронте» (Алиму Кешокову), «Кериму Отарову», «Твоя земля» (Владимиру Сосюре), «Когда я получил твое письмо» (Салиху Хочуеву), «Всегда гордился тем, что горец я!» (Николаю Тихонову), Кулиев воспел не только дружбу людей, но и поэтическое братство.

Когда приходит в этот мир война,
Жестоких ветров черная вина,
То погибают первыми, как ты,
Те, кто душой и помыслом чисты, —

писал Кулиев в стихотворении «Памяти Салиха Хочуева». Замечательный балкарский поэт С. Хочуев погиб в 1942 г. в тридцать два года, и в этом же году Кулиев написал это посвящение, прощаясь со своим другом, творческие замыслы которого остались неосуществленными.

Обращаясь к событиям всемирно-исторической важности, поэты-фронтовики сумели художественно запечатлеть и правдиво передать политическую и нравственную атмосферу самоотверженной борьбы нашего народа против наиболее реакционной силы — гитлеровского фашизма.

Период Великой Отечественной войны — важный этап в идейно-нравственном и философско-эстетическом развитии творчества поэтов Керима Отарова и Кайсына Кулиева. С годами все отчетливее проявляются общечеловеческий смысл и значение их военной лирики.

Кабардино-Балкарская правда, 25 апреля 1985 г.

Т. Е. Эфендиева

«Я СВОЙ СТИХ ПОД ВОЕМ ШРАПНЕЛИ ПОДНИМАЛ НАВСТРЕЧУ ГРОЗЕ...»

(Заметки о лирике фронтовиков)

К 40-летию Великой Победы

Михаил Дудин и Кайсын Кулиев — поэты, сражавшиеся на фронтах Великой Отечественной войны не только оружием, но и стихом. Было им тогда по двадцать три.

До Великой Отечественной Дудин успел «прихватить» еще одну войну — на Карельском перешейке. По словам поэта, он находился тогда на страшном перекрестке адского холода и смертельного огня (стихотворения «За горизонтом скрылся полуостров»):

Мы мужеству учились у камней,
У этих скал, седых и угловатых,

Когда сквозь грохот финских батарей
Мы шли вперед для схваток и расплаты.

В начале войны Дудин служил на Ханко, в том гарнизоне, который, «находясь на 450 км западнее осажденного фашистами Ленинграда, не дрогнул, не познал отступления, а занял у противника девятнадцать примыкавших к Гангуту островов».

Кайсын Кулиев в это время сражался в Прибалтике, а потом под Сталинградом, в Донских степях и в Крыму. А начал свой боевой путь в Латвии, в Даугавпилсе (Двинске), который фашисты бомбили день и ночь.

Тебя пришлось мне видеть в дни иные.
Горел песок твой, камень, валуны.
В твоей земле я хоронил впервые
Своих друзей в начале той войны.

В начале той войны так путь был труден,
Что ныне не забыл я ничего.
Я помню: сосны падали, как люди,
Стеная в миг падения своего.

Перевел Н. Гребнев

Так писал Кулиев в 1959 г. в произведении «Стихи, написанные в Латвии». Вспоминая о первых днях войны в Латвии, Кулиев говорил: «Казалось, что горят камни и вода реки... Наша бригада сражалась действительно насмерть. Многие наши товарищи погибли в тех боях за Латвию». Думая о тревожном времени, видя даль прифронтовых дорог, Кулиев имел моральное право сказать:

Я свой стих под воем шрапнели
Поднимал навстречу грозе.
Только губы мои бледнели
Над телами милых друзей.

Перевел В. Державин

Оба поэта стали выразителями народного гнева, скорби и ненависти к врагу, мужества и веры в победу. И чем труднее было на фронте, тем сильнее звучал в их стихах призыв к самопожертвованию.

За нами Россия — родимая мать,
Без слова готов за нее умирать,—

писал М. Дудин в 1941 г. Готов был отдать свою жизнь и К. Кулиев: «Я кровью напою твой каждый дол, умру, обняв тебя, земля моя!» (*Перевел Д. Кедрин*).

Многое роднило молодого горца и поэта из осажденного Ленинграда. Они показывали войну такой, какой она была: трудной, страшной, с беспощадно суровыми картинами смерти и страданий людей. Иначе Дудин писать не мог, потому что видел быт войны собственными глазами и старался правдиво передать пережитое:

... на привале, отдыхая,
Я спать спокойно не могу:
Мне снится девочка босая
На окровавленном снегу.
(«Снег», 1943)

Кайсын Кулиев уподоблял свой стих воину («Сегодня стих мой — раненый боец»), который поднимался, «кровью исходя», чтобы идти вперед.

.....
Сегодня стих мой — беспощадный бой.
В нем люди погибают. Кони в нем
Со ржаньем падают. Горят дома.
И ворон опускается на труп.

Перевела М. Петровых

«...Поэзия в те дни должна была вбирать в себя драматическую атмосферу,— писал Кулиев.— В ней должно было жить небывалое мужество людей, очень хотевших жить, но сражавшихся и погибавших за свою Родину». И мужество это проверялось в бою и повседневном военном быту:

В России — снег, а тут дожди весь день.
Насквозь мокры обмотки и шинели.
Стоим по пояс в ледяной воде,
От холода и грязи почернели.

Перевела Ю. Нейман

Художественное осмысление нравственной силы воевавшего народа не могло не привести к раздумьям о Родине, о матери-России, ставшей в те годы философско-эстетическим символом многонациональной Отчизны. Поэтическое решение темы советского народа как интернациональной общности людей прозвучало в стихотворениях Кулиева «Сосны России шумят», «Россия»:

Мы любим тебя, как любит река
То море, где путь ее так просторен.
Россия! Россия для нас на века —
Как небо для звезд и поле для зерен.

Перевела В. Звягинцева

Сплоченность народов нашей страны явилась в годы Второй мировой войны решающим фактором в борьбе с врагом. И поэтическая мысль отражала эту объективную закономерность. В «Разговоре» (1941) М. Дудина философски осмысливалось это единство братской дружбы многонациональной семьи народов России, Средней Азии и Кавказа. Что поддерживало людей в трудные минуты?

— Друг в друга вера, спаянная кровью, —
отвечал Дудин.

... дружбу бережно храня,
Мы из воды сухими выходили
И мокрыми из самого огня.
(«Дорога гвардии»)

Воины в стихах Кулиева — это тоже люди разных национальностей, объединенные общностью цели, солдатской дружбой:

Чуваш, дружа со мною от души,
Мне с табаком протягивал кисет,
Мне русые знакомы латыши, —
Я, раненый, оставил крови след
На их земле, а друг мой умер там,
Склонясь к земле простреленным челом.

Перевел Д. Кедрин

Оба поэта воспели не только боевую дружбу, но и взаимопонимание близких по интересам литераторов. Так, Кайсын Кулиев написал в годы войны стихотворения «Поэт на фронте», адресовав его кабардинцу Алимю Кешокову, «Всегда гордился тем, что горец я!», посвятив его русскому поэту Николаю Тихонову, балкарскому поэту — Кериму Отарову», «Твоя земля» — Владимиру Сосюре и т. д.

Создавал яркие, запоминавшиеся послания к своим друзьям и Михаил Дудин, такие, как «Январь. Февраль. А после, после...» (Борису Пророкову), «Волга» (П. Антокольскому), «Сентябрь» (М. М. Зощенко), «Романтика» (Аркадию Пепельному). Подобные произведения стали исповедью, наказом, просьбой, обращенными поэзией к сражавшемуся народу.

.

Хочу остаться в памяти твоей
Не длинной повестью — четверостишьем,
Не долгою затяжных дождей,
А горным ливнем, хлещущим по крышам...

Перевела В. Звягинцева

Так писал Кайсын Кулиев в стихотворении «Девушке с Севера» (1942), обращаясь к Валентине Лебедевой, к одной из тех, которые защищали Отечество наравне с мужчинами.

Михаил Дудин, Кайсын Кулиев (как и многие другие советские поэты) обращались не только к своим друзьям, матерям, подругам, но и ко всем защитникам города или целой страны. Так, Кайсын Кулиев в стихотворении «Сталинградцам» (1942) и Михаил Дудин в поэме «Волга» воспели беспримерный подвиг защитников волжской твердыни, сражавшихся двести дней и ночей.

Столбы земли встают над Сталинградом.
Здесь битва небывалая идет
На жизнь и смерть,—

писал Дудин. А Кулиев как бы давал клятву в стихотворении «Сталинградцам»: «Мы не уйдем отсюда, пока жив хоть один из нас...» (подстрочный перевод С. Эфендиева).

Оба поэта глубоко осознавали, что события военных лет не пройдут мимо памяти людей, не развеются, как дым, а останутся навечно в их национальном сознании и самосознании. В стихотворении «Поэту будущего» (1942) Кулиев уверял, что все, что пережили люди в годы войны, останется с ним на всю жизнь:

И стон повешенного в Париже
Во мне отзывается гневным стихом,
И Бельгию я разоренную вижу,
И в сердце она остается моим.

И ужас в глазах старика-еврея
Расстрелянного, — он живет во мне,
И девушек плач, что брели, холодея,
Босыми ногами по жгучей стерне...

Перевел Л. Шерешевский

Дудин и Кулиев писали и о том, что вдохновляло воинов на боевой подвиг, на беспримерный героизм, во имя чего они сражались и умирали. Конечно, преданность Отчизне и верность воинской присяге, любовь к отчему краю и земле отцов, к матери и любимой. Боролись и умирали «ради жизни на земле», безусловно, за свободу Родины, близких и дорогих людей, чтобы они не стали рабами господ, а может быть, они умирали за чудо нашей короткой, но прекрасной жизни на этой беспокойной планете.

И памятью об общем чуде
Мерцают звезды в сонной мгле, —
Чтоб не забывали люди,
Как жить прекрасно на Земле, —

так писал В. Шейнер в стихотворении «Рядом с небом», как бы отвечая на вопрос, почему совершаются подвиги и во имя чего.

Бесспорно, зрелость патриотического сознания советских солдат измерялась степенью проявленного ими героизма во имя защиты свободы своего народа. Это был осознанный нравственный выбор, оплаченный самой дорогой ценой, — драться до конца, до последних сил во имя будущей жизни и свободы. Об этом и рассказал в поэтическом слове Михаил Дудин, как

выходил, со всем на свете споря,
ником не покоряемый вовек,
Из крови, из пожарища, из горя
Воистину бессмертный человек!

(«Дорога гвардии»)

В «Стихах, написанных 9 мая 1945 года» Дудин восклицал — по праву личного участия:

Ничто сейчас единство душ не разнит.
Ликуй, всепобеждающий народ,
Свободна наша Родина! И праздник
Сейчас на нашей улице идет.

С годами все отчетливее проявляется общечеловеческий смысл и значение лирики военных лет, в которую Михаил Дудин и Кайсын Кулиев внесли достойную лепту. 40-летие Победы во Второй мировой войне — это небольшой срок. Живы еще многие из ее участников. Это их история и история не вернувшихся с войны, а также их детей и внуков. Это и история Великой Победы, доставшейся слишком дорогой ценой.

Живи и помни средь земных забот,
Что для других все кончилось иначе...

Итожил жесткий опыт поэт-фронтовик Вадим Шефнер.

Для Михаила Дудина и Кайсына Кулиева по счастливой случайности (или по воле судьбы) «все кончилось иначе». Они дожили до Победы и еще прожили долгую плодотворную, творческую жизнь, продемонстрировав грани своего дарования в поэзии и прозе, драматургии и

литературоведении, в публицистике и общественной работе.

Их личное знакомство и дружба начались в послевоенное время. Они были истинными друзьями, личностями, людьми большой и разносторонней культуры. Расстояние для них ничто не значило. Дудин провел почти всю жизнь в Ленинграде, на Васильевском острове, а Кулиев — в Кабардино-Балкарии, в Нальчике или в неприятном, тихом Чегеме-1. Они часто встречались в Москве на съездах, различных совещаниях, на псковской земле и в Пятигорске во время юбилейных торжеств, в Ереване и Баку, Тбилиси и Киеве, по случаю Дней литературы, Декад искусств и т. д.

В 1962 г. Кулиев подарил Дудину стихотворение «Соловьи». Оно начинается с обращения:

Помнишь ты, как пели соловьи
В Фирюзе? Как будто в дни Хафиза,
Пели соловьи в тот вечер сизый,
Щедры трели нам дара свои.

Перевел Л. Шерешевский

Фирюза — красивейшее курортное местечко, в котором они были вдвоем и наслаждались пением соловьев. Потом Кулиев напишет стихотворение «Фирюза» (1962).

Фирюза! Как красиво тебя нарекли!
Словно крыльями в небе шумят журавли.

60–70-е гг. в жизни обоих поэтов были самыми счастливыми: они оба были молодыми и здоровыми, плодотворно работали и много ездили по стране и за рубежом. Успех, слава, благосостояние — все было у них. Но скромные от природы, они не демонстрировали себя, а преданно служили людям и Отечеству. Гражданское самосознание не позволяло им отсиживаться в тиши кабинетов, поэтому они жили активной общественной работой, и их кипучая энергия проявлялась во всем. Потрясенное войной их сознание до конца дней осталось верным памятью погибших и трагедии людей в годы Второй мировой войны.

«О РОДИНА, О ВОЛЯ, ГОРЫ МОИ!»

К 40-летию Великой Победы

Так писал Кайсын Кулиев в стихотворении «Горы мои» в 1942 г. вдали от родного края. В предгорьях Кавказа и на Эльбрусском направлении шли жестокие бои. На нелегких военных дорогах, на походных биваках смертельно усталый поэт обращался к малой родине – земле отцов: «Как горд я вами, милые края!»

Понимание задач и обязанностей художника, смысла и цели поэтического творчества выражено Кулиевым предельно ясно в стихотворениях «Поэты» и «Самое дорогое». Так, в стихотворении «Поэты» (1942) он писал:

Мы зеркало земли, где кровь и горя глыбы,
И сердце мира мы, уставшее от бед.
И армии страны, врагам неся погибель,
Страдая и терпя, сквозь кровь своих побед
Идут, пыля, сквозь наше сердце. Сердце это
Как поле битвы, где стоят пальба и гром.
Весь мир, где льется кровь, весь – в сердце у поэта.
Мы сердце всей земли. Мы соль ее несем.

Перевел Н. Коржавин

Кулиев был глубоко убежден, что истинные поэты должны быть всегда на переднем крае борьбы за справедливость, свободу и честь отчизны, независимо от того, где ты проживаешь, – на Кавказе или в Сибири. Поэтому он писал о том, что советские поэты вместе со своим народом должны переносить тяжелые, невероятные условия борьбы с фашизмом. Кулиев имел моральное право обобщать и говорить от своего лица, потому что он все это видел, разделил окопную жизнь с солдатами, его чувства и переживания приобрели характер достоверного свидетельства, а его мысли – высоту типического обобщения. В стихотворении «На войне» (1943) сила эпического звучания мужества дана через окопную жизнь солдат, и она становилась идейно-нравственным обобщением для всех, кто сражался с врагом на любом фронте.

.
С бедой единоборствует солдат.
Хоть трудно жить, хоть смерть всегда страшна,
Не собираясь повернуть назад,
Мы здесь в земле живем. На то война.
Одну сигарку курит чуть не взвод,
За сутки час поспишь едва ли тут.
Нас день и ночь опасность стережет.
Вот так солдаты на войне живут.
Товарищами, павшими в бою,
Оплачивая каждый день и шаг,
Так защищают родину свою,
Свою победу добывают так.

Перевел Н. Коржавин

Балкарские поэты успешно ковали духовное оружие для грядущей победы. Они с первых дней войны ушли на фронт и в партизанские отряды. Это Салих Хочуев, Азрет Будаев, Керим Отаров, Кайсын Кулиев, Максим Геттуев, Жанакаит Залиханов и др. Салих Хочуев и Азрет Будаев погибли в самом начале войны, Керим Отаров вернется инвалидом на костылях. Он был офицером разведки, участвовал в боях как командир стрелкового взвода, был тяжело ранен и уже в госпитале, чтобы ему сохранить жизнь, врачи отняли ногу. Вспоминая эти мучительные дни, поэт рассказывал: «В больничной палате нас было тринадцать молодых парней и все с гангренной ног или рук. Страшно было оставаться калекой, и мы отказывались от ампутации. Но когда в живых осталось только трое, я дал согласие на операцию...» Находясь в больничной палате, раненые морально поддерживали друг друга, так как они переживали одно и то же:

Первый снег ложится на бульвар,
Медленно летит на подоконник.
И глядит безногий комиссар –
Мой однополчанин, бывший конник.
Мы лежим в палате у окна.
Даже табачок у нас на пару.
Снег идет, в палате тишина,
Но не спится нынче комиссару.

Перевел Н. Коржавин

Так писал Керим Отаров в стихотворении «Комиссар» о своей горькой судьбе и о тысяче других калек Второй мировой войны, а горькая память высвечивала другие, не менее горестные дни, когда в июле 1942 г. у русской деревни Муратовки его тяжело ранило. Весь день он пролежал под палящими лучами солнца, мучимый болью и жаждой, на земле, пропитанной кровью, его кровью, до самого вечера, то теряя сознание, то вновь обретая его:

Здесь, раненый в бою
Среди высоких трав
Под небом голубым,
Шумевших надо мною,
Я кровью истекал,
К твоей груди припав,
Как будто ты была
Мне матерью родною.

Перевели С. Виленский и Я. Серпин

Находясь на фронте, Кайсын Кулиев и Керим Отаров переписывались, делясь мнениями и стихами. Военную лирику Кайсына Кулиева Отаров ценил очень высоко. Так, в одном из писем в декабре 1943 г. он писал своему верному товарищу: «Дорогой мой Кайсын! Получил твои стихи и письма, ждал я их с большим нетерпением. И только мы поговорили о тебе, как через несколько минут приносят твои четыре пакета, и там замечательные твои стихи. Поверь, Кайсын, я говорю от всего чистого сердца, без малейшей капли лести и прочего другого... Мы пришли к заключению, что тех вопросов войны, судьбы человека, его жизни и смерти, о которых ты пишешь в заключительных стихах, почти ни один поэт еще не затрагивал за время войны. Ты настоящий поэт и поэт большой...» (ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 49, л. 1-3).

Оба поэта в самом начале войны познали горькую участь отступавших, когда они стеснялись смотреть старикам в глаза, оставляя их в тылу врага, когда сами мучились от голода и жажды, теряли боевых товарищей, наспех предав их земле, и не могли знать, что их ждет впереди. В стихотворении «Другу», посвященному Кериму Отарову, Кулиев писал в 1942 г.:

В сырую ночь, свернувшись на шинели,
В июльский зной, порою зимних вьюг,
В полях, где пули хищные свистели,—
Везде я помнил о тебе, мой друг.

.

Пой, наша песнь, о радости и горе,
Как сердце горца, мужественной будь,
Бесстрашной будь, как воин в бранном споре,
Прошедший трудный и кровавый путь!

Перевел В. Левик

Эти строки были обращены к Кериму Отарову, но они обрели общенародное звучание: свыше тысячи членов Союза писателей СССР в годы войны находились в рядах Советской Армии и в партизанских отрядах. Из них более четырехсот погибло в боях за Родину. Свою преданность народу и Отчизне писатели и поэты доказали кровью и ратным подвигом.

Во фронтовой лирике Отарова и Кулиева были сконцентрированы патриотические, нравственные, идейно-политические и этические проблемы советской литературы. Они показали неразрывность судьбы одного человека и общества в целом, освободительную миссию Советского Союза и значение дружбы народов многонационального государства. Поэты опирались на реальную действительность, на те факты и события, очевидцами которых они были сами. Не понаслышке и не по рассказам бывалых людей, а на своем горьком опыте они познавали военные будни. Ведь каждая военная операция, наступательная или оборонительная,— это смертельно опасный ратный труд: яростные атаки, нечеловеческая усталость, липкая грязь дождей, преодоленных дорог и болот, окопов и траншей, сырых землянок и блиндажей. И форсирование под свинцовым градом пуль, и тысячи километров пройденных путей в зной и холод, и гибель своих друзей — все пережили и испытали поэты, в их числе были Кулиев и Отаров. Поэтому Керим Отаров свое стихотворение начинал с вопроса, обращенного, вероятно, к тем, кто дома:

Идет сегодня дождь у вас, скажите?
У нас идет — и словно из ведра.

На дне окопов —
Наших общежитий —
Неистовая плещется вода.

Перевел А. Заяц

Фронтовой быт показан просто и правдиво, как отклик на конкретное проявление солдатских будней. Спокойная сила и выразительность его стихов уже тогда покоряли читателей, вводили в мир незабываемых событий, больших трудностей и невзгод, когда жизнь и смерть ходили рядом («...бродит смерть, как серая волчица, выискивая жертвы во степи»).

Стихотворение Отарова «Крик птицы в ночи» (1941) о том, какую роль играла героическая оборона стратегически важных объектов, городов, сел, безымянных высот:

Летняя ночь и душна, и темна,
Мрак, будто море, огромен,
Сутки без отдыха и без сна
Рота стоит в обороне.

Перевел И. Харабаров

За лаконичной строкой поэта: «Рота стоит в обороне» — безмерное мужество, беспримерные подвиги тех, кто оборонял Брестскую крепость, Ленинград, Москву, Сталинград, Одессу, Киев, Орел, Курск и другие города России. Совокупность лексических средств стихотворения восходила как к народной поэзии, так и к книжной традиции: раненая птица плачет, как женщина («Все мы слышали: птица кричит, плачет, как женщина, птица!»), и подчинена идейному содержанию произведения, давала простор для личных раздумий и для непосредственного обращения к своим любимым, таким далеким и близким:

Каждый подумал: о радость земли —
Матери наши и жены!
Сколько вас плачет вот так же вдали,
Возле селений сожженных!

Обращение к матерям и женам, своим любимым и сестрам, братьям и сыновьям было в поэзии закономер-

ным явлением, одним из действенных поэтических приемов. Кайсын Кулиев, как и Керим Отаров, не раз обращался к своим родным: матери, родной сестре, любимой («Любимый с фронта в первый год войны», «Ты ждешь меня», «Далека ты. Снег идет...», «Я в первый день войны жестокой...»).

Я в первый день войны жестокой
Твои все письма взял и сжег,
Чтоб враг слова любви высокой
Топтать подметками не мог.

Перевел Н. Коржавин

Мать, как и Родина, являлась вдохновляющим примером для солдат; большинство из которых помнили наказы своих родителей, и письма их держали в кармане у своего сердца. Дорогие строки с фронта и тыла были своеобразным словесным оружием для каждого бойца. Без боевой медали защитники Отчизны обходиться могли, но без писем было очень трудно. Они были нужны, как воздух, и их читали в перерыве между боями и даже под огнем врага. У Кулиева есть несколько стихотворений, в которых он обращался к матери и своему родному аулу («Перед боем», «Аул», «Ты ждешь меня», «Жизнь, я твой сын!»), написанных в 1941–1943 гг. Стихотворение «Мой аул» не только о любви к родному краю, но и моральной стойкости и глубоком оптимизме солдат. Они глубоко убеждены в том, что «кровь солдат на войне не иссякает даром». Воин уверен, что он вернется к родному очагу:

Я шлю тебе привет, хотя земля в огне
И вихрь войны летучий прах взметнул.
Я верю: не придет вовеки смерть ко мне,
Пока я не вернусь к тебе, аул.

Перевел С. Липкин

Мысли и чувства кулиевского героя обусловлены прежде всего масштабностью народного подвига в годы войны. Боец попадал в разные «переплеты», жил в неимоверно тяжелых окопных условиях, совершал подвиги, мужественно защищая Отчизну и свое человеческое

достоинство. Чтобы создать чеканный, словно отлитый из стали, образ героя-современника, Кулиев сталкивал его с огнем и стужей, сравнивал с камнем. Горный серый камень прежде был мерой горестей и печалей, выпавших на долю горцев-бедняков. И если поэт говорил: «Господи, уж лучше быть мне камнем, серым камнем на родной скале», то в годы войны Кулиев обращался к образу камня, чтобы сравнить его непоколебимость с невиданной стойкостью защитников Родины: «И камни здесь, как смертники, стояли, у человека стойкость переняв...»

Чтобы раскрыть общечеловеческий, глубинный смысл пережитого, Кулиев не раз обращался к первочастице родной ему природы – к образу камня, как символу стойкости и неистребимости жизни. Так, в стихотворении «Стихи, написанные в госпитале» (август, 1942) Кулиев писал:

.
Как будто слышу голоса камней,
Наперебой зовут они вперед:
«Сразись во имя родины своей
И победи. Иль умереть сумеи!»

Перевел Д. Бродский

Для такого рода военных стихов Кулиева и Отарова был характерен лирико-публицистический пафос и выражался он в ритмике и лексике, близких к стилю боевого приказа. Вот строки стихотворения К. Отарова:

Жюрек таукелд!
Къалтырамаз къолубуз!
Хар ким да къопсун!
Чыгъайыкъ урушха,
Сакъларгъа тюзлюкню эм жерибизни!

Обратимся к подстрочному переводу Риммы Отаровой, дочери поэта:

Сердца полны решимости!
Не дрогнут наши руки!
Вставайте все!
Пойдем на войну
Защищать правду и нашу землю!

Для военной поэзии Керима Отарова и Кайсына Кулиева стал характерным символический образ дороги. Этот лирико-философский образ наметился у обоих поэтов уже в раннем творчестве как выражение эстетических взглядов и нравственно-гуманистической устремленности, как обобщение определенных моральных принципов. Казалось бы, что это личные раздумья о войне, требовавшей большого напряжения физических и духовных сил солдат и беженцев, армии и народа в целом. Но это и обобщение, а не только личные воспоминания. Это сама жизнь, увиденная глазами поэта, его мироощущение, вызванное условиями войны:

Дороги дальние! Я вспоминаю вас
Не для того, чтобы петь былые годы.
Но тот, кто по стране шагал не раз,
Имеет право вспоминать походы.
Я помню вас в буранах и в пыли...
Солдаты шли, шли беженцы в тревоге.
И многие до цели не дошли,
Под пулями упав на полдороге.

Перевел Ю. Полухин

Через этот емкий образ в поэзии, и в частности в балкарской поэзии военных лет, проходили две мысли: страдания людей (идея, которая воплощалась в широком понятии «война», со всеми ее трагическими последствиями и трудностями) и движения, то есть пути. Обратимся к первой. Функция ее — усилить драматическое. Вот стихотворение Отарова «После боя» (1942). Она (идея) выступала здесь воплощением безмерного горя, тягостного, избыточного ожидания старушки матери, которая днем и ночью ждет стука в дверь: «Не зная лишь одного, что никакая дорога теперь домой не вернет его». Это краткое, волнующе-грустное авторское отступление, как и в начале («Письмо опоздало всего на час»), было выражением душевного состояния не столько лирического героя, сколько самого поэта: он не раз видел, как гибли восемнадцатилетние, у которых не было еще любимых, и после боя они ждали писем только от матерей.

Идейно-художественная функция образа дороги стихотворения «После боя» близка к функции этого же об-

раза в стихотворении «Горы» (1942) Отарова. В нем есть строфа: «... у войны не меряны дороги». Она как бы подводит итог, вернее, психологически подготавливает к следующей строчке, раскрывавшей внутреннее состояние солдата в условиях войны: «И если вдруг я не вернусь обратно, то знайте, что погиб я не напрасно» (*Перевел Ю. Полухин*).

Образ долгой, нескончаемой дороги (как идеи пути) позволял поэтам военной поры обращаться в целом к народу и каждому человеку, что придавало стихам личностно-исповедальный характер. Обратимся к Кулиеву: «Грустно. Дорога не радуется взгляд. И напевая нам хмурю песню, сосны России шумят». Или там же: «Вспомним ряды молодых солдат... Всюду дороги размыты дождями. К фронту идет за отрядом отряд» (Из стихотворения «Сосны России шумят», 1941). В 1942 г. Кулиев написал стихотворение «Дороги мои». Это не военные, фронтовые дороги, по которым прошли солдаты, не дороги горя и беды, а совсем иные, те, личные, мирные в родном довоенном ауле:

Дороги горные в полуночной тени,
Задумчивые, словно от кручины,—
Таковыми мне привиделись они.
Глядят на них деревья из лощины,
Как сын на материнские морщины...

Перевел Л. Шифферс

Но и здесь присутствовал элемент грусти по тому, что ушло в прошлое, хотя, нравственный принцип остался, и нашел он свое воплощение в любви к родным горным дорогам, по которым мечтал еще раз пройтись поэт, но это будет после Победы.

Дороги горные задумались, уснули.
Таковыми мне привиделись они.
Вечерний дым над саклями в ауле.
И лай собак. И редкие огни.

Одно из стихотворений К. Отарова начинается образом трудной дороги (в моральном смысле) через разоренные белорусские деревни, осиротевшие без людей, где

не слышно было даже лая собак («Лежит земля пустыня и тиха»):

Дороги,
Неторопкие, степные,
Поля, поля – раздолье для ветров.
И трубы обгорелые печные –
Крестами над могилами домов.

Перевел Ю. Полухин

Военный период для развития творческого пути Керима Отарова и Кайсына Кулиева – важный этап в формировании их идейно-эстетических принципов. Возвращаясь к годам Второй мировой войны, исследователи поэзии вновь и вновь ищут и находят новые историко-нравственные аспекты памяти в образной структуре художественных произведений о Великой Отечественной войне, когда в развитии каждой национальной литературы наступил новый этап.

Т. Е. Эфендиева

ЕЙ, ИЗЛУЧАВШЕЙ СИЛУ И ТЕПЛО

(Кулиев об Элизат)

Рецензия на цикл стихов К. Кулиева «Мой поздний свет». Кабардино-Балкарская правда, 1986. 11 февраля.

«Свет твоего лица» – так называется один из разделов книги Кайсына Кулиева «Человек. Птица. Дерево» (М.: Современник, 1985). Это первое посмертное издание поэта. В этом разделе есть цикл стихов «Мой поздний свет». Вот их начало:

Ты дала мне силу нелукаво
Рассказать, чем жизнь моя жива,
Ты пришла и даровала право
На простые, верные слова.

.
Сам я знаю, что на белом свете
Хорошо, что худо для меня...
Небеса ты прояснила эти,
Озарила на закате дня!

Перевел М. Синельников

Эти стихи на извечную и неугасающую тему — тему любви. Они об Элизат Кулиевой, о той, что была утешением и отрадой в самые горькие месяцы и последние дни жизни поэта. Она была женой и любимой, верным товарищем по совместной творческой работе, первым корректором его поэтических строк и неофициальным секретарем, понимавшим Кулиева с полуслова. Осознав это, поэт писал, обращаясь к пламени своего вдохновения:

Не твоя ли радостная сила,
Эту зиму сделала весной,
Теплотою сердца растопила
Льды сомненья, словно жгучий зной!

Перевел М. Синельников

Эти строки — символ всепобеждающей любви, вселяющей веру и надежду на выздоровление — не просто дань сюжетной линии цикла стихов «Мой поздний свет». Здесь каждая строка имеет реальную основу и трудную страсть, выстраданную на больничных койках в Кунцево и на Мичуринском проспекте, № 6 города Москвы, когда долгие месяцы болел поэт.

Читая стихи «Свет твоего лица», живо ощущаешь всю горечь такого короткого счастья поэта с той, которая озарила его поздний вечер, неблагоприятно сложившиеся последние три года:

Я назвал твое имя — лицо мое вдруг
Озарило сияние дня.
Голос твой и походка, касание рук —
Все награда сейчас для меня.

Или:

Так я радуюсь пылко лицу твоему,
Так рукам твоим рад и глазам,

Погляжу – как бесценный подарок приму,
Возвращающий юность бальзам.

Так писал Кулиев, умоляя судьбу задержать для него, больного и уже беспомощного, «запоздалый свет сквозь мглу метели...». Кажется, что эти стихи написаны на одном дыхании, в течение нескольких часов. Но это не так. Они создавались поэтом долго, вынашиваясь и проверяясь. Сначала, как мы знаем, появился цикл стихов «Поздно появившаяся звезда», датированный 1979 г. Впервые стихи были опубликованы в газете «Кабардино-Балкарская правда». Глубокая печаль пронизывала их, но трагический аспект в них почти не был ощутим и психологически объясним.

И вот через пять лет читатель снова встретился с этими стихами, в которых светлая тоска о большой, чистой любви сопровождала все шестнадцать стихотворений, оригинальных по стилю. Глубоко лирические и содержательные, они связаны единым идейно-нравственным и эстетическим замыслом. В этих стихах нашли выход глубокие чувства поэта, его гуманизм и благородство. В каждой части цикла стихов четко выражена авторская позиция, его мысли и переживания, сокровенные желания и, если так можно выразиться, «раздумья долгих дум». Одно из таких пожеланий любимой – это остаться ей как можно дольше молодой и красивой:

Пусть за эту милость боль и беды
Милой не коснутся невзначай,
Горя и печали ты не ведай,
Горный мой цветок, не отцветай!

Поэт не только благодарил любимую за то счастье, которым она одарила его, он понимал, что она связана семейными узами с родителями и в чем-то, возможно, нарушила их запреты и желания. Любовь к поэту была превыше всего. Он верил ей («Верю я, что любим, и моя высота, как бывало, бела, высока»). Выражая свои чувства к Элизат, он не забывал и ее мать:

Вскормленна ты матерью-балкаркой,
И сейчас я благодарен ей,
Полон я признательностью жаркой
К той горянке, к матери твоей!

Эти искренние и благодарные строки обращены к двум женщинам-балкаркам – своей жене и ее старой матери, которая так же, как и ее дочь, старалась облегчить трудную участь обоих. Материнское сердце (как и сердце поэта) всегда вмещает в себя и боль и радость.

Стихи «Мой поздний свет» – не только о любви к женщине, которую он хорошо знал, уважал и любил, но они как бы выражение последней воли поэта: он знал, что скоро умрет, а она останется; так пусть же знают все, кем была для него Элизат! Светом, озарившим его последние годы:

Льется свет, и все мне стало внове.
Чем воздам за это волшебство?
Вот – стихи, и дышит в каждом слове
Свет лица и сердца твоего.

Прошлого нет, о нем не упоминается, есть только грустно-счастливое настоящее и даже будущее, в котором будут живущие на земле люди и он, поэт, но уже в ином мире и в другом измерении. Обращаясь к ним, он писал:

Мне с немыслимой вершины
Жизнь по-новому видна,
Глубина людского счастья
И печали глубина.

Эти слова поэта, конечно, относились к тем, которым суждено еще долго жить и радоваться рассветам, каждый год приходящей весне, белизне снега на вершинах гор, не раз воспетых поэтом. Но главное, безусловно, в стихах – это Она, ее имя, свет ее лица, милых рук, доброта ее сердца, ее красота и благородство, чуткость и внимание к поэту, забота и любовь к нему:

Стала ты моей верой, ты – светоч в метель
И – тенистое дерево в зной!
«Высшим даром» любовь звал мудрец, и досель
Большей мудрости нет под луной.

Знаю, жизнь коротка. Как ее ни тяни,
Не удержишь ни лет, ни минут,
Но теперь для меня даже зимние дни
На весенней свирели поют ¹.

Подобные прекрасно-трогательные строки, но безнадежно грустные, почти трагические по своей сути, можно встретить в каждом четверостишии всех шестнадцати частей.

Весь цикл стихов «Мой поздний свет!», посвященный Элизат Кульбаевой, воспринимался как касыда Женщине, как гимн самоотверженной и нежной любви.

Январь, 1986 г.

Доклад «Свет лица твоего» (Кайсын Кулиев об Элизат Кулиевой) был прочитан на Первой региональной научно-практической конференции «Женщина Кавказа и современность», организованной корпорацией «Форум ученых и специалистов за советско-американский диалог» (Нальчик, КБГУ, 1991. 20–21 ноября. Отв. за проведение конф. была проф. Т. Б. Гуртуева и культурный центр «Адыгская энциклопедия». В работе конференции приняли участие известные ученые Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Дагестана, Адыгеи, Ставропольского края и г. Москвы.

¹ Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 273 (и все остальные стихи цитировались по этому изданию в переводе М. Сильникова).

Т. Е. Эфендиева

РОБЕР МЕРЛЬ О ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Из сообщения на научной конференции «Проблемы взаимосвязей русской, советской и зарубежной литератур» в Кабардино-Балкарском госуниверситете в 1988 г. Конференция была организована кафедрой зарубежной литературы.

В своей книге «Так растет и дерево» (М., 1975) Кайсын Кулиев писал: «Мне приходилось побывать в странах Азии и Европы. И это было полезно для меня и для моей работы. Я люблю свой дом и мир».

У балкарского поэта было много друзей за границей. Зарубежные поездки способствовали установлению литературных взаимосвязей и дружеских встреч со многими писателями и поэтами, с которыми Кулиева связывало светлое чувство взаимопонимания и дружбы. Это и венгерский поэт Антал Гидаш, и польский поэт и переводчик Витольд Домбровский, и арабский поэт Муин Бсису, и прогрессивный французский писатель Робер Мерль, и многие другие, духовное общение с которыми помогло Кулиеву по-иному осознать нравственно-этические вопросы современности. С ними Кулиев не раз встречался, беседовал о поэзии и ее назначении в условиях атомного века и электроники, говорил о мире и будущем человечества, о культуре и цивилизации на рубеже второго и третьего тысячелетий, и, конечно, о своем родном крае и любви к горам. Общение с ними продолжалось потом и в переписке, и через обмен художественными произведениями, и во время их приездов в Советский Союз.

С Робером Мерлем Кайсын Кулиев встретился в декабре 1972 г., когда в составе делегации Союза писателей СССР он побывал во Франции вместе со своими друзьями Михаилом Дудиным, Расулом Гамзатовым и Робертом Рождественским. Робер Мерль сердечно приветствовал представителей многонациональной поэзии России на своей вилле «Маль-Мэзон». В дружеской беседе были затронуты актуальные вопросы современной литературы и искусства, развития и взаимообогащения национальных культур, некоторые вопросы воспитания молодежи. Эта беседа нашла свое продолжение в завязавшейся затем открытой переписке между Кайсыном Кулиевым и Робером Мерлем. Письма были опубликованы в «Литературной газете» (1974. 20 марта). Это известное письмо Кулиева «Может ли устареть оптимизм?» и ответ Р. Мерля «Дешевые соблазны отрицания».

Касаясь проблем молодежи, в современном мире и задач писателя по отношению к ней, Кулиев писал в своем письме к Роберу Мерлю: «... нам ведь хочется, чтобы наши дети жили лучше и счастливее нас. Возможно ли это или нет? То, о чем я говорю, касается молодежи не только одной Вашей страны или одной моей Родины. Речь идет о детях всех народов».

Теоретические положения обоих художников о соотношении положительных и отрицательных сторон в интеллектуальной жизни современной молодежи, о позиции художника в осмыслении жизненных явлений сочетались в этой переписке с конкретным анализом их творчества, сущности и особенностей его. Робер Мерль отметил национальную самобытность и силу художественного воздействия поэзии Кулиева. Он писал: «Не нужно забывать, что литература и искусство должны приносить людям большое эстетическое наслаждение. Например, когда Вы в своем письме говорите о «боли раненого камня», я нахожу, что это превосходное выражение. Оно принадлежит искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение». Этой высокой оценкой Кулиев гордился и, вспоминая свое посещение городов Парижа, Ниццы, Эксан-Прованса, он рассказывал: «Наша поездка во Францию была полезной. На мой взгляд, она оказалась очень полезной, потому что живое общение литераторов разных стран не может заменить даже самая лучшая книга. Мы встречались с читателями в различных городах Франции, и всюду аудитории были полны...» (Пять рассказов о Франции. ЛГ. 1973. 17 янв.).

В связи с этим уместно вспомнить один случай, о котором рассказал Кулиев. Когда он был с Расулом Гамзатовым в Марселе на одной из встреч, то студенты ему задали вопрос:

— На каком языке пишете вы, мосье Кулиев, и ваш друг Гамзатов?

— Я — на балкарском, Расул — на аварском.

— И вас так широко читают в Советском Союзе?! — удивился француз.

Да, благодаря переводам стихи Кулиева звучали и звучат на русском, даргинском, азербайджанском, узбекском, грузинском, чеченском, якутском и многих других языках. То, что за рубежом вызвало тогда удивление и недоверие, в бывшем Союзе было привычным явлением: достижения любой из национальных литератур сразу становились достоянием всех народов России благодаря переводам на русский и другие языки народов СССР.

Зарубежную литературу и культуру Кулиев любил и знал. Так, в 1966 г., вспоминая годы жизни в Средней

Азии, он писал: «... Одним из многих писателей, близких мне тогда, был Ромен Роллан. Его трагический героизм стал необходим для меня, как музыка Бетховена и Грига. То же самое могу сказать и о Стефане Цвейге... Моими постоянными собеседниками стали Мицкевич, Шевченко, Петефи, Лорка, Словацкий, Пшавела. А из композиторов, особенно два разных и великих, — Бетховен и Шопен.

Музыка и живопись играли и продолжают играть в моей жизни не меньшую роль, чем поэзия. У меня были великие друзья. Они вели меня за руку в трудные дни моей жизни» (Из книги «Так растет и дерево». С. 456).

Т. Е. Эфендиева

ЗАРУБЕЖНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ О КАЙСЫНЕ КУЛИЕВЕ

Из доклада на региональной научной конференции «Читатель и современный литературный процесс», прошедшей в декабре 1989 г. в Чечено-Ингушском госуниверситете им. Л. Н. Толстого в г. Грозном.

Современный литературный процесс связан со всеми социально-политическими и культурными событиями XX в. Люди всех континентов, независимо от языка, понимают и ценят истинно художественное слово, отдают должное писателям и поэтам, чьи имена составляют гордость нации. Поэзию народов Северного Кавказа достойно представляют Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов, чьи имена вышли на уровень мировой поэзии.

Кайсын Кулиев по национальности балкарец; представитель малых народов Северного Кавказа, но его имя стало вровень со многими прославленными поэтами мира. Арсений Тарковский точно подметил главное в его поэзии: «Кайсын Кулиев — поэт небольшого народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии... Он поэт всего мира... Интересы всего человечества, очень широкие слои всего человечества нашли уста в этом поэте». Действи-

тельно, общечеловеческие вопросы, взаимопонимание и взаимоуважение всегда привлекали внимание Кулиева, его волновали судьбы людей всего мира: страшен Освенцим и трагична судьба людей Хиросимы. В стихотворении «Реквием» (1969) он писал:

Мой реквием – тому, кто весть о смерти сына
Услышал в день, когда весной цвела долина...

И пеплом ставшему селению в Литве,
И устремившимся, в надзвездной синеве,
К просторам космоса, к той дали отдаленной,
И не вернувшимся к своей земле зеленой,

В печах Майданека исчезнувшим в золе,
И всем, кто вечным сном заснул в чужой земле.
Мой реквием – камням и людям Сталинграда,
Варшавским жителям, прошедшим пламя ада...

Перевел С. Липкин

По мнению Кулиева, поэты должны отвечать за судьбы всего человечества, и стихи должны звучать, как колокол, и призывать людей всегда к миру и согласию. Поэтому, когда главе правительства Индии Индире Ганди понадобились доказательные слова о необходимости мира на земле, она процитировала слова Кулиева: «Каждая пуля на войне попадает в сердце матери».

Поэзия Кайсына Кулиева нашла путь к сердцу многочисленных зарубежных читателей. Вот что писал американец, проживавший в ФРГ, учитель русского языка в женской гимназии Альберт Расмусен: «... Ваши стихи просто поразили меня своей великолепной красотой. Ваши мысли о человечестве очень важны для всех народов. Ваша «женщина, которая купается в реке», не зная зла и смерти, вьюги и зимы, тюрьмы и сумы, должна познакомиться со всеми людьми всех стран!.. Я читаю книги других советских писателей, но Ваши стихи тронули меня больше, чем все другие. Вы действительно открываете свое сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем мире есть много горя. Нам надо слушать Вас, доброго

поэта нашего времени. Спасибо за Ваше искусство, дорогой Кайсын Шуваевич!»

Воцлав Йелинек, поэт и переводчик стихов Кулиева из «Книги земли», писал ему 21 января 1975 г.: «.. Я уверен, что Вас как поэта ожидает в Чехословакии успех. Ваши стихи глубоко гуманистические, богатые, как богат Ваш язык. Меня очень глубоко потрясла сила Ваших стихов». В Центральном государственном архиве Кабардино-Балкарии много подобных откликов, которые свидетельствуют о том, что зарубежный читатель был знаком с творчеством Кулиева и высоко оценил его поэтическое дарование и самобытный талант.

Кайсын Кулиев побывал во многих странах мира: в Монголии, Франции, Югославии, Польше, Англии, Венгрии, Индии, Италии, Японии. Он принимал участие в Днях советской культуры во многих странах, в Международных конгрессах и симпозиумах, достойно представляя многонациональную литературу России. Так, выступая на Стружеских вечерах в Македонии в 1970 г., Кулиев сказал: «... истинная поэзия всегда остается общечеловеческой, на какой бы земле ни звучал ее голос. Это так потому, что поэзия живет общечеловеческими заботами, радостью и болью людей.

Разве не так было с великими созданиями Шекспира, Пушкина, Гете, Мицкевича, Руставели? Подтверждением моего тезиса являются все выдающиеся явления мировой поэзии – от Гомера до наших дней. Большое искусство было и остается выражением чаяний, стремлений и надежд всех народов, крыльями свободы, являющейся священной для любой нации... Выдающиеся создания поэзии неповторимы, в каком бы краю ни рождались, и они вливаются в общую сокровищницу человеческой культуры. Так двигалась вперед и будет двигаться мировая поэзия, в создании которой принимают участие все народы, взаимно обогащая друг друга, внося свои неповторимые черты и оттенки, учась друг у друга. Так рождается многообразие и мощь поэзии».

То, о чем говорил Кулиев, подметил в его творчестве прогрессивный французский писатель Робер Мерль, с которым встретился Кулиев во Франции. В декабре 1972 г. в составе делегации Союза писателей СССР Ку-

лиев вместе со своими друзьями Михаилом Дудиным, Расулом Гамзатовым и Робертом Рождественским был в Париж. Робер Мерль сердечно приветствовал представителей многонациональной поэзии российского государства на своей вилле «Маль-Мэзон». В дружеской беседе были затронуты актуальные вопросы литературы и искусства, воспитания современной молодежи. Эта беседа нашла свое продолжение в завязавшейся затем переписке между Кайсыном Кулиевым и Робером Мерлем. Известный французский писатель отметил национальную самобытность и силу художественного воздействия поэзии Кулиева, стихи которого он прочитал в переводе с русского на французский. Они были опубликованы в центральных газетах. «Не нужно забывать, — говорил он, — что литература и искусство должны приносить людям большое эстетическое наслаждение. Например, когда Вы в своем письме говорите о «боли раненого камня», я нахожу, что это превосходное выражение. Оно принадлежит искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение» (ЛГ. 1974. 20 марта).

Этой высокой оценкой своего коллеги по перу Кулиев гордился, ему было приятно, что Робер Мерль смог понять главное в его творчестве, ту суть, которую он художественно выражал в своих стихах. Вспоминая свое посещение городов Парижа, Ниццы, Экс-ан-Прованса, Кулиев рассказывал: «... Наша поездка во Францию была полезной. На мой взгляд, она оказалась очень полезной, потому что живое общение литераторов разных стран не может заменить даже самая лучшая книга. Мы встречались с читателями в различных городах Франции, и всюду аудитории были полны».

Духовное общение между писателями разных стран играло важную прогрессивную роль в развитии этнокультур, способствовало развитию чувства солидарности и дружеских взаимоотношений между ними. Стихи Кулиева издавались на многих языках мира. Так, в предисловии к вышедшему в Болгарии в 1969 г. сборнику избранных стихотворений К. Кулиева составитель и переводчик Николай Христов писал: «Кайсын Кулиев — это сын своего времени. Век долго не думал — оставил

ему великое право говорить от имени Человека. Может быть, этим объясняется чувство планетарности в поэзии Кайсына Кулиева. Потому что слово «человечество» не имеет множественного числа».

Кулиевское искусство слова ценится за рубежом высоко, как художник он вошел в мировую поэзию. Об этом свидетельствуют многие высказывания и оценки его творчества видными писателями и общественно-политическими деятелями. Так, Мечислав Кргоун из ЧССР писал Кулиеву: «... Читая Ваши прекрасные стихи, я понял, как страстно Вы любите свою горную прекрасную родину и по праву гордитесь ею».

Люди различных национальностей входили в художественный мир Кайсына Кулиева и находили отражение в его слове своим национальным особенностям, отличительным чертам характера. Он понимал, что национальная форма и национальный характер – не в употреблении внешних деталей этноса. Выступая на I учредительном съезде писателей РСФСР в 1959 г. (Кулиеву тогда было 42 года), он говорил: «... Думать, что национальный характер заключается в том, чтобы писать стихи или прозу в каком-то особом восточном стиле – заблуждение. Под национальной формой мы должны понимать не внешние атрибуты, вроде бурки или кинжала. Нам надо быть эстетически грамотными в большом смысле слова, иметь широкий взгляд на мир...»

Зарубежные читатели находили в стихах Кулиева то, что их привлекало, видели именно этот «широкий взгляд на мир» и благодарили его за умение постигать красоту мира и умело выражать чувства и настроения людей. Так, Марта Вебер писала ему об этом из Германской Демократической Республики: «... Вы стали для меня каким-то образом внутренне близки, стали ближе, как друг, которому можно довериться во многом. Литература – то же самое, что и музыка: у нее нет границ, и она чувствует себя, как дома, там, где люди исполнены добрых намерений и принимают ее с благодарным сердцем». В архивах Кулиева есть несколько писем от этой женщины. Вероятно, их дружеская встреча на одном из форумов оставила духовный след в сердце поэта, потому что среди

его многих зарубежных стихов есть и произведение, обращенное к ней. «Марта улицей Праги идет» (1977) — так называется это стихотворение, в котором Кулиев выражал свои чувства восхищения всем, что окружало ее.

Марта улицей Праги идет.
Голубеет апрель.
Так у Марты походка легка,
Так свободна походка,

Так красив ее город!
Как город, красива и Марта!
Марта улицей Праги идет.
Зеленеет трава.

Марта улицей Праги идет.
Шелестят ей каштаны.
И каштанам, и травам, и ей
Я слагаю стихи.

Я слагаю стихи
Тротуару, что под ноги лег ей,
Я слагаю стихи
Ее звонким и легким шагам.

Я слагаю стихи
Ее голосу, милой улыбке,
Ее тени, спешащей за ней,
Я слагаю стихи.

Перевел Д. Долинский

Польский поэт Витольд Домбровский в 1974 г. в Варшаве подготовил книгу Кулиева, в которую вошло 36 стихотворений, и высоко оценил стихи «Скалы в лунном свете» и «Тихие стихи». В мае 1986 г. польский поэт Юрий Виелюнский прислал в Дом-музей Кулиева сборник стихотворений на польском языке, в котором были и стихи горского поэта, но его, к сожалению, не было в живых.

Хочется верить, что поэзия Кайсына Кулиева останется в сердцах зарубежных читателей на долгие годы и имя его не будет забыто ими в новом тысячелетии.

О ПОЭМЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА «ЗАВЕЩАНИЕ»

Из выступления на региональной научной конференции «Читатель и современный литературный процесс» в декабре 1989 г. в г. Грозном в Чечено-Ингушском госуниверситете им. Л. Н. Толстого.

Поэма Кайсына Кулиева «Завещание» на русский язык долго не переводилась. Даже такой известный переводчик, как С. Липкин, не решался перевести ее, хотя поэт не раз говорил об этой поэме как о лучшей своей вещи. «Завещание» разделило судьбу многих, долгое время запрещенных литературных произведений, потому что Кулиев поведал в нем о самом черном дне жизни балкарцев – насильственном выселении в годы сталинских репрессий.

Кулиев задумал и начал писать поэму еще тогда, когда жил в Средней Азии, где находился на положении спецпереселенца вместе со своим народом. Более сорока лет спустя об этом рассказал А. Приставкин в повести «Ночевала тучка золотая», коснулся этой темы – насильственного изгнания людей со своей родины – в это же время И. Герасимов (повесть «Стук в дверь»), в тот же ряд стала поэма балкарского поэта С. Макитова «Тринадцать лет» и карачаевского поэта Ю. Каракетова «Огнем опаленное детство» и некоторые другие.

Кайсын Кулиев отважился поведать о депортации целого народа задолго до того времени, когда об этом стало возможно говорить вслух. Еще в 1957 г. он писал:

Погибшим понапрасну в эти годы
Вся боль моя, сочувствие мое.
Бесстрашно вы сражались за свободу,
А гибли зря, лишённые ее.

Эта поэма писалась с большими перерывами в течение 15 лет (1946–1962). За это время многое изменилось в жизни страны и, в частности, в социально-культурных

процессах балкарского народа, который был возвращен на родину.

Поэма явилась плодом длительной и напряженной творческой работы. В русле той же темы в это же время написаны поэтом такие стихи, как «Родной земле», «Если радость придет...», «Другу в беде...». Осмысливая события периода депортации некоторых народов Северного Кавказа, Крыма и Приволжских степей, Кулиев написал произведение, захватывавшее пронзительным лиризмом и обнаженной болью. Никогда уже он не сказал, по нашему мнению, о родине и народе так проникновенно и задушевно, как в «Завещании» («Осуят»). Вот что писал о поэме сам автор: «В Средней Азии я начал поэмы «Огонь» и «Завещание». Закончил я их на Кавказе. Они вошли в мою книгу «Зеленые чинары». «Завещание» я отношу к лучшим моим вещам».

Поэма напечатана на балкарском языке в собрании сочинений поэта. Она построена как лирическое повествование о жизни одного человека, начиная с его молодых лет до дней старости, когда он умирает на чужбине. Обратимся к содержанию частей поэмы, пользуясь подстрочными переводами С. И. Эфендиева.

«... Когда Харун был молодым чабаном, он случайно сорвался в пропасть и сломал себе ногу. Вокруг не было ни души. Он перевязал себе ногу башлыком и выполз. Ему было больно, но он не плакал: горцы не плачут. Не знал Харун, что придет день его слез. Горький день пришел, когда его отца убило молнией в горах. Почерневшее тело привезли в аул. Сын стоял у изголовья, но не плакал. Не знал он, что придет еще день его слез.

... Шла гражданская война, и Харун ушел к партизанам вместе со многими аульчанами. Он попал в плен. Деникинцы осадили группу горцев в башне. Не было патронов у тех, кто оказался в осаде. «Сдавайтесь!» — кричали враги. «Держитесь!» — вторили горы. Партизаны решили пробиться и выскочили с саблями наголо. Три друга Харуна погибли в бою, а его самого поставили у скалы, чтобы расстрелять. Но смельчак прыгнул в пропасть и чудом остался жив. И той страшной ночью он не плакал. Не знал Харун, что придет еще день его слез.

... Не заплакал Харун и тогда, когда ушли на фронт Великой Отечественной войны три его сына, и он остался

один в своем Хуламском ущелье. По вечерам он сидел на камне и смотрел, как на горе Дыхтау клубились туманы и почти физически ощущал, как медленно и тяжело проходили дни страшной войны. Не заплакал Харун и тогда, когда погиб на войне его младший сын, которого он любил больше себя. Этот день был самым черным днем в жизни героя, хотя и без того он видел много горя.

... И лишь когда в марте 1944 г. Харун вынужден был покинуть родину, он в последний раз взглянул из вагона на уходившие вершины горы Минги Тау и впервые заплакал, не прикрывая лица и не стыдясь своих слез.

... Прошли годы ссылки. Харун все это время жил на Иссык-Куле вместе с двумя сыновьями, вернувшимися с войны. Чувствуя приближение смерти, он признался сыновьям в своем сокровенном желании, что хотел бы лежать в земле родного аула. «Вернувшись в родные края, — сказал он, — выройте могилу, заполните ее камнями и на надгробии напишите имя отца». Вот и все завещание старика-горца».

Однако весь характер, вся личность героя отразилась в нем: быть в краю отцов хотя бы надгробным камнем с именем Харуна. Трагические обстоятельства закалили его волю, он знал: горцы не плачут в беде — это усвоено с молоком матери. Мужество и стойкость Харуна с наибольшей силой проявились в финальной сцене — в разговоре отца с детьми перед уходом из жизни. Победенный физически, Харун духовно не сломлен, его любовь «к родному пепелищу» смогла превозмочь все беды и страдания. Она оказалась тем нравственным стержнем, на который нанизан весь комплекс человеческих качеств героя.

Хочется верить, что одно из самых крупных художественных достижений балкарской поэзии будет когда-нибудь переведено на русский язык.

Эти тезисы выступления на региональной научной конференции были опубликованы в сборнике «Читатель и современный литературный процесс» (Грозный: ЧИГУ, 1989.)

Через год поэму на русский язык перевел С. Липкин. Кулиева уже не было в живых, но верный его памяти

мастер перевода С. И. Липкин с присущим ему талантом прекрасно перевел «Завещание», сохранив ее художественные особенности и национальную самобытность. Поэма впервые была опубликована 24 апреля 1990 г. в газете «Кабардино-Балкарская правда», являвшейся органом Кабардино-Балкарского обкома КПСС, Верховного Совета и Совета Министров КБАССР. На первой странице этой газеты был помещен портрет Кайсына Кулиева и рядом подпись: «Кайсын Кулиев – лауреат Ленинской премии... Она присуждена Кулиеву Кайсыну Шуваевичу, народному поэту Кабардино-Балкарии (посмертно), за выдающийся вклад в советскую многонациональную литературу, художественное своеобразие и развитие народных традиций в духовной жизни социалистического общества».

С 20-е по 24 апреля в советскую эпоху традиционно отмечались Ленинские дни: проводились торжественные собрания, посвященные дню рождения В. И. Ленина, трудовые субботники в городах и селах, научные студенческие конференции и т. д. И публикация поэмы «Завещание» тоже была приурочена к этому дню.

С этой даты прошло еще 10 лет. И только в 2000 г. поэма «Завещание» была издана отдельной брошюрой в издательстве «Эльбрус» (объем 64 с.), когда директором его был поэт Ахмат Созаев, с почтением и любовью относившийся к личности Кайсына Кулиева и его поэзии.

В конце этой книжечки есть небольшое благопожелание Бориса Пастернака, датированное 1956 г., когда они встретились в Москве после одиннадцатилетней разлуки:

Кайсыну Кулиеву

от меня

Б. П.

Кайсын, у Вас есть право на самое высшее в поэзии, – я признаю его.

А какие гири жизнь навесит к нашим ногам, это ее дело, это неважно.

Желаю Вам облегчения в эти дни и заслуженной победы.

Б. Пастернак

20 мая 1956.

Москва

ГАЗЕТНЫЕ СТАТЬИ В СВЯЗИ С ВЫДВИЖЕНИЕМ К. КУЛИЕВА НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

Т. Е. Эфендиева

И ЧЕСТЬ, И СЛАВА

Кайсын Кулиев четырежды выдвигался на соискание Ленинской премии. Первый раз – в 1943 г., когда он сражался за Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Однако в те трагические годы уже почти набранная книга «Горы мои» была изъята и вышла только в 1957 г. в издательстве «Советский писатель» под названием «Горы». 13 лет не имел поэт возможности печататься, был исключен в 1948 г. из членов Союза писателей СССР, испытал на себе попрание прав человека и норм гуманности, переносил акции комендантского режима, как и каждый из насильственно переселенных его соотечественников.

Второй раз на соискание Ленинской премии была выдвинута книга стихов «Раненый камень» (М.: Советский писатель, 1964). Пытались оценить этой премией и «Книгу земли» (М.: СП, 1972).

Теперь, многие годы спустя, когда вышла Декларация Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 14 ноября 1990 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечения их прав», балкарский народ надеется вновь, что поэт, имя которого стоит в ряду лучших стихотворцев мира, будет, наконец-то, удостоен этой высокой награды за книгу стихов «Человек. Птица. Дерево» (М.: Советский писатель, 1985). На эту книгу больной, умирающий поэт возлагал большие надежды. Она была опубликована лишь после его смерти.

О книге написано много статей в центральной и местной печати. Жена поэта – Элизат Кулиева – для Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР собрала все, что написано о нем, его творчестве с 1985 г. по 1989 г.: библиографию, статьи и эссе, монографии, посвященные поэту и изданные в эти годы. Более сотни положительных, восторженных статей, две монографии, подготовленные дочерью поэта Ж. К. Кулиевой к 70-летию со дня рождения Кулиева, брошюры, книга о нем «Кайсын Кулиев (Литературный портрет)», изданная в Москве в издательстве «Советская Россия» в 1985 г. профессором Т. Е. Эфендиевой, – все это о нем, о народном поэте Кабардино-Балкарии, лауреате Государственных премий СССР и РСФСР им. М. Горького Кайсыне Шувачеве Кулиеве. Но это одна сторона дела. Что же учитывает Комитет? Всемирную известность и значимость произведений писателя? Их идейно-воспитательную функцию и интернационально-патриотическую, эстетическую силу? Тогда поэзия Кайсына Кулиева отвечает этим качествам. Есть у поэта и честь, и слава, и всенародное признание. Может быть, в этот раз книга К. Ш. Кулиева будет удостоена Ленинской премии? Это было бы развитием линии, прочерченной Декларацией.

Кабардино-Балкарская правда. 1990. 1 февраля

Т. Е. Эфендиева

«Я НЕ ЧУДА ЖДУ...»

Так писал Кайсын Кулиев в тот роковой для него год – 1985-й – в книге «Человек. Птица. Дерево», изданной уже после его смерти в Москве, в издательстве «Советский писатель». На эту книгу он возлагал большие надежды: думал, что ему будет присвоено звание лауреата Ленинской премии. Он уже знал о своей неизлечимой болезни и торопился осуществить задуманное – собрать и подготовить к печати этот сборник.

Я не чуда жду, не удачи,
Снег летит и блестит на лету,

Неужель я все это утрачу
И, поверженный, тьму обрету?!
.....

Скоро снег на Эльбрусе подтает,
Но не знаю, случится ли мне
Видеть вновь, как Чегем набухает,
Как зима не спеша отступает,
Свой удел-уступает весне? ¹

Перевел Н. Гребнев

Эти строки стихов поэта приведены из стихотворения «Ночь тревоги», которое входит в большой раздел книги «Больничная тетрадь». Стараниями родных, близких друзей, общественных организаций книга «Человек. Птица. Дерево» была выдвинута через четыре года после смерти поэта на Ленинскую премию. В четвертый раз он удостоился чести быть выдвинутым на соискание этой высокой премии.

Первый раз — в 1943 г., когда он с винтовкой в руках сражался под Прибалтикой, в Крыму, на Сталинградском фронте, в Донских степях. Но тогда помешала депортация. Беззаконие и произвол не обошли стороной и его малочисленный народ, как и некоторые другие народы Северного Кавказа: карачаевцев, чеченцев, ингушей, калмыков. Набранная книга «Горы мой» в издательстве «Советский писатель» была изъята и вышла только в 1957 г. в том же издательстве под названием «Горы». А до этого тринадцать лет поэт не имел права печататься, был исключен из членов Союза писателей СССР как спецпереселенец, испытал на себе попрание законности и норм гуманности.

Второй раз на соискание Ленинской премии была выдвинута его книга стихов «Раненый камень», вышедшая в издательстве «Советский писатель» в 1964 г. Ее долго обсуждали в различных организациях, начиная от Союза писателей РСФСР и кончая библиотеками страны. Но несмотря на высокие отзывы, тщательно оформленные протоколы (многие из них хранятся в архиве Кулиева в ЦГА КБР), книга не получила признания со стороны правительства. Сборник удостоен премии РСФСР им. М. Горького. В третий раз тоже пытались оценить Ленинской

премией «Книгу земли» (М.: Советский писатель, 1972). Но на очередном заседании в 1974 г. Комитет по Ленинским и государственным премиям СССР при Совете Министров СССР под председательством Н. С. Тихонова не присудил эту премию. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР поэту Кулиеву Кайсыну Шуваевичу за сборник стихов «Книга земли» была присуждена Государственная премия СССР в 1974 г. Это тоже была большая награда для поэта и радость для балкарского народа. Поэт жил надеждой, что ему когда-нибудь будет присуждена и Ленинская премия.

Надежда — свет дневной во тьме ночной,
опора сильных и бессильных сила.
Я думаю: что стало бы со мной,
когда бы мне надежда не светила?

Перевел Н. Гребнев

Так писал Кулиев в стихотворении «Слепой живет надеждой на прозренье...» (Из сборника стихов «Книга земли» М., 1977).

Многие годы спустя, а точнее через 15 лет, балкарский народ в исторический и знаменательный для него момент, когда вышла долгожданная и желанная гуманистическая Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав» надеется, что его поэт, имя которого стоит в ряду лучших стихотворцев мира, будет наконец-то удостоен этой высокой награды за новый сборник стихов и поэм «Человек. Птица. Дерево».

На эту книгу поэт возлагал большие надежды. Все, казалось, было сделано и художником Б. Медведевым, и редакторами Н. С. Лаврентьевым и Р. Я. Соколовой, и в целом издательством, чтобы она радовала читателей и автора. Но он так и не увидел ее изданной. Она вышла после смерти поэта, несколько месяцев позже.

«Человек. Птица. Дерево» состоит из разделов «Колыбельная моя», «Жизнь остается жизнью», «Больничная тетрадь» и «Свет твоего лица». В конце книги по-

мещена «Чегемская поэма». В цикле «Больничная тетрадь» много грустных строк, в них боль и страдание, горечь понимания, что осталось жить так немного.

Вот стихотворение «Ночью перед операцией». Оно о прожитой жизни («Припомнились мне дни пережитые, бои былые и пути крутые»), о том неизвестном, что ждет поэта на больничной койке («... и вновь за мною следом идут и жизнь, и смерть, вступают в бой, и чьею он окончится победой?»).

Ночь перед операцией в больнице
Сравниться может с ночью фронтовой,
Когда не спится и наутро – бой.
И кто провидеть может, что случится:
И ветер черный, ветер ледяной,
Собьет тебя, промчится ль стороной,
Твоей ли крови суждено дымиться?

Перевел Н. Гребнев

В «Больничной тетради» многое тревожит поэта. И много передумано. Он вспоминал годы войны. И часто настоящее сравнивал с тем, что пережил в годы Второй мировой войны, когда сражался на фронтах и шел в бой. Так, в том же стихотворении «Ночью перед операцией» он как бы обращался к самому себе:

Ты победишь или падешь без сил,
Забудешь все, что знал и что любил?
И вот гляжу я из окна больницы,
как много раз смотрел через бойницы,
Давным-давно, когда я молод был...

Такие же, до боли щемящие, строки в стихотворениях «Среди ночи в больнице», «Мне труднее», «Во сне», «Ночь тревоги», «Нет матери рядом», «Голос матери моей», «Не поддаваться бессилию», «Восславь побеждающих боль», «Мой посох», «Будь со мною мужество», «Молю судьбу».

«Мой поздний свет» так назвал поэт 16 стихотворений, адресованных Элизат. Фамилии нет, но все знают, что это жена поэта, которая поделила с ним горе и радость последних трех лет.

Льется свет, и все мне стало внове.
Чем воздам за это волшебство?
Вот — стихи, и дышит в каждом слове
Свет лица и сердца твоего.

Эти символические строки о всепобеждающей любви, вселяющей веру и надежду на выздоровление — не просто дань сюжетной линии цикла «Мой поздний свет». Здесь каждая строка имеет реальную основу, выстраданную на больничных койках.

«Поздно появившаяся звезда» — так назывался цикл стихов на балкарском языке, который был опубликован в 1980 г. в четвертом номере журнала «Шуехлукъ». Датирован цикл 1979 г. Читая эти стихи, осознаешь, какая глубокая печаль пронизывает их, но трагический аспект почти не ощутим. Глубина чувства поэта, сила его нежной любви затушевывают нравственное звучание личной драмы:

Коль будешь ты возле
и в смертный мой час,
Подумаю: смерти не будет для нас.
Последние муки свои облегчая,
В лицо твое я посмотрю, дорогая.

Светлая тоска по большой, чистой любви сопровождала все шестнадцать стихотворений, оригинальных по стилю. Глубоко содержательные, они объединены единым идейно-нравственным замыслом. В каждой части цикла стихов четко выражалась позиция автора, его мысли и чувства, «раздумья долгих дум», сокровенные желания. Одно из них — пожелание любимой остаться как можно дольше молодой и красивой:

Горя и печали ты не ведай,
Горный мой цветок, не отцветай!

Эти искренние и трогательные строки являлись выражением последней воли поэта, как и весь цикл стихов, посвященных Элизат. Обращаясь к ней, Кулиев писал:

Мне с немислимой вершины
Жизнь по-новому видна.

Глубина людского счастья
И печали глубина.

В полной мере эти слова поэта относились и к тем, кому суждено еще долго жить и радоваться рассветам, весне, приходившей каждый год, белизне снега на вершинах гор, не раз воспетых поэтом. Но главное в стихах — Она, ее имя, свет ее лица, милые руки, доброта ее сердца:

Стала ты моей верой,
Ты — светоч в метель
И тенистое дерево в зной!

Весь цикл стихов, посвященных Элизат, воспринимается как гимн Женщине, самоотверженной и нежной любви.

В центральной и местной печати о книге стихов и поэм «Человек. Птица. Дерево» появилось много статей известных и малоизвестных писателей, ученых, художников, простых рабочих, деятелей культуры и искусства. О творчестве Кулиева написаны докторские и кандидатские диссертации, опубликовано несколько монографий, сборник воспоминаний «Остаться в памяти людской», составленный дочерью поэта Ж. К. Кулиевой к 70-летию со дня рождения отца. Литературные портреты его написали Ст. Рассадин (Кайсын Кулиев. М., 1974) и Т. Е. Эфендиева (Кайсын Кулиев. М., 1985); очерки — Н. М. Байрамукова (Кайсын Кулиев. М., 1975) и Т. Е. Эфендиева (Поэзия жизни. Нальчик, 1977). Но, очевидно, не по этим параметрам будут присуждаться Ленинские премии: сколько, кем и в течение какого времени писали о Кайсыне Кулиеве. О нем писали как о талантливом поэте известные писатели России: Дм. Кедрин, А. Фадеев, К. Симонов, Б. Пастернак, Н. Тихонов — начиная с 1943 г. до дня смерти Кулиева. К этим прославленным именам добавились десятки других. О поэзии Кайсына Кулиева высоко отзывались А. Кулешов, М. Бажан, Ч. Айтматов, А. Токомбаев, И. Абашидзе, М. Сарьян, Д. Кугультинов, М. Карим, А. Кешоков, Р. Гамзатов, Наби Хазри, Назир Хубиев, Нафи Джусойты, Назар Наджми, Левон Мкртчян и многие другие. Есть у поэта и честь, и слава. Мы увере-

ны, что на этот раз должна восторжествовать справедливость по отношению к нему, к его творчеству и народу.

Ленинское знамя. Черкесск, 1990. 10 февраля

Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев

ЕСТЬ У ПОЭТА И ЧЕСТЬ, И СЛАВА

Новая книга стихов Кайсына Кулиева «Человек. Птица. Дерево» (М.: Советский писатель, 1985. 368 с.) выдвинута на соискание Ленинской премии. В нее вошли стихи, посвященные друзьям, родному краю и его природе, женщине-горянке, извечной материнской любви, мужественным и добрым землякам-труженикам. Особое поэтическое мировосприятие талантливо сочетается в стихах и «Чегемской поэме» с нравственно-философскими раздумьями о жизни, об ответственности художника перед временем и Отчизной, родным народом и всем человечеством. Книга состоит из четырех разделов: «Колыбельная моя», «Жизнь остается жизнью», «Больничная тетрадь» и «Свет твоего лица». В конце книги помещена «Чегемская поэма» в переводе Н. Кондаковой. Первый раз перевел на русский язык эту поэму Н. Коржавин, перевод был прекрасным, но одно время Коржавин был «под запретом» у советской власти и произведения в его переводах запрещались в печати.

Книга стихов «Человек. Птица. Дерево» — это последний сборник стихов Кайсына Кулиева, изданный в год смерти поэта — 1985-й. В первом разделе «Колыбельная моя» помещены стихи «Среди родных камней», «Колыбельная моя», «Перед портретом матери», «Чегемец», «Песня материнскому языку», «Сожженная колыбель», «Два голоса перед перевалом», «Раздумье у речки Жилги», «Веточка алычи» и другие, в которых неповторимый мир детства и юности, родной природы снова и снова промелькнул перед поэтическим взглядом стареющего поэта на пороге роковой болезни. «Река Жилги, чью воду я пил так много лет, останешься в горах ты, а я покину свет», — с грустью и печалью итожил Поэт. «Раздумье у речки Жилги» — это разговор с любимой речкой, чей путь

освещали звезды и охраняли горы. Поэт желал ей никогда не прекращать свой бег. «Хоть ты не ведай смерти, Жилги, моя река, как небо и как скалы, как эти облака!» (Перевел Л. Шерешевский).

В другом стихотворении «Веточка алычи» поэт умолял судьбу продлить его дни, и эта мольба, обращенная к веточке алычи, имела символический оттенок, тот, что может быть похож на чудо:

Белая веточка алычи,
Перед черной горой ты – как пламя свечи.
Белая веточка алычи,
Над тобой в синем небе солнца лучи.
Белая веточка алычи,
Вместе с ласточкой мне в окно постучи.
С вешней ласточкой сердце мое обручи,
Белая веточка алычи!

Перевел Л. Шерешевский

Как большой мастер языка, Кулиев отыскал и выбрал в своем поэтическом словаре наиболее подходящие, точные и нужные художественные образы – «белую веточку алычи» и «пламя свечи перед черной горой», дающие правильные, реалистические представления о слабости свечи пред черной, а значит, большой горой. Как пульс, билось эстетическое сознание, отвергавшее близкий конец всему: «С вешней ласточкой сердце мое обручи, белая веточка алычи!»

В четвертый раз сборники стихов поэта выдвигаются на соискание Ленинской премии. Первый раз – в 1943 г., когда он сражался на фронтах Великой Отечественной войны, но тогда помешало ему выселение балкарцев. Беззаконие и произвол не обошли стороной и его малочисленный народ, который подлежал по особому Указу депортации. Подготовленная к печати книга стихов «Горы мои» была изъята и вышла только в 1957 г. под названием «Горы» в издательстве «Советский писатель». А до этого 13 лет поэт не имел права печататься, был исключен, как спецпереселенец, из членов Союза писателей СССР, испытал на себе попрание прав человека и норм гуманности, жестокие акции комендантского режима, как и каждый из его соотечественников, насильственно пе-

реселенных из родных мест в аулы и кишлаки Средней Азии.

Второй раз на соискание Ленинской премии была выдвинута книга стихов «Раненый камень» (М., 1964., 312 с.) и в третий раз пытались оценить этой премией «Книгу земли» (М., 1972. 295 с.). На очередной сессии в 1974 г. Комитет под председательством Н. С. Тихонова после обсуждения кандидатур эту книгу не удостоил Ленинской премии. За нее была присуждена Государственная премия СССР.

Многие годы спустя балкарский народ в исторический и знаменательный для него 1989 г., когда 14 ноября вышла Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», надеется вновь, что его поэт, чье имя стоит в ряду лучших стихотворцев мира, будет удостоен этой высокой награды. Книга стихов «Человек. Птица. Дерево» — лучшая из всех книг, которые публиковались поэтом. Он возлагал на нее большие надежды и верил, что она достойна Ленинской премии. Все было сделано художником В. Медведевым, редакторами Н. С. Лаврентьевым и Р. Я. Соколовой, а также и в целом издательством, чтобы книга радовала читателей и самого автора. Но поэт не дожил до этого дня.

Об этой книге за четыре года много написано критических (в основном хвалебных) статей писателями, критиками, литературоведами, деятелями культуры и искусства. Жене поэта — Элизат Кулиевой — поручено от Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР собрать все, что написано о поэте и его творчестве с 1985-го по 1989 г. За это время вышли две монографии: Т. Е. Эфендиева. Кайсын Кулиев. Литературный портрет (М.: Советская Россия, 1985. 128 с.) и В. Дементьев. Кайсын Кулиев. Размышления о жизни и творчестве (Нальчик: Эльбрус, 1988. 231 с.). Был опубликован и сборник воспоминаний «Остаться в памяти людской» (Нальчик: Эльбрус, 1987. 368 с.), составленный дочерью поэта Ж. К. Кулиевой к 70-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева.

Все есть у поэта: и честь, и слава, и всемирная извест-

ность, а его произведения отвечают самым высоким требованиям, которые обычно предъявляют взыскательные критики, указывая на художественность и воспитательную значимость стиха. Народ надеется, что социальная справедливость должна восторжествовать по отношению к балкарцам, к горцам Кавказа и книга «Человек. Птица. Дерево» будет удостоена Ленинской премии.

Университетская жизнь. 1989. 12 декабря.

Т. Е. Эфендиева

ОБРАЗ ЛЮБИМОЙ В ЛИРИКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Доклад, прочитанный на
Первой региональной научно-
практической конференции
«Женщина Кавказа и современ-
ность» 20–21 ноября 1991 г.
Нальчик, Кабардино-Балкар-
ский государственный универ-
ситет.

Высокой, идеальной категорией является в лирике Кайсына Кулиева любовь. Ей свойственна поэтизация женщины. Он успешно преумножал и развивал благородные традиции отечественной классики, используя художественный опыт русской любовной лирики. Поэты всех времен воспевали женщину, возвышали предмет своей любви, усыпали ее путь цветами, носили ее образ как святыню в сердце. Но в своих прекрасных строках о женщинах и о любви они не шли дальше восхищения и преклонения перед ней. Лишь немногие певцы связывали чувство к женщине с духом свободы, передавали мощную силу женской любви с ее непреклонной волей к свободе. И чистое, благородное сердце любящей женщины было упорно в борьбе за свои идеалы.

В XX в., век крутой перестройки, громадных изменений в социально-экономической и духовной жизни це-

дых народов и отдельной личности, голос любовной отечественной лирики продолжал по-прежнему звучать целомудренно, возвышенно и высоко. Вместе с тем от классической поэзии, скажем, России и отечественного Востока ее отличал целый ряд новых качеств, возникших в результате новых исторических условий, в которые была поставлена советская женщина. Естественно поэтому в творчестве российских поэтов женский образ, судьба женщины в ее социально-нравственных проявлениях занимали большое место и разрешались эти проблемы несколько по-иному; «...воспрянувшая, раскованная героиня своим трудом и разумом прокладывает себе путь, который не всегда усыпан розами, но на нем смысл ее жизни, ее счастья, — писал Мустай Карим. — Идет та Солнечная женщина, освещающая все вокруг и освещаясь сама. Женщина Востока — светило, выпущенное из неволи» (ЛГ. 1973. 17 января).

Чеченская поэтесса Раиса Ахматова, подчеркивая социальную и политическую активность женщины-горянки, изменения, происшедшие в ее духовном облике, писала: «О женщина гор! Где ты силу взяла, чтоб к самой вершине подняться».

Общность тем и образов несколько не мешали советским поэтам проявить свою неповторимую новизну, национальную индивидуальность и свой нравственный опыт в любовной лирике. Каждый писатель и поэт привносил в мир свое осмысление любви, свое отношение к женщине.

Принес свое понимание любви, свое отношение к женщине, матери и Кайсын Кулиев, стихи которого были проникнуты пушкинским светом, лермонтовской грустью, неослабевающим удивлением Тютчева и музыкальной стихией Блока. Как же раскрывалась «вечная» тема человеческой любви в поэзии Кулиева через мысли и чувства его лирического героя? Это особая тема, постоянно привлекавшая Кулиева, — тема женственности, материнства — переходила из цикла в цикл начиная от ранней лирики 30-х гг. («Ты ночью родилась...», 1936; «Дождь сечет бичами скалы...», 1936; «Утром под солнцем весны золотея...», 1938.) до высоких и светлых гимнов о женщинах 80-х гг. («Касыда женщинам», 1975;

«Поэма любви», 1975; «Послание женщинам Балкарии», 1981; «Любовь остается», 1985 и другие, написанные в последний год его жизни).

Вспоминая о своих поэтических музах, Кулиев сказал: «Я всегда оставался благодарным женщинам, как и жизни. Хотя порой они причиняли мне боль, но чаще дарили радость. Это в разные годы я старался выразить в стихах. Женщина — одно из непостижимых и загадочных явлений жизни. Я убежден, что женщина выше меня, она была моей матерью, вскормила человечество. А что касается поэзии, то она и женщина никогда не расстанутся. Женщина не давала остыть очагу мировой лирики, ей мы обязаны шедеврами Петрарки и Пушкина, Тютчева и Лорки, Хафиза и Блока, Есенина и Пастернака».

Разными гранями отражалась любовь в стихах Кулиева, таких, как «Мне кажется, что все певцы на свете...» (1936), «Слова любви — они стары...» (1958), «Дочери гор» (1951), «Если цените вы и январь и апрель» (1961), «Песня, подаренная девушкам» (1961), «Я тебя вспоминал у Адайских высот» (1963), «Женщинам, которых я не знаю» (1964), «Ты распустила волосы свои...» (1965), «Касыда первому певцу любви» (1980), «Мой поздний свет» (1980), «Женщина на берегу моря» (1981), «Тебя оберегать любовь велела» (1983). В этих произведениях любовь — это светлое и благородное чувство, это великая сила, которая возвышает человека и окрашивает для него мир в тона радостного оптимизма. Слова любви, хотя они «стары, как звезды, а может быть, еще древнее звезд», наполнены были живым дыханием современника:

... шепчут их, будто нынче создал
И в первый раз невятно произнес.
Пусть до того, как появился голос,
Звучали те слова, что и сейчас звучат.
Они свежи, как свеж зеленый колос,
Что в первый раз созрел сто тысяч лет назад.

Перевел Н. Гребнев

Любовная лирика Кулиева окрашена глубинной искренностью, особыми оттенками. В нежное и страстное художественное слово о любви поэт вложил всю красоту

и богатство своей души. Воспринимая любовь как огромный дар жизни, он признавал за ней возрождающее, творческое начало, ее могучие порывы и непреодолимую силу. Лирическому герою стихотворений этого цикла казалось, что в любимой заключена вся ценность жизни, все богатство, что только ради нее стоило жить и бороться за свою мечту. О любимой он говорил с уважительной нежностью и проникновенностью, с чувством благоговения: «Пред женщиной — ее руками и глазами, пред красотой ее немого я немей». Эти строки из стихотворения «Тихие стихи», посвященные им своей жене М. Дахкильгой, но они обрели общенародное звучание, как обобщение того, что выносит каждая женщина и в чем ее главное назначение:

Все радости земли, все горести и раны
Проходят сквозь тебя, все в сердце носишь ты.
Прости мне дни, когда блуждал я, как в тумане,
И низвергал тебя, как в пропасть, с высоты.

Перевел Н. Коржавин

Поклонение женщине и нравственная чистота явились определяющей чертой кулиевской поэзии. В трудный час жизни любимая ему, как мать, — опора и поддержка. И не умудренность и отчаянность, а чувство светлой и глубокой любви в основе строк стихотворения «Так мало дней отпущено нам всем» (1951):

Без глаз твоих, без плеч, без рук твоих
Не дай мне, Бог, жить без тебя под старость.
Без голоса, который добр и тих...
Не дай мне, Бог, жить без тебя под старость!

Перевела В. Звягинцева

Только умеющий любить может затронуть лучшие струны сердца. Так, как сказал Кайсын Кулиев, поведал нам и Тютчев: «О, как на склоне наших лет нежней мы любим и суеверней...» Гуманностью, благородством, чистотой помыслов навеяны многие строки нежных стихов Кулиева, посвященных любимой. В женской любви лирический герой находил успокоение, взаимопонимание, и

его душевные страдания от жизненных бурь и невзгод находили отклик в душе близкого человека: «...Я, усталый от бурь и невзгод, засыпал на вашей груди, и улеглась в русло река — смятение моей души». В «Стихах, написанных в день рождения» (1947) немало правдивых строк о женщинах:

Вы, женщины, были ко мне добры,
Хоть я вам и стоил слез,
Хотя из-за вас в моих волосах
Немало седых волос.

Поэт не упрекал их ни в чем, так как понимал их огромную роль в продолжении жизни на земле, их нравственно-эстетическое назначение:

Вы своими руками кормили меня,
Вы своими руками поили меня.
Вы дарили меня любовью своей,
Вы родили меня и моих сыновей.

Перевел Н. Гребнев

Лирический герой многих стихов Кулиева откровенно признавался, что чувство любви удвоено глубиной женской печали («В час, когда печаль на них легла, мне глаза твои еще дороже»), что ему не надо никаких наград, он отрекался от всего, лишь бы были рядом с ним любимые глаза. Всецело отдаваясь своему чувству, лирический герой чуть ли не делал любимую единственным предметом своего поклонения, выдавая ее за чудо совершенства:

Был не раз очарован я звездами,
Дивных гурий мне снились черты,
Но не создано в мире, не создано
Чуда большего, нежели ты.

Перевел Я. Козловский

Такая любовь граничила с благоговейным экстазом, доходившим до полного самозабвения. В. Г. Белинский говорил о таком чувстве, которое выражается в обожании предмета любви «без тоски и горя, ревности и на-

дежды взаимности», с «трогающей душу гуманностью, когда любящий способен сказать: «Я не хочу печалить вас ничем», или «как дай вам Бог любимой быть другим». В этом отношении Кулиев близок к нравственной пушкинской традиции: не боялся возвышенного, не избегал высоких слов, восходивших к благоговейным, ставшим классическими пушкинским словам: «Я помню чудное мгновение...» И для горца XX в. любимая — это идеал красоты:

И говорил себе, что твоего красивей
На свете я лица не видел никогда,
Что если рядом ты — я проще и счастливей,
Что крылья придает твоя мне красота.

Перевел Н. Коржавин

Эти слова Кулиева обращены к жене, подарившей ему троих сыновей. А вот пушкинские строки, посвященные жене, Н. Гончаровой:

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

В кулиевских стихах о любви нет традиционных условных обозначений женской красоты, мадригальных эпитетов, чтоб возвысить предмет любви, нет и сюжета развития отношений героя с возлюбленной, а есть только прекрасное человеческое чувство, огонь любви в «одежде слова». Оно делало человека щедрей душой и отзывчивей ко всему, что ни есть на свете. «О любви поэт говорит восторженно, — писала И. Кащежева. — Любовь — вершина, она — подвигу сродни». В стихах о любви последних лет жизни поэта прослеживалось это чувство — забота о любимой, желание уберечь ее от тревог и горестей. В стихотворении «Тебя оберегать любовь велела» (1983) Кулиев писал, обращаясь к конкретной женщине, подруге его последних дней:

Жить женщине на свете не легко.
Как уберечь тебя мне от несчастий?

Тебя оберегать любовь велела,
Любовь моя, к тебе моя любовь.

.

Я буду счастлив, если хорошо
Тебе на этом свете будет житься,
И потому прошу у жизни долгих
Я дней тебе и мне, тебе и мне...

Перевел Л. Шерешевский

Порой искреннее, высокое чувство любви выступало в лирике Кулиева, как бурная земная страсть. Свое выражение эта страсть находила у поэта в таком неожиданном сопоставлении: «Нам кажется порой в счастливый час, что рядом с нами шар земной ничтожен. От счастья так нетрудно опьянеть». Предметом его страсти и вдохновения, призванным волновать, восхищать, приносить утешение, являлась земная красивая женщина, чувство к которой охватывало всего героя и заполняло всю его душу светом и предельной остротой счастья. Помыслы и все существо его наполнялись чувством благодарности за ту радость, которую дарили любимые женщины, за тот нравственный подъем, когда душа вбирала в себя всю полноту жизни:

О женщины, которых я не знаю,
Вам эти строки скромные дарю,
Цветы земли, ее вода живая,
Я вас благодарю, боготворю!

Перевел Н. Гребнев

Это чувство было рождено органической потребностью в красоте, ибо Кулиев всегда понимал души людей, чтит в них духовную и физическую красоту. Поэтому он активно, действенно пропагандировал и утверждал художественным словом на земле красоту жизни, прославлял бессмертную женскую красоту: «Много веков существует на свете, и восхищаюсь я много столетий вечной твоей красотой!» Так писал поэт в стихотворении «Когда я увидел тебя» в 1963 г., но и спустя много лет, уже на склоне жизни Кулиев снова писал в 1981 г. в стихотворении «Сердцем твоим я согрет»:

Весеннему свету подобна женщин краса.
Всегда они рядом, как с гор белизной — небеса.
Равно им дивились поэты, не веря глазам.
Их пленником был и навеки остался я сам.
На лице твоём — свет весенний. В его белизне
Глаза твои видятся мне наяву и во сне.
Как явлено светом весенним сиянье светил,
Так свет красоты твоей жар этих строк осветил.

Перевел Д. Долинский

По мнению поэта, красота действует на чувство и разум как сила, возбуждающая в людях удивление, гордость и радость, способность к творчеству: «Я в красоте твоей искал источник силы» или «О женщин красота, всегда ты нам нужна!», «О крылья красоты! Вы значите немало, есть в красоте твоей всей жизни мощь и свет» и т. д. Красота — почти центральный, зримый образ, выстраданный и прочувствованный, одна из значительных поэтических страниц жизни поэта. И. Гринберг справедливо отметил: «... на сегодняшних стихах о любви, о женской красоте лежит особенный отпечаток сурового края. Разумеется, именно горский поэт может сказать:

Ах ты, женская красота,
Распрекрасная без прикрас,
Как над бездною высота,
Закружившая нас.

Но теперь строгая суровость сравнений лишь оттеняет добрую и нежную естественность сердечного влечения». Преданно-почтительное отношение к женщине и глубокая вера в ее высокое назначение как матери и воспитательницы, как духовной поддержки стали определяющими чертами горской лирики XX в. Это глубокое уважение к женщине у Кулиева проявлялось в стихотворении «Дочери гор»:

Вечером выйду — издали кланяюсь
Белым горам, где ты родилась.
Полутру выйду из дому — кланяюсь
Тропкам, где шла ты ребенком, резвясь.

Перевела В. Звягинцева

В стихотворении проявлено бескорыстное чувство, замечательное по своей глубине и силе. Любовь, как целомудренное чувство, робкая любовь, граничащая с почти-тельной нежностью, со стыдливостью, представлена в чувствах юноши и наполняет его душевный мир богатством эмоций.

В стихотворении «Женщина купается в реке» (1964) заключены подлинно высокая любовь и огромный мир красоты, вне которого немислим человек, искренние чувства; оно полно очарованием, оптимистическим мироощущением.

Женщина купается в реке,
Солнце замирает вдалеке,
Нежно положив на плечи ей
Руки золотых своих лучей.

Мысли, связанные с понятием «женщина», чисты и возвышенны. На все, что соединено с ее именем, Кулиев откликался светло и радостно:

Плещется купальщица в воде,
Нету зла, и смерти нет нигде.
В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,
Войн ни на одном материке —
Женщина купается в реке.

Перевёл Н. Гребнев

Это уже всеобъемлющий образ, олицетворявший мир и доброту, исключавший несчастье и зло, символ любви и красоты, приобретающий совершенно новый смысл. Стихотворение «Женщина купается в реке» покорило поэта Михаила Дудина. Он писал: «Здесь и Ренуар, и Кустодиев, Боттичелли и Рубенс сплывались в каком-то новом свете, запели всеми красками торжества жизни, засверкали благородством страсти и тревоги».

Кулиевские женские образы — это не только образы прекрасных, любивших женщин, — это олицетворение чистоты и благородства. Такой и представала перед читателями Марика Чиковани в одноименном стихотворении, наполненном чувством необыкновенной печали.

Глубокое чувство грусти поэта перекликалось с безмерным горем вдовы, потерявшей мужа. Ее горе принималось поэтом так близко к сердцу, что у читателя возникал отклик на каждое душевное движение убитой печалью женщины. Биографически обстоятельства в стихотворении вырисовывались через переживания лирического героя. Точный подбор речевых средств, в особенности эпитетов, богатство поэтической фразеологии, сила и выразительность стиха — все это служило общей задаче — передать душевное состояние во всей его цельности. Стихотворение начиналось с грустных строк. Чувства печали Марики Чиковани приобретали почти трагическую силу: «О как ты плакала, Марика, не многим плакать так дано, и небо за горой великой с тобой рыдало заодно». Выражению безутешного горя Марики посвящена вся первая часть стихотворения. В речи поэта слышалось нескрываемое волнение и скорбь, усиливаемые тем, что трагизм положения ничем нельзя смягчить. Поэтому в конце первой части стихотворения звучало полное раздумья и драматизма восклицание поэта: «С любовью смерть равновелика, как боль и радость, день и ночь. О как ты плакала, Марика, но чем я мог тебе помочь!»

Во второй части стихотворения возникало необычайно многообразное лирическое переживание, философское раздумье, в котором слились воедино и скорбь по ушедшему другу, и преклонение перед глубиной женской печали. Для выражения своего отношения к Марике Чиковани автор послания как бы затруднялся в подборе слов:

Знаю, ты мне, о женщина, внемлешь.
Но, бессильному, что мне сказать,
Как восславить тебя, словно землю,
Что несет нам свою благодать!

Перевел Н. Гребнев

Кулиев прославлял непреходящую любовь и величие женской печали вдовы грузинского поэта Симона Чиковани. Поэтическая сила и красота, с которой выражены восхищение и преклонение Кулиева, облагораживали и поднимали Марику почти до недостижимого идеала. Ду-

шевное состояние поэта выражалось с большой убедительностью при помощи знакомого поэтического приема: настойчивого повторения в первых двух строках слова «нет» перед каждой строкой. «Нет венцов, чтоб тебя увенчали, нет стихов, чтоб тебя вознесли. Чувство женщины выше печали, выше слов и несчастий земли». Волнение, охватившее Кулиева, присутствовавшего на похоронах, было связано и с другой стороной поэтического замысла. Стихотворение имело более широкое значение послания, так как оно выходило за рамки непосредственного обращения к Марике Чиковани и вообще выражало его взгляды на отношение к женщине. («С песней барда и славой героя имя *Женщина* ты подняла»). За взволнованной речью поэта, познавшего тяжесть горя и страдания, слышалась особая значительность свершившегося факта, перед которым он бессилен. Бессилен потому, что знал возможности человеческого слова. В заключительных строках этого стихотворения содержалась основная мысль, повторенная многократно во многих других произведениях, — о непреходящей красоте человеческих переживаний и бессмертии любви: «Люди смертны, как смертны растенья, но бессмертна любовь, как зерно». Любовь делалась равной смыслу самой жизни. В таком единстве показа переживаний лирического героя и самого поэта проявлялось единство и цельность многих стихотворений, посвященных женщинам, особенно в стихотворениях-посланиях.

Сердечные признания адресованы тем, с которыми сталкивала Кулиева судьба и которые оставили глубокий след в его жизни, став его поэтическими музами. Так, в 1938 г. Кулиев посвятил несколько стихотворений внучке Кязима Мечиева — Лейле, умершей совсем молодой в Средней Азии. В стихотворении «Лейле» образ девушки овеян атмосферой поэтической нежности, шедшей, по-видимому, от автора. Об этом свидетельствовали воспоминания Кулиева о своей молодости, юношеской дружбе и влюбленности. Юная горянка, несшая чистоту и счастье любви, ассоциировалась у Кулиева то с цветами в лесах Сары-Тюзе, то с шумом веселых роц и радостью внешнего тепла. Будто весеннее половодье, заполняло до краев юное существо влюбленного предчувствие счастья:

Как входит солнце в сонный двор —
Без разрешения, напролом —
И ветер оснеженных гор
Вдруг спозаранок будит дом,
В мою судьбу ты ворвалась!

.

Как запах дикого цветка
Вливается в настой садов,
Как счастья весть издалека
Влетает ласточкой под кров,
Ты нынче в жизнь мою вошла,
Вошла, как в землю теплый дождь.
Ты — радость вешнего тепла,
Ты — шум веселых вешних рощ!

Перевел Д. Голубков

Любовь к Лейле — это не только влечение пылкого сердца, но и полет мысли, вдохновение души. Лейла настолько прекрасна, что поэт искал для нее самые нежные, ласковые слова, лучезарные сравнения: «Ты — весны зеленой песня», «Свет предутренней звезды», «Вся радость мира, все улыбки детства тебя своим сияньем озарили» и т. д.

В другом стихотворении «Еще три песни Лейле» — те же чувства молодой влюбленности, усилившиеся и окрепшие от девичьего обаяния героини. Литературный образ Лейлы покорял читателя внешней красотой, гармонической слаженностью. В цикле стихов, посвященных Лейле, Кулиев создал гимн чистой, романтической любви. Романтическая настроенность этих стихов потребовала от поэта строк, наполненных нежностью, пафосом страсти. Эту извечную тему, тему первой любви, которая становилась в его стихах символом великой и вечной человечности, красоты и гармонии, Кулиев решал целомудренно и возвышенно. Об этом свидетельствуют его стихи начала 80-х гг., такие, как «Сердце не устало» (1981), «Свет весенний — на снегах вершин» (1981), «Вечерний свет» (1981), «И мир нов для меня» (1981), «За тебя» (1981), «Любовь со сказкой рядом» (1981), «За тепло, красу и свет» (1981), «... И счастливую эту строку» (1981), «На языке любви со мною говори» (1981), «Две газели» (1981),

«О краса моя!» (1981), «Не забыть мне этого лица» (1981), «Твое лицо — лицо весны» (1981) и многие другие.

Вдохновительницей творческих поисков 50–60-х гг., навсегда слившихся с лирическими строфами поэта, стала Мака Дахкильгова, вторая жена Кайсына. С ее именем связаны у Кулиева самые лучшие воспоминания и надежды. Обаятельная молодая девушка-горянка из Ингушетии, только что окончившая педагогический институт в 1951 г., стала для Кулиева всем: опорой и моральной поддержкой, другом и любимой женой. «Она, красивая, лучшим образом выражала женскую сторону сущности Кавказа, — писал о Маке Кулиев. — Я смотрел в ее глаза, и в них вставал передо мною родной Кавказ. Когда я познакомил ее с Борисом Пастернаком, он сказал о Маке: «Это же кавказская фреска!». Ей посвящен целый поэтический цикл, захватывавший каждого читателя неподдельной искренностью, подлинностью и глубиной чувств: «Поэт Востока женщину любил...» (1958), «Славой ангельской ты не увенчана...» (1958), «Живем с тобою, каждый день и час» (1961), «Снегопад в горах» (1963), «Ты снова поешь колыбельную песню...» (1963), «Я люблю твои глаза» (1965), «Твоим рукам, дарующим тепло...» (1965). В них — целая история человеческой жизни, верной самоотверженной любви, которая нравственно обогащала жизнь твою и других, торжество светлых и благородных начал жизни. В «Тихих стихах», оглядываясь на пройденный путь и прожитые годы с любимой женщиной, поэт с сожалением и грустью писал:

Желтеет за окном. И птицы над домами.
Подходит вновь зима, готовит свой набег.
Ты гладишь мне виски и теплыми руками
На голове моей вдруг ощущаешь снег.

Не первый я поэт, кто говорит про это,
И не последний я. Земле цвести, поверь:
Все будет и без нас — зима, весна и лето.
И реки будут течь сквозь горы, как теперь...

Перевел Н. Коржавин

Трогательно-нежные, грустные слова исключали всякую искусственность и фальшь. «Тихие стихи» не про-

сто впечатляли, они потрясали красотой любви к человеку, благородством мыслей, прекрасной гармоничностью художественно отображенной живой истории одной женской судьбы. Сам автор предельно ясно выразил основные мысли «Тихих стихов»: «... Я написал стихи, обращенные к моей жене. Почему же я назвал их «тихими»? Во всяком случае, не потому, что поэзия должна быть «тихой» или «громкой». Она должна быть всякой, как и жизнь. А назвал я эти стихи «тихими» потому, что обращался к женщине. Она была очень красива и вот начала стареть. Я захотел обратиться к ней с грустными, задушевными словами, сказать о своей любви, об уходящей молодости. Разве о таком можно кричать? Здесь нужны слова тихие, как вода в кувшине, как цветы на утренней поляне».

Сила художественной убедительности строк «Тихих стихов» не в драматических переживаниях лирического героя, что он уйдет когда-нибудь из мира, а мир останется, не во внешних эффектных словах, обращенных к любимой, и не в исключительности внешнего облика и внутреннего мира героини, а в самом простом: в глубоко пережитом умом и сердцем поэта, поскольку «Тихие стихи» родились от больших волнений, раздумий о жизни и любимой женщине, с которой поэт прошел жизненный путь. Так через индивидуально-неповторимое выражалось общее, поскольку художественный образ есть индивидуализированное обобщение, включавшее в себя не только единичное, но и общее, вплоть до общечеловеческого. Не случайно В. Г. Белинский писал, что великий поэт, говоря о самом себе, говорит о человечестве, ибо в его натуре лежит все, чем живет человечество; и потому в его грусти всякий узнает свою грусть, в его душе всякий узнает свою.

Почти каждое женское имя, встречавшееся в стихах Кулиева, особенно в ранних стихах, рождало поток воспоминаний, выхватывало эпизоды, связанные с этими женщинами, и почти за каждым именем вставал женский облик, характер человека, иногда его поступки, чувства, мысли. Так, на одной из встреч поэта со студентами Кабардино-Балкарского госуниверситета ему были заданы вопросы: «Как зарождаются стихи?», «Как поэт идет

от случая к стихотворению?», «Вымышленное ли имя Вера в стихотворении «Лампочка из гильзы от снаряда?».

Рассказывая о процессе творчества, Кулиев вспоминал своего боевого друга военврача медсанбата Веру Максимовну Сидорову, с которой он встретился на фронте в начале 1943 г. В этом же году написал стихотворение о ней, вернее, о первой встрече с этой замечательной девушкой, которой тогда едва исполнилось 23 года. Все было именно так, как описано в стихотворении, ничего не выдуманно, не приукрашено. Была ночь. Кулиев сидел вместе с солдатами в хатке и читал по памяти стихи Сергея Есенина, прикрыв чуть глаза. Когда он закончил читать и открыл глаза, то увидел девушку, удивленно смотревшую на него. Оказалось, она тихо вошла и молча села послушать стихи Есенина в исполнении молодого горца.

«По-разному происходит зарождение вещи, — писал Л. Леонов в статье «Талант и труд», — с проблеснувшей детали или портретного наброска, ситуации или психологического открытия, отвлеченной идеи или почти музыкального отношения темы-полудогадки, но потом это неминуемо должно пройти через тесную формирующую линзу мысли». У Кулиева это произошло не с психологического открытия, скорее, с жизненного случая:

Лампочка из гильзы от снаряда
Засветилась. Хата. Ночь темна.
Я читал стихи, а в балке рядом
Били пулеметы. Шла война.
Ты, не сняв подогнанной шинели,
Села в уголок под образа.
Я читал, а на меня смотрели
Цвета летних сумерек глаза.
Так и состоялась наша встреча,
Наша дружба от нее пошла...

Перевел Н. Коржавин

Стихотворения этого цикла — интимные, личные и гражданские, — такие, как Валентине Лебедевой («Девушке с Севера», 1942), Н. Кешоковой («Жена поэта», 1960), Сильве Капутикян («Надо мною шумит платан», 1963), вдове Мусы Джалиля («Амине Залиловой — жене казненного поэта», 1966), Т. Марутовой («Вечер у Машука»,

1972), народной поэтессе Узбекистана Зульфие в одноименном стихотворении, отличались высокой одухотворенностью, глубоким и мягким лиризмом, искренностью. Устойчивое поэтическое чувство, просветленность, ликующая радость жизни пронизывали многие стихотворения, посвященные женщинам.

Любовь к женщине как великая сила жизнетворчества подчас изображалась в лирике Кулиева трагичной. Драматическое в любви у него – не повествование о горестном переживании, а результат художественного разрешения противоречий в жизни конкретных людей с их духовно сложными внутренними процессами. Трагедия неразделенного чувства, разочарования в любви и дружбе, измена существовали для людей во все времена. «Миллион терзаний» от неразделенного и еще более – от оскорбленного чувства – испытали лирический герой Низами Меджнун, грибоедовский Чацкий и шекспировский Гамлет. Это же человеческое чувство заставило Бориса Пастернака признаться: «... как будто бы железом, обмакнутым в сурьму, тебя вели нарезом по сердцу моему», когда он переживал за Ольгу Всеволодовну Ивинскую, находившуюся в застенках КГБ, и из-за гибели его ребенка.

Этот же мотив звучит наперекор всем утверждениям о рациональности и рассудочности электронного века, вопреки философии эротомании, в строках Кулиева:

Да, раны, нанесенные любовью,
И раны, нанесенные войной,
Болят равно, равно нам стоят крови
И жгут нам сердце жгучестью одной...

Перевел Н. Коржавин

Такая любовь приносила поэту боль и страдание. Но это тоже проверка его сердца, его чести и умения беречь радость.

Драма неразделенного чувства, горькое сожаление о несбывшихся грезах выражены в стихотворении «Я слово искал...». Интересно возникновение этого стихотворения. Пролетая в самолете над туркменской пустыней, Кулиев увидел сверху этот необозримый песчаный простор, подумал о том, что какой бы проливной дождь ни

обрушился на эти ненасытные пески, они его поглотят и останутся такими же знойными. «И вдруг без всякой связи с этой мыслью,— писал Кулиев,— я вспомнил одну женщину»:

Я слово искал, перетряхивал снова
Свой скудный запас золотой,
Мечтал: подарю я тебе это слово,
Как влагу траве молодой.

Перевел Н. Гребнев

Казалось бы, повод для ощущения счастья совсем небольшой: герой мечтал подарить любимой сокровенное слово, «как влагу траве молодой», но оно оказалось бессильным. Счастливого мгновения, умиротворения не произошло. В миг несчастья, как и счастья, человек может стать великим творцом и потоки переживаний, ассоциаций пройдут через его сердце и разум. Простиравшаяся песчаная пустыня вызвала неожиданные ассоциации — образ равнодушной женщины. Повод для ассоциативных связей в контексте стиха у Кулиева всего лишь отправная точка, чтобы сказать о муках слова, ставших для него прежде всего муками души, жаждавшей признания. Но женщина отвергла их. Без упрека и жалоб поэт обратился к отвергнувшей его женщине:

Не тронул я словом тебя первозданным,
Ты тут же забыла о нем,
Бессильном, как дождь над простором песчаным,
Как снег над открытым огнем.

Перевел Н. Гребнев

Так возникали ассоциации в процессе художественного творчества, свидетельствовавшие о том, какими случайными путями шли подчас воображение и мысль поэта, находя ему нужное в глубинах памяти. Сильные впечатления внезапно обнажили долго вынашиваемую тему и дали выход искренним чувствам. «Замыслы ведь приходят везде: в поезде, в гостинице, в горах, в лесу — и еще долго потом пребывают в голове и в сердце, прежде чем складывается их образное выражение», — сказал Кулиев в беседе с корреспондентом «Известий» в 1971 г.

Стихотворение это написано в 1960 г., но чтобы воспринять и освоить эту поэтическую жизнь мысли в ее цельности, процессе развития, нужно ее истоки искать в живой жизни того самого, что зовут классически неразделенным чувством любви. В стихотворении «Я слово искал...» печаль не светла, она сродни лермонтовской строке, ощутимо передававшей боль души:

Я не унижусь перед тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.

Это уже страдание и редкий дар сильно чувствовать и уметь передавать бесценные звуки своего сердца. Человек, который умеет говорить с таким чувством печали, выстраданной убежденности и внутренней правды, не может не затрагивать тонкие струны человеческой души. У Кулиева достоверность высказанных, излитых переживаний передавалась точными и сильными сравнениями: «Тяжкая минута расставанья, пахнет порохом твое название» («Расставанье»). Прощание с дорогим, близким человеком всегда мучительно; идет испытание на разрыв, расставанье, когда проверяется подлинность чувств и их искренность, когда сам герой проверял себя, свое сердце, хранившее память любви. И хотя герой «постиг мелодию разлук — падающих листьев горький звук», все-таки у него осталась любовь, прекрасное чувство благородного человека. То же самое в основе строк стихотворения Расула Гамзатова. Его лирический герой, определяя свое отношение к прошлому, любви, в минуту расставанья говорил: «Я тебе оставляю и дождь и жару, журавлей, небосвод голубой... Я и так очень много с собою беру: я любовь забираю с собой».

Сила поэтических строк Кулиева заключена в умении показать живую диалектику чувства, в котором сливалась боль и радость, раскрывался процесс преодоления горькой печали, страдания. В этом отношении кулиевское понимание любви близко к знаменитым строкам Щипачева «Любовью дорожить умейте, с годами — дорожить вдвойне...» Читаем у Кулиева:

Любовь не только лунный свет в окне, —
Любовь остра, как лезвие кинжала!
То нам легко в спокойной тишине,
То слышится нам грозный гул обвала.

Порой любовь — как вишни легкий цвет,
Порой блесстит, как молния, пылая,
Но — сталь кинжала или лунный свет —
Она всегда любовь, всегда живая!

Перевел С. Липкин

В стихотворениях «Я тебе такую боль нанес...», «И я причинил вам...», «Большая боль не вопиет...», «Неужели красота должна быть злой?», «Одинокое дерево», «Счастье», «Горянке» Кулиев обращался к сложным процессам человеческих взаимоотношений, к семейным, житейским конфликтам, и говорил о трудном счастье, обманутом горьком чувстве и разрешал их в свете своих представлений о большой любви, совести и мужской чести.

Я тебе такую боль нанес,
Будто бы клинком удар неожиданный,
Так обидел я тебя до слез,
Что и сам страдаю, как от раны.

Перевел С. Липкин

«Любовь воспринимается как величайшее счастье, — писал Ст. Рассадин, — не просто потому, что стихи Кулиева — о любви счастливой, взаимной, разделенной. Точно также его жизнелюбие стойко не потому, что он не видит страданий и не страдает сам».

В творчество Кулиева глубоко трагическими строфами вошло стихотворение «Моей любовью ты была...» (1963), посвященное Лие Степановне Ерусалимчик. С этой талантливой и мужественной женщиной Кулиев познакомился в 1942 г. в Союзе писателей, когда был вызван Политическим управлением Красной Армии в Москву. Он направлялся в его распоряжение. Многие годы К. Кулиева и Л. Ерусалимчик связывали профессиональные интересы, творческая дружба и большое чувство, но встретиться им было не суждено: после войны Кулиев узнал

о ее ранней смерти. Неподдельной скорбью и трагизмом случившегося наполнены строки стихотворения о ней, где свободно дан образ, глубоко прочувствованный: «Моей любовью ты была, большой, счастливой. Теперь ты – только боль оборванной мечты», – говорил поэт, стремясь показать через свое отношение ее многогранную личность, такие ее качества, как широту взглядов, яркую неповторимость дарования, душевность.

В поэзии любя нетленность, вечность, силу,
Цвела ты. И ушла. И стал мой день тяжел.
Спокойно звезд огни горят. Ты их любила,
И за ночь абрикос, как при тебе, расцвел.
Да, и красавиц смерть уносит. Как мириться
Нам с этим? Все равно ничем здесь не помочь.
Красивое лицо твое мне часто снится
Всю ночь, пока рассвет не отодвинет ночь.

Перевел Н. Коржавин

Мучительно-неутолимая грусть звучала в строках поэта, его трагический и светлый голос волновал силой скорби. Так кулиевская поэзия, всегда свежая по содержанию и разнообразная палитрой чувств, становилась «живым глаголом действительности» (Белинский).

Диапазон любовной лирики Кулиева значительно шире, чем может показаться с первого взгляда. Стихи этого цикла вошли в русло современного литературного процесса XX в. и борьбы двух концепций человека, в самую суть сражений за тот путь, на котором человек мог стремиться к идеалу и гармонии в человеческих отношениях. Художественным словом Кулиев утверждал нетленное богатство – духовные ценности – это главное человеческое достояние. В его стихах о любви запечатлен итог поэтических раздумий, цель которых – являть поколениям благородство, вкус, воспитывать души. Воспевая женщину и чувства к ней, Кулиев утверждал неубывающую силу и молодость человеческого сердца, благородство поступков и самоотверженность. «Я знаю: если женщина жива, земля не может вымереть навечно», – писал поэт. Женщина в его поэзии – это великая Мать, родоначальница жизни, в ее руках судьба детей, мирный очаг, счастье семьи. Женщина – чудо, и земная красота

ее согревает и волнует сердце. Ее нельзя обижать, обманывать, поступать с ней неблагородно. «Тот час, когда я женщину обидел, всей жизни самым черным часом был», — укорял себя лирический герой поэзии Кулиева.

Нравственное, этическое обаяние кулиевской лирики прослеживалось и в его стихах о матери. Он написал их с некоторым укором самому себе, и от этого стихи стали еще более искренними и душевными:

В мой легкий день я буду вспоминать
Пирь, где я плясал, и песен звуки.
В мой трудный день я буду вспоминать
Твое лицо и руки.

Перевел С. Липкин

Почти через все творчество прошел образ матери. Мать в его лирике, как и земля, несет благодать, она — начало жизни. Женщина-мать давала «истoki жизни каждого из нас», чистоту стремлений («О матери и жены, — видно, чище нет наших душ, что вырастили вы») и силу дерзаний («Слабые руки, вы силой своей нас окрыляли»). Мать дарует жизнь человеку, ожидает его первые шаги и слова, она в большом и малом верна всю жизнь благородному назначению Человека.

Высокой человечностью, душевным трепетом проникнуты стихотворения «Материнские руки», «Женщинам», «Глаза матерей», «Будь я живописцем, там, на скалах...», «Матери».

В стихотворении «Памяти матери» изображена трагедия смерти родного человека — матери. Ее характер дан через условные диалоги лирического героя, обращенные к ней, через отступления и воспоминания сына. Он вспоминал тяжелые дни, когда мать отдавала детям последнее, недоедая сама. В трудные дни душа у нее оставалась чистой, а в горькие годы изгнания тревожилась за него; не смыкая ночью глаз перед больным, была добра ко всем, «как у себя в Чегеме». Уставшему и измученному возвращала детство, ощущение родной земли. И вот мать умерла. Первый раз за всю жизнь ранила поэта, ранила своей смертью: «... матери за жизнь нас ранят только раз, теперь и у меня в душе такая рана». Но и эту рану она пыталась смягчить, обращаясь к сыну с услов-

ным монологом, преисполненным доброты и непреходящей любви. В этом своеобразном завещании раскрывалось внутреннее богатство, щедрость материнского сердца. Тревога за сына и любовь к нему, желание видеть его добрым и справедливым не оставляли мать и перед смертью. Даже в могиле, по мнению поэта, она будет беспокоиться за его жизнь и судьбу: «Ты без меня живи, как жил до этих пор, будь справедлив, чтоб все друзья тебя любили». Здесь вечная и неизменная материнская любовь, как и во многих стихотворениях Кулиева. Лирический герой клялся в своей верности завещанным ею принципам жизни. Он признавал, что все его благородные дела и поступки исходили от нее и за них нужно благодарить ту, которая его воспитала: «Все, кто листал не зря страницы книг моих, — за все добро благодарите маму».

В стихах моих тепло от молока того,
Которым ты меня в младенчестве вскормила,
В нем красота лица родного твоего,
И доброта твоя, и мягкость, — может, сила.

Перевел Н. Коржавин

Так, через сыновние чувства и душевные переживания лирического героя утверждалась вечность матерей, любовь и человечность современника Кулиева. Эти чувства помогали отчетливее и глубже понять духовный облик горца XX в.

Почти идеальный, как и в традиционном народном понимании, запечатлен образ матери в ранних стихах-воспоминаниях и более поздних: «Мать принесла воды из родника» (1936), «Пускай меня любая спросит мать...» (1936), «Во дворе» (1936), «Ты ждешь меня» (1941), «Я вижу, мама, день весенний» (1961), «Свой дом я вспоминаю очень часто...» (1965), «Все тот же снег белеет в дальней дали...» (1970), «Как на руках у матери...» (1969), «Счастливые сны» (1972), «Две песни, которые любила моя мать» (1974), «Нет матери рядом» (1980), «Голос матери моей» (1980), «Язык моей матери» (1983). Поэзию Кулиева как поэзию горского поэта невозможно представить себе без поклонения отчому дому и возвышенной, коленопреклоненной любви к старой горянке. «И кланяюсь всем матерям я в ноги, когда о матери своей пою», —

признавался поэт. Такие строки подкупали правдивостью, поражали и волновали своей подлинностью и простотой формы. В стихотворениях «Мне снится детство: мать из дома вышла...», «Речки детства» полнота и свобода самовыражения лирического героя все время расширялась от детского восприятия родного дома — к гражданскому, а затем и к общечеловеческому. Искренние признания героя: «У всех у нас вначале были речки, с их берегов мы начинали путь...» — четко подчинялись авторской позиции: раскрыть неразрывную связь личной судьбы с судьбой народа, родным краем, отчим порогом:

Пусть эта речка — мелкий ручеек.
Ее течение — это твой источник.

Перевел Н. Гребнев

Так, через сокровенное, родное, через «речки детства», воспоминания о матери художник слова Кайсын Кулиев далеко выходил за пределы родной Кабардино-Балкарии.

В лирических стихах о матери-горянке Кулиев шел от малого клочка родной земли, синеватой дымки в ауле, от старушки-матери, сидевшей на камне, от высоких горных вершин, блестящих снегами, к широким обобщениям, к тому, что приобретало общечеловеческое звучание. «Зеленые травы и белый снег жили рядом в стихах моих», — писал Кулиев, подразумевая под снегом и белую папаху Эльбруса, и балкарский пейзаж, и дыхание времени. Святое чувство любви к матери, земле отцов связано с широтой мировидения Кулиева, для которого его внутренний духовный мир и великий мир людей едины. Это органическое единство личного и общественного, национального и общечеловеческого нашло отражение во многих произведениях поэта. Образ матери, женщины по силе, заключенной в нем, в творческом сознании поэта был равен понятию Матери-родины. «Где-то стонет женщина вдали...» — это очень известное стихотворение Кулиева. Написано оно в 1960 г. и не раз цитировалось Индирай Ганди, когда она приезжала в Советский Союз с дружественным визитом. Она тоже была матерью, напевала своим детям колыбельную песню. А в ней, по сло-

вам поэта, — «вечный страх, тревоги всей земли», поскольку Женщина-мать знает, что

Первой пулей на войне любой
Поражают сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

Перевел Н. Гребнев

Сквозной мотив — мотив женщины-матери — после М. Горького получил широкое развитие в художественной литературе. «Особенно, — писал Мирзо Турсун-заде, — в литературе стран Востока. Ведь сила женственности — это сила созидания, сила мира, сила устремленности человечества в будущее, это символ Родины и свободы». Во имя самых высоких гуманистических идеалов, во имя общественного действия и активной любви к людям, к своей семье и своим детям живет на земле Женщина. Через ее трудную судьбу проходят нити духовного и нравственного:

Все радости земли, все горести и раны
Проходят сквозь тебя, все в сердце носишь ты.

Т. Е. Эфендиева

ТЕМА ДЕПОРТАЦИИ И ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ РЕШЕНИЕ

Доклад был подготовлен для Российской научно-практической конференции «Репрессированные народы: упразднение их национальной государственности и проблемы реабилитации». 26–27 декабря 1993. Элиста: КГУ. 1993.

Поэтический путь Кайсына Кулиева периода депортации балкарского народа был сложным и драматическим. Порою его охватывало отчаяние, и тогда он писал

вдове Кедрина Людмиле Ивановне: «... надоест, уйду к Мите». Он имел в виду неожиданную смерть своего друга Д. Б. Кедрина, который в 1945 г. вышел однажды из своего дома здоровым и невредимым и был подло убит злодейской рукой. Сейчас трудно гадать о том, были ли такие минуты отчаяния, в которые поэт, воспевавший всегда мужество, силу воли, терпение, хотел свести счеты с опостылевшей жизнью. Но то, что время депортации было для его народа и для него лично годиною испытаний, нет ни у кого сомнений. В тяжелую пору для балкарского народа поэт был рядом с ним, хотя он имел право остаться там, где пожелает, за исключением Москвы и Ленинграда. Правительство очертило круг — 50 километров должно было отделять поэта от Москвы. Он мог жить недалеко от столицы, писать, и, возможно, публиковать свои произведения (на балкарском вряд ли, но в переводах на русский язык, может быть). «Ты умрешь как поэт на этом политически-региональном пространстве», — сказал тогда Дмитрий Кедрин, обращаясь к Кулиеву. — Ты должен быть там, где находится твой народ». — «Да, я пойду по стопам своего многострадального народа», — убежденно проговорил поэт. Так они тогда и решили — двое друзей — в домике Кедриных, в Подмосковье, в селе Черкизово. Вот как сам Кулиев вспоминал об этом: «... Я сел в электричку и поехал в подмосковное село Черкизово — к Дмитрию Кедрину. Я рассказал ему все, добавив, что сам твердо решил ехать в Среднюю Азию — к своим. Дмитрий Борисович сказал: «Правильно!» На том и решили в бревенчатом домике, где я провел много вечеров, дружески беседуя и читая стихи, с этим милым, честным, талантливым человеком»¹. Оба поэта понимали, что для Кулиева это время станет исторической страницей, ознаменованной важными общественно-политическими событиями. Так оно и произошло за те одиннадцать лет, когда поэт находился в ссылке. Для наказанных народов это длилось тринадцать лет.

О насильственной высылке некоторых народов Северного Кавказа из их родных мест проживания и об их жизни при комендантском режиме НКВД в атмосфере немоты, покорности и страха, теперь написаны повести, поэмы, рассказы, созданы кинофильмы и художествен-

ные полотна. А тогда, в 1943–1953 гг. (в 1953 г. умер Сталин), при сложившейся сталинско-бериевской диктатуре были окончательно нарушены принципы социальной справедливости, права человека и продолжала развиваться история геноцида не только отдельных людей, социальных групп: интеллигенции, крестьянства, духовенства, — но и целых народов и наций. Идеологический диктат тяготел над всеми, в том числе и над писателями и поэтами, особенно теми, которые оказались вместе с депортированными народами. И в этих условиях Кулиев писал. Драматически сложный мир периода депортации балкарского народа нашел свое художественное воплощение в цикле стихов Кулиева «Песни ущелий» (стихи о прошлом Кавказа) и в разделе «Разговор с дождем», к которому взят эпиграф «Примчится ливень с дождем и пеной, и содрогнешься, стихом пронзенный» (Тициан Табидзе). Эти разделы входят в книгу Кулиева «Горы» (М., 1957). Стихи раздела «Песни ущелий» датированы 1947-м и 1950 г. К ним взят эпиграф «В ущелье мгла и дым» (Лермонтов). И тот и другой эпиграфы имели символическое значение. Многомерность того и другого эпиграфов-символов была налицо в их системном отношении к логике жизни в тот период. Реально-историческая символика поэзии Кулиева среднеазиатского периода легко прослеживалась и в стихах «Песни ущелий» и «Разговор с дождем». В первом разделе 20 стихотворений, во втором — 68.

«В ущелье мгла и дым» — глубокий символический образ. День насильственной высылки Кулиев называл черным днем, который «шел по горным скалам, тьму и горе пред собой гоня». Поэт будет много писать и скорбеть о тех, кто умер на чужбине. В 1957 г. Кулиев писал:

Погибшим понапрасну в эти годы
Вся боль моя, сочувствие мое.
Бесстрашно вы сражались за свободу,
А гибли зря, лишённые ее².

Перевел Н. Коржавин

Кайсын Кулиев отважился поведать о высылке целых народов задолго до того времени, когда об этом ста-

ло возможно говорить без опасения попасть в тюрьму. Тема насильственной высылки невинных людей волновала поэта и поэтому повторялась во многих вариациях в поэмах и стихах Кулиева 1944–1956 гг. Он смело проклинал социальные аномалии и тех, кто это допустил: «Тем проклятье вечное, кто возжелает колос обогреть»

Затоптать поля с высокой новью,
Мирные жилища разорить.

Перевел С. Липкин

В тот период не все можно было высказывать прямо. Кулиев прибегал к иносказательной форме, писал о далеком прошлом, о сказочных злых силах, эмигенах, с которыми храбро сражались нарт-богатыри, которые иногда побеждали, а порою гибли. Такими являются поэмы «Огонь», «Серп», написанные им в период пребывания в Средней Азии. Кулиеву рассказывали, как ни в чем не повинные дети, старцы и вдовы (все мужское население сражалось на фронтах Великой Отечественной войны) были лишены за несколько часов жилищ и мирных очагов.

Очаги похожи на могилы:
сколько было прежде в них тепла,
а теперь они темны, унылы,
и остыла серая зола³.

Перевел С. Липкин

В постсоветский период проблема депортации нашла отражение в художественной литературе почти всех народов Северного Кавказа. Так, о черном дне высылки людей написаны поэмы «Тринадцать лет» балкарского поэта Сафара Макитова и «Огнем опаленное детство» карачаевского поэта Юсуфа Каракетова. Авторы поэм пережили все то, что случилось с героями этих произведений во время долгой дороги в ссылку. В романе-трилогии «Кинжал мести», ставшем знаменательным явлением в кавказской прозе, Жагафар Токумаев отразил путь родного народа от начала XX в. до его насильственного выселения в Среднюю Азию. Трагедию 1944 г. он увидел

глазами 9-летнего мальчика в ауле Ташлы-Тала Урванского района Кабардино-Балкарии, когда в считанные минуты и часы солдаты внутренних войск СССР вывели людей из домов под дулами автоматов, посадили в машины и отправили кого куда – в суровые для них дали. Он запомнил скорбное молчание обезлюдевшего родного края, и горе людей осталось в его памяти на всю жизнь⁴.

Спустя более сорока лет после выселения некоторых народов Северного Кавказа об этой незабываемой беде рассказал Анатолий Приставкин в повести «Ночевала тучка золотая», удостоенной Госпремии СССР за 1988 г. Он был, пожалуй, первым, кто отважился показать, к чему привела насильственная высылка чеченцев, что пережили дети-сироты в военную пору 1944-го, в день Советской Армии – 23 Февраля. Коснулся этой темы – насильственного изгнания людей с обжитых мест – Иосиф Герасимов в повести «Стук в дверь» (Октябрь, 1987. № 2).

Балкарский поэт Сафар Макитов, ровесник Кайсына Кулиева, создал в 1988 г. поэму «Тринадцать лет» о высылке балкарцев. Об этой проклятой народом страшной године он писал:

Они в сердцах и юношей и старцев
Оставили неизгладимый след.
В столетиях истории балкарцев
Зияют пропастью тринадцать лет.

Перевел Л. Шерешевский

В современной карачаевской литературе эта проблема нашла отражение в творчестве Османа Хубиева и Юсуфа Каракетова. У Ю. Каракетова есть поэма «Огнем опаленное детство». Он писал о том, что видел ребенком, когда их везли в товарняках в ссылку: «... Под вагоном кто-то зазевался, тронулся внезапно паровоз. Красный снег на насыпи остался, кровь стекала с лезвия колес...» Или:

Ингуши, калмыки и балкарцы,
В ком осталось силы хоть чуть-чуть,
Выносили из вагонов старцев
И детей... Окончен страшный путь!

Перевел Ф. Лаубе

На тему депортации у Кулиева есть поэма «Завещание». Сюжет и идейная направленность этих трех поэм совпадают, но время создания разное. «Завещание» Кулиев задумал написать в 1946 г. Макитов завершил свою поэму в 1988-м, а Каракетов в русском переводе Феликса Лаубе опубликовал свое произведение только в апреле 1991 г. Если две последние поэмы и были написаны на родном языке раньше, то держались они в строгом секрете, и о них знали только близкие друзья.

Ветер перемен, демократии и гласности позволил говорить вслух о том, о чем шептались; писать о наболевшем и сохранить верность правде. Для усиления выразительности поэтической речи, художественной образности языка поэмы Ю. Каракетов вел повествование от лица подростка. К. Кулиев смотрел на все происходящее глазами неграмотного горца – чабана Харуна, а С. Макитов речь повествователя передал, как высказывание о переживаниях, шедшее от лица их носителя. Авторы поэм пережили все то, что случилось с героями в дни выселения 8 Марта, в Международный женский день, 1944 г. Юсуф Каракетов всегда с удивлением говорил: «Подумать только! Целые нации были объявлены изменниками родины и «врагами народа», даже те, которым предстояло появиться на свет».

Появился маленький чеченец
У солдатской молодой жены...
И не знал родившийся младенец,
Что «изменник» он своей страны, –

писал Ю. Каракетов в поэме «Огнем опаленное детство». Эти страшные и роковые случаи – все прошло через сердца поэтов, и страдание нашло правдивое художественное выражение. «... Кто привык к страданиям, кто ищет страдания, – писал Ницше, – тот героический человек, платит трагедией за свое существование...»⁵ Драматическое, если не сказать трагическое, существование и бытие горца Харуна нашло отражение в поэме К. Кулиева «Завещание», которая была написана кровью сердца мужественного поэта: он первым обратился к теме изгнания, к проблеме депортации балкарского народа.

Горькие строки всех трех вышеназванных поэм зву-

чали как реквием тем, кто погиб безвозвратно на пути в ссылку, и тем, кто мучился там, на чужбине. Ведь только в процессе выселения было погублено более трети чеченского, ингушского и около пятидесяти процентов балкарского народов. Изгнание двенадцати народов из исконных мест проживания явилось олицетворением одного из чудовищных преступлений в истории человечества. Может, поэтому Кайсын Кулиев никак не мог совместить женский праздник 8 Марта с трагическим днем выселения, с тем, что пришлось испытать и пережить его родному народу, национальное самосознание которого было сразу изувечено репрессивной политикой. В поэме «Завещание» он писал:

Восьмое марта, где ты,
праздник чудный,
Когда приносят женщинам цветы?
Балкарские селения безлюдны,
О, что страшнее этой пустоты? ⁶

Перевел С. Липкин

Социальная память в структуре творческого сознания Кулиева продолжала еще удерживать веру в то, чему верили все народы России — «в ленинскую правду и в свет его идей», как принято тогда было говорить и писать. Сохранялась вера «в мудрую национальную политику»:

Восьмое марта, день жестокой боли,—
Такую не желаю никому!
Нас, горцев, Ленин вывел из неволи,
Неправда вновь нас бросила в тюрьму ⁷.

Перевел С. Липкин

Так размышлял, вероятно, поэт, когда, вернувшись с фронта, увидел совершенно обезлюдевшие аулы, разоренные дома, бродячих бездомных собак. Он, поэт, остался без народа. «История знает немало случаев,— писал известный поэт Башкирии Мустай Карим,— когда непокорные властелинам поэты лишались родины, и народы теряли своих поэтов. Но еще не было такого, чтобы поэты теряли свой народ. К великому горю, по произволу от-

дельных личностей, такое случилось с некоторыми народами Северного Кавказа. Родина осталась без народа».

Кулиев мужественно принял эту социальную несправедливость и решил поехать вслед за своим народом в ссылку, в которой пробыл 11 лет. Поэма «Завещание» явилась плодом длительной и напряженной творческой работы в русле той же проблемы, которая стала волновать одних художников слова и повторялась во многих вариациях в произведениях других. Так, переводчик С. Липкин написал повесть «Декада». Ее главная тема – вождь и племя. В центре повести – высылка народа на фоне традиционных пышных декад. Повесть вошла в первую большую книгу С. Липкина «Воля», составителем которой стал Иосиф Бродский. В этой книге семь поэм С. Липкина имеют общее заглавие «Вождь и племя». Эти поэмы он написал давно, но они никогда не печатались, так как считались антисоветскими. Липкин в беседе с корреспондентом «ЛГ» Т. Славиной говорил, что он придумал два народа, опираясь на быт и бытие хорошо знакомых ему по переводческой деятельности народов Северного Кавказа, живущих в одной республике. «Один народ назвал тавралами, а другой – гушанами, придумал их историю», – писал он ⁸.

К теме насильственного переселения народов и их трагической судьбе еще не раз обратятся поэты, писатели-прозаики, кинорежиссеры и другие представители искусства и культуры. Каждый из художников слова и кисти, профессионал своего дела сообразно своему таланту по-другому расскажет о роковых событиях 1943–1944 гг. Но главным всегда будет верность правде. Так, в 1995 г. в Кабардино-Балкарии закончились съемки фильма «Дорога на край жизни» о выселении балкарского народа. Одну из главных ролей в картине сыграла народная артистка России Наталья Фатеева. В жизни ее героини – депутата Верховного Совета республики, учительницы Джулдузхан – происходит трагический перелом. В начале фильма, отстаивая справедливость, она готова идти в ЦК, к товарищу Сталину, но затем к ней приходит понимание, что все слова о социальной справедливости, правильной национальной политике и светлом будущем были обманом, искусной ложью. Однако прозрение к ней

пришло слишком поздно. Она кончает жизнь самоубийством в холодном вагоне товарного поезда, везущего ее народ на восток. В предсмертной записке Джулдужхан просила прощения у своих соплеменников, для которых ее уроки закончились «дорогой на край жизни».

Прошло более 50 лет после депортации карачаевско-го, ингушского, чеченского, балкарского, калмыцкого народов, крымских татар, турок-месхетинцев, корейцев, курдов, поляков, греков, проживающих в России, немцев Поволжья, но насильственное выселение, горькая дорога этих народов через лагеря и через тринадцатилетний смертный коридор сталинской ссылки по-прежнему остаются в их социальной и исторической памяти. Сегодня в нравственной памяти людей, перешагнувших в XXI в., в эпоху нового политического мышления, проблема депортации и ее художественное решение по-прежнему актуальны и значимы, так как вопросы прошлого порой переходят в будущее, поскольку национальное сознание и самосознание как моральные категории меняются с изменением исторической обстановки и общественно-политической жизни.

К потомкам обращены мудрые мысли и слова поэта Кайсына Кулиева, к тем горцам, которые были, и тем, которым предстоит учиться у них:

О храбрые! Как радуга живая,
С одной горы влекомая к другой,
Влестит отвага ваша боевая
Над нами семицветною дугой.
Как скалы – горцев давняя твердыня, –
На вас я опираюсь в трудный час.
Мир без отваги – холод, мрак, пустыня,
Пусть осенит мой стих надгробный вас!
О годы, годы! Словно тигров тени,
Вы друг за другом гонитесь впопыхах,
Хоть раны зажили былых сражений,
По-разному горел огонь в домах.
Иных судьба изранила смертельно
И плакать заставляла матерей,
Иных за проволокой лагерей
Губила холодом, чумой метельной.
Где те, кто нашу воздвигал страну,
Кто бился за нее на бранном поле?

Один в колымском ледяном плену,
Другие рано умерли от боли.

.

Как Бетховен выразит те муки,
Что принесла нам бранная пора?
Но внесли над миром наши руки
Светильник вечной воли и добра,—

так писал Кулиев в поэме «Завещание», полагая, что найдутся и свои Бетховены, и классики-писатели, которые со всей художественной силой правдиво отразят историю.

Поэтический мир Кайсына Кулиева периода депортации многогранный и сложный в нравственно-психологическом плане. В тревоге за будущее родного многострадального народа он художественным словом утверждал мужество терпения, веру в справедливость, нравственную чистоту поступков и действий, выступая против антигуманных, тиранических явлений сталинизма, которые стали для его народа роковыми. Поэтически осмысливая события периода насильственного выселения народов, Кулиев создал целостный духовный мир горцев в таких произведениях, как «Родной земле», «Охотникам, заблудившимся в ущельях», «Над старой книгой горских песен», «Гибель всадника», «Жизнь», «Всюду мгла на дороге моей», «Я пришел с гор». В них и во многих других даны поэтические образы прекрасной Балкарии и мужественного горца, тосковавшего по родному краю. В стихах этой тематики, особенно произведениях пятидесятого года, ощущались оптимистические ноты — интонация победы над злой стихией, трудностями. Мужественный человек их побеждал. Эта мысль четко проходила в стихотворении «Ночью, когда шел снег» (1950):

Снег по грудь коню твоему,
Но ты погоняй коня.
Гляди: впереди мерцают огни!
Взгляни: Уллу-Эль впереди!

Перевел Н. Гребнев

Выступая на Пятом съезде писателей СССР (1971), Константин Симонов говорил: «Не все легко вспоминать

в своей истории. Но как без этого? Как без полного знания всего, что было в истории, понимать душу своего народа, меру его стойкости, запас его нравственных сил?»

Меру стойкости и мужества горцев Кавказа Кулиев хорошо знал, ибо он разделил с ними все горести и унижения при комендантском режиме НКВД. Слова Константина Симонова запали ему в душу, Кулиев был на этом съезде и слушал его выступление. Горский поэт думал тогда о нравственной стойкости своих земляков, родных и близких, друзьях. Он воспел их в своих стихах среднеазиатского периода жизни, поддерживая в них силу духа, стойкость в беде, мужество терпения, волю к свободе и социальной справедливости. Так, обращаясь к ингушскому поэту Джемалдину Яндиеву, Кулиев писал: «Не плачь и постарайся, друг, спокойным быть, как облака...» И не только к нему, но и к тем, которые были с ним рядом в дни депортации.

¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 451, 452.

² Кулиев К. Книга земли. М., 1977. С. 366.

³ Там же. С. 369.

⁴ Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С. Национальный характер и ономастика (на материалах прозы Берта Гуртуева и Жагафара Токумаева) // Проблемы региональной ономастики. Материалы Международной научно-практической конф. Майкоп, 1998. С. 162, 163.

⁵ Ницше Ф. Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 606.

⁶ Кулиев К. Завещание // КБП, 1990. 24 апр.

⁷ Там же.

⁸ Липкин С. Дерзость и талант // ЛГ, 1989. 29 марта.

Т. Е. Эфендиева

ВРЕМЯ В ЛИРИКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

(Стихотворения 40–50-х гг. на тему о родном крае)

Кайсын Кулиев всегда остро чувствовал, что его личная судьба и судьба его родного народа зависели от власти времени. Временной разрыв между прошлым и на-

стоящим он глубоко осознавал, особенно это чувствовалось в стихотворениях среднеазиатского периода жизни поэта, когда тема родного края занимала значительное место в его лирике. Кулиев как большой художник понимал, что время не существует само по себе, вне материальных изменений и социально-политических перемен. Все материальные системы и процессы обладают длительностью и изменяются от прошлого к будущему. Вернувшись в родные края в 1956 г. из среднеазиатской высылки, где Кулиев провел одиннадцать лет, он написал стихотворение «Мой город», посвятив его поэту, своему другу Алиму Кешокову, с которым он переписывался в годы Второй мировой войны и будучи во Фрунзе. Все стихотворение цитировать не будем, но обратимся к некоторой части его:

.
Балкария на поднятые плечи
Набросила, как бурку, облака...
О Родина моя! Вот наша встреча!
Как я спешил к тебе издалека!

Сколько чувств и восторга в одном четверостишии, сколько радости переживал поэт, вернувшись на родину после стольких лет изгнания!

Стремясь к правдивому раскрытию своих чувств и настроения, поэт пользовался известным приемом-обращением к этноприроде. Снова цитируем стихи:

А над Долинском облака часами
От Голубых озер плывут в тиши,
Густые тени на сады бросая,
Они уходят после в Хаймаши ¹.

Перевел Н. Коржавин

Это родные картины, всем известные красивейшие места родного края — Долинск, Голубые озера рядом с Бабугентом, высокогорные хаймашинские пастбища. Пейзажи овеяны радостным чувством, они даны в светлых тонах и воспринимаются оптимистически. В них «... и горы в белом дыме», и «запах дынь, настойчивый и тонкий», и «радуга с цветастыми краями», и даже «детство

озорное», то есть все то, что было дорого поэту, когда он находился вдали от отчей земли и лишь воспоминания о родной природе придавали ему силы бороться с невзгодами, которые казались поэту «снежными лавинами».

Кто от лавины снежной спасся чудом,
Свою приносит радость в дом, где рос,
Вот так тебе, что снился мне повсюду,
Свою любовь сегодня я принес.

Перевел Н. Коржавин

В поэзии Кулиева конца 40-х и середины 50-х гг. характер воспоминаний и отношение его к прошлому были настолько разными, что их трудно порой объяснить, если не знать причин. Эмоционально насыщенные, драматически напряженные строки Кулиева начала 40-х гг. резко отличались от романтически спокойных, лирических повествований конца 30-х гг. Это и понятно: предвоенная лирика другая – светлая и радостная, юношески восторженная. И сама природа в лунном свете находила воплощение через созидательный труд земляков («Мы дорогу пробили через вечный гранит, легковая машина по дороге летит. А луна вслед за нею смотрит глазом одним...» и т. д.). Эти строфы приведены из стихотворения «Су-Азау» (название ущелья в Чегеме), написанном в 1937 г. Вот этноприрода в его поэтическом восприятии:

Свет луны залил горы,
Долины, пути.
Только в Су-Азау
Не сумел он пройти.
В мощных скалах окрестных
Гнездятся орлы...
Глянешь ввысь – не увидишь
Верхушки скалы².

Перевел Н. Коржавин

В начале 40-х гг., трагического периода для советских людей, время властно диктовало поэтам иные ноты стиха – напряженного, драматического, и оно было обусловлено асимметрией причинно-следственных отношений,

общей бедой – войной. В стихотворении «Земля моя» (1942) Кулиев писал, обращаясь «к родине былин», к «народу-исполину», к своей земле:

.....
Чем чувствовать в груди стыда огонь
И звать тебя чужой, земля моя,
Пусть мой остывший труп растопчет конь,
Пусть кровь моя зальет твои поля³.

Перевел Д. Кедрин

Произведения о родном крае Кулиев создавал всегда. При этом этноприрода и малая родина органически входили в основную художественную ткань, образуя с ней единое целое. Искусственности и натянутости, какой-то фальши не было никогда, особенно это касалось поэзии Кулиева среднеазиатского периода. В это время были иные пейзажи и иное настроение. «Первым летом после войны» (1945) – одно из таких стихотворений. «Облака плывут над головой. Тень от них ложится на хлеба. Стало быть, я все еще живой?» – спрашивал поэт, удивляясь счастьем жить, видеть созревшие хлеба, чувствовать вкус дыни, то есть всего того, что может радовать человека, уставшего от войны и смертельной опасности. Обыденное и простое воспевал поэт: «Вот разрезал дыню бахчевод, на ноже кусочек мне подал. Положил я тот кусочек в рот – ничего вкуснее не едал!»⁴

Время в лирике Кулиева многозначно, и среднеазиатский период в творческом пути поэта – важный и значительный этап, показывающий, как он ставил и разрешал те нравственно-психологические и социально-политические проблемы, которые волновали его и нашли художественное отражение в его произведениях 1945–1955 гг. Такова проблема народа-изгнанника и миссия поэта при нем, тема родной природы и незабываемая память о ней, вопросы родного очага и предков, оставленных на чужбине, и многие другие, которые в национальном самосознании и исторической памяти оставались на долгие годы. При этом воспоминание явилось для Кулиева одним из средств поэтического осмысления реальности, когда поэт

находился в Средней Азии и разделил участь переселенца вместе со своим народом.

О том, как Кулиев понимал свое назначение в жизни в те годы, достаточно наглядно свидетельствовали строки «Стихов, написанных в день рождения» (1947), очень высоко оцененных Борисом Пастернаком, когда он переписывался с Кулиевым в конце 40-х – начале 50-х гг. Итак, обратимся к началу «Стихов...»:

Я, люди, рожден на этой земле,
Для того, чтобы вас любить.

.

И ваша радость – радость моя,
И ваше горе – горе мое,
Оно согнуть не в силах меня:
Ваша стойкость в крови моей ⁶.

Перевел Н. Коржавин

Сам поэт говорил, что эти «Стихи...» являлись лучшими из написанных в сорок седьмом. «В них я как бы выразил весь круг своих переживаний тех лет», – писал он позже. Ощущение жизни народа («Я все испытал... в радостный час и в горестный час я с вами бок о бок шел») с его призывом служить верно родине («Я создан, чтобы тебе служить»), утверждением преемственности поколений и идеалов человеческих отношений – все передалось в этих «Стихах...». В них поэт как бы подводил черту под всем пережитым и виденным:

Я жил вместе с вами, и тридцать лет
Пронеслось над моей головой.
Тридцать лет, тридцать бед,
Тридцать радостей, тридцать побед...

Мотив воспоминания здесь основной и главный тон. Поэт помнил годы Второй мировой войны, когда он сражался с винтовкой в руках и на его глазах погибали боевые товарищи. Обращаясь к бывшим воинам-фронтовикам, поэт говорил с ними о том, что он испытал вместе с теми, которые защищали родину:

Одним я дымом с вами дышал,
В одних окопах с вами лежал,

Одна зола согревала нас,
Одна земля укрывала нас.
И пули с одним и тем же клеймом
Входили в наши тела,
И тогда замирали у нас на губах
Одни и те же слова.

В «Стихах, написанных в день рождения» Кулиев поведал не только о своем жизнелюбии и верности друзьям, всем людям, но и о том, что в жизни его родного народа было много бед – сталинские репрессии, война, насильственная высылка, смерть близких на чужбине («... И ваше горе – горе мое»).

Обращаясь памятью к суровым военным и послевоенным годам, поэт снова переживал то, что глубоко вошло в его сердце. Он подводил в этих стихах итоги прожитых лет, и прошедшее представлялось ему всяким: драматическим и счастливым. Лучшим временем жизни было то, когда он был юным и жил у себя в родной Балкарии, там, где «... трава зелена, где ароматны цветы, земля, где хрустит под ногами снег, где песок под ногами хрустит, земля, где быстрые реки текут и созревают хлеба...»

Среди воспоминаний о родном крае особое место занимало размышление о поэзии: чем была она для него. «Поэзия, ты для меня была единственной святой. Тобою гордился, тобою жил...» Так утверждал поэт в то время, и это размышление внутренне мотивировано силой и остротой его чувства: «Тобою гордился, тобою жил, но не молился тебе, а служил». Размышления о поэзии и о себе похожи на исповедь – они свидетельствовали о сильном чувстве любви к избранному пути, который порою бывает тернист и драматичен.

Размышляя о годах войны, о настоящем, о поэзии, Кулиев часто обращался к недавнему прошлому своего народа, к годам детства и юности. Тогда он вспоминал картины родной природы, впервые так поразившие его и всегда жившие в его памяти, составляя его гордость. Вот эти стихи: «Когда мальчишкой...» (1947), «Я слагаю песню о тебе...», «Слава», «Как пахнет трава...», «Тур», «Песня о детстве», «Родной земле», «Разговор с родной землей», «На гроздьях винограда».

Когда мальчишкой
вышел я во двор
И в первый раз
увидел гребни гор,
Сверкающих
на утренней заре,
Мне показалось
тесно на дворе...
Умру,
но позабыть я не смогу
Родные горы
в розовом снегу.

Перевел Е. Елисеев

В нем выражены не только идейные устремления и основные помыслы, но и правдивые глубокие чувства его земляков-балкарцев, тосковавших по родному краю, своим ущельям и горным вершинам. Те же настроения и чувства в стихотворении «Я слагаю песню о тебе...» (1947), наполненном высокими патриотическими побуждениями. В глубинах юношеской памяти осталась созревшая кисть горной рябины, когда она «упала на тропу, узкую, засыпанную снегом, алым пятнышком...» И вот какие она ассоциации и сравнения вызвала у много испытавшего взрослого человека:

Ты — земли моей родимой кровь,
Кровь из сердца деда и отца,
Молодой окрасившая снег
У реки Адай⁷.

Перевел А. Старостин

В начале сорок восьмого года главные высоты кулиевской поэзии снова связаны с мечтами о родном крае и промелькнувшем детстве — светлой поре его жизни. Стихотворения «Смородина», «Песня о детстве», «Говорю это матери вечером» овеяны грустью, ностальгией.

И гляжу я вслед с тоской моему орленку,
и машу ему рукой, и кричу вдогонку:
Детство, детство! Отзовись,
Признавайся, где ты?

Лирико-публицистические и вопросительные интонации — характерные особенности композиции этого небольшого стихотворения, но именно они разъясняют его смысл и претворяют думы поэта в художественную ткань. То, что для него было важным, поэт сказал в самом начале стихотворения «Песня о детстве»:

Время, время, никуда
От тебя не деться!
Как орленок из гнезда,
Вылетело детство ⁷.

Перевел Е. Елисеев

Те же самые мотивы и чувства поэта в стихотворении «Говорю матери вечером» — об улетевших временах, о мире детства, который не повторится, «смех мальчишек, отцовский шаг», о том, как к колыбели мать подходила. По мнению поэта, — это все былые дни, которые шли толпой, но волнуют они «с былою силой».

...За страницей листаю страницу —
Улелевшие времена,
Мир, который не повторится.

Но этот незабываемый мир детства и юности стал основой и началом поэтического поприща:

Погружаюсь в сумрак годов —
Там сыновней песни начало,
Первый взмах крыла, первый зов,
Песня там впервой прозвучала ⁸.

Перевел Д. Голубков

В стихотворении «Родной земле» (1947) Кулиев тоже обращался к родной Балкарии, воспевал ее природу, песни гор, обычаи, традиции и ее культуру. Без нее поэт не мог жить, как не могли находиться вдали от отчего края и его земляки. Родина оставалась в их сердцах:

Где б я ни жил, я всюду слышу это —
Свой шаг, звучащий на твоём снегу,

Твой зимний снег и добрый пламень лета,
Как песни гор, забыть я не могу.

Твоя лишь кровь струится в наших жилах,
И силу сердца ты смогла нам дать.
Ты нас любви и песням научила,
Я повторяю каждый раз опять...⁹

Перевел Н. Коржавин

Рассуждая об истоках кулиевской лирики среднеазиатского периода, правильно писала исследователь творчества поэта З. А. Кучукова, что во многих произведениях этого времени «Кулиев передает трагедию балкарского народа, пережившего в 40-е – 50-е гг. тяжелейшие испытания, связанные с войной и потерей родины в результате сталинских репрессий»¹⁰.

Время как форма бытия человека нашла художественное отражение в стихах указанного периода, обращенных к друзьям. В этих лирических посвящениях больше всего обращает на себя внимание образ самого поэта, его размышления о благородстве, мужестве, о его желаниях быть полезным людям. Особенно хотелось бы выделить два стихотворения, посвященных поэту Дмитрию Кедрину, трагически погибшему в 1945 г. «Русская сказка» (1945) и «Памяти Дмитрия Кедрина» (1945–1948) – одни из лучших стихотворений того времени, хотя трудно выделить те или иные произведения, потому что они все совершенны и поэтичны в художественном плане, исторически объективны, психологически обоснованны. Кулиев не мог не написать эти прекрасные произведения о своем друге, который его приютил в тяжелейший период жизни горского поэта. Здесь он обрел утешение и поддержку. Эта семья провожала его, когда он покидал столицу на целых одиннадцать лет, уезжая с Казанского вокзала в Среднюю Азию. В обоих стихах – лирические воспоминания о том, как поэт приходил к Кедриним, и они о многом беседовали долгими зимними вечерами. Но эти воспоминания больше свидетельствовали о драматическом душевном состоянии Кулиева, искренне любившего Кедрина и считавшего его одним из лучших поэтов. В стихотворении «Русская сказка» мы видим «чувства добрые» ко всему: к русской природе, которая

напомнила поэту его родной край, к людям, которые пригласили к себе поэта, измученного душевными сомнениями.

Я бреду пустынной чащей,
Кроны сосен вроде башен.
Снег лежит на них блестящий,
Словно в Тегенекли нашем.

Перевел Д. Голубков

Такой родной и дорогой была дорога Кулиева к милому бревенчатому домику Дмитрия Борисовича Кедрина в Черкизово, в подмосковное село, где Кулиев провел самые памятные вечера перед отъездом в Киргизию. Здесь они много говорили, и каждый высказывал свою точку зрения на трагические события высылки балкарцев и других народов Северного Кавказа, участником которых становился поэт Кайсын Кулиев. Тогда они не могли и предположить, что через несколько месяцев расстанутся навсегда: Кедрина убьют, а Кулиев будет находиться среди спецпереселенцев, потеряв права на публикацию своих произведений и не имея возможности приехать в Москву, чтобы утешить вдову и проститься со своим другом. Известие о смерти поэта Д. Б. Кедрина поразило Кулиева. Он долго не мог примириться с мыслью, что его больше нет, нет человека, которого так любил Кулиев, чьей дружбой так дорожил и гордился тесным знакомством с его семьей. А память вела к тем дням, когда

В заснеженном поселке Подмосковья
Мы сживали часто, коротая
Досуг в домишке из сосновых бревен,
И вслушивались в завыванье вьюги.
Его густые волосы сбегали,
Пересекая лоб открытый слева,
Как были тонки и подвижны пальцы!
Он голову откидывал при чтенье,
Он отличался легкою походкой...

Перевел М. Шехтер

Таким образом, в кулиевской лирике среднеазиатского периода тема о родном крае прошла во многих произ-

ведениях. Его горячая любовь к земле отцов равносильна чувствам к родной природе и истинным друзьям, которых воспел Кайсын Кулиев *.

¹ Кулиев К. Горы. М., 1957. С. 253–254.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 132.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Там же. С. 319.

⁶ Там же. С. 241.

⁷ Там же. С. 226.

⁸ Там же. С. 263.

⁹ Там же. С. 283, 284.

¹⁰ Способность к диалогу. Ч. 2. М.: Наследие, 1993. С. 250.

Т. Е. Эфендиева

О НРАВСТВЕННОЙ ОСНОВЕ СТИХОТВОРЕНИЙ Д. КЕДРИНА, ПОСВЯЩЕННЫХ К. КУЛИЕВУ В ГОДЫ ДЕПОРТАЦИИ БАЛКАРСКОГО НАРОДА

Тезисы доклада V Всероссийской научно-практической конференции 6–7 марта 1994 г., посвященной 50-летию депортации балкарского народа. *Нальчик: КБГУ, 1994.*

В трудные годы депортации балкарского народа (1944–1955) Кайсыну Кулиеву повезло в дружбе с таким замечательным поэтом, как Дмитрий Кедрин, который посвятил своему фронтовому другу два стихотворения. Эти стихи, обращенные к Кайсыну, «.. были как награда солдату, вернувшемуся из дальних походов, – писал Дм. Хренков. – Они исполнены радости, согреты чувством локтя,

* Статья «Время в лирике Кайсына Кулиева» перепечатана с некоторыми изменениями и добавлениями автора.

так хорошо знакомым всем, кто провел в окопах долгих четыре года. Дружба была превыше всего, и ничто не могло ей помешать». Так же тогда думал и Кедрин. Поэтому писал, обращаясь к поэту и тем, которые остались верны фронтовой дружбе, несмотря на репрессии, затем страхи, вызванные ими:

Но над нами есть выше,
Есть нетленнее свет;
Я не знаю, как пишут
По-балкарски «поэт».

Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас
Кабардинцу – Россию,
Славянину – Кавказ?

Это стихотворение «Ночь поземкою частой...» было написано 10 февраля 1945 г. и впервые было опубликовано в «Избранном» Д. Кедрина, выпущенном издательством «Советский писатель» в 1947 г. Кулиев тогда находился во Фрунзе вместе со своим наказанным народом, разбросанным по Казахстану и Средней Азии, испытав на себе все горькие и унижительные запреты карательных органов НКВД. По словам Кулиева, оставить его имя сочли невозможным, поэтому дали «бесцветное название «Другу-поэту». Вместо полного имени того, кому стихи посвящались, в издательстве редактора, опасаясь наветов и гонений, поставили К. К. «В том издании, – писал потом Кулиев, – была изъята строфа, позже восстановленная:

И, как Байрон хромая,
Подходил к очагу,
Пусть дорога прямая
Тонет в рыхлом снегу...

Видимо, мудрый редактор решил, что для раненого Кайсына слишком велика честь хромать, как Байрон! А вот Кедрин по простоте душевной не понимал этого. У автора сказано: «Я не знаю, как пишут по-балкарски «поэт». Это заменили словом «по-кавказски», хотя вышло и нелепо: как известно, Кавказ многоязычен. Я за-

был предупредить составителей, и до сих пор стихотворение перепечатывается с таким досадным искажением».

31 октября 1947 г. Кулиев писал Людмиле Ивановне Кедриной в Черкизово по поводу издания «Избранного» Д. Б. Кедрина. Отвечая на ее письмо, в котором она сообщала о том, что ей удалось включить многие стихи Кедрина, которые она хотела видеть в этом сборнике, Кулиев благодарил ее, что она многое делает, чтобы увековечить память Кедрина, достойного лучшей участи. В этом письме Людмила Ивановна писала и о стихотворении «Ночь поземкою частой...», посвященном Кулиеву. Это сообщение доставило поэту большую радость. Он писал: «Я счастлив, что стихи, посвященные мне, идут в книгу, ибо это превосходные стихи». Понимая, какие трудности были у вдовы с изданием «Избранного», Кулиев подчеркнул именно эту сторону жизни жены Дмитрия Кедрина: «Я восхищаюсь (не преувеличиваю) Вашей совершенно героической борьбой за судьбу творчества гениального лирика России... Да будет благословенно Ваше мужество!» Кулиев понимал, что остались еще друзья, ничего не убоявшиеся и ни в чем не усомнившиеся, когда его соотечественникам навесили ярлыки «спецпереселенец», «враг народа», «депортированный», «лишенец» и др. Балкарский поэт Кайсын Кулиев уже не раз сталкивался с необычайной сдержанностью и осмотрительностью некоторых осторожных людей, придерживавшихся официальной идеологии. Кулиев знал, что те, кто общался с репрессированными, рисковал, по крайней мере, своей карьерой и даже свободой. Кедрин ничего и никого не боялся, когда вручил это стихотворение Кулиеву. «Это были стихи, обращенные ко мне! – вспоминал Кайсын. – С тех пор прошло много лет. Было всякое. А автограф я сохранил. Еще бы! Вот он и сейчас лежит передо мной. На листке сверху три звездочки, а с отступом влево тонким почерком выведено: «Кайсыну Кулиеву». Внизу подпись «Дм. Кедрин». Кулиев гордился этими стихами, впервые к нему обращенными. В них он видел благородство и моральную поддержку, верность замечательной поэтической русской традиции и глубокое понимание единой истории народов России. Мораль Кедрина отражала

целостную систему его воззрений на окружающую действительность, содержавших в себе понимание сущности смысла человеческой жизни. Вопрос о соблюдении норм общечеловеческой нравственности нашел яркое художественное воплощение в стихотворении «Ночь поземкою частой...»

Ночь поземкою частой
Заметает поля.
Я пишу тебе: «Здравствуй,
Офицер Шамяля!»

Вьюга зимнюю сказку
Напевает в трубу,
Я прижал по-кавказски
Руку к сердцу и лбу.

Искры святочной ваты
Блещут в тьме голубой.
Верно, в дни газавата
Мы встречались с тобой.

Тлела ярость былая,
Нас враждой разделя:
Я – солдат Николая,
Ты – мюрид Шамяля.

Но над нами есть выше,
Есть нетленнее свет:
Я не знаю, как пишут
По-балкарски «поэт».

Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас
Кабардинцу – Россию,
Славянину – Кавказ?

«Случайный, незначительный, казалось бы, разговор побудил Дмитрия Кедрина написать такие тонкие, благородные стихи, – писал Кулиев в 1945–1948 гг. – Его человеческая и художественная честность была безупречной. Таким он и остался в памяти товарищей и читателей».

Исследователи творчества Кедрина предполагают, что после прощания с Кулиевым, когда он лично вручил своему другу стихотворение «Кайсыну Кулиеву» («Ночь поземкою частой...»), Дмитрий Борисович начал сразу же работу над другим стихотворением, посвященном горскому поэту, но не завершенным. В частности, Эрлен Петрович Киян писал об этом Кулиеву: «Эта запись сделана весной 1945 г., вероятнее всего, после того, как было написано посвященное тебе стихотворение «Ночь поземкою частой...». Думаю, что Кедрин продолжал работу в марте-апреле 1945-го — через несколько листов после этого текста есть запись, сделанная Кедриним в День Победы.

Его стихотворение «Трубка» уже было записано на отдельном листке во второй половине ноября 1944 г. Начиналось оно так:

Чтоб реже мытарила скука
Тебя в подмосковной избе,
Из корня балкарского бука
Друг вырезал трубку тебе.

На этом же листке Кедрин теми же чернилами записал еще два стихотворения и сам поставил точные даты: 23 и 27 ноября 1944 г. Позже, весной 1945 г., проводив друга в Среднюю Азию, Кедрин немного переработал эти четыре строки и продолжил писать стихотворение уже без названия:

Чтоб легче скиталось, чтоб скука
Не мучила в русской избе,
Из корня балкарского бука
Друг вырезал трубку тебе.

Чтоб легче казалась дорога,
Изогнутый тонкий мундштук
Из крепкого турьего рога
Старательный вырезал друг.

Серебряной, тонкой насечкой
Покрывл ее старый калмык,
Чтоб дым, завиваясь колечком,
Представился..... на миг.

Представился кем? Другом? Подходит, но у Кедрина этого слова нет. «Стихотворение, к сожалению, — писал Э. П. Киян, — осталось неоконченным». И далее в этом же письме Кулиеву от 11 августа 1975 г. Киян продолжал: «... Дружба и встреча с тобою вдохновили Кедрина на создание прекрасных, на мой взгляд, строк. Жестокое, что смерть не позволила Дмитрию Борисовичу подарить тебе и всем нам, читателям и поклонникам Поэзии, еще одно произведение, которое начиналось так сердечно».

Этими стихотворениями Кайсын Кулиев очень гордился. Они были первыми, адресованными только ему, когда он находился в тяжелом положении, был сразу «забыт» многими так называемыми друзьями. Среднеазиатский период жизни Кулиева — очень сложный период в социально-политическом и идейно-нравственном отношениях. Беды и неудачи сразу навалились на поэта: его исключили из Союза писателей как спецпереселенца; он не мог печатать свои произведения ни на одном языке; жена, взяв дочь, ушла от него. Поэт и его народ подвергались унижительным акциям; не имел он и своей квартиры и приличной зарплаты. Материальная нужда преследовала поэта, который взял на себя заботу о матери и сестрах. И несмотря ни на какие лишения и бедствия, Кулиев много работал. Статью «Памяти друга» — о Д. Кедрине — он начал сразу в 1945 г., когда узнал о трагической гибели друга: его убили бандиты недалеко от дома. В этом же году Кулиев написал стихотворение о нем «Памяти Дмитрия Кедрина», посылал много писем вдове поэта — Людмиле Ивановне Кедринной, в которых поддерживал ее морально, иногда советовался с ней, умной и мудрой женщиной, повидавшей много горя: вскоре после смерти мужа она потеряла и сына Олега, оставшись с единственной дочерью Светланой. Кулиев хорошо их всех знал и дружил с ними.

Нравственная основа стихотворений Д. Кедрина, подаренных Кулиеву, — в их искренней фронтовой и семейной дружбе. Оба стихотворения — это негаснущие «лампады» поэтического духа и высокой нравственности.

О ПЕРЕПИСКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА С БОРИСОМ ПАСТЕРНАКОМ В ГОДЫ ДЕПОРТАЦИИ БАЛКАРСКОГО НАРОДА

Доклад, прочитанный на
V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию депортации балкарского народа. *Нальчик: КБГУ, 1994 г. 5–6 марта.*

Период депортации некоторых народов Северного Кавказа – время крайней административной и идеологической жестокости. Но она оказалась бессильной и не могла разрушить дружбу, искреннее сострадание и взаимопонимание близких по духу и нравственной культуре людей. Вероятно, волею судьбы Борис Пастернак и Кайсын Кулиев подружились в годы Второй мировой войны, но их искренняя дружба и переписка начались в конце сороковых годов, когда оба испытывали нападки и гонения со стороны властей. Один находился в Москве, другой – в Средней Азии. Того и другого можно было отнести к той категории людей, именовавшихся тогда «лишенцами». К Кулиеву еще относилось два определения «спецпереселенец» и «депортированный». Переписывались они в течение почти десяти лет, начиная с 1947-го по 1957 г. Поэты хорошо понимали друг друга, знали, что значит «мука молчания», как об этом сказал Расул Гамзатов в одном из своих стихотворений, посвященных Кулиеву:

Помню:

на сердце камень один
Мы носили, покуда в разлуке
Был с Кавказом Кулиев Кайсын,
Переживший молчания муки...

Перевел Я. Козловский

Борис Пастернак был среди немногих, которые писали Кулиеву, не опасаясь впасть в немилость. Дело в том,

что Кайсын находился там, где был его неблагонадежный, по мнению властей, народ. При сложившейся сталинской диктатуре были окончательно нарушены принципы социальной справедливости: насильственно высланным людям нельзя было без специального разрешения НКВД переезжать на другое место жительства или уходить за пределы зоны. Каждый месяц в назначенный час они должны были являться в комендатуру для подписки о невыезде. За нарушение этого дикого принуждения давали двадцать пять лет каторжных работ. Кайсын Кулиев не был освобожден от этого национального унижения. Он тоже ходил отмечаться, надев форму офицера победоносной Красной Армии, в блеске орденов и медалей. Пережил в это время Кулиев и другое унижение – несправедливое исключение его как спецпереселенца в 1949 г. из членов Союза писателей Киргизии и СП СССР.

Социально-нравственная чуткость Б. Пастернака, понимание того, как нелегко было поэту переносить «невзгоды времени лихого» (Кулиев) проявлялись в его письмах Кайсыну, в которых он старался морально поддержать своего молодого друга, хотя и ему в этот период было очень трудно. 50-е гг. для Пастернака были, как и для Кулиева, тяжелым временем. Для Бориса Леонидовича наступили дни травли, которая развернулась особенно яростно после присуждения ему Нобелевской премии. Его исключили из Союза писателей СССР, в печати поливали его грязью, и верноподданные ЦК партии даже требовали, чтобы его выдворили из Союза. Когда отчаяние достигло предела, Пастернак написал стихотворение «Нобелевская премия»:

Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони,
Мне наружу ходу нет...

Западные радиостанции передали это стихотворение, и весь мир узнал правду о «добровольном покаянии» Пастернака, почему он отказался от Нобелевской премии. От несправедливых нападок поэт очень страдал, пробовал защищаться. В одном из писем в ЦК он просил: «Уйти в изгнание на чужбину для меня невыносимо».

А в другом писал: «... остались целы я сам и мой дом. Но нападки на меня продолжаются и приобрели мелкий и мстительный характер».

Оба поэта в эти долгие десять лет, как верно подметил Нафи Джусойты в статье о Кулиеве, жили мужеством ожидания невозможного. И все это было «оправдано не тем, что рано или поздно совершаются чудеса, а тем, что дает силу в беде дожидаться свершения своих надежд и мечтаний». Так, в одном из писем от 10 августа 1953 г. Б. Пастернак писал Кулиеву: «... Не падайте духом, мужайтесь. Избавление придет обязательно, хотя я сам ждал, что оно наступит раньше. Но и для меня пока ничего не изменилось, и мое время не наступило еще, и я не знаю, доживу ли до него».

Дружба с Б. Пастернаком для Кулиева была редким подарком судьбы. Горский поэт принимал участие в творческом процессе Пастернака, читал по его просьбе только что законченный роман «Доктор Живаго», делился мнением по многим вопросам переводческой деятельности и по возможности был соучастником его обширной литературной деятельности. Борис Пастернак тоже был для Кулиева духовной опорой, главной составляющей гранью кулиевской поэзии, которая тогда создавалась под влиянием личности известнейшего поэта и прозаика. И сам Кулиев не раз признавал, что в ту тяжелую и одновременно счастливую пору (времени переписки с Пастернаком) Борис Леонидович был для многих, и для горского поэта в частности, звездой первой величины, слабо освещавшей долгую ночь существования тех, кто был под запретом.

Несмотря на то, что Кулиева не печатали, он в это время много писал и некоторые из произведений отсылал «на суд» Пастернаку. Об этом свидетельствуют строки из письма от 6 апреля 1948 г., адресованного Е. Орловской:

«Это ответ на Ваше письмо и на пакет с подстрочниками Кулиева... Мне нравится все, «Пери» («Баллада о Габриэле Пери», которую Кулиев закончил в апреле 1948 г.) больше Кедрина, но необыкновенными кажутся мне, нравятся по-настоящему и дают ощущение произвольно врывающейся извне и лежащей на страницу жизни (то, чем должно быть искусство) два последних:

«Над старой книгой горских песен» и «Охотникам, заблудившимся в ущельях». Кулиев — молодец, что и говорить...

Он писал мне, я Вам отвечу, но сейчас я тороплюсь послать Вам обоим только что вышедшего Петефи, а также вкладываю в конверт для Вашего и его ознакомления стихи из романа в прозе «Доктор Живаго», о котором я, кажется, Вам писал ранее... Простите меня за лаконизм и торопливость тона, главное мое желание — доставить Вам и Кайсыну радость этой книгой. (Кайсыну я, между прочим, пришлю роскошнейшего Пшавелу, не ради перевода моего, а всего издания, внешности, иллюстраций, хевсурского Кавказа и пр. и пр.)

Бесконечно Вам и Кайсыну спасибо за Ваши письма.

Ваш Б. Пастернак.

Простите меня, в последний момент вдруг решил подписать Петефи одному Кайсыну...

ЦГАЛИ СССР, ф. 1706, оп. 1, ед. хр. 252, л. 1–15.

(В дальнейшем все письма Б. Пастернака будут цитироваться по этому архиву).

Этими книгами с автографами Б. Пастернака Кулиев очень гордился и дорожил в течение всей жизни. «... Он писал мне, присылал книги с такими автографами, которые мог сделать только он один, — вспоминал об этой поре Кулиев. — В своих письмах он учил меня чести и достоинству. Я постоянно чувствовал на своем плече его руку. Его голос доходил до меня в моей среднеазиатской дали, был опорой и поддержкой» (Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 458).

Пастернак высоко ценил многие стихи горского поэта и был в числе тех, кто поддерживал выдвижение книги стихов Кулиева «Горы мои» на Государственную (тогда Сталинскую) премию еще в 1943 г., называя поэзию Кайсына «великой жаждой жизни и огненного темперамента». Кулиев дорожил вниманием и дружбой с этим человеком, который понимал его стремления, мечты, надежды и чаяния, радовался проявлению сочувствия к своей судьбе. Такие же чувства, по-видимому, испытывал и Пастернак, когда получал письма от Кулиева и Орловской. Он ждал от них писем, и они, очевидно, были ему нужны, как бывает нужен чистый воздух. Так, в письме от 29 апреля 1948 г. он писал: «Дорогие Елена Дмитриевна и Кайсын! Получил обе Ваши телеграммы, спасибо, но лучше бы Вы мне написали письмо. Не ждите от меня обещанного «Избранного»... Готовую и однажды уже

разрешенную книжку задержали и предложили издательству не выпускать. Сборника не будет».

В ноябре 1948 г. Пастернак в письме Кулиеву отметил то, что составляло тогда лучшую сторону лирики балкарского поэта, указывая на особенные черты его характера и поэтического таланта. «... Вы пользуетесь моею взаимностью, — писал Борис Леонидович Кулиеву. — Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе». Отмечая далее прирожденный талант, самобытное дарование Кулиева, его умение показывать человека в многомерных связях с природой и бытием «для постижения мира изнутри с его лучшей и наиболее ошеломляющей стороны», Пастернак отметил: «В Вас есть эта породистость, струны или натянутой тетивы, и это счастье. Про это я Вам и хотел написать».

Пастернак дорожил мнением Кулиева, его знанием трудностей жизни и очень хотел, чтобы тот написал несколько слов по поводу его только что законченной первой части романа «Доктор Живаго». Поэтому в письме к ним обоим от 30 января 1949 г. Борис Леонидович писал: «Милые мои Елена Дмитриевна и Кайсын! Как я понял дочку Цветаевой, Ариадну Сергеевну Эфрон, она все же послала Вам из Рязани рукопись. Но так как от Вас ни слуху ни духу, то, видимо, Вы либо не получили ее, либо она так не понравилась Вам, что Вы на меня сердиты...» Рукопись они получили, читали первую часть романа и были одними из первых (кроме корреспондентки Пастернака, Марии Казимировны Баранович, машинистки, печатавшей с середины 40-х гг. множество экземпляров «Доктора Живаго»), кто имел свое собственное суждение об этом романе, в отличие от тех, кто не читал, а считал содержание романа антисоветским. О таких людях Пастернак говорил вслух: «Когда же кончится раздолье подхалимам, которые ради своей выгоды готовы шагать по трупам?» (Огонек, 1988. № 37. С. 23) Над этим романом Пастернак работал упорно и успешно. Почти через год, 14 января 1950 г., Пастернак извещал своих друзей — Кулиева и Орловскую:

«... не посылайте мне назад рукописи. Надеюсь, мое письмо застанет Вас и Кайсына на месте. (Вот уже о чем приходится меч-

таты!) Но если б в будущем Вам пришлось уехать, считайте этот экземпляр своей собственностью.

Я теперь перед вероятной уймой новых переводных задач (среди них несколько поэм Петефи, шекспировский «Макбет» и 2-я часть «Фауста»). Месяца два-три с божьей помощью напишу вторую книгу романа, пишу также стихи вроде тех. Удивило совпадение слова «снегопад» у меня и в Вашем переводе Кулиева и сходства настроения. Кстати, Ваш перевод так лишен мишуры и прикрас, что может показаться почти пересказом оригинала, я не знаю, как велика Ваша близость или как велико стремление к благородной простоте, в обоих случаях честь Вам и слава, это очень большая Ваша заслуга».

В последнее десятилетие, то есть с начала 50-х гг. до конца 60-х гг., Пастернак был всецело погружен в мир современных духовных, нравственных исканий, и стихи Кулиева, те, что присылала ему Орловская, и он сам были близки ему по их глубокому художественному содержанию, нравились своей драматичностью, поиском идеала. В этом же письме от 14 января 1950 г. Пастернак отмечал:

«... Большое Вам спасибо за письмо Ваше и Кайсына и за вложенные стихотворения. Впечатление было необыкновенное, огромное, и о нем подробнее в письме Кулиеву... Первым побуждением было ответить Вам тотчас же: невозможность рассказать важное и значащее».

Обещанное письмо Кулиеву было написано в канун Нового (1950-го) года, а точнее 31 декабря 1949 г. Оно интересно по тем выводам-решениям, к которым пришел Пастернак в связи с чтением кулиевских стихов, таких, как «Говорю дождю» (1949), «Стихи, написанные в день рождения» (1947), «Стихи, сказанные во время дождя» (1949) и некоторые другие. Пастернак увидел в этих стихах выверенную, твердую внутреннюю позицию поэта, истинно глубокое художественное чутье, так восхитившее Бориса Леонидовича.

«Дорогой Кайсын! – писал он. – В тот день, когда пришло письмо от Вас и Елены Дмитриевны, из Тбилиси приехала моя приятельница, жена Тиц. Табидзе, она обедала у нас, я пробовал читать ей листки с переводами Елены Дмитриевны, она читала глазами и соглашалась с моим потрясенным восхищением. Все это очень, очень хорошо. Это не только выношено и выражено с большой потрясающей силой, это каждый раз ее новый образ в той или иной форме прометеевой скованности и неволи.

Елена Дмитриевна права, выделяя стихи, которые Вы написа-

ли в день рождения, и стихи, написанные мне, они хороши сверхъестественно, но я ставлю рядом и «Я хочу, чтоб было так», и «Вечером, когда листья падают», и «Видя, как идет дождь».

Между прочим, несмотря на лучшие наши гетевские переводы персидской и арабской лирики, несмотря на Саади, Омара Хайяма и др., на Ваших примерах я впервые в жизни понял, открыл и испытал на себе действие и природу этих газелеобразных возвращений и повторений, трагическую естественность и победоносность этой формы, так сказать, роковой, заклятый ее ход. Все это очень крупно и бесподобно. Но что же, кроме этих восторгов, Кайсын, сказать мне Вам утешительного?.. Сегодня мне самому так грустно, что сам я больше всех нуждаюсь в утешении. Ну да все равно. Целую Вас и обнимаю. Сегодня 31 декабря. С Новым годом Вас и Елену Дмитриевну. Что делать, что делать!

Ваш Б. Пастернак»

Кулиев, получив это письмо, сделал на нем пометку: «Январь, 1950 г.».

Письма Пастернака Кулиеву интересны тем, что они позволяют увидеть, как в это время он работал над романом, поэзией и переводами Шекспира, Гете, Кальдерона, что его волновало и тревожило. Письма позволяют также проследить, как складывалась пастернаковская концепция поэтического перевода отечественной классики, его взгляды на национальную литературу, на процесс ее становления и развития. Так, в письме от 4 февраля 1950 г. он писал Кулиеву:

«Дорогой Кайсын! Вот Вам два из тех новых стихотворений, которые я хотел бы послать в более полном числе, а потом раздумал. Может быть, они Вам что-нибудь скажут? Это все в тот же роман в прозе, который я продолжаю и в который будут поступать все мои новые стихи, пока я его не допишу. Я мечтаю довести его до конца в течение этого года...»

Роман не был закончен к этому времени, как предполагал Пастернак. Он продолжал работать над ним еще много времени и переписывался со своими друзьями — Кайсыном и Еленой Дмитриевной, которым он все больше и больше доверял свои мысли, тревоги и то, что его огорчало. А огорчало его многое: он много трудился над переводами, уставал и не оставалось сил дописать роман «Доктор Живаго».

22 февраля 1950 г. он получил от них поздравитель-

ную телеграмму с днем Красной Армии и спешно отвечал:

«Сердечно благодарю Вас и Кайсына за телеграфное поздравление... Если рукопись «Живаго» в хорошем состоянии, сделайте, пожалуйста, мне одолжение, пошлите ее заказной бандеролью Анастасии Ивановне Цветаевой... Всего Вам лучшего обоим.

Преданный Вам Б. Пастернак»

Многогранной по тематике и сложной по форме общения была переписка Пастернака и Кулиева в эти годы. Это был период их наибольшей духовной близости. Рассказывая в письмах о своих творческих замыслах, о работе над романом «Доктор Живаго», над многочисленными переводами (он перевел семь трагедий Шекспира, «Фауста» Гете и много, много другого), Пастернак, по существу, общался именно с Кулиевым, хотя адресовал свои письма Орловской.

«У меня сейчас месяц-два свободных, — сообщал Пастернак, — и я поглощен работой над прозой, которую тороплюсь писать, потому что скоро опять придется заниматься проклятыми переводами (проклятый даже Фауст). Простите, что пишу второпях. Но я бы желал Вам хоть малой доли того чувства счастья и удовлетворения, которыми я полон в последнее время». И далее он с радостным чувством сообщал: «... нет, правда, я не нахваляюсь на свое самочувствие и не могу настроиться серьезно, чтобы со вниманием отнестись к своим неудачам».

Письмо это было написано 29 апреля 1948 г. Прошло уже два года с того времени, как Пастернак приступил к работе над этим романом. Он начал его в 1946 г. Вспоминая это время, Ольга Всеволодовна Ивинская, заведомо начинающих авторов «Нового мира», рассказывала:

«... В 1946 г. почти одновременно начался наш роман и работа Пастернака над романом «Доктор Живаго». Одна из главных тем романа — судьба, ее перекрестки... Пастернак писал главу за главой, а они протаптывали невидимые тропинки нашей будущей жизни, вили свою паутину из реальных событий, расставляли реальные ловушки. Да, он был заколдованным — этот роман в прозе, он приносил безумное счастье и страшное горе...» (Огонек, 1988. № 37. С. 22).

О. В. Ивинская — прототип образа Лары из романа «Доктор Живаго». Вот как об этом писал сам Пастернак в письме Ренате Швейцер:

«Во втором, послевоенном времени я познакомился с молодой женщиной — Ольгой Всеволодовной Ивинской... Она и есть Лара

моего произведения, которое я именно в это время начал писать... Она олицетворение жизнерадостности и самопожертвования. По ней не заметно, что она в жизни перенесла... Она посвящена в мою духовную жизнь и во все мои писательские дела...»

О. В. Ивинскую арестуют за то, что она прочитала и распространяла роман «Доктор Живаго» среди своих знакомых. Арестованная Ивинская сидела на Лубянке вместе с внучкой Троцкого — Сашенькой Могилиной, а после суда и многочисленных изнуряющих тело и душу допросов О. В. Ивинскую сослали, и она пять лет провела в лагере Потьме. «Ее посадили из-за меня как самого близкого мне человека, по мнению секретных органов, чтобы на мучительных допросах добиться от нее достаточных показаний для моего судебного расследования», — писал Пастернак Ренате Швейцер. Удивительно, сколько времени тратил Пастернак на переписку с друзьями и знакомыми! Вероятно, что несмотря на драматически сложившуюся жизнь О. В. Ивинской и переживания Пастернака, это было время его необыкновенного творческого подъема, огромной переписки с коллегами по перу, учеными, литературоведами. И этим только и можно объяснить, что он успевал находить время и для ссыльного Кайсына Кулиева, и его знакомой Е. Д. Орловской, проживавших во Фрунзе, в Киргизии. Возможно, он считал своим моральным долгом поддержать в беде молодого горца, когда писал 20 мая 1950 г. Е. Орловской:

«... Я хочу послать Кайсыну том только что вышедшего Гете. Это ему, но я пошлю его по Вашему адресу, потому что не знаю точного адреса киргизского Союза писателей, куда послать было бы еще разумнее, чтобы они видели, как я ценю его».

В этом письме Пастернак с чувством уважения к способностям Кулиева как переводчика (Кайсын в это время много переводил стихов с киргизского языка на русский, чтобы как-то материально обеспечить себя и семью) просил его откровенно высказаться по проблеме, которая волновала Пастернака:

«... Наверное, Вас и Кайсына, так же, как это случилось со мной, удивят блеск и совершенство почти всех новых переводов. Под ними Вы и он найдете много имен былых знакомцев (по союзу), необычайно выросших. Вот что делает непрерывная и напряженная трудовая тренировка, которой были лишены предшественники. Среди этих работ Фауст мой тонет и теряется больше, чем я мог предполагать... Мне бы хотелось, чтобы Вы и Кайсын сказали

что-нибудь веское на эту несомненную тему, не принялись разуверять меня, споря с очевидностью.

Всего Вам лучшего. Я рад, что Вы все там же (помните, Вы боялись переезда?). Спасибо за пересылку рукописи Цветаевой.

Ваш Б. Пастернак

Глубоким пониманием идей и чувств, волновавших Кулиева в эти годы, проникнуты строки писем Пастернака от 11 октября 1951 г., когда он долго болел, много страдал и не смог сразу ответить на письмо Кайсына Кулиева. Дело в том, что Пастернак переживал за О. Ивинскую, которая, по его мнению, сидела в тюрьме из-за него. Она уже просидела в тюрьме полгода, «ребенок уже всю толкался ручками и ножками... Однажды подкатила страшная боль». Ребенок родился мертвым, а Пастернак ждал рождения ребенка, надеялся на благополучный исход и решил его воспитать. «Наверное, мне отдадут ребенка. Я сказал жене, что мы должны его пригреть и вырастить, пока Люши не будет», — говорил он О. И. Поповой, которой доверял во всем (Люши — это О. В. Ивинская). Именно в это время Пастернак написал свои знаменитые строки о драматическом чувстве любви: «Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, тебя вели нарезом по сердцу моему». А вот его проза от 31 мая 1951 г.: «Дорогая моя Олюша, прелесть моя!.. Наши письма к тебе должны были прямо из души изливаться потоками нежности и печали...» Пастернак писал эти строки Ивинской, когда она сидела в тюрьме. А когда она была сослана в лагерь в Потьму, с ним случился инфаркт. Кулиев всего этого, случившегося с Пастернаком, не знал, не знал он долго и того, что Борис Леонидович сильно мучился из-за того, что другие сидят в тюрьме, а он до сих пор на свободе. Мысли об этом Пастернак выразил в стихах:

Душа моя, печальница
О всех в кругу моем,
Ты стала усыпальницей
Замученных живьем.
Тела их бальзамируя,
Им посвящая стих,
Рыдающею лирою
Оплакивая их,
Ты в наше время шкурное
За совесть и за страх

Стоишь могильной урною,
Покоющей их прах...

Не все, что случилось с ним, можно было рассказать в письмах Кулиеву, да и опасно это было: письма просматривались цензурой с той и другой стороны. Оба поэта находились под запретом, в опале. Поэтому Пастернак не мог откровенно обо всем написать Кайсыну и объяснить причину молчания. В очередном письме Пастернак, как всегда, высоко отзывался о полученных новых стихах горского поэта, пронизанных благородным мужеством, неослабевавшей болью души за все происходившее с ним и его близкими:

«... Я оставил без ответа последнее Ваше письмо и Кайсына и пачку новых его стихов, которые были так же хороши, как всегда...»

Далее, рассказывая Кулиеву и Орловской о пережитом и наболевшем, о трудностях перевода «Фауста», он с горькой иронией заметил:

«В середине августа я сдал готовую работу в издательство. Теперь редакторы будут ее читать дольше, чем Гете сочинял Фауста, а я его переводил... Оттого я перестал писать Вам и Кайсыну Кулиеву, перестав ждать и желать нового, все изнутри и изнутри, вместо новой действительности, которая пришла бы из внешней жизни. Крепко целую Кайсына. Не сердитесь на меня и о том же попросите Кайсына Кулиева.

Ваш Б. Пастернак»

Почти два года Кулиев и Орловская не получали писем от Пастернака. Только 30 января 1953 г. они получили открытку и узнали, что пережил и перенес их друг.

«Дорогой Кайсын и Елена Дмитриевна! Получил сейчас телеграмму. Спасибо за пожелания. Вероятно, Вам сообщили из Москвы, что у меня в конце октября был инфаркт и я два с половиной месяца пролежал в больнице... Очень тронут Вашей памятью... Целую Вас обоих.

Ваш Б. Пастернак»

Пастернак все эти годы жил, как и Кайсын Кулиев, ожиданием, что придет избавление от культа личности и сталинского ига. От марта 1953 г., когда умер Сталин, до августа этого же года прошло полгода, но ничего почти не изменилось для обоих поэтов. Беда пришла для Пастернака намного раньше, в 1947 г., когда 21 марта появилась в газете «Культура и жизнь» известная клеветни-

ческая статья А. Суркова «О поэзии Б. Пастернака», положившая начало травле. В ней говорилось: «Поэт с нескрываемым восторгом отзывается о буржуазном Временном правительстве ... живет в разладе с новой действительностью... с явным недоброжелательством и даже со злобой отзывается о советской власти. Это прямая клевета на новую действительность». С тех пор прошло семь лет, но для Пастернака и для Кулиева оставалось все по-прежнему. Время их еще не наступило, как об этом писал Пастернак. И тот и другой занимались переводами, чтобы как-то прожить, иметь небольшой заработок. В минуты отчаяния Пастернак писал в письме: «Переводы отняли у меня лучшие годы моей деятельности». Так же думал и Кайсын Кулиев, когда тратил свои интеллектуальные и умственные способности на переводы стихотворений с киргизского языка на русский. И он прекрасно понимал Пастернака, который жаловался Кулиеву в одном из писем «... скоро опять придется заниматься проклятыми переводами...» Кроме того, Пастернак жил тогда в постоянной тревоге: он знал и понимал, что его каждую минуту могут объявить «врагом народа», ведь объявлялись же «врагами народа» не только отдельные лица, но и целые народы, высланные насильственно из родных краев и обжитых земель. Оба поэта испытывали отчуждение многих своих бывших друзей, знакомых, знали и одиночество. Все это не могло не повлиять на характер их переписки и отношение друг к другу. Однако они не поддавались пессимизму, работали упорно и много. «Не многие могут выдержать одиночество и говорить истину, не боясь лишиться связи с другими лицами, — писал известный немецкий философ Э. Фромм. — Это истинные герои человечества. Если бы не они, мы до сих пор жили бы в пещерах». (Сумерки богов. М., 1989. С. 182.) Эту истину можно искать и находить в письмах Пастернака к своим друзьям, которым он доверял и верил. Вот что он писал Кулиеву в августе 1953 г.:

«... я давно сказал Вам, что очень люблю Вас и верю в Вас. Эта вера не прошла у меня. Я всем про Вас рассказываю. После Есенина я только в одном Павле Васильеве находил такие черты цельности, предназначенности и отмеченности, как в Вас.

Я думаю, что Вы уже давно пишете или могли бы писать по-русски так же хорошо, как на родном языке, или еще лучше.

Подлинность, чистота и сила Ваших оригиналов доходила через все подстрочные воспроизведения и передачи повседневной прелесть и документации народного речевого оборота, а перерастала их и коренилась в образном содержании сказанного...»

В этом же письме после суждений и размышлений о национальных литературах (об этом его просил Кулиев) Пастернак, как бы опасаясь за писательскую судьбу своего молодого друга, за его будущее как поэта, советовал ему творить в мире только доброе и прекрасное. Понимая, что во времена тяжелых испытаний, когда всякая свободная мысль подавлялась тоталитарным режимом, человеку всегда необходима идейно-нравственная опора для духа, Пастернак писал:

«... Доверяйтесь самому светлому и сильному в себе, Кайсын, самому дальнобойному, не боясь расстояний и трудностей, куда оно Вас занесет, и не считаясь с распространенными представлениями, какими бы проверенными они ни казались».

В этих строках письма были и совет, и возможность найти в чужом опыте жизни и в душевных переживаниях заметы своей собственной драмы и сомнений. Заканчивая письмо, Пастернак остался недовольным в истолковании многих вопросов, затронутых им, поэтому он просил не осуждать его:

«Я многое хотел Вам сказать сегодня, Кайсын, и смог сделать это очень скомканно. И, наверное, неудачно. Но повторить в другой раз я этого не смогу...»

Целую Вас. Ваш Б. Пастернак»

Через пять месяцев Пастернак снова написал Кулиеву:

«С Новым годом Вас, и верю в близкое исполнение самых светлых Ваших, казавшихся прежде несбыточными, мечтаний...»

Письмо датировано 4 января 1954 г. В нем Пастернак выражал надежду, что его друзья прочтут «Фауста», над которым он так много трудился. В письме к Орловской он сообщал:

«... У меня было очень немного экземпляров Фауста, когда я один послал Кайсыну, и теперь ни одного не осталось. Но ведь это слишком большая для стихотворного произведения вещь, наверное, ни Кайсын, ни Вы, ни кто бы то ни был из лучших моих друзей не в состоянии будут дочитать его целиком до конца даже из преданности мне.

Вам или Кайсыну, кажется, летом написал, какой переворот произвела во мне во всем спешная, напряженная и объемистая

работа над переводом, который я подверг обширной переделке в корректуре...»

В конце письма Пастернак делился радостью, которую доставляла ему работа над романом «Доктор Живаго», творческими достижениями года, планами на будущее. И все, конечно, было связано с завершением романа. Как сильно радовался Пастернак, когда была закончена последняя глава!

«Понимаешь, он умер! Умер! Умер Живаго. Отныне мы, мои дети, наши близкие друзья – все попало в магнитное поле романа. Мы были уже не мы, мы были «служители» романа. И жизнь наша уже была расписана...» –

звонил Пастернак из Переделкино О. В. Ивинской. Но и тогда, в 1954 г., он радовался близкому завершению романа и писал об этом Кулиеву:

«... Кайсын, как много я бы мог сделать – пожалейте меня. И все же я счастлив. У меня очень, очень хороший год, хотя время мое еще не настало. Я закончил черновой пересказ содержания романа и надеюсь кончить его к весне. Я много работаю. Если Господь пошлет мне года три-четыре жизни (судьбой ему будет отпущено шесть лет. – Э. Т.), Вы обо мне еще услышите совсем по-другому и увидите совсем по-новому. Крепко Вас обоих целую.

Всего лучшего. Ваш Б. Пастернак»

Через два года сбылись смелые кайсыновские мечты и заветные желания, о которых так уверенно писал в 1954 г. Борис Пастернак в своем письме Кулиеву.

В 1956 г. балкарский народ, как и другие насильственно высланные народы, был реабилитирован и ему было разрешено вернуться в родные края. Пастернак и Кулиев встретились. Борис Леонидович был одним из первых, кто пригласил к себе Кайсына Кулиева в его первый приезд в Москву. «В тот день, – вспоминал Кулиев, – под переделкинскими соснами мы говорили о Гарсиа Лорке и Есенине. Пастернак любил их. Он обычно называл меня «кавказским Есениным». Поэзия Пастернака была мне дорога с тех пор, как я стал взрослым... Если я продолжал учиться писать и вынес многие тяготы, то в этом огромная доля стараний Бориса Пастернака» (Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 458).

В 1960 г. навсегда ушел от земных забот и тревог Б. Л. Пастернак. По завещанию его похоронили в Переделкино. Три высокие сосны охраняют его покой. Здесь

в любое время года живые цветы: народ не забыл своего поэта. Сюда не раз приходил и Кайсын Кулиев, чтобы поклониться своему учителю.

Дружба с семьей Б. Пастернака продолжалась и после его смерти. Так, отдыхая в одном из санаториев Нальчика, сын Пастернака Евгений Борисович с женой Еленой Владимировной и детьми Петей и Лизой приходил в гости к Кайсыну. Он ездил с ними на Голубые озера, Чегемские водопады, под Эльбрус, на родину предков — в Верхний Чегем. Много было воспоминаний и разговоров о прошлом, о Борисе Пастернаке и переписке его с Кулиевым в 1947–1954 гг.

У Кулиева нет стихов, посвященных Борису Пастернаку, и это вызывает удивление, поскольку Кайсын воспел в своих стихах очень многих людей — писателей, поэтов, артистов, художников, врачей, таксистов, просто соседей, родственников, своих детей, внуков, любимых женщин, встреченных на дорогах войны и в послевоенный период. Может быть, эти строки относятся к Б. Л. Пастернаку:

Я вновь в моем Чегеме
С друзьями давних лет,
Но одного меж теми
Друзьями друга нет.

Перевел М. Дудин

А возможно, Кулиев оплакал его уход из жизни в стихотворении «Реквием» (1969), спустя девять лет, когда он навсегда расстался со своим старшим другом:

Мой реквием — бойцам, что пали в битве честной,
И всем, кто вслед за мной покинет мир чудесный...

Мой реквием — стихам, замолкшим, недопетым,
Когда я навсегда расстанусь с белым светом...

Перевел С. Липкин

В этом «Реквиеме» Кулиев произнес о себе траурное слово: «Мой реквием — и дню, что сердце мне остудит, когда уже ни звезд, ни песен мне не будет, ни снега, ни

дождя, ни гор в родном краю, — забуду даже то, как звали мать мою!» Таким трагическим днем стал вторник, 4 июня 1985 г., когда в 8 часов утра перестало биться благородное сердце добрейшего человека — Кайсына Кулиева.

Оба поэта — Борис Пастернак и Кайсын Кулиев — ушли в своей судьбе в бессмертие.

Т. Е. Эфендиева

О МОРАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ БОГАТСТВЕ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Выступление на научно-теоретической конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне.
Нальчик: КБГУ, 4–5 мая 1995 г.

Стихи военных лет — это своеобразная социально-историческая память о том опыте, что тогда был у воюющего народа, о том, что пережито и выстрадано. Эта память выступает не только источником поиска в преодолении накатывающихся современных бытовых трудностей, но и средством преодоления различных стрессов и кризисов в эпоху разрушения старых духовных ценностей и потери прежних нравственных ориентиров.

Тем, кто пережил войну и помнит ее, не безразлично духовное прошлое и будущее России, ее нравственность и культура. Вот почему поэзия военных лет необходима людям и через 50 лет, прошедших после Второй мировой войны, особенно сейчас, когда превратно формируется у молодежи представление о дружбе и взаимопомощи, о патриотизме и защите Родины, о едином Отечестве и моральном долге перед ним и народом, к которому ты принадлежишь. А вот Кайсын Кулиев гордился этими высокими моральными качествами и воспевал их, прославляя горца, латыша, чуваша, сражавшихся за русские города на просторах России с такой же самоотверженностью и отвагой, с какой бы они защищали от врага свои родные края:

Чуваш, дружа со мною от души,
Мне с табаком протягивал кисет.
Мне русые знакомы латыши,—
Я, раненый, оставил крови след
На их земле, а друг мой умер там,

Склоняясь к земле простреленным челом.
Жестокой битвы дым по волосам
Полз у меня в окопе под Орлом.

Перевел Д. Кедрин

С полным правом Кулиев мог сказать о себе: «Молодость моя под пулями шагала». Во всей полноте и многогранности Кулиев художественно показал духовный облик своего героя, олицетворявшего народный героический характер. Высочайший подвиг тружеников фронта и тыла вошел в плоть и кровь поэта, вызвав потребность рассказать о виденном, о собственных переживаниях, о чувствах поэта-воина, разделившего с народом все тяготы фронтовой страды. Глубокая убежденность в неизбежной победе правого дела, любовь к родине и народу, ненависть к врагам породили новые ритмы и открыли неиссякаемые родники творческого вдохновения Кулиева, его эстетического арсенала. Тонкий лиризм, ассоциативные, условные образы, символы и подтекст, романтическая приподнятость и психологическая достоверность, монологическая крылатость формы и эмоциональная напряженность — все это было подчинено в поэзии Кулиева одному — правдивому изображению того грозного времени. «Поэзия вдвойне сильнее, когда она подкреплена делами и кровью ее создателей,— писал позже Кулиев.— Я убежден, что поэт в трудные дни родной земли обязан находиться на переднем крае. Трусость и малодушие так же неприемлемы для поэта, как и отсутствие воображения или чувства стихии родного языка».

Суровый опыт военных лет придавал стихам Кулиева новые черты — мужественную простоту, сдержанную силу и гневность. Его гражданское самосознание художника и воина нашло отражение в стихотворениях «Земля моя», «Сегодня стих мой — беспощадный бой», «Жизнь, я твой сын», «Слово сердца», «Самое дорогое», «Поэты», «Сосны России шумят». В них чувствовалось трагиче-

ское мужество бойцов трудного сорок первого года, поэтому и стих уподоблялся раненому воину («сегодня стих мой – раненый боец»). Он поднимался, как раненый солдат, «кровью исходя», чтобы идти вперед. Прекрасные слова А. Мицкевича: «Какая жизнь – такой пусть будет песня» – вполне применимы были к стихам Кулиева военной поры. «По моему мнению, – писал он, – и поэзия в те дни должна была вбирать в себя драматическую атмосферу, в ней должно было жить небывалое мужество людей, очень хотевших жить, но сражавшихся и погибавших за свою Родину. Тут всякое бодрячество, ложь и фальшь звучали отвратительным кощунством, они оскорбительны и для человека, и для искусства. Не случайно в войну были написаны «Василий Теркин», ленинградские стихи Берггольц, «Киров с нами» Тихонова. В правде жизни – мужество и нравственная чистота. Такими чувствами жил я, когда писал свои циклы «Перекоп» и «Сиваш»¹.

В первые же дни войны в образе лирического героя Кулиев воплощал одну из главных черт народного характера – любовь к Родине и ненависть к поработителям. Несгибаемый, всепобеждающий патриотический дух воина, защитника Отечества, составлял пафос таких стихотворений, как «Перед боем», «Клятва», «Солдат», «Россия», «Перекоп», «Солдат на фронте». В этих и в других произведениях военных лет Кулиев глубоко и ярко раскрывал мир чувств и переживаний солдат, рассказывал о чудесах храбрости и самоотверженности, когда они один на один шли против немецких танков, стояли насмерть, отбивая десятки вражеских атак, и всегда помнили о товарищах по окопу, делясь с ними последним глотком воды. Сурово, просто, без рисовки говорил поэт о войне:

Одну сигарку курит чуть не взвод,
За сутки час поспишь едва ли тут.
Нас день и ночь опасность стережет,
Вот так солдаты на войне живут.

Кулиев не романтизировал войну, не приукрашивал ее быт, он рисовал правду военного времени, где жизнь и смерть, радость и горе всегда рядом.

Одним из лучших стихотворений Кулиева этого вре-

мени многие исследователи считают «Всегда гордился тем, что горец я!» Оно о подлинных духовных ценностях, о человеческом общении даже в самые трудные времена, о своей национальной принадлежности и гордости за свой этнос; оно о великодушии и благородстве, патриотизме и любви к малой родине. Только глубокое убеждение поэта, что сила людей в человеческом единении, взаимопонимании и взаимоуважении, позволило ему сказать:

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края ² —

так начинается это известное стихотворение Кулиева. И первые же его строфы сразу вводят читателя в благородные побуждения, мысли и чувства поэта: «... люблю все земли и края». Гуманность и уважение к другим народам были заложены в поэте его этносредой. Она для него — духовная основа, величие горской души, начало всех начал, поэтому следующие две строчки говорили не только о национальной принадлежности поэта, сколько о его национальном самосознании:

Но, к родине привязанный навеки,
Всегда гордился тем, что горец я.

Это стихотворение было впервые опубликовано 15 сентября 1942 г. в газете «Правда», а затем перепечатано в «Социалистической Кабардино-Балкарии» и во многих газетах республик и областей Северного Кавказа и Закавказья. В этом же году оно было передано по многим радиостанциям Западной Европы. Оно имело большое социально-политическое и нравственное значение. Имя Кайсына Кулиева сразу стало достоянием миллионов людей: газеты тогда все читали, так как в них были сведения с фронта, так называемые «Сводки Совинформбюро». Бывший редактор газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария» так вспоминал о воспитательном и патриотическом воздействии этого стихотворения Кулиева: «Народы братских республик воспринимали страстные, гневные строки балкарского поэта, как выражение своих чувств и надежд»³.

Художественное осмысление нравственной силы вою-

ющего народа не могло не привести к раздумьям о родине-матери России как символе Отечества, которое защищали от нашествия сильного, вооруженного передовой техникой врага. Находясь на фронте, общаясь с людьми разных национальностей, поэт дорожил естественными свойствами жизни и этнокультурой каждого народа, его традициями и обычаями.

Я по дорогам севера бродил,
Любил простор и ширь его степей,
Хлеб дружбы ел и воду дружбы пил,—

откровенно и задушевно делился поэт всем тем, что он испытал, общаясь с людьми своей страны. Щедрый на дружбу, поэт не скупился в выражении своих добрых чувств и гуманистических идей. Войну поэт встретил в Прибалтике. Потом будет Крым, Сталинградская битва и разгром фашистов, бои за Донские степи. Простор и ширь степей огромной России поэт видел воочию и знал, как погибали его фронтовые друзья («... друг мой умер там, склонясь к земле простреленным челом»). Это стихотворение глубоко и эмоционально раскрывало мир чувств и переживаний горца-фронтовика, сердце которого принадлежало всему Отечеству, но не переставало тревожиться и о земле предков, отчей, любимой земле, где он родился и рос:

Мне довелось из Волги пить не раз,
Ее красой душа была горда.
Но свой любимый, свой родной Кавказ
Носил в душе повсюду и всегда.

Здесь, в отчем крае, все волновало, все дорого солдату, который вспоминал с замиранием сердца лезгинку и ее «бешеный напев», «стук копыт в горах», «белый треугольник башлыка», то есть все то, что напоминало ему прошлую, довоенную жизнь в родном ауле.

Я видел пляски северных степей
И среди них прекрасные встречал,
Но твой, лезгинка, бешеный напев
Сильнее всех в моей душе звучал.

Да, я люблю косматой бурки взлет,
И белый треугольник башлыка,
И стук копыт, когда вперед
Уносит конь лихого седока.

Образы, возникающие в его сознании (косматая бурка, конь с лихим седоком, пляска лезгинки), наполнены национальным колоритом, верностью этносреде и этнокультуре горцев. Отсюда и большая художественная выразительность кулиевского стиха. Она достигается еще одним приемом — противопоставления русской природы и родной. Конечно, поэтическое самосознание горца на стороне этноприроды:

.
И все-таки всегда в душе моей
Блестел далекого Эльбруса снег,
Вздыхались острые вершины скал.
Поднявший голову седой Казбек
Везде мне чудился, всегда сверкал!
Мне рощи сосен по душе пришлись,
Их смутный шум и свежая хвоя,
Я их люблю, но все-таки всю жизнь
Я горд был тем, что вольный горец я!

В любви к Отчизне и малой родине, в дружбе народов видел Кулиев залог победы. Поэтому его исходным чувством, как чувством любого бойца, могло быть только такое признание, похожее на клятву:

Как горд я вами, милые края,
Коварный враг! Оставь свои мечты,
Что эту гордость потеряю я.
Нет, жизнь скорее потеряешь ты.

Перевел Д. Кедрин

Эти финальные строки стихотворения «Всегда гордился тем, что горец я!» свидетельствовали о его большой любви и верности народам России и своему родному краю, о его уверенности в победе, как бы она ни была далека от 1945 г. 1942 г. был самым трудным годом Второй мировой войны: необъятные территории находились под пятой завоевателей, потери были огромны, но и сопротивление врагу была всесильна и порой необъяснима.

Война 1941–1945 гг. явилась суровым испытанием моральных и физических сил народов России. Кулиев был очевидцем и свидетелем массового патриотизма, невиданных подвигов простых воинов, их преданности Отчизне. Чувства к ним поэт Кайсын Кулиев пронес через тысячу четыреста дней войны, а потом все их вспоминал в среднеазиатской ссылке и в послевоенные годы, когда он и его народ были возвращены на родину. Во многих стихах, поэмах и в романе «Была зима» запечатлены военные события, которые никогда не забудутся, потому что это история бессмертных подвигов, известная всему миру.

50 лет – это небольшой срок после Великой Победы, но для поэзии – целый этап в развитии. Мы можем и должны гордиться тем, что у истоков фронтовой лирики стоял балкарский поэт Кайсын Кулиев и такое его замечательное стихотворение, как «Всегда гордился тем, что горец я!»

¹ Советские писатели. Автобиография. Т. 4. М., 1972. С. 351.

² Кулиев К. Горы. М., 1957. С. 130 (В дальнейшем стихотворения будут цитироваться по этому изданию).

³ Давыдов И. Строки ненависти, гнева и любви // Кабардино-Балкарская правда. 1972. 12 сентября.

Т. Е. Эфендиева, Ф. С. Эфендиев

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ПОЭЗИИ К. КУЛИЕВА

Из выступления на Всероссийской научно-теоретической конференции «Социально-этнические проблемы развития национальных отношений на современном этапе». Владикавказ, СОГУ, 22–24 июня 1995 г.

Кайсын Кулиев не писал очерков по этнической истории. Он был талантливым поэтом и воспевал свой ма-

ленький народ, живущий в основном в ущельях Балкарии или, точнее, в Кабардино-Балкарии, расположенной в Центральном Предкавказье, с небольшой территорией всего в 12,5 тыс. км². Ее история – это история многовекового взаимопонимания и дружбы кабардинцев и балкарцев с другими народами Российской Федерации. Кайсын Кулиев, верный ее национальным традициям, воспевал ее национальную целостность, историю народа и горы, выступающие как мировые координаты в искусстве народов Кавказа (Эльбрус, Казбек). У Кулиева есть стихотворение «Эльбрус» («Ты – мечта людская, что на крыльях...»), в котором для поэта эта гора Минги-Тау являлась святыней, ей молились горцы, считая ее почти равной Всевышнему.

Ты – мечта людская, что на крыльях
Высоко под небо вознеслась,
Горцы бога своего молили,
В сторону твою оборотятся¹.

Перевел Н. Гребнев

И, конечно, всем известно изречение Кайсына Кулиева, сказанное им в 1942 г.: «Как старый горец любит свой Казбек, так я люблю все земли и края...» Неповторимо лирично он вел разговор и об очень далеких по времени событиях, когда поведал о мудреце Аубекире («Восточные стихи»), и об обрядовой традиционной горской культуре («Песни ущелий». Стихи о прошлом Кавказа), и о родном языке («Родной язык», «Ученому языковеду»), и об этнопсихологии балкарцев («Предки мои», «Язык моей матери», «Старики и вечер», «Говорю с черным ветром», «Мой хлеб и вода»). В последних из перечисленных стихотворений и во многих других кулиевских литературный психологизм выступает как художественная форма. В ней воплощены идейно-нравственные искания самого поэта и его лирических героев и героинь, мировоззренческие позиции горцев Кавказа.

Задача подлинного искусства в том и состоит, чтобы нести ответственность за все происходящее и откликаться на события большой общественной важности или сопереживать тем, кто пострадал, на кого неожиданно обрушилась беда и нет выхода из этого болевого тупика.

Изведал я бездомных обреченность,
Я дни считал, как птиц считают черных.
Но и тогда я радовался свету,
Дождю и звездам, раннему рассвету,
Улыбке доброй и летящей птице,
И речке, из которой мог напиться.
И в черный день был снег, как прежде белым,
Мне черным показаться не посмел он ².

Перевел Я. Аким

Пытаясь понять волю объективного бытия прежде всего для отдельного человека, а потом уже для человечества (смертный срок, личную драму, стихийные бедствия и т. д.), Кулиев старался выразить дух, волю, мужество личности. Для примера можно взять это же стихотворение «Черные птицы» (1979) и его финальные строки: «И в черный день был снег, как прежде, белым, мне черным показаться не посмел он».

Кулиевский психологизм – это не только средство эмоционально-образного воздействия на читателя, но и способ показать поиски своего места в мире как поэта, его назначение в жизни. У него есть стихотворение «Поэзия – жизнь и смерть» (1979). Эти четыре слова, как Судьба, данная ему Этносредой и Природой, на грани трагического: «Поэзия – разве это слова? Жизнь и Смерть – вот она».

Поэзия – разве это слова?
Радость и Горе – вот она.
Лицемерие, лезть неизвестны ей,
Как солдату, принявшему бой.

На горы и на ребенка похожа она,
На дерево и облако,
На речку, сверкавшую на заре,
На огонь, что пылает зимой в очаге.
Нет, Поэзия не слова,
А подсолнух, едва освеженный луной... ³

Так понимал поэт, что такое поэзия: она должна быть духовной поддержкой и опорой для людей. Сам поэт не раз подчеркивал многообразие жизни и способность поэзии совмещать различные явления и факты челове-

ского бытия – иногда прямо противоположные: «Поэзия может быть и скорбной матерью, сидящей у изголовья сраженного сына, и девушкой, легкой походкой проходящей мимо наших окон майским утром. Она бывает цветением вишни и грозовой молнией, улыбкой ребенка и стоном побежденного полководца. Поэзия всюду: в облаках над Казбеком и в огороде моей матери, где желтел подсолнух и росла морковь. Поэзия – вечная спутница человека – живет, став народной пословицей и трагедиями Шекспира. Она – колыбельная песня крестьянки и шедевры мировых поэтов. Поэзия незатейлива, как игрушки детворы, и сурова, как лицо Бетховена. Она – и простая детская песенка, и «Божественная комедия» Данте. Поэзия многолика, как мир, и прекрасна, как земля», – так отвечал Кайсын Кулиев на вопрос, что такое поэзия.

Художественная литература как средство познания и преобразования мира отражает то, что рождается в реальных условиях жизни этноса, в его психологии и национальном самосознании. «Я писал, бывало, день-деньской, на траву лугов, на небо глядя, удивляясь доброте людской», – рассказывал о себе поэт. На пути к постижению художественной правды стоял его жизненный опыт. Об этом удивительно верно и образно сказал народный поэт Кабардино-Балкарии Адам Шогенцуков: «Тропинка Кулиева вилась от вершины к вершине над теснинами, между темными скалами Чегемского ущелья. Чем дальше – к Кабардинской равнине, уходящей к бескрайним просторам России, – тропа Кайсына становилась все шире, превращалась в магистральную дорогу, в большой мир, который он воспринимал с особой живостью и восторженностью. В этой живости и восторженности всегда слышится благодарность Кайсына родной земле, родному народу, которого он «никогда не унижал, не обидел ни единым словом». «... Поэт никогда не отделял себя от событий, связанных с судьбами народа. Его ум и сердце не перестают думать о судьбе людей, о судьбах земли и времени, о больших проблемах нашего бурного века»⁴. Этот путь, о котором сказал талантливый кабардинский поэт Адам Огурлиевич, всегда оставался в воспоминаниях Кулиева. Мыслительное воспроизведение картин детства, домашнего очага – это психологическое состояние,

и раскрывалось оно в поэзии Кулиева непосредственно через художественное содержание произведений о детских и юношеских годах, через внешние детали родной природы. Так, у него есть стихотворение «Я запомнил это время...» (1966). Оно о беспечном детстве, но и о быстроечном времени, о грустных мыслях поэта:

Все прошло, промчалось время,
Отошла трава.
Был я мальчиком в Чегеме,
Ездил по дрова.
Как тогда зимой белели
Дерева мои,
Как весною зеленели
Дерева мои! ⁶

Перевел Н. Гребнев

В этом небольшом стихотворении перед читателями промелькнули небольшие эпизоды жизни мальчика («Жил я мальчиком в Чегеме, лазил по горам», или: «Я на ослике, бывало, ездил по дрова» и т. д.), внешние картины, казалось бы, не причастны к его внутреннему миру, но детали природы, о которой не может забыть человек, способствуют изображению внутреннего мира, психологического состояния его души: «Счастья много, горя мало, рассветет едва, я на ослике, бывало, ездил по дрова».

Лишь тогда на самом деле
Был тому я рад,
Что вдали снега белели
И алел закат.

Этнопсихологические мотивы в поэзии Кулиева — неотъемлемая часть почти всех его стихотворений, особенно конца 60-х и середины 80-х гг., когда процесс воспоминания входил естественно в его национальное сознание. Это такие его известные стихотворения, как «Годы» (1966), «Когда я говорю с горами...» (1966), «Лунорогие быки» (1966), «Мир моего детства» (1966), «Воспоминанья — это деревья» (1968), «Чегемский камень» (1973), «Говорю деревьям» (1983) и многие другие. В них национальное самосознание поэта воспринимается как

стимул эмоционально-мыслительной деятельности, как проявление определенного психологического состояния, душевных переживаний поэта.

За изгибами какой скалы
Вы растаяли во тьме кромешной?
Вы медлительны, мои волы,
Между тем как время так поспешно.

Вглядываюсь вдаль из-под руки.
Но напрасны все мои старанья.
Где вы, лунорогие быки, —
Детства моего воспоминанье? ⁶

Перевел Н. Гребнев

Сохранившиеся в памяти картины детства во всех стихах этой тематики сопровождают лирического героя и углубляют его душевное состояние: нюансы чувств, эмоций, волевые импульсы. Это психологическое состояние передавалось поэтом через разные приемы и способы изображения внутреннего мира героя. Возьмем стихотворение 1966 г. «Мир моего детства». В нем есть внутренний монолог пятидесятилетнего поэта, в котором не ставились никакие нравственно-этические вопросы бытия, а просто шел поток мыслей о том, что было в жизни поэта, поток размышлений о «мире детства, голубых вершин соседстве», о том, что «все живы те, кого уж нет в живых, и реки быстротечные, как детство, гремят, с вершин стекая снеговых».

Еще дурные мысли не шагнули
В мой мир, ютящийся у самых скал,
Что человека убивают пули,
Живя в том мире, я еще не знал.
Среди друзей еще никто не старей,
Мне радость все несет — и зной и тень.
В том мире каждый счастлив, как чинары,
Равно и в знойный, и в дождливый день ⁷.

Перевел Н. Гребнев

Психологизм кулиевской лирики воспринимается как нечто само собой разумеющееся, естественное неотъемлемое качество, как организованный стилевой принцип.

Психологический стиль поэзии Кулиева создавался (если так можно выразиться) многими приемами и способами изображения душевного состояния. Поэт использовал давно испытанную сюжетную форму (часто употреблявшуюся в родном фольклоре) сна, грез, видения. Так, у него есть цикл стихов «Зимняя тетрадь» (1983). Первая часть озаглавлена «Светлый сон».

Прошлой ночью я видел такой светлый сон:
День, как в сказке, и белые горы, как в сказке.
И, как будто бы ветром ко мне принесен,
Женский голос, звучавший надеждой и лаской⁸.

Перевел Л. Шерешевский

В этом стихотворении нет сверхъестественных или библейских существ или мотивов. Все естественно: поэт был уже тяжело болен и в подсознании он желал только одного: чтоб продлились дни его и он, как в молодости, был бы здоров: «День, приснившийся мне, был весны моей днем, был и сам я отважен, и весел, и молод». А дальше уже сознательная форма внутренней жизни, конкретное желание человека, измученного болями и страхом смерти:

Жизнь, прошу: одари меня вновь этим сном
В эту зимнюю ночь, в эту вьюгу и холод!

Конечно, это были грезы поэта в их первоначальном значении: призрачное видение, несбыточные мечты. Мечтать и погружаться в грезы для человека вполне возможно, хотя наука не рассматривает грезы и сны как особые состояния сознания и психики людей. Но в поэзии этот прием срабатывает, и сон литературного героя можно рассматривать, как психологическое состояние. Одно из стихотворений Кулиева называется «Во сне» (1980). В нем и радостные, и печальные вехи жизни, и несбывшиеся мечты поэта, и многое другое: «Я лучшие стихи слагал во сне. О, как легко они тогда слагались!» Или: «И если наяву я замерзал, во сне я видел солнечные дали, бой затихал, друзья не погибали; каким счастливым я во сне бывал!..» В сне поэта мы видим не просто отдельные фрагменты его жизни (участие в войне,

спецпереселение и др.), а определенное психическое состояние:

Счастливых, но мгновенных снов немало
Я видел на веку своем, бывало;
И хоть возникшие из темноты,
Сны исчезали, все ж благославлял я
Вас, песни высочайшей чистоты,
Деяния, что лишь во сне свершал я,—
Мои неприрученные маралы,
Ушедшие за белые хребты! ⁹

Перевел Н. Гребнев

Сколько радости и счастливых мгновений приносят сны! И сам повтор «Каким счастливым я во сне бывал!..» усиливает психологическое состояние автора и его эмоциональное состояние.

Этнопсихологические аспекты в поэзии Кайсына Кулиева есть и в стихах о родной природе как способ раскрытия стилевой доминанты, то есть главного эстетического свойства лирики поэта. Любовь к родному очагу, чувство национальной гордости наполняют многие произведения Кулиева. В стихотворении «Камень здесь над всем и всеми» чувство родного очага, родной земли выражено неповторимым образом, ярко и сильно. И его этнопсихологический аспект виден не только в подтексте, но и в прямом выражении мысли:

Камень здесь над всем и всеми,
Камень сер и камень бел.
Здесь, среди камней, чегемец
Пас овец и песни пел.
Видел он в садах и в поле
Столько камня с малых лет,
Что ему казалось: боле
Ничего на свете нет.
Меж камней варил он пищу,
На камнях рубил дрова,
Было каменным жилище,
Мельницы и жернова...

Перевел Н. Гребнев

Естественные, обыденные слова о камне объединены ясной цементирующей мыслью – это песнь мужественному, трудолюбивому балкарскому народу, рожденному, чтобы выращивать сады и хлеб, воспитывать детей, встречать рассветы в горах, радоваться весеннему цветению, стойко переносить горе и, если понадобится, умирать, как подобает героям. Умение раскрыть целые судьбы горцев в кратком поэтическом слове психологически достоверно и убедительно, суметь при этом крайне ограниченными средствами вовлечь читателя в сферу собственных мыслей и чувств – это еще одно свидетельство верности народной традиции, психологизму русской классической литературы.

Мысли поэта о своих земляках и родине неотделимы от Чегемских водопадов, от ущелий и ревущих вниз горных речек после ливня, от сверкающих на солнце вершин белоснежных гор, вьючных троп и горных перевалов. Эти мысли о родине и своем народе рождались в его сердце и разуме естественно, как реки, берущие начало из-под ледников Эльбруса. Эти мысли несли на себе ощущение свежести форм и красок горного края, этнические особенности и национальный колорит. Так, в стихотворении «В горах я на звезды смотрю...» (1981) Кулиев писал:

В горах я на звезды смотрю:
Здесь белый Эльбрус, там Казбек.
С вершинами гор говорю,
Поднявшими звездчатый снег.

.....

Там Ушба с Азау не спят,
Там Шхельда белеет во тьме.
В горах ли заблудится взгляд,
На небе ль – все ты на уме...¹⁰

Перевел О. Чухонцев

Влюбленный с детства в шумливые воды рек, в синеватые туманы узких ущелий, в воздух, напоенный ароматом субальпийских трав и вечнозеленой хвои, поэт создал свою неповторимую свежесть красок, трепетное движение горской жизни, этноприроды («Гора», «Как пахнет трава на родной земле», «Молчит гора», «С дней далеких,

с давних пор...», «Когда мальчишкой вышел я во двор...», «Чегемский камень», «Опять иду я меж деревьев старых...», «В гнездо я вернулся, в отеческий дом...», «Колыбельная тени дерева», «Волы под дождем»). И само признание поэта: «Умру, но позабыть я не смогу родные горы в розовом снегу», — говорит о его глубоких и искренних чувствах к отчому краю и родной природе. Так через сокровенное, близкое, через «слезы первой любви» поэт осмысливал свой путь, как неотъемлемую часть существования своей нации. Поэтому естественная привязанность к привычному, национальному — немалый фактор развития и национального чувства, и национального сознания. Национальная гордость — важная сторона национального самосознания, выступающего как один из элементов общественного сознания, и берет она начало с земли отцов.

У человека должен быть свой дом,
Свой отчий край, свой мир в краю родном.
Жить человек не может по-другому, —

писал Кулиев в стихотворении «И я, бывало, покидал свой дом...». Чувство национальной гордости сквозит в каждой строке стихотворения «Родной язык». Поэт был убежден в том, что история его родного языка — история духовных исканий горцев, их опыт, запечатленный в слове. Это их надежды и чаяния, мечты и реальность, их счастье. «Родной язык для каждого из нас — голос любимой земли и матери. Он бесконечно дорог нам, это наша песня и сказка, отчий дом и очаг. Его прекрасными словами мы выражали и выражаем нашу радость и страдания, нашу любовь и надежды», — писал Кулиев в книге «Так растет и дерево»¹¹. Эта же мысль прозвучала и в его стихотворении «Родной язык»:

И пусть балкарцев мало нас, но с детства
Не мыслим мы житья без слов твоих,
Не можем мы без твоего посредства
Оплакать мертвых, вразумить живых.
Похожий на родные наши горы,
Великий, как любой язык земной,
Ты защищал нас, ты спасал нас в горе,
Как бурка от ненастья в час ночной.

Я скромный твой певец, но без оглядок
Тебя люблю я, чувства не деля,
Ты, словно голос материнский, сладок,
Прекрасен, как любимая земля!

Перевел Н. Тихонов

Этнопсихологические особенности формируются вместе с развитием нации, и поэт прекрасно знал и подмечал исконно национальное. В ранних стихах о своих соседях («Слепой столяр Кайсын», «Кузнец Карабап», «Бригадир Соллоу», «Мельничиха Аминат», «Зурнач Хажос», «Сапожник Мухаммад», «Ашуг Бекир») и в более поздних («Герои гор», «Мастера», «Шаль», «Предки мои», «Горянке») Кулиев выразил внутреннюю суть единства особенного, национального с общечеловеческим, позволил познать внутренний мир человека, особенности его жизни.

Бесспорно и то, что, осмысливая по-иному некоторые обычаи и традиции своих предков, поэт прежде всего стоял за высокую нравственность и ценил то, что гуманно.

Горец, кинжал не носил я бесценный,
Сабли старинной не брал я в бои.
Но не судите меня за измену,
Предки мои, предки мои!

Перевел Н. Гребнев

Магическая сила воздействия стихов Кайсына Кулиева на читателей разных возрастов не только в психологизме, не только в том, что он писал о своем народе и малой родине, о морально-этических проблемах прошлого и современного бытия, а в своеобразном, особом миропонимании и высокой художественности слова и мысли. В стихотворении «Мой посох» (1980), которое можно отнести к числу последних, своеобразных завещаний поэта, его нравственно-философские поиски прослеживаются довольно четко.

Процитируем начало и конец этого произведения поэта:

Стань сегодня, в пору злоключенья,
Посохом моим, мое терпенье,
Чтоб я свой недуг перестрадал,
Чтоб его обвалы и завалы

Одолею, как в юности, бывало,
Все невзгоды я одолевал.

.

Жизнь, тебе служил я словом внятным,
Не щади я сил на поле ратном,
Помоги же мне в мой черный час,
Помоги и ныне, как, бывало,
Мне ты не однажды помогала,
Помоги, спаси меня сейчас,
Может быть, уже в последний раз!¹²

Перевел Н. Гребнев

-
- ¹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т.; М., 1987. Т. 1. С. 248.
² То же. Т. 3. С. 131.
³ Там же.
⁴ Кабардино-Балкарская правда. 1974. 11 апреля.
⁵ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т.; М., 1987. Т. 1. С. 358.
⁶ Там же. С. 355.
⁷ Там же. С. 352.
⁸ Там же. Т. 3. С. 247.
⁹ Там же. С. 184.
¹⁰ Там же. С. 212.
¹¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 403.
¹² Кулиев К. Собр. соч. в 3 т.; М., 1987. Т. 3. С. 175–176.

Т. Е. Эфендиева

ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ В ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА О ВОЙНЕ

Из доклада на региональной
научно-практической конферен-
ции, посвященной 50-летию По-
беды в Великой Отечественной
войне. Ставрополь, 1995.

Кайсын Кулиев — поэт-фронтовик. В своих стихах 1941–1944 гг. он воспел единство и сплоченность народов нашей страны против врага, любовь к отчизне и ее

героическую защиту («Земля моя», «Сегодня стих мой – беспощадный бой!», «Жизнь, я твой сын», «Слово сердца», «Самое дорогое», «Поэты», «Сосны России шумят» и др.). Это большой цикл стихов, который поэт озаглавил «В час беды» в книге «Горы», изданной в 1957 г. в Москве. Эпиграфом к этому разделу книги Кулиев взял слова Александра Блока: «Узнаю тебя, жизнь, принимаю и приветствую звоном щита». Первое стихотворение «Перед боем» (1941) – это обращение к матери и воспоминания о родном доме: «Я родился в ущелье Чегем, средь высоких обветренных скал, был моей колыбелью Чегем, песен горных я много слышал». В этом поэт черпал силы для отваги и уверенность в победе:

Черноглазая смуглая мать,
В час, когда я, быть может, умру,
Любо имя твое повторять –
В нем я силу для битвы беру¹.

Перевела В. Звягинцева

Суровый опыт военных лет придавал стихам Кулиева новые черты – мужественную простоту, сдержанную силу и гневность. Во всех стихах этого времени чувствовалось трагическое мужество бойцов трудного сорок первого, поэтому и стих уподоблялся раненому воину («Сегодня стих мой – раненый боец»). Он поднимался, «кровью исходя», чтобы идти вперед. Находясь на фронте, думая о тревожном времени, шагая трудными дорогами войны, Кулиев имел право сказать от имени своего поколения:

Мы начатых поэм не дописали,
Мы с отчих гор ушли на зов войны.
Навстречу буре боевой мы встали,
Как верные Отечества сыны.

Эти строки Кулиев написал во время войны, обращаясь к балкарскому поэту Кериму Отарову, который тоже в числе многих поэтов разных национальностей находился на поле боя. Кулиев воспел многих непосредственных участников этой всенародной борьбы, находившихся в составе действующих армий, партизанских отрядов

и в антифашистском подполье, в таких стихотворениях, как «Кериму Отарову» (1942), «Твоя земля» — Владимиру Сосюре (1943), «Когда я получил твое письмо» — Салиху Хочуеву (1941), «Поэт на фронте» — Алиму Кешокову (1943), «Всегда гордился тем, что горец я!» — Николаю Тихонову (1942).

Во фронтовых стихах Кулиева большое место занимала личность самого автора, человека предельно активного, считавшего, что его место на переднем крае борьбы. Точнее, это был обобщенный образ человека-борца, олицетворявшего народные силы, воина-освободителя, поэта, осознавшего свою историческую миссию и воспитательную роль. Об этом он сказал в стихотворениях «Поэту будущего» (1941–1942) и «Поэты» (1942):

Мы зеркало земли, где кровь и горя глыбы,
И сердце мира мы, уставшее от бед.
И армии страны, врагам неся погибель,
Страдая и терпя, сквозь кровь своих побед
Идут, пыля, сквозь наше сердце. Сердце это,
Как поле битвы, где стоят пальба и гром.
Весь мир, где льется кровь, весь в сердце у поэта.
Мы сердце всей земли. Мы соль ее несем².

Перевел Н. Коржавин

«Молодость моя пед пулями шагала», — сказал поэт позже, когда отгремели салюты в честь воинов-фронтовиков, в честь Великой Победы. Он ее участник, видевший всю горечь поражений и радость триумфа. Возможно, поэтому тема памяти о той, всенародной войне осталась у него в поэзии на всю жизнь.

О, дети Ленинграда! И сейчас
Я помню все. И мне покоя нет,
Как будто враг опять идет на вас,
И кровь моя окрашивает снег,—

так писал поэт в начале 80-х гг., когда ему оставалось до смерти жить два-три года. А тогда, после войны, устав от шума и пожарищ, он вслушивался в необыкновенную тишину, наступившую после долгих четырех лет народного горя и страданий, он писал: «Ты слышишь, какая

стоит тишина! Прошла, словно град, отшумела война». В этой тишине в соответствии с мироощущением героев пульсировали новые ритмы жизни, новый поэтический строй стихов: «Спокойно растет молодая трава, и в мерные строки ложатся слова». Отзвучала песнь Победы, и тут же стала слышна другая песня – о труде, о свежеевспаханной земле, о возрождении родного очага. Лирический герой начинал новую страницу своей трудовой послевоенной биографии. Он, скромный труженик, мечтал о спокойной жизни и желал мира:

Я за мир, потому что я сам воевал,
Потому что без слез хоронил я друзей.
Как мне больно за тех, кто убит наповал
В двадцать лет, не дожив до женитьбы своей ³.

Перевел Н. Коржавин

Стихотворение так и называется «Я за мир, потому что я сам воевал», датировано 1954 г., когда поэт находился в ссылке в Средней Азии.

До сих пор вы мне снится, Моздок, Сталинград,
Снова пахнет золой и смертельна борьба.
Не могу я не помнить, как нивы горят, –
В сорок первом такие созрели хлеба!

.....

Я за мир.

Как тревожно ждала меня мать,
Дождалась, возвратился я с первой войны.
Со второй она может и зря меня ждать.
Я за мир.

Любям войны совсем не нужны! ⁴

Призыв к миру в устах бывшего солдата звучал, как вывод из всего им пережитого и осознанного, потому что раны войны рождали незатухающую боль, раздумья героя о будущем. В стихотворении «Я на войне увидел тьму смертей...» (1945) выражены чувства и мысли поэта и воинов, встретивших победу, но не забывавших, что есть

Дым городов, свалившиеся скобы,
Протянутые руки у детей –

Большое горе моего народа.
«Закрой глаза!» – твердил себе порой,
Чтоб отдохнуть, чтоб позабыть об этом.
Но так нельзя. Прости, читатель мой!
Невидящий не может быть поэтом ⁵.

Перевел Д. Голубков

Минувшая Вторая мировая война, память о фронтовых друзьях, людях долга и беззаветной отваги, борьба за мир на нашей беспокойной планете долгое время оставались центральной темой в послевоенной лирике Кулиева. В его поэзии лирический герой осмысливал настоящий мир как результат многолетних усилий многих народов, их страданий, жертв, подвига миллионов людей, и он мерил все в жизни высокими мерками фронтового поколения. В его раздумьях о настоящем и будущем – насущные вопросы человеческого бытия. Не случайно в это время в размышлениях о поэзии М. Ю. Лермонтова Кайсын Кулиев пришел к идее большой поэтической силы и гуманистического мироощущения: «Он (Лермонтов) знал, что пепел сожженного жилья повсюду одинаково печально остывает и одинаково горько пахнет» (*Кулиев К. А парус все белеет*). Поэтому его лирический герой, ветеран войны, осознавший свою великую историческую миссию, все вспоминал прошлое – «друзей фронтовых вспоминаю я дома» («Трава растет») и предостерегал новое поколение от грозной опасности:

Кто-то хочет, чтоб нивы горели,
Чтоб в утробу земли,
Где мы, ставши землею, истлели,
Наши братья легли.

Мы когда-то пошли, молодые,
Под свинец и картечь,
Чтоб теперь вы не дали, живые,
Снова землю поджечь! ⁶

Перевел Н. Гребнев

«Песня погибших на войне» написана в 1957 г. Обращения погибших к живым полны особенного, скорбного

лиризма. Тревога за судьбу земного шара — это было не предчувствие войны, а осознание ответственности людей, умудренных жизненным опытом, за судьбы мира; это ясное понимание возможности катастрофы, которая не поддается описанию. Боль бывшего солдата за тех, кто ушел без возврата, перерастала в тревогу за тех, кто живет и будет жить и нести ответственность за все сущее на Земле:

Лавины копят, бушует море,
Порой бывает, я всего боюсь,
Наш мир, познавший столько бед и горя,
Ожесточенья твоего боюсь⁷.

Перевел Н. Гребнев

Накопившиеся лавины и бушующее море как символы в поэзии Кулиева — не просто абстрактная реальность, природные явления и логические понятия. Он воспользовался этими образами и аллегориями, чтобы выразить свои тревожные думы, чувства и ту истину, о которой знали все: так много накоплено всякого рода смертоносного оружия для уничтожения жизни на земле.

Исповедальные монологи Кулиева основывались на доверии к собственному опыту: «Я не могу беды не опасаться, я знаю, какова на вкус беда». Тревога и озабоченность поэта становились как бы всеобщими, преодолевая национальные и географические границы. «Люди сейчас тревожатся о том, — писал Кулиев, — останется ли земля землей, небо — небом, хлеб — хлебом, вода — водой»⁸. Беспокойное чувство гражданина земли пронизано глубоким раздумьем, доходившим до философских обобщений. Лирический герой был озабочен теми проблемами, которые тревожили и современное ему человечество. Наиболее глубоко и отчетливо эта мысль прослеживалась в стихотворениях «Гроза», «Покоя нет», «Сжимаю в пальцах влажный ком земли», «У очага», «Дороге в грудь спокон веков...», «Раны войны и любви», «Ребенок растет плача...», «Старая песня» и многие другие. Вот стихотворение «Воспоминания» (1961). Оно тоже о прошедшей войне и тяжелых этапах жизни поэта.

.....
Убитая еврейская девчушка...
Смерть не успела ей закрыть глаза!
И на траве, где танки шли и пушки,
Роса — от крови красная роса!

.....
Воспоминаний много! С лунной ночи,
Когда узнал я первую любовь,
До дня, когда с войны я в край свой отчий
Вернулся. Капала на камни кровь.

Из незаживших ран. Я воротился
В свой дом, но матери в нем не застал!
Пред очагом погасшим опустил
Я на порог — и горько зарыдал.

Нет матери в ауле, нет соседей!
Ушли, неся в сердцах и боль, и гнев...
Отцовское надгробье лишь в наследье
Осталось мне...⁹

Перевел Л. Шерешевский

Оно не только о войне и о насильственной высылке балкарского народа на чужбину, которая произошла тоже в самом конце войны. Эта целостная поэтическая концепция общественно-политического значения, если даже не учитывать ее историко-национальную значимость. Прежде всего она имела гражданский смысл: Кайсын Кулиев, как и сотни, тысячи воинов России, защищал на фронте не просто свою высоту, свой отчий дом, а Жизнь с большой буквы, свободу всех европейских стран, которые находились под пятой фашистов и гнетом бредовых идей Гитлера, мечтавшего о мировом господстве, как до него мечтали Чингиз-хан, Наполеон и другие завоеватели. Во имя этой гуманистической цели тема памяти о войне прошла через все творчество Кайсына Кулиева, начиная от лирики военных лет до романа «Была зима», написанного в последние годы жизни поэта.

Мы уже говорили о том, что Великая Отечественная война нашла глубокое художественное отражение в творчестве Кайсына Кулиева. Позволим себе еще остановить

ся на одном произведении поэта. Стихотворение «Новый год, как с добычей охотник...» кажется на первый взгляд глубоко личным, субъективным. Сон в новогоднюю ночь как ключ к тайнам личности, но это не сон, а сила воображения, поскольку во время сна «разум и логика перестают контролировать сознание, уступая место субстрату мыслей, идей, чувств, которые в этом состоянии проявляются свободно, а во время бодрствования вновь оттесняются в подсознание»¹⁰. Не случайно в снежную новогоднюю ночь 1961 г. в памяти бывшего солдата ожили вдруг военные снега:

Снег летит, снег летит и воочью
Вижу поле далекое я,
Где встает новогоднюю ночью
В наступление рота моя.
Ах, как молоды мы еще, кстати,
Батальонный у нас тамада.
Кровь багрит белоснежную скатерть,
И падучая блещет звезда...
Новый год постучался в ворота, —
Что ж я плачу, смешной человек?..
Все идет в наступление рота,
И ложится ей под ноги снег¹¹.

Перевел Я. Козловский

В грустных и светлых воспоминаниях о войне и молодости, о войне и депортации, о личных утратах и горестях художественно отражены этноисторические события и запечатлены боль и скорбь о погибших товарищах, а также гордость за их героизм. В стихотворении «Новый год, как с добычей охотник...» ощущаешь и мужественность времени, и противоестественность самого соседства таких понятий, как счастье молодости и кровь на белой скатерти. Казалось бы; бывший фронтовик в мирную новогоднюю ночь должен забыть тревоги военной поры. Но он помнит их, они врезались в его память и сознание, и он снова и снова «видит» то, что было тогда, в новогоднюю ночь. Здесь и символика, и художественность, создающие один образ — образ войны, когда «... идет в наступление рота, и ложится ей под ноги снег».

- ¹ Кулиев К. Горы. М., 1957. С. 125–126.
² Там же. С. 182.
³ Там же. С. 315.
⁴ Там же. С. 316.
⁵ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т.; М., 1987. Т. 1. С. 87.
⁶ Кулиев К. Избр. произв. в 2 т.; М., 1970. Т. 1. С. 231.
⁷ Кулиев К. Мир дому твоему. М., 1966. С. 127.
⁸ Кулиев К. Буду учиться, пока живу // Вопросы литературы, 1968. № 11. С. 117.
⁹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т.; М., 1987. Т. 1. С. 205–206.
¹⁰ Жюльен Н. Словарь символов. Издательство «Урал ЛТД», 1999. С. 380.
¹¹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т.; М., 1987. Т. 1. С. 177.

Т. Е. Эфендиева

КАЙСЫН КУЛИЕВ И ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Краткие тезисы выступления на республиканской научно-практической конференции «Проблемы развития государственных языков КБР». Нальчик, КБГУ. 30–31 мая 1996.

В условиях переходного периода, когда в национальной жизни возникло так много проблем, задачи возрождения духовной культуры стали одним из насущных вопросов развития всех народов России. Позвольте оговориться, что значит для нас всех, сидящих здесь, на конференции, переходный период? Начинать ли его с 1985 г. или с того времени, когда рухнула могущественная советская держава? Переходный период длится вот уже десять лет и будет, вероятно, продолжаться еще столько же, если не больше. Народы нашей страны перешагнут из XX в. в XXI в., а проблемы истории, культуры и этнографии народов Северного Кавказа по-прежнему будут привлекать внимание ученых. Художественная литература с ее огромным идейно-нравственным потенциалом, воспитательно-познавательным значением останется навсег-

да убедительным средством при рассмотрении проблем возрождения духовной культуры.

Общеизвестно, что духовная культура охватывает сферу сознания и духовного производства (познание, нравственность, воспитание и просвещение, включая право, философию, этику, эстетику, науку, искусство, литературу, мифологию, религию). Подлинное возрождение национальной жизни, находящейся сейчас в затяжном кризисе, — это прежде всего утверждение самобытных ценностей и создание неповторимой этнической культуры. Это все верно, потому что это истина, не требующая доказательств.

Опираясь на авторитеты, хотелось бы сказать о другом: нельзя отрицать культуру прошлого, как сейчас пытаются выкинуть из школьных и вузовских программ известных писателей и поэтов советской эпохи. А ведь это наша история, история духовной культуры; ее должны знать те, кто учится, и воспринимать умом и сердцем, отбрасывая наносное, пену и впитывая рациональное зерно. Прав был Кайсын Кулиев, когда писал в 1971 г. в статье «Поэт и культура»: «История литературы дает нам уроки мудрой скромности и постоянного стремления к совершенству и высокой культуре тех великих художников, которые по своему рождению не принадлежали к образованным кругам общества. Достаточно вспомнить хотя бы Максима Горького. Никогда не могло быть полезным и разумным отрицать образцы, не изучив и не поняв их. Мы хорошо помним, как пытались отрицать Пушкина стихотворцы разных направлений в начале нынешнего века и что из этого вышло. Учиться на опыте лучших мастеров прошлого необходимо, если мы действительно любим свое дело и жизнь, если уважаем себя»¹.

Это высказывание справедливо и через 25 лет (столько прошло времени, как Кулиев нас предупредил: культуру прошлого огульно отрицать нельзя, ее надо изучать). Мы теперь ударились в другую крайность, а именно: выбросили из программ по литературе славные имена писателей русской советской литературы, начиная от М. Горького кончая К. Симоновым, и стали изучать в лекционных курсах, на спецкурсах и спецсеминарах только литературу русского зарубежья. Ну что из этого, что лауреат всех премий (в том числе и Сталинских) Констан-

тин Симонов на следующий день после известия о кончине вождя в газете «Правда» опубликовал свое стихотворение, начинавшееся: «Земля от горя вся седея...». Все так писали, восхваляя его, потому что он был для советских людей символом военных побед и трудовых успехов... Только один Кайсын Кулиев не писал ему оды, находясь в марте 1953 г. в ссылке, да еще Дмитрий Кедрин, его друг, убитый бандитами в сорок пятом недалеко от дома, где жил в подмосковном селе Черкизово. Художественная литература тогда была особой формой советской идеологии. И эстетическое значение литературных произведений тоже сводилось к той же идеологии. Но и тогда литературный процесс не стоял на одном месте. Формирование и развитие духовной культуры — диалектический процесс, несмотря на многие факторы, которые влияли на него отрицательно. Национальные литературы огромной российской державы продолжали развиваться, и для ускоренного развития культуры и литературы народов СССР были явные предпосылки: шло взаимовлияние и взаимообогащение национальных культур; в широком обмене национальными традициями большую роль сыграл русский язык. И тогда ученые писали и говорили о духовном возрождении наций, о проблемах возрождения духовной культуры, особенно так называемых «малых народов», к числу которых относились и народы Северного Кавказа: многие этносы Дагестана, карачаевцы, балкарцы, ингуши, чеченцы и т. д.

Кулиев писал: «На всей большой земле нас мало знали и мало кто о нас слышал». Он был, как всегда, прав, но о балкарцах узнали благодаря поэтической славе Кайсына Кулиева. Он явился духовным феноменом балкарского народа, выразителем его дум и стремлений, его духовно-нравственного потенциала. Поэт верил в бессмертие своего маленького народа, в его прогресс, в его духовный взлет.

Каким бы малым ни был мой народ,
Он все равно меня переживет,
И будет жив мой край, гнездо в котором
И белый голубь вьет, и черный ворон.

Я верую, что будет жить, как жил,
Мой малый род, чье мужество, бывало,
И мужество и силу возвращало
Мне, потерявшему остаток сил².

Перевел Н. Гребнев

Многие ученые-теоретики считают, что в период демократизации и гласности, в условиях обновления всех сфер общественной жизни одной из важных задач возрождения духовной культуры в Кабардино-Балкарии является формирование всеобъемлющей национальной идеи, в чем-то привлекательной и насущно необходимой для многих народов, проживающих в республике. Идея мирного сосуществования, взаимоуважения, взаимопомощи всегда была в менталитете балкарского народа, который вот уже на протяжении многих столетий живет в добром согласии со всеми своими соседями, то есть народами Северного Кавказа, не говоря уже о России. Его прославленный поэт из Чегема воспел это миролюбие горцев, их мудрость и терпимость к инакомыслящим:

Чингизхановским копьям,
арканам и стрелам
умертвить то содружество не удалось,
пыль далеких веков на него
не осела.
Все доспехи всех орд проржавели
насквозь.
Это братство живёт
в одинаковых сказках
неизвестных сказителей
разных племен,
в материнских тревогах, заботах и ласках,
одинаковых всюду с древнейших времен.

Корни этой дружбы уходят в глубину веков, потому что для каждого народа счастье — это мир и труд, здоровье детей, их благополучие. Свобода и благосостояние позволяют развивать культуру, духовно совершенствоваться как в целом нации, так и отдельной личности. Дружба народов и отдельных людей — это та сила, которая позволит формироваться и отшлифовываться этнокуль-

турной и национальной идее, которая всегда существует в любом этносе. О народной мечте, уходящей своими корнями в глубочайшие недра жизни, и писал Кайсын Кулиев в стихотворении «Великое братство»:

Языков и законов друг друга не зная,
Жили сотни народностей думой одной —
Чтоб людей не терзала нужда вековая,
Чтобы жизнь обездоленных стала иной ¹.

Вопрос о силе дружбы, взаимопонимания, взаимоуважения и взаимопомощи людей был для Кулиева объективным и необходимым процессом обновления жизни, развития культуры и искусства. «Я думаю, что в первый раз народ сказал: «В единстве сила!» — в свой самый трудный день, в тот час, когда ему беда грозила» ⁴.

Думается, что, когда мы говорим о Кайсыне Кулиеве и о проблемах возрождения духовной культуры балкарского народа, нам прежде всего надо помнить о его заветах, его сокровенных мечтах и мыслях — о развитии и сохранении родного языка, национальных традиций, этнокультурных связей; о том, что полезно и что вредно народу, развитию и формированию его национального сознания и самосознания. Обращаясь к народу, он писал:

И что с тобой, народ мой, ни случится,
Я знаю, будет жив язык родной,
В звучании которого продлится
Моя судьба и век не длинный мой.

С тобою, мой народ, должник твой вечный,
Ни дня я в жизни не был одинок
И сотворил за век свой быстротечный
Хоть и немного, но все, что мог ⁵.

Перевел Н. Гребнев

Национальная литература всегда была тем феноменом, в котором наиболее ярко выражаются общенациональные интересы и цели. Уникальным явлением в балкарской литературе (мы не раз об этом говорили) стал Кайсын Кулиев, высокая влиятельная духовность которого теперь уже раз и навсегда признана. Национальная

духовная культура балкарского народа без творчества этого замечательного поэта просто невозможна, как невозможно развитие балкарской поэзии без его традиций и новаторства.

Заканчивая свое краткое выступление, хотелось бы еще раз заострить внимание на основной проблематике творчества Кайсына Кулиева. Такие основные социально-нравственные проблемы творчества Кулиева, как тема малой родины и народа, национальное единство и дружба как источник блага людей, проблема единства человека с миром и социально-гражданской ответственности перед ним, героика подвига, осуждений распри и войны, национально-историческая тема, труд и мир как символы общечеловеческого счастья и источник нравственности, проблемы гуманизма — прочная основа для воспитания современной молодежи, поскольку его поэзия входит в русские и национальные программы общеобразовательных учреждений. Возрождение национальной культуры начинается с изучения ее истоков до самых высоких ее вершин.

И, заканчивая свое выступление, мне бы хотелось снова обратиться к словам Кайсына Кулиева, который, выступая на Стружских вечерах поэзии в Македонии, сказал: «... без учета достижений всей мировой поэзии поэт любого народа сегодня не может работать и не добьется победы, он окажется замкнутым, отстанет. Все лучшее в искусстве принадлежит всем народам, всем людям. Поэтому поэты разных стран, разных языков и собрались в эти дни в Македонии...»

Давно доказано деятельностью великих сынов малочисленных народов, что размеры дарования художника не зависят от численности населения его страны. Достаточно вспомнить одного Генриха Ибсена.

Выдающиеся создания поэзии неповторимы, в каком бы краю ни рождались, и они вливаются в общую сокровищницу человеческой культуры»⁶.

¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 382.

² Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 362.

³ Кулиев К. Земля и песня. М., 1959. С. 5.

⁴ Кулиев К. Избр. произв. в 2 т.; М., 1970. Т. 1. С. 353.

⁵ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т.; М., 1977. Т. 3. С. 362.

⁶ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 392–393.

Ф. С. Эфендиев

КАЙСЫН КУЛИЕВ КАК ДУХОВНЫЙ ФЕНОМЕН БАЛКАРСКОГО НАРОДА

Тезисы доклада на межрегиональной научной конференции «Интеллигенция Северного Кавказа в истории России». Ставрополь: СГУ, 1998.

Кайсын Шуваевич Кулиев является выдающимся представителем культуры балкарского народа. 1997 г. был объявлен в Кабардино-Балкарии годом Кайсына Кулиева, которому исполнилось бы 80 лет со дня рождения, но до этой круглой даты талантливый балкарский поэт не дожил. В 1985 г. он ушел из жизни, оставив людям свои сборники стихов «Раненый камень», «Книга земли», «Мир дому твоему», «Звездам – гореть!», «Колося и звезды», «Вечер», «Жить», «Человек. Птица. Дерево» и многие другие, пьесу «Есть на свете любовь», роман «Была зима», два тома литературно-критических статей, повести, рассказы, многие из которых еще не опубликованы и ждут своего часа встречи с читателями.

В социальной памяти народа имя Кайсына Кулиева осталось навечно. Не забыт он своими земляками: в Чегеме-І открыт мемориальный Дом-музей на улице имени К. Ш. Кулиева (бывшая Степная), на могиле – памятник, установленный 5 ноября 1988 г. Здесь отмечают дни его рождения и памяти. Инициатива принадлежит Национальному музею и Союзу писателей КБР. В Кабардино-Балкарском госуниверситете учреждена именная стипендия Кулиева, присуждаемая лучшему студенту-филологу Института филологии. В Нальчике, в районе «Горный», красивый проспект носит имя поэта. Национальный балкарский театр – тоже его имени. Рядом с

театром скоро появится памятник поэту. В 1987 г. альпинисты покорили новую вершину в Приэльбрусье и назвали ее именем Кайсына. Кулиевский пик – это пик бессмертия, а в небе сверкает его звезда.

Писатели Российской Федерации и СНГ (бывшие союзные республики СССР) прославили имя Кайсына в своих произведениях. Ему адресованы стихи-послания и посвящения поэтов разных поколений. Если их собрать, то получился бы целый большой том! Одним из первых подарил ему прекрасные строки известный поэт Дмитрий Кедрин, с которым Кулиев дружил еще во время Второй мировой войны. Это была награда, как сказал потом поэт, воину Кулиеву в далеком 1945 г. Стихотворение называлось «Кайсыну Кулиеву» («Ночь поземкою частой...»). Кулиев этим стихотворением очень гордился и говорил в шутку: «Я офицер Шамиля!» Свои чувства он выразил в статье «Памяти друга» (1945–1948), написанной вскоре после того, как в 1945 г. Кедрина убили недалеко от его дома в Черкизово, уже после Победы, в мирное время. Кулиев писал: «Он протянул мне лист нелинованной бумаги. Это были стихи, обращенные ко мне!.. Как я обрадовался этим стихам в тот зимний день! Если бы мой друг мне, молодому горцу, в те дни подарил коня, я не был бы так рад. Благородство поступка Кедрина станет особенно очевидным для читателей после того, как я рассказал, в какое положение судьба поставила меня тогда»¹ (Речь шла о насильственной высылке балкарского народа и о самом Кулиеве, подлежащем депортации).

Не могу не процитировать Вам, уважаемые коллеги, эти стихи:

Ночь поземкою частой
Заметает поля.
Я пишу тебе: «Здравствуй!»
Офицер Шамиля.

Вьюга зимнюю сказку
Напевает в трубу
Я прижал по-кавказски
Руку к сердцу и лбу.

Искры святочной ваты
Блещут в тьме голубой...

Верно, в дни газавата
Мы встречались с тобой.

Тлела ярость былая,
Нас враждой разделя:
Я – солдат Николая,
Ты – мюрид Шамиля.

Но над нами есть выше,
Есть нетленнее свет:
Я не знаю, как пишут
По-балкарски «поэт».

Но не в песне ли сила,
Что открыла для нас
Кабардинцу – Россию,
Славянину – Кавказ?

Это сила не знак ли,
Чтоб, скитаньем ведем,
Заходил ты, как в саклю,
В крепкий северный дом.

И, как Байрон, хромая,
Проходил к очагу...
Пусть дорога прямая
Тонет в рыхлом снегу, –

В очаге, не померкнув,
Пламя льнет к уголькам,
И, как колокол в церкви, –
Звонок тонкий бокал...

К утру иней налипнет
На сосновых стенах.
Мы за лирику выпьем
И за дружбу, кунак!

«Случайный, незначительный; казалось бы, разговор побудил Дмитрия Кедрина написать такие тонкие, благородные стихи, – писал позже Кулиев. – Его человеческая и художественная честность была безупречной»².

В 1943 г. писатель А. Фадеев записал в своем дневнике после встречи с Кулиевым: «Прекрасный поэт Кайсын Кулиев, истинный горец и подлинная поэзия»³. С

тех пор прошло более полувека, и Кулиеву посвятили не менее значительные строки в прозе и поэзии Б. Пастернак, К. Симонов, М. Дудин, А. Кешоков, Р. Гамзатов, Д. Кугультинов, М. Карим, И. Абашидзе, А. Кулешов, Л. Ошанин, Б. Олейник, Е. Долматовский, Н. Джусойты, Л. Мкртчян, Н. Тихонов, С. Капутикян, Ю. Рытхэу, И. Драч, И. Макаровичина, Б. Укачин, С. Фиксин, Мирзо Турсунзаде, М. Бажан, Я. Козловский, И. Михайлов, Т. Зумакулова, А. Созаев, И. Кашежева, Ю. Николаев, П. Хузангай, Н. Хубиев, Шукурло, К. Ваншенкин, В. Кузьмин, И. Бабаев и многие другие.

В предисловии к трехтомнику Кайсына Кулиева Ч. Айтматов писал: «Время пронзительно отпечаталось в стихах Кайсына. Его знаки и символы – не отвлеченная условность, в них – боль и горечь, сострадание и нежность эпохи, человека, преодолевающего тернии на пути к звездам. А мужество поэта – что же, оно свидетельство тому, что сердце, устремленное к добру, сильнее и тверже камня, ибо способно понять его немую боль и, переживая невыносимое, оставаться добрым, ранимым – воистину человеческим. Да, поэзия Кайсына – документ эпохи». Айтматов верно подчеркнул, что Кулиев был одним из великих гуманистов XX в., поэтому его поэзия так близка людям всех поколений и известна в нашей стране и за рубежом. Поэзия Кулиева волнует как балкарцев, так и всех людей на земле. Он внес огромный вклад в формирование менталитета балкарского народа, как и его предшественник Кязим Мечиев. В творчестве Кайсына Кулиева, этого яркого самобытного поэта, отражен весь ход развития балкарской художественной культуры. Все самое лучшее, что было накоплено в истории существования балкарского народа, в его генофоне, было воплощено в Кулиеве. Он был и останется одним из лучших поэтов балкарского народа XX в.

Заслуга Кайсына Кулиева в развитии художественной мысли балкарцев еще и в том, что многие его стихи и поэмы посвящены лучшим представителям духовной культуры России, СНГ и зарубежных стран. Он воспел Грузию («Послание грузинским женщинам», «Симону Чиковани», «Марике Чиковани»), Армению («Комитас», «Сильве Капутикян»), Украину («Миколу и Нине Бажа-

нам», «Марии Гавриловне Сосюре»), Киргизию («Киргизская дорожная песенка»), Латвию («Стихи, написанные в Латвии») и многие города и страны мира, в которых он побывал, — Францию, Индию, Польшу, Венгрию, Чехословакию, Германию, Монголию, Японию, Болгарию. Почти в каждой стране, городе, куда он приезжал как представитель иной культуры, он говорил и о своем балкарском народе, его этнокультуре. Так, выступая на дискуссии в Праге (1966), Кулиев говорил о традициях и поисках нового в современной поэзии, о новаторстве С. Есенина, А. Твардовского, фольклоре и родной литературе. «Я уважаю людей, живущих со мной рядом, радующихся и страдающих вместе со мной. Мне дороги их боль и страдания. Мне хочется, чтобы они меня понимали, чтобы мое слово, хотя бы в какой-то мере, стало поддержкой в их трудной жизни. Моя жизнь и моя смерть связаны с ними. Я не должен, не смею и не могу стараться отличаться от них, я слит с ними», — так закончил свое выступление на этой дискуссии Кайсын Кулиев. Своим землякам поэт посвятил много стихотворений, поэм и баллад, таких, как «Памяти Салиха Хочуева», «Памяти матери», «Памяти чегемского пахаря», «Послание женщинам Балкарии», «Предки мои», «Реквием Саиду Шахмурзе — поэту из Чегема», «Старым горским мастерам», поэму «Золотая свирель», посвященную К. Мечиеву.

О неразрывной духовной связи со своим родным народом Кулиев поведал художественным словом в стихотворении «Предки мои» (1963):

Горец, кинжал не носил я бесценный,
Сабли старинной не брал я в бои.
Но не судите меня за измену,
Предки мои, предки мои!

Я не пою, а пишу на бумаге,
Мерю пальто городского сукна,
Но без терпенья, без вашей отваги
Грош мне цена, грош мне цена!

Я ль не на вас опираюсь, предтечи,
Так, зажимая рану свою,
Вы опирались друг другу на плечи
В смертном бою, в смертном бою!

.
Видел я много невиданных вами
Стран и народов, неведомых вам,
Но, возвратясь, припадал я губами
К отчим камням, к отчим камням!

Перевел Н. Гребнев

Своих далеких и близких друзей Кайсын Кулиев также воспел в своих стихах «Памяти Аркадия Кулешова», «Памяти Симона Чиковани», «Памяти Мирзо Турсунзаде», «Памяти поэта», «Пимену Панченко», «Письмо зарубежному другу», «Письмо Расулу Гамзатову», «Пока Амо Сагиян глядит...», «Поэт на фронте» (Алиму Кешокову), «Левону Мкртчяну», «Говорю моему поколению» (М. Дудину), «Певица» (Лайме Адерсон), «Дом моего друга!» (Якову Смоленскому), «Песня, которую не сможет спеть мой друг» (Памяти Марка Бернеса), «Я вспоминал друга в горах» (Ираклию Андроникову), «Ты помнишь лето? Лес, трава кругом...» (Я. Козловскому) и многим другим.

Удивительный талант Кулиева проявился и в том, что он хорошо знал античную культуру и ее историю. Из всех северокавказских поэтов он первым создал поэтический образ Прометея. Стихотворение написано в 1963 г., но его часто цитируют, когда касаются военной лирики поэта. Патриотические мотивы наличествуют здесь и умение жертвовать собой ради других тоже:

.
Сила Прометея до сих пор
Царствует — она сильнее смерти,
Снежные громады катит с гор,
Мечет молнии и вихри вертит.

Родина, в ущельях снеговых
На вершинах этих первозданных
Сколько за века прошло твоих
Горцев — Прометеев безымянных.

Перевел Н. Гребнев

Не раз обращался поэт к именам великих музыкантов мира, как символам определенной философско-нравственной категории: Баху («Учись у Баха»), Бетховену

(«Бетховен»), Шопену («Играют Шопена»), легендам и мифам Древней Греции («Орфей»), литературным образам мировой значимости – Гамлету («Гамлет»), Дон Кихоту («Дон Кихот»).

О Дон Кихот, ты никуда не канул.
Мы все страдаем болью ран твоих, –
На свете столько злобных великанов,
Принявших облик мельниц ветряных!

Перевел Н. Гребнев

Хотелось бы отметить и тот факт, что поэзия Кайсына Кулиева стала достоянием мировой цивилизации благодаря заслугам его переводчиков. Его стихи переводили на русский язык по подстрочникам Д. Кедрин, Н. Тихонов, А. Кулешов, Н. Коржавин, Д. Бродский, Е. Елисеев, Д. Голубков, В. Звягинцева, В. Сикорский, М. Зенкевич, М. Петровых, Л. Шифферс, С. Липкин, Н. Гребнев, Я. Козловский, Б. Ахмадулина, Л. Шерешевский, Д. Долинский, О. Чухонцев, Ю. Нейман, Я. Аким, Я. Хелемский, М. Синельников, Н. Кондакова, А. Баева, М. Дудин. Из зарубежных переводчиков надо отметить Хельмута Прейслера, Ф. Больгера, Н. Зиннера, Ф. Лешницера (Германия), Витольда Домбровского (Польша). Многие сделали для известности Кайсына Кулиева и композиторы России и Северного Кавказа. На стихи и поэмы Кулиева созданы песни, романсы, оратории. Это музыка Я. Френкеля, Г. Свиридова, И. Крутого, Э. Колмановского, Т. Блаевой, Ю. Мейтуса, Дж. Хаупы, А. Даурова, А. Рахаева, А. Шахгалдяна, В. Молова, Н. Пахомова, А. Байчекуева, М. Жеттеева, А. Казанова, З. Бинкина, М. Османова, И. Шериевой, Х. Карданова. Артист КБР Махмуд Текуев издал сборник песен на стихи К. Ш. Кулиева «Мир и радость вам, живущие» (Нальчик, 1997).

К юбилею поэта балкарский госдрамтеатр подготовил пьесу – премьеру Кайсына «Есть на свете любовь», и она прошла с большим успехом; фотохудожник А. Шахмурзаев организовал в музее изобразительных искусств персональную выставку «Я твой сын, земля», посвященную 80-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева. Профессора Эфендиевы, преподаватели КБГУ, издали к этому юбилею научную биографию поэта, составившую два тома⁴.

Эта работа представляет собой обширное исследование жизненного и творческого пути Кулиева; она написана на основе архивных материалов, которые были впервые введены в научный оборот, и воспоминаний друзей поэта. Известный литературовед, критик, член Союза писателей РФ, заслуженный деятель культуры Армении Левон Мкртчян издал к юбилею своего друга книгу воспоминаний «Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой» (Ереван, 1997. 108 с.). Он привез ее с собой в Нальчик и подарил всем, кто приехал почтить память К. Ш. Кулиева.

Таким образом, Кайсын Кулиев – это человек действительно выдающийся, исключительный в духовной культуре балкарского народа, которая в основном стала формироваться и развиваться после 1917 г. Разумеется, у народа всегда было изумительное духовное сокровище – устное народное творчество, его удивительные песни, сказки, легенды, предания, героические сказания, пословицы, поговорки, которые так высоко ценил Кайсын Кулиев. В статье «Сказки и горы» поэт сказал о том нравственном и воспитательном значении, какое имело для людей устное творчество народа. «Благословенна сказка. Так много радости она давала нам всем! – писал Кулиев. – Как она украсила детство каждого из нас, став голосом матери и шумом дождя за окном отчего дома!»⁵ И еще об одном высказывании Кулиева: «В сказке все крупно и ярко. Она освещена светом народной души, светом ее веры в жизнь, в справедливость, разум, светом его надежды. В наших сказках чаще всего персонажи не имеют имен, они безымянны. Это, должно быть, потому, что сказочные герои имеют собирательный смысл, и народ не считал нужным удостоить какое-нибудь имя этой чести... У нашей народной сказки есть еще одна особенность. В ней неправых всегда побеждают те, которые правы. Несправедливость терпит поражение. Эта черта опять-таки идет от оптимистического отношения народа к жизни».

¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 177.

² Кулиев К. Так растет и дерево. С. 178.

³ Фадев А. Собр. соч. М., 1961. Т. 5. С. 179.

⁴ Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С. Кайсын Шубаевич Кулиев. Биография поэта. Ч. 1. 1917–1958. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 248 с.; и Ч. 2. 1959–1985. Нальчик: Эль-Фа, 1997. С. 421.

⁵ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 418–419.

Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев

«МОЛОДОСТЬ МОЯ ПОД ПУЛЯМИ ШАГАЛА...»

К 55-летию Великой Победы

Это высказывание принадлежит балкарскому поэту Кайсыну Кулиеву, который, как и многие советские поэты, находился на фронте, работал военным корреспондентом в газете «Сын Отечества», писал по заданию редакции статьи и очерки, часто выезжая на передовую, жил с солдатами в окопах, ходил в атаки, видел смерть товарищей и горе их однополчан. И выражаясь словами поэта Бориса Слуцкого, можно сказать, что «война ему запомнилась по дням, все прочее по пятилеткам». Может, поэтому в его фронтовой лирике так много подробностей военного быта, тех трудностей, которые пришлось пережить солдатам, психологически достоверных картин. В стихах Кулиева этой поры не найдем призывов «За Родину! За Сталина!» Не с этими словами (как теперь утверждают) поднимались солдаты и шли в атаку, а с ненормативной лексикой. Это в донесениях политработников было записано, что воины шли умирать с этим лозунговым сознанием. Лозунг военной поры «Родина-мать зовет!» был у всех на виду и по сути своей он выражал глубокую патриотическую идею, которая прошла сквозной нитью в стихах всех поэтов, сражавшихся на фронтах или в партизанских отрядах.

Настал черед, пришла пора, —
Идем, друзья, идем!
За все, чем жили мы вчера,
За все, что завтра ждем...

Так писал в 1942 г. в своем популярном произведении «В лесу прифронтовом» М. Исаковский, выражая

готовность отдать свою жизнь во имя победы Отчизны. Во имя Родины-матери призывал поэт сражаться за свободу и умирать:

Пусть свет и радость прежних встреч
Нам светит в трудный час,
А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

С первых дней войны советские поэты ковали духовное оружие для борьбы с врагом. Фронтовая лирика стала огромным художественным потенциалом для тех, кто сражался на фронте и кто был в тылу, на трудовом фронте. Так, лирические песни и стихи о родине, о дружбе, о любви («Огонек», «Где ж вы, где ж вы, очи карие» М. Исаковского, «Землянка» А. Суркова, «Соловьи» А. Фатьянова, «Моя любимая» Е. Долматовского, «Вечер на рейде» А. Чуркина, «Жди меня» К. Симонова, «Всегда гордился тем, что горец я!» К. Кулиева и многие другие) стали любимыми для всех. А «Выходила на берег Катюша» стала «обиходным элементом повседневной народной речи».

Сильные, до щемящей боли пронзительные стихи отечественной поэзии призывали к верности, к самоотверженной защите Родины, к подвигам во имя свободы и национального достоинства. Фронтовые стихи – это своеобразные пики нравственного и физического напряжения. Они способны правдиво поведать о том, что было трагического в годы Второй мировой войны, художественно рассказать нашему и будущему поколению, с какими большими трудностями добывалась Победа – 9 мая 1945 г. Ушли из жизни почти все поэты-фронтовики: Н. Тихонов, А. Твардовский, Д. Кедрин, М. Исаковский, А. Сурков, Е. Долматовский, А. Жаров, А. Фатьянов, В. Лебедев-Кумач, С. Орлов, М. Рыльский, А. Кулешов, Г. Леонидзе, Г. Гулям, С. Щипачев, В. Инбер, О. Берггольд, А. Прокофьев, П. Антокольский, М. Алигер, К. Кулиев, К. Отаров, Б. Окуджава, Д. Самойлов, Б. Слуцкий и многие другие. Свыше тысячи членов Союза писателей в годы войны находились в рядах Советской Армии и в партизанских отрядах. Из них более четырехсот погибло в боях за Родину. Погибли в самом начале войны и поэты из Кабар-

дино-Балкарии, такие, как Али Шогенцуков, Азрет Будаев, Салих Хочуев.

Мы начатых поэм не дописали,
Мы с отчих гор ушли на зов войны.
Навстречу буре боевой мы встали,
Как верные Отечества сыны.

Эти строки Кайсына Кулиева были написаны и обращены в 1942 г. к балкарскому поэту Кериму Отарову, воевавшему на Брянском фронте в пехотной дивизии, но они обрели общенародное звучание. Обращаясь к событиям всемирно-исторической значимости, поэты сумели художественно запечатлеть и правдиво передать политическую и нравственную атмосферу самоотверженной борьбы всего советского народа всех бывших союзных и автономных республик, краев и областей – против гитлеровского фашизма. Уже после войны в песне-стихотворении «Летят перелетные птицы» (1948) М. Исаковский, обращаясь к годам Второй мировой войны, итожил пережитое и снова подтверждал то, что пережили солдаты:

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова,
Я снова все это пройду.

Это было снова обращение к Матери-Родине, и каждый вернувшийся с войны осознавал это святое чувство, чувство патриотизма. Оно воспитывалось с детства, и родной край, земля отцов и дедов, «любовь к отеческим гробам» были превыше всего. Так, в военных стихах А. Твардовского с большой лирической страстностью это чувство выражено не только от себя лично. Оно стало общенародным, как и у многих поэтов-фронтовиков:

... Пускай до последнего часа расплаты.
До дня торжества – недалекого дня –
И мне не дожить, как и многим ребятам,
Что были нисколько не хуже меня.
Я долю свою по-солдатски приемлю,
Ведь если бы смерть выбирать нам, друзья,

То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя.

(Слово ненависти)

Внутренняя поэтическая энергия фронтового стиха была присуща Борису Слуцкому и Кайсыну Кулиеву, Давиду Самойлову и Кериму Отарову, Алим Кешокову и Константину Симонову. Говоря о своей любви к Родине, призывая народ к мужеству, стойкости, к беспощадной борьбе с врагом, они мечтали о мире и верили в грядущую победу, которая под их пером становилась символом свободы и радости. Так, А. Сурков в стихотворении «Предчувствие весны» писал:

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе,—
Мы не хотим под ярмом одичать.
Ради цветенья и радости ради
Мы заставляем железо кричать...

Фронтовая поэзия, сколько бы ни прошло лет со времени ее создания, навсегда вошла в историческую память всего человечества, а не только нашей страны и бывших союзных республик. И до сих пор, несмотря на то, что прошло 57 лет после окончания Второй мировой войны, вьетнамцы и китайцы, американцы и англичане распевают «Катюшу» («Выходила на берег Катюша»). О тех драматических военных годах потомки будут судить по художественной литературе, целостной и единой в своем идейно-нравственном восприятии войны и мира 1941–1945 гг., как судят об Отечественной войне 1912 г. по роману «Война и мир» Л. Н. Толстого.

Обращаясь к женщинам, девушкам, которые находились на фронте в качестве врачей, санитарок, медицинских сестер, регулировщиц, связисток и др., Борис Слуцкий писал о них: «... слишком тяжело даются вам войны». Многим из них война перекромсала судьбу, перерезала жизнь. И смена времени, общественного положения и социального слоя ничего не изменила в жизни фронтовички. В поэзии девчушки – девушки – девчонки предстают другими: верными, любимыми, преданными и дорогими. Вспомним лирические миниатюры С. Щипачева «Любовь пронес я через все разлуки», «Сегодня бой...»;

стихи К. Симонова из цикла «С тобой и без тебя»; Н. Рыленкова «Прошедшим фронт», «Тебя забыть...»; А. Суркова «Негасимая любовь»; К. Кулиева «Девушке с Севера», «Любимой с фронта в первый год войны», «Песня о голубых глазах»; К. Отарова «Думы о тебе», «Война нас разлучила», «Жажда сердца», «Прости меня» и др. В них мысли и чувства образуют единую ткань, отлитую в различные художественные формы. В каждом из этих стихотворений говорится о конкретных женских образах, но они имеют общенародный, нравственно-этический характер. Некоторые из них написаны в форме лирического признания, монолога, воспоминания, призыва, обращения к тем, которые «... на войну вслед за детьми пошли и женщины и девушки-девчонки» (А. Твардовский). С ними не раз сталкивала поэтов судьба военных лет. И часто повествовательные сюжеты органично переходили в лирическую проникновенность, открытость. Так, Кулиев не раз вспоминал своего боевого друга военврача медсанбата Веру Максимовну Сидорову, с которой он встретился на фронте в начале 1943 г. В этом же году Кулиев написал стихотворение о ней, вернее, о первой встрече с этой замечательной девушкой, которой тогда исполнилось 23 года. Все было именно так, как описано в стихотворении. Была ночь. Кулиев сидел вместе с солдатами в хатке и читал по памяти стихи Сергея Есенина, прикрыв чуть глаза. Когда он кончил читать, то увидел девушку, удивленно смотревшую на него. Оказалось, она тихо вошла и села послушать стихи Есенина в исполнении молодого горца.

Лампочка из гильзы от снаряда
Засветилась. Хата. Ночь темна.
Я читал стихи, а в балке рядом
Били пулеметы. Шла война.
Ты, не сняв подогнанной шинели,
Села в уголок под образа.
Я читал, а на меня смотрели
Цвета летних сумерек глаза.
Так и состоялась наша встреча,
Наша дружба от нее пошла...
Помнишь, Вера, тот донбасский вечер...
Мы держали только край села.
Так сошлась с твоей моя дорога,

Девушка в шинели, милый друг...
Я с тех пор счастливей стал намного,
И стихи счастливей стали вдруг.

Перевел Н. Коржавин

Об этом случае Кулиев написал стихотворение «Лампочка из гильзы от снаряда...». А когда через много лет на одной из встреч с поэтом студенты Кабардино-Балкарского госуниверситета задали вопрос: «Вымышленное ли имя «Вера» в этом стихотворении?» Кулиев ответил, что почти каждое женское имя, встречавшееся в его стихах военной поры, связано с конкретными лицами и эпизодами жизни его и товарищей по оружию.

И Константин Симонов тоже обращался к конкретной любимой женщине: «Жди меня, и я вернусь, только очень жди...», но это стихотворение звучало в устах почти каждого бойца, как клятва и как вера, что он обязательно вернется к своей любимой: «Жди меня, и я вернусь всем смертям назло!»

Подобные стихи и песни становились общенародными, самыми любимыми и желанными на фронте и в тылу. «Темная ночь» — одна из популярнейших песен; в ней та же негасимая вера, которая давала надежду на возвращение: «... Эта вера от пули меня темной ночью хранила». Она была, как молитва для верующего, ибо в ней заключалась огромная нравственная сила, которая помогала бойцу выжить и победить. Сейчас, через 57 лет после Победы, трудно утверждать: волнует ли эта песня и другие, как «Землянка» (А. Суркова), «Огонек» (М. Исаковского), нынешнее поколение. Но тех, кто прошел войну и даже их детей, которым сейчас под 70 лет, эти песни волнуют до слез, до щемящей тоски в сердце, потому что они помнят, как бились их матери о порог головой и кричали навзрыд, держа в руках похоронку. Такое забыть нельзя никому, и эта горестная память остается навсегда с теми, кто это видел и пережил.

В годы Великой Отечественной войны все роды политического оружия были мобилизованы на то, чтобы морально, духовно поддержать людей, которые в первый год войны были буквально потрясены случившейся бедой: враг победоносно захватывал огромные пространства Советского Союза, пользуясь внезапностью нападения, пре-

восходством вооружения, боевой техники и численностью войск. Западная Европа была под его пятой, и, казалось, что нет сил остановить до зубов вооруженного врага. Поэты всех возрастов действительно участвовали в защите Отечества. Лирическое стихотворение, острая сатира, стихотворная листовка и подпись к плакату, героическая поэма, солдатский раешник, маршевые походные («Священная война» В. Лебедева-Кумача, «До свидания, города и хаты» М. Исаковского), героические («Ой, туманы мои, растуманы» М. Исаковского), балладные («Заветный камень» А. Жарова), песни шуточного боевого содержания («Вася-Василек» С. Алымова), любовно-юмористические («Как за Камой – за рекой» В. Гусева) и, конечно, многочисленные лирические песни о родине и любимой – все эти малые и большие поэтические жанры были подчинены одной задаче: «действительно участвовать в справедливой, освободительной войне своего народа».

Стихи военных лет отразили глубину патриотического чувства всех советских людей и их патриотическое сознание. Так, в стихотворении «Ведут народы бой» В. Гусев воспел дружбу народов, которая явилась одним из объективных факторов победы над врагом. Он писал:

Узбеки, русские, татары и чуваша –
Одна семья, один великий дом.
Все города и все народы наши
Куют сейчас победу над врагом.

Казахский аксакал, акын Джамбул Джабаев обратился к защитникам Ленинграда и к тем, кому предстояло вынести блокаду: «Ленинградцы, дети мои»; Кайсын Кулиев в стихотворении «Сталинградцам» (1942) воспел беспримерный подвиг защитников Сталинграда, города на берегу великой русской реки. Выполняя свой гражданский и воинский долг, они знали, что за Волгой земли нет:

Къалдырмай бизни бастыргъынчи сен,
Кетерлик туюлюбюз мындан керил!

Мы не уйдем отсюда,
Пока жив хоть один из нас...

Подстрочный перевод С. Эфендиева

Тревога о конкретных людях, забота о них и тысячах незнакомых, но дорогих, о судьбе всей страны – вот, что вошло в стихотворения «Тебе, Украина» (1941) А. Твардовского, «Ленинградке» (1941) О. Берггольц, «Ты помнишь, Алеша, дороги смоленщины...» (1941) К. Симонова, «Слышишь, товарищ?» (1942) К. Отарова, «Товарищ, ты видел над нею...» (1942) А. Прокофьева.

При всем индивидуально-творческом и национальном своеобразии, поэтов разных народов нашей страны объединяли идейное единство, высокое сознание долга перед Родиной и своим народом. Так, на Украине, как и на Кавказе, звучала, как набат «Клятва» М. Бажана с ее жизнеутверждающим пафосом:

Мы клятвой едины и волей едины,
Одно в нас стремление растет:
Не будет, не будет вовек Украина
Рабою немецких господ!

Перевел В. Турганов

Такое же оптимистическое звучание было в стихах азербайджанского поэта Самеда Вургуна, воспевавшего в эти трудные для людей дни войны могучую духовную силу, сплотившую все народы Отчизны, вставшие на защиту своих земель, очагов, родных мест, жен и матерей:

Мы единой и общию волей сильны,
Мы – единой и общей Отчизны сыны!
Наша воля – единое сердце страны».

Перевел А. Адалис

Стихов, подобно этим, тогда звучало множество. Художественная литература зафиксировала патриотический подъем народов, их высокое общественное сознание и национальное самосознание, когда массовый героизм на фронте и в тылу был закономерным явлением, не поддающимся, по мнению западно-европейских толкователей, объяснению. В дневниках немецких генералов и офицеров, в их донесениях были попытки истолковать национальный характер русских, их поступки и действия в

экстремальных условиях войны, когда они находились на грани жизни и смерти, и у них был выбор. Они выбирали смерть, национальное достоинство не позволяло им поступать по-иному. Объяснения были разными: они, мол, могут жить в нечеловеческих условиях, поэтому все могут выносить, никогда не знали радостей жизни, поэтому и не ценили жизнь, легко могут переносить холод и голод, сильные физически, поэтому любят ходить в атаку и драться в рукопашную и пр., и пр. Но одно не учитывали враги — тот дух войска, о котором писал великий Лев Толстой в романе «Война и мир», те волевые и душевные качества нашего солдата, которые и давали ему преимущества перед неприятелем.

Вторая мировая война и Великая Победа отходят в прошлое вместе с XX в. На пороге новое тысячелетие. На рубеже двух веков поэзия по-прежнему жива, какой она будет — покажет время. О поэзии Великой Отечественной войны можно с полным правом сказать, что она имела качественно новый характер по сравнению с литературой предвоенных лет. По своим идейно-художественным функциям она явилась своеобразной поэтической летописью всенародного подвига, художественным воплощением общечеловеческих чувств, верности Родине, народу и идеалам человечества.

Кайсын Кулиев, обращаясь к поэтам будущих времен, писал в 1942 — самом трудном военном году — в стихотворении «Поэты»:

.
Во все века наш путь был тягостен и труден,
Всегда, не далеки от нищенской сумы,
Мы оставались все равно друзьями людям,
И жизнь и солнце все равно любили мы.

Да и сегодня мы, страдая жгучей болью,
Которой болен мир, ее передаем
В словах грядущим дням, печаль и грохот боя,
Победных пушек гром неся в душе, идем.

Идем среди полей, где ветром пули свищут
И где победы день встает сквозь кровь и дым.
Без сна и без воды, без отдыха и пищи,
В сырых окопах умирая, мы спешим.

Мы зеркало земли, где кровь и горя глыбы,
И сердце мира мы, уставшее от бед.
И армии страны, врагам неся погибель,
Страдая и терпя, сквозь кровь своих побед

Идут, пыля, сквозь наше сердце. Сердце это
Как поле битвы, где стоят пальба и гром.
Весь мир, где льется кровь, весь в сердце у поэта.
Мы сердце всей земли. Мы соль ее несем ¹.

Перевел Н. Коржавин

¹ Кулиев К. Избранные произведения в 2 т.; М., Художественная литература, 1970. Т. 1. С. 97.

Раздел II

**Доклады и тезисы выступлений
на Международных конгрессах,
Всероссийских и межвузовских
региональных научных
конференциях
(1996—2000)**

ЭТНОКУЛЬТУРА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Из выступления на I Международном конгрессе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» 11–14 сентября 1996. Пятигорск. Пятигорский государственный лингвистический университет. Симпозиум 1.

а пороге ХХI в. национальная идея в этнополитике и духовной культуре занимает центральное место, так как она связана с особенностями этнокультур, цивилизаций, характера того или иного народа, склада его мышления и даже единством местной природы, то есть, как теперь утверждают ученые, с Космо-Психо-Логосом. Идея входит в национальный мир и национальный ум и может проявляться в быту, языке, религии, литературе, различных видах искусства и т. д. Национальная идея, как все в мире, развивается и видоизменяется, как, скажем, изменяются традиции и идут поиски нового в поэзии. «В действительности каждое явление полно противоречий, — говорил Кайсын Кулиев на дискуссии в Праге в 1966 г. — Это истина, известная всем. Чутье художника как раз и заключается в умении уловить и понять главные противоречия жизни. Чем крупнее художник, тем с большей достоверностью и смелостью, даже с беспощадностью, как Лев Толстой или Достоевский, обнажает он жизненные противоречия, не боясь быть непонятым или даже гонимым, как Пушкин... Так называемые старые вопросы возникают вновь и вновь, приобретая новые облики и новый смысл. Поэтому и возник сегодня вопрос традиции и новаторства в современной поэзии»¹.

Национальная жизнь и культура межнационального общения в последние годы сильно изменились, поскольку экономический и социально-культурный опыт многих наций находится в процессе модернизации и усиливаются поиски моделей его усовершенствования. Национальное стало одной из актуальных проблем в современном

мире, и национальная идея призвана содействовать взаимопониманию между народами, взаимопроникновению лучших духовных ценностей каждой нации в процесс развития этнокультур.

Так, выступая на сессии языковедов, организованной АН СССР, Кайсын Кулиев говорил: «Язык каждого, пусть даже самого малочисленного, народа – это целый мир, полный прелести и волшебства. Вспомним хотя бы пословицы и изречения горских народов – это высшее выражение их мысли и фантазии. В них – отчеканенная мудрость и поэзия, вековой опыт народа и красота земли, удивительно самобытный мир, выраженный в неповторимых образах и красках...» Далее, говоря о роли русского языка и русской культуры для духовного развития малых народов, Кайсын Кулиев подчеркнул: «Я люблю русский язык, как и вы, но так же люблю и свой родной балкарский, на котором я впервые сказал «мама» ... Уважение и любовь к великому русскому языку, на котором я говорю много лет и которым восхищаюсь, продолжая изучать его, совсем не мешает мне любить мою родную речь – язык моей матери... Русский язык у нас в крови, мы понимаем его, как свою родную речь, он нам необходим, мы относимся к нему с полным пониманием его значения для нас. Другого отношения к русскому языку у нас не может быть. Кроме прочего, он приобщил нас к культуре человечества»². Национальная логика Кулиева, что родной язык для него – это плоть и кровь, а для этноса – главная ценность, то есть жизнь, позволяло ему так убедительно говорить среди ученых-языковедов. Страстное, горячее выступление поэта – не клише обыденного сознания, а высший разум, воплощенный в его интеллектуально-духовных идеях. И надо сказать, что эта способность горского поэта уникальна: так, всегда убежденно и принципиально, он говорил, доказывая в дискуссиях свои мысли по вопросам, имевшим принципиальный характер.

Ведя речь об этнокультуре и национальной идее, мы остановились на том, что социально-культурный опыт многих наций сейчас находится в процессе модернизации. Кабардино-Балкарская Республика не является исключением в северокавказской цивилизации и в современной цивилизации в целом. У нее есть свой нацио-

нальный мир, своя структура социума со своим собственным мировоззрением. Вероятно, в силу исторических особенностей образования и быта (а в настоящее время надо учитывать еще и национальный образ движения внутренней жизни этносов, главным образом кабардинцев, балкарцев и русских) КБР является маленьким оазисом гражданского мира и национального согласия на Кавказе, и в частности, на Северном Кавказе, где локальные войны не прекращаются вот уже несколько лет, например в Чечне. Некоторые Законы и Указы, принятые в соответствии с Конституцией (Основным Законом) Кабардино-Балкарской Республики и Конституцией Российской Федерации, способствуют духовному и национальному возрождению, этому положительному процессу, влияющему на стабилизацию и оптимизацию межнациональных отношений, подъем национальной культуры, развитие национальных языков и литератур. Все это имеет положительное значение в духовно-нравственной жизни этносов, проживающих в этой республике. Но здесь в стабилизации межнациональных отношений сыграли определенную роль и другие факторы: традиционные народные принципы понимания жизни как мира и согласия, национальные традиционные компоненты взаимоотношений между этносами и их культурой. Не последнюю роль сыграла в этом благополучии национальная интеллигенция, теснейшим образом связанная с представителями народных масс. И когда мы обращаемся к профессионально «высокой» культуре, то есть к художественной литературе, чтобы доказать ту или иную нашу мысль, наше утверждение, имеем в виду, что народные представления поэт Кайсын Кулиев выразил довольно ясно:

Неистребимы сущие от века
Хлеб и вода, деревья и трава.
На белом свете совесть человека,
Хоть выжигай огнем, всегда жива¹.

Перевел Н. Гребнев

Конечно, нет на свете ничего вечного, все меняется: и природный ареал, и духовные ценности, и установки как в целом этноса, так и отдельных людей, но есть то, что

остается с людьми всегда — мудрость, отвага, добро, мужество. Об этом и напоминал поэт:

Ты, Мудрость, вникни в суть и в смысл любого шага,
Непроходимый путь ты одолей, Отвага,
Добро, не зачерствей и злей не стань покуда,
Себя не пожалей, когда кому-то худо.
И, Мужество, вперед иди ты всякий раз,
Хоть, может быть, вот-вот придет наш смертный час ⁴.

Перевел Н. Гребнев

Национальная идея, как и мир этноса, вечна. Об этом сейчас много пишут, особенно в условиях утверждения нового политического сознания и развития национального самосознания. Многие ученые пытаются сформулировать теорию о новой национальной идее, которая «... могла бы вывести нас на новый уровень осмысления национальной жизни и межнационального взаимодействия»⁵. Национальная идея является продуктом формирования и развития национального сознания и самосознания, рост и изменение которых зависят от многих социальных и этнокультурных факторов национальной жизни, проявляющейся в ее самой разнообразной форме. «Национальная идея и национальное самосознание — понятия, органически связанные между собой, — писал А. В. Мазуренко. — Национальное самосознание обозначает самоидентифицирующую совокупность представлений нации о самой себе, выражающуюся в чувствах, настроениях, обычаях, традициях и других духовных образованиях, возникающих у нее, как социально-исторической общности, находящейся в состоянии изменения, развития и угасания.

Суть национальной идеи составляет проблема смысла бытия народа — этноса. Особенность национальной идеи состоит в том, что она, обобщая национальное самосознание, выражает главным образом представления о политических приоритетах нации, о целях ее существования и развития. Изменение национальной идеи не оставляет неизменным и представление нации о своих исторических перспективах».

Итак, как мы уже говорили, национальная идея — это неотъемлемая часть духовной жизни нации. Она опре-

деляет жизненную правдивость и художественную особенность всех видов национального искусства и литературы. Так, В. Г. Белинский в статье «Идея искусства», в основном рассуждая о художественной литературе, дал свое определение искусству, когда утверждал, что искусство есть непосредственное созерцание истины или мышление в образах. Далее он писал: «Все явления природы суть не что иное, как частные и особенные проявления общего. Общее есть идея. Что такое идея? По философскому определению, идея есть конкретное понятие, которого форма не есть что-нибудь внешнее ему, но форма его развития, его же собственного содержания». В чем-то можно не согласиться с определением великого критика, но в основном он прав, что общее – это и есть идея, которая появляется в зависимости от уровня развития человеческой культуры и связи этой идеи с человеческой жизнью. В другой статье «Общее значение слова «литература» он писал о литературе греков, которая «в полном значении слова, была выражением их сознания, следовательно, выражением всей их жизни: религиозной, гражданской, политической, умственной, нравственной, артистической, семейственной. История греческой литературы тесно и неразрывно связана с их государственно-стью и политической историей». И дальше: «... их драгоценное наследие перешло к новым народам и послужило к развитию их общественной, ученой и литературной жизни. Причиной этому – богатое содержанием субстанциальное зерно духовной жизни греков: в этом зерне заключалась плодородная идея, из которой развивалась вся история, а следовательно, и литература этого народа. Идея эта была общечеловеческая...»⁸ Если это высказывание взять применительно к национальным литературам, то можно утверждать, что определенная идея проходит через все художественное мировидение адыгов и творческую индивидуальность Алима Кешокова, миропонимание балкарцев и поэтическое творчество Кайсына Кулиева. В исследовании вопросов национальной самобытности и творческой индивидуальности этих горских поэтов и прозаиков всегда затрагивались идеи мира, проблемы гуманизма и гражданственности. Духовные искания, в т. ч. счастья, идеала, смысла человеческого

бытия, нередко приводили литераторов к большим поэтическим достижениям, удивительным художественным открытиям. Национальная идея писателей Кабардино-Балкарии всегда отражала идеалы и надежды их соотечественников, соответствовала их социальным ориентирам. Так, находясь вместе со своим насильственно высланным народом, Кулиев писал в период среднеазиатской ссылки:

Когда бы горцам, молодым и старым,
Уменья верить не было дано,
Нас ветром, как труху гнилой чинары,
С чужой землей смешало бы давно ⁹.

Перевел Н. Гребнев

Умение верить в справедливость и глубокое убеждение в том, что высланные народы не были виноваты в том, в чем их обвинили, давало спецпереселенцам моральные и физические силы выстоять в тяжелых условиях, в неравной борьбе за существование. Наказанные народы в этот для них тяжелый период жизни держались силою духа, когда естественное содержание бытия этноса было лишено общечеловеческого значения. В этом поэтическом четверостишии нет политики, а просто выражен социальный оптимизм горских народов, оказавшихся в одинаково унижительных условиях в Сибири, в Казахстане, Средней Азии.

Вспоминая годы высылки (для депортированных народов это время было хуже войны), Кулиев писал: «Война и нечто хуже, чем война, одолевали нас в тот год далекий...» Усилению образности, яркости воспроизведения той тяжкой поры служили образно-выразительные средства языка, найденные поэтом:

Был ветер слишком лют, метель бела.
Меня и то едва носили ноги.
В тот страшный год жетокою была
Зима моей беды, моей тревоги ¹⁰.

Перевел Н. Гребнев

В стихотворениях «Когда бы горцам, молодым и старым...» (1960) и «Две свечи» (1972) Кулиев передал крах

мироздания, в котором для его народа были слиты воедино вера в «мудрую национальную политику» и в свою непричастность к тому, что ставилось в вину народам: измена Родине и другие тяжкие грехи. Объединенные общей судьбой, трагическими событиями, которые последовали сразу же, в день выселения, с непреходящей болью в сердце, рассеянные этносы переносили страшное испытание с национальным достоинством, хотя трудно говорить об этом качестве в тех нечеловеческих условиях. Сливаясь с чуждой им этносредой, приспособляясь к жизни и окружавшей этнокультуре, депортированные народы старались сохранить свой опыт, национальную культуру, обычаи и традиции предков. Национальная идея объединяла их, а взгляд на происходящие события и на собственную жизнь в этих унижительных рамках не мог не отразиться на их национальном сознании и этнокультуре.

Таким образом, как мы уже говорили, национальная идея является продуктом формирования и развития национального сознания и самосознания, рост и изменение которых зависят от многих социальных и культурных факторов национальной жизни, проявляющейся в самой разнообразной форме. Здесь и свобода, и самобытность народов, их этнические ценности, и естественная потребность выбирать свой путь развития, свою практику регулирования этнических и межэтнических проблем и т. д.

Конечно, подъем уровня национальной культуры во многом зависит от гуманитаризации образования и гуманизации общества, главным стержнем которых должна быть национальная идея как движущая сила, базирующаяся на основных социальных и нравственных законах национальной жизни. Национальная идея не есть исключительное явление северокавказской цивилизации. Она неотъемлемая часть общечеловеческих идеалов, принципов и норм, которыми должны руководствоваться представители любого этноса.

В современных условиях особая значимость национальной идеи в том, что она может ориентировать общество на межнациональное согласие, культурное взаимодействие, взаимопонимание, взаимоуважение и признание суверенных прав и свобод человека, независимо от

его социального статуса, общественного положения, расового происхождения, религии и т. д. Вера в национальную идею не уведет людей от духовных ценностей, а потребует от них, чтобы они знали, где правда и ложь, где истинное покаяние, а не только прилюдное признание в своих грехах. Ведь покаяние — это переосмысление своей истории и духовных ценностей.

¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 394.

² Там же. С. 402.

³ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 268.

⁴ Там же. С. 437.

⁵ Межнациональная жизнь и межнациональные взаимоотношения. Казань, 1993. С. 52.

⁶ Мазуренко А. В. Национальная идея России как феномен национального самосознания в конце XX в. // Философская мысль в России: традиция и современность. СПб., 1997. Т. 2. С. 373.

⁷ Белинский В. Г. Собр. соч. в 3 т. М.: ОГИЗ, 1948. Т. 2. С. 81.

⁸ Там же.

⁹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М.; 1987. Т. 1. С. 161.

¹⁰ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 190.

Ф. С. Эфендиев

ОНОМАСТИКА И ЭТНИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Тезисы выступления на общекавказской конференции «Топонимика и ономастика Северного Кавказа». Пятигорск: ПГЛУ, 1997. 16–18 апреля.

Ономастика как наука относится к отделу языкознания, изучающему собственные имена, и она тесно переплетается с этническим сознанием. Этническое сознание — это не только осознание этноопределенных элементов материальной, социальной и духовной культуры, но и межэтнических отношений, которые складывались на протяжении истории. Поэтому к исследованию вопроса взаимосвязи ономастики и этнического сознания надо подходить с исторических и социальных позиций. Рас-

смаатривая в историко-культурном аспекте эту проблему, можно выявить основные закономерности, способствующие формированию и развитию национального сознания и самосознания личности.

Характерной чертой этнического сознания является наличие целой гаммы эмоционально окрашенных чувств, которые вызываются определенными условиями жизни этноса. Так, специфика национального бытия влияет на духовную деятельность людей, их культуру, на язык, в котором закрепляются все понятия, вплоть до имен собственных. В изучении генезиса и функций этнического сознания, связанного с ономастикой, в последнее время ученые стали опираться на историческую память. Ведь в человеческих именах и фамильных наименованиях прошлого можно найти много интересного материала, способного рассказать о состоянии общества на определенных этапах его развития и особенностях духовной культуры. «... Фамилии являются и этнической категорией, — пишет проф. Дж. Н. Коков, — и служат источником познания истории этноса»¹.

В научных трудах известных ученых А. И. Мусукаева, И. М. Мизиева и В. И. Козлова подняты очень интересные проблемы, связанные с этнической историей того или иного народа. В монографиях А. И. Мусукаева «Об обычаях и законах горцев» (Нальчик, 1986), И. М. Мизиева «Шаги к истокам этнической истории центрального Кавказа» (Нальчик, 1986) исследованы этнокультура горцев и актуальные вопросы этнографии, а некоторые из них вообще рассмотрены впервые.

Моя цель, изложенная в тезисной форме, иная: показать, как ономастика, являясь одним из поэтических средств языка, его опорой, находит отражение в художественной литературе и, в частности, в национальной поэзии. Возьмем, к примеру, лирику Кайсына Кулиева периода 30-х — конца 60-х гг., в которой использование собственных имен является не чем иным, как авторским приемом, создающим впечатление доверительности и достоверности изображаемого. «Мои соседи» (Нальчик, 1957) — это небольшой сборник стихов; авторизованный перевод с балкарского Евгения Елисеева. Открывается сборник стихотворением «Слепой столяр Кайсын», по-

том идут стихотворения «Фельдшер Петр Иванович», «Кузнец Карабаш», «Бригадир Соллоу», «Мельничиха Аминат» и т. д. Это ранняя лирика поэта, и в ней используется большое количество собственных имен тех людей, с которыми поэт жил по соседству в родном ауле Эль-Тюбе, лично знал их всех с детства. Это аробщик Инал, кузнец Карабаш, зурнач Хажос, мельничиха Аминат, бригадир Соллоу, сапожник Мухаммад, ашуг Бекир. Все они — люди труда, которыми восхищался молодой поэт, которых прославил в своих стихах. Картины из жизни и быта односельчан точны и яркие, исполнены национального колорита, тех или иных особенностей: умения лукавить, фантазировать, веселить людей, как это проделывали кузнец Карабаш или мельничиха Аминат. Поэт совсем не идеализировал их, подшучивал над ними, показывая их недостатки. Вот про Аминат:

Нос в муке у Аминат,
Щеки, точно пышки.
Тараторит час подряд —
Все без передышки.

Не избежал сатиры и трудолюбивый кузнец Карабаш, который «разбавляет правду ложью, как водичкою ай-ран».

Юношеские, порой романтически окрашенные стихи 30-х гг. остались дорогими Кулиеву и в 70-е гг. «Они оправдывают искания мои тех лет, — писал он позже, — и стали как бы истоком всей дальнейшей моей работы, связав со всем мне родным в жизни, с фольклором, а также с традициями русской и общеевропейской поэзии. Кроме того, они доказали мою правоту и необходимость оставаться верным избранному пути»².

По подсчетам автора, в избранных произведениях в двух томах (М.: Художественная литература, 1970) всего насчитывается 55 собственных имен, из них — 36 кавказских, а 19 имеют отношение к другим национальностям России и стран мира (Бетховен, Шопен, Гарсиа Лорка, Пабло Неруда, Индира Ганди, Орфей, Прометей и др.).

Путь Кайсына Кулиева к глубокому осмыслению и верному пониманию жизни и человека оказался долгим: через трагические годы Второй мировой войны, в кото-

рой он принимал непосредственное участие, и тяжелые годы депортации, когда он и его народ именовались спецпереселенцами, лишенными прав человека. И если проследить, как менялось использование им имен собственных, то можно выявить многое — определенную социально-нравственную направленность, целую концепцию в выборе имен героев и героинь. Так, в стихах военной поры тоже встречаются имена собственные, но уже русские и в меньшей степени тюркского происхождения. Чем это объяснить? Во-первых, он находился на фронте, далеко от дома, земляков почти не встречал, если не считать Алима Кешокова, с которым встретился на Сталинградском фронте и которому посвятил стихотворение «Поэт на фронте» (1943). Во-вторых, жанр послания, обращения, письма требовал от поэта конкретного адресата. И Кулиев обращался к украинскому поэту Владимиру Сосюре («Твоя земля», 1943), Валентине Лебедевой («Девушке с Севера», 1942), к полковому врачу Вере Сидоровой («Лампочка из гильзы от снаряда...», 1943), поэту Николаю Тихонову («Перекоп», 1944), к армянину Сааняну («Баллада о капитане Сааняне», 1944), к балкарскому поэту Салиху Хочуеву («Из тетради», «В Старой Руссе», 1941) и т. д.

Эти милые и дорогие сердцу поэта люди прошли через его творческое сознание. Употребление конкретных собственных имен (многие из них были друзьями поэта) позволило Кулиеву более правдиво рассказать о том, что волновало тогда солдата, о чем он думал в минуты передышки между боями. Характерно в этом смысле стихотворение «Сестре Мариам с фронта» (1943):

Прочтя твое письмо, я закрывал порой
Глаза усталые свои
Иль, подпершись обветренной рукой,
Глядел на облака в крови.

.

Нет, не в кармане, — в сердце я берег
Послания родной земли.
И если я живым остаться смогу,
Не вы ль меня уберегли?!³

Перевела В. Звягинцева

Можно считать, что в динамике употребления системы кулиевских образов, их собственных имен отразились особенности поэтического мышления и национального самосознания поэта. Оно в размышлениях бойца, который получил письмо из дома, прочитал его и задумался. В этом произведении не было батальных описаний, хотя он, «подпершись обветренной рукой, глядел на облака в крови». Уставший солдат видел другое: «парной туман в ущельях гор», горное пастбище, где он косил сено, слышал шум Чегемского водопада. Но он осознавал, что все это будет после победы, в которую свято верил. Есть в стихотворении и другая линия: глубокое постижение объективных закономерностей, определивших победу. Это неразрывная, кровная связь армии с народом-тружеником, ковавшим победу в тылу, преодолевая неимоверные трудности: на заводах у станков стояли вместо ушедших на войну мужчин женщины и дети, они же работали на полях за штурвалами машин. Об этом и думал солдат, убежденно заявив:

Нет, не в кармане, — в сердце я берег
Послания родной земли.
И если я живым остаться смогу,
Не вы ль меня уберегли!

Перевела В. Звягинцева

Употребление собственных имен в лирике Кулиева военных и послевоенных лет было одним из действенных художественных приемов, к которому прибегали авторы, особенно в любовной лирике. Валентине Лебедевой адресовано стихотворение «Девушке с Севера». Интересно, что обращение к ней вызвано, конечно, определенными чувствами (восхищением ее красотой, молодостью и другими качествами), но с воспоминаниями о ней оживает прежде всего красота русской природы, которая для поэта стала родной и близкой:

Подари мне нежность грусти русской,
Тишину лесной тропинки узкой,
Вешних заливных лугов узоры
И степей печальные просторы⁴.

«Лампочка из гильзы от снаряда...» написано в 1943 г. В нем поэт обращался к «девушке в шинели», военврачу Вере Сидоровой, которая, как и тысячи других, после окончания медицинского института пошла на фронт. Случайная встреча с поэтом, когда он в перерыве между боями читал притихшим солдатам стихи Сергея Есенина, легла в основу стихотворения:

Ты, не сняв подогнанной шинели,
Села в уголок под образа.
Я читал, а на меня смотрели
Цвета летних сумерек глаза.
Так и состоялась наша встреча,
Наша дружба от нее пошла...
Помнишь, Вера, тот донбасский вечер...
Мы держали только край села ⁶.

Перевел Н. Коржавин

Поэты-фронтовики часто прибегали к употреблению имен собственных, чтобы стихи были более доверительными, душевными. Так, Алим Кешоков, будучи на фронте, написал цикл «Рассказы разведчика Бгамбы», основанный на повседневной фронтовой жизни одной армии. Основные герои очерков: Григорий Трубачев («Русский солдат»), боец-автоматчик Прохоров («Августовская битва»), старшина Фисенко и сержант Черняк («Флаг»), Думинин, Смирный, Кобзарь, украинец, Пшемаф, адыгеец, и многие другие – смелые и отважные защитники Отечества и родного края.

Одно из своих стихотворений Алим Кешоков назвал «Зариля» (1944). Это имя старой женщины, потерявшей сына в войну. Она спасла семерых раненых бойцов, выходила их, спрятав у себя. И вот теперь, провожая их, она говорила: «Сынки, желаю вам удачи... Пускай одна поплачет мать, но семеро других – не плачут».

Таким образом, национально-собственные имена играют большую роль в жизни этносов. Эти имена являются не только носителями признаков этнического сознания и национальной принадлежности, но эта лексика, по мнению проф. Дж. Н. Кокова, «... в определенной степени отражает историю и этнографию народа». Через собственные имена выявляются этнические особенности

народа, прежде всего, их языка, особенности произношения. Так, на балкарском языке имя «Хусей», а на кабардинском — «Хусейн», на балкарском — «Азнор», на кабардинском — «Анзор» и т. д.

Поэтому исследование взаимосвязи ономастики и эстетического сознания в нравственно-философском аспекте имеет определенное значение в гармонизации межнациональных отношений. Ономастика и этническое сознание тесно связаны: одно зависит от другого. В поэзии употребление имен собственных — явление вполне объяснимое, оно закономерно обусловлено и является одним из действенных поэтических приемов.

¹ Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуры. Симпозиум. Часть 2. Пятигорск: ПГЛУ, 1996. С. 189.

² Советские писатели. Автобиографии. М., 1972. Т. 4. С. 344.

³ Кулиев К. Избранные произведения в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 117.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Там же. С. 109.

Ф. С. Эфендиев

ТОПОНИМИКА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Тезисы доклада общекавказской конференции «Топонимика и ономастика Северного Кавказа». Пятигорск: ПГЛУ, 1997.

Топонимика — это неотъемлемая часть этнического сознания народа. Топонимические названия испокон веков передавались из поколения в поколение и сохранялись в этнической памяти каждого этноса и каждого человека. Как свидетельствует история, Двуречье, Нил, Ганг, Хуан-Хэ были древнейшими очагами мировой цивилизации и создателями великой культуры земледелия,

пароходства и путей сообщения. На заре цивилизации вдоль рек были расположены поселения и города, названия которых сохранились до сих пор в сознании людей, в их исторической памяти и имеют большое познавательное и воспитательное значение. В таких топонимических названиях, как Тигр, Евфрат, Амазонка, Дунай, Египет, Конго, Волга, Дон, Аму-Дарья, Сыр-Дарья, отражаются в сознании людей древняя, которая возникла в бассейне этих рек, и современная цивилизации.

Географические названия какой-нибудь местности, края, своей малой родины всегда дороги людям, так как с ними были связаны их жизнь, восприятие окружающего мира и формирование мировоззрения, национальное сознание и самосознание. Особенно с географическими названиями связано у человека понятие красоты родного края, того этнического мира, который окружал человека с детства. Так, в поэзии Кайсына Кулиева слышится шум горных рек, отражена красота Черекского и Баксанского ущелий; виден полет орла над высокогорными пастбищами Хаймаши и Долиной нарзанов; слышно пение птиц в Тызыльском и Тапшинском ущельях; ощущается благоухание рододендронов и цветущего кизила в старинном брошенном ауле Кунньюм Верхней Балкарии и запах скошенной травы на альпийских лугах в верховьях Чегема, на склонах Безенгийской стены; просматривается утренний розовый цвет на вершинах Эльбруса, Ушбы и Казбека; пылают вечерние закаты у Булунгу, Эль-Тюбе, Гунделена и Нижнего Чегема. Только Кулиев мог сказать так:

Олень зарю проносит на рогах
Над бездною обрыва под бедою.
Он видит небо синее в горах,
Белеющих над тихой водою.

Перевел М. Дудин

«Эту картину поэт мог увидеть только у себя в горах, — пишет исследователь творчества Кулиева проф. Т. Е. Эфендиева, — и она уместилась в одной строчке «Рассвет на

скалах – розовый олень!» Эмоционально-выразительная метафора как нельзя лучше передает красоту рассвета в горах и глубокое восхищение поэта красотой кавказской природы»¹.

В условиях возрождения национальной культуры исследование географических названий с точки зрения морально-нравственных норм и философских воззрений имеет первостепенное значение в раскрытии взаимосвязи антропонимии с этносом и его духовной культурой. Как известно, биоэнергетические, биоэтногенетические черты народа тесно связаны с природно-ландшафтными и климатическими факторами. Поэтому наряду с социальными процессами они играют немаловажную роль в формировании характера человека, психологии и этнического сознания народа. Известно, что человек – космопланетарное существо. Где бы он ни жил, он до конца своей жизни сохраняет чувство любви и воспоминания о той местности, где он родился, пил воду из родника и купался в той реке, которая запомнилась ему больше всех других.

У всех у нас вначале были речки,
С их берегов мы начинали путь,
В их водах, маленькие человечки,
Учились мы нырять и не тонуть.
Пусть эта речка – мелкий ручеек.
Ее течение – это твой исток.

Перевел Н. Гребнев

Родной край действительно является этнической колыбелью для каждого человека, потому что он всю жизнь помнится, сохраняется в его исторической памяти. Известный ученый, историк и географ, создатель учения о человечестве и этносах Л. Н. Гумилев писал: «С географической точки зрения, все человечество следует рассматривать как антропосферу – одну из оболочек Земли, связанную с бытием»².

Человек благодаря своему разуму, интеллекту создал огромную биосоциальную, культурно-историческую, эко-

логическую и эстетическую информацию, которая очень точно отражает пространственное, природно-ландшафтное и географическое расположение гор, ущелий, долин, пастбищ, рек, озер, ледников, растительного и животного мира и т. д. На основании всего этого Человек дал топонимические названия окружающего мира и в языке людей они сохранились. «Жизнь, как река, ей тоже течь и течь. Но берег жизни — наша речь», — верно писал поэт-мыслитель Кайсын Кулиев.

Каждому человеку дорог свой край. Так, для горских народов Северного Кавказа таковыми являются реки Баксан, Малка, Черек, Сукан-Су, Сулак, Сунжа, которые сливаются с Тереком, воспетым не раз поэтами. В сознании каждого горца эти названия ассоциируются с понятием малой родины. Для Кулиева речушка Жилги достояна пера поэта, поэтому он писал:

Горной речке в горах греметь суждено.
Но в равнине стихает ее волна.
Все же с именем тем, что в горах дано
У истоков, к морю доходит она.

Перевел Н. Гребнев

У него есть немало стихов, в которых он воспел горные речки, такие, как: «Река бежит, скалистый берег гложет...», «Река Жилги», «Река из-подо льда...», «Речушка, в теснине бегущая горной...», «Речки детства», «Ручей» («Сорвался со скалы обвал...»), «Раздумье у реки Чегем» («С камня на камень — то зелен, то ал...»), «Раздумье у речки Жилги» («Река Жилги, чью воду я пил так много лет...»). Раздумье у родной реки было грустным. Поэту оставалось жить еще семь лет, но он думал о своей смерти и о бессмертии горной реки:

.
Хоть ты не ведай смерти, Жилги, моя река,
Как небо и как скалы, как эти облака!
Поила всех чегемцев, Жилги, твоя струя,
Теки же бесконечно, не исчезай, как я! ³

Перевел Л. Шерешевский

Безусловно, в этническом сознании горцев название родных рек и Каспийского моря, куда впадает Терек, — это не только понятия единого целого — природы, но и определенные условия их социальной жизни. Это прежде всего Чиркейская, Баксанская и Черекская гидроэлектростанции, Терский и Большой Ставропольский оросительные каналы, которые играют важную роль в жизни регионов. В их строительстве участвовали сотни и тысячи людей различных национальностей. Теперь люди старшего и среднего поколений с чувством исполненного долга вспоминают о том, как они строили эти объекты. Для многих из них эти названия являются частью их личной биографии, как памятные исторические события, неразрывно связанные с их нелегкой судьбой. Так, выступая на юбилее своего друга Михаила Дудина, которому исполнялось 60 лет со дня рождения, Кулиев поздравлял его с правительственной наградой — присвоением звания Героя Социалистического Труда. Вечер проходил в Ленинграде, в Большом зале имени Д. Д. Шостаковича. «Мы дружим с Дудиным давно и никогда ничем не огорчали друг друга, — говорил Кулиев. — И для этой дружбы у нас много есть оснований. Еще в юности Дудин побывал у нас в Кабардино-Балкарии, строил Баксанскую ГЭС, так что в лампе, стоящей на моем столе, есть маленькая частица добытого им света»⁴. В этом-то и заключается социально-философский смысл топонимики как важнейшего элемента сознания личности, отражающего преемственность поколений и чувство непреходящей гордости за свой самоотверженный труд и труд других людей, иногда близких тебе по духу и жизненным принципам. Ведь большинство людей старшего поколения трудилось в тяжелых условиях 30-х гг. и в послевоенный период, когда шло испытание духовно-нравственной крепости народа, верившего тому, что произносилось с высоких трибун стоящими у власти. Поэтому географические названия следует рассматривать более глубоко, в тесной связи с историей и общественной жизнью. Такой подход способствует социально-философскому осмыслению познавательного и воспитательного значения топонимических

названий в условиях возрождения национальной культуры.

До сих пор нет ни одной работы, написанной в философском аспекте по проблемам топонимики. Между тем топонимические названия играли и играют большую роль в формировании национального сознания и самосознания, мировоззрения и этнической памяти, которая развивается с детского возраста и затрагивает глубинные психологические пласты и душевные качества личности. В этом и состоит значение топонимики как фактора формирования нравственно-этических ценностей в социальной памяти народа.

Мы считаем, что в условиях национального возрождения целесообразно ввести спецкурсы и спецсеминары по топонимике в школах, гимназиях, лицеях, педагогических колледжах и вузах. Они являются действенным средством формирования и развития правильного исторического сознания и национального самосознания, а также повышения образовательного и культурного уровня молодежи. В этом ценность, на наш взгляд, курса топонимики как этнического наследия.

В заключение хотелось бы сказать, что проведение первой научной конференции по топонимике и ономастике Северного Кавказа будет иметь большое научно-теоретическое значение в глубоком понимании этнокультурного наследия этого многонационального региона, в правильном осмыслении топонимических названий, которые существуют тысячелетиями в исторической памяти народа, в его сознании и этнокультуре.

¹ Эфендиева Т. Е. Кайсын Кулиев. Литературный портрет. М.: Советская Россия, 1985. С. 13.

² Гумилев Л. Н. От Руси к России. Очерки этнической истории. М.: Экспресс, 1994.

³ Кулиев К. Собрание сочинений в 3 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 3. С. 61.

⁴ Кулиев К. Кто твой друг // Литературная Россия, 1976. 2 ноября.

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ К. КУЛИЕВА

Тезисы выступления. III республиканская научно-теоретическая конференция «Сравнительная педагогика и проблемы образования в современном мире». Карачаевск, 1997. 23–24 октября.

Поэзия выдающегося балкарского поэта Кайсына Кулиева имеет огромное этнопсихологическое и этнопедагогическое значение. В условиях национального возрождения его творчество играет особую роль в изменении менталитета балкарского народа, в формировании национального самосознания и интеллектуального мира личности. Его творчество широко изучается в школах, лицеях, гимназиях, педагогических колледжах, общеобразовательных учреждениях гуманитарного профиля и вузах Северного Кавказа. В руках учителя-словесника находится неоценимый материал для воспитания молодежи на основе изучения произведений (программных и внепрограммных) этого замечательного лирика, поэта-мыслителя, вставшего вровень с известнейшими поэтами XX в. Правильная этнопсихологическая и социально-психологическая трактовка произведений Кайсына Кулиева поможет преподавателю литературы постичь всю глубину эстетической значимости поэзии горца наступившего XXI века. Методологически важными работами в этом отношении послужат как монографии, так и статьи исследователей-кайсыноведов, таких, как Ст. Рассадина, Н. М. Байрамуковой, С. К. Башиевой, В. Дементьева, А. Тепеева, Т. Е. Эфендиевой, С. И. Эфендиева, Ф. С. Эфендиева, а также монографии дочери Кайсына Кулиева Ж. К. Кулиевой «Остаться в памяти людской...» (Нальчик, 1987) и «Я жил на этой земле...» (Нальчик, 1999), составителем которых она является. Мы не утверждаем, что так называемая социально-апробативная этика этих выше перечисленных известных критиков, литературо-

ведов, культурологов, философов, их моральные оценки и предписания обязательно должны лечь в основу анализа того или иного произведения Кулиева, но только советуем и ничего больше не требуем от учителей средних школ, которые, возможно, воспользуются материалами этой научно-теоретической конференции.

Касаясь этнопедагогических мотивов поэзии Кулиева, нам бы хотелось подчеркнуть то, что истоки его поэзии — в народной мудрости, в народном мироощущении, в родном фольклоре и народной педагогике. Его этническая колыбель — Чегем, Чегемское ущелье, чегемская природа, где он родился и рос, где восхищался окружающим его миром сурового горного края, его людьми; где он впитывал с молоком матери (как говорится) духовно-нравственные начала балкарского народа, своей этносреды. К ним он относился с глубочайшим уважением и почтением. Поэтому он писал:

Речь горцев не цветиста, а сурова,
Их разговор бесхитростен и прост
Настолько, что боюсь я вставить слово,
Как конь боится выскочить на мост ¹.

Перевел Н. Гребнев

Поэт высоко чтит родное слово, через него он воспринимал окружающий мир, познавая его: «Мне сладко просто слышать речь, в которой и доброта хлебов и мудрость трав». Так мыслил поэт в стихотворении «Речь горцев не цветиста, а сурова...» (1964). Он никогда не скрывал драматизм жизни, ее жестокие деяния и старался говорить об этом молодежи. Так, в предисловии к сборнику стихов «Благодарю солнце» Кулиев писал: «Мне хочется, чтобы молодые читатели правильно поняли драматизм части моих стихов. Этого не надо бояться. Жизнь бывает и радостной, и горькой. И поэзия должна оставаться верной жизни. Я тоже старался быть верным и жизни, и назначению поэзии в моем их понимании и ощущении. Человек обязан воспитывать в себе готовность остаться достойным жизни не только тогда, когда она легка, но даже и тогда, когда она кажется почти невыносимой. Казаться мудрым и мужественным в счастли-

вые дни никому не составляет труда. Оставаться стойким в беде — вот что трудно и драгоценно. А отсюда — людям нужно и полезно слово только правдивое»². В стихотворении «У земли я учился, у неба...» (1964) Кулиев просто объяснил истоки своей поэзии и откуда он брал силы писать, как и о чем говорить с простыми тружениками:

.
Я старался учиться уменью
Видеть в жизни, где правда, где вздор.
Я учился у камня терпению,
Я учился молчанью у гор.

И философы горских селений
Терпеливо учили меня
Пониманию сложных явлений
И искусству плетенья плетня³.

Перевел Н. Гребнев

Культуру мышления, этику, отношение к женщине и старшему в роде, к труду и к ценностям прошлого Кулиев перенял у народа. Духовно-культурные процессы, которые происходили на Северном Кавказе, не могли не повлиять на поэта и его земляков. Но они долгое время оставались в рамках своей традиционной культуры, влияние которой было велико: ценности прошлого, обычаи и традиции — так или иначе влияли на развитие и формирование национального самосознания. Возможно, поэтому Кулиев и оставил нам эти удивительные строки, которые очень любят цитировать на вечерах поэзии наши профессора и академики:

Какого ни прошел бы я ученья,
Каких бы я ни одолел вершин,
Я — прежний горец, и, входя в селенье,
Преображаюсь я — крестьянский сын.

Хоть я научен городским манерам,
Хоть и ношу я тонкое сукно,

Любовь к траве, к земле и к скалам серым
Во мне неистребима все равно ⁴.

Перевел Н. Гребнев

В его стихах и поэмах всесторонне отражаются глубинные пласты народного духа, нравственные черты горца: трудолюбие, уважение к старшим, мужество, чувство любви к родному краю, высокое чувство собственного достоинства, которые передаются из поколения в поколение. Этнопсихологические особенности горских народов неоднократно воспел Кулиев, начиная от первых стихов, прославлявших его соседей по аулу, кончая стихами из «Больничной тетради», в которых были нравственно-философские раздумья о смысле жизни, человеческого бытия, о всепобеждающей женской любви, о своих ушедших друзьях и других тяжелых потерях. Кулиев мог воспевать все, вплоть до согбенного старика, несущего вязанку дров:

Я видел: дров охапку еле-еле
Тащил старик, и немощен и бел,
Пусть без следа его дрова сгорели,
Но зимней ночью он согрел детей ⁵.

Перевел Н. Гребнев

Безусловно, Кулиев хорошо был знаком со своеобразным культом старшинства, то есть особым, предельно почтительным отношением к людям старшего возраста. Но жизнь порой бывает очень сурова ко всем без разбора, и тогда трудности приходится переносить всем: и старым и молодым.

И горец через перевал шагает,
Лед на усах, у бездны на краю,
Но, раненный, отважным умирает,
Когда в бою он дожил жизнь свою ⁶,—

читаем в стихотворении «Над старой книгой горских песен» (1946), посвященном памяти Эффенди Капиева. Этому тоже учит народная педагогика и этномораль.

Мы считаем, что главными лейтмотивами в поэзии Кулиева являются его любовь к родному краю, доброта,

гуманизм, идея мира и согласия между народами, гармония в семье и в человеческих взаимоотношениях. Поэт руководствовался народной этикой, поэтому он писал:

Друзья мои, родня – ткачи и хлеборобы,
Учили вы меня на мир глядеть без злобы,
Тем не желать невзгод, не посылать проклятий,
Кто мыслит и живет вразрез с моим понятием.
Учили добрым быть, не говорить лукаво
И, прежде чем судить, знать, что имею право¹.

Перевел Н. Гребнев

Кулиев всегда осуждал жестокость. Он, гуманист XX в., был против войн и человеческой вражды, так как был уверен, что «зло только зло родит и ничего другого. В ответ лишь зло обид рождает злое слово». Простым труженикам нужен мир, нужна земля, чтобы на ней работать, выращивать хлеб, и дружба людей, их поддержка, когда приходят горести и беды. В трудные минуты поэт всегда обращался к своим землякам-горцам: в те моменты, когда душевное спокойствие было нарушено, тогда его чувства находили выражение в художественном слове:

Спасибо вам, мои учителя,
Вам, горцам, мудрым, как сама земля.
Я ваш закон перенимал с любовью,
Учился вашему немногословью.
Учился я молчанью вашей боли,
Учился речи доброй в час застолья.

¹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 266.

² Кулиев К. Благодарю солнце. М., 1969. С. 3–4.

³ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 261.

⁴ Там же. С. 260.

⁵ Там же. С. 260.

⁶ Там же. С. 90.

⁷ Там же. С. 303.

⁸ Там же. С. 305.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В СТРУКТУРЕ ТВОРЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Тезисы доклада научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Кайсына Кулиева. Вторые Эльбрусские чтения. Нальчик, 1997. 12–13 ноября.

Социальная память в структуре творческого сознания Кайсына Кулиева нашла яркое выражение в его поэзии. Его творческое мышление было всегда направлено на то, чтобы воспеть родные края, где он родился и вырос. Среди географических названий чаще всего упоминается Чегем, с которым связаны все помыслы и раздумья поэта. В его последней книге «Человек. Птица. Дерево» найдем много стихотворений об этом дорогом ему месте, памятном уголке детства, юности и зрелости: «Чегемец», «Я вернулся в Чегем», «Раздумье у реки Жилги», «В Чегеме зацветает алыча», «Луна над Чегемом», «Раздумье у отцовского дома», «Стихи, написанные зимней ночью в Чегеме», «Снежный день в Чегеме», «Чегемское предание», «Вдали от Чегема». Здесь же помещена и «Чегемская поэма» – гимн родной земле, которая вскормила поэта, дала ему темы и мотивы творчества, силы и вдохновение, чтобы написать задуманное, осуществить свои творческие планы. Эта книга – последнее прижизненное издание поэта. В нее он вложил свою душу, весь свой опыт; в ней много нового, чего нет в других сборниках стихов и в собраниях сочинений Кулиева, изданных после смерти поэта в 1987 г.

Я вновь пришел к тебе, Чегем,
Где солнце увидал впервые, –
И счастлив буду в жизни тем
В ее минуты роковые.

Перевела Н. Кондакова

Так он писал на склоне прожитых лет, но и в юности он прославлял Чегем. Вот его первый сборник стихов «Горы»,

изданный после возвращения из ссылки в 1957 г., а стихотворение «Су-Азау» (название ущелья в Чегеме) датировано 1937 г., то есть когда поэту было 20 лет, — и тогда он писал о Чегеме:

Сколько сумрачных песен
Пропел ты,
Чегем,
Обступающим скалам
И окрестностям всем.
А птенцам, подрастающим
Здесь, между скал,
Колыбельные песенки
Ты напевал ¹.

Перевел Н. Коржавин

Кулиев всегда высоко чтит своих земляков, род Кулиевых и Бечеловых, которых воспел и прославил в своих стихах, начиная от самых ранних, таких, как «У садовника» (1937), «Белый башлык» (1938), «Матери наши, горянки родные...» (1938), «Девушка набирает воду...» (1940) до циклов стихов, написанных в больнице, «Больничная тетрадь» (1985). И через сорок лет поэт, как и в юности, писал о Чегеме и горцах, об их этнокультуре и быте. Так, в самом раннем цикле стихов «Мои соседи» Кулиев выступает почти с эпической бесстрастностью, рассказывая о занятиях столяра Кайсына («Слепой столяр Кайсын»), аульского кузнеца Карабаша («Кузнец Карабаш»), зурнача Хажоса («Зурнач Хажос»), сапожника Мухаммада и других мастеров своего дела. Несвойственная молодости оценочная интонация звучит довольно явно во всех этих лирико-сатирических и лирико-повествовательных зарисовках. Но в стихах этого цикла слышна и интонация глубокой человечности, хотя есть и юмор, и ирония над человеческими слабостями. И кажущаяся временами непоэтичность материала (Аминат у него сплетница; бригадировы заслуги в папахе; а кузнец Карабаш любит прихвастнуть), незначительные повседневные дела аульчан — все это было ново для балкарской поэзии тех лет, воспевавшей с патетикой и декларациями строительство социализма. А тут совсем другое: объектом поэзии Кулиев сделал будничные заботы и

желания людей. Вот та же Аминат: «Суетится без конца, бегаёт, хлопочет — дочь за сына кузнеца выдать замуж хочет... Говорит и говорит. Все ей знать охота! А в руках ее горит между тем работа»². Детали быта аульчан поэтичны, просты и понятны всем и каждому, поэтому так сразу полюбились стихи «Мои соседи», о них заговорили, а герои стали определенными нарицательными типами. Все они непосредственно привлекательны, даже бригадир Соллоу в картинах труда, бытовых эпизодах и в сценах развлечения:

Знает он свою работу,
Да и любит, как-никак.
А с соседями в субботу
Он и выпить не дурак.
В зимний полдень,
синий-синий,
Он спешит издалека
И, с усов смахнувши иней,
Ловит запах шашлыка.
Он в ладу с бузой шипучей,
Но особой нет беды,
Если, скажем, выйдет случай —
Поднесут «шайтан-воды».
Знаменитую папаху
Нахлобучив на глаза,
В пляску кинется он с маху...
Вот что делает буза! ³

Перевел Е. Елисеев

Поэтические и юмористические интонации, звучащие в стихах молодого поэта, соседствовали рядом и создавали яркие запоминавшиеся картины, окрашенные, как мы уже говорили, непосредственностью и искренностью, задушевностью и гуманностью. Главное, что в ранних стихах Кулиева не было тогдашней риторики и патетики, а была жизнь простых людей, со всеми их достоинствами и недостатками. Интонацией, полной серьезности и благодарности, пропитаны строки стихотворения «Фельдшер Петр Иванович». Он, как и те горцы, тоже из Чегема:

Жил он в нашем ауле с незапамятных пор.
Годы спину согнули, затумили взор.

Бились горные реки, полыхала гроза,
И усталые веки жгла от ветра слеза.
Таял выпавший за ночь, с грязью смешанный снег —
Шел к больному Иваныч, золотой человек ⁴.

Перевел Е. Елисеев

Пейзажные зарисовки: «Бились горные реки, полыхала гроза»; снег, выпавший за ночь, и грязь дорог — выполняли точную и определенную в поэтическом замысле роль. И об этой роли мы узнаем из фразы: «Шел к больному Иваныч, золотой человек». Эта авторская сентенция обобщающего характера продолжена в следующей строке: «Так его называли за отзывчивый нрав».

О реальных явлениях жизни той поры рассказывал Кулиев, о себе и своих соседях и не просто из любви к поэзии создавал удачные образы, а художественно осмысливал, выбирал из происходящих процессов те наглядные и неоспоримые явления, которые происходили в жизни отдаленного горного села:

Он шел с вдохновенным упорством,
Ни бурь не страшась, ни грозы,
Втолковывал маленьким горцам
Премудрости школьной азы.

Это о первых русских учителях («Учитель Борис Игнатьевич»), так прекрасно воспетых горским поэтом, создавшим памятник их труду и благородству. Никто — ни до Кулиева, ни после него — не смог так душевно-поэтически поблагодарить этих бескорыстно и честно служивших своему отечеству верных сынов и дочерей, давно забытых. И только социальная память в структуре творческого сознания напоминает нам, что значили первые русские учителя в жизни аульчан и какова их роль в развитии этнокультуры:

Мне в сердце запали уроки,
Когда-я впервые постиг
Зовущий, как мир, и широкий,
Чарующий русский язык.

И русских поэтов стихи я
Читал, задыхаясь от слез,—

Меня обступала Россия
Сплошным хороводом берез⁵.

Перевел Е. Елисеев

В пору поэтической зрелости Кайсын Кулиев продолжал писать о своих земляках, друзьях и своих учителях. Он никогда не забывал их благодарить и многих почтил своим бессмертным поэтическим словом. Это «Реквием Саиду Шахмурзе – поэту из Чегема», «Памяти Салиха Хочуева», «Ода» («Земле любимой слава и хвала...»), «Послание женщинам Балкарии», «Говорю Лейле в Чегеме» (поэма), «Горцы-крестьяне», «Памяти Михаила Киреева», «Памяти Чегемского пахаря», «Чокка», «Памяти Бетала Куашева» и многие другие. В одах, стихах и поэмах Кулиев со всеми простился, многих скорбно оплакал, а тем, кто остался после него, он сказал: «Жить живущим надо!», «Мир и радость вам, живущие!»

Его социальная память вобрала в себя все радостные и печальные события жизни родного народа и страны в целом. Поэт шел сквозь утро Балкарии и сквозь трагические годы Второй мировой войны, в которой он принимал непосредственное участие; и тяжкие годы депортации, когда он и его униженный народ были лишены элементарных человеческих прав. Тоска по родной земле, боль и страдание нашли поэтическое выражение во многих строках замечательных стихотворений среднеазиатского периода, времени Великой Отечественной войны и после нее. Свой стих Кулиев приравнивал к штыку:

И вот сейчас, его подняв, как знамя,
Я песнь пою. Как шел Шамиль в бои,
Израненный, исколотый штыками,
Так я иду, неся стихи свои!

Перевел Н. Коржавин

Обращаясь к ингушскому поэту Джамалдину Яндиеву в ту тяжелую пору, Кулиев писал: «Чернее быть не может дня, потери – больше». Те же мучительные строки читаем в стихотворении «Тень орла»: «Когда тяжесть беды на плечах, как обвал, нес, в теснинах блуждая, мой крепкий народ, ту же тяжесть неся, я одно повторял: «Все равно тень орла на скалу упадет!»

Социальная тема продолжала волновать Кулиева и после того, как он и его народ были возвращены в родные края, и социальная память помогала поэту в воссоздании картин прошлого. Искания и сомнения продолжали волновать ум и душу поэта. Он пришел к определенным выводам и с нравственно-философской точки зрения его можно было понять, когда он писал в 1955 г. (в 1956 г. балкарцам уже разрешили возвращаться на родину) о том, что такое жизнь и как придется народу восстанавливать утраченное за 13 лет ссылки:

Жизнь — на вершины всходить и взойти.

Жизнь — это значит не сбиться с пути.

Трудно?

Но пусть не робеет душа,

В снежную бурю, под ветра гуденье

Будем карабкаться, трудно дыша.

Жизнь — восхождение. Жизнь — восхождение⁶.

Перевел Н. Коржавин

Тема войны и насильственной высылки станет непреходящей в его социальной памяти. В книге «Человек. Птица. Дерево» есть стихи «Вступая в бой», «Говорю моему поколению», посвященные поэту и другу Михаилу Дудину. Они о пройденной жизни и войне, когда молодыми оба храбро вступили в бой, и вот теперь настал для них последний бой — неравная борьба с роковой болезнью.

Становимся мы тоже стариками,

Всех поколений участь повторив.

Не возвратимся, в ту же бездну канем,

В конце пути ждет каждого обрыв.

.....

Возврата нет из той, последней дали,

Сужденной поколениям Земли.

Пахали, скот пасли и воевали,

И юными иные полегли⁷.

Стихотворение состоит из трех частей: 1-я часть — «... всех поколений участь повторив», 2-я — «Уходит наше поколение» и 3-я — «В последний бой». Но все они меж-

ду собой тесно связаны одной мыслью: люди прошли трудный и сложный путь и сделали все, что было в их силах. «За нами грозная эпоха к рассвету выхода из тьмы. Но в свой короткий век неплохо трудились мы, сражались мы». «Говорю моему поколению» — это маленькая поэма о целой большой эпохе, начавшейся с 1917 г. — года рождения поэта и его ровесников — до конца их жизни. У всех у них были разные судьбы, но было и такое, что объединяло. Поэтому Кулиев уверенно заявлял: «Мы были силою великой в боях, которым равных нет, и наши лица стали ликом жизнь утверждающих побед». Концовка печальна, как и все само стихотворение, несмотря на его кажущийся жизнеутверждающий пафос.

Но об отваге речи! И малодушный
В последней схватке бьется, как герой.
Жизнь, дай нам силы, чтобы в час полночный
С достоинством принять последний бой!⁸

Перевел О. Чухонцев

Прикованный к постели, зная о своем близком конце, Кулиев старался держаться мужественно и проститься с жизнью так, как он выразился, «чтобы в час полночный с достоинством принять последний бой».

Таким образом, историзм и социальная память в структуре творческого сознания Кайсына Кулиева нашли неповторимое и глубокое художественное выражение в стихотворениях и поэмах, в большинстве которых поставлены важные этносоциальные проблемы XX в.

¹ Кулиев К. Горы. М.: Советский писатель, 1957. С. 37.

² Кулиев К. Мои соседи. Нальчик: Эльбрус, 1957. С. 16.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 28.

⁶ Кулиев К. Горы. М., 1957. С. 317.

⁷ Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М.: Советский писатель, 1985. С. 227.

⁸ Там же. С. 228.

ОТРАЖЕНИЕ НАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА И К. Ш. КУЛИЕВА

Выступление на VII конференции по русской философии «Соотношение нравственности и права в менталитете российского народа». Пятигорск, ПГЛУ. 1997 г.

Удивительно простые и необыкновенно доходчивые до сердца каждого поэтические строки стихов Тютчева навсегда запомнили из школьной хрестоматии:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом ¹.

(Весенняя гроза)

Или такие светлые строки тоже из нашего детства:

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут, и гласят...

.

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых, майских дней
Румяный светлый хоровод
Толпится весело за ней ².

(Весенние воды)

С такой же легкостью запоминают балкарские школьники близкие и понятные строки Кайсына Кулиева из стихотворения «Летние строфы»:

Теплый камень, горы, облака —
Ничего не надо мне иного.
Дровосек идет издалека,
Хорошо ли мне?
А что плохого!

Я сижу на камне, рву кизил.
Кажется, что ничего дурного
В жизни я еще не совершил,
Хорошо ли мне?
А что плохого! ³

Перевел Н. Гребнев

Или всем известное кулиевское изречение «Всегда гордился тем, что горец я!» Недаром существует убеждение, что все гениальное просто. Мы считаем, что эти два талантливых лирика в русской литературе остались навечно в социальной памяти людей, хотя их разделяло время: один жил в XIX в., другой — в XX в.

Тютчев для Кулиева был не просто известнейший поэт-лирик, художественные образы которого вызывали восхищение горского поэта, он его считал одним из своих учителей. В статье «Уроки Тютчева» Кулиев писал: «Чем труднее было в жизни, тем ближе и дороже становились мне его стихи. В них я находил и нахожу редкую глубину, силу и энергию, вижу, как совершенна его лирика... С годами многое менялось в моем отношении к целому ряду крупных художников, а любовь к нему до сих пор остается неизменной»⁴. Говоря об уроках Тютчева, о его влиянии на русскую поэзию и, в частности на него самого, Кулиев так закончил эту статью: «... величайший из мировых писателей — Лев Толстой — сказал о Тютчеве: «Без него нельзя жить». А я, скромный литератор из Чегемского ущелья, могу лишь сказать: «Как хорошо, что знаю Тютчева!»⁵

Действительно, Тютчев оказал на Кулиева очень большое нравственное воздействие. Он с ним был и в молодые годы. Когда уезжал на фронт, Кулиев взял с собой его томик стихов и не расставался с ним до осени 1943 г. Этот томик Тютчева кто-то попросил у Кайсына почтить и не возвратил. Вот как вспоминал сам Кулиев об

этом случае: «... Томик Тютчева оставался со мной. Он был при мне и в те дни, когда через год с лишним я приехал на Сталинградский фронт. С этой книгой я расстался только осенью 1943 г. на Четвертом Украинском фронте. Ее унес кто-то из моих знакомых и не возвратил»⁶.

Как всякие большие художники, Тютчев и Кулиев не раз обращались к природе, которая под их пером преображалась и делалась живой – мыслящей, переживающей, чувствующей.

Обратимся к Тютчеву:

Лазурь небесная смеется,
Ночной омытая грозой...

(Утро в горах)

Или:

Уже полдневная пора
Палит отвесными лучами, –
И задымилась гора своими черными лесами.

(Снежные горы).

А вот еще тютчевское:

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят...

(Альпы)

Во всех этих стихах одухотворенность природы почти так же естественна, как и жизнь человека. Ст. Рассадин, сопоставляя стихи Кулиева и Тютчева, их философскую направленность, отметил и другое, а именно: что отличает их друг от друга. «Кайсын Кулиев, – писал он, – пантеистически верит в одухотворенность природы»⁶. Итак, обратимся к Кулиеву, строки которого тоже свидетельствовали о том, что природа одушевлена, и она может печалиться и даже думать:

Какими думами охвачена сосна,
Когда кругом – пурги печальное гуденье?

Падучая звезда печалиться ль должна?
И вправду ли ее погибельно паденье?

Перевел С. Липкин

Обращаясь к деревьям, чинаре и колосьям («Деревья, вы — братья мои...», «Говорю с чинарой и колосьями»), камню и горе («Камень», «Молчит гора»), к морю («Говорю морю»), к реке («Говорю ночью с рекой»), к цветку («Цветок на скале»), к молнии и птице («О молния, тебя я умолял», «О, птица, о сестра моя...») и т. д., Кулиев очеловечивает природу. Он, как и Тютчев, в своих философских стихах прибегал к образам природы, чтобы передать мысли человека, свое, кулиевское, мировосприятие.

Обратимся снова к Тютчеву:

О чем ты воешь, ветер ночной?
О чем так сетуешь безумно?..
Что значит странный голос твой,
То глухо жалобный, то шумно?
Понятым сердцу языком
Твердишь о непонятной муке —
И роешь и взрываешь в нем
Порой неистовые звуки!..

(О чем ты воешь, ветер ночной?)⁷

Как видно, поэт понимал язык ветра («Понятым сердцу языком...») и разговор с ним состоялся, хотя это был монолог одного лица в форме вопросительных и восклицательных интонаций.

Кулиев в цикле стихов «Море» тоже говорит с ним на его наречии. Он не просто спокойно созерцал необычные для его горского взгляда красоты моря. Оно для него живое: со своим дыханием, цветом, запахами и звуками. Оно другое, чем горы Кавказа. Но и о нем поэт говорил ласково, проникновенно, так как море его могло понять, как понимала его молчаливая гора в родном Чегеме. Видимо, в трудные для него дни поэт обращался к морю, находя в нем какое-то успокоение. Поэтому Кулиев просил с мольбой эту необозримую морскую гладь, а порой и грозную стихию:

И теперь тебя прошу все чаще,
Руку поднося к своей груди:
Убеди меня и подтверди,
Что не все на свете преходяще⁸.

Перевел Н. Гребнев

Конечно, в пейзажной лирике Кулиев исходил прежде всего из народного миропонимания, народного мироощущения, а не из каких-то философских концепций прошлого. Вот его известное стихотворение «Камень» (1962). Обращение к камню, конечно, поэтический прием, но не только:

В доме каменном, у очага, сколько раз,
Камень, ты согревал мои ноги босые.
Нам при жизни служил. А придет смертный час –
У могил имена сохранишь ты людские.

Я уйду, ты же будешь веками храним.
Нет без камня и дерева горской дороги.
Так недавно ты грел мои детские ноги
У огня... Скоро станешь надгробьем моим...⁹

Перевел С. Липкин

Кулиев знал очень хорошо, что камень в жизни его земляков всегда играл большую роль: из него строили дороги, сторожевые башни в горах, жилища, очаги, заборы. И камень был, безусловно, надгробным памятником («... скоро станешь надгробьем моим»).

Интересно в связи с этим привести строки из письма (оно хранится в фонде Кулиева в ЦГА КБР) Л. Н. Павловой из г. Уфы, которая писала поэту: «... Читая Ваши стихи, хочется думать, хочется плакать. Хочется любить землю так, как любите Вы. Даже камень под ногой, и то хочется благословить после чтения Ваших стихов». А вот высказывание известного французского писателя Робера Мерля, с которым переписывался Кулиев после посещения его дома во Франции: «Не нужно забывать, что литература и искусство должны приносить людям большое эстетическое наслаждение. Например, когда Вы в своем письме говорите о «боли раненого камня», я нахо-

жу, что это превосходное выражение. Оно принадлежит искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение»¹⁰.

Таким образом, мы считаем, что в философской лирике о природе Ф. И. Тютчева и К. Ш. Кулиева много сходных мотивов, но есть и различия. По убеждению литературоведа Ст. Рассадина (мы с ним согласны), Тютчев — это шеллигианец. «С этой философией, — писал он, — сближает его представление о духовности природы, о действии в ней противоборствующих сил, о высшей цели человеческой души — слиться с «мировой душой» природы»¹¹.

«За Кайсыном Кулиевым — иные философские предпосылки: пантеистическое мышление народной поэзии и классики родного ему Востока»¹². Эти два объективных фактора и повлияли на особенности художественного мироощущения горского поэта, талант которого формировался на национальной почве в эпоху бурного развития менталитета балкарского народа, его национального сознания и самосознания, национальной культуры и образования. Большую роль сыграло и самовоспитание: Кайсын Кулиев неустанно работал над мастерством перевода, искусством слова, опираясь на лучшие традиции отечественной и мировой классики.

¹ Тютчев Ф. И. Лирика. Минск, 1977. С. 6.

² Там же. С. 37.

³ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 470.

⁴ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 93.

⁵ Там же. С. 104.

⁶ Рассадин Ст. Кайсын Кулиев. Литературный портрет. М., 1974. С. 61.

⁷ Тютчев Ф. И. Лирика. Минск, 1977. С. 47.

⁸ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 378.

⁹ Там же. С. 50.

¹⁰ См.: письмо К. Кулиева «Может ли устареть оптимизм?» и ответ Р. Мерля «Дешевые соблазны отрицания» // Литературная газета. 1974. 20 марта.

¹¹ Рассадин Ст. Кайсын Кулиев. Литературный портрет. М.: Художественная литература, 1974. С. 62.

¹² Там же.

ПРИРОДА И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ДЕЯНИЙ В ПЕЙЗАЖНОЙ ЛИРИКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Тезисы региональной научно-практической конференции
«Биосфера и человек». Майкоп,
1997.

В лирике Кулиева находят глубокое отражение многообразные связи человека с внешним миром и глубина переживаний его души. Изображение природы как объекта нравственных переживаний человека и средства раскрытия его внутреннего мира идёт от художественного пантеизма Державина, романтической линии философской лирики Тютчева до поэтов современников Кулиева – Н. Рыленкова, Л. Мартынова, А. Вознесенского, Б. Слуцкого, в лирике которых осмысление сущности мира и окружающей нас природы в связи с проблемами самого человека заняло ведущее место в литературе XX в. Отмечая близость к природе, этой естественной сфере человеческого бытия, необходимо отметить и тот факт, что корни этого отношения к природе у Кулиева берут начало в пантеистическом мышлении, в народной поэзии балкарцев и, конечно, в классике родного ему Востока.

Наследуя духовные богатства, накопленные поэзией прошлого и настоящего, Кулиев искал собственного решения проблем, волнующих нынешнего человека, наших современников. Так, в стихотворении «Ракеты улетают на луну» (1970) поэта волнуют не просто вопросы экологии и мира, спокойствия и чистого неба (хотя и это тоже), а нечто другое: то, что называется «нашими колыбелями и родными очагами» на нашей грешной земле.

Ракеты улетают на Луну,
взмывают в неземную вышину,
ракеты ввысь летят к заветной цели,
а птицы обитают на земле,
и ручейки петляют по земле,
здесь наши очаги и колыбели.

.
Летят ракеты в звездной вышине,
к планетам, еле видимым, к Луне,
от века в небо человек стремится,
но все же солнечный и лунный свет,
равно, как свет неведомых планет,
на землю нашу грешную ложится.

Перевел Н. Гребнев

В пейзажной лирике Кулиева наметились в основном, по нашему мнению, следующие пути вторжения в жизнь общества и личности: углубление в психологический мир современного человека с его понятием добра и зла, счастья и трагического начала; философское постижение эпохи с ее волнующими проблемами и повышенный интерес к первозданному мышлению, к истокам и корням устного поэтического творчества. Человек и его духовный мир выявляются в лирике Кулиева через субъективное лирическое «я». Есть и такие стихи, в которых черты характера героя передаются опосредованно — через внешний, предметный мир: «Перевал», «Камень», «Я над раненым камнем...», «Песня о камне», «Я знаю: трудно быть горой», «Говорю с черным ветром», «Говорю горе», «Зимулет птица между скал», «Говорю дереву в мае», «Горы, скажите погибнет ли радость?», «Скалы в лунном свете», «Песня хлеба», «Молитва скалам», «Наверно, и чинара не мечтает...», «Земля, твой камень трону я рукой», «Снег тает», «Вишневый сад», «Унеси, река, печаль и горе...», «Песня ночи», «Не ропщет на свою судьбу зерно...». В них, воспринимая природу как живой организм, как одухотворенный и одушевленный предмет, Кулиев заставлял говорить проникновенным человеческим голосом камень, чинару, колос, ветер. «И с ветрами, и с дождями я дружила, и луна меня ночами серебрила», — рассказывала о себе чинара. А вот живое страдание камня: «Не сравнивай со мной сердца, в которых зло. Сравнение такое мне слышать тяжело, мне больно!» Ощущение кровного родства с природой, с ее живым началом приобщает человека и к печали засохшего колодца, и к песне колосьев и звезд, и к стону срубленного дерева, то есть к тому, что бывает в жизни: печальное и радостное, доброе и злое,

разумное и необъяснимое и т. д. Поэт умеет разговаривать с горой, камнем, травой и учится у них терпению, выдержке, стойкости.

«Право же, трудно и мне», —
Раненый камень об этом
С кем говорил в тишине?
С сумраком, что ли, с рассветом?

Мне ли помог в этот миг
Раненый и одинокий?
Камня язык я постиг,
Камня я понял уроки!

«Вынес я все в трудный час», —
Камня слышал я слово,
И по земле своей снова
Шел я, у камня учась...

Перевел С. Липкин.

Тема природы и гуманистическая сущность человеческих деяний занимала в творчестве Кулиева видное место. Ст. Рассадин писал, что Кулиев предполагает в природе душу и свободу, любовь и язык, даже мысль. («Какими думами охвачена сосна, когда кругом — пурги печальное гуденье? Падучая звезда печалиться ль должна? И вправду ли ее погибельно паденье?») (Перевел С. Липкин). В стихотворениях Кулиева «Море», «Завидует ли дерево песку», «Снег сыплет все сильнее», «Абрикос цветет» своеобразно раскрывались вопросы мировоззрения и нравственности людей, их способность к познанию, их жизненные идеалы и цели. Однако в большинстве стихотворений Кулиева о природе окружающий мир — это родная земля, которая его согревает и утешает:

Земля, твой камень трону я рукой,
Коснусь травы, вдохну прохладу сада,
Твой день и ночь, покой и непокой —
Все для меня и благо, и награда.

Перевел Н. Гребнев

Безусловно, в пейзажных стихах поэта, прежде всего, живет и сверкает всеми красками радуги отчий край. Он

воспел его многократно, потому что любил с самого детства и воспринимал таким, каким видел его в своем поэтическом воображении:

Вдали снега подернуты туманом,
Вершины пригибает снежный груз,
Большое солнце, прячась за Баксаном,
Краснеет, как разрезанный арбуз.

Перевел Н. Гребнев

В большинстве стихов о природе преобладает философское начало. Так, в небольшом стихотворении «Песня ночи» идет спор, и здесь две точки зрения, каждая из которых отождествима с позицией того или иного реального лица. Эти проблемы можно назвать стержневыми во всей совокупности философских размышлений о природе человека и его назначении, социальном прогрессе и нецелесообразности революционной борьбы, о преодолении человеческого бессилия перед вечными законами природы и т. д.

Ночь застилает свет, скрывает след.
Я ночь, но вслед за мной идет рассвет.

Идет рассвет, он дарит свет всему
Тому, что погрузила я во тьму.

Придет рассвет, разбудит города,
Я усыпила их не навсегда.

Перевел Н. Гребнев

Кулиевский жизнеутверждающий принцип звучал всегда в финале стиха: «Всему — и мгле ночной — бессмертья нет. Я ночь, но вслед за мной идет рассвет!»

Природа и гуманистическая сущность человеческих деяний нашли свое художественное воплощение в цикле стихов Кайсына Кулиева «Море», который он посвятил своей жене М. Дахкильговой. Датируются эти стихи в 1974 г., когда поэт был в зените славы и всеобщего почета. Этому циклу стихов предшествовало написание небольшого по объему стихотворения «Море» (1973), после которого Кулиев решил создать целый цикл стихов

«Море». Мотивы те же, что и в стихах о природе родного края. Так, обращаясь к волне, поэт просил ее: «... Волна, оставь себе свое бессмертье, но дай свое волнение мне в пример», или: «Волна, оставь себе свое всеисилье, позволь твое упорство перенять».

Т. Е. Эфендиева

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

(На примере произведений Кайсына Кулиева)

Тезисы выступления на
межвузовской научной конфе-
ренции «Гуманитаризация обра-
зования». *Карачаевск: КЧГПУ,*
1997. 14–16 мая.

Возрождение национальной литературы во многом будет зависеть от гуманитаризации учебного процесса современной национальной школы. Особенно это относится к старшеклассникам, когда вопросы гуманизации личности ставятся очень остро. И это вполне объяснимо, так как молодежь – это будущее нации, от нее будет зависеть духовная атмосфера общества, тот нравственный климат, который повлияет на подрастающее поколение.

Национальная литература народов Северного Кавказа, изучаемая в школе, имеет большое значение в гуманитаризации образования. Это, в первую очередь, касается творчества таких крупных художников слова, как Давид Кугультинов, Алим Кешоков, Али Шогенцуков, Кайсын Кулиев, Расул Гамзатов, Тембот Керашев, Аскер Евтых, Джемалдин Яндиев, Фазиль Абдулжалилов, Суюн Капаев, Зайнди Муталибов, Магомед Мамакаев, Х.-Б. Муталиев, Керим Отаров, Адам Шогенцуков и многих других, имена которых входят в школьные программы по литературе.

В балкарской школе в IX–XI классах творчество Кайсына Кулиева изучается в большом объеме: здесь и ранняя лирика, и поэзия военных и послевоенных лет. Изуча-

ются и его поэмы «Завещание», «Перевал», «Чегемская поэма», «Горская поэма о Ленине», «Знамя», а также цикл стихов «Перекоп» и «Половецкая луна», которые проникнуты идеей служения родине, высоким гуманистическим пафосом.

Умудренный нелегким жизненным опытом, лирический герой Кулиева всегда являлся носителем подлинной нравственности, потому что он воспитан на гуманистических народных традициях. Его отношение к миру и людям глубоко человечны:

Я не скажу: «Пусть мир летит с основ,
Когда я буду истлевать в могиле».
Из мира уходя, подобных слов
Ни мой отец, ни мать не говорили.

Перевел Н. Гребнев

Поэт хотел передать последующему поколению самую суть, сгусток своего опыта, вооружить его четкими жизненными формулами, в основе которых главное — любовь к человеку и борьба против несправедливости, зла и жестокости. Миропонимание Кулиева, его эстетика в основе своей обусловлены балкарской народной философией, народным миропониманием. «Доброта и мужество — вот эти два качества определили самую суть поэзии Кулиева», — сказал его друг из Еревана Левон Мкртчян¹. Или вот высказывание методиста Института усовершенствования учителей КБР З. Богомоловой: «Вы художник с мировым именем, поэзия Ваша нужна всем. Это чудесно, когда поэт Вашего масштаба любим читателями всех возрастов и национальностей. Мои студентки писали уже десятки курсовых и дипломных работ о творчестве Кайсына Кулиева. А впрочем, о Вас пишут так много и так хорошо, что наше внимание — только капля в море, признание интереса и уважения к Вам. Дай Вам Бог всегда оставаться, каким я Вас знаю много лет! Еще раз спасибо Вам за книгу «Так растет и дерево». Прочла ее с глубоким интересом, и в этом плане Вы на самом высоком и теоретическом уровне. Никто не может так сказать и писать о поэзии, как большой поэт. Всего Вам доброго и светлого. С уважением Зина Богомолова. Мой адрес: Нальчик, ул. Советская, дом 21 «а», кв. 47»².

Литературно-критическое наследие Кулиева огромно и ценно в воспитательных целях. Его книга «Так растет и дерево», написанная на русском языке, должна изучаться в школе и в вузе. Для гуманизации и гуманитаризации учебного процесса она представляет необходимый и обширный материал. Книга высоко оценена читателями. Вот письмо из Москвы П. Гуреевой от 28 декабря 1975 г. Она пишет в начале письма о том, что ее муж погиб 26 августа 1942 г., защищая от фашистских захватчиков Кабардино-Балкарию. Он был батальонным комиссаром и похоронен в г. Баксане на территории школы-интерната № 3 в братской могиле. Далее она рассказывает о книге «Так растет и дерево», которую ей подарил друг И. П. Колесников в ее день рождения. «О, какая это была для меня радость! — писала она в своем письме Кулиеву. — ... Есть книги, которые «зачитывают»; такая же судьба будет и у этой Вашей книги. Прочитав Вашу книгу «Так растет и дерево», Ваши замечательные заметки (как Вы их назвали), я и мои друзья сказали: «Вот это полный курс Народного Университета Культуры!» Прочитав Вашу книгу, я много узнала интересного и захватывающего. Здесь все — и поэзия, и лирика, и живопись. Из книги узнаешь много нового о великих людях, начиная от Наапета Кучака XVI в. до Расула Гамзатова и других поэтов Кавказа (Кязим Мечиев, сказочник Исмаил); о грузинской поэзии и поэтах, о живописи М. Сарьяна. А как изумительно Вы написали о русских поэтах! При этом всего на нескольких страницах... «Огонек в тумане» я перечитала несколько раз. Рожь, по которой Вы ползли с тяжело раненым солдатом, мне кажется высокой кукурузой Кабардино-Балкарии, по которой также ползли раненые солдаты и в которой был смертельно сражен мой муж...

Повторяю, Ваша книга — это курс народного университета культуры. Как хорошо написано о тех, кто ушел, но их поэзия жива в современниках!»

Эта женщина несколько раз приезжала в КБР на могилу мужа и побывала в тех местах, где шли бои. Кулиев ответил на ее письмо и послал ее внучке Тане «Сказку о солнце»³.

Преподаватели русского языка и литературы ценят в творчестве Кулиева гуманистические мотивы. Изучая фронтовую и послевоенную лирику поэта, они обращают внимание на патриотизм, гуманизм, которыми были проникнуты произведения поэтов-фронтовиков. Вдумаемся в такие строфы Кулиева, гуманистические по своей сути:

Как тот солдат, погибший в чистом поле,
Я вас люблю до слез. И потому
Я ваше сердце заслоню от боли.
Пусть будет больно сердцу моему.

Перевел Я. Козловский

Великой любовью и мужеством продиктованы эти строки, нежные и суровые. Таким всегда был Кайсын Кулиев: в радости и печали — искренний и тонко передававший самые сокровенные чувства людей. Такой и осталась для нас, читателей, и его народа гуманистическая и высоконравственная кулиевская поэзия. Об этом говорят письма читателей, хранившиеся в архиве Кулиева. Вот одно из них. Из г. Тимашевска Краснодарского края ему написал письмо Прокофий Устинович Сливень: «Ваши произведения, какие мне пришлось прочитать, и Ваша личность внушили мне доверие и любовь к Вам, как к доброму человеку и талантливому поэту. Перед Вами и перед Вашей поэзией я склоняю свою семидесятилетнюю голову»⁴. Так писал этот старый человек, которого трудно заподозрить в лести или в чем-то другом.

Или вот другое письмо от 18 сентября 1975 г. из Ленинграда от Евгении Охотской. «Когда я впервые открыла Ваши книги, то была потрясена, поражена какой-то свежей атмосферой, в которой я очутилась: самый воздух вокруг стал для меня золотистого цвета, какой Вы видите перед собой Жизни! Какими прекрасными чертами она открывается перед Вами! В Ваших стихах есть Доброта хлебов и Мудрость трав, доброжелательность ... простота, естественность, человечность, простор и воздух. Творчество Ваше реально, правдиво, вечное и одновременно новое и всегда мудрое. В ваших стихах столько благородства!» — писала она⁵.

Изучая поэзию Кулиева 60-х гг., надо обратить внимание учащихся именно на гуманистическое решение

темы войны и мира. Она обретает в его антивоенных стихах глубокое гуманистическое звучание. В стихах этой тематики с особой силой подчеркивалась мысль об антигуманности войн, их противоестественности человеческой природе. Пережитое и переосмысленное наполняли стихи Кулиева конкретными судьбами людей, для которых раны войны рождали незатухающую боль и раздумья о будущем. «Я за мир, потому что я сам воевал...» или: «Я на войне увидел тьму смертей...», «Рыдает мать погибшего пилота, не спит всю ночь и взгляд бросает вдаль, как будто сын вернется или кто-то сумеет облегчить ее печаль» (Перевел Н. Гребнев).

¹ Литературная Россия, 1971, 10 сент. С. 8.

² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 78, л. 4.

³ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 78, л. 9.

⁴ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 88, л. 79–81.

⁵ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 77, л. 65.

Ф. С. Эфендиев

НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

(Проблема добра и зла в балкарской литературе)

Из доклада на I Международном конгрессе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Симпозиум 1. Северо-кавказская цивилизация: история, культура, экономика, социология, философия. Пятигорск: ПГЛУ, 1996. 14 сентября.

Философское осмысление мира и человека, проблемы добра и зла можно увидеть в неадекватном выражении современной поэзии. Общеизвестно, что в условиях национального возрождения нравственное сознание фор-

мируется под воздействием многих объективных и субъективных факторов. К ним прежде всего относятся социально-политические, культурно-экономические, организационно-правовые и другие изменения. Меры, принятые по полной реабилитации репрессированных народов, сыграли свою положительную роль в процессе формирования и развития национального сознания и самосознания, в возрождении их духовной культуры.

В условиях развития демократии важнейшими сферами народной культуры по-прежнему остаются религия и искусство. Из них наиболее значимым в формировании нравственного сознания и национального самосознания является художественная литература. Осмысливая происходящее в общественной и духовной жизни, писатели и поэты художественно раскрывают нравственно-психологическую подоплеку тех или иных поступков людей, соответствующие или нет общим моральным принципам, нормам и понятиям добра или зла. В философской литературе добро и зло — это нормативно-оценочные категории морального сознания, которые в предельно обобщенной форме обозначают: нравственное качество как положительное и низкую нравственность, осуждаемую в действиях и мотивах поведения людей. Эти понятия всегда существовали в жизни, и в истории этики, в исследовании этнических процессов, в искусстве они занимают значительное место.

В балкарской литературе эти нормативно-оценочные категории морального сознания наиболее ярко проявились в поэзии Кайсына Кулиева, в понимании которого «добро» воспринимается как «истина», «красота», «справедливость», «доброжелательность», «гуманизм» и т. д., то есть как нравственное качество, положительное и должное. В своей жизненной позиции и в творческом восприятии мира он руководствовался народным представлением добра и зла: «Друзья мои, родня — ткачи и хлеборобы, — учили вы меня на мир глядеть без злобы...»

Тем не желать невзгод,
Не посылать проклятий,
Кто мыслит и живет
Вразрез с моим понятием.

Учили добрым быть,
Не говорить лукаво
И прежде, чем судить,
Знать, что имею право¹.

Перевел Н. Гребнев

Ученые утверждают, что человек рождается не добрым и не злым. «Он находится между этими полярными состояниями, — пишет Ю. Г. Волков. — Доминирование одного из них зависит от соотношения космических, биологических, психических и социальных вместе с культурными компонентами человеческой природы»². Разумеется, политический и эмоциональный климат сказывается на структуре творческого сознания художника слова. Общественные катаклизмы, происходящие в жизни, национальные противоречия и социальные неурядицы определяют настроение конформизма и сомнений, тревог и материального неблагополучия среди населения и отдельных людей. Все это называется жизнью, и поэзия отражает это:

Зло только зло родит
И ничего другого.
В ответ лишь зло обид
Рождает злое слово³.

Перевел Н. Гребнев

Кайсын Кулиев, как и многие поэты, стремился понять и рассказать художественным словом о том, как мучительно думают, страдают и ошибаются люди, желая разобраться в неурядицах быта, в причинах правды и лжи, искренности и фальши. Психологический контраст — обычный прием художника, чтобы достовернее рассказать о том, как подчас утрачивается социальное видение добра и зла, как путаются понятия красоты и уродства, как обретається иллюзорное счастье и сеется горе.

Пришел палач — и сына твоего
Убил и все пожег в твоём краю,
И стало на душе твоей мертво,
Снег горя пал на голову твою.

Пришел другой палач – и сын другой
Был скошен, как трава, исчадьем зла.
Плыл смрад. Шипели змеи под ногой.
Стонали камни. В реках кровь текла⁴.

Перевел Н. Гребнев

В этом стихотворении Кулиева зло занимало центральное место, и природа имела определенную философскую и цветовую символику («Стонали камни. В реках кровь текла»). Кажется, зло непобедимо, оно всемогуще и уничтожает все, что было создано. Однако финал стиха оптимистичен: оставались «ростки надежды», «они всходили высоко». Обращаясь к матери, поэт итожил: «Хватало сил тебе их поднимать. Нас всех твоё взрастило молоко. Ты вечна на земле, мать жизни – Мать!»

С иных нравственно-этических принципов решал эту проблему о добре и зле Кулиев в стихотворении «Кинжал» (1961).

Ты, выкованный мастерами,
Добру служил и злу служил,
За то в аулах матерями
Благословен и проклят был.
Сражал врага земли родимой,
Но и героя наповал
Рукой злодейской иль ревнивой
Ты, выхваченный, убивал⁵.

Перевел Я. Козловский

Отношение к этому орудю добра и зла у Кулиева двойственное, и чувства он испытывал к нему разные, когда смотрел на его боевую сталь и чеканную рукоять: «Ты дорог мне и ненавистен, кавказский кованный кинжал».

В современных условиях духовного возрождения демократическое искусство и, в частности, художественная литература, имеет большое значение в формировании национального сознания горских народов, особенно в нравственном воспитании молодежи, когда мораль свергнута с пьедестала, идеалы развенчаны, а для достижения материальных ценностей и политической карьеры любые средства считаются допустимыми. Как тут не вспомнить изре-

чение Ф. Энгельса о том, что представления о добре и зле так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому⁶.

Рассматривая культуру как историю внутренней социальной жизни человека, культурологи считают, что она влияет на него, начиная от его мыслей, сознания до симпатий, антипатий, переживаний и пристрастий. Она охватывает всех людей, и писатели стремятся художественно отразить все богатство внутреннего мира своих героев-современников, объяснить психолого-нравственные процессы и состояние душевной жизни. Так, в поэзии Кайсына Кулиева можно проследить, как в предельно обобщенной форме добро, с одной стороны, обозначает должное и нравственно-положительное, благо и зло с другой — нравственно-отрицательное, предосудительное. Эти философские категории наличествуют не только в поступках и мотивах отдельной личности, но и в явлениях социальной действительности. В философском стихотворении «Руки» (1965) Кулиев не просто говорил о реальном социальном значении действий людей («Добро и зло всегда — все совершают руки, и строят города, и разрушают — руки»), а стремился пробудить в своих читателях гуманистические начала, приобщить их к высоконравственному поступку или действию. Очевидно, поэтому он писал: «Есть руки палачей и руки мастеров».

Все — дело рук людских: они куют и пахут,
Они и ранят нас, и раны лечат наши.

.....

Есть руки, что плетут кому-то сеть умело,
И те, что создают «Полтаву» и «Отелло».
Одни цветы растят и трудятся до пота,
Другие нож вострят, чтобы всадить в кого-то.
Так будь, моя фука, рукой мастерового,
Рукой, что серп кует и высекает слово⁷.

Перевел Н. Гребнев

Добро и зло в нашей постсоветской действительности — понятия относительные, тем более, что братоубийственная война против собственного народа (пример тому —

Чечня), являющаяся настоящей трагедией для всех народов России (трудовому народу не нужны войны, а нужны они тем, кто стремится к власти любым путем!), порождает только зло и ненависть.

Иного ничего — зло только зло рождает,
Быть может, оттого оно не иссякает.

Осмысливая события прошлого: кровную месть, кавказские войны, межнациональные конфликты, Кулиев предвидел, что они могут повторяться независимо от времени, психологического климата, уровня национального сознания и нравственно-правовых норм и законов:

Свинец в стволе не спит,
Он кровь и месть рождает,
И камень с гор летит
И камень увлекает.

Перевод Н. Гребнева

Зло несет только горе и боль — это многовековые страдания людей, что никак не могут быть изжиты. В стихотворении «Таких на свете нету островов» (1965) Кулиев писал:

Нет мест, где горе не простерло крыл.
Твой дом — не остров в водах полуденных.
Но если б даже островом он был,
Нет островов, от бури защищенных⁸.

Перевел Н. Гребнев

«Насилие над народом не может не оставить надрыва: зло сеет зло,— писал Ст. Рассадин,— и семя, как его ни затапывай, когда-нибудь непременно взойдет; родятся и останутся, как после Дракона из пьесы Шварца, «прожженные души», «мертвые души», пусть лишь частью своей омертвевшие. Хотя бы и от мертвящего страха»⁹. Это рассуждение известного литературоведа Ст. Рассадина было высказано в связи с анализом повести Семена Липкина «Декада» (Дружба народов, 1989, № 5), но оно по сути своей относится к проблеме добра и зла в худо-

жественной литературе, которая отражает эту вечную проблему бытия.

Возвращаясь к балкарской литературе – поэзии Кайсына Кулиева, – хотелось бы подчеркнуть, что в его лирике преобладающее значение имеет идея добра. А со злом надо бороться; если не хватает сил, то хотя бы прояви терпение и упорство. Этому учил поэт и на склоне своей жизни в символическом стихотворении «Зимняя заповедь» (1983):

Постигни горький вовремя урок –
Как знают свой удел деревья эти.
Того, кто слаб, ненастье свалит с ног –
Живи упорством, как деревья эти ¹⁰.

Перевел Л. Шерешевский

Пафосом созидания, оптимизма, социальной справедливости проникнута лирика Кулиева. О гуманистической сущности его поэтического творчества говорят строки: «Я тоже так на свете жить привык, жить, даже муравью добра желая...» (Перевел *Н. Коржавин*). Поэт Михаил Дудин, отмечая эту особенность поэзии Кулиева, писал: «В поэзии Кайсына большой заряд неистребимого человеческого добра».

¹ Кулиев К. Избранные произведения в 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 204.

² Интегральная природа человека. Ростов-на / Д: РГУ, 1994. С. 96.

³ Кулиев К. Избранные произведения в 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 205.

⁴ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 9.

⁵ Там же. Т. 1. С. 195.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. С. 94.

⁷ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 300.

⁸ Там же. С. 301.

⁹ Рассадин Ст. «Кровь» рифмуется с «любовь» (Размышления вокруг «летописной повести») // Вопросы литературы, 1990. № 2. С. 173.

¹⁰ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 233.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДАХ Н. КОРЖАВИНА И С. ЛИПКИНА ПРОИЗВЕДЕНИЙ К. КУЛИЕВА

Статья, опубликованная в
сборнике «Вопросы романо-гер-
манской и русской филологии».
Вып. 1. Пятигорск, ПГЛУ, 1997.

В творчестве каждого автора встречается жанр, в котором, как в зеркале, отражаются все главные его творческие особенности национального мировидения и художественного выбора. У большинства поэтов и у Кайсына Кулиева таким жанром является лирическое стихотворение.

Отразить характерные особенности национального художественного мышления, высказать их в более или менее точных формулах очень трудно. Однако таким замечательным переводчиками, как Науму Коржавину и Семену Липкину, это удавалось почти в совершенстве. Для них при переводе с балкарского на русский язык стихотворений Кулиева не стояло проблемы верности подлиннику. Во-первых, поэт сам делал подстрочники на русском языке для Н. Коржавина, С. Липкина, Н. Гребнева, Я. Козловского и других, не знавших балкарского языка. Во-вторых, они сами очень хорошие поэты, талантливые переводчики и вполне отвечали высокому назначению: «Переводчик в прозе – раб, переводчик в поэзии – соперник».

В своей работе над стихами Кулиева они, по-нашему мнению, были верны подлиннику. И стиль их переводов, в конечном счете, всегда носил отпечаток влияния подлинника. Ст. Рассадин писал: «Что до самого Липкина, то смело ставлю его в великий ряд творцов российского перевода, где правофланговые – Гнедич, Жуковский; куда входят Бунин, Лозинский, Любимов, Пастернак, Заболоцкий. Пересозданная им поэзия Востока – Навои, Лутфи, Фирдоуси, Хайям, балкарец Мечиев, народные эпосы калмыков, киргизов, бурят, индийская «Махабхарта» – это все замечательные стихи, сохранившие те черты, о которых мы «не в состоянии судить»¹.

Обратимся для доказательства наших рассуждений к конкретным примерам. У Кулиева есть сборник стихов «Горы» (М., 1957), где переводчиками были Н. Коржавин, С. Липкин, Н. Тихонов, Е. Елисеев, Д. Голубков, М. Шехтер и др. Это был первый сборник стихов, который поэт издал в Москве после возвращения из среднеазиатской ссылки, длившейся для него одиннадцать лет. Там, на чужбине, он был исключен по указанию сверху из Союза писателей СССР, не имел права печататься ни на одном языке и подвергался всем унижениям и лишениям, которые выпали на долю его «наказанного» народа, расселенного по селам, кишлакам и аулам Казахстана и Киргизии. Но поэт верил в социальную справедливость и писал об этом в стихах. Одним из таких стихотворений является «Той Октябрны къууанчы» («Праздник в ауле»).

Октябрны байрамы келген эди
Къайана къуршалагъан тау аулгъа.
Сары чинар чапыракълары агъа
Тенгизге ашыгъыб баргъан суулагъа.

Обратимся к переводу:

День Октября. Кумачовый поток,
Горный аул стал нарядным и светлым.
Желтые листья высоких чинар
В быстрые речки уносятся ветром ².

Перевел Н. Коржавин

Для переводчика Наума Моисеевича не составляло большого труда передать все особенности и оттенки мысли поэта, сущность его поэтического видения, подсказанного сердцем поэта и его жизненным опытом. Кулиев видел, что его многострадальный народ верил в добрые начала жизни, не пал духом и вел отчаянную борьбу с невзгодами и бедами, выпавшими на его долю вдали от родных мест, от любимой Балкарии:

Узак аулда таулу къойчуланы
Сабийлери Октябрны кюнюнде
Жырлай эдик Интернациональны
Эркинликни, къардашлыкъны юсюнден!..

Кёп керген затларымы унутханма
Унутулгъанд къууанч, бушуу затла да.
Тау элде Интернационалны биз
Жырлагъаныбыз эсимдед дайым да ³.

В переводе Н. Коржавина читаем:

Все мы – средь трудных, нерадостных дней,
Пусть хоть обида нам горло сжимала, –
Верили яростно в братство людей,
В гордый призыв «Интернационала», –

так писал Кулиев в 1954 г., когда находился во Фрунзе и до возвращения на родину оставалось полтора года. Дни депортации балкарского народа подходили к концу, хотя пагубный Указ, подписанный Шверником, гласил: «Выслать балкарцев из пределов отчей земли навечно, без права возврата...» 8 марта 1944 г. балкарцы, как и многие народы Северного Кавказа, были лишены человеческих прав и оказались фактически в резервации на долгие мучительные тринадцать лет.

Кайсын Кулиев понимал, что его земляки – носители этнического самосознания и мироощущения – были накануне Победы самыми униженными и оскорбленными, объектом физических и духовных истязаний. Они осознали и почувствовали, как говорится, на своей шкуре, что в отношении их попираются общечеловеческие моральные нормы. Знали они и другое, что общественное мнение коренного населения в первое время было не всегда на стороне интересов людей, подвергшихся принудительному выселению. В массовое сознание коренных жителей упорно и безуспешно насаждалась идея о том, что балкарцы – это изменники Родины, враги народа. Национальное самосознание продолжало развиваться и в этих условиях балкарцы осознавали себя частью советского народа, имели свое отношение к окружающему миру, четко понимали свои поступки, действия, желания и интересы. Каждый горец или горянка осознавали себя личностью, хотя в то тяжелое время трудно было сохранить свое достоинство, честь, гордость, взаимопонимание, веру в справедливость, так как не было никакого закона о правах человека с клеймом спецпереселенца»⁴. Это и мно-

гое другое Кулиев художественно отразил в поэме «Завещание» («Осуят»), над которой он начал работать в 1946 г.

Байрамны орунуна жияу болду
Ол кюн таулу сабийлени барына!
Вагонланы ичи сарнаудан толду,
Кез жашла саркъдыла мартны ⁶.

А вот поэтический перевод С. Липкина:

Пришел не праздник – день пришел бессонный.
Балкарским детям не забыть вовек
Холодные и смрадные вагоны
И мартовский – в слезах кровавых – снег.

Поэма была напечатана на балкарском языке в собрании сочинений поэта, но на русский язык долгое время не переводилась: она находилась под запретом в течение 28 лет. Только в 1990 г. (Кулиев умер в 1985-м) поэма была переведена на русский язык и впервые была напечатана в газете «Кабардино-Балкарская правда». Рассказывая о времени и о себе, Кулиев однажды писал: «Завещание» я отношу к лучшим своим вещам»⁶.

Перевод этой поэмы на русский язык сделан С. Липкиным мастерски. Он учел кулиевскую отличительную особенность, а именно: музыкальность стиха, плавность поэтической речи, звуковую гамму, мерность ритма, метафоризацию, которая охватывала не только одно или несколько слов, а иногда и несколько предложений. Пути переосмысления языковых средств позволили Кулиеву показать драматичность событий, трагедию отдельной личности (в данном случае – главного героя горца-старика Харуна) и трагедию человеческую, всенародную. Стилиевой повтор в оригинале «... О, мартны сегизинчиси, сабийле...», «...О, мартны сегизинчиси! Фронтда тюзген жара табларыбызча къалды» – сохранился и в переводе, позволив достичь яркой образности и убедительной идейной направленности.

На мастерство перевода С. Липкина верно указала исследователь творчества К. Ш. Кулиева, преподаватель КБГУ С. К. Башиева, когда она работала над кандидатской диссертацией и материалами книги, изданной поз-

же в Нальчике. Рассматривая перевод стихотворения Кулиева «Суу брады...» («Река»), она отметила, что этот перевод «... ярко и наглядно показывает возможность предельно точной передачи семантических и стилистических особенностей карачаево-балкарской лексики на русском языке. От взора переводчика ничего не ускользнуло — каждая деталь, каждая краска нашли свое место в переводе. Переводчик великолепно владеет словом и умеет подчинить его своему перу. Строгость поэтического рисунка, простота глагольных метафор, свежесть поэтического видения, индивидуальность творческого почерка Кайсына Кулиева — все передано блестяще, с наивысшей точностью»⁷.

Нам нечего добавить к тому, что сказано. Позволим лишь привести для сравнения оригинал и перевод С. Липкина:

Суу барады, башында кёкге,
акъ тау бла жашил терекге,
жангы кырдыкга къууанады,
анга сыйлы — кёк, ауана да.
Жашил жерде барады черек,
жолу узакъ, жагъалары бек,
Черек ёлгенлеге жияйды,
саулагъа уа жарыкъ жырлайды.
Ёмюрлюк бла суу баргъаны
билмейдиле да арыгъанны.
Тау саула ючкюн агъарады,
суу саула ючюн барады,
Суу къууанады жерге, кёкге
жагъасында чакъгъан терекге.
Биз да саула ючюн жашайбыз.

Реке отрадно видеть над собой
снега вершин и купол голубой.
Ей нравится листвы густая сень,
и солнце радует ее, и тень.
Среди зеленых трав течет река.
Долга ее дорога, далека:
Она течет, течет всегда вперед,
о мертвых плачет, о живых поет.
Ни вечность, ни проточная вода
усталости не знает никогда.

Дождят во имя жизни облака.
Во имя жизни движется река.
И я с моей рекой иду вдвоем:
я и она — мы для живых живем.

Перевод С. Липкина

Переводы Н. Коржавина и С. Липкина подлинно творческие. Это можно объяснить не только их талантом и профессионализмом, но и прекрасным знанием горского быта, национальных особенностей культуры горцев и творчества Кайсына Кулиева, на родине которого они бывали. Поэту не раз говорили, что ему повезло с переводчиками. Он никогда не отрицал этого, потому что знал, как трудно в переводе сохранить естественную интонацию автора. «Мы знаем, что подлинный язык поэзии — это язык оригинала, — писал Кулиев. — Мне приходилось переводить Шекспира, Лопе де Вега, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Твардовского, Лорку. И на собственном опыте знаю, что такое перевод стихов, как трудно приблизиться к силе подлинника, с какой бы любовью к оригиналу, уважением к автору и даже знанием дела ты не переводил... Все равно невозможное всегда остается невозможным, хотя рьяные оптимисты и утверждают, что невозможного нет»⁸.

Нам кажется, что Кулиев больше всего ценил в стихах благородную простоту и естественность. «Я люблю в стихах простоту в лучшем смысле слова, непосредственность и эмоциональность»⁹, — не раз говорил он. И многие его стихи отличаются талантливой простотой. «Когда я в молодости читал свои стихи матери, и она не понимала их, мне становилось стыдно за желание закрутить как можно сильнее, затемнить стих, — писал поэт. — Такие грехи, к сожалению, бывали и у меня, хотя я, крестьянский сын, должен был бы сохранить в себе естественность зерна и дерева. Правда, очень скоро я отказался от всего вычурного и надуманного»¹⁰. Действительно, когда читаешь Кулиева в подлиннике, то нередко стихи кажутся необыкновенно простыми. Это отмечали многие кайсыноведы. Поэт как бы ограничивался детальным описанием того, что он когда-то видел у себя дома — в ауле Верхний Чегем. Перед его мысленным взором проходи-

да мать, на ней фартук, испачканный землей; на аул спу-
скался вечер и зажигались огни очагов, дым от которых
поднимался ввысь. Он видел все: даже кур, усевшихся
на насест. Эти внешние проявления родного старого до-
мика в горах не ускользнули от внимания переводчика
Н. Коржавина, который сохранил их при переводе
(«Анам», «Бахча», «топуракъ алботасында», «анабызны
тауукълары», «тютюн бурула», «эски юйюбюзню башин-
да» и т. д.):

Возникал видением родным
Перед грустным взглядом моим
Огород. В огороде — мать.
Весь передник в земле опять.
Вечер. Плотнo усевшись в ряд,
Наши куры в сарае спят.
Сто дымков над аулом родным.
И над нашим домиком дым.

Перевел Н. Коржавин

Это стихотворение написано Кулиевым в 1956 г. — в
год возвращения его и земляков в родные аулы отчей
земли. Поэтому так опoэтизировано самое обыденное и
простое. Стихотворение называется «Мен кеп жерледи
айландым...» («Я во многих местах бывал...»). Образ
автора сохранен и точно передано его мироощущение
(«Мен кеп жерледи айландым, суулу окопладе жат-
дым...»):

Я во многих местах бывал.
Я в окопах сырых воевал.
Без родимой земли я жил.
Только в сердце ее я носил.

Последние две поэтические строки являются наибо-
лее главными: они помогли выразить идею о милой род-
ной земле, о малой родине («Узакъда турдум жеримден,
жерим турду жюрегимде...») — символ прочности бытия,
счастья жизни и национального достоинства. Отклоне-
ний от оригинала нет. Так почти во всех стихотворениях
Кулиева, переведенных Коржавиным и Липкиным. Кри-
тик и литературовед Ст. Рассадин, говоря о переводах

Липкина, отмечал, что этнографический колорит не всегда уместен, хотя некоторые переводчики стараются «по-трафить» всесоюзному читателю, подбросив ему этнографического колоритцу, всякого рода «кунаков» и «абреков», знакомых даже ильфо-петровскому бухгалтеру Берлаге; да «трудно, ой, как трудно» устоять. Помню, как Кайсын Кулиев, сам-то этому соблазну не поддавшийся, наоборот, восставший против навязанных ему в переводе «газырей», «кунаков», «тамады» и оттого способный на иронически-отчужденный взгляд, — как он, заговорщически понизив голос, говорит мне про цикл Расула Гамзатова «Надписи» («Надписи на камне... на книге... на кинжале... на бурке...»): «Слушай, ты не знаешь, где на бурке можно сделать надпись?»¹¹

В конце 70-х гг. Кулиев не по своей воле потерял этих прекрасных переводчиков и очень сожалел об этом. Н. Коржавин был под запретом, так как считался «перебежчиком» и «врагом народа». Стихи в его переводах запрещалось печатать, ссылаться на них критикам и литературоведам. С ярлыком антисоветчика стали жить в Союзе С. Липкин и И. Лиснянская. Их тоже постигла такая же участь: они не печатались и не имели права переводить. Лучшие переводчики восточной поэзии оказались в опале и под запретом.

Понимая тяжелую ситуацию, Кулиев обращался с просьбами перевести его стихи к Д. Долинскому, Л. Шерешевскому, Б. Ахмадулиной, Я. Аким, О. Чухонцеву, М. Синельникову, В. Краснопольскому, Н. Кондаковой, А. Баевой. Много сложного и трудного в жизни пришлось перенести поэту, настало время пережить и это. Кулиев понимал, что не только он один понес тяжкую утрату, но и вся национальная поэзия советского востока. «Что делать, — думал он. — Жизнь противоречива, как и наши чувства и мысли. Систему не одолеть, но все еще может измениться к лучшему». Но не дожил поэт до того времени, когда было возвращено доброе имя его любимых переводчиков. Стихи и переводы Липкина и Коржавина стали печатать в СНГ и Российской Федерации в постсоветский период, во времена гласности и демократизации нашего общества. В 1992 г. Коржавин приезжал из Бостона в Москву, встречался с работниками газеты «Извес-

тия» и журнала «Новый мир», «Московских новостей», обещал им выслать свои мемуары «В соблазнах кровавой эпохи»¹². После годов молчания вернулся к плодотворной работе и С. Липкин. Его заинтересовала проблема депортации – тема насильственного изгнания людей с отчей земли, вопрос о развитии и сохранении национальной культуры малых народов Северного Кавказа. Об этом и о многом другом он попытался рассказать в повести «Декада», которую он назвал летописной повестью. Составителем и редактором ее был известный поэт, лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский. Повесть «Декада» была напечатана в 1989 г. (Дружба народов, № 5). О ней высоко отозвался Ст. Рассадин, назвав ее «горькой и смешной». «Повесть занята судьбою – общей, нашей, объединившей балкарцев и русских, чеченцев и евреев, репрессированных и нерепрессированных, – писал Рассадин. – Судьбой обобщенной, даже мифологизированной... Знак болевой причастности к каждому из народов – вне крови, помимо ее, вопреки ей...»¹³

Все, что вместе когда-то пережили Кулиев и его переводчики Н. Коржавин и С. Липкин, теперь отодвинулось в прошлое, став социальной памятью народа. И сейчас, на пороге XXI в., перечитывая стихи Кулиева, каждый увидит в них частичку души этих талантливых литераторов и высокую художественность и творческую индивидуальность горского поэта.

¹ Рассадин Ст. «Кровь» рифмуется с «любовь» (Размышления вокруг «летописной» повести). // Вопросы литературы. М., 1990, № 2. С. 170.

² Кулиев К. Горы. М., 1957. С. 293.

³ Кулиев К. Сайлама. Нальчик, 1958. Т. 2. С. 221–222. На балк. яз.

⁴ Эфендиев Ф. С. О национальном самосознании накануне Великой Победы. // Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Нальчик: КБГУ, 1995. С. 154–155.

⁵ Кулиев К. Кек чинарла («Зеленые чинары»). Нальчик, 1963. С. 51.

⁶ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 455.

⁷ *Башиева С. К.* В оригинале и переводе. Литературно-критические статьи. Нальчик: Эльбрус, 1990. С. 712.

⁸ *Кулиев К.* Так растет и дерево. М., 1975. С. 329.

⁹ Там же. С. 397.

¹⁰ Там же.

¹¹ Журнал «Вопросы литературы». М., 1990, № 2. С. 170.

¹² *Соколов Ю.* Два дома Наума Коржавина. // Известия, 1992, 17 февраля.

¹³ *Рассадин Ст.* «Кровь» рифмуется с «любовь» (Размышления вокруг «летописной повести»). // «Вопросы литературы», 1990. № 2. С. 171, 176.

Ф. С. Эфендиев

КОСМИЗМ И СХОДНЫЕ СУДЬБЫ ПОЭТОВ

(К. Ш. Кулиев и А. Л. Чижевский)

Тезисы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. Л. Чижевского. Ростов-на-Дону, Российская государственная экономическая академия. 1997.

А. Л. Чижевский был не только выдающимся ученым, мыслителем, художником, но и талантливым поэтом, жизнь которого сложилась трагически, как и у балкарского поэта Кайсына Кулиева. Казалось бы, что общего между ними: Чижевский родился в знаменитой дворянской семье; отец был высокообразованным кадровым офицером, и в детстве А. Л. Чижевский был уже знаком с античной культурой, посещая с родителями Грецию, Египет, Италию и Францию. Одаренный ребенок увлекался живописью, музыкой, знал несколько иностранных языков. Ничего этого в детстве не было у Кайсына Кулиева: он родился в маленьком ауле Эль-Тюбе, затерянном в горах Чегемского ущелья, жители которого никогда не держали в руках книг, кроме Корана. Отец будущего поэта был неграмотным охотником-скотоводом, а мать никуда не выезжала, кроме сел Чегемского ущелья, поэтому впоследствии Кулиев писал:

Моря и океаны. Я немало
О них знал. Они, как жизнь, мощны.
Их мать моя ни разу не видала,
А я люблю их, мне они нужны.

Перевел Н. Коржавин

Однако их судьбы были во многом схожи. В 1941 г. А. Л. Чижевский был арестован и отправлен в тюрьму, где прошел круги ада. Кайсын Кулиев в это время сражался в Прибалтике, отступая трудными дорогами войны. В это время они не могли встретиться. Но оба проходили школу страданий и суровых испытаний, в которых нравственно не сломились, сохранив в душе веру в справедливость, доброту и сострадание к ближнему. Особенно страшным днем для Кулиева стал день 8 Марта 1944 г., когда по решению Сталина балкарцы были насильственно высланы из пределов отчей земли в Казахстан и Среднюю Азию; «...навечно, без права возврата...», — гласил пагубный Указ, подписанный Шверником. Кайсын Кулиев в это время, будучи офицером Советской Армии, прошел через унижение — фильтрационную комиссию, которая по национальному признаку отбирала военные билеты у офицеров, запрещала носить им военную форму, ставила на учет спецкомендатуры НКВД и отправляла по месту ссылки депортированных народов в Казахстан, Среднюю Азию и Сибирь. Начиная с этого времени оба поэта испытали жестокость репрессивных органов, унижение человеческого достоинства, и оба были отстранены от научного и культурного мира, находясь в ГУЛАГе. А ведь они были лучшими представителями нации: один — русской, другой — балкарской. Кулиеву было в то время 26 лет, а Александр Леонидович был старше его почти в два раза. Чижевский был высокообразованным человеком, имевшим глубокие фундаментальные знания по биофизике и биокосмосу. Уже в 1939 г. он был выдвинут на соискание Нобелевской премии «как Леонардо да Винчи XX в.». Он создал новое направление в гелиокосмобиологии. Был доктором наук по всеобщей истории, а кандидатскую диссертацию защитил на тему «Русская лирика XVIII в.». Кайсын Кулиев перед вой-

ной закончил Литературный институт в Москве, учился в театральном институте, был членом Союза писателей СССР, имел первый сборник стихов «Здравствуй, утро!» (1940).

Находясь долгие годы в ссылке, Александр Чижевский и Кайсын Кулиев не могли проявить свой талант, данный Богом и Природой. Кайсын Кулиев был исключен из Союза писателей и не имел права печатать свои произведения ни на одном языке: ни на русском, ни на киргизском, так как поэт этот язык хорошо изучил и даже переводил с киргизского на русский, в основном стихи местных поэтов. Тем более не мог печатать свои произведения на балкарском языке.

В 30-е гг. имя Чижевского как выдающегося ученого знал весь научный мир, Кайсын Кулиев вошел в мировую культуру как поэт только в 60-е гг., когда он и его народ были реабилитированы и восстановлены во всех общественно-политических правах, возвратившись на свою историческую родину – Кабардино-Балкарию, воспетую не раз Кулиевым в стихотворениях «Балкарский пейзаж», «Кизиловый отсвет», «Когда я говорю с горами», «Лунорогие быки», «Свой дом я вспоминаю очень часто...», «Речки детства», «У очага», «Раненый камень» и др.

Чижевский и Кулиев оба плодотворно работали каждый в своей области и поднимали глобальные вселенские проблемы взаимосвязи, взаимообусловленности земной и космической жизни. А. Л. Чижевский – пером ученого, а К. Ш. Кулиев – пером поэта. Оба они утверждали, что Вселенная – это колыбель цивилизации.

Встретились они случайно в самом конце 50-х гг. У Кулиева в 1957 г. в Москве вышли два сборника стихов: «Горы» и «Хлеб и роза», принесшие ему сразу общесоюзное признание и известность. Кулиев часто в это время приезжал в столицу, жил подолгу в гостинице «Москва», любил гулять по бульварам, и однажды он встретил А. Л. Чижевского, который сидел на скамейке. Сюда же присел отдохнуть и Кулиев. Горский поэт был по натуре своей общительным человеком и первый заговорил с Александром Чижевским. Они познакомились и разговорились и были поражены схожестью судеб. Старый уче-

ный рассказал, что он живет в Москве на бульваре «Звездный» и занимается редактированием своего свода поэтических произведений. «В конце жизни я вернулся к тому, с чего когда-то начал, — говорил он Кайсыну. — Как ученый я всеми забыт. В этом моя трагедия». Об этой встрече К. Ш. Кулиев рассказал кайсыноведу Тамаре Эфендиевой и добавил, что людские судьбы, как реки: они текут отдельно друг от друга, но могут и сливаться. И с горечью добавил: «Его трагическая жизнь как ученого для меня ясна, и я его понимаю, пережив много драматического и забвение со стороны многих мне близких людей, когда я оказался в депортации на одиннадцать долгих лет. У меня есть по этому поводу стихотворение «Говорю одинокому дереву» (1970):

Ты было б совершенно одиноко,
О, дерево, когда б не тень твоя,
Но нужно небо и луны немного,
Чтоб выжить ночью, друга сотворя.

Ты безутешно полночью безлунной:
И тени нет, пустая ночь темна.
Ты тщетно ждешь: какой же ствол безумный
Покинет лес, чтоб навестить тебя?

Днем у тебя в гостях то я, то птица,
А ночью ты слагаешь плач ветвей.
Прошу, луну: пусть выйдет и продлится,
Чтоб тень твоя всегда была твоей.

Перевела Б. Ахмадулина

А. Л. Чижевский и К. Ш. Кулиев были великими людьми, гуманистами XX в., которыми должны гордиться соотечественники и Родина. Одному отмечали в 1997 г. 100-летие, другому в этом же году — 80-летие со дня рождения.

Заканчивая свое краткое выступление, мне хотелось бы выразить благодарность сотрудникам кафедры философии Экономической академии, организовавшим эту конференцию в память великого ученого.

К. Ш. КУЛИЕВ И ЕГО ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ

Тезисы доклада Междуна-
родного Конгресса. Симпози-
ум 5. Пятигорск: ПГЛУ, 1998.
15-20 сентября.

Вхождение талантливых людей: писателей, поэтов, художников, композиторов – в систему мировой культуры – это закономерное явление развития цивилизации. Своим великим вкладом они обогатили духовно-нравственные ценности человечества. Поэтому их имена в течение многих веков передаются из поколения в поколение. Созданные ими произведения являются достижением и гордостью всех людей Земли.

Одним из таких выдающихся поэтов XX в. был Кайсын Кулиев, отличавшийся национальной спецификой художественного мировосприятия действительности. Он был духовным феноменом своей нации. Пассионарность генотипа и этнокультурный потенциал балкарского народа нашли духовное воплощение в его личности и поэтическом творчестве. Опираясь на национальные и общечеловеческие символы, Кулиев отразил в своем художественном слове любовь ко всему живому и сущему на земле, идеи гуманизма, дружбы и братства людей.

Где б ты ни жил – в горах ли, у моря,
Ты мне брат, коль тебе дорога
Вся земля, если святы все взгорья,
Все низины, луга и стога.
На каком бы ни пел ты наречье,
Все равно ты и брат мне, и друг,
Если ценишь ты труд человеческий,
Доброту человеческих рук.

Перевел Н. Гребнев

Каждую строку своих лирических стихов Кулиев пропускал через свое сердце и свой разум. В его памяти были запечатлены события века, в большинстве своем траги-

ческие, которые он остро переживал. Тема исторической памяти пройдет в его стихах и поэмах. Так, в поэме «Кремень» (1957–1961) Кулиев обращался к своим фронтовым товарищам, которых он не мог забыть в послевоенное время.

Друзья мои, однополчане,
товарищи военных лет,
я памятью о вас изранен,
моей душе покоя нет.

Вы не вернулись в ваши семьи,
вы не вернулись к матерям,
и кажется мне дождь осенний
слезами горькими по вам.

Перевел М. Еремин

Верно говорил Ч. Айтматов, что «... поэзия Кайсына Кулиева – это документ эпохи. И в то же время – кардиограмма его сердца, четко реагирующего на малейшие колебания в духовном мире современного человека». Специфика художественного мировосприятия действительности у Кулиева своя: он опирался на свой большой жизненный опыт, на то, что пережил, на родные корни, опыт русской и мировой классики.

О родина былин – земля моя,
Народ твой – исполин, земля моя,
Ты – мать, а я твой сын, земля моя,
Прекрасней нет долин, земля моя!

Перевел Д. Кедрин

Так писал Кулиев в 1942 г. когда воевал на фронте, будучи совсем молодым, только мечтающим о стезе поэзии. Но уже тогда у него было свое художественное мировосприятие, и его стихи нельзя было спутать ни с какими другими.

Кулиевское мировосприятие всегда отличалось чем-то особым. Так, человека он рассматривал как космопланетарное явление, а его мировидение носит вселенский характер. Его поэзия гармонична, как небесные светила, а мелодия звука и слова непрерывно изменяются в эне-

гетической форме стиха. Мир он рассматривал как органическое целое, подвластное людям, и воспевал в своих многочисленных поэмах и стихах человека и окружающий его мир. Вот так, с эпическим размахом он мог начать стихотворение: «Блистают звезды, цвет меняют горы, снега сползают, розы опадают...» или: «На свете есть небо, где звезды горят.» Звезда как символ и как понятие в творчестве Кулиева встречается очень часто. «Звёздам – гореты!», «Звезда Темир Казак», «Звезды» – это название стихотворений, в которых он сказал о гармонии небесных сил, о вечности Вселенной, о новизне их восприятия каждым человеком и о многом другом, что волновало поэта.

Гляжу на звезды в небесах ночных.
Так радостно они блестят и ново,
Как будто на земле никто о них
Покуда не сказал еще ни слова.

Мир совершает свой круговорот,
И звезды озаряют свод небесный... и т. д.

Перевел Н. Гребнев

«В царстве мысли живется светло», – сказал Д. Писарев. В царстве мысли Кулиева – все мироздание. Он мог легко воспевать небесные светила, грозные явления природы и обращаться к ним, как к равным. У Кулиева есть несколько стихотворений, в которых человек оказывается слабым перед страшной стихией природы: «Гроза», «Молния в горах», «Молния».

Эльбрус сегодня мрачен и гневлив,
С вершины в пропасть головы бросает,
Иль каменные глыбы отвалив,
Он, как кресалом, искры высекает.

Перевел Н. Гребнев

В стихотворении «Гроза» – другая мысль: «Но в мире есть грозы – они громяют. Об этом одни лишь глупцы забывают». Назидание и поучительство не характерны для Кулиева, так как он не был простым наблюдателем жизни.

Можно с полным правом утверждать, что поэт был активным участником бытия, творческой личностью, проявляя оригинальность, новизну, уникальность в поэзии и в прозе. Вот как воспринимал творчество философ Н. Бердяев: «Творящий человек причастен природе Божественной, в нем продолжается богочеловеческое творение, творчество есть дерзновение на запредельную тайну».

Что касается Кулиева, то он действительно имел природный талант, божественные искры которого не погаснут на небосклоне балкарской поэзии. А если о нем говорить как о человеке, то он был всегда в гуще общественно-политической и культурной жизни страны. Он принимал активное участие во многих общественно-культурных мероприятиях, которые проходили в нашей стране и за рубежом. В своих выступлениях на международных конгрессах и конференциях солидарности стран Азии и Африки, на симпозиумах, съездах писателей СССР, РСФСР, автономных республик и литературных декадах Кулиев говорил о новизне и актуальности тем современной поэзии. Так, выступая на VII Конгрессе писателей в Берлине 18 октября 1973 г., он говорил о том, что «художник, не поняв язык родной земли, не может понять другого; он приходит, если позволяет степень дарования, к человеческому только через образы отчей земли, своего очага, через опыт родного народа».

Говоря о специфике художественного восприятия действительности поэтом Кулиевым, следует отметить еще одну особенность его творчества: он через национальное пришел к общечеловеческому. Он затрагивал глобальные мировоззренческие проблемы, вопросы мироздания, а мог и воспевать муравья, ласточку, скошенную траву на склоне гор, восторгаться народными пословицами. В статье «Песни горцев» он писал: «Наши пословицы созданы философами и поэтами гор — пахарями и каменотесами, пастухами и дровосеками, которые не могли увековечить свои мысли в фолиантах и томах. Изречения рождались за сохой, у пастушеского костра, под звездным небом, в дороге или у очага. И остались жить вместе со звездами, лунным светом, хлебом и водой. Они были рождены жизнью. Их главная сущность — правдивость и

точность. Они выражали глубину, непосредственность и совесть народная философия. Они будут жить до тех пор, пока будут живы языки, на которых они созданы»¹.

Развитие и реализация гигантского потенциала культуры любого народа возможны только в условиях преодоления изолированности ее от мирового художественного процесса. Кулиев глубоко знал мировую культуру и обладал широким диапазоном мышления, пропускал через свое чуткое сердце тревоги и боль людей. На гибель первого космонавта Юрия Гагарина он написал статью «Плачут горы». Настроение всемирной скорби Кайсын выразил глубоко символично: «Горы скорбят, как люди, и нельзя измерить глубину их горя». Он был буквально потрясен, когда услышал весть о злодейском убийстве главы правительства Индии Индиры Ганди, которую Кулиев лично знал, беседовал с ней во время пребывания советской делегации в этой стране. Свою боль и скорбь он выразил в стихотворении «Жизнь на земле не убить», посвященном Индире Ганди.

Кайсын Кулиев глубоко интересовался историей и культурой народов Средней Азии и не раз говорил, что среднеазиатские народы, особенно таджики и узбеки, внесли значительный вклад в мировую культуру, достаточно вспомнить Аль-Фараби, Авиценну, Омара Хайяма, Рудаки, Алишера Навои, Улугбека. Огромный духовный пласт культуры плавно вошел в жизнь и творчество балкарского поэта. Поэтому критик и литературовед Ст. Расадин писал: «Он — поле их взаимопроникновения»².

У Кайсына Кулиева есть книга «Так растет и дерево», написанная им на русском языке, который он знал превосходно. В нее включены более 60 эссе о выдающихся деятелях отечественной и мировой культуры. Это итог многолетних раздумий о мастерстве и назначении поэта, о традициях классиков — Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Горького, Есенина, Напета Кучака, Шота Руставели, Тициана Табидзе, Георгия Леонидзе и о многих других. Эта книга Кулиева имеет огромное значение в социально-философском осмыслении общих закономерностей и специфических особенностей вхождения литературы многих народов в систему мировой цивилизации.

¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 281.

² Рассадин Ст. Кайсын Кулиев. Литературный портрет. М., 1974. С. 4.

Ф. С. Эфендиев

ЧЕЛОВЕК И ЕГО ПРИЗВАНИЕ В ЛИРИКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Тезисы доклада на Международной научной конференции «Человек в современных философских концепциях». Волгоград: ВГУ, 1998.

Философская лирика балкарского поэта К. Ш. Кулиева — одна из неисследованных проблем северокавказского литературоведения, хотя о его творчестве написано много статей, очерков, эссе в национальной критике. Есть и монографии Н. М. Байрамуковой, С. К. Башиевой, Т. Е. Эфендиевой, написанные на русском языке, и одно учебное пособие на балкарском языке, изданное для учителей средних школ А. М. Теппеевым.

Возрождение национальных культур и литератур в наше время придает новый импульс процессу развития этнолитератур. Во все века и поныне концепция человека и феноменология человеческого бытия были одними из главных вопросов, которые волновали философов, историков, культурологов, социологов, литературоведов.

Поэт Винокуров писал, что между миром и человеком существует неразрывная органическая связь. «Поэты хотят понять, что такое Человек, и этот вопрос не просто антропологический, это глубоко философский, этический, центральный вопрос века»¹. Для Н. Г. Чернышевского «человек — это высшее произведение природы», и на него «надо смотреть, как на одно существо, имеющее только одну натуру»²; для философа Вл. Соловьева «человек есть вместе и божество, и ничтожество»³, а для Н. А. Бердяева «человек есть микрокосмос. Он сотворен

по образу и подобию Бога»⁴. Для нашего современника Кайсына Кулиева «человек – это царь земной и Бог, сошедший с неба»⁵. Как видим, это разные точки зрения на природу и сущность человека. Человек в философских и литературоведческих, поэтических и прозаических концепциях выступает и проявляет себя по-разному. Это зависит от индивидуальной точки зрения.

Кайсына Кулиева, как и многих других до него, интересовали вопросы человеческого бытия и развития этнической культуры. История его мужественных и трудолюбивых земляков, прошедших через суровые испытания временем, нашла художественное отражение во многих его произведениях, например, «Чегемская поэма», «Камень», в цикле стихов «Половецкая луна».

Мысль народов других в древних книгах жила,
В фолиантах хранились былого анналы.
А у горцев бесправных – скала да скала,
Мысль вверялась камням. Камни, камни и скалы –
Наши книги, история нашей земли!
Потому-то и камень везде в преизбытке,
Что столетия в нем свой язык обрели,
Это скорби и стойкости твердые свитки⁶.

Перевел С. Липкин

Кайсын Кулиев – национальный духовный феномен, человек исключительный, выдающийся поэт народов Северного Кавказа. Он воспел и прославил свой маленький народ, затерянный на северных склонах центральной части Главного Кавказского хребта. «На всей большой земле нас мало знали и мало кто о нас слышал», – писал он в одном из своих стихотворений. Под его пером человек и природа, человек и его назначение на земле, человек и общество, человек и его семья нашли глубокое художественное отображение, особенно в таких произведениях, как «Герои гор», «Старым горским мастерам», «Руки горца», «Мастера», «Каменщику Джанхоту в день его шестидесятилетия», «Материнские руки», «У очага», «Безенги», «Пускай великих дел не совершал я...», «Всю жизнь мы не по силам тащим кладь...», «Надежда», «Го-

рянке», «Каждому – свое». В них дана целая гуманистическая концепция трудового человека. В стихотворении «Руки горца» на примере жизни одного человека показана судьба многих поколений с их нравственно-моральными ценностями, взглядами на жизнь тех, кто трудно добывал свой хлеб. Старик-горец – это крестьянин-труженик, воплотивший в себе морально-этические качества трудового народа.

Сел он, седовласый,
Чуть сощулив зрачки,
Положил он на посох
Две дрожащих руки.
Руки горца, знавали
Вы счастливей деньки,
Серый камень тесали,
Закаляли клинки.

.

Вы и поле пахали
С незапамятных дней
И проворно седлали
Самых лучших коней...

Перевел Н. Гребнев

В физическом и умственном труде поэт видел основу высокой морали, чести и достоинства человека. «Человек творит, сознавая, что сделанное им переживет его. Открытое, найденное, сотворенное мастер оставляет тем, кто будет жить после него. Каждый труженик на земле является по-своему Прометеем», – писал Кулиев⁷.

И пусть людская жизнь не без конца,
умрет кузнец, и зодчий, и ваятель.
Подкова долговечней кузнеца,
храм долговечней, чем его создатель.
Мы смертны все, умрет из нас любой,
покинет землю человек ученый,
но он закон не заберет с собой,
открытый им, на смерть не обреченный.

Перевел Н. Гребнев

Кулиев был убежден, что призвание человека — покорять и беречь природу. По этому поводу у него очень много написано произведений, разных по стилю и содержанию. Одним из таких является стихотворение «Старым горским мастерам». Его можно было бы условно назвать одой трудовому человеку, потому что поэт восхищался всегда мастерством других и преклонялся перед теми, кто умел стойко переносить жизненные трудности. Эти мысли прозвучали и в названном выше стихотворении:

.
Вы равняли вершины скал,
Обживали такие кручи,
Где до вас никто не бывал,
Разве только орлы и тучи.
Пусть же святы будут в веках
Для балкарцев всех поколений
Кровь мозолей на ваших руках
И заплаты на ваших коленях⁸.

Перевел Н. Гребнев

Человек и его нравственные качества в поэзии Кулиева выявляются через субъективное лирическое «я» и передаются они опосредованно — через внешний предметный мир: «Я над раненым камнем, склоняюсь, горевал», «Я знаю: трудно быть горой», «Говорю с черным ветром», «Говорю горе», «Говорю дереву в мае», «Я вернулся в Чегем», «Я вернулся с гор», «Я видел Веймар...», «Я видел, как селенья догорали...», «Я слово искал...», «Я человек среди людей...», «Я, мир, благодарил тебя, как мог...», «Я на войне увидел тьму смертей...» и т. д. В них, как и во многих других произведениях поэта, природа, внешний мир выступают в двух ипостасях: как фон для действия человека и как средство психологизации личности. Чинара, камень, дерево, ветер, колосья, река, трава, вершина горы, снег, дождь, туман, холод, вода, горный цветок воспринимались поэтом, как живые организмы, они одушевлены и говорят проникновенными человеческими голосами. Камень страдает: «Не сравнивай со мной

сердца, в которых зло. Сравнение такое мне слышать тяжело, мне больно!»

Кайсын Кулиев, в отличие от представителей имманентной философии, ясно представлял, что действительность, реальность существует и будет вечно существовать, поэтому он писал:

Пусть мы умрем, но навсегда
Жизнь не исчезнет вместе с нами.
Живым останется вода,
Снег на горах, в каминах пламя.
И низменность, и высота,
Останется зима и лето,
Земля и женщин красота,
Которая до нас воспета.

.

И, завещая мир живым,
Я буду, может быть, счастливей,
Поверив, что он будет к ним
Добрей, чем к нам, и справедливей⁹.

Перевел Н. Гребнев

Таким образом, интерес к проблеме человека, к личности конца XX в. в современных философских и поэтических концепциях не случаен. Это продолжение лучших традиций философской и литературоведческой мысли в России, в русской и зарубежной классике.

¹ Мы из двадцатого века: Сб. М., 1965. С. 6–7.

² Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения. М., 1951. Т. 3. С. 252.

³ Соловьев В. С. Собр. соч. в 10 т. СПб., 1911. Т. 3. С. 121.

⁴ Бердяев Н. А. О русской философии. М., 1991. Ч. 1. С. 20–21.

⁵ Кулиев К. Избр. произв. в 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 200.

⁶ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 49.

⁷ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 265.

⁸ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 139–140.

⁹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 163.

ЧЕЛОВЕК И ВСЕЛЕННАЯ В ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Тезисы доклада на Международной научной конференции «Человек в современных философских концепциях». Волгоград, 1998, 17–19 сентября.

Со дня возникновения философии всегда стояли проблемы «Мир и человек», «Человек и природа», их связь со Вселенной. Научно-теоретическая разработка человеческой взаимосвязи с окружающим миром – это самая сложная и трудная задача для ученых всех областей знаний. Как известно, по теории личности в нашей стране и за рубежом написано большое количество книг, брошюр, статей, очерков учеными различных рангов в области философии, психологии, литературоведения, естественных наук и т. д.

Наша задача в данных тезисах – в самом кратком виде попытаться рассмотреть проблему Человека в поэзии Кайсына Кулиева, поскольку наша конференция посвящена вопросу «Человек в современных философских концепциях». Очень своевременно поставлены вопросы переосмысления проблемы человека и, прежде всего, как было сказано здесь, потенциально заложенных в нем защитных, приспособительных и творческих возможностей. Способен ли человек ответить на вызов истории, на возникшую угрозу уничтожения человечества плодами его собственного общественного развития? Поэты-мыслители по-своему отвечают на этот вопрос века. Кайсын Кулиев в числе их, как гуманист XX в., в своей философской лирике пытался художественно осмыслить проблему человека, и, прежде всего, его социальную активность. Так, в стихотворении «Случаются такие времена...» (1963) он писал:

Случаются такие времена,
Когда в мой дом влетает ветер черный,

Когда мне кажется, что грош цена
Всему, на что потрачен труд упорный.

.
Я в час такой боюсь своих стихов,
Мне кажется, что жизнь моя бесплодна,
А черный ветер лют, и я готов
От слов своих бежать куда угодно.

Перевел Н. Гребнев

Пессимистическое мировосприятие чуждо было всегда этому горскому поэту. Народное миропонимание, народное мировосприятие – вот главное, что было в его поэтических принципах и мировоззрении. Наследуя духовные богатства, накопленные русской классической поэзией и литературой родного ему Востока, Кулиев искал и находил свои решения проблем, волнующих современного человека и, соответственно, наших философов. Поэтому концовка этого стихотворения такова:

И снова входит жизнь в свои права,
Я – царь земной и Бог, сошедший с неба,
И обретают вечные слова
И свежесть трав, и первозданность хлеба.

Значит, для Кулиева Человек – это царь земной и Бог, сошедший с неба. Вспомним изречение поэта XVIII в. Г. Р. Державина: «Я – царь, я – раб, я – червь, я – Бог!» из его оды «Бог». Для Кулиева не приемлемо рабское начало в человеке, тем более уничижение, свойственное аскетическому образу жизни, отшельничеству. В кайсиновской поэзии человек – это созидатель, творец материальных и духовных благ, повелитель мира. И он воспевал трудового человека: «Ты будь, моя рука, рукой мастерового, рукой, что серп кует и высекает слово. Ты будь, моя рука, рукою чабана, рукою, что весной бросает семена». Только так поэт представлял себе жизнь и деяния людей, поскольку между миром и человеком существует неразрывная органическая связь. Решающая роль в этом мире принадлежит трудовому, созидающему началу.

По нашему мнению, в поэзии Кулиева философской «звездой» служил принцип антропологии, и поэтому че-

ловек для него был антропологическим существом и высшей ценностью во Вселенной: он – Бог и царь! По утверждению поэта, исходным началом и главным предметом всякого философствования является Человек и окружающий его мир, который он призван изменять и преобразовывать, подчиняя его своему разуму и воле. Человек покоряет Космос. Это его восхищало и тревожило:

Летят ракеты в звездной вышине,
к планетам, еле видимым, к Луне,
от века в небо человек стремится...

Поэтому концовка стихотворения «Ракеты улетают на Луну...» не могла быть иной, поскольку все земное намного дороже всего того, что совершается в космическом пространстве:

Растаял самолет в небесной мгле,
ракета взмыла и исчезла где-то.
Но самолет сработан на земле,
и на земле придумана ракета.

— Перевел Н. Гребнев

В другом стихотворении «Где-то бомб водородных растут штабеля...» поэта беспокоило то, что должно беспокоить всех людей Земли: бессмысленные, жестокие локальные и мировые войны (две мировых войны народы уже пережили!). Для него были важны мир и труд. Они источник богатства и радости матерей и отцов, живущих счастьем своих детей. Нет ничего весомее для хорошего хозяина, как осенью вовремя накосить сена для скота, а для женщины – накормить детей и присмотреть за ними, подоить корову.

Где-то бомб водородных растут штабеля,
а у нас в Приэльбрусье, на склоне осеннем,
как столетья назад, золотеет земля
в голубой тишине свежескошенным сеном.
Днища ведер согреты парным молоком,
барбарисы над тропами тихими алы.
Скачет мальчик на ослике, далью влеком,
по дороге, где войн грохотали обвалы.

Перевел Н. Гребнев

Проблемы войны и мира, стабильности и взаимопонимания между народами сегодня особенно злободневны, как пятьдесят и больше лет тому назад. Поэты верили и верят, что можно все конфликты и недоразумения разрешить мирным путем. Доброе, извечное начало должно торжествовать:

Верю, знаете, верю в бессмертье травы,
в добрый дух молока, людям силы несущий,
в смех ребенка, в тишайшую гладь синевы
и в огонь, выпекающий хлеб наш насущный!

В поэзии Кулиева очень часто встречается бытовое и обыденное рядом с возвышенным и необычным. Вот что он поэтизирует и возвышает: «Женщина месит взошедшее тесто...» или: «Проходит женщина к себе в аул...». А вот о дожде: «В пути омыл рога и спины покорным медленным волам, дорогу, камни, комья глины, бахчу. И вот явился к нам». Но за этой поэтической простотой в поэзии Кулиева всегда стоял Человек, его душа, чувства, восприятие мира. Кулиев, как поэт-философ, своим поэтическим творчеством помогал человеку оценить прошлое и настоящее, глубже понять себя и окружающий мир.

Первое, что волновало поэта – это пессимистическое отношение к жизни. Он отвергал державинское, что смерть все разит: «И звезды ею сокрушаются, и солнцы ею потушатся, и всем мирам она грозит...». Кулиев не мог согласиться с этим утверждением, поскольку искусство поэтического творчества всегда было оптимистическим, жизнеутверждающим. В стихотворении «Возражение философу» он спорил с пессимистами:

Нет, не все за роковой чертою
Кончится, исчезнет на века,
И трава, что пала под косою,
Станет звонкой струйкой молока.

.

Вечна в мире жизнь, и если даже
Я умолкну на закате дня,

Кто-то из балкарцев слово скажет,
Что-то переняв и от меня.

Перевел Н. Гребнев

Поэт стоял за преемственность поколений и художественным словом старался донести до людей этот непреходящий закон бытия. В другом стихотворении «Второе возражение философу» Кулиев не соглашался со старой истиной, что ничто не вечно под луной, что все повторяется и нет новизны для человека.

Повторят люди: «Под луной
Было все, и ничего не ново!»
Почему ж своею новизной
удивляет нас иное слово?

.

И прекрасен наш привычный труд
тем, что нов всегда он, как вначале,
и по-новому нам сердце жгут
наши вековые печали.

Перевел Н. Гребнев

Философские проблемы – это извечные проблемы, связанные с человеком и его неповторимым миром. Кулиев был убежден в непреходящей истине и спорил с философами всех времен, убежденный в том, что поэты, как носители мудрости, должны утверждать прекрасное в жизни и поддерживать веру людей в общественный прогресс и социальную справедливость:

Не стареет облик красоты,
Древние узоры и сплетенья,
Новы наши старые мечты,
Виденные сотни раз виденья.

Перевел Н. Гребнев

Вопросы жизни и смерти, преемственности и новизны, счастья и печали, взлета и падения человеческих судеб Кулиев в своем поэтическом слове поднял на самый высокий уровень художественного и социально-философского обобщения. В его поэзии можно проследить умелое

вторжение в жизнь общества и личности: углубление в психологический мир современного человека с его пониманием добра и зла, радостного и трагического начала; философское постижение эпохи с ее волнующими проблемами и углубленный интерес к чувствам и мыслям трудового человека – горца-чабана, хлебопашца, строителя, каменотеса, стояря и т. д. «Продавщица молока», «Всадник», «Боль ашуга», «Предки мои», «Руки горца», «Ты снова поешь колыбельную песню», «Горянке», «Старик-крестьянин подводил итог...» – все они о трудной человеческой судьбе, о нелегком крестьянском труде.

Кайсын Кулиев как бывший фронтовик, участник Второй мировой войны, познавший все тяготы военной жизни, видевший смерть товарищей по окопу, проливший свою кровь в боях за Отчизну, считал себя в ответе за все: за мир на земле, за плач ребенка и горе матерей, потерявших сыновей на полях сражений.

Где-то стонет женщина вдали,
Напевает песню колыбельную.
Вечный страх, тревоги всей земли
Проникают в песню колыбельную.

Первой пулей на войне любой
Поражает сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

Перевел Н. Гребнев

Человек и война, человек и его выбор, человек и феноменальность его духа – все это волновало Кулиева, и он решал их с гуманистических позиций, при этом, как правило, затрагивал антивоенные мотивы. У него есть небольшое стихотворение «Растет ребенок плача...» в переводе С. Липкина. Обратимся к нему, чтобы доказать нашу мысль:

«Растет ребенок плача» – есть пословица.
Но если плач ребенка слышу вдруг,
Так больно сердцу моему становится,
Как будто горы в трауре вокруг.
Я помню, как детей беда военная
Гнала в крови, средь выжженных путей.

Мне кажется, рыдает вся Вселенная,
Когда я слышу плачущих детей.

В поэтической антропологии Кулиева отражены мечты людей о социальной справедливости, спокойной мирной жизни, любимом труде, о семейном счастье — эти извечные думы и желания простых тружеников. Во все времена люди надеялись на лучшее в своей судьбе и мечтали о счастье своих детей («Речь горцев не цветиста...», «Женщина купается в реке», «Старики и вечер», «Говорю жизни», «Терпенье», «Мастера», «Старики», «Мать» и др.).

Проходит мать, скрывается вдали.
Все в мире начинается сначала.
И кажется, что счастье всей земли
Она сейчас к своей груди прижала.

.
Идет от сотворенья, как сейчас,
Неся в руках могучих, хоть и тонких,
Истоки жизни каждого из нас,
Как нынче детство этого ребенка.

Перевел Н. Гребнев

Касаясь материальных и духовных ценностей человеческого бытия, Кулиев подлинно философским чутьем смог художественно выразить, что могло волновать человека независимо от его общественного положения, национальности, вероисповедания. Поэтому-то его поэзия носит общечеловеческий характер, а в последние годы ученые стали говорить об ее вселенском, планетарном характере. Конечно, Кулиев — это поэт-мыслитель, духовный феномен балкарского народа и его философия опиралась, как мы уже говорили, на народное миропонимание.

Корни его поэзии зиждутся на национальной основе и национальной идее. Обращение Кулиева ко многим философским вопросам связано с его особым пониманием назначения человека и постижением им окружающего мира и природы в целом.

К ВОПРОСУ ОБ ОНОМАСТИКЕ СБОРНИКА СТИХОВ К. КУЛИЕВА «ЧЕЛОВЕК. ПТИЦА. ДЕРЕВО»

Тезисы доклада межвузовской научно-практической конференции «Проблемы региональной ономастики». Майкоп, 1998.

Функционирование тюркского и западноевропейского ономастикона в ономастической системе России нашло отражение в творческом наследии Кайсына Кулиева. В его последней книге «Человек. Птица. Дерево» (1985), за которую ему была присуждена Ленинская премия (посмертно), используется ономастика тюркского и славянского происхождения. Так, в стихах о родном крае используются самые что ни на есть простые балкарские имена, такие, как Шабаз, Кязим, Салих, Шахмурза, и даже прозвища животных – дворового пса Бойнака и имена домашних котов. Одного Кулиев звал Салмоном, а другого – Хажосом. Они воспеты им в стихах: «Мой пес Бойнак, ты ждешь меня...», «Моей собаке» («Ты состарился, видно, дружище Бойнак...»). В стихотворении «Снежный день в Чегеме» читаем:

Кроме нас с Бойнаком в доме
Два кота еще. Салмоном
Одного зовут, Хажосом
Звать другого...

Перевел Д. Долинский

Находясь далеко от дома, тоскуя по всему привычному, больной поэт мысленно представлял себе Чегем, свою усадьбу и тех, кто жил в ней. В ту ночь, когда он не мог заснуть («Мой пес Бойнак, никак я не усну...»), и его одолевали тягостные мысли, он как бы вел беседу со своей любимой собакой:

Мой пес Бойнак, я слышу, как ты дышишь,
Все ждешь: вот-вот к тебе я поспешу.

Родной Чегем далек, и ты не слышишь,
Как здесь сейчас я тяжело дышу.

.
Я стосковался по родным чинарам,
Ущельям, где ручьи бегут звеня,
По улицам, где ты, Бойнак мой старый,
Вынюхиваешь след, ища меня.

Перевел Н. Гребнев

Общеизвестно, что Кулиев любил дворовых собак еще с детства, старался по-своему оберегать их и давать им яркие и одновременно смешные клички. При нем никто из его друзей не решался обижать животных: будь то маленький щенок или большой грозный на вид пес. И когда поэт, уже в конце жизни, купил для себя небольшой дом в Чегеме I с хорошим садом, поселился в нем, он прежде всего завел собаку и двух пушистых котов. Имена этим животным он дал сам, но для шутки посоветовался с друзьями.

Первоначально Кулиев жил в селе Чегем I один, жена осталась в Нальчике в четырехкомнатной квартире по ул. Карашаева. Поэт большую часть времени проводил в двухкомнатной землянке-кухне, зажигал керосиновую лампу и писал стихи в тишине и уединении. Иногда здесь же, очевидно, для большей романтики горели и свечи. Так, 26 апреля 1979 г. он писал автору этих строк из Чегема: «Дорогая и глубоко уважаемая Тамара Емельяновна! Сердечно благодарю Вас за книгу «Проблемы традиций и новаторства в творчестве Кайсына Кулиева», которую сегодня получил от Вас в Чегеме. Мне это было интересно, хотя своей особе я, разумеется, не придаю такого значения. Все равно – большое Вам спасибо... Эти слова я вывожу в моем чегемском одиночестве, в маленьком крестьянском домике. Они вызваны моим уважением к Вам...

Ваш Кайсын Кулиев»¹

Здесь, как писал поэт, в своем чегемском одиночестве, он болел; тогда больной поэт коротал время со своими животными: о них писал, к ним он обращался: «В этот снежный день в Чегеме приболел я. Но сдаваться не хочу недомоганью – у окна сижу. Пишу. А Бойнак, мой пес

любимый, будто понял, что мне худо. Приуныл, притих». Об этом трогательном взаимопонимании между человеком и животным миром Кулиев писал много раз.

Каждое имя, которое встречается в стихах поэта – это часть его жизни. Это имена его любимых друзей или учителей в поэзии; родных и близких, любимых; его поэтических муз. Так, Салих, Кязим, Саид – это дорогие его сердцу люди: погибший в годы Великой Отечественной войны балкарский талантливый поэт Салих Хочуев, основоположник балкарской литературы Кязим Мечиев, умерший в период депортации в Средней Азии; просветитель и поэт Саид Шахмурзаев. Их светлой памяти Кулиев посвятил произведения: «Реквием Саиду Шахмурзе – поэту из Чегема», «Памяти Салиха Хочуева» и поэму «Золотая свирель» («Кузнец») – Кязиму Мечиеву.

Имен собственных в этой книге не так много, и это конкретные имена всем известных талантливых литераторов, друзей Кулиева. Это поэты: Михаил Дудин из Ленинграда, Давид Кугультинов из Элисты, Пимен Панченко из Белоруссии. Есть имя Элизат. Женщине с этим именем посвящен целый цикл стихов «Мой поздний свет»:

Ты дала мне силу нелукаво
Рассказать, чем жизнь моя жива,
Ты пришла и даровала право
На простые, верные слова.

Перевел М. Синельников

Уже на склоне лет тяжело больной поэт обращался к своей любимой и своим коллегам, людям, прошедшим войну, свято верившим тому, за что они боролись и вынесли все тяготы жизни. «Говорю моему поколению» посвящено М. Дудину и всем тем, с которыми находился поэт на фронтах Второй мировой войны. Вспоминая эту пору, Кулиев писал:

А ведь рассвета были мы моложе,
Теперь морщины старость нанесла.
Но, что могли, мы совершили все же,
Хоть бедствиям и битвам нет числа.

Перевел М. Синельников

Стихи-послания – жанр давний в лирике Кулиева. Еще со времен Великой Отечественной войны молодой поэт Кулиев адресовывался к Н. Тихонову, В. Сосюре, Валентине Лебедевой и др. В книге «Человек. Птица. Дерево» есть стихи-посвящения. Стихи этого жанра позволяли поэту выразить многое, пережитое вместе с друзьями. Одним из таких произведений Кулиева является «Чужого горя не бывает», посвященное Ю. Воронову.

Чужого горя для поэта нет.
Любая боль и кровь – его страданье.
Когда деревья гибнут – в мирозданье
Горюет он. На то он и поэт.

.

О, дети Ленинграда! И сейчас
Я помню все. И мне покоя нет,
Как будто враг опять идет на вас,
И кровь моя окрашивает снег.

Перевела Н. Кондакова

Специфика функционирования имен-символов в малых жанрах – это предмет глубокого и серьезного исследования. Мы же ограничились только антропонимией, личными именами поэтов, к которым обращался в последние годы жизни Кулиев, находя, очевидно, утешение в беседе с ними. «В горах Монголии» адресовано Давиду Кугультинову; они были вместе в этой стране, жили в горах, напоминающих Кайсыну его родной Чегем, и даже луна была такой же:

Живем в горах Монголии: деревья,
Трава, камень, склон горы, луна.
Луна выходит, как в Чегеме, в детстве
Двор выходила озарять и склон.

.

Красот иных краев в свои глаза
Вобрав немало, я гляжу с любовью
На эти незнакомые места,
Которые забыть не в силах.

Перевел Д. Долинский

В стихотворении «Пимену Панченку» — та же доверительная беседа. Находясь в Чегеме, наслаждаясь миром и покоем, красотой окружавшей природы, поэт вспоминал далекие годы войны, «горестный пепел Хулама и пепел Хатыни, Освенцима и Хиросимы». Начало стихотворения сразу вводит нас в мир переживаний поэта:

Сегодня в Чегеме я, глядя на снежную стынъ,
Вдруг вспомнил опять, как обжег меня вид пепелища,
Когда мы с тобою твою увидали Хатынь,
Как будто стоял я над прахом родного жилища.

.....

Кровь стынет, как вспомню я ужас беды той былой:
И камни над предками — вечные наши святыни,—
И люди, и сакли в горах становились золой,
Как избы Хатыни, как люди и травы Хатыни.

Перевел Д. Долинский

Кулиев был в Белоруссии, посетил Хатынь, и там он думал о горе людском: «И здесь, и далеко отсель — цвет горя везде на земле одинаково черный!» И, конечно, вспомнил годину бед — войну, и безмерные страдания людей. Концовка стихотворения такая же печальная, как и все послание:

Мой брат белорусский, я тоже, как ты, уже сед.
Мы все одолели, а вот над годами — не властны.
Мы видели силу народов в годину их бед,
И к этому, Пимен, с тобою мы, к счастью, причастны.

В сборнике стихов «Человек. Птица. Дерево» можно встретить и русские, и арабо-персидские, и другие личные имена, такие, как Орфей, Одиссей, Гомер, Гамлет, Дон Кихот, Ходжа Насреддин, Лорка, Шопен, Гете, Пабло Неруда. Они взяты для раскрытия более углубленного нравственно-психологического чувства, которое когда-то испытал и пережил поэт. Так, в стихотворении «Я вернулся в Чегем» Кулиев сравнивает себя с героем одноименной поэмы Гомера Одиссеем. Он был, как известно, царем Итаки, вернувшимся после победы в Троянской войне домой, хотя возвращенье его растянулось на многие годы.

Десять лет мечтал и жаждал встречи с родной землей и Кайсын Кулиев, находившийся в среднеазиатской ссылке. Одиннадцать лет депортации не прошли сами собой и не изгладились из социальной памяти поэта.

Как на Итаку корабль Одиссея,
Время к Чегему вернуло меня.
О, не нашел и доселе нигде я
Чище воды и добрее огня.

.

Как Одиссей побережье Итаки,
Вижу Чегем через морево лет,
Край, где встает предо мною во мраке
Всадником алым далекий рассвет.

Перевел М. Синельников

¹ Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М.: Советский писатель, 1985. С. 44. (Все стихи цитировались по этому изданию).

Ф. С. Эфендиев

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Тезисы доклада на межвузовской научно-практической конференции «Проблемы региональной ономастики». Майкоп, 1998.

В своем докладе мы не сможем коснуться актуальных проблем общей и региональной ономастики, связанных с закономерностями формирования и функционирования ономастиконов Северо-Кавказского ареала. У нас более скромная цель: кратко сказать о том, как известный поэт XX в. Кайсын Кулиев использовал в художественных целях имя собственное, чаще всего для большей образности.

Ономастикон в творчестве Кулиева – это целая система имен собственных, используемых поэтом в различных литературных родах, видах и жанрах, – лироэпических произведениях (поэмах «Завещание», «Перевал», «Золотая свирель», «Кремень», «Горская поэма...», «Знамя»); в романе «Была зима», рассказе «Побег», драматургии («Есть на свете любовь») и особенно в сказках («Сказка воды», «Азамат и петух», «Сказка солнца», «Зимняя сказка», «Сказка о добром муравье») и др. Мы же ограничимся только некоторыми лирическими стихами талантливого народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Ленинской и Государственных премий СССР и РСФСР Кайсына Шуваевича Кулиева. В 1997 г. ему исполнилось бы 80 лет, но он не дожил до этой даты, ушел из жизни в 1985 г.

Из всех собственных имен, употребляемых поэтом в лирической и лироэпической поэзии, можно, на наш взгляд, выделить женское имя Лейла. Для него это имя было самым дорогим воспоминанием юности, символом первой любви. Это любимое женское имя Кулиев пронес через всю жизнь, начиная с 30-х гг. и вплоть до конца 70-х.

О Лейла, о звезда этих гор, этих скал,
Слава часу, когда я тебя увидал.
Ты в чегемских горах, как светильник, светила,
И в глазах у тебя их краса отразилась,
И снега ледников, и высокие ели,
Что синели в тени, а на солнце белели.
Отразились луга с полевыми цветами,
Берега и река, где течение да камень...

Перевел Н. Гребнев

Так начинается лирическая поэма «Говорю Лейле в Чегеме» (1975). История (автобиографического характера) короткой жизни любимой девушки и лирического героя дана в лирических отступлениях, звучащих зримо и убедительно. Все пять глав пронизаны глубоко личным. Трепетное лирическое чувство обращено не только к Лейле, но и к самой родной природе как части ее: «О Лейла, ты была красотой земною, озарявшею даль, что

цвела предо мною. Ты была самым светлым и теплым лучом, вспышкой света, померкшего где-то потом».

В стихах-посланиях, написанных в 1938 г., Кулиев непосредственно обращался к внучке Кязима Мечиева (об этом говорил неоднократно сам поэт), умершей совсем молодой в Средней Азии в период депортации балкарского народа. В стихотворении «Лейле» (1938) образ девушки оваян романтикой, воспоминаниями кратких встреч, когда она забежала во двор будущего поэта, встречами:

Как темный ливень, волосы твои!
Ко мне пришла ты, словно дождь весны...
Гроза отхлынула. Блестят ручьи.
Мы в сад пойдем.
Как яблоки сочны!

Перевел Д. Голубков

Красивую горянку поэт сравнивал с цветами в лесах Сары-Тюзе, с весенним вешним теплом и шумом веселых роц: «Ты нынче в жизнь мою вошла, вошла как в землю теплый дождь. Ты – радость вешнего тепла, ты – шум веселых вешних роц!» Восклицательные интонации наличествуют во всех пяти частях цикла стихов, обращенных к Лейле. Любовь к ней – это все: и радость мира, и постоянное ощущение счастья, и вдохновение души, и полет фантазии. Лейла настолько прекрасна, что поэт затрудняется подобрать для нее сравнения. Она лучезарна, как сама родная природа в состоянии покоя и умиротворения. Для влюбленного она – «свет предутренней зари», «песня зеленой весны», «ласка вешнего тепла», «шум веселых вешних роц»; зубы у нее, как «белый снег Дыхтау» и т. д. Но здесь нет литературной безвкусицы сравнений и надуманно-штампованной восточной красоты. И сравнения, и метафоры употреблены к месту, и исходят они из образных ассоциаций Кулиева.

Это первое стихотворение о Лейле, как и другие о ней, войдут в основу лирической поэмы «Говорю Лейле в Чегеме».

В другом стихотворении «Еще три песни Лейле» (1938)¹ — те же чистые, возвышенные чувства, когда мир для влюбленного кажется прекрасным и ничто не предвещает мук и страданий. Есть оно и в сборнике стихов «Звездам — гореть!» (М.: Советская Россия, 1973) в переводе С. Липкина. В последнем трехтомнике собрания сочинений Кулиева его нет. Тогда, когда составлялся этот трехтомник в 1985 г., переводчики Н. Коржавин, С. Липкин считались чуть ли не врагами народа, стихи в их переводах не печатались, и нигде нельзя было их цитировать.

Итак, обратимся к стихотворению «Три песни Лейле» («Звездам — гореть!»). Конечно, стихотворение это тоже о любви, о Лейле:

Этих гор я постиг обаянье,
Потому что со мной ты всегда,
Этих звезд полюбил я сиянье,
Потому что сама ты звезда.

Перевел С. Липкин

«Литературный образ Лейлы покоряет читателя своей красотой, гармонической слаженностью», — пишет исследователь творчества Кулиева проф. Т. Е. Эфендиева². В цикле стихов, посвященных Лейле, Кулиев создал гимн чистой, романтической любви. Эту извечную тему, тему первой любви, которая становится в его стихах символом великой и вечной человечности, красоты и гармонии, Кулиев решает целомудренно и возвышенно в поэме «Говорю Лейле в Чегеме», только уже с высоты прожитых лет, с иных нравственно-философских позиций, когда «...в край свой отчий пришел, судьбой сбереженный, и родных не нашел на земле разоренной»

Ты, Лейла, в том краю, что дышал заустеньем,
Мне опорой была и была утешеньем.
И хоть звук твоих слов, что так сладко звучали,
Не расплавил снегов вековой печали,
Но участие твое мне тогда облегчало
То снести, что снести не по силам мне было.

Свет лица твоего — свет родимого края —
Грел мне сердце, тревоги мои умеряя.

Перевел Н. Гребнев

Этим именем поэт назвал свою первую внучку от дочери Жанны Кулиевой и подарил ей стихи «Колыбельная Лейле». Это простая, нежная песенка о том, что пришла ночь и все уснули. «Спят, как белые подушки, облака, спит недопитая кружка молока. Солнце спит. В траве уснули муравьи. Камни спят. И даже куклы спят твои». В «Колыбельной...» нет никакого пристрастия к традиционной восточной экзотике, поэт не любил ее вводить в детские стихи. В финале песенки — повседневный бытовой рисунок, им и заканчивается «Колыбельная...»:

Завтра утром все проснется,
Оживет.
Мама девочке платье новое
Сошьет.
Солнце осветит все темные углы,
Сказку дедушка расскажет
Для Лейлы.

Перевел Я. Аким

Таким образом, в своем кратком выступлении мы не касались всего ономастического в творчестве Кулиева, а ограничились одним именем Лейла, одним-единственным, но очень дорогим словом для него. Реальная, земная девушка, которую знал поэт, стала для него поэтической музой, стала прототипом его литературных героинь в лирической поэме «Говорю Лейле в Чегеме» и ранних стихотворениях «Лейле», «Еще три песни Лейле». Хотелось бы отметить и тот факт, что эти лирические стихи Кулиева заложили основу развития любовной лирики в балкарской поэзии.

¹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 1. С. 33.

² Эфендиева Т. Е. Кайсын Кулиев. М., 1985. С. 112.

ПРОЯВЛЕНИЕ ПАЦИФИЗМА В ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Из доклада на III республиканской научно-практической конференции «Проблемы развития государственных языков КБР». Нальчик, 15–16 мая. 1998.

Кайсын Кулиев всегда был гуманистом и сторонником пацифизма: и тогда, когда ему было 22 года и он защищал свое отечество с оружием в руках на фронтах Великой Отечественной войны, и в конце своего жизненного пути, когда он писал стихи, назвав их «Больничной тетрадь»¹.

Поэт питал физиологическое отвращение к пролитию крови, во имя чего бы она ни лилась. Он осуждал все прошлые, настоящие и будущие войны, какие бы цели они ни преследовали. Распри и вражду — тем более ненавидел, ибо он знал и понимал, что простому народу, людям труда пролитая кровь даже врага не приносит удовольствия и радости. Позволим себе процитировать несколько финальных строк «Стихов, написанных по пути из Польши»:

В любом краю с одним и тем же гневом
Встречают люди строй чужих солдат.
У всех нас кровь багрова, и посевы
Повсюду одинаково горят.
И если голод чью-то землю гложет,
То в темных и нетопленных домах
Повсюду в мире дети плачут схоже,
Хоть говорят на разных языках².

Перевел Н. Гребнев

Отмечая гуманистическую направленность произведений Кулиева, проф. Т. Е. Эфендиева выделила «Стихи, написанные по пути из Польши» («Мой отчий край — земли огромной долька...») и «Монолог Прометея». «В них трагические мотивы, — отметила она, — так же, как и в сти-

хотворении «Звучит музыка Шопена» – это высшая форма проявления гуманизма»³.

Мне бы также хотелось сослаться на высказывание известного критика Ст. Рассадина. Он также, выделяя гуманистическую идею (как об этом писала Т. Е. Эфендиева) стихотворения «Звучит музыка Шопена», выступающего в форме глубокого личного переживания поэта, писал: «Зелень и звон весны воплощают в себе радость любви к природе, к Родине, музыке, к Шопену, к его Польше, ко всему миру... Это очень характерно для Кайсына Кулиева»⁴.

Мы полагаем, что художественные симпатии поэта были всегда на стороне жертвы – животного или человека. Примером могут служить известные его стихотворения «Черный конь умирает на белом снегу», «Тихо умер человек больной...», «Гамлет», «Вступая в бой», «Старик-крестьянин подводил итог...», «Старость!» («Нет, старость, горше участи твоей...»), «Тревога сердца озадачит», «Таких на свете нету островов...».

Таких на свете нету островов,
Где горе человека не тревожит.
Огонь, который лижет чей-то кров,
И твоего коснуться крова может.

.....

Когда в селенье чей-то дом в дыму,
Не верь, что все счастливо обойдется.
Не пожелай пожара никому,
Не то и стен твоих огонь коснется!⁵

Перевел Н. Гребнев

Кайсын Кулиев никогда не воспевал убийц, окруженных ореолом героизма, власти и святости – ни Тамерлана, ни Наполеона, ни Петра I, ни Сталина... Как бы защищаясь от сложившегося неправильного, необъективного мнения, что на Кавказе «издревле жестокость почиталась» и «здесь погрязло все во зле», Кулиев написал стихотворение «Два голоса в горах» (1967), в котором спорил с невидимыми оппонентами:

– Здесь, говорят, сражались племена,
Чем кровь врага, вода была дороже!

— Здесь знали: кровь людей у всех красна,
Хоть разны боги их и цвет их кожи!

— Чужую жизнь никто здесь не ценил,
Здесь кровь текла, как в половодье реки!

— Неправда, тот, кто кровь чужую лил,
Презретен был и проклят был навеки!..⁶

Перевел Н. Гребнев

Правда, у Кулиева есть строки, воспевающие Шамиля как борца с имперской колониальной политикой. И опять-таки, можно говорить о том, что поэт при этом осознавал ту далекую реальность жестокой борьбы мюридизма и испытал при этом тягостные ощущения: Шамиль — это герой-жертва, обреченный на плен, хотя и почетный. А за 30 лет непрекращавшейся борьбы его против России немало было пролито крови русских и горцев, похоронено наспех тех и других, одинаково оплаканных матерями различных вероисповеданий. Боль была одинаковой у славянки и у мусульманки. Об этой трагической истории прошлого поэт с горьким сожалением восклицал, осуждая ненависть людей друг к другу:

О пуль кровавых свист в горах моих!
Он долгой скорбью многих поколений
Летит ко мне и ранит каждый стих,
И стынет кровь моих стихотворений⁷.

Перевел Д. Долинский

Так писал поэт в 1977 г. в стихотворении «Четыре выстрела в горах», размышляя о психологии убийства и последствиях любой войны. Многие исследователи подмечали, что Кулиев писал стихи «кровью своего сердца», потому что он истинный служитель Музы, и призывал своих собратьев по перу «спешить в тот час, когда сам истекаешь кровью... И так болеть за всех, чтоб боль твоя была сильнее боли тех, к кому беда пришла» (Перевел Н. Гребнев). Поэтому не удивительно, что в 1949 г. он говорил о том же в стихотворении «Рисунок к заглавию»: «...Клинок, что творил над детьми расправу, гасил очаги, был всегда жесток... Будь он проклят, такой кли-

нок. Убийство — не мужество, подлость это»⁸. Это стихотворение перевел сначала Н. Коржавин. Оно было опубликовано в сборнике стихов Кулиева «Горы» (М., 1957). Когда знаменитый переводчик Коржавин был осужден и стал проживать за рубежом, его имя нельзя было печатать и, конечно, цитировать стихи в его переводе. Теперь есть другой перевод этого же стихотворения «Рисунок к заглавию», написанного поэтом в период среднеазиатской ссылки. Оно проблематично и многогранно: о многом хотел сказать Кулиев, да нельзя было открыто бросать вызов времени и властям, которые сослали его народ, как и другие народы Северного Кавказа. Но главная мысль сохранена и в переводе Ю. Нейман:

Книгу эту осенит по праву
Лезвие блестящее клинка.
...Да, клинок!.. Но только не кровавый!
Пусть он будет проклят на века!

.
Я пою хвалу клинку свободы,
Что из правды и отваги слит...
Выкованный в сердце у народа,
Как комета, в небе он горит⁹.

Кулиев тогда прославлял свободу, необходимую для народа и отдельной личности, и веру в то, что настанут лучшие времена. Как пацифист, он и тогда много размышлял о мире, с болью думал о прошедшей Второй мировой войне, о смерти тех, кто безвременно погиб. Эта тема останется в его поэзии на долгие годы («Реквием», «Стихи, написанные в городе Скопле», «Я на войне увидел тьму смертей...», «Ваша кровь», «Черный день над развалинами Хиросимы...», «Рыдает мать погибшего пилота» и многие другие).

Пацифизм в художественной литературе — это ее неотъемлемая часть; во все века и на всех континентах она прославляла мир и мирную жизнь людей. Не касаясь множества причин, создавших пацифизм кулиевской поэзии, можно с полным правом утверждать, что он в этом плане глубоко усвоил традиции русской и мировой литературы, но можно утверждать и другое: как у но-

ватора, у Кулиева было много последователей в разработке антивоенной темы в многонациональной поэзии России. Его слова, сказанные много лет тому назад, теперь стали хрестоматийными:

Первой пулей на войне любой
Поражает сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское ¹⁰.

Перевел Н. Гребнев

Исследователи его творчества, такие, как Н. М. Байрамукова, С. К. Башиева, З. М. Кучукова, А. М. Казиева, С. М. Кертиева, Айбола Фирудин кызы Намазова, защитившие диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических и философских наук, не раз указывали на пацифизм поэзии Кулиева. И многие другие ученые (среди них преподаватели университетов), входя в художественный мир кулиевской поэзии, обращали внимание на эту особенность его творчества, на обилие нравственного мирного начала. Так, выступая на научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Кайсына Кулиева (Вторые Эльбрусские чтения), преподаватель кафедры политологии КБГУ И. Ч. Хочуев в своем докладе «Пацифизм в творчестве К. Кулиева» сказал: «Против войны и всякого насилия выступали Л. Толстой, И. Ганди, А. Экзюпери, Э. Хэмингуэй, П. Неруда, П. Пикассо, М. Л. Кинг. Это стало показателем нравственности человека. Безусловно, в этом ряду и имя К. Ш. Кулиева, в творчестве которого антивоенная тематика занимает значительное место» ¹¹.

На эту особенность поэзии Кулиева указывал Ст. Расадин. Он писал: «...Особенность кулиевского трагизма рождена и обострена нашим временем, когда невероятно возрастает чувство ответственности всех и каждого за всех и за каждого» ¹². Люди XX в. помнят известный эпиграф романа Э. Хемингуэя, что всякий человек — это часть материка, и не надо спрашивать, по ком звонит колокол, ибо он звонит и по тебе.

Кайсын Кулиев — подлинный пацифист. В своем романе «Была зима» он тоже осуждал захватнические

войны. Много раз выступал с высоких трибун и говорил о мире. Осуждая все войны, он, конечно, несколько иначе относился к национально-освободительным. Ведь многие знают его стихотворение «Я мог бы сражаться в Мадриде...»:

Я мог бы сражаться в Мадриде
И грудью на камни упасть,
Чтоб только над Кордовой видеть
Свободного знамени власть¹³.

Перевел М. Дудин

Стихотворение «Я мог бы сражаться в Мадриде...» (1963) — это отклик на события, которые произошли в Испании в 1936 г., когда франкистская военщина подняла мятеж против законного правительства. Передовая интеллигенция мира помогала испанскому народу защищать свободу и свои права. Через 27 лет Кулиев откликнулся этим стихотворением, сознавая большую нравственную значимость этого события.

Известный белорусский поэт Аркадий Кулешов писал: «Чтобы преградить путь войнам, отстоять вековую мечту о счастье, Кайсын Кулиев готов быть солдатом в любом уголке планеты, а если придется, то и погибнуть за правое дело, ибо «лик мужества ясен и светел, чужбины для подвига нет». Эти слова для Кулиева — не громкие фразы, а оружие, выхваченное из сердца»¹⁴. Кулешов верно подметил, что во многих стихотворениях этой тематики Кулиев не просто руководствовался идеалами добра, справедливости, интересами отдельной личности и народа, он искал нравственную правду в борьбе за счастье людей. И желал людям благополучия и мирного труда. В стихотворении о радуге «Божий меч» (1964) он писал о своем сокровенном желании:

Как прекрасно это полукружие,
Что ничьих голов не сносит с плеч.
Уничтожьте, люди, все оружие
И оставьте только этот меч!¹⁵

Перевел Н. Гребнев

- ¹ Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М., 1985.
- ² Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 236.
- ³ Эфендиева Т. Е. Кайсын Кулиев. Литературный портрет. М.: Советская Россия, 1985. С. 48.
- ⁴ Рассадин Ст. Кайсын Кулиев. Литературный портрет. М., 1974. С. 28.
- ⁵ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 301.
- ⁶ Там же. Т. 2. С. 21.
- ⁷ Там же. С. 43.
- ⁸ Кулиев К. Избранные произведения в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 154–155.
- ⁹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 103.
- ¹⁰ Кулиев К. Избранные произведения в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 258.
- ¹¹ Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Кайсына Кулиева. Вторые Эльбрусские чтения. Нальчик: Эль-Фа, 1998. С. 63.
- ¹² Рассадин Ст. Указ. соч. С. 43.
- ¹³ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 202.
- ¹⁴ Кулешов А. Крылатое слово поэта // Правда, 1971. 3 мая.
- ¹⁵ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 2. С. 160.

Ф. С. Эфендиев

КАЙСЫН КУЛИЕВ О ПУШКИНЕ

Тезисы доклада Международной научной конференции «А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков», посвященной 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. Казань: КГУ, 1998.

У балкарского народа, проживающего в Кабардино-Балкарии у подножия двуглавого Эльбруса, был и есть прославленный поэт Кайсын Кулиев, 80-летие со дня рождения которого отмечалось в ноябре 1997 г. в Нальчике, Стамбуле, Баку, Ереване, Анкаре, Бишкеке (Фрунзе) и во многих других городах России, СНГ, где он не раз бывал. Поэта не стало в 1985 г., но поэзия его жива и продолжает волновать умы и сердца людей.

Опираясь на традиции классической русской литературы, фольклора родного народа, духовное наследие своего предшественника Кязима Мечиева, Кулиев, будучи известным поэтом в своей стране и за рубежом, развил и углубил литературно-эстетические вопросы, историю отечественной литературной критики. Главное для него — это прежде всего правдивое отражение действительности во всей ее сложности и противоречивости; умение правильно понять ведущие тенденции жизни и активно их поддержать поэтическим словом. «Ни один вопрос жизни не может быть решен навсегда, — утверждал Кулиев. — Каждый год жизнь ставит все новые вопросы. То, что волновало еще Пушкина, сегодня волнует писателя по-новому, в иных обстоятельствах. Поэзия особенно чутка к новизне»¹.

А. С. Пушкина балкарский поэт считал одним из своих первых учителей. У него он учился мастерству и творчески воспринял его поэтические традиции, называя его великим гением. О нем он написал статью «Признание» (1962) и две другие, в которых тоже говорится о Пушкине, — «Учитель Пушкина» (1973) и «Поэт и культура» (1971). «У меня были горькие дни. Я обращался к Пушкину и находил в нем утешение и поддержку, — писал Кулиев в статье «Признание». — Я переживал радостные часы. И опять шел к нему. И праздник мой становился несравненным. Когда я нуждался в мужестве и вере в жизнь, снова черпал их в великом поэте»². В другой статье «Учитель Пушкина» говорится о поэте Василии Андреевиче Жуковском, о котором А. С. Пушкин писал: «Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль...» Но в этой статье говорится и о Пушкине. Так и должно быть, потому что эти два имени для русской литературы слиты тесно. В третьей статье «Поэт и культура» Кулиев пытался высказать свои мысли и соображения о поэте и его отношении к образованию и культуре. Конечно, не мог Кулиев не опираться на Пушкина, когда хотел доказать что-то важное. Он писал: «Один из самых необыкновенных мировых лириков, Пушкин не только был умнейшим, но и образованнейшим человеком своего времени. Известна обширность его познаний как в области литературы, так и истории. О широте же его культурных интересов, о знании западных

языков и говорить нечего. Как глубоко надо было знать европейскую литературу и культуру, для того чтобы написать хотя бы «Каменного гостя» и «Моцарта и Сальери», как хорошо он должен был знать и чувствовать Восток, чтобы создать одни только «Подражания Корану», если даже не говорить о других шедеврах русского гения, связанных с Западом и Востоком»³.

С произведениями А. С. Пушкина Кулиев познакомился в раннем детстве, когда ему рассказывали литературные сказки и сказки устного народного творчества. Потом школа, и снова встреча с этим бессмертным именем. «Интересно, что первое печатное стихотворение, которое поразило Кайсына своей красотой, был пушкинский «Узник» в балкарском переводе», — писал в предисловии к избранной лирике Кулиева критик Владимир Огнев⁴. И сам Кулиев не раз писал о том; что русский язык — язык Пушкина — открыл ему несметные сокровища, и он благодаря ему приобщился «...к великой русской литературе — от Пушкина до Твардовского, от Толстого до Паустовского»⁵.

Приобщение к высоким и светлым началам пушкинского творческого духа помогло Кулиеву поверить в свое призвание и через всю жизнь пронести, как национальное знамя, его лучезарную истину: «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Эта всечеловеческая истина наполнила окружающий мир кулиевской поэзии волшебной новизной, счастливым искусством удивления. «Жить, удивляясь!» — эта мысль будет многократно повторяться в стихах горца XX в. Кайсына Кулиева.

Я удивляюсь и цветам и птицам,
Хоть мне их не понять, как ни пытаюсь.
Я удивляюсь и словам и лицам,
Чужим стихам и песням удивляюсь⁶.

Перевел Н. Гребнев

В канун 175-летия со дня рождения А. С. Пушкина Кулиев произнес слова любви певцу свободы и света, великому спутнику и Учителю поэтов. «Пушкин остался для меня бесстрашным героем и все понимающим мудрецом, источником света и энергии, прозорливости и человечности. В нем сосредоточилось все прекрасное, что

может нести в себе человек. Я думаю, что именно ими и бывают редчайшие образцы человеческого таланта — гении. Чем старше я становился и чем больше приходилось пережить, тем лучше я чувствовал его, тем больше любил. В нем для меня как бы заключался весь мир». И далее: «Четыре десятилетия читаю я Пушкина. Каждый раз как бы заново открываются мне его книги, и снова, как впервые, вхожу я в огромный мир необъятных мыслей, образов, звуков, как в ущелье, где все прекрасно для меня, все удивляет». Эти слова приведены из статьи «Певец свободы и света», напечатанной впервые в журнале «Октябрь» (1974, №6. С. 197), потом немного переработанной и включенной в сборник критических статей «Так растет и дерево».

Кулиев много раз писал о Пушкине, каждый раз возвращаясь к его имени. Так, в статье «Два голоса» (1966) читаем: «Пушкин воспел человеческую радость во многих, очень во многих строках. «Печаль моя светла...» Это было сказано в мировой поэзии впервые»⁷.

Кайсыну Кулиеву очень нравились стихотворения Пушкина «Я вас любил: любовь еще быть может...», «На холмах Грузии лежит ночная мгла». По поводу этих шедевров русского поэта горский поэт писал: «...Кажется, что эти стихи выводила рука доброго Бога, так они прекрасны, так много в них благородства. Кажется, что они созданы в лучший и счастливейший час мира»⁸.

Влияние Пушкина на Кулиева было огромным и значимым. Возьмем для примера стихи о любви, которые так нравились Кайсыну. У него есть много произведений, посвященных любимым женщинам. Это светлые и душевные строки, полные благодарности тем, которые вдохновляли горца. «Женщинам» — одно из них.

«Я помню чудное мгновенье»
Без женщины б не родилось,
Красу есенинской сирени
Сгубил бы мертвенный мороз.

Вы были соловьиной трелью
Для всех поэтов всех времен:
Вы звездами добра горели,
Когда был мрачен небосклон⁹.

Перевел Д. Голубков

Наче́сь это стихотворение многократным повтором
«Вы» — вы — скорбь ночей, войной сожженных. Вы —
наша и́мощь, совесть, кров. Вы — наши матери и жены.
Ваш трудный жребий был суров». Точная кулиевская
мысль отражала все, что испытали советские женщины:
«Вы клали добрые заплаты на рубища своих мужей, ле-
чили хр́брого солдата, омывши кровь слезой своей». Но
как бы — кулиевских стихах о женщинах и о любви ни
отража́лось социальное, они проникнуты пушкинским
духом, его светом и добротой («Женщинам, которых я
любил», «Женщинам, которых я не знаю»).

О женщины, которых я не знаю,
Вам эти строки скромные дарю,
Цветы земли, ее вода живая,
Я вас благодарю, боготворю!

.

О женщины любого в мире края,
За все добро я вас благодарю.
Вам, женщины, которых я не знаю,
Я эти строки скромные дарю ¹⁰.

Перевел Н. Гребнев

В другом стихотворении Кулиева «Идет спокойно
снег...» в переводе Н. Коржавина мы снова встречаемся
с именем Пушкина:

Вот Пушкин на снегу лежит у речки Черной,
Махмуд в последний раз глядит на выси гор.
И голос твой, Меджнун, звучит в ушах упорно:
Ты где-то средь пустынь тоскуешь до сих пор ¹¹.

Это, конечно, о трагическом в жизни Пушкина и о тех,
кто страдал так же, как он.

«Стихи, сказанные на площади Пушкина в Москве»
К. Кулиева тоже о великом русском поэте. Датируются
они 1970 г., перевел их С. Липкин. Кулиев должен был
написать эти стихи. Во-первых, потому, что поэт очень
любил Москву и подолгу жил в столице, в гостинице
«Москва». Во-вторых, любил приходить на площадь Пуш-
кина, сидеть напротив памятника и смотреть на него, раз-
мышляя о кавказской теме в лирике поэта.

Его следы еще хранит Кавказ,
Его шаги еще слышны в ущелье.
На горы наши он смотрел не раз,
Созвездья наши для него блестели.

И я судьбу благодарю всегда
За то, что Пушкин слушал наши реки
За то, что с той поры слита навеки
С кавказским солнцем Пушкина звезда ¹².

¹ Литературная газета, 1967. 1 января.

² Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 40.

³ Там же. С. 382–383.

⁴ Кулиев К. Избранная лирика. М., 1967. С. 6.

⁵ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 435.

⁶ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 183.

⁷ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 23.

⁸ Там же. С. 24.

⁹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 116.

¹⁰ Там же. С. 271.

¹¹ Кулиев К. Избранные произведения в 2 т. М., 1970. Т. 2.
С. 73.

¹² Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 143.

Ф. С. Эфендиева

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ В ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Тезисы доклада на II Международном конгрессе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Симпозиум 5. Пятигорск, 1998.

Проблема символа в искусстве и литературе существовала всегда, потому что понятие термина «символ» зачастую путали с такими терминами, как «эмблема», «аллегория», «персонификация» и т. д. Оно одно из самых противоречивых понятий.

Поэзия Кулиева проникнута высокой символичностью

и глубоко философична. Мы убеждены, что символы в его поэзии являются отражением национально-специфического и общечеловеческого. У него есть поэтическое выражение «раненый камень» и принадлежит оно только ему.

Я над раненым камнем, склонясь, горевал.
Почернел он от горя и слез...

Французский писатель Робер Мерль писал Кулиеву после встречи с ним во Франции, отмечая его национальную самобытность и силу художественного воздействия: «Не нужно забывать, что литература и искусство должны приносить людям большое эстетическое наслаждение. Например, когда Вы в своем письме говорите о «боли раненого камня», я нахожу, что это превосходное выражение. Оно принадлежит искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение».

У Кулиева есть немало стихов о камне как символе человеческого мужества, стойкости, терпения. «Следы ранений на камнях видны, а в душах человеческих — сокрыты», — читаем в одном стихотворении. «Ты камнем стал. Я не храбрюсь, и мой придет черед лежать, не различать на вкус земную соль и мед...» — читаем в другом. Или:

Камень — мера стойкости вовек.
Терпит пламя и разливы рек.
Камень скал и камень на могилах.
Но того, что терпит человек,
Даже камень вытерпеть не в силах!¹

Перевел Н. Гребнев

Слово «камень» в поэзии Кулиева всегда несло определенную смысловую нагрузку.

Или вот известное кулиевское стихотворение «Смерть поблажек не знает...» и его настойчиво повторяющийся рефрен «Черный конь умирает на белом снегу», как и завораживающая магия повтора у Б. Пастернака в стихотворении «Зимняя ночь»: «Свеча горела на столе. Свеча горела». И в том и в другом стихотворении есть высокая символика, философская глубина и поэтичность.

Поэтому вполне объяснимо стремление некоторых композиторов к их музыкальному переложению (У Кулиева муз. Власова «Баллада о черном коне» в исполнении Кобзона).

Наша цель – рассмотреть некоторые общечеловеческие символы, которые встречались в поэзии Кулиева, а не национально-специфическую символику, употреблявшуюся поэтом ещё чаще. Обратимся к стихотворению Кулиева «Прометей». Образ Прометея, прикованного к скале, и терзавшей его печень хищной птицы довольно широко известен в мировой поэтической классике и искусстве различных народов. Конечно, Кулиев знал различные мифы о Прометее и толкования этих мифов, а также стихи известных поэтов о Прометее: Бенедиктова «Прометей», Я. Полонского «Прометей», Баратынского «К Дельвигу», Кюхельбекера «К Прометею», Н. П. Огарева «Прометей», Шевченко «Кавказ», В. Я. Брюсова «К олимпийцам» и др. Кто-то из них использовал образ Прометея как политический символ (Шевченко, например) или употреблял в философско-религиозном понятии, как это мыслила Леся Украинка с ее общественно-политическим пафосом в драматической поэме «Кассандра» (1907) и в небольшой драме «В катакомбах» (1905).

Для Кайсына Кулиева Прометей – не только символ огня в духовном смысле. Прометеевская символика многогранна и выдержала много интерпретаций в разные эпохи. У балкарского поэта XX в. она несколько иная. Обратимся к тексту Кулиева, к стихотворению «Прометей, прикованный к скале...» (1963):

Прометей, прикованный к скале,
Как сама скала, велик и вечен.
До сих пор кружит орел во мгле
И клюет кровавым клювом печень.

Сила Прометея до сих пор
Царствует – она сильнее смерти,
Снежные громады катит с гор,
Мечет молнии и вихри вертит.

Перевел Н. Гребнев

Первое четверостишие – это известный нам миф, о котором писали еще древнегреческие философы и последую-

щие мыслители эпохи Возрождения и Нового времени. Второе четверостишие — о другом: Прометей здесь «прежде всего ум, разум, но данный в своей глубинно-космической и даже надкосмической основе». Философская сущность Прометея у балкарского поэта та же, что и у Гераклита в «Логосе», и у Платона в «Протагоре»: он — блюститель жизни, добыл огонь и передал его людям. Прометеев огонь — это подлинный смысл всего сущего, он начало начал. Вероятно, эта простая и понятная философская формулировка и толкование этого символа, соответствовавшего величию Прометея, глубине его разума и универсальности модели для всей жизни и Космоса, не вполне удовлетворила Кулиева, нашего современника. Он и его маленький народ, как и вся Россия XX столетия, испытали тяжелые периоды: социально-экономические и духовно-нравственные потрясения в годы Великой Отечественной войны, депортацию и пребывание в течение тринадцати лет на чужбине в результате насильственного выселения, послевоенную разруху. Много пришлось претерпеть страданий и мучений почти каждому из его земляков. Поэт это знал. Обращаясь к ним, он писал:

Родина в ущельях снеговых,
На вершинах этих первозданных
Сколько за века прошло твоих
Горцев — Прометеев безымянных.

Обращаясь к родине, Кулиев имел в виду народ, который творил историю и нес ответственность в различные периоды истории за себя самого и за другие народы, проживавшие в едином Отечестве. Родина для поэта — не только место, где он родился и даже не Кабардино-Балкария. Это весь Кавказ.

Всем дарил им ты, седой Кавказ,
Мужество сердец и зоркость глаза,
Говорил им:

— Будьте в трудный час
Прометеями, сыны Кавказа!²

Перевел Н. Гребнев

Следовательно, для Кулиева Прометей еще и символ мужества и величия горцев. Обусловлен этот символ со-

циально-историческими событиями. Историческая конкретность символа у Кулиева налицо, и мировой образ Прометея помог ему выразить те мысли и чувства, которые тревожили прославленного сына Балкарии.

Всемирно-историческим символом цивилизации, добра и борьбы за социальную справедливость является образ Дон Кихота в классической мировой литературе. У Кулиева тоже есть стихотворение «Дон Кихот»:

О Дон Кихот, ты никуда не канул.
Мы все страдаем болью ран твоих,
На свете столько злобных великанов,
Принявших облик мельниц ветряных!

В свете гуманистического идеала, утверждения добра и справедливости звучат и поныне кулиевские строки, обращенные не только к герою мировой классики, но и к тем, кто верит, что добро сильнее зла, и эта вера в человеческий разум и в прогресс цивилизации никогда не угаснет:

И все-таки не вечны неудачи,
Верь, Дон Кихот, поправятся дела.
Пусть скачет зло на скакунах горячих,
И ты еще не выбит из седла!³

Перевел Н. Гребнев

В поэзии Кулиева встречаются различные типы символов: от философских, художественных, мифологических до религиозных, человечески выразительных и идеологически побудительных. При этом диалектика символа у него имела познавательное значение. Так, в стихотворении «Гамлет» (1985), написанном в последний год жизни Кулиева, говорится о высших духовных ценностях, важных человеческих побуждениях и о трагическом, которое может быть в жизни человечества и каждого человека в отдельности.

Все было в мире: мор, война, изгнание,
Людские раны все еще болят.
Я, может, сам бывал так часто ранен,
Чтоб не забыть тебя, мой кровный брат.

Обращение к Гамлету, принцу датскому, — не что иное, как поэтический прием, позволивший поэту сказать о том, что его волновало и тревожило. А тревожило поэта многое: он видел, что не всегда человек защищен от унижения, произвола, глумления и ущемления его прав. Употребление символики позволяло поэту выразить многое. «Без использования символики искусство превратилось бы в неподвижную и самодовлеющую, достаточно мертвую действительность, не имеющую никакого объективного и тем более воспитательного значения, — верно писал А. Ф. Лосев. — Никакая человеческая жизнь, ни идейная, ни бытовая, повседневная, невозможна без символов, которыми мы пользуемся ежеминутно, так как всякая жизнь всегда есть движение и стремление и несет в себе как нагрузку прошлого, так и заряженность для осуществления будущего. А это значит, что каждая вещь по самой своей природе символична»⁴.

Работая над произведением «Гамлет», Кулиев понимал, что суть гуманистической природы любого строя еще далека от совершенства, от принципа социальной справедливости, тем более в подходе к судьбе конкретного человека.

О юный Гамлет, о мой кровный брат,
Вот и сейчас, как в дни твои бывало,
В крови еще дымящейся блещут
Полотнища отравленных кинжалов.

До сей поры унижен тот, кто прав.
Не все спокойно в датском королевстве,
И свежий снег ложится, почерневший,
Свой белый цвет в дороге потеряв.

.

Тревога и теперь не покидает
Ни датский край, ни прочие края,
И вновь клинок отравленный сверкает
И жаждет крови, чистой, как твоя⁵.

Таким образом, рассматривая общечеловеческие символы в поэзии Кайсына Кулиева, мы хотели подчеркнуть, что работа над понятием «символ» требует в эстетике и в поэзии чрезвычайно глубокого и кропотливого иссле-

дования. Мы коснулись в своем кратком выступлении лишь трех мировых образов – Прометея, Дон Кихота и Гамлета. Временные рамки выступления не позволили коснуться чрезвычайно интересных сопоставлений – символа и аллегории, символа и художественного образа, символа и метафоры, символа и мифа. Все это есть в поэзии Кайсына Кулиева в чрезвычайно интересной последовательности. Будем надеяться, что будущие молодые ученые-литературоведы, культурологи, философы и языковеды так или иначе затронут проблему символа в целом.

¹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 414.

² Там же. Т. 2. С. 113.

³ Там же. С. 279.

⁴ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. С. 200–201.

⁵ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 172–173.

Ф. С. Эфендиев

ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НА СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Тезисы доклада научной конференции по русской философии.
Пятигорск, (ПГЛУ), 1998.

Влияние русской философии на стиль мышления К. Ш. Кулиева можно проследить в его философской лирике, сыгравшей большую роль в процессе формирования и развития национального самосознания и менталитета балкарского народа, становления его духовной культуры. По верному выражению Ст. Рассадина, поэзию Кулиева формировали русская поэтическая классика, народная поэзия балкарцев и вообще горцев, наконец, великая культура Востока. Восточное мышление Кулиева опиралось на философскую лирику Тютчева, стремившегося к воссоединению духовности природы и духовности человеческого сознания. Кулиев считал Тютчева одним из

своих учителей в поэзии. О нем он написал статью «Уроки Тютчева», в которой попытался доказать, что Тютчев остался одним из лучших учителей в мировой поэзии для многих национальных поэтов.

Лирика К. Кулиева – явление глубоко национальное; в то же время она носит общечеловеческий характер, органично вписавшись в русскую поэзию. «Русский» Кулиев в лучших переводах Н. Коржавина, Н. Гребнева, С. Липкина, Дм. Кедрина, Н. Тихонова и др. сразу стал широко известен в нашей стране по сборнику стихов «Горы» (М., 1957) и прочно завоевал сердца миллионов читателей проникновенным лиризмом и глубиной философской мысли. Гармоничное соединение опыта развития русской и восточной философии, ее рационального зерна так или иначе способствовало формированию своеобразия кулиевского творчества, непосредственности восприятия им реального мира природы и жизни человека, особенно субъективности чувственного восприятия черного и белого цветов – в осмыслении человеческого бытия.

Поэтический дар Кайсына Кулиева естественно впитал в себя российскую и западную национальную идею целостного гармоничного развития общества и человека, мира природы и Космоса. Так, для Н. Г. Чернышевского «человек – это высшее произведение природы» и на него «надо смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру»; для философа Вл. Соловьева «человек есть вместе и божество и ничтожество», а для Н. А. Бердяева «человек есть микрокосмос. Он сотворен по образу и подобию Бога». Для балкарского поэта-мыслителя и лирика – «человек – это царь земной и Бог, сошедший с неба» (Из стихотворения «Случаются такие времена...» (1965)). Это разные, но и сходные точки зрения в философии и поэзии на природу и сущность человека. Новое мироощущение выразили русские философы, а художественно отразил глубинное, внутреннее ощущение целостности и гармоничности мира горец, гуманист конца XX в. Кайсын Шуваевич Кулиев, впитавший идеи русской и западной философии. Эти мотивы и идеи можно проследить в поэтическом решении «вечных тем»: о быстротечности времени, о старости, смерти; в философских рассуждениях в стихах на тему о счастье, о природе; гума-

нистической сущности человеческих деяний в пейзажной лирике, в стихах о загранице, о родном крае и земляках; в гуманистическом решении темы войны и мира; о гуманных традициях, преемственности поколений людей Отчизны; в стихах о великой силе русского слова; о женщине-матери, даже в кулиевском понятии категории любви и в ее лирико-философском решении. Уже одно простое перечисление стихотворений Кайсына Кулиева на тему о быстротечности времени, о трагедии наступавшей старости и смерти говорит само за себя: «Старик-крестьянин подводил итог...», «Я уйду, и ты уйдешь в свой час...», «И старость есть, и надо смерть принять...», «Кто б ни был, будь готов в дорогу», «Пусть мы умрем, но навсегда...», «Старость», «Черный конь умирает на белом снегу», «О смерть, мой страшный срок...», «Я задохнусь однажды под снегами...», «Последний час», «Завещание», «Пока есть жизнь, и смерть на свете будет», «Никто не может вечно быть живым...», «Теперь любая смерть мне тяжела...», «Я кричу уходящему времени вслед...», «О черный камень над стезей неторной...», «Уйдя, я не возьму ни речек белых...», «Журавлиный клич», «Проходят дни, им надлежит меняться...», «Мне наглядеться бы, пока не поздно...», «От смерти стихи не спасут меня, нет...», «Жизнь живущего – только мгновенье», «Я был, и нет меня...». В этих стихах можно легко проследить линию трагического пафоса, идущего от античного искусства, фольклорно-трагедийных жанров и русской философии. Поэтическое решение Кулиевым извечной философской категории жизни и смерти, быстротекущего времени и старости не только трагично. Безусловно, он понимал, что время уходит безвозвратно, оно быстротечно («Жизнь живущего – только мгновенье...»), и однажды он не сможет встретить весну, почувствовать жажду и вкус земной соли и меда, не сможет греться у костра, «не услышит смех детей в саду», забудет тепло материнских рук и добрые руки жены.

Не встречу я первого снега
И с черной папахи своей
Морозного белого меха
Страхнуть не смогу у дверей.

Перевел Я. Козловский

«Смерть не может не волновать человека, поэта тем более, сердечная чуткость которого повелевает ему быть верным жизненной правде, — писала исследователь творчества Кайсына Кулиева проф. Т. Е. Эфендиева. — В стихотворении «Черный конь умирает на белом снегу...» говорится о смерти человека, прошедшего большой и трудный жизненный путь, сделавшего много добра и теперь погибающего «от жилья вдалеке, и слеза застывает на печальном зрачке». Необычное художественное решение — изображение смерти коня — воспринимается как гибель человеческой жизни. Остро осознается неотвратимость смерти, и природа откликается на нее: «Снег на склоны сползает, увядают цветы. Черный конь погибает. Жаль такой красоты». Трагический настрой усиливается оттого, что гибнет красота. Она, по верному замечанию Ст. Рассадина, «равносильна жизни».

Смерть поблажек не знает,
И, упав на бегу,
Черный конь умирает
На белом снегу.

По дорогам горячим
Нес он всадников вскачь,
Где бы ни было скачек,
Он не знал неудач.

Повидал он немало
Рек и склонов окрест.
Привозил он, бывало,
Тонкостанных невест.

Он летел по дороге,
Он спускался с горы,
Были тонкими ноги,
Были уши остры.

.
Сил своих он для дела
Никогда не жалел.
К цели мчаться умел он,
А петлять не умел.

.
Смерть поблажек не знает,
Всех сгибает в дугу.
Черный конь умирает
На белом снегу.

Перевел Н. Гребнев

Печально-трагическим явилось и стихотворение Кулиева «Когда час мой настанет последний...» (1970). В нем явно ощущались предсмертная тоска и последние желания человека, осознававшего приближение смерти. Субъективно-лирический характер как нельзя лучше подходил к этому стихотворению. В свой последний час лирический герой хочет выпить глоток родниковой воды из Чегема, увидеть «темную ветку чинары или красную ветку кизила» и к лицу приложить, «как в детстве это делала добрая мать».

.
И в последнюю ночь покажите
Над дорогой вечерние звезды,
В черном небе звезду голубую
Я найду – и она упадет!..

Перевел О. Чухонцев

Те же грустно-драматические ноты ощущались в стихотворении Кулиева «Уйду, как и сосед-каменотес...» (1970). Но в нем нет безысходности, пессимизма и страха перед мгновеньями. Оно о любви к жизни, ко всему живому, тому, что с детства окружало лирического героя.

Уйду как и сосед-каменотес.
И потому, как всем на свете смертным,
Мне дороги – тропа, чинар, утес,
Дымок жилья, река с лучом рассветным:

.
Я человек. Живу – пока живу.
Я счастлив, что мне жребий жить достался,
Что не во сне тебе, а наяву,
Зеленый мир, в любви я признавался!

Перевел Д. Долинский

Доминирующий мотив в стихах этой тематики – печаль, и она обретает свою философию логической формы, объективной трагической действительности, которой подвержено все живое и сущее на земле.

Влияние русской философии на стиль мышления Кайсына Кулиева прослеживается и во многих других лирических произведениях, в которых проблема гуманизма и ее художественное решение тесно связаны с арсеналом не только национальных поэтических образов но главным образом с отечественной и мировой поэзией и классической философией.

С. И. Эфендиев

КАЙСЫН КУЛИЕВ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Тезисы доклада на межрегиональной научной конференции «Интеллигенция Северного Кавказа в истории России». Ставрополь: СГУ. 1998. 10–11 апреля.

Я хочу начать свой доклад со стихотворения Кайсына Кулиева «Всегда гордился тем, что горец я!». Перевел это стихотворение замечательный поэт Дмитрий Кедрин, один из друзей горского поэта:

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я.

Мне довелось из Волги пить не раз,
Ее красой душа была горда.
Но свой любимый, свой родной Кавказ
Носил в душе повсюду и всегда.

.....

Я по дорогам Севера бродил,
Любил простор и ширь его степей,

Хлеб дружбы ел и воду дружбы пил,
И все-таки всегда в душе моей
Блестел далекого Эльбруса снег,
Вздymались острые вершины скал.
Поднявший голову седой Казбек
Везде мне чудился, всегда сверкал!..

Перевел Д. Кедрин

Этот великий горец ушел из жизни в 1985 г. В 1997 г. в ноябре широко отмечалось 80-летие со дня рождения великого гуманиста XX в., народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Ленинской и двух Государственных премий Кайсына Шуваевича Кулиева. Он являлся сеятелем добра и хранителем духовных ценностей, неутомимым певцом родного края. С полным правом можно сказать, что он явился творцом и создателем одной из вершин культурного потенциала балкарского народа. Его поэзия органически сочеталась с этнопсихологическими и этнокультурными образами горских народов, с величественной панорамой родной земли, движением белоснежных облаков и постоянством горных вершин, с шумом разноцветных чегемских водопадов, мудростью старших и благородством матерей. В лице матери-горянки Кулиев воспел всех матерей мира и точно сказал, что может их волновать:

Первой пулей на войне любой
Поражает сердце материнское.
Кто б ни выиграл последний бой,
Но страдает сердце материнское.

Перевел Н. Гребнев

Во имя самых высоких гуманистических идеалов и активной любви к людям, своей семье и детям живет на земле Женщина-мать своей многотрудной судьбой: «Все радости земли, все горести и раны проходят сквозь тебя, все в сердце носишь ты».

Величие Кайсына Кулиева заключается еще и в том, что в центре бытия он ставил человека, воспел его, как и красоту природы, дружбу и братство людей. Он понимал

цену дружбы между отдельными людьми, нациями и странами. Цена этой дружбы людской велика, ибо корни ее уходят в глубину столетий; об этом поэт сказал так:

Чингизхановским копьям, арканам и стрелам
умертвить то содружество не удалось,
пыль далеких веков на него не осела,
все доспехи всех орд проржавели насквозь.
Это братство живет в одинаковых сказках
неизвестных сказителей разных племен,
в материнских тревогах, заботах и ласках,
одинаковых всюду с древнейших времен.

Для Кайсына Кулиева человек — это «царь земной и Бог, сошедший с неба». Так высоко он ценил в нем его ум, творческое начало, преобразовательскую деятельность в покорении природы. Ученые видят в человеке исходное начало и это главный предмет всякой философии. И эту главную проблему века Кулиев поднял на самый высокий уровень социально-философского и художественного обобщения. Его поэзия вобрала в себя судьбы человечества, и сам поэт предельно ясно выразил свои идейно-эстетические принципы творчества:

Весь мир, где льется кровь,
весь в сердце у поэта.
Мы сердце всей земли.
Мы соль ее несем.

В одной из своих статей он писал о назначении поэта и поэзии: «Поэзия, как жизнь, как родина, любит верность и преданность. Она не позволит баловаться с ней от нечего делать и за измену мстит забвением. Так было со многими стихотворцами, которые пытались обмануть ее. Искусство не терпит обмана. Для настоящего художника оно также священно, как хлеб»¹.

Все самое лучшее, что было накоплено за всю историю существования балкарского народа в его генотипе, было воплощено в Кулиеве. Он был и останется восходящей энергией духовной и нравственной культуры своего этноса. Он осознавал это, когда писал в стихотворении «Старым горским мастерам» (1958):

Я – ваш внук, который рожден
В старом доме, созданном вами,
Пуповиной соединен
С этим краем, с его камнями.

.

Мы – балкарской земли сыны!
Кто когда бы свой век ни прожил,
В нашем взгляде отражены
Горе то же и небо то же.

Перевел Н. Гребнев

С 1957-го по 1985 г. Кайсын Кулиев опубликовал более 60 книг, сотни статей в центральных и местных журналах и газетах. Он вошел с полным правом в мировую художественную культуру как один из выдающихся поэтов-гуманистов. О нем высоко отзывались известные литераторы страны и мира: А. Фадеев, Б. Пастернак, Н. Тихонов, К. Симонов, Ч. Айтматов, М. Карим, А. Кешоков, Р. Гамзатов, Робер Мерль из Франции, Марта Вебер из Германии, Николай Христов из Болгарии, Альберт Расмусен из США, Антал Гидаш из Венгрии, Вацлав Йелинек из Чехословакии, Витольд Домбровский из Польши, глава правительства Индии Индира Ганди и др.

Глубина философской мысли, талантливая простота изложения, умение проникать в человеческую душу и искренне раскрывать ее переживания – вот те качества лирики Кулиева, позволившие обрести ему известность. А. Тарковский писал о том, что творчество Кулиева получило не только всесоюзное признание, но и мировое. Об этом много говорили в свое время видные критики нашей страны. Да, Кайсын Кулиев – поэт небольшого по численности народа, мало кому известного за рубежом. «На всей большой земле нас мало знали и мало кто о нас слышал», – правильно подметил Кулиев. Но благодаря ему, его поэзии узнали, что есть такой этнос – балкарцы – на Северном Кавказе. Вот как просто он говорил о своих земляках:

На земле этой жили люди разных судеб.
Воду горную пили, ели трудный свой хлеб.

Негасимое пламя, что их предки зажгли,
Охраняли веками люди этой земли.
Согревал человека негасимый костер,
Как пылал он от века, так горит до сих пор.
Жар костра не остынет, ведь и после меня
Кто-то хворост подкинет, посидит у огня.

Перевел Н. Гребнев

Кулиева волновали интересы всего человечества, и в какой бы стране мира он ни был, он смог художественным словом сказать добрые слова о ней. Об этом свидетельствуют такие его произведения, как «Дождь в Братиславе», «Строки любви к Праге», «Прощание с Прагой», «В горах Монголии», «Я видел Веймар... Черепичных горок...», «Стихи, написанные в городе Скопле» («Как крик балкарца, с кем беда стряслась...»), «Марта улицей Праги идет...», «Земля — наш дом» («Дым от развалин Хиросимы...») и многие другие. В стихотворении «Дом и мир» (1965) читаем:

Я отчий край любил всегда.
Где ел я хлеб, где пил я воду,
Но я любил и города,
Любил края, где не был сроду.

.

Прошу я мир: не будь суров
И не лишай тепла и крова
Людей всех сущих городов
И края моего родного!

Перевел Н. Гребнев

Так понимал поэт гуманизм. И когда пишут, что лейт-мотивом всего его творчества является гуманизм, любовь ко всему живому — это верно. Его поэзия отражает Свет, Добро, Человечность, Мужество. И мужество проявляется тоже во имя человечности, во имя добра к ближнему. Переводчик его стихов на болгарский язык Николаз Христозов писал, что Кайсын Кулиев — сын своего времени. Век долго не думал — оставил ему великое право говорить от имени Человека. Может быть, этим и объясняется чувство планетарности в его поэзии. Кайсын Кули-

ев — это сконцентрированная энергия духовной жизни балкарского народа, но его поэзия принадлежит и другим народам нашей страны, которых он воспел и прославил в своих стихах («Поэтам Грузии», «Комитас», «Анаит», «Дубулты», «В сторону Сванетии иду», «Левону Мкртчяну», «Мы — братья — балкарцы и армяне», «Мирзо! Так недавно по тропкам твоим...», «Пока Амо Сагиян глядит...», «Сильве Капутикян», «Два письма в Киев»). И в этом тоже заключается гуманизм Кулиева и его величие как человека и поэта, который не только воспел родную землю, но и красоту других стран («Стихи, написанные по пути из дальних стран», «Стихи, написанные по пути из Польши»). Поэтому не случайно, что его книги изданы на 80 языках народов России, СНГ и на 40 языках стран Дальнего Зарубежья.

Кулиев всегда отличался тем, что он глубоко и искренне уважал культуру других народов, их обычаи и традиции; восхищался творениями мастеров зарубежных стран; увлекался народным творчеством среднеазиатских республик; поэтическими сокровищами Грузии, Армении, Азербайджана; знал богатейшие особенности украинской, белорусской, молдавской, латвийской, литовской и эстонской культур. Мы можем и позволим себе утверждать, что в деятельности и жизненной позиции Кулиева мы имеем дело с особым культурным, духовным и нравственным явлением, значение которого еще недостаточно осмысленно и оценено. По мнению многих, Кайсын Кулиев — это одна из вершин мировой литературы. Нам, философам и литературоведам, предстоит большая работа в социально-философском и нравственно-эстетическом осмыслении глубины и значимости планетарного характера его поэзии.

Я уверен, что балкарский народ не забудет своего талантливового певца, и каждое новое поколение будет обращаться к творчеству Кулиева, чтобы понять сложные вопросы жизни, смысл бытия, восхищаться его поэзией, гармонией Земли и Космоса, тем, что он так великолепно воспел божественное творение — природу: красоту гор, даль степей, луну над рекой, созревшие колосья пшеницы, хлеб и розу, горные речушки и высокогорные луга и

пастбища. Прославил он и труд хлебопашцев и скотоводов, всех тех, кто созидает на земле. Его творчество впитало в себя великие гуманистические идеи Низами, Саади, Навои, Петрарки, Бетховена, Шопена, Пушкина, Лермонтова, Гарсиа Лорки, тех, кого он воспел в своих стихах, о чьем влиянии на его нравственный и поэтический мир не раз говорил («Бетховен», «Играют Шопена», «Я по улице Лермонтова иду...», «Над Бештау тревожны тучи...» и др.).

О его литературных и творческих связях со многими поэтами, писателями, художниками, музыкантами, архитекторами и простыми людьми всех народов бывшего Советского Союза и многих зарубежных стран свидетельствует его богатый архив². Так, в ЦГА КБР имеется более 10 тысяч писем и телеграмм, полученных им. Есть и записи его 250 выступлений, свыше 300 литературно-критических статей, написанных поэтом на русском и балкарском языках начиная с 1939-го по 1985 г. Это огромный духовный пласт и бесценный материал, который требует изучения, систематизации и глубокого научного анализа, словом, всестороннего и кропотливого исследования. Я это говорю потому, что мне приходилось много раз обращаться в этот архив; сам лично поэт, когда был жив, разрешил нам, двум доцентам КБГУ, работать над его материалами. Мы, проф. Эфендиевы, сделали еще мало в этом направлении, я имею в виду архив Кайсына Кулиева и его изучение. Свое выступление мне бы хотелось закончить словами поэта:

Не пройденные мною перевалы
Другие покорят, придет пора.
Слова, что не давались мне когда-то,
Отыщут молодые мастера³.

Перевел Н. Гребнев

¹ Кулиев К. Талант и честность // Дон, 1959. № 7. С. 183.

² ЦГА КБР, ЦГАЛИ РФ и др.

³ Кулиев К. Собр. соч. в 2 т. М.: Художественная литература, 1987 (Все стихи в тексте доклада цитировались по этому изданию).

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА В СИСТЕМЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Тезисы доклада межвузовской научной конференции «Литература народов Северного Кавказа: художественные и методологические проблемы изучения». Карачаевск. КЧГПУ, 1999.

Кайсын Кулиев оставил громадный след в духовной жизни балкарского народа. Именно он расширил диапазон мышления, творческого и духовного потенциала своего народа и поднял на достаточно высокий уровень его культуру. Его творчество способствовало формированию и развитию национального сознания и самосознания. Благодаря его поэзии балкарский народ стал известен всему миру; уникальный этнокультурный феномен Кулиева вошел в систему ценностей мировой культуры как неотъемлемая часть общечеловеческой цивилизации. О нем высоко отзывались Индира Ганди, прогрессивный писатель Франции Робер Мерль, с которым лично встречался Кулиев, венгерский поэт и переводчик Антал Гидаш, арабский поэт Муин Бсису и многие другие представители культуры зарубежных стран Востока и Запада. Этот взлет духовного творчества горского поэта нередко именуется «необъяснимым раскрытием кулиевского таланта». Заслуги Кайсына Кулиева перед своим народом велики. Он своей творческой деятельностью доказал, что и малочисленные народы обогащают мировую культуру, как малые звезды освещают небосклон, и их звездный свет также необходим.

Кайсын Кулиев — это одна из вершин мировой культуры. Его поэзия органически сочетается с судьбами человечества и перекликается с самыми актуальными социальными интересами современности. Выступая на обсуждении книги Кулиева «Раненый камень» 25 февраля 1965 г. в Московской писательской организации, А. Тар-

ковский говорил: «Кайсын Кулиев — поэт маленького народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии. Если сделать некое арифметическое вычисление, то можно сказать, что народ Кайсына Кулиева — народ удивительно одаренный: если бы у нас было такое соотношение, то у нас прекрасных поэтов должно было быть 7 тысяч. К. Кулиев в своих стихах говорит от имени своего народа, но он — поэт всего мира. Вот что потрясает в его стихах»¹.

Многие редакции центральных газет и журналов часто обращались к Кулиеву с просьбой, чтобы он написал статью по актуальным вопросам развития литературы, культуры и искусства. Так, работник редакции журнала «Вопросы литературы» (орган Союза писателей СССР и Института мировой литературы им. М. Горького АН СССР) А. Дмитриев просил Кулиева написать статью о роли взаимосвязи в развитии литературы. В своем письме от 27 апреля 1972 г. он писал: «Дорогой Кайсын Шуваевич! Прошу Вашей помощи. Она сейчас очень нужна, обещанная Вами статья о роли взаимосвязи в развитии литературы, то, о чем мы с Вами подробно договорились перед Вашей болезнью. Через свой творческий опыт, такой богатый, связанный со многими писателями, литературами, Вы можете поставить и очень важные проблемы — ведь в изоляции большая культура никогда еще не развивалась. А с другой стороны, не так-то просты проблемы влияний, как это порой кажется нашим ученым мужам. Вот почему страниц 12 (можно и больше), конечно, если расширяться. Материалы эти надо прислать мне к 15 мая, а то начальство съест меня... Вся наша редколлегия поздравляет Вас с наступающими праздниками. Очень хочется с Вами повидаться. Всех, всех Вам благ. С горячим приветом А. Дмитриев»².

В годы Великой Отечественной войны стихи Кулиева получили всесоюзное признание. Так, в 1942 г. стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я!» московское радио передало в сообщениях Совинформбюро на 14 языках Европы. Как призыв к мужеству и отваге звучали в те дни слова горского поэта, воспевавшего величие Кавказа и его свободолюбивые народы.

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я.

Мне довелось из Волги пить не раз,
Ее красой душа была горда.
Но свой любимый, свой родной Кавказ
Носил в душе повсюду и всегда...

Перевел Д. Кедрин

В 1942 г. в Москве члены Союза писателей устроили творческий вечер в честь поэта-фронтовика К. Кулиева. На нем присутствовали А. Фадеев, Б. Пастернак, С. Вургун, Д. Кедрин, К. Симонов, Перец Маркиш, Мамед Рагим и многие другие. В эти дни Кайсын Кулиев много раз выступал по заданию Военной Комиссии Союза писателей СССР по центральному радио, на заводах, фабриках Москвы. По словам критика Сергея Иванова, «поэзия Кайсына становилась выражением патриотических чувств и настроений всего сражающегося народа».

Елена Дмитриевна Стасова называла Кулиева «огненным сердцем Кавказа, ярким представителем мужественных горцев, огромным талантом, в котором есть доброта и сила»³. В 1943 г. сборник стихов Кулиева был выдвинут на соискание Сталинской премии. Тогда ему было 26 лет. Однако в связи с депортацией балкарского народа поэту премии не дали и книгу «Горы мои» не издали. Ему предложили остаться и избрать местом жительства любой город, за исключением Москвы и Ленинграда. Но он сказал: «Я пойду по дорогам моего униженного и оскорбленного народа».

Ныне многие социальные и этнические ценности нуждаются в синтезировании и социально-философском переосмыслении. Как известно, в истории, как и в природе, существуют волны времени, ритмическая система периодов, приливы и отливы, подъемы и спады культуры.

В условиях депортации его народа в Средней Азии поэт находился вне систем координат, можно сказать, в «торичеллиевой пустоте». Но несмотря на все это, он не поддавался пессимизму, работал упорно и много, черпая силы в своем могучем таланте, устном народном творчестве,

у классиков русской литературы. О себе он говорил в тот трудный период: «Я был исключен в 1949 г. из Союза писателей СССР, даже не имел права печатать свои произведения ни на одном языке».

Здесь следует особо подчеркнуть, что его поразительная стойкость, трудолюбие, способность не впадать в отчаяние в невыносимых условиях изоляции от общественной, политической, культурной жизни страны, изоляции, унижающей и оскорбляющей национальную честь и человеческое достоинство, его безграничная вера в жизнь и оптимизм заслуживают глубочайшего уважения.

Несмотря на все эти трудности, поэт реализовал свою творческую мощь в пространстве и во времени. Верно подметил композитор Родион Щедрин, что «настоящий талант пробьется в любом случае. Будет тоталитаризм или фашизм, все равно гений – это термоядерная мощь, которая пробьет все»⁴.

После возвращения из Киргизии на родину, в свою этническую колыбель, Кулиев, окрыленный высоким чувством любви к родной земле, продолжал работать, создавать новые произведения. В это время всесторонне раскрылся его выдающийся талант. Поэт почувствовал небывалое творческое вдохновение, когда увидел родные горы в розовом снегу. Поэт мог часами стоять и слушать (как он говорил не раз) симфонию шума Чегемских водопадов, смотреть на полет орла, вдыхать туман в теснине ущелий, запах родной земли, ее трав, восхищаться неповторимой, своеобразной красотой ущелий, по которым всегда тосковал, будучи на чужбине. Действительно, в родном краю Космос и Природа способствовали возникновению художественных образов, философских, мифологических и религиозных символов в его специфически национальном творчестве.

Особую роль и популярность поэт заслужил, когда вышла книга «Так растет и дерево». Так, одна из читательниц, Минкова Валентина Александровна, электросварщик коксохимзавода г. Кемерово, писала:

«... за добро и радость полагается благодарить, так сказали Вы, Кайсын Шуваевич, в своей книге «Так растет и дерево». За эту книгу Вам низкий поклон до самой земли. Это не книга, это богатство, которым Вы, накопив

его по крупицам, делитесь с нами, читателями. Спасибо Вам за эту щедрость. Будучи этим летом в Пятигорске, я по совету гида купила Вашу книгу. Как я была ему благодарна, могла бы в спешке не заметить ее, пройти мимо, какая была бы это утрата для меня! Книга Ваша поражает своей простотой и доходчивостью. Вы – балкарец – изъясняетесь легко и свободно на русском языке, пишете легко и свободно. Я завидую Вашим знаниям моего языка и преклоняюсь перед Вами»⁵.

Книги Кулиева издавались во многих городах Европы, Азии, Америки, Африки. Это свидетельство общепризнанной значимости его произведений в духовной жизни людей многих стран. В его книгах мы видим призыв обратиться к культурному наследию всех народов, изучать его. Именно в этом обнаруживается глубинный гуманистический пафос, мировоззренческий смысл его идей и принципов, значение социально-философского наследия творчества одного из самых интересных поэтов XX в. «Ваша поэзия, – писала узбекская поэтесса Зульфия, – самозабвенная, щедрая, которая дышит небом, вершинами гор, душой народа»⁶. Таких высказываний известных писателей и просто поклонников поэзии в архиве Кулиева очень много. Так, Галина Константиновна Никитина из г. Ленинграда в октябре 1975 г. писала: «...Вашу поэзию знаю и люблю давно, слежу за всеми новыми книгами, что появляется даже в периодике. Ваших сборников купить невозможно, но и проза Ваша взволновала меня по-особому, взяла в плен душу. Ваша книга «Так растет и дерево» покорила меня всем: и мыслями, и языком, и подборками имен, среди которых нашла поэтов, чье творчество мне бесконечно дорого, несущее в себе высокий гуманизм, трепет и любовь ко всему сущему. Книга вобрала в себя размышления многих лет, которые выкристаллизовались и засверкали с удивительной силой. При чтении книги меня настойчиво преследовала мысль о близости жизненной философии. Так просто и так высоко Вы поделились своими мыслями о назначении поэта и поэзии. Я благодарю Вас за чистый пламень радости, которым горело мое сердце, когда я читала Вашу книгу, за пронизательную душевную боль, которую я испытала, прикоснувшись к прекрасному искусству слова, за то, что

в Вашей душе горит любовь к Лорке, Твардовскому, Т. Табидзе, Арсению Тарковскому и многим другим поэтам, что Вы нашли такие прекрасные слова для них, так смогли выразить их суть. У меня от Ваших слов стоял комок в горле.

Кулиев — это искренний, вдохновенный поэт, редкий человек. Вы очень нужны людям! Как много душевного во всех Ваших словах, как много мужества, героизма, чистоты, нежности в ваших стихах! Как сильно Вы любите человека и родину, и всю красоту мира». Из этих и других многочисленных высказываний и оценок видно, что Кулиев пользовался любовью читателей, их уважением. Позволим себе привести еще одно высказывание Сергея Смирнова. Он писал Кулиеву 14 ноября 1974 г.: «Бесконечно люблю и ценю твой поэтический талант и глубоко уважаю, люблю тебя, как человека. Для меня ты всегда воплощал в себе лучшие качества: кавказское родство, мужество, талант, дружбу. Есть люди, которые одним своим появлением и присутствием, а порой даже только воспоминания о них, приносят радость, и для меня ты всегда принадлежишь к их числу. Спасибо тебе за это, как и за твой замечательные стихи. Надеюсь, что небо и судьба подарят мне еще много раз встречи с тобой и гордость дружбы с таким человеком, как ты». В архиве Кулиева хранится более 10 тысяч писем и телеграмм, полученных им; записи около 250 его выступлений на международных конгрессах и конференциях солидарности стран Азии и Африки, на симпозиумах и съездах писателей СССР, РСФСР, союзных и автономных республик, литературных декадах. Кулиев написал свыше 300 литературно-критических статей на русском и балкарском языках. Все это огромный духовный пласт, который требует всестороннего исследования и глубокого социально-философского осмысления.

Мы убеждены, что имя его будет жить в веках и сиять, как яркая звезда, на литературном небосклоне: сиять своим особым поэтическим блеском. Поэзия Кулиева — это гимн любви ко всему живому, это всеобщая гармония Земли и Вселенной во имя прославления и существования Человека. Поэтический гений Кулиева — неотъемлемая часть мировой художественной культуры, ибо его

поэзия, высеченная из много видавшего горного камня, отражает Свет, Добро, Человечность и Мужество. Его художественные образы служат неисчерпаемым источником совершенства, способствующим духовно-нравственному возвышению человека и национальному возрождению.

¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр.. 33, л. 40.

² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 2, ед. хр. 190, л. 68.

³ *Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И.* Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта. 1917–1958 гг. Нальчик: Эль-Фа, 1997. Ч. 1. С. 87.

⁴ Московский комсомолец, 1998. 23–30 апреля. С. 3.

⁵ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 88, л. 56.

⁶ Там же, оп. 3, ед. хр. 113, л. 37.

Т. Е. Эфендиева

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА В ЛИРИКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА ПЕРИОДА ДЕПОРТАЦИИ БАЛКАРСКОГО НАРОДА

Тезисы межвузовской научной конференции «Литература народов Северного Кавказа: художественные и методологические проблемы изучения». *Карацевск, 1990.*

Минуло более полувека с тех пор, как репрессированные народы возвратились в отчие края. Правительство Российской Федерации в лице первого Президента российского государства Б. Н. Ельцина официально принесло извинения. Народы Северного Кавказа, незаслуженно обиженные, восстановлены в своих правах. Констатация исторических фактов почти закончена, назрела необходимость научного осмысления художественного мира писателей и поэтов, разделивших тяжелую участь депортированных народов.

Поэт Кайсын Кулиев – один из тех, кто пошел по сто-

пам своего многострадального народа, хотя ему разрешалось жить, где он пожелает, за исключением Москвы и Ленинграда. Но он решил иначе вместе с поэтом Дмитрием Кедриным, в семье которого он жил в пос. Черкизово под Москвой, когда его судьбу решали в Союзе писателей СССР, обратившегося с ходатайством в правительство и лично к тов. Сталину. В этот довольно трудный для него период (ему не разрешали печатать свои произведения) поэт художественно воспроизводил общее горе высланного народа как бы от своего имени, выражая свое внутреннее переживание. Так, в послании к ингушскому другу, поэту Джемалдину Яндиеву, судьба которого была сходна с судьбой Кулиева, спецпереселенца, выражено чувство горя из-за больших материальных и духовных потерь не отдельных людей, а целых наций, оказавшихся в униженном положении наказанных. В этом стихотворении Кулиев писал о трагическом дне 8 Марта, когда насильственно расправились со стариками, женщинами и детьми (все взрослое мужское население было на фронте), посадили их в товарные вагоны и отправили на Восток — кого в Казахстан, а кого — в Киргизию. Поэтому Кулиев писал: «Чернее быть не может дня, потери — больше». Это стихотворение впоследствии перевел Н. Коржавин, а написано оно в 1950 г. в среднеазиатский период жизни Кайсына Кулиева. Итак, обращаясь к другому поэту, Кулиев утешал его:

Не плачь и постарайся, друг,
Спокойным быть, как облака,
Что в небе плавают вокруг,
Кого не бьет беды рука?

Чернее быть не может дня,
Потери — больше. Ты не прав:
Будь мудр — кто потерял коня,
Не плачет, плетку потеряв!

Нация потеряла Родину... Большой потери для горцев не было. Эта беда обрушилась на невинных людей, как обвал. Осмысливая тот страшный акт насилия, произвола и жестокости государства к своим гражданам, среди которых, мы повторяем, были в основном беспо-

мощные престарелые люди, их внуки, матери-горянки, Кулиев писал в 1956 г. не только о характере и судьбе отдельного человека, но и в целом народа: «... тяжесть беды на плечах, как обвал, нес, в теснинах блуждая, мой крепкий народ». Эти строки приведены из стихотворения «Тень орла» (в переводе Н. Тихонова). В первом четверостишии есть слово «Абсаты». В балкарской мифологии Абсаты – покровитель гор и леса. В стихотворении «Тень орла» Абсаты выступает как художественный символ, несущий большую смысловую нагрузку.

«Как увидим орлиную тень на скале –
Нам удачу большую пошлет Абсаты», –
Так сложили охотники гор, не полей,
Эту песню, слова у которой просты.

.

Когда тяжесть беды на плечах, как обвал,
Нес, в теснинах блуждая, мой крепкий народ,
Ту же тяжесть неся, я одно повторял:
«Все равно тень орла на скалу упадет!»

В поэме «Завещание» («Осуят»), долго не переводившейся на русский язык, Кулиев художественным словом рассказал, что было с народом в те трагические дни. Непосредственность и эмоциональность выражения чувств он вложил в уста главного героя поэмы Харуна. Плач Харуна – это всенародное горе о том, что видели люди:

Пришел не праздник – день пришел бессонный.
Балкарским детям не забыть вовек
Холодные и смрадные вагоны
И мартовский – в слезах кровавый снег.

Перевел С. Липкин

В лирике Кулиева период депортации балкарского народа (1944–1956) раскрыт не только внутренний мир самого автора, но и создан обобщающий образ горца, тосковавшего по родной земле. Эти всенародные чувства выражены с предельной простотой и глубокой болью в стихотворении «Родной земле» (1947):

Став глухим, я буду слышать, знаю,
Шум листьев там, в родимой тишине,
И, став слепым, моя земля родная,
В твоих горах не заблудиться мне.
Где б я ни жил, я всюду слышу это —
Свой шаг, звучащий на твоём снегу,
Твой зимний снег и добрый пламень лета,
Как песни гор забыть я не могу...

Перевел Н. Коржавин

В этом стихотворении лирический герой воплощал в себе определенный тип человеческого поведения, в данном случае — горца Кавказа, оказавшегося не по своей воле далеко от исторической родины.

Нравственный, духовный мир отдельного человека и трудную жизнь балкарского народа на чужбине Кулиев как поэт-мыслитель отразил во многих произведениях, опираясь на символику и поэтические образы, искусствоведческие категории и художественные средства родного фольклора. В стихотворениях этого времени, таких, как «И снова я в пути», «Я знал тоску. Мне снился мой Кавказ», «Праздник в ауле», «Молчание», «Стихи, написанные в день рождения», поэма «Золотая свирель» (о жизни основоположника балкарской литературы, классика Кязима Мечиева) и некоторых других Кулиев бросил вызов времени: стал смело говорить о том, что запрещалось властями и органами НКВД. Тема депортации красной нитью пройдет и во многих других произведениях поэта, написанных значительно позже, таких, как «Зимний день в Чегемском ущелье», посвященном брату Исмаилу Кулиеву, в «Реквиеме Саиду Шахмурзе — поэту из Чегема», «Чегемской поэме». При этом как бы поэт ни абстрагировался от реальных событий, тревог и дум своих земляков, во всех его стихах среднеазиатского периода и созданных после возвращения на родину бьется пульс — раздумье о судьбе личности:

И так была война,
Изгнанье, разоренье.
И так была длинна
Дорога возвращенья!

О духовном мире самого поэта и внутреннем мире его лирических героев и героинь в среднеазиатский период можно говорить очень много, потому что они обладают большой обобщающей нравственной силой, художественностью. В 1955 г. Кулиев написал небольшое стихотворение «В нелегкой жизни мы сошлись...». Оно обращено к М. Д. (очевидно, к молодой жене Маке Дахкильговой, на которой он женился в 1951 г.). Стихотворение это не очень известное, но художественный образ, созданный поэтом, тоже есть обобщение и «... тоже есть конструкция, выступающая как принцип понимания всего единичного, подпадающего под такую общность».

В нелегкой жизни мы сошлись, и скоро
Ты стала мне, как хлеб и как цветы.
Я в жизни только мужество и горы
Любил, пока не появилась ты.

.
Ты мне нужна, как горы, дорогая,
Как мужество. Ты мне дороже всех.
Я о тебе сейчас стихи слагаю
В морозный день, когда повсюду снег.

Перевел Н. Коржавин

Стихотворение «Женщинам» (1955) несет с собой не только определенную положительную общественную значимость. Его художественные символы не изолированы от действительности, а с предельной обобщенностью отражают то, какую роль играют в жизни женщины.

Вы – скорбь ночей, войной сожженных.
Вы – наша помощь, совесть, кров.
Вы – наши матери и жены.
Ваш трудный жребий был суров.

Вы клали добрые заплаты
На рубища своих мужей,
Лечили храброго солдата,
Омывши кровь слезой своей.

Из ваших рук умелых ели
И полководец и пастух.

Без вас бы сакли захирели
И в очагах огонь потух.

.

«Я помню чудное мгновенье»
Без женщины б не родилось,
Красу есенинской сирени
Сгубил бы мертвенный мороз.

Вы были соловьиной трелью
Для всех поэтов всех времен.
Вы звездами добра горели,
Когда был мрачен небосклон.

Итак, за женщин поднимаю,
Как тост, я стих влюбленный мой
И слышу жаркий шепот мая,
И пахнет розами ... зимой! ¹

Перевел Д. Голубков

¹ Стихи цитировались по сборнику «Горы». М.: Советский писатель, 1957 (есть они и в Собр. соч. в 3 т. М.: Художественная литература, 1987).

Т. Е. Эфендиева

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ К. КУЛИЕВА

Тезисы доклада V республиканской научно-теоретической конференции «Сравнительная педагогика и проблемы образования в современном мире». Карачаевск: КЧГПУ, 1999.

Творчество Кайсына Кулиева довольно широко изучается не только в вузах и средних школах Северного Кавказа, но и общеобразовательных учреждениях Российской Федерации. В программах по литературе, рекомен-

дованных главным управлением развития общего и среднего образования Министерства образования РФ, уделяется внимание и поэзии К. Ш. Кулиева (наряду с творчеством М. Карима, Д. Кугультинова, Р. Гамзатова, А. Кешокова и др.)¹.

Однако богатое литературно-критическое наследие Кайсына Кулиева почти не изучается ни в средних школах, ни в вузах. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что те, кто разрабатывает программы по литературе для общеобразовательных учреждений РФ (авторы Т. Ф. Курдюмова, В. П. Полухина, В. Я. Коровина, И. С. Збарский, Е. С. Романичева, А. Г. Кутузов, Г. И. Беленький) не включают критические статьи, рецензии, литературные портреты, эссе, открытые письма, предисловия и послесловия К. Ш. Кулиева в программы на предмет их изучения. Возможно, они имеют на то свои причины. Но какие веские доводы могут привести составители программ по литературе для карачаево-балкарских средних школ, педколледжей, КБГУ и КЧГПУ, их отделений национальной филологии, которые тоже не включают в программы по литературе литературно-критическое наследие Кулиева? Наши уважаемые ученые-критики и литературоведы до сих пор не включают книги Кулиева «Так растет и дерево» (М., 1975) и «Поэт всегда с людьми»: статьи, эссе (М.: Советский писатель, 1986. 336 с., порт.) даже в программы факультативного курса 10–11 классов для самостоятельного чтения и работы над этими книгами, его отдельными статьями, скажем, при изучении творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Некрасова и др. В книге «Так растет и дерево» осмыслены поэтом традиции классиков: Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Горького, Есенина. Эта книга явилась итогом многолетних раздумий о законах творчества, о мастерстве и назначении поэта.

Учащиеся старших классов и студенты-филологи найдут в этих книгах много интересного материала, почувствуют национальный колорит и глубокое философское осмысление проблем времени и высокое художественное мастерство, когда будут читать очерки Кулиева о Руставели, Бараташвили, Чиковани, Мустае Кариме, Давиде Кугультинове, Кязиме Мечиеве, Наапете Кучаке, Сильве Капутикян, Мартиросе Сарьяне, о Карло Каладзе,

Ревазе Маргиани, Георгии Леонидзе, Алиме Кешокове, Аркадии Кулешове, Али Шогенцукове, Арсении Тарковском, о Зульфие, Алексее Пысине, Ибрагиме Бабаеве, Эффенди Капиеве, об ашуге и сказочнике Исмаиле из рода Эттеляры.

И, конечно, при изучении творчества А. М. Горького в 11 классе учителя школ должны обратить внимание учащихся на очерк Кулиева «Солнце в крови», а при изучении М. Шолохова — на очерк «Мое слово о Шолохове», Есенина — на очерк Кулиева «Любовь и боль Сергея Есенина» и др.

Эта книга Кайсына Кулиева помимо чисто учебных целей имеет большое научно-теоретическое значение. В истории национальной критики и карачаево-балкарского литературоведения этот сборник критических статей занимает видное место и имеет неопенимую значимость для ученых, которые занимаются или будут интересоваться проблемами формирования и развития отечественной культуры и, в частности, вопросами развития национальной критической мысли. Названные выше книги Кулиева были в свое время высоко оценены поэтами, писателями, литературоведами, критиками и просто читателями, поклонниками творчества Кайсына Кулиева. Приведем примеры. Видный критик Ст. Рассадин, написавший о Кулиеве одну из лучших книг — литературный портрет (*Рассадин Ст. Кайсын Кулиев. М., 1974*), сразу же после выхода статей послал Кулиеву письмо от 27 сентября 1975 г. из Москвы, в котором писал: «Дорогой Кайсын! Книгу я твою прочитал залпом, а кое-что и перечитывал. Ты напрасно самоуничижаешься, говоря, что книга оправдана уже тем, что ты написал о Пастернаке и Твардовском; она оправдана уже тем, что ее написал Кайсын Кулиев! (Может, ты слышал о таком скромном горском стихотворце?) В ней много хорошего — и лично мне в особенности понравилось то, что ты написал (говорю по порядку) о Жуковском, Кязиме (тут я, правда, сразу же нарушил порядок, но знаешь почему? Потому что две эти статьи мне показались по-восточному и по-кайсыновски родственными: речь идет об учителях, и возникает трогательная интонация)... Однако пойдем дальше: о Полонском, Тютчеве, Есенине, Лорке, Чиковани, о народных

поэтах Армении, Кедрине, Лермонтове (нет, порядка в перечислении у меня решительно не вышло) и т. д. О Пастернаке и Твардовском — само собой. Может, я кого-то не назвал, не в этом дело, просто знай: книга хорошая по-настоящему, ты в ней присутствуешь зримо и обаятельно, очень приятно, что статья время от времени взрывается лирикой, прямыми твоими выходами к читателю, а личные воспоминания по-чуковски уживаются с критическими замечаниями.

Тем не менее, еще раз не могу не сказать: не припомню такой чудовищной редакторской работы. В подобных книгах умный и чуткий редактор вообще особенно необходим: когда книга собирается из вещей, написанных в течение многих лет, неизбежны повторы, — от них-то и должен был тебя уберечь редактор (сам автор таких вещей просто не видит, что естественно, — тут нужен взгляд со стороны). Если будешь переиздавать ее, обязательно найди себе не просто какую-то издательскую крысу, но человека, который действительно внимательно прочтет книгу и сможет разобраться в ее сложной (это — похвала тебе) структуре.

... Ты молодец. Книгу я эту ждал и рад, что она меня не разочаровала. Обнимаю. Семье привет — от нас с Алей.

29.09.75 г.

Твой Ст. Рассадин»²

Я уже говорила, что по поводу этой книги Кулиева было очень много опубликованных статей известных критиков, литературоведов, но еще больше их хранится в архиве поэта. Так, поэтесса из Владимира Н. А. Мака-рочкина, приезжавшая в Нальчик, чтобы повидать Кайсына Кулиева и показать ему свои стихи, написала ему большое письмо, в котором высоко отзывалась о книге «Так растет и дерево», отмечая ее историко-культурный характер и важность вклада в развитие национальной критики³.

Позволю себе привести еще одно письмо, которое тоже хранится в архиве Кулиева, от Константина Яковлевича Ваншенкина, датированное 5 окт. 1975 г. «... Я сейчас много читаю, — писал он. — Прочитал подаренную тобой книгу и, главным образом, этим продиктована потребность написать тебе. Книга замечательная. И едва ли не основ-

ное ее достоинство в том, что буквально за каждой строкой и словом слышен голос Кайсына Кулиева. Это очень твоя книга.

Я читал ее не подряд, а вразброс, как стихи. И вот еще: не дойдя до статьи о Твардовском, с самого начала чтения, я ощутил желание говорить и размышлять о книге, о ее содержании, о духе автора, который можно выразить словами: благородство, достоинство, честь. Разумеется, это не было для меня неожиданностью, напротив, просто эти твои качества проявлены в книге отчетливо, концентрированно, так сказать, в чистом виде.

Кое-что я уже читал. Мною почерпнуто сейчас для себя и с точки зрения познавательной, особенно, что касается некоторых поэтов Кавказа (Мечиев, Кучак). Очень трогательно написано о Кедрине и, конечно, о Чиковани. Вообще приятно, и мы давно это отметили, что совпадают наши вкусы, взгляды, пристрастия. Расхождения — минимальные. Самое главное впечатление произвели на меня «Страницы автобиографии». Это целый роман — трагический прежде всего, но и со светом. Как в грозу, потрясающе. Жаль, что так коротко.

Всего два замечания. Когда ты говоришь (я уже встречал это место в другой твоей книге): «... Я пользовался незаслуженно хорошим отношением ко мне самой выдающейся интеллигенции нашей страны», — это похоже на кокетство. Тем более, что читатель все время чувствует: ты цену себе знаешь. Прости, но, по-моему, мы должны говорить друг другу такие вещи. И еще — мелочь, ошибка редактора. Строчка (162) «Мы все уходим понемногу», вероятно, составила из двух — есенинской: «Мы теперь уходим понемногу» и пушкинской: «Мы все учились понемногу».

«Воспоминания о Твардовском» сданы в производство, как мне сказали в «Современнике».

Обнимаю тебя и горжусь, что могу назвать себя твоим другом. Поклон твоему дому и его обитателям. Сердечный привет от Инны и Гали. Будешь в Москве — сразу звони.

5 окт. 1975.

Ваншенкин К. Я.»⁴

Это задушевное письмо известного поэта Константина Ваншенкина отразило не только значимость книги

«Так растет и дерево», но и теплые, дружеские отношения между Кулиевым и ним.

До 1975 г. отдельные разделы книги «Так растет и дерево» публиковались в центральных журналах, на них тоже появлялись отклики и небольшие рецензии. Так, Семен Тихонович Зубков, однополчанин Кулиева, в своем письме вспоминал, как они были на фронте зимой 1941 г. и далее писал: «... Сейчас Вы уже вышли на широкую литературную дорогу и известны всем, всему Советскому Союзу. Мы же, рядовые Ваши однополчане, оставшиеся в живых после таких потрясений и ужасов войны, помним Вас и следим за Вашим творчеством. Ваша проза последнего года все чаще печатается в центральных издательствах (журн. «Юность», газ. «Известия» и др.). Понятно, вырезаем и храним на добрую память о тех грозных годах, в память о далекой юности.

Всех Вы, понятно, помнить не можете, забыты и друзья по взводу... А Вас я помню, когда Вы вступили в бой, кажется, 26 июня 1941 г. под Двинском. Тогда мы не знали, что попали под острие направления главного удара... Это были наши первые жертвы «201-ВДБ». Кровь наших кировцев на земле Латвии...»⁵

Это и другие письма о книге «Так растет и дерево» — неоспоримое свидетельство того, что ее значение в духовной культуре 70-х гг. XX в. было велико. Кулиеву писали об этой книге старые и молодые, известные люди нашей страны и простые рабочие, пенсионеры, однополчане, прошедшие вместе с Кулиевым тяжкий путь военных дорог, и его друзья-земляки.

Мы убеждены, что книги Кулиева, написанные им на русском языке, — «Так растет и дерево», «Поэт всегда с людьми», подводящие итоги его раздумьям о законах творчества и месте художника в обществе, должны глубоко изучаться в современной национальной школе и в вузах Северного Кавказа гуманитарного профиля.

Пользуясь тем, что здесь присутствуют учителя средних школ, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что Национальная республиканская научная библиотека им. Н. К. Крупской издала библиографический указатель литературы «Жить, удивляясь»: к 70-летию со дня рождения К. Ш. Кулиева» (Нальчик, 1987), в котором

есть раздел о литературно-критических статьях. Здесь много очерков, предисловий, рецензий о книгах и творчестве Н. Джусойты, М. М. Киреева, Т. Зумакуловой, А. Ковусова, Н. Гребнева, О. Опрышко, А. Шомахова, З. Тхагазитова, Э. Гуртуева, Т. Эфендиевой и о многих других,

¹ См.: раздел программы «Литература 50–80 гг. XX века». М., 1996.

² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, ед. хр. 67, л. 1–2.

³ Там же, ед. хр. 51. Письмо датируется 29 дек. 1975 г.

⁴ Там же, ед. хр. 19, л. 1.

⁵ Там же, ед. хр. 81, л. 1–2.

Ф. С. Эфендиев

ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В БАЛКАРСКОЙ ПОЭЗИИ

Тезисы доклада на межвузовской научно-практической конференции «Пушкин и Кавказ: история и современность». Пятигорск, Пятигорский государственный лингвистический университет, 1990. 28–29 мая.

Наша научная конференция посвящена знаменательной дате – 200-летию со дня рождения великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина, который не раз был на Кавказе, воспел его природу, горцев, их обычаи и традиции. Пушкинский пейзаж в стихах о Кавказе («На холмах Грузии», «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке») всегда покорял и восхищал читателей и поклонников Музы поэта.

Мы должны быть благодарны кафедре отечественной и зарубежной литературы филологического факультета ПГЛУ, что она явилась организатором этой конференции, и мы, ученые и преподаватели вузов, школ, смогли собраться здесь и выступить по актуальным вопросам

пушкиноведения на Кавказе в историческом и современном аспектах.

Все поколения балкарских поэтов не раз обращались к пушкинским темам, мотивам, сюжетам, символическим образам, цитатам, отдельным строкам его бессмертных стихотворений; к идее воплощения гармонии мира и человека и т. д. В их поэтических произведениях образ гениального Пушкина приобрел значение символа мировой культуры, связь с ней и художественными традициями русской классики.

К. Ш. Кулиев, Б. И. Гуртуев, М. И. Геттуев, К. С. Ота-ров, Ж. Ж. Залиханов, А. К. Будаев и С. Ш. Хочуев – считали Пушкина родоначальником новой русской литературы и своим духовным учителем. С его именем они были связаны с детства (начиная от «Узника», который изучался по школьной программе, вплоть до зрелых годов, когда к ним приходила известность и слава. Для меня говорить о балкарской поэзии и о Пушкине – это, прежде всего, желание сказать о Кулиеве и Пушкине. У горского поэта есть произведение «Стихи, сказанные в Москве зимним днем» (1977). Конечно, стихи о Москве, но они и о Пушкине:

Под снегопадом вновь белы дома,
Тверской бульвар, и Пушкинская площадь,
И, вечный, Он – Поэзия сама! –
Чьи годы не состарит снега проседь ¹.

Перевел Д. Долинский

Кайсын Кулиев не раз писал о том, что Пушкин – учитель для всех поколений поэтов, он их современник, и его поэтический опыт как жизненная школа, которую надо изучать и постигать умом и сердцем. «... Уроки Пушкина непреходящи, – писал Кулиев в статье «Два голоса» (1966). – Свою непобедимую веру в жизнь и будущее он выразил с великим достоинством:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Тут Пушкин четко определил и свои заслуги перед Родиной и ее культурой, и то главное, что несет в себе большая поэзия. Здесь четко выражена позиция истинного художника. Эти великие стихи были одновременно эпитафией самому Пушкину и завещанием всем грядущим поэтам»².

Поэтическим символом у Кулиева часто выступали горячо им любимые горы, которые он воспел и прославил. Творчество Пушкина он сравнивал с горами, выше которых только Бог. Малая родина и Россия для Кулиева — это тоже Пушкин:

... А в сердце: березы, дубы, опушки,
И русского неба свод голубой,
Которым в былом любовался Пушкин.

Кулиев унаследовал пушкинские мотивы, и он чтит пушкинские традиции, но по-своему воспевал жизнь, женщину и любовь к ней, доброту людей и благородство. «Один из центральных мотивов поэзии Пушкина — желание добра людям, другу, товарищу, любимой женщине и просто труженику. И эта душевная полнота была связана с верой поэта в жизнь, в творческие силы людей, родного народа и человечества», — писал Кулиев³.

«Стихи, сказанные на площади Пушкина в Москве» (1970) принадлежат перу Кулиева. Балкарский поэт пришел к памятнику поэта, чтобы набраться духовных сил («Пришел сказать ему, что было всюду во мне, со мной его души тепло», или: «На памятнике я читаю строки, столь дорогие сердцу моему»).

Памятник Пушкину для многих поэтов становится духовной опорой, символом веры, особенно в трудные дни. Видимо, не случайно кабардинский поэт Алим Кешоков написал стихотворение «Пушкин в ноябре 1941 г.», когда враг рвался к Москве и нужна была уверенность в непобедимости России. Обратимся к строкам, полным глубокого образного сюжета:

Как часовой, безмолвный и бессонный
Над славною советскою Москвой,
В тяжелое раздумье погруженный,
Стоит великий Пушкин, как живой.

Перевел В. Потапов

Балкарский поэт Максим Геттуев тоже не раз обращался к пушкинским образам, потому что к ним его влекло с детства. «Учась в школе, — писал он, — я зачитывался произведениями Пушкина... Не расставался с ним ни днем ни ночью. Ложась спать, я клал под подушку «Евгения Онегина» и «Мцыри», а утром, отправляясь в школу, засовывал книги в свой фанерный ранец. Вернувшись домой, я направлялся к нависшей над рекой скале, садился на большой плоский камень и, глядя на пенистую речку с высоты ста метров, «запоем» читал стихи гениальных русских поэтов»⁴. Стихотворения М. Геттуева «Кинжал», С. Гуртуева «Кинжал», как и Кулиева «Кинжал», и многих других балкарских поэтов, написаны под впечатлением пушкинского «Кинжала». Но назначение кинжала иное, чем у Пушкина с его призывом к борьбе с насилием. Вот о чем писал М. Геттуев:

Я кинжал воспеваю,
Как доброе горское диво;
В нем — душа мастеров
И уверенных рук волшебство⁵.

Перевел Я. Серпин

Теперь кинжал служит украшением жилища («Он висит на стене горделиво; полюбуйся со мною чудесным чеканом его!»), и его назначение — только радовать взор хозяйина и гостей.

Такое же назначение этого вида старинного оружия и у поэта Салиха Гуртуева («Из памяти стерлись деянья кинжала лихого...»), хотя в начале стиха поэт напоминает о том, что «наточенный остро кинжал был признаком горца вне происхождения, сословий, проверенный в схватках жестоких, он накрепко знал, что нет ничего горячеей человеческой крови»⁶.

Влияние А. С. Пушкина на всех национальных поэтов было огромным и значимым. В литературоведении Северного Кавказа об этом сказано очень много и авторитетно. З. Н. Акавов (Махачкала) писал: «Библиография трудов ученых Северного Кавказа, посвященная творчеству А. С. Пушкина, связанному с кавказской проблема-

тикой, могла бы составить огромный свод информационного материала и самостоятельную исследовательскую тему. При этом нельзя не отметить то, что в северокавказском литературоведении, как и в целом в пушкиноведении, одни проблемы разрабатываются более интенсивно, другие получают недостаточное освещение... это целый комплекс теоретических проблем пушкинского творческого метода и художественного стиля в восточной (в частности, и в кавказской) тематике»⁷.

Мне уже приходилось выступать по теме «Кайсын Кулиев о Пушкине», поэтому я не буду повторяться и говорить о замечательно глубоких статьях горца о своем любимом поэте — Пушкине; все они по праву входят в литературоведение Северного Кавказа, в пушкиноведение. В своей книге «Так растет и дерево» Кулиев писал: «Полная прелести пушкинская простота никогда не перестанет вызывать удивление. Это высшая естественность, идущая от душевной щедрости и полноты, от богатства природы и мысли. Она — высший урок для поэтов»⁸. К. Кулиев всю жизнь пытался писать на балкарском языке просто и доступно для понимания рядовых тружеников. И требовал от переводчиков того же. В статьях о Пушкине Кулиев пытался говорить об уроках этого гениально-го поэта для новых поколений поэтов и для себя лично. В частности, Кулиев восхищался пушкинским высказыванием: «Да здравствуют Музы, да здравствует разум!» «Это один из самых прекрасных гимнов в мире, спетых Радости, Разуму, Свету. Это — мощная песнь в честь и во славу жизни», — писал восторженно Кулиев⁹. Этому принципу тоже следовал горский поэт. Уже будучи тяжело-больным он воспевал мир и женщин красоту («И мир нов для меня»):

Ты возле,— и нов целый мир для меня,
И светит мне солнце счастливого дня.

.....
Последние муки свои облегчая,
В лицо твое я посмотрю, дорогая¹⁰.

Это большой цикл стихов «Свет твоего лица», последний раздел книги «Человек. Птица. Дерево», в котором

поэт пропел гимн бессмертной земле, всепобеждающей жизни и чарующей женской красоте.

Весеннему свету подобна женщин краса.
Всегда они рядом, как с гор белизной — небеса ¹¹.

Перевел Д. Долинский

И последнее, о чем я хотел сказать. К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина издательство «Эльбрус» выпустило сборник стихов поэта на балкарском языке (составитель Э. Гуртуев). Юбилейный сборник стихов Пушкина на кабардинском языке вышел в Нальчике в том же издательстве. Эти два сборника можно расценивать как подарок гениальному поэту, воспевшему Кавказ и людей, его населяющих. Лирические стихотворения Пушкина «Кавказ», «Обвал», «На холмах Грузии», романтическая поэма «Кавказский пленник», неоконченная поэма о нравах и обычаях адыгов «Тазит», поэтические зарисовки красоты природы Кавказа «Монастырь на Казбеке», «Делибаш», «Дорожные жалобы», «Калмычка», «Дон» долгое время служили и будут всегда служить нравственно-эстетическим ориентиром для многих поколений национальных поэтов.

¹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 33.

² Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 25.

³ Там же. С. 24.

⁴ Геттуев М. Стихотворения. М., 1974. С. 8,9.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Гуртуев С. Шесть писем совести: Стихи, поэмы. М.: Советский писатель, 1990. С. 12.

⁷ Акавов З. Н. Пушкин в литературоведении Северного Кавказа // Пушкин и Кавказ: история и современность. Пятигорск, 1999. С. 4.

⁸ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 43.

⁹ Там же. С. 22.

¹⁰ Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 324.

¹¹ Там же. С. 326.

КЯЗИМ МЕЧИЕВ И КАЙСЫН КУЛИЕВ КАК ДУХОВНЫЕ ВЕРШИНЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ БАЛКАРСКОГО НАРОДА

Тезисы доклада межвузовской научной конференции «Литература народов Северного Кавказа: художественные и методологические проблемы изучения». Карачаевск, 1999. 12 мая.

В социальной памяти балкарского народа имена Кязима Мечиева и Кайсына Кулиева остались навечно. Они являются выдающимися представителями культуры и, в частности, балкарской литературы. 1997 г. был объявлен в Кабардино-Балкарии Годом Кайсына Кулиева, которому исполнилось бы 80 лет. В 1999 г. балкарский народ отметил 140-летие со дня рождения основоположника балкарской литературы, классика Кязима Мечиева, родившегося в горном ауле Шики в семье крестьянина в 1859 г. Несмотря на разницу лет, они встречались, были лично знакомы друг с другом. Это было летом 1940 г. Кязиму исполнилось 80 лет, а Кайсыну – 22 года. «Я беседовал с ним подолгу, – вспоминал позже Кулиев. – Чего еще лучшего я мог желать? И сейчас вижу его неторопливо раскрывающим томик Хафиза в маленькой комнате с каменными стенами, где находились его книги и где в одиночестве он писал стихи»¹.

Кайсын Кулиев сделал все возможное, чтобы поэзия Кязима Мечиева стала достоянием народов Кабардино-Балкарии, и его произведения выходили в Москве и Нальчике. Кулиев называл Мечиева поэтом-мыслителем, изумительным лириком, большим художником, оказавшим огромное влияние на развитие культуры и литературы родного народа. О нем он написал замечательную поэму «Золотая свирель» (1966–1968). Первоначально она называлась «Кузнец» и была опубликована под этим названием. В ней Кулиев воспел своего учителя в поэзии, коснулся и трагического факта – смерти Мечиева в 1945 г.

в Талдыкурганской области Казахстана. В седьмой главе он писал, обращаясь к Кязиму:

Изгнанник, ты камнем не стал,
Вернувшись в родные долины,
Чью глину от века считал
Дороже, чем злато чужбины.

В чужой стороне не слышны
Кавказские громы весною,
И ливни родной стороны
Теперь не шуршат над тобою

.

Ужель не заслуживал ты,
Иль нету на родине милой
Ни камня для скорбной плиты,
Ни места для скромной могилы?

Перевел Н. Гребнев

В 60-е гг. могила К. Мечиева находилась в Казахстане, но в конце 90-х гг. прах поэта был привезен на родину, и теперь «ливни родной стороны» омывают его могилу в Долинске. Кулиев был бы доволен, если бы он дожил до этого события в культурной жизни Кабардино-Балкарии.

Кулиев, пока был жив, каждый раз выступал с докладами на его юбилеях, написал и опубликовал о нем много статей ².

В одной из своих статей Кулиев писал: «Мечиев — один из самых выдающихся людей, когда-либо живших в балкарских горах... Все мы считаем ныне Кязима основоположником родной литературы, непревзойденным национальным поэтом, гениальным художником слова, своей гордостью. Кязим — это фигура такого же значения, как Важа Пшавела, Коста Хетагуров, Габдулла Тукай, Абай Кунанбаев» ³.

Эти слова, сказанные о Мечиеве, можно с полным правом отнести и к самому Кулиеву, чья известность перешагнула границы РФ, ближнего и дальнего зарубежья. Именем Кайсына Кулиева назван парк в г. Анкаре (Турция), село под Стамбулом; в Индии открыты школы его имени; в Киргизии, в Бишкеке (Фрунзе) одна из улиц

носит имя Кайсына Кулиева. В Нальчике есть проспект имени Кайсына Кулиева, театр его имени; Дом-музей его имени открыт на улице Кайсына Кулиева в Чегеме I. В 1987 г. отважные альпинисты покорили новую вершину в Приэльбрусье и назвали ее именем Кайсына. Кулиевский пик – это Пик бессмертия поэта, а в небе горит его звезда.

О К. Мечиеве и К. Кулиеве ученые-литературоведы пишут монографии, защищают кандидатские и докторские диссертации как по филологии, так и по философии. О Кязиме Мечиеве написаны интересные книги А. Теппеевым и Р. Кучмезовой. О К. Кулиеве опубликованы монографии, литературные портреты, научные биографии. Это работы Н. М. Байрамуковой, С. К. Башпиевой, Ст. Рассадина, В. Дементьева, Т. Е. Эфендиевой, С. И. Эфендиева, Ф. С. Эфендиева. Писатель А. Теппеев издал учебное пособие для балкарских школ «Кайсын Кулиев» на балкарском языке. К 70-летию со дня рождения Кулиева была издана книга «Остаться в памяти людской...». Составителем ее стала дочь поэта Ж. Кулиева. В нее вошли воспоминания известных поэтов и писателей страны, а также книга «Я жил на этой земле... Кайсын Кулиев. Портрет в документах» (Нальчик, 1999). Статей написано о К. Кулиеве столько много, что если их собрать и опубликовать, то получилось бы несколько томов.

Мечиев и Кулиев – духовные феномены в истории культуры Кабардино-Балкарии, поэты, которых все знают и любят.

¹ Мечиев К. Огонь очага: Стихи. М., 1970. С. 8.

² Улыбка Кязима. Страницы воспоминаний // Лит. Россия. 1968. 5 апр. С. 17; Поэт народа (Вступительная статья) // Мечиев К. Избранное. М., 1976. С. 3–8.; Поэт народа (К 120-летию со дня рождения К. Мечиева // КБП. 1979. 20 дек.; Народный поэт // Мечиев К. Книга стихов. Нальчик, 1984. С. 5–6. На балк. яз.; Талант и мудрость (О К. Мечиеве) // Сов. молодежь. Нальчик, 1984. 20 дек.

³ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 406.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ К. Ш. КУЛИЕВА

Тезисы Международной научно-практической конференции «Биосфера и человек», Майкоп, 1999. 5 октября.

Концепция человеческой личности всегда пребывала в литературе и искусстве, так как она составляет основу, движущее начало, внутреннюю сущность всякого художественного образа.

В литературах Северного Кавказа центральной проблемой тоже остается проблема концепции мира и человека. Известные ученые северокавказского региона исследовали в своих монографиях эти важные вопросы. Имеются защищенные кандидатские и докторские диссертации.

Современная балкарская литература, возникшая после 1917 г., активно участвовала и участвует в формировании художественной концепции личности. Опираясь на достижения мирового реалистического искусства, она демонстрирует свою, национальную единую идейно-художественную концепцию современного горца XX в. Видный ученый по вопросам развития тюркских литератур З. Кедрина долгое время работала по вопросам художественной концепции личности и была убеждена, что «концепция человека есть главное и определяющее в системе реализма, поскольку она обусловлена процессом исторического развития каждого народа». В. Новиков в книге «Движение истории – движение литературы» (М., 1979), Н. И. Дикушина в монографии «Октябрь и новые пути литературы» (М., 1978) затронули вопрос о художественной концепции личности.

Национальные особенности, художественно-образное отражение действительности можно проследить на поэтическом творчестве Кайсына Кулиева. Независимо от его родного языка (вторым родным языком для него является и русский, на котором он написал роман в прозе «Была зима» и два тома критических статей), его на-

ционально-художественной традиции, в его произведениях поэтической формы ярко выражается художественная концепция личности современного горца, менталитет балкарского народа. Кулиевская концепция личности в его произведениях 30-х гг., периода Великой Отечественной войны, послевоенного времени и 60-х – 80-х гг. XX в. есть своеобразное поэтическое выражение общего процесса развития единого целого представления об исторической эпохе и ее герое с социально-типическими чертами его характера. Решая проблему национального характера, Кулиев стремился запечатлеть в художественных образах существенные качества горцев: их трудовой энтузиазм, гражданскую активность, сознательность и целеустремленность. Почти каждый художественный образ в его ранней лирике (цикл стихов «Мои соседи») является индивидуальным носителем национального самосознания, национальной психологии, быта, культуры родного народа конца 30-х – начала 40-х гг. Это был решающий фактор в идейно-нравственной эволюции мировоззрения Кулиева. От его ранних взглядов на человека протягиваются нити к дальнейшей его художественной концепции личности. Во всей полноте и многогранности раскрывает Кулиев духовный облик своего героя – олицетворение народного героического характера – в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). В концепции человека, развиваемой поэтом в годы защиты Отечества, как и во всей советской многонациональной литературе, важнейшее значение приобретает нравственная категория долга, и выражается она в мировоззрении защитника Родины или как черта характера героя-патриота, открывающаяся в размышлениях или действиях, прямо связанных с трагическими обстоятельствами войны:

Чем родину предать врага мечу
И на коленях жить, уж лучше я,
В сражение за тебя упав, хочу
Спать на груди твоей, земля моя!

Перевел Д. Кедрин.
(Земля моя, 1942)

Концепция героической личности утверждалась в поэзии военных лет в силу необычных обстоятельств массового героизма, когда патриотическое слово грозových лет явилось могучим духовным оружием. В послевоенные годы, в переходный период от войны к мирному строительству Кулиев, как и все поэты многонациональной литературы, верно показал «образ времени» и запечатлел современника, его настроения и переживания. Художественно осваивая личность послевоенных лет, Кулиев пытался показать ее социально-психологические качества в мирном труде, в нелегких обстоятельствах первых послевоенных лет; особенно его интересовал тип горца, который оказался насильственно высланным за пределы отчей земли – в Среднюю Азию, Казахстан и в трудлагеря Сибири. Вопрос о личности и о родном крае как символе национального существования, о депортации балкарского народа в поэзии Кулиева получает своеобразное художественное отображение в поэме «Завещание», которая долгое время не переводилась на русский язык и только после смерти Кайсына Кулиева, в период гласности и демократии была переведена С. Липкиным и впервые была опубликована на русском языке в газете «Кабардино-Балкарская правда».

Многочисленные художественные образы поэмы Кулиева (Харун, Азамат, Азрет, Бекбулат, матери-горянки Бисли, Халимат, Лейли) – это национальные типы, яркие представители балкарского народа. Каждый из них – индивидуальный герой из народной среды, определенный тип личности, представляющий различные социальные слои общества. Они – главные носители художественной концепции поэта, ее новизны и зрелости. Несомненно, общественно-политическая и духовно-нравственная атмосфера послевоенного времени, новые тенденции, обнаружившиеся в литературе, когда художники стремились проникнуть в самую диалектику вопроса «человек и история», «личность и коллектив», «человек и общество», сыграли в дальнейшем определенную роль в кулиевской художественной концепции личности. Хотелось бы отметить и то, что Кулиев художественно отображал человека во взаимоотношениях с природой, потому что они дополняют друг друга, составляя единый мир. «Человек и природа» – это целая концепция взглядов, мнений, суж-

дений, принципов! Процесс духовного развития личности, прямой взаимосвязи человека и природы, гуманизации в философско-пейзажной лирике можно рассмотреть на основе анализа цикла стихов «Море», поэмы «Радость — золотая птица» Кайсына Кулиева и других его произведений, в которых вечные темы и образы в индивидуально-художественном мире поэта предстают по-иному и обретают новую жизнь со всеми национальными особенностями в этнокультурных аспектах.

Развивая принцип социальной активности личности, Кулиев по-своему решал в 60-е — в середине 80-х гг. вопрос о трагическом в личной жизни человека — быстротечности времени, старости, смерти; о несчастьях и болезнях, которые сопутствуют человеку в его многотрудной жизни. В стихах трагического накала поэт часто обращался к образам природы, художественным образам мировой литературы (Дон Кихоту, Прометею, Бетховену, Шопену), легендам и сказаниям Древней Греции с их идейно-нравственным условным и символическим значением. Это позволяло ему, как и в народно-поэтическом творчестве, реалистически показать сложный нравственный мир человека и подойти к философскому осмыслению его духовной жизни. Естественно, что сложный процесс человеческой жизни немыслим без борьбы, трудных поисков счастья, драматических ситуаций и трагических потерь близких и родных. «Трагедия не имеет ничего общего с пессимистическим отношением к бытию, — говорил Кулиев, — то есть отрицанием смысла жизни и борьбы за нее. Гибель героя не всегда является его поражением...»

Сложная диалектика жизненного опыта по-разному преломлялась в произведениях поэта — от грустно-трагических нот до жизнеутверждающего пафоса:

Боль, что моей предсмертной болью будет,
Идущих вслед за мной не свалит с ног.
Достигнут в должный срок другие люди
Вершин, которых я достичь не мог.

Перевел Н. Гребнев

Художественная концепция личности прослеживается в его стихах в связи с решением нравственного содер-

жания образов матери и любимой. Лирические стихи Кулиева о матери и любимой, родной сестре и вообще о горянке во многом predetermined народным мироощущением и пониманием великой роли женщины в жизни каждого человека. Этим объясняется его вдохновенное поклонение женщине («Дочери гор», «Горянке», «Женщинам Балкарии»), подлинно высокая любовь к ней («Женщина купается в реке»):

Плещется купальщица в воде,
Нету зла, и смерти нет нигде.
В мире нет ни вьюги, ни зимы,
Нет тюрьмы на свете, нет сумы,
Войн — ни на одном материке...
Женщина купается в реке.

Перевел Н. Гребнев

В художественное слово о любви, о женщине-матери Кулиев вложил всю красоту и богатство души горца XX в. В целом кулиевские женские образы несут в себе жизнеутверждающее, активное, доброе, благородное, красивое, жертвенное, духовное и творческое начало.

Имя Кайсына Кулиева стало художественным символом достижения высоты в развитии национальных новописьменных литератур. Говоря о росте художественного творчества в национальных республиках новописьменных литератур, В. Пискунов отмечал в конце 70-х гг. XX в. что «...поэзия дагестанца Р. Гамзатова, калмыка Д. Кугультинова, балкарца К. Кулиева, литовца Э. Межелайтиса и Ю. Марцинкявичюса и многих других определяет уровень нашей литературы, ее современное состояние и перспективы»¹.

Художественный мир Кулиева, с его стремлениями к философскому пониманию и изображению действительности, с его социально-нравственными исканиями в воссоздании морального облика горца всегда представлял для ученых определенный интерес. (Его творчеству посвящены монографии ряда ученых, учебное пособие.)

Развитие художественной концепции личности в творчестве Кулиева можно условно разделить, по нашему мнению, на четыре периода: ранний, закончившийся созданием сборника стихов «Мои соседи» и стихотворе-

ний типа «Горной баллады»; второй период – Великая Отечественная война, – озаглавленный созданием цикла стихов, баллад, поэм о войне – защитнике Родины. В этот период раскрылся во всей полноте и многогранности духовный облик героя. Кулиевский художественный характер представлял собой сложное отражение общего, существенного в индивидуальном, то есть художественное выражение того, что было присуще человеку в дни великого горя. Строки «Я, твой сын, беру оружие, боль твоя моею стала раной» выражали в 1941–1943 гг. подлинно гражданское понимание сущности происходивших событий. Военная лирика Кулиева в основном опиралась на литературные и национальные традиции и отвечала задачам времени. В основном это была стихотворная публицистика «малой» жанровой формы: отклик-призыв («К горцам», 1942), напутствие-клятва («Клятва», «Сестре», 1942), стихи наставнического характера («Поэту будущего», 1941–1942), пейзажная и любовная лирика («Любимой в первый год войны») и др.

Третий период творчества Кулиева, как мы уже отмечали, связан непосредственно с насильственной высылкой балкарского народа, куда вскоре отправился и сам поэт, это с 1945-го по 1955 г. Одиннадцатилетняя депортация не могла не сказаться на художественной концепции человека, попавшего в трагические условия. Кулиевский художественный характер теперь иной. Горцу, высланному «навечно и без права возврата», требовалось иное мужество и терпение, чем на войне («Праздник в ауле», «Женщинам», «Рисунок к заглавию», «Мое слово», «Родной земле», «Я с лошади падал...»).

Качественный сдвиг в гуманистической концепции личности Кулиева произошел в 1960–1980 гг., когда произошли изменения в социально-экономической и культурно-политической жизни балкарского народа, восстановленного во всех политических правах и возвращенного на родину. Поэт конкретизировал свои представления об идеале, связав их с развитием жизни в новых условиях, обобщив его в концепции человека. В этот период эволюции творчества Кулиева в его концепции личности происходит качественное изменение: у него появляются иные идейно-эстетические принципы. Поэт пришел к убеждению: нужно не только утверждать любовь к человеку,

прекрасное в прекрасном, нового героя в новой жизни, но и признавать за ним право активной жизненной позиции, уметь бороться со злом и жестокостью, искоренять их, в какой бы форме они ни проявлялись. Тяготение в 60-е гг. к общелитературной концепции личности не мешало поэту выработать свою, национально-художественную концепцию личности, выражавшую его идейно-нравственное, творческое кредо. В гражданской, пейзажной, любовной лирике Кулиева с ее углубленным нравственно-философским характером стало сильнее проявляться интеллектуальное и эмоциональное начало; поэт все чаще затрагивал вопросы моральной сферы человеческого бытия. Мировоззренческие проблемы, связанные с понятием смысла жизни, этических норм поведения человека, находились в центре идейно-художественных и нравственно-этических исканий Кулиева, опиравшегося, как и в предыдущие годы, на художественный опыт русской классической литературы в познании человеческой души, а также на социальный опыт и культуру балкарского народа.

В заключение своего выступления на этом большом форуме ученых мне бы хотелось прочитать стихотворение Кайсына Кулиева «Друзья мои, родня...», написанное им в 1965 г., в переводе Наума Гребнева. Вот оно:

Друзья мои, родня –
Ткачи и хлеборобы,
Учили вы меня
На мир глядеть без злобы,

Тем не желать невзгод,
Не посылать проклятий,
Кто мыслит и живет
Вразрез с моим понятием.

Учили добрым быть,
Не говорить лукаво
И, прежде чем судить,
Знать, что имею право.

¹ Дорогой правды, дорогой гуманизма. М., 1978. С. 164.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ К. Ш. КУЛИЕВЫМ ТРАГИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

(по книге «Раненый камень»)

Тезисы доклада Международной научно-практической конференции «Биосфера и человек». Майкоп, 1999.

Проблема трагичности человеческого бытия в искусстве и художественной литературе – давняя. Начиная от древнегреческих философов Сократа, Демокрита, Платона, Аристотеля, драматургов Софокла и Еврипида, осознавших трагичность человеческого бытия; литературы эпохи Возрождения (вспомним трагизм образов Дон-Кихота Сервантеса, Макбета, Гамлета, Отелло, короля Лира Шекспира, Андромахи и Федры в трагедиях Расина) до литературы советского периода (герои «Тихого Дона», драматической поэмы П. Антокольского «Сын», «Реквием» А. Ахматовой и т. д.), трагизм как тема мировой скорби и тяжелого переживания прошел через всю историю зарубежной и русской литературы вплоть до постсоветского периода.

В нашей отечественной литературе трагическое чаще всего изображалось, как эмоциональное осмысление мужества людей, их верности своим возвышенным принципам (идеям) перед лицом неминуемого поражения и как скорбное осознание обреченности на гибель человечески ценного во имя кого-то или чего-то (смысла жизни, лучшей доли будущих поколений и т. д.). Жизнеутверждающий пафос советской литературы, литературы соцреализма и постмодернизма, признававшей, что страдание – это неизбежный факт человеческого существования, – непреложное явление духовной истории человечества, его творческого состояния, это некая закономерность. Гармонию с окружающим миром, духовный покой личность и общество редко когда испытывают. Приме-

ров тому из художественной литературы можно привести множество, будь то поэзия А. Блока, М. Цветаевой или проза В. Гроссмана, В. П. Некрасова.

У балкарского поэта Кайсына Кулиева есть немало произведений, в которых трагичность человеческого бытия нашла художественное отражение как в стихах, так и в прозе. У него есть стихотворение «Ваша кровь». Оно о страданиях многих поколений простых балкарцев-тружеников, живущих в условиях высокогорья, характерные особенности, беды и чувства которых качественно трансформировались в духовно-нравственный опыт нации. Эта духовность – горское мужество – как часть менталитета народа передавалась из поколения в поколение. Кулиев художественно обобщил и выразил то, что было и есть в народе:

Шли вы на турью охоту, бывало,
И не страшил вас в горах снегопад.
Вы у заваленного перевала
Не поворачивали назад.
Горцы, со всякой бедою вы знались:
Зверь подминал вас, и снег засыпал.
Камни срывались, и реки вздувались,
Кровник точил свой неправый кинжал.
Кровь, бушевавшая в ста поколеньях,
Сыну балкарца, досталась и мне.
Мужество ваше и ваше терпенье
В пору беды просыпались во мне.

Перевел Н. Гребнев

Трагическое самосознание Кулиева налицо в таких произведениях, как «Прометей», «Сожженной Хиросимы горький дым...», «Зловещи слова: Майданек, Бухенвальд...», «Ночь и рассвет», «Камень», «Памяти матери», «Солдат от боли умер...», «Я над раненым камнем...», «Покоя нет», и во многих других из сборника стихов «Раненый камень», удостоенного в 1967 г. Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Нам кажется, что страдание было постоянным состоянием души Кулиева и тогда, когда он писал «Играют Шопена», «Бетховен», и когда создавал «Эльбрус» и «Предки мои». Пере-

живания поэта носили причинный характер: он пережил потрясающие события Второй мировой войны, несправедливую высылку родного народа, одиннадцатилетнюю депортацию, семейную трагедию, смерть близких и друзей. Сознание трагичности не покидало его и тогда, когда он слушал музыку своих любимых композиторов Бетховена и Шопена, портреты которых он держал у себя над письменным столом, где обычно работал. Что думал он, когда писал стихи о них?!

Бьют капли по стеклам. Деревья блестят за окном.
Темнеть начинает. Молчит обезлюдевший дом.
Изранены сумерки, ветер смешался с дождем:
Играют Шопена.

Перевел Н. Коржавин

Эти первые строки вводят нас в начало стихотворения «Играют Шопена». Они тревожны («Молчит обезлюдевший дом. Изранены сумерки...»), как сама повседневность людей, но еще не трагичны. А второе четверостишие вводит нас в разыгравшуюся драму: «След крови на свежем снегу. И вокруг – тишина...» Напряженность действия нарастает в каждом последующем четверостишии: «Кровь льется. Сражение кипит. Но сил не хватает. Неправый опять победит...»

Страдание поэта, обычно, не порождало в нем пессимизма или душевной пустоты. Мировая скорбь, которая звучала, скажем, в музыке Бетховена, ноты грусти у Шопена соответствовали творческому состоянию души Кулиева и пробуждали в нем любовь ко всему живому и сущему на земле. Вот концовка стихотворения «Бетховен»:

Как будто сам всходил на высоту
Воздвигнутых им гор, добыв победу.
«Ценю всего превыше доброту!» –
Он говорил, пройдя сквозь мрак и беды.

Перевел Н. Коржавин

Дороги Кулиева тоже вели сквозь мрак и беды, но сердце его не ожесточилось, оно осталось добрым и благородным.

Духовные ориентиры поэта были возвышенны, касалось ли это Бетховена или горного обвала, сметающего все на своем пути («Обвал»). Философия трагедии человеческой природы глубоко осмыслена Кулиевым и не потому, что он опирался на классические литературные традиции, а потому, что следовал своему жизненному принципу. Так, обращаясь к поэзии, он писал: «Под знаменем священным и высоким я был солдатом твоего полка, твоим притоком был, твоим потоком, когда казалось мне, что ты река». Или:

Кинжальных, пулевых ранений много было,
Не жаловались мы, сражались против зла.
Когда ж в кровавый день мы вдруг теряли силы,
Как знамя, нас любовь спасала и вела.

Перевел Н. Коржавин

Почему-то многим исследователям поэзии Кулиева кажется, что он поэт светлый и жизнерадостный. Наверное, и это есть в его творчестве. Сказал же он: «Мир и радость вам, живущие!» Но он поэт и трагический по самой своей сути. Мы в этом убеждены, и сборник стихов «Раненый камень» свидетельство тому.

В этом же сборнике есть поэма «Перевал». Она тоже о трагедии, которая разыгралась в снежную бурю. Врач Азред должен был пойти через перевал и спасти мать и ребенка. Он сделал это, но на обратном пути погибает сам. Вдумаемся в авторскую концепцию:

За нами сыновья идут по следу
Сквозь бури века, не жалея сил.
Без гибели храбрейших нет победы,
Нет жизни без заснеженных могил.

Перевел М. Дудин

Эти тезисы были опубликованы в книге «Биосфера и человек». Материалы Международной научно-практической конференции. Майкоп: АГУ, 1999. С. 356–358.

ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Тезисы доклада на Международной научно-практической конференции «Биосфера и человек». Майкоп, 1999. 6 октября.

Уважаемые коллеги, разрешите огласить мои краткие тезисы. Но начну я свой доклад с любимого стихотворения Кайсына Кулиева. Называется оно «Перед боем», написано в 1944 г., когда Кайсын Кулиев сражался против фашизма во Второй мировой войне.

Я родился в ущелье Чегем,
Средь высоких обветренных скал,
Был моей колыбелью Чегем,
Песен горных я много слышал.

Там когда-то смотрели с высот
Круторогие туры на нас.
Мать, бывало, мне песню поет —
Смотрят строгие туры на нас.

Там и в школу я бегал зимой,
Буквы первые стал разбирать,
Там, в метель возвращаясь домой,
Имя «Ленин», вписал я в тетрадь.

Перевела В. Звягинцева

Чегем — это этническая колыбель великого поэта и выдающегося гуманиста XX в. Кайсына Кулиева. Чегемское ущелье он воспел и прославил в своих стихах, в которых звучит музыка и всеобщая гармония любви ко всему живому («В горах», «Горная баллада», «Утес», «Я вновь в моем Чегеме», «Чегемец, мой земляк, чья твердая рука...», «Чегемская поэма», «Чегемский камень», «Чегемское предание» и многие другие).

В своих произведениях поэт опирался на природно-ландшафтные образы родного края, поэтому он не слу-

чайно воскликнул: «О, горы, вы мои учителя!» В окружении гор, скал, камней прошло детство Кайсына. И он воспел их во многих стихотворениях типа: «Камень!» («Камень, о тебе писал я много раз...»), «Камень – мера стойкости вовек...», «Касыда горам» («О горы, вы мои учителя!..»), «Касыда Ушбе» («Ты не похожа ни на что на свете...»), «Гора» («Блестящая снегами в вышине...»), «Гора» («Ей равных не было по красоте...»), «Гора всегда бела, хоть над горою...», «Гора говорит со снегопадом» («Гора беседует, бела...»), «Гора дает приют» («Гора мне и теперь дает приют...»), «Горные вершины» и др.

Одним из лучших я считаю стихотворение «Камень», в котором мысль и чувство слиты неразрывно.

Много раз я писал о тебе... Издавна
Были камнем богаты аулы нагорий,
И народ мой оставил свои письмена
В камне: мудрость свою, и надежду, и горе.
Мысль народов других в древних книгах жила,
В фолиантах хранились былого анналы.
А у горцев бесправных – скала да скала.
Мысль вверялась камням. Камни, камни и скалы –

Наши книги, история нашей земли!
Потому-то и камень везде в избытке,
Что столетия в нем свой язык обрели.
Это скорби и стойкости свитки!

В кулиевской поэзии природно-ландшафтные образы – это мощные горные стены Баксанского, Чегемского и Черекского ущелий. Они являются для поэта национальными символами стойкости, терпения, мудрости и вечности. К ним Кулиев не раз обращался в минуты грусти и радости, беседовал с горами и просил у скал совета и помощи. Об этом говорят названия его многочисленных стихотворений о горах и Чегеме: «Мой Кавказ», «Эльбрус», «Горы мои», «Горы, скажите погибнет ли радость?», «Герой и камень», «Я вернулся в Чегем», «Я с гор пришел», «В Чегеме зацветает алыча...». В стихотворении «Среди родных камней» читаем:

Опять я здесь, среди родных камней,
Где пела мать над зыбкою моей.

И замечал ее усталый взор,
Как снег ложился на отроги гор.
Вот тот очаг, где разводила мать
Огонь, чтоб нас кормить и согревать.
Вот камень, где над пряжею она
Сидела, одинока и грустна,
В тени скалы. А вот сама скала.
Родник, откуда воду мать брала.
А где же колыбельная ее,
Что берегла младенчество мое,
Неся покой и отгоняя страх?
Должно быть, стала дымкою в горах...

Перевел Л. Шерешевский

Это стихотворение написано в 1978 г., в том же, что и другое — «Колыбельная моя». Оно тоже о детстве и родном крае: «Я приехал в свой Чегем родной, повстречался снова я с весной. Звонкий голос, ты зовешь кого? Это голос утра моего...» Эти этноландшафтные образы, воспеты Кулиевым, останутся в памяти многих поколений и будут служить важным фактором формирования экологического сознания. А патриотические мотивы будут пробуждать любовь к родному краю. Так, в стихотворении «Земля моя» (1942) Кулиев писал:

Как жить мне без тебя, седой Казбек,
Без узких горных троп страны родной,
Без милых сердцу скал и бурных рек?
Как позабыть Баксан и Терек мой?

Перевел Д. Кедрин

В Чегемской тишине с горы падают воды, переливаясь всеми цветами радуги. И цвет гор здесь меняется от ярко-желтого до темно-красного, от серебристо-белого до переходящего местами в угольно-черный цвет. Неповторимо прекрасной и могучей силой звучит в стихах поэта эта фантастическая симфония красок крутых и причудливых скал. Давно изучают их сложную структуру — эту каменную великую книгу геологической истории земли, где каждая страница насчитывает сотни тысяч лет.

С детства поэта окружала великолепная природа и горные вершины в розовом снегу, где свое начало берет

бурная речка Чегем, не раз воспетая поэтом в стихах («Раздумье у реки Чегем», «Раздумье у речки Жилги», «Река бежит, скалистый берег гложет...», «Река Жилги», «Река из-подо льда...», «Речушка, в теснине бегущая горной...», «Речка детства»).

С камня на камень – то зелен, то ал –
Ты по ущелью, бушуя, бежал.
Песни, пропахшие горечью гор,
Я не могу позабыть до сих пор,
Ах, мой Чегем!

Нет, ты не вниз по теснине бежал,
Ты через сердце мое протекал.
Был я травой на твоём берегу,
Был валуном на прибрежном лугу...
Ах, мой Чегем!

Перевел Н. Гребнев

Мы считаем, что природа воспринималась Кулиевым, как Божественное явление, ожидающее от человека не только разгадывания тайн, но и любви, и восхищения. Поэт хорошо понимал, что географической средой балкарского народа являются горы Большого Кавказского хребта, что через национальное и Космос можно выразить материальные, духовные и психолого-эмоциональные явления жизни. Как известно, каждый национальный космос имеет свою иерархию, пропорцию и структуру. Так, для народов Северного Кавказа – это горы, чистые снега, бурные реки, прозрачные родники, нарзановые источники, альпийские луга, водопады, черноземные поля в долинах, горные пастбища, сенокос по склонам гор – все это составляет основу их субстанции.

Длительным историческим ходом развития в высокогорных экстремальных условиях сформировался творческий генофонд горских народов. Многие черты материальной и духовной культуры многочисленных народов определяются природными условиями. Природно-ландшафтная среда обитания является заданным условием существования любого народа. Этнические системы и окружающий мир всегда были определяющими во взаи-

модействии людей с природой. Здесь следует отметить, что только культурное наследие способно оказать благотворное влияние на каждого человека, на его национальное самосознание и экологическое сознание. Этнокультурная среда обитания нашла художественное выражение в произведениях поэта.

Поэзия Кулиева охватывает не только земные явления, но и Космос. В его стихах природа и страны, о которых он писал в стихах и прозе, — это не только природно-энергетические процессы, а Земной шар, нуждавшийся в защите от вредных воздействий, в заботе людей. Принцип гармонии в творчестве Кайсына Кулиева явно ощущим — в природе, во взаимоотношениях людей между собой и с окружающим миром. В его понимании даже Космос — это гармония мира, национальный логос. И сама поэзия Кулиева — это космофилософия, то есть мудрость Космоса, его художественное выражение. Модель-схема балкарского народа — это высота, поэтому он о горах говорил только так: «Выше вас только солнце и Бог», или: «У поэтов и гор долг один — высота». Вот почти всем знакомые его строчки:

Весь мир, где льется кровь,
весь в сердце у поэта.
Мы сердце всей земли.
Мы соль ее несем.

Мировидение поэта носит космопланетарный характер. Духовная субстанция Кулиева — еще не исследованная проблема в социально-философском аспекте. Надеемся, что в дальнейшем в балкарском литературоведении этот пробел будет устранен и новые поколения исследователей — философов и литературоведов — заинтересуются вопросами космопланетарного характера поэзии Кулиева.

Конкретное биографическое место поэта — высокие горы, белое пламя Эльбруса, картины родного края. Но эти пространственные категории не ограничиваются лишь отчей землей. Они охватывают весь мир, поэтому он писал:

Земля одна. На ней и враг, и друг.
И бедствуем, и радуемся все мы.
Здесь край чужой, но я гляжу вокруг
И вижу горы моего Чегема.

Перевел Н. Гребнев

«Стихи, написанные в городе Скопле» (1970) есть выражение того, что мы называем взаимопониманием людей мира. Мы полагаем, что Кулиева можно считать основоположником северокавказской поэзии планетарности. Его поэтический талант выражает глобальные мировоззренческие, духовно-нравственные и гуманистические проблемы. Благодаря поэзии Кулиева природно-ландшафтные образы вековых скал Чегемского и Хуламо-Безенгийского ущелий приобрели философский и поэтический смысл, став достоянием миллионов читателей России, СНГ и зарубежных стран. Сколько чувств в начале стихотворения «В Хуламском ущелье»! Я процитирую его вам:

Так чисто небо – всех небес небесней, –
Что хлынуть хочется слезами из глаз!
Оно мне кажется прекрасной песней,
Пропетою для мира в первый раз!

Я чувствую, на небо глядя, робость,
Молчу, как будто все мои слова,
Сорвавшись с турьих троп, низверглись в пропасть,
Как будто с речью я не знал родства.

Перевел С. Липкин

Уникальный этнокультурный феномен Кабардино-Балкарии органично вошел в стихи поэта, через них – в систему ценностей мировой цивилизации как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры. Этот духовный взлет балкарского народа нередко именуется раскрытием кулиевского таланта.

Хотелось бы обратить внимание на стихи среднеазиатского периода, созданные не в своей этнической субстанции, на чужбине. В основном они проникнуты чувством глубокой печали и тоски по родному краю. Так, в стихотворении «Киргизия» он писал:

Твоя трава служила мне постелью,
Я воду пил, ел хлеб в твоём краю.
В похожих на балкарские ущельях
Оставил боль и молодость свою.

Перевел Н. Гребнев

В другом стихотворении «Киргизстану» (1947–1955) природно-ландшафтные образы иной среды-обитания проступали наиболее зримо: «Твоих лесов и кряжей-исполинов люблю я красоту и высоту, ценю твоих охотников и чту твоих строителей, твоих акынов».

Я песню высоте твоей пою,
Твоим геологам и садоводам.
Я славлю землю щедрую твою.
Я песнь пою твоим полям, заводам...

Перевел С. Липкин

Итак, мы считаем, что главное содержание поэзии Кулиева в том, что он художественным словом утверждал принципы гармонического слияния человека с окружающей его природой; гуманизма и нравственности; планетарно-космической регуляции и призывал народы к глобальным преобразованиям природы и общества, к интеллектуальному совершенствованию личности, к всечеловеческому братству, взаимопониманию и социальной справедливости. Так, в стихотворении «Дом и мир» поэт писал:

Я отчий край любил всегда,
Где ел я хлеб, где пил я воду,
Но я любил и города,
Любил края, где не был сроду.

.

Прошу я мир: не будь суров
И не лишай тепла и крова
Людей всех сущих городов
И края моего родного

Перевел Н. Гребнев

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ В ДЕНЬ ПАМЯТИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

2000 г. 4 июня, Дом-музей в 1-м Чегеме

В день памяти поэта присутствовали: представители администрации Чегемского района; Союза писателей КБР; школьники и учителя Булунгуевской средней школы; дочь поэта Жанна Кайсыновна Кулиева со своей дочерью Лейлой Джигоевой, сын поэта, художник Азамат Кулиев, который приехал из г. Анкары (Турция), и его сын Кайсын Кулиев, внук поэта; сестра Марзият с дочерью Аллой и внучками из селения Бабугент Черекского района; племянники и племянницы поэта Малкаровы из селения Лашкута Эльбрусского района и многие другие родственники поэта, живущие в селении Чегем-1.

Дорогие коллеги, уважаемые гости, милые ученики, сегодня мы отмечаем День памяти выдающегося поэта Кайсына Шуваевича Кулиева. 15 лет тому назад он в этот день ушел из жизни. Погасла одна из ярких звезд на небосклоне человечества. Всю свою жизнь могучим талантом он утверждал идеи гуманизма и гражданственности, уважение ко всему живому. И сейчас, выступая перед Вами, я не могу без волнения и скорби говорить о нем. Человеческую боль Кайсын Кулиев понимал глубоко, когда писал в 1965 г.:

Большая боль не вопиет,
Печаль всегда немногословна
В горах безмолвно тает лед,
Пересыхает пруд безмолвно.

Перевел Н. Гребнев

Мне отрадно видеть здесь молодое поколение. Особо я благодарен ученикам той школы, в которой когда-то учился Кайсын Шуваевич. Дорогие мои дети! Вы каждый раз приезжаете сюда из самого отдаленного горного селения со своими учителями и наставниками, и каждый раз вы великолепно читаете на родном языке стихи незабвенного Кайсына Шуваевича и даже сочиняете свои стихи о своем прославленном земляке. Я вся-

кий раз поражаюсь вашему искусству чтения: читаете свободно, без бумаги, как говорится, «без шпаргалок», выразительно, прочувствованно, как будто каждое слово вами выверено и продумано. Поэтому я особо хочу поблагодарить ваших учителей, которые затратили немало труда, чтобы составить такой содержательный сценарий. Вы привезли с родины поэта, с его родной земли цветы, не только розы, но и полевые букеты с альпийских лугов, которые так любил Кайсын Кулиев. Он их воспел в стихотворении «Цветок на скале»:

На каменной скале
В моей родной теснине
Цвел издавна цветок,
Цветок цветет и ныне.

Семь лепестков его
Еще в те дни горели,
Когда моя весна
Играла на свирели.

Перевел Н. Гребнев

Среди вас, юных, находится здесь внук Кайсына Кулиева, названный в честь деда-поэта Кайсыном. Кайсын Кулиев — это сын известного художника, младшего сына поэта Азамата Кулиева, который сейчас специально приехал из Турции, чтобы отметить эту дату. Благодаря ему на могиле поэта 3 июня была организована поминальная молитва (маулют), где присутствовали старейшины и муллы.

Наш милый и дорогой внук Кайсынчик, это о тебе и об Ильясе Кулиеве написано стихотворение поэта «Фотография внука» в то время, когда он лежал в больнице, тяжело страдал и фотография была ему утешением:

Фотография внука — посредник
Между мною и миром глухим.
Здесь, в больнице, он мой собеседник,
Я подолгу беседую с ним.

.

Мальчик мой, улыбайся почаще,
От улыбки счастливой такой

Отступает и холод звенящий,
И безжизненный мрак ледяной.

Перевела Н. Кондакова

Обращаясь к присутствующим здесь и к Союзу писателей КБР, я хотел бы сказать, что после смерти поэта, как вы знаете, прошло 15 лет. За это время почти не было издано сборников стихов поэта, если не считать тех, которые подготовил он сам, когда болел и уже с трудом составлял Собрание сочинений в трех томах (М., 1987). К 80-летию, правда, вышла одна книга, которую подготовил Ахмат Созаев на балкарском языке, — «Покуда стоят горы» (Избранные стихотворения. Нальчик: Эльбрус, 1997. 464 с.). Я это говорю, потому что мне каждый год приходится выступать с докладами о творчестве Кайсына Кулиева на международных конгрессах, конференциях в различных городах нашей страны. Меня всегда спрашивают коллеги-ученые: «Как и где можно купить трехтомник Кайсына Кулиева?» Другие просят меня, чтобы я прислал его стихи. Однажды я действительно купил 20 книг Кайсына Кулиева (трехтомник) и разослал. А сейчас ни в одном книжном магазине Кабардино-Балкарии книг Кайсына Кулиева на русском языке нет. 23 апреля, когда был съезд республиканской общественной организации «Голос Балкарии», я тоже об этом говорил в присутствии Премьер-министра республики Х. Дж. Чеченова и других руководителей КБР. Когда отмечали 80-летие со дня рождения Кайсына Кулиева в ноябре 1997 г., то всем гостям, приехавшим из России и СНГ, подарили сборник стихов «Таула тургъан къадарда» и монографию профессоров Эфендиевых (Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И. Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта. 1917–1958. Нальчик, 1997. Ч. 1. 248 с. и Эфендиева Т. Е., Эфендиев С. И., Эфендиев Ф. С. Кайсын Шуваевич Кулиев. Биография поэта. 1959–1985. Нальчик: Эль-Фа, 1997. Ч. 2. 421 с., а также книгу М. Текуева «Мир и радость вам, живущие» (Песни на стихи Кайсына Кулиева. Нальчик: Эльбрус, 1977. 104 с.). Все это я говорю, потому что через два года, то есть в 2002 г., исполнится 85 лет со дня рождения Кулиева. К этой дате серьезно надо готовиться уже

сейчас: подумать о переиздании его произведений на русском языке (тираж должен быть большой, а не одна тысяча, как привыкли к этой цифре у нас в республике). Особенно большой спрос наблюдается со стороны ученых, которые занимаются историей культуры и межнациональными отношениями, на книгу Кулиева «Так растет и дерево» (М., 1975). В его личном архиве имеется более 50 писем и откликов на эту книгу. Многие писали, что раньше были народные университеты культуры на заводах, фабриках, во многих городах и районах, а книга «Так растет и дерево» является подлинным университетом культуры, она заменяет народные университеты культуры.

К этой юбилейной дате мы, профессора Эфендиевы, готовим к изданию 4 тома из серии «Друзья Кайсына Кулиева», которые выйдут в издательско-торговом центре «Эль-Фа» в 2000–2002 гг. «Друзья Кайсына Кулиева» – сюда включено более 60 фотографий; «Кайсын Кулиев в воспоминаниях современников» – в нее включено около 90 воспоминаний друзей, которые лично знали поэта; «Кайсын Кулиев. Литературно-критические статьи творчества поэта», «Кайсын Кулиев – символ национальной духовной культуры».

Мы планируем провести Международную научную конференцию «Кайсын Кулиев и мировая культура». Думаем на эту конференцию пригласить друзей Кайсына Кулиева, таких, как Ч. Айтматов, Левон Мкртчян, Расул Гамзатов, Мустай Карим, дочь Зульфийи – Хулькар, Борис Олейников, Давид Кугультинов, а также переводчиков поэта. Для этого потребуются материальные расходы, и наша республика должна помочь в этом плане. Я вспоминаю, сколько я испытал препятствий и трудностей, когда проводил научную конференцию, посвященную 80-летию со дня рождения Кайсына Кулиева. Это были Вторые Эльбрусские чтения. Благодаря только энтузиазму моих коллег из университета – проф. И. Ш. Ахматова, ныне покойного, доц. М. М. Текуева, доц. И. Х. Шавбаева, ст. препод. И. Ч. Хочуева, директора Педколледжа Нальчика Н. Х. Байчекуевой и замминистра сельского хозяйства и продовольствия М. М. Чочаева – и была проведена эта конференция и опубликованы ее материалы в

объеме 6,5 п. л. Материалы конференции получили высокую оценку среди известных ученых страны. За проведение этой конференции я был награжден Почетной грамотой ЮНЕСКО. Можно утверждать, что конференция получила европейское признание.

И еще на одном я хотел бы остановиться. В 1987 г., то есть 13 лет тому назад, заложили памятный камень на месте, где должен быть установлен памятник Кайсыну Кулиеву. Это место обозначено на проспекте им. Кайсына Кулиева перед Дворцом строителей. Но до сих пор ничего не сделано. Желательно общественности и нашему Правительству обратить внимание и на этот вопрос. К 85-летию памятник должен быть установлен.

Я обратил внимание и на другое. Здесь, в Доме-музее поэта, где во дворе стоит памятник, постамент разрушен, и его сегодня закрыли покрывалом. Здесь присутствуют два зам. главы администрации Чегемского района, которые обязаны помогать Фатиме Кулиевой, директору музея, в сохранении всего того, что находится на его территории.

Кайсын Кулиев – поэт с мировым именем, и мы должны дорожить его литературным наследием, ибо его книги – это бесценное духовное достояние не только для народов Кабардино-Балкарии, но и для всего человечества.

Я сейчас обращаюсь к вам, дорогие и уважаемые соотечественники: у кого есть фотографии и письма поэта, принесите мне в университет на кафедру философии. Вам они будут возвращены. Мне они нужны для 7-го тома (фотоальбома). Дело в том, что архив Кулиева не пополняется начиная с 1977 г., когда отмечали 60-летие поэта. Это особо касается родственников поэта, которые имеют много фотографий и писем Кайсына Кулиева. О нем будут писать и в ХХI в., поэтому все материалы надо передать в архив (ЦГА КБР, ф. 852).

Его книги изданы в 40 зарубежных странах. По Интернету можно собрать все материалы о К. Ш. Кулиеве. Сейчас я этим занимаюсь. Это необходимо для создания энциклопедии о Кайсыне Кулиеве. Это наш гражданский долг перед памятью великого сына балкарского народа.

В НОВОЕ ВРЕМЯ – С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ И ОТКРЫТОЙ ДУШОЙ

Новогоднее поздравление с
новым веком и новым тысяче-
летием. КБП. 30.12. 2000.

По латыни тысячелетие называется очень красиво – милениум. Так вот, оно окончилось. Человечество вступает в новое время – в ХХI в. и третье тысячелетие.

Свое поздравление мне бы хотелось начать словами Кайсына Кулиева, который не раз поздравлял народы России и Кабардино-Балкарии с Новым годом, выступая по Всесоюзному радио, телевидению, в центральной и местной печати. Он тогда читал стихотворение «Мир и радость вам, живущие!» (1971). И я начну с него:

Мир и радость вам, живущие,
Не от ваших ли забот
Жизнь идет, земля цветет,
Существует в мире сущее?

.

Мир и радость вам, живущие,
Чьим трудом земля живет,
Людям всем, без чьих забот
В мире тьма была бы тьмущая,
Мир и радость вам, живущие!

Говоря о будущем, хотелось бы задать вопрос: «А что же осталось в прошлом?» Это прежде всего; крупнейшие открытия в области науки, бессмертные творения искусства, великие произведения мировой художественной литературы. Невозможно перечислить всех гениев, которые пополнили духовно-нравственные ценности человечества.

Огромный прогресс был сделан в освоении космоса и использовании атомной энергии, а в том, что иногда горят дома, по убеждению Кайсына, Прометей не виноват.

.

Сила Прометея до сих пор
Царствует – она сильнее смерти,

Снежные громады катит с гор,
Мечет молнии и вихри вертит...

Перевел Н. Гребнев

1 января 1967 г. в «Литературной газете» была опубликована статья Кулиева «Мир вечно молод». Это было поздравление поэта, обращенное ко всем. Он писал: «Поэзия сейчас ответственна перед людьми как никогда. Она призвана мужественно противостоять врагам молодости мира, угрожающим атомным оружием и всеми достижениями техники. Но я, как миллионы людей, верую в молодость жизни и будущее мира...»

Прошедший XX в. был трагическим. Россия в этом веке, как известно, пережила три революции (1905–1907 гг., Февральскую и Октябрьскую 1917 г.) и три войны: русско-японскую (1904–1905), Первую мировую (1914–1918) и Великую Отечественную (1941–1945). В годы Второй мировой войны погибло 56 миллионов человек, свыше 90 миллионов ранено, 28 миллионов стали инвалидами. Все это незаживающая и кровоточащая рана. Трагический опыт писателей разных поколений воплотился в художественные произведения, которые составили единую русскую литературу XX в., уже ушедшего в прошлое и ставшего историей века.

А вот что я хочу пожелать XXI столетию. Оно должно быть веком не только информационной технологии, но и временем идей гуманизма, взаимопонимания, взаимоуважения между всеми народами, чтобы не было братоубийственных войн на всей планете.

Всеобщая гармония Космоса, Земли и Человеческого рода – глобальная проблема. Но ведь ее решение – это веление времени! Подчеркивая смысл человеческого бытия, Кайсын Кулиев в 1948 г. в своей записной книжке писал: «Благословенный запах хлеба, тепло детских пеленок – все это основа и симфония жизни».

Пусть XXI в. будет счастливым для каждого человека на земле, принесет людям спокойствие и уверенность в завтрашнем дне, социальную справедливость и защищенность от войн. В этом нам поможет Всевышний, Милостивый Аллах!

Перед началом нового века все мы должны покаяться в своих грехах. Покаяние – это духовно-нравственная

категория очищения души. Войдем же в новое время с чистой совестью и открытой душой!

Заканчивая свое пожелание, мне бы хотелось обратиться к строкам стихотворения моего любимого поэта Кайсына Кулиева «Все еще впереди» (1964):

Люди, не можем достичь мы предела:
Лучшее слово и лучшее дело –
Все еще впереди,
Все еще впереди,
Иди!

Самая звучная песня – не спета,
Самая лучшая женщина – где-то.
Все еще впереди...

Горе забудется, чудо свершится,
Сбудется то, что покуда лишь снится.
Все еще впереди...

Не подводите покамест итога,
Самая светлая ваша дорога
Все еще впереди...

Созданы лучшие в мире творенья,
Не оттого ли, что жизнь – предвкушение
Всего, что еще впереди,
Иди!

Перевел Н. Гребнев

Т. Е. Эфендиева

МИЛЛЕНИУМ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ К. КУЛИЕВА

Тезисы выступления на
межвузовской научной конфе-
ренции «Россия на пороге ново-
го тысячелетия: проблемы, тен-
денции, модели». Ростовский
госуниверситет. 2000.

Слово «миллениум» связано с латинским словом «mille», что означает «тысяча». Миллениум как понятие

означает тысячелетие. В творческом сознании поэта оно может быть протяженностью в тысячу лет или годовщиной события, бывшего тысячу лет тому назад, а может предстать мигом жизненных явлений, общественно-политическим осмыслением событий. Оно может выступать и как символ, как знак, и как художественный образ, несущий в себе обобщение и отражающий объективную действительность. Время в национальном мироощущении художника кисти и пера может отражаться в различных художественных формах, стилях и выражениях. А. Ф. Лосев писал о типах мироощущения (из впечатлений после «Травиаты»): о созерцательном типе, который содержит в себе много логики и спокойствия, много красок и пластических элементов». Это мир зрительных устремленностей сознания. Другой тип идет, — писал он, — от глубины, а не с поверхности, перспективен, иррационален; отражает внутреннее движение вещи... Это мир слуховых устремлений сознания»¹.

В философской лирике Кайсына Кулиева много реально-исторических символов, и их многомерность обусловлена и логикой развития мысли поэта, его «зрительными и слуховыми устремлениями сознания», а также разнообразными структурно-семантическими конструкциями тюркского стихосложения. При этом временные и пространственные категории выступали в его поэзии как художественные символы. А символ всегда есть обобщение:

Белый парус в морской показался дали,
Словно ветры его к нам сюда привели
Из далеких краев, из промчавшихся лет,
Как известье от тех, кого в мире уж нет².

Перевел Л. Шерешевский

«Белый парус» являлся символом счастливого состояния поэта, того времени, когда он не знал страдания и бед. «Белый парус из далеких краев, из промчавшихся лет» напоминал поэту невозвратимое детство. В философском понимании время — это всеобщая форма материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояния всех материальных систем и

процессов в мире. В поэтическом — иначе: через творческое сознание могут промелькнуть века и найти художественное воплощение их герои, как, скажем, древнегреческий певец Орфей («Орфей»), легендарный страдалец Прометей («Прометей, прикованный к скале...»), шекспировский Гамлет («О юный Гамлет, о мой кровный брат...»), символ благородства и добра Дон Кихот («О Дон Кихот, ты никуда не канул...», «О Дон Кихоты прошлых лет...») и т. д.

Тысячелетие как временная категория для поэзии — не туманно-расплывчатое понятие, а конкретная судьба народа, прошедшего свой трудный путь исторического развития. У Кулиева она нашла отражение в цикле стихов «Половецкая луна», в которых он поэтически осмысливал истоки происхождения своего народа — от половцев, обитавших в Причерноморских степях в XI–XII вв.

Или миллениум может предстать и в другом аспекте, в несколько преуменьшенном виде, но в том же значении, касавшемся жизни людей:

О годы, годы!
Сколько ран тяжелых
Вы наносили,
Сколько невеселых
Дорог вели вы,
Старости в угоду,
О годы, годы!..³

Перевела Н. Кондакова

Время в лирике Кайсына Кулиева имеет много художественных аспектов и символических значений. В одном из своих стихотворений поэт писал:

Много было всяких дней
и ночей, и тропок горных,
белых я седлал коней,
а порой скакал на черных...

Конечно, это о своей жизни, об основных этапах духовных исканий, о своем внутреннем росте в сложных, а порой неимоверно трудных жизненных обстоятельствах. Употребление черного и белого цветов только усиливало

эмоциональную тональность стиха. Иногда эти цвета не употреблены, но явно ощутимы за драматизмом строк, как в стихотворении «Старайся бесстрашным быть!», опубликованном в сборнике стихов «Человек. Птица. Дерево» (М., 1985) в последний год жизни поэта:

Мед радости я знал на свете,
Пил горя горькое вино.
Ночь встретить так, как полдень встретил,
Я приучил себя давно.

Не я один скажу без дрожи,
Собравшись в бесконечный путь:
— Ночь приближается, но все же
Спокойным и бесстрашным будь!..⁴

Перевела Н. Кондакова

В этом стихотворении временные пространства — вся жизнь поэта, в которой было все: и радости и беды. Последних было больше. В конце своего пути поэт горько осознавал, что «ночь приближается...», но убеждение (глубоко осознанное чувство) не покидало его, — «ночь встретить так, как полдень встретил...»

Здесь, как видим, тревога и страх («Не я один скажу без дрожи, собравшись в бесконечный путь...») переданы в напряженном тоне и опираются на переносы основной мысли и заканчиваются выверенным резким суждением назидательного характера: «Ночь приближается, но все же спокойным и бесстрашным будь!» Лиризм и субъективный характер повествования обнаруживается и в восклицательной интонации, и в определенном эмоциональном отношении к тому, что приближается неотвратимое. Аналогичное эмоциональное повествование и построение речи и в стихотворении «Трудись спокойно» из этого же сборника:

Дней много позади твоих осталось,
Уже гораздо меньше — впереди.
Но, зная это, прочь гони усталость,
Трудись спокойно, смело вдаль гляди.

И как ни тяжелы раздумья эти,
Но все же в жизни горестной, земной

Они людьми нас делают на свете,
И нет у жизни мудрости иной...⁵

Перевела Н. Кондакова

Грустные, сочувственные интонации поэта сохраняют свою близость к лирическому герою, которому осталось так мало дней прожить, и его печальная судьба вызывала у поэта особое, доверительное отношение: «... зная это, прочь гони усталость, трудись спокойно, смело вдаль гляди». Конечно, в этих строках явно сквозит человеческая жалость к лирическому герою, прожившему трудную жизнь. Его тяжелые раздумья о «жизни горестной, земной» — это годы, пролетевшие и так быстро. И вот уже трагический финал, хотя в стихотворении и нет его разрешения. Идейная сложность в другом: поэт хотел сказать о жизненной мудрости людей, поэтическим словом поддержать тех, кто пал духом, нравственно ослаб и нуждался в сочувствии и добром слове. В сборнике «Человек. Птица. Дерево» достаточно много стихотворений этой тональности. «Человеку, одолевшему все тяготы жизни», «Ночь печали», «Сказанное в трудный час», «Я был бездомным», «Дайте отдохнуть печали», «Не думать об этом не могу», «Засохшее дерево» («И засохшее дерево умирать не хотело...»), «Ночь и рассвет», «Больничная тетрадь» (цикл стихов) — вот небольшой перечень стихов, в которых есть свой трагический промежуток — прошедшего, настоящего и будущего. Почему Кулиев писал такие грустно-философские стихи? Он объяснил это в финале строк одного из них:

Поэты — жизнелюбы; их удел —
Жизнь воспевать, любовь и землю эту.
И если вдруг о смерти он запел,
Что надо было претерпеть поэту!

Перевел Н. Гребнев

Таким образом, в исканиях художественной мысли через специфику национального Кайсын Кулиев, по нашему мнению, всегда шел в ногу с общечеловеческим Разумом, и природные компоненты духовной его настроенности были направлены к истории этнонациональной

ментальности балкарцев и современного человечества. Его художественный пространственный концепт «поля» был направлен на справедливый и гуманный миропорядок, на взаимосвязь будущего с прошедшим, — иначе человеку не нужны воспоминания и социальная память народа. Не об этом ли он хотел сказать, когда писал стихотворения «Война и молитва» («Случалось, помню, в дни войны не раз...»), «Воспоминание о зиме» («Как будто застыло время...»), «В последний бой» («Говорю поколениям»), «Воспоминания — это деревья...» и другие.

¹ Лосев А. Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. С. 624.

² Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 226.

³ Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М., 1985. С. 158.

⁴ Там же. С. 159.

⁵ Там же. С. 161.

Ф. С. Эфендиев

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КНИГИ КАЙСЫНА КУЛИЕВА «ТАК РАСТЕТ И ДЕРЕВО»

Сообщение на Международной научной конференции «Человек, культура, цивилизация на рубеже II и III тысячелетий» в Волгограде. *Волгоградский государственный технический университет. 2000. 3–5 октября.*

Книга народного поэта Кабардино-Балкарии, лауреата Ленинской и Государственной премий РСФСР и СССР Кайсына Кулиева «Так растет и дерево» (М., 1975) явилась итогом его многолетних раздумий о законах творчества, о роли и назначении поэта. Национальный колорит в сочетании с глубоким нравственно-философским осмыслением проблем времени и высокое художественное мастерство принесли ему заслуженную славу чита-

телей и почитателей его таланта в России, СНГ и за рубежом. Она занимает достойное место в контексте развития художественной культуры многих народов. Эта книга охватывает большой круг вопросов о взаимосвязи и взаимообогащении художественных культур на огромном пространстве бывшего Советского Союза.

«Так растет и дерево» написана на русском языке. В ней Кулиев выступил в несколько необычном для него жанре. Это не сборник стихов, а собрание за много лет литературно-критических статей, очерков, эссе, литературных портретов, выступлений на сессиях языковедов, организованных АН СССР, речей, произнесенных на дискуссиях в Праге, Берлине, Париже, на Стружеских вечерах поэзии в Македонии, Индии, Монголии, Японии, на Международных конгрессах в Ташкенте, Баку, Алма-Ате и во многих других городах бывшего Советского Союза. В этой книге как бы подведены итоги многолетних раздумий поэта о месте художника в обществе, о тенденциях развития художественной культуры различных народов, о литературных взаимосвязях. Его волновали проблемы преемственности и развития художественных традиций. Это прежде всего традиции классиков русской литературы — Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Горького, Есенина, Твардовского, Шолохова, Тихонова, а также мастеров художественного слова армянской, грузинской, азербайджанской, казахской, туркменской национальных культур. В этой книге есть глубокие размышления о Бараташвили, Чиковани, Сарьяне, Н. Кучаке, Джамбуле Джабаеве, Шота Руставели и о его учителе Кязиме Мечиеве, основоположнике балкарской литературы.

После выхода издания Кайсын Кулиев получил большое количество писем из различных республик и городов. Так, Алла Васильевна Драгунская писала 17 июня 1975 г. из Москвы: «Ваша книга «Так растет и дерево» удивительно прекрасно написана. Какой прекрасный русский язык у балкарца! Не все умеют так писать. Восхитительно, умно, глубоко и тонко написана эта книга. Вы немете, читая некоторые стихи Тютчева, а мы неметем, читая Вашу прозу. Это поэтическая проза»¹.

Или вот письмо В. А. Минковой из города Кемерово: «Будучи в этом году в Пятигорске, я по совету гида ку-

пила Вашу книгу «Так растет и дерево». Как я была ему благодарна: ведь в спешке я могла бы и не заметить ее и пройти мимо. Какая была бы это утрата для меня! Книга поражает своей простотой и доходчивостью языка. Вы — балкарец, но легко и свободно изъясняетесь на русском языке. Я завидую Вашему знанию моего родного языка и преклоняюсь перед Вами. Мне эта книга полезна, так как я сама пишу немного.

Эту книгу я читала несколько месяцев. Прочитав Ваше суждение о поэте и его стихах, я вновь прочитала его стихи, чтобы видеть его поэзию Вашими глазами. Вы открыли мне С. Есенина. Я стала понимать его не только сердцем, но и разумом. Ваша книга заставляет работать меня...»²

Таких писем в архиве Кайсына Кулиева очень много. В них говорилось о культурно-историческом значении его критических очерков для начинающих молодых литераторов, критиков и литературоведов, для развития национальной критики. Так, 28 декабря 1975 г. П. Гуриева из Москвы писала Кулиеву: «...Раньше при заводах и фабриках были университеты культуры, где выступали артисты, писатели, поэты, художники. Я это вспомнила, когда прочитала Вашу книгу «Так растет и дерево». Я и мои знакомые, которые читали эту книгу, в один голос сказали: «Вот это полный курс народного университета культуры. Прочитав ее, узнаешь очень много нового, полезного и интересного, захватывающего, а именно: узнаешь и поэзию, и прозу, и живопись. Узнаешь о великих людях начиная с XVI в. — от Наапета Кучака до современных поэтов Кавказа — Расула Гамзатова, Кязима Мечиева, Алима Кешокова, о живописи Сарьяна и о современной грузинской поэзии». А как изумительно Вы писали о русских поэтах, причем всего на нескольких страницах. В этой книге есть и трагические страницы о Великой Отечественной войне, о нашествии гитлеровских орд на нашу Родину. «Огонек в тумане» я прочитала несколько раз. Рожь, по которой вы ползли с тяжелораненым солдатом, мне показалась высокой кукурузой, выращенной в Кабардино-Балкарии, по которой также ползли раненые солдаты и в которой был смертельно ранен и мой муж Гуриев. Он был захоронен в городе Баксане в

братской могиле. В Кабардино-Балкарии я была несколько раз и навещала могилу своего мужа. Я благодарна народам вашей республики, что погибших воинов чтят и не забывают их». Кулиев, прочитав это письмо, был тронут до глубины души и послал шестилетней внучке автора письма Тане свою книжку «Сказка Солнца» с надписью: «Хорошей девочке Танечке. Кайсын Кулиев». Эту книгу П. Гуриева получила 8 Марта. В ответном письме она писала: «Я и внучка получили «Сказку Солнца» и благодарны Вам за книгу»³. Вышеприведенные архивные материалы свидетельствуют о культурно-историческом и познавательном значении книги К. Ш. Кулиева «Так растет и дерево».

¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 88, л. 20.

² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 88, л. 56–59.

³ ЦГА КБР, оп. 3, ед. хр. 78, л. 9.

С. И. Эфендиев, Т. Е. Эфендиева

КАЙСЫН КУЛИЕВ И АРМЯНСКАЯ КУЛЬТУРА

Выступление на Международной научной конференции «Человек, культура, цивилизация на рубеже II и III тысячелетий» в Волгограде. *Волгоградский государственный технический университет. 2000. 3–5 октября.*

Талантливый балкарский поэт Кайсын Шуваевич Кулиев (1917–1985) был тесно связан в течение более сорока лет со всеми литераторами союзных и автономных республик бывшего Советского Союза. Его всегда приглашали на общественно-политические и культурные мероприятия. В них он принимал активное участие. «Хочу подчеркнуть, — писал он, — что я не только приезжал в разные республики и с радостью видел красоту

каждой земли, с благодарностью ел хлеб, пил вино, но и писал о культуре многих народов. Так было, к примеру, с Грузией, Арменией, Таджикистаном, Казахстаном, Туркменией, не говоря о России. Уважение к культуре разных народов, интерес к ним у меня в крови, и я считаю это благом и радостью для себя»¹.

В творчестве Кулиева много стихов, посвященных историческим деятелям армянской культуры: «Комитас», «Анаит», «Камень и песня», «Пока Амо Сагиян глядит...», «Левону Мкртчяну», «Надо мною шумит платан» (Сильве Капутикян) и др. Интерес балкарского поэта к Армении, к ее истории не случаен: он много раз побывал в стране Наири и не уставал восхищаться творениями замечательных зодчих, мыслителей, поэтов, красотой Арагатской долины, лесов Лорийских гор, озера Севан. «Народ, так много вынесший на своем веку и перенявший стойкость камня, — говорил Кулиев, — принес в дар миру неповторимые творения художников и поэтов, обогатив ими культуру человечества. Армянский народ — один из самых мудрых и жизнестойких на свете. И его родина — библейская земля — одна из удивительнейших».

Кулиев хорошо знал творчество выдающихся деятелей армянской культуры — Саят-Новы, Кучака, Комитаса, Исаакяна, Туманяна, Сарьяна и других, и, по его словам, он учился у них художественному мастерству и считал многих из них своими учителями. На вопрос корреспондента журнала «Вопросы литературы», кого он считал своими учителями, Кулиев ответил, что многое ему дала учеба у великих русских поэтов — Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, а из многонациональной поэзии Кавказа он отметил Аветика Исаакяна и Мартироса Сарьяна. «...Боже, какое великое богатство заключено в их творчестве, — восторгался Кулиев. — Я не преувеличу, если назову их великими художниками».

Мартироса Сарьяна Кулиев знал лично. Познакомила их Анна Ахматова в Москве в 60-е гг. Прославленный художник жил в Ереване, и Кулиев не раз бывал у него в доме, подарил ему свой сборник стихов «Раненый камень», который высоко оценил М. Сарьян.

Кулиев восхищался картинами известного художника. «Меня всегда пленяли необъяснимые сарьяновские

краски, как лунный свет, падающий на подсолнух во дворе, выращенный моей матерью, как рассвет или закат над моим селением в ущелье, как сумерки, спускающиеся летом на каменистые дороги, по которым прошло столько копыт, ног, колес... — писал Кулиев в книге «Так растет и дерево». — Когда смотрю на картину Сарьяна «Горы», я так осязаемо чувствую, трогаю рукой снег на вершинах и зелень на склонах, и сухое ярмо на шее буйвола, и зеленееющее дерево; будто по пашне идут волы моего деда или отца в Чегеме и я в теплый весенний день шагаю за медлительными волами».

В архиве Кулиева есть телеграмма, отправленная им в связи с кончиной великого художника Мартироса Сарьяна. В ней говорилось: «Дорогие мои, скорблю вместе с Вами, со всеми, кому дороги искусство и культура. Смерть великого художника — это каждый раз всенародное горе, наша общая беда. Вместе с родными горами я склоняю голову перед памятью великого кавказца, художника мира, бессмертного живописца и поэта, любимого, незабвенного Мартироса Сарьяна»².

Любовь Кулиева к армянской земле получила художественное осмысление во многих его очерках, таких, как «Наапет Кучак — великий лирик», «Поэзия большой любви», «Бессмертный голос»; в предисловиях, рецензиях на сборники стихов многих поэтов и писателей Армении.

Во мне живет любовь к ее камням,
Сто раз оплаканным, сто раз воспетым,
Любовь к ее сынам и дочерям,
Ее пророкам и поэтам.

Перевел Н. Гребнев

Так писал Кайсын Кулиев в стихотворении «Анаит» в 1969 г.

Творческая интеллигенция и ученые армянского народа глубоко уважали и всегда были признательны поэту за его отношение к армянской культуре и древней земле Армении. «Чувство огромной благодарности и теплоты испытываю я к Кайсыну Кулиеву, — писал Н. Саакян, — за циклы стихов об Армении... Воистину щедра любовь большого поэта из Балкарии к армянской земле.

И невольно мечтаешь о том, чтобы кто-то из армянских поэтов сказал прочувствованное слово о гордой стране Кайсына – маленькой Балкарии.

Я верю, эти нерожденные пока еще строки непременно родятся, и тогда мы вложим в добрые руки Кайсына подарок, достойный его любви и поэзии»³.

В Армении Кулиева почитали не только как выдающегося поэта, но и считали ученым, разбирающимся во многих вопросах филологии, в мастерстве перевода, в исследовании народной поэзии и т. д. Так, 30 сентября 1972 г. его пригласили в Ереван на Всесоюзную научно-теоретическую конференцию «Художественный перевод как средство взаимообогащения и сближения литератур народов СССР». На этой конференции поэт выступил по проблеме художественного перевода и говорил о необходимости сохранения национальных особенностей стиха при переложении на русский язык.

Кулиев был знаком не только с деятелями науки и культуры, но и с Католикосом всех армян Вазгеном I. Он однажды принял поэта вместе с женой в музее Эчмиадзин при самой церкви и показал древний армянский алфавит, отлитый в золоте. Всем увиденным поэт был потрясен.

Книги Кулиева были переведены на армянский язык и изданы в Ереване. Кулиеву присвоили звание «Заслуженный деятель культуры Армении». Поэт был тесно связан с преподавателями Ереванского госуниверситета, где он неоднократно выступал перед профессорско-преподавательским и студенческим коллективами. Такие встречи организовывал друг Кайсына Кулиева профессор Левон Мкртчян. В университете стало традицией проводить «Литературные среды», посвященные Кулиеву, на которых присутствовал ректор университета, академик АН Армении С. А. Амбарцумян. Левон Мкртчян написал о Кулиеве много статей в центральной и местной печати, а также и книгу «Без тебя, Кайсын, и вместе с тобой» (Ереван, 1997). Книга была приурочена к 80-летию со дня рождения Кайсына Шуваевича Кулиева, когда Л. Мкртчян приезжал в Нальчик и выступал на торжественном вечере, почтив память своего друга.

Проблема «Кайсын Кулиев и армянская культура»

почти не исследована. Она требует глубокого и всестороннего изучения в историко-культурном аспекте. Социально-философское осмысление взаимосвязи и взаимообогащения многонациональной художественной культуры той исторической эпохи имеет большое научно-теоретическое и познавательное значение. Подобные исследования необходимы для объективного раскрытия причин сегодняшнего духовного отчуждения, изоляции, разобщенности бывших братских народов, когда наблюдается моральная деградация, нравственный вакуум, противостояние в сфере межнациональных отношений в условиях общего социально-экономического, политического и культурного кризиса Российского общества в конце XX и начале XXI вв.

¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 460.

² ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 29, л. 9.

³ Литературная газета, 1973. 18 апреля.

Т. Е. Эфендиева

О ЖЕНЩИНАХ И О ЛЮБВИ В ВОЕННЫЕ СОРОКОВЫЕ

Тезисы доклада Всероссийской научной конференции «55 лет Великой Победы: история и современность». Ростовский государственный строительный университет, кафедра истории и политологии. 2000. 20–22 апреля.

Время Великой Отечественной войны было не только временем расцвета патриотической поэзии, но и любовной. Жестокая война не притупляла личных чувств солдата-воина, а обостряла их, углубляла. Любовь сильней войны, она духовная опора и поддержка воина, защитника Отчизны. Такой она была в стихах К. Симонова «Жди

меня» из цикла «С тобой и без тебя», А. Суркова «Негасимая любовь», С. Щипачева «Любовь пронес я через все разлуки», «Сегодня бой...» и во многих других произведениях, авторы которых сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Был в числе их и балкарский поэт Кайсын Кулиев, который внес свое поэтическое слово о женщинах и о любви в роковые сороковые.

Миропонимание горца-солдата, его эстетика в основе своей были обусловлены балкарской народной философией, народным восприятием мира. «Доброта и мужество — эти два качества определили самую суть поэзии Кайсына Кулиева», — писал Левон Мкртчян ¹.

Солдат от боли умер до заката,
Ладонью даже сердца не прикрыл.
А.я — преемник этого солдата,
Который вас так преданно любил.

Как тот солдат, погибший в чистом поле,
Я вас люблю до слез. И потому
Я ваше сердце заслону от боли,
Пусть будет больно сердцу моему ².

Перевел Я. Козловский

Великой любовью и мужеством продиктованы эти строки, нежные и суровые, в которых и мысли, и чувства слились воедино, как и в любом стихотворении Кулиева военной поры, адресованном им любимой или матери-горянке.

Любовная фронтовая лирика горского поэта обогащалась за счет внимательного изучения духовного мира человека на войне, его чувств и устремлений. Она становилась все многообразнее и психологичнее, вбирая весь круг чувств и переживаний солдата, — и высокие патриотические идеи, и тоску по любимой, сыновнюю нежность и заботы о матери, которая день и ночь ждала возвращения сына с войны. В этот период Кулиев написал такие прекрасные произведения, как «Любимой с фронта в первый год войны» (1941), «Ты ждешь меня» (1941), «Перед боем» (1941), «Девушке с Севера» (1942), «Весна на фронте» (1943), «Я в первый день войны жестокой...» (1943),

«Песня девушки», «Песня о голубых глазах» из цикла «О тех, что не вернутся» (1942–1944), «Девушке из Подмосковья» (1943), «Весна. Весна. Окопы...» (1943), «Лампочка из гильзы...» (1943). В них дан тонкий поэтический портрет современника, который защищал свою Родину и любимую. Он радовался наступившей весне («Весна на фронте») и выражал свою радость при виде весенней травы, выросшей на полях, истерзанных войной. Исполнилась его мечта: он дожид до нее.

Он наслаждался запахом цветов.

И, позабыв на миг, что есть война,

Он был всю жизнь лежать в траве готов³.

Перевел В. Сикорский

Кулиев увидел и запечатлел отдельный эпизод, воссоздававший поэтическую атмосферу на фронте, — «цветы в полях и синева» — и эмоциональное проявление чувств солдата. Главный пафос стихотворения — в противопоставлении прекрасной живой природы и разрушений, смерти, которые несла война. Жизнь непобедима.

Солдат у Кулиева не только суровый мститель за боль и страдание, принесенные его земле жестоким врагом. Он не ожесточился до крайности, он сохранил в чистоте самое глубокое, самое нежное чувство — любовь к женщине. Солдатское сердце раскрывалось с большой нежностью и мягкостью. Воин не верил тому, кто говорил об оскудении чувств на войне:

Тот, кто говорит, что на войне

Забывают про любовь свою,

Говорит неправду. Ясно мне:

Никогда он не бывал в бою.

Перевела В. Звягинцева

Мужественный защитник Родины собирал цветы для своей любимой («Любимая! Не раз я рвал цветы на поле, где зимой прошли бои...»). Война и цветы — такой контраст, подчеркивавший духовную красоту человека. При чем солдат знал, что подарить букет он не сможет, оттого

так глубоки его чувства, так дороги ему воспоминания о мирных днях:

Как часто о тебе мне снились сны,
И сколько я собрал цветов лесных.
Но не было тебя... За дни войны
Немало у меня завяло их ³.

Перевел Д. Кедрин

Радость жизни сохранялась, несмотря на постоянную близость смерти, и верность суровому воинскому долгу никак не мешала верности любви, семье. «Цветы на фронте» – своеобразное отражение этих чувств. Казалось бы, простой случай – собранный букет цветов – но и он не упущен поэтом и приобщен к биографии солдатской жизни на фронте, чтобы глубже раскрыть душу воина-освободителя и показать его бесценные качества, без которых нет подлинно настоящего человека, верного красоте и силе пламенных чувств. Их пронес солдат через тысячу четыреста восемнадцать дней войны, поскольку они, как и любовь к Родине, были могучей идейной и нравственной силой в борьбе с гитлеризмом. Любимая была всегда с ним, хотя она и далека от него.

Ты от фронта далеко;
Но я вижу сквозь пургу:
Ты по улице идешь
Вся, как я, в густом снегу ⁴.

Перевел Н. Коржавин

Дорогой образ не забыт воином. В людях, хранивших верность в любви, черпал солдат уверенность в победе жизни над смертью. Влюбленный, нежный, страстный – таким был солдат на войне, судя по фронтовой лирике Кайсына Кулиева, который сам воевал и испытал все, что пережили солдаты.

Глубину чувств любви солдата, его заботу о близких и родных Кулиев выразил с необычайной простотой и нежностью в «Песне о голубых глазах» из цикла стихотворений «О тех, что не вернутся»:

Мы степью шли, от жажды изнывая,
С трудом давался каждый шаг.

Закрыла небо туча грозовая...
А друг мой пел о голубых глазах.

.
Он пал в степи.

Свистела, выла вьюга,
И кровь на украинский снег лилась...
Раскрытыми остались губы друга —
Как будто песня из груди рвалась ⁶.

Перевел Д. Голубков

В этом стихотворении поэт подчеркивал незримое слияние любви воина к Родине и любимой девушке, которой он хотел бы спеть песню. «Большая любовь не помешала бойцу воевать, — писал Д. Бычков, — так как Родина и голубые глаза девушки жили в сердце патриота. Голос поэта, потерявшего друга, полон скорби, однако в стихотворении нельзя не заметить и оптимизма, пафоса. Голос героя взывает к возмездию: «Ты с этой песней впереди иди». Ценно это стихотворение еще и тем, что в нем нет ложного самоутешения. Читая его, вспоминаешь о погибших в боях...»

Особое место во фронтовой лирике занимают стихи Кулиева о матери. В стихотворении «Перед боем» поэт думал только о ней: ее любовь спасет его в этом смертельном бою: «Через час начинается бой. Мать, я вижу твой ласковый взгляд, ты глядишь на меня, ты со мной...» Обращаясь в 1942 г. к ней, Кулиев писал: «Вмещает сердце воина песнь твою, и пляску, и страдания». В самый первый год войны Кулиев написал стихотворение «Ты ждешь меня» (1941). Оно о матери и ее чувствах:

Ты подолгу глядишь вечерами вдаль,
На крутые камни дорог.
Не твоя ли скрыта в горах печаль,
Там, где даль туман заволок?

.
Летним ли вечером в горы глядишь,
Ветер с чинары листок стряхнул...
«Скоро настанет осенняя тишь,
Выпадет снег, сын вернется в аул...»

Перевел Д. Шифферс

¹ Мкртчян Л. На мир смотрите добрыми глазами // Лит. Россия, 1971. 10 сентября. С. 8.

² Кулиев К. Раненый камень. М., 1968. С. 244.

³ Кулиев К. Избр. произв. в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 115.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Кулиев К. Горы. М., 1957. С. 150.

Ф. С. Эфендиев

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ ДЕПОРТИРОВАННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Тезисы доклада Всероссийской научной конференции «55 лет Великой Победы: история и современность». Ростовский государственный строительный университет, кафедра истории и политологии. 2000. 20–22 апреля.

Депортация некоторых народов Северного Кавказа: карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей, калмыков — не могла не сказаться на их национальном самосознании. Вместе с деформацией национальной политики шла деформация национального самосознания и этнической культуры. Лишение этих народов всех прав сказалось и на их общественном сознании. Ведь каждый человек из наказанных народов понимал, что оклеветанные и лишенные исторической родины, они в конце войны не представляли никакой опасности для государства, тем более, что все мужское население, верное своему патриотическому долгу, проявляло величайшую отвагу и героизм на фронтах Великой Отечественной войны. Маршал Советского Союза А. А. Гречко писал, что народы многонационального Кавказа «сражались в едином строю против фашистских захватчиков. Животворный советский патриотизм, горячая любовь к родине и беззаветная преданность ей — вот что характеризовало в годы Великой

Отечественной войны все без исключения народы и народности Кавказа»¹.

Душевная рана, нанесенная репрессированным народам в годы выселения (1943 и 1944), и пережитые ими тогда несчастья и беды не могли не повлиять на процесс развития этнокультуры и формирования национального самосознания. Их национальное сознание и национальное самосознание было изувечено культовой идеологией. Национальному самосознанию и историческому сознанию был нанесен большой нравственно-психологический урон. Как права была Ольга Берггольц, когда воскликнула: «Великая печальная молчаливая вторая жизнь народа!» Об этой второй трагической жизни народа рассказали Магомед и Олег Джургаевы в документальной повести «Круги ада». М. Джургаев был очевидцем всего того, о чем писал. По сфабрикованным обвинениям его отца осудили и посадили в трудлагерь под Астраханью, брат Аубекир оказался на Соловках, а сам автор книги Магомед Юсупович сидел в печально знаменитых Темниковских лагерях (ТемЛАГ). Это одна семья, а сколько таких семей было разбросано по всем тюрьмам и трудлагерям! «По трупам земных широт рассовали нас, как сирот...» — пророчески сказала Марина Цветаева.

Вследствие депортации, а также уничтожения некоторой части населения носители этнического сознания и мироощущения были накануне Победы униженными и оскорбленными; объектом физических и духовных истязаний. Они осознали и почувствовали на себе, что в отношении их попираются общечеловеческие моральные нормы. О судьбах спецпереселенцев и их горестной жизни поведали художественным словом Иван Минтяк в вайнахской стихотворной повести «Возвращение огня», в поэмах «Тринадцать лет» Сафар Макитов, «Завещание» Кайсын Кулиев, «Огнем опаленное детство» Юсуф Карекетов и многие другие. В них речь шла о социальной памяти народа и об отражении исторического сознания, о том, как в художественной литературе и искусстве конца сороковых и в 80–90-е гг. XX в., вошедшего в историю как век многочисленных трагедий, социальных потрясений и народной скорби, нашла отражение тема депортации.

Самосознание репрессированных народов продолжало развиваться. Даже в трудных условиях комендантского режима депортированные народы чувствовали себя частью советского народа и верили в скорое возвращение на родину. Они имели свое мнение об окружающем мире, осознавали свои поступки и действия, желания и интересы. Каждый из них воспринимал себя личностью, хотя в то тяжелое время трудно было сохранить свое достоинство, честь, гордость, взаимопонимание, веру в справедливость, так как не было никакого закона о правах человека с клеймом спецпереселенца. Но как свидетельствуют факты, все трудоспособное население высланных народов честно трудилось на хлопковых полях, скотоводческих фермах, у станков заводов и фабрик. Вера и труд спасали людей. Поэт Кайсын Кулиев выразил мироощущение своих земляков предельно точно:

Когда бы горцам, молодым и старым,
Уменья верить не было дано,
Нас ветром, как труху гнилой чинары,
С чужой землей смешало бы давно ².

Перевел Н. Гребнев

Умение верить в справедливость и глубокое убеждение в том, что высланные народы не были виноваты в том, в чем их обвиняли, давало спецпереселенцам моральные и физические силы выстоять в тяжелых условиях неравной борьбы за существование. Наказанные народы в этот для них драматический период жизни выживали силою духа, когда естественное содержание жизни этноса было лишено общечеловеческого значения.

Назначение поэзии — нести положительный заряд, и поэты, как могли, так и поддерживали своих соплеменников. И прежде чем строки ложились на бумагу, они проходили два этапа: через творческое сознание и сердце поэта. Находясь в ссылке вместе со своим народом, Кулиев писал, хотя не имел права печататься:

Все мы — средь трудных, нерадостных дней,
Пусть хоть обида нам горло сжимала,—
Яростно верили в братство людей,
В гордый порыв «Интернационала» ⁶.

Перевел Н. Коржавин

Так писал Кулиев в стихотворении «Праздник в ауле» (1955). Тринадцатилетняя ссылка подходила к концу. И пагубный Указ, гласивший, что они «высланы навечно, без права возврата» лопнет и исчезнет, как мыльный пузырь.

Тема депортации народов Северного Кавказа не только нашла отражение в художественной литературе, но и документально-мемуарном жанре. В этом плане интересными работами являются следующие: «Карачаевцы. Выселение и возвращение» (Черкесск, 1993) и «Трагедия ингушского народа» (Грозный, 1991). Во второй части книги «Карачаевцы. Выселение и возвращение» приведены материалы и документы, раскрывавшие исторические события, происходившие с карачаевским народом в трагический период с 1943-го по 1957 г. Составитель брошюры «Трагедия ингушского народа» Ю. Тангиев поднял важные проблемы, касавшиеся не только насильственной депортации, но и образа жизни этносов, развития их национального сознания. Вопросы, связанные с развитием и формированием национального самосознания, были предметом обсуждения на научно-практических конференциях, прошедших на Северном Кавказе, посвященных 50-летию депортации народов. Так, в Элисте прошли конференции: в 1992 г. «Репрессированные народы: история и современность» и в 1993 г. «Репрессированные народы: упразднение их национальной государственности и проблемы реабилитации»; в 1994 г. подобные конференции были в Нальчике и в Карачаево-Черкесии. В феврале 1994 г. ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук провел IV Всероссийскую научно-практическую конференцию к 50-летию депортации ингушей и чеченцев. Много было сказано об историческом сознании и социальной памяти, поскольку историческое сознание в условиях роста национального самосознания должно быть направлено на решение реально существующих проблем. Оно – более широкое понятие и призвано формировать у людей конкретной национальности здоровое национальное самосознание. «Человечество без исторической памяти, – писал Х. Гусейнов, – это мир без будущего, толпа одиночек, не способных понять друг друга»⁴. Некоторые вопросы, связан-

ные с формированием национального самосознания, были подняты на научных конференциях, посвященных 50-летию Великой Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, которые прошли в Ставрополе, Нальчике и в некоторых других городах Северного Кавказа⁵.

Отражение исторического сознания и национального самосознания депортированных народов в художественной и мемуарной литературе – важная задача отечественной историографии, культурологии и социологии, что будет способствовать восстановлению и развитию исторической памяти и этнической духовной культуры.

¹ Гречко А. Битва за Кавказ. М., 1967. С. 207.

² Кулиев К. Избранные произведения в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 280.

³ Кулиев К. Горы. М., 1957. С. 293.

⁴ Гусейнов Х. Помните имя свое // Правда, 1988. 13 мая.

⁵ 50 лет Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СГУ, 1995. 126 с.; Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне». Нальчик.

Ф. С. Эфендиев

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Выступление на Всероссийской научной конференции «XX столетие и исторические судьбы национальных художественных культур». Махачкала, Институт языка, литературы и искусства. 2000. 11–16 октября.

Этнокультурные процессы на рубеже веков и их влияние на национальное самосознание приобретают особую значимость и глубину философского осмысления. Связа-

но это с теми социально-экономическими, общественно-политическими и историко-культурными процессами, которые происходят в действительности во всех регионах Российской Федерации, в том числе и в республиках Северного Кавказа. Горцы оказались перед фактом серьезных изменений их целостной жизненной системы, когда нарушилась политическая жизнь общества и ее демократические параметры. Все поколения как субъекты этой общественной жизни оказались на изломе времени в полосе конфронтаций. А их судьбы должны решаться по линии цивилизованного диалога новых концепций национальных взаимоотношений, через глубокие противоречия и сложные конфликты в этнополитической и этнокультурной сферах. Поэтому исследование национального самосознания в его единичном и общем аспектах через этнокультурную сферу вполне закономерно и своевременно на рубеже двух веков, поскольку в общественном сознании возникли идеи переоценки научных воззрений на нацию и национальные факторы.

В условиях обновления всей сферы общественной жизни исследование основных закономерностей и специфических особенностей процесса формирования этнокультурных особенностей и национального самосознания имеет большое научно-теоретическое и практическое значение. На современном этапе роста национального самосознания и этнокультурных проблем межнациональные отношения приобрели особую актуальность и остроту. В связи с этим возникла необходимость глубокого изучения этнокультурных процессов и основных закономерностей детерминизации современного национального самосознания.

Демократизация политической системы не могла обойти сферу этнокультурного феномена народов Северного Кавказа, их межнациональных отношений, особенностей духовной культуры и их роли в жизни людей, в формировании национального самосознания. Поэтому на рубеже веков особенно актуальными становятся этнокультурные процессы, этносоциальные проблемы, вопросы национальной экзистенции и национального возрождения. Не менее важны и вопросы развития и формирования национального самосознания и его качественного струк-

турного обновления. В период духовного возрождения наций раздвигается динамика развития этнокультурных взаимоотношений и национального самосознания людей, углубляется интерес к познанию классического наследия. Вырабатывается новое явление в сфере духовной культуры. Расширение информационного блока способствует интенсификации коммуникативной связи. Долгие годы был разрыв в развитии и усвоении национальной культуры. В конце XX в. идет осмысление духовного наследия всех народов, возвращаются новые пласты национальной культуры, долгое время формировавшейся и сохранявшейся на различных континентах земного шара. В последнее время вышли из печати многие книги о духовной культуре народов Северного Кавказа, ее истоках, тенденциях развития, достижениях и промахах. Одной из таких интересных книг является монография А. Ю. Шадже «Национальные ценности и человек» (Маикоп, 1996. 167 с.). Автор пишет: «Сохранение и воспроизведение национальных ценностей представляет собой не единовременный акт, а длительный процесс. Оно должно базироваться на единстве общечеловеческих ценностей. Этого требует нынешнее время, когда планета, в том числе и наше общество, вступила в новую стадию развития... Ни одна национальная ценность по самой природе не может быть внедрена, навязана «сверху». Она «вырастает снизу», складывается и оформляется на эмпирическом уровне. А то, что касается взаимовлияния человека и национальных ценностей, то в жизни каждого индивида одновременно имеют место ценности, сохраняющие силы прошлого в настоящем и передающие их будущему»¹. Конечно, все эти и другие детерминанты имеют немалую значимость в процессах формирования национального самосознания, в духовной культуре народа. Они способствуют активному развитию духовно-нравственных ценностей на рубеже веков. Не менее значительными в этом плане являются монографии А. Г. Агаева (Нациология: Философия национальной экзистенции. Махачкала, 1992), М. М. Кучукова (Национальное самосознание и межнациональные отношения. Нальчик, 1992), К. Х. Унежева (Феномен адыгской культуры. Нальчик, 1997), Х. Г. Тхагапсоева (Философия образования: Проблемы развития региональных систем. Нальчик, 1997).

Повышенный интерес к этнической специфике и национальным факторам общественной жизни позволяет нам обратиться к этносоциальным проблемам и вопросам возрождения национальной культуры, развития национального самосознания и к его основным детерминантам. Всестороннее исследование многих проблем, связанных с формированием национального самосознания, на основе исторического опыта народов имеет большое значение.

Демократизация политической системы не могла обойти сферу этносоциального на Северном Кавказе и позволила иначе подойти к теории и практике межнациональных отношений и к вопросам формирования национального самосознания. Выдвинутые проблемы обоснованы объективными процессами, происходившими в стране, нового политического мышления, развития демократии и гласности.

В исследовании выдвинутых нами вопросов необходимо учитывать, что национальное как философская категория обобщает многие стороны жизни нации, воплощает многообразие индивидуального, особенного, отдельного, охватывает материальную и духовную жизнь народа. Национальная идея мало исследована и является актуальной проблемой, особенно на рубеже веков, потому что она связана с этносом, особенностями этнографической культуры, национального мышления, с психологическим складом нации и сферами сознания человека. Ясно, что в условиях развития этнического самосознания национальная идея приобретает особую актуальность в связи с этнокультурными и этносоциальными процессами, которые проявляются неоднозначно в современной российской действительности.

В результате исследования этнокультурных процессов и непосредственно связанных с ними вопросов развития и формирования национального самосознания мы пришли к следующим концептуальным положениям:

1. В сложных коллизиях постсоветской России на рубеже веков этнокультурные и политические процессы на Северном Кавказе стали одними из наиболее важных проблем. Особенно возрастает их значимость, когда считается законно существующим для всех народов при-

оритет общечеловеческих ценностей. Они входят в основу духовного развития каждого общества и влияют на общественное сознание и национальное самосознание. Их анализ требует более точного применения интегративного понятия «национальное» с учетом того, что они не исчерпываются объективными характеристиками, а связаны с необходимостью осмысления всего спектра субъективных и объективных моментов, начиная от определения этнокультуры, некоторых тенденций ее развития, национальной идеи до нравственного аспекта национального возрождения и вхождения в систему мировой цивилизации. Включение в состав понятия «национальное» всей совокупности положений, связанных с самосознанием, исторической и социальной памятью, спецификой родного языка как «дома бытия», художественной жизнью, а также с ономастикой и топонимией в системе этнического сознания резко повышает методологическую и теоретическую роль исследуемой проблемы.

2. Этнопсихологические, праксиологические, психолингвистические и этнокультурные особенности субъектов национального бытия исключительно зримо проявляются в области художественного освоения действительности. Именно поэтому вполне правомерно включение в понятийный набор нациологии понятий и вопросов, касающихся как этнокультурных явлений, так и социолингвистических проблем родного и русского языков в условиях новой языковой политики на Северном Кавказе, а также качественного изменения национального самосознания. В духовной и материальной культуре народов северокавказского региона основные закономерности этнической культуры наиболее рельефно демонстрируют самобытность того или иного народа, его уникальность и то место в мировой культуре, которое никем не может быть ни замещено, ни возмещено. Так, творчество таких известных поэтов Северного Кавказа, как Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов, знаменует собой в XX в. новое явление, которое будет осмысливаться долгое время как феномен в истории культуры горских народов. В своем поэтическом творчестве они несли национальную идею, народное миропонимание. Национальное возрождение и национальная идея привлекли к себе внимание

ученых, поскольку на пороге ХХІ в. национальная идея в этнополитике и духовной культуре занимает центральное место. Национальная жизнь и культура межнационального общения в последние годы на Северном Кавказе сильно изменились, как и самосознание народов, проживающих в этом регионе. Их менталитет тоже стал иным, поскольку экономический и социально-культурный опыт многих наций находится в процессе модернизации и усиливаются поиски моделей его усовершенствования. Национальная идея — это неотъемлемая часть духовной жизни нации. Она определяет жизненную правдивость и художественную особенность всех видов национального искусства и литературы. Так, национальная идея проходит через все художественное мировидение адыгов и творческую индивидуальность писателя Алима Кешокова, миропонимание балкарцев и поэтическое творчество Кайсына Кулиева, отражавшее идеалы его соотечественников и способствовавшее их социальным ориентирам и духовным потребностям.

.
Земля родная, ты была
Крылами моего полета
Земля моя, ты мне дала
Печаль, и радость, и заботу.

Дала мне хлеб, дала мне кров,
Свет солнечный, и отблеск звездный,
И сладость молодых грехов,
И горечь покаяний поздних.

Ты мне дала и свет, и тень,
И чудо песенного дара,
И счастье в несчастливый день
Щекой прильнуть к стволу чинара, —

так писал Кайсын Кулиев в 1971 г. в стихотворении «К коре чинара я прижмусь...» (Перевод Н. Гребнева).

3. К основным факторам, кроме вышеуказанных, влияющим на формирование и развитие национального самосознания следует отнести прежде всего национальную культуру, ее художественную значимость и социальную

память как явление духовно-нравственной жизни этноса, которая всегда находит яркое отражение в структуре творческого сознания. Так, социальная память Кайсына Кулиева сберегла боль народа периода депортации и нашла художественное отражение в стихотворении «Две свечи» (1972), хотя с того времени, когда он писал эти строфы прошло уже двадцать лет:

Давно в земле чужой, в глухой ночи
Две дочери моих угасли милых.
Погасли тихо две мои свечи,
И я сберечь огонь их был не в силах.

Война и нечто туже, чем война,
Одoleвали нас в тот год далекий,
И дочери мои — чья в том вина? —
Немного дней носили имена,
Которые я выбрал и нарек им.

Был ветер слишком лют, метель бела.
Меня и то едва носили ноги.
В тот страшный год жестокостью была
Зима моей беды, моей тревоги.

.

Перевел Н. Гребнев

Вместе с тем, в этих процессах существенная роль принадлежит всей совокупности социальных и культурных слагаемых, главным образом, экономических и политических избавлений от негативных сторон былого. Особенно это касается этнокультурных проблем и национального самосознания как феномена в системе общественного сознания, в котором выражено понимание этносами своих интересов, отношение с другими народами, своего прошлого, настоящего и будущего, а также осознание своего места в структуре закономерно установленной социальной системы. Без этого невозможен дальнейший исторический путь народов, больших и малых, сквозь судьбы которых на современном этапе этнокультурные и политические процессы анализируются с общечеловеческих позиций. Вместе с тем эти процессы настоятельно требуют и опоры на художественные традиции, на

этнопсихологические особенности горских народов, национально-особенные черты в этническом характере, национальную идею и национальный оптимизм. Этнокультурные связи и забота о сохранении и развитии национальных художественных сокровищ, этноохранные мероприятия в системе этнокультурного и этносоциального развития — это все необходимо в свете гуманизации межнациональных отношений и жизненных проблем человеческого бытия. Национальная идея является продуктом формирования и развития национального сознания и самосознания, рост и изменение которых зависят от многих этносоциальных и культурных факторов национальной жизни, проявляющейся в ее самой разнообразной форме. Здесь и свобода, и самобытность народов, их этнические ценности, и естественная потребность выбирать свой путь развития, опираться на свою, сложившуюся в веках практику регулирования этнических и межэтнических проблем и т. д.

4. В конце XX в. национальное самосознание претерпело многотрудный процесс структурной перестройки, затем духовного возрождения; в росте этнической дифференциации, вылившемся в территориальные споры и конфликты (осетино-ингушский или абхазо-грузинский) и локальные войны (Чечня, Приднестровье).

Этот сложный процесс демократизации общества включает в себя очищение от плевел тоталитарного сознания, восстановление исторической правды, опиравшейся на социальную память народа и его культуру. Сюда же нужно отнести политическую реабилитацию депортированных народов и ее нравственную и моральную значимость в развитии национального самосознания. Нравственная реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа и покаяние перед этими народами со стороны правительства нужно рассматривать как акт гуманизма, как факт огромной социальной значимости, когда началась гуманитаризация образования, гуманизация воспитательной работы во всех образовательных системах Российской Федерации. Декларация Верховного Совета СССР «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечению их прав» имела тогда

огромное значение для защиты прав малых народов, для дальнейшей гуманизации общественно-политической, культурной и духовной жизни нашего общества, особенно этносов, проживающих в северокавказском регионе. Подъем уровня национальной культуры на рубеже веков будет во многом зависеть от поликультурного образования в современной России и подлинной демократизации общества, главным стержнем которых должна быть национальная идея как движущая сила, базирующаяся на основных социальных и нравственных законах народов России. Национальная идея не есть исключительное явление северокавказской цивилизации. Она — неотъемлемая часть общечеловеческих идеалов, принципов и норм, которыми должны руководствоваться сограждане любого государства. Сейчас идет поиск новых этносоциальных и этнокультурных ориентаций, эффективных каналов взаимодействия с культурами России, СНГ, мира. Завершение этих диалектически взаимосвязанных процессов требует немало времени, духовных сил и социально-культурной активности народов Северного Кавказа на пороге нового тысячелетия, у которого будут свои проблемы, тенденции, модели и новое осмысление судьбы цивилизации.

5. Вхождение северокавказского этнокультурного феномена в систему мировой цивилизации имеет большое научно-теоретическое значение в осмыслении истории горских народов, их этнических культур, в формировании правильного исторического сознания и национальных ориентаций. Этот этнокультурный процесс играет определенную роль в формировании национальной идеи, в ее целостности на протяжении всей истории этносов Северного Кавказа. Он цементировал социально-экономический, морально-этический и духовный строй наций, способствовал развитию добрососедских отношений как внутри наций, так и с другими народами, независимо к какой цивилизации они относились, — к арабоязычной или какой-то другой. Несмотря на различие истории развития этнокультур, жизни, психологических особенностей, философских и религиозных учений, социальных катаклизмов, на взлеты и падения в материальной и духовной сферах, среди горских народов не было

межнациональной отчужденности, не было враждебности по отношению к другим народам. Чувство причастности к мировой цивилизации всегда было в крови наций, в их менталитете, в лучших представителях, которые гордились разными гранями вхождения в систему всеобщего прогресса и по мере сил способствовали ему. Это в свою очередь влияло на формирование уникального биоэтно-генетического феномена, развитие менталитета горских народов, в этногенезе которых много общего, что и послужило основой этнопсихологической совместимости этносов кавказской цивилизации.

6. Большую роль в качественном изменении национального самосознания играют этнические факторы. К основным этническим факторам качественных изменений в национальном самосознании можно отнести следующие: социально-экономические, этнопсихологические особенности, национально-культурное своеобразие, историко-этнографическую специфику, природно-ландшафтную среду, нравственно-этические ценности и родной язык. Кроме того, необходимо учитывать, что в процессе многовекового общения горские народы выработали на генетическом уровне и историческом опыте своего развития специфические механизмы саморегулирования. Уникальность этнокультурных процессов северокавказского региона состоит и в том, что он находится в географическом плане на стыке двух мировых культур – азиатской и европейской. Геополитическое влияние Кавказа как Малой Евразии на становление общественного мнения и развития общественного сознания имеет большое значение. В 90-е гг., на исходе XX в., острые конфликты в этнополитических процессах на Северном Кавказе привлекли внимание ученых, подчеркивавших пагубность классового подхода и игнорирование многих национальных факторов, непосредственно связанных со специфическими особенностями того или иного этноса. Доказано, что особенности духовной культуры и человеческого сознания и, в частности, национального самосознания, проявляются и в национальной идее, и реальности бытия этноса. С этим тоже надо считаться, поскольку национальная культура не может существовать вне национальной формы самовыражения. Она олицетворяет дух нации и ее творческий потенциал. В локальном се-

верокавказском социуме этнокультура – неотъемлемая часть социокультурного творчества, так или иначе влияющего на национальное самосознание людей. В их национальном самосознании объективно отражались и отражаются все особенности национальной психологии и национальной духовной культуры, каким бы изменениям они ни подвергались при своем взлете и падении. Так, у Кайсына Кулиева, самого яркого представителя духовной культуры балкарского народа, народная мудрость, идеи гуманизма прошли через все произведения. В 1965 г. он писал:

Таких на свете нету островов,
Где горе человека не тревожит.
Огонь, который лижет чей-то кров,
И твоего коснуться крова может.
Когда в селенье чей-то дом в дыму,
Не верь, что все счастливо обойдется.
Не пожелай пожара никому,
Не то и стен твоих огонь коснется!

Перевел Н. Гребнев

Т. Е. Эфендиева

КАЙСЫН КУЛИЕВ – ПОЭТ-ГУМАНИСТ XX ВЕКА

Доклад, представленный на Всероссийскую научную конференцию «XX столетие и исторические судьбы национальных художественных культур». *Махачкала, Институт языка, литературы и искусства. 2000. 11–16 октября.*

XX в., как и XIX, ушел в прошлое. Духовные ценности и ориентиры, экономические и политические проблемы, философско-культурологические направления менялись и видоизменялись, подпитывая и укрепляя разнообразные общественные институты своего времени. Неизменным оставалось только наследие прославленных поэтов, таких, как Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов, Тютчев, Блок,

Есенин, Пастернак, Твардовский, Тихонов, Симонов, Сурков, Щипачев.

В истории культуры балкарского народа XX столетия яркой звездой на небосклоне поэтического созвездия осталось имя Кайсына Кулиева (1917–1985), сыгравшего большую роль в судьбе национальных художественных культур народов Северного Кавказа, особенно тюркских – балкарцев и карачаевцев. Он был своеобразным духовным ориентиром наций, определял национальную самобытность, их ценностные, мировоззренческие и идеологические ориентиры.

Кайсын Кулиев – поэт-гуманист. Таким он вошел в XX в., в таком качестве он и останется в истории художественной культуры России и СНГ и в XXI в. «Время пронзительно отпечаталось в стихах Кайсына Кулиева, – писал Чингиз Айтматов в предисловии к собранию сочинений в трех томах, изданному в Москве через два года после смерти поэта. – Его знаки и символы – не отвлеченная условность, в них – боль и горечь, сострадание и нежность эпохи, человека, преодолевшего тернии на пути к звездам. А мужество поэта – что же, оно свидетельство тому, что сердце, устремленное к добру, сильнее и тверже камня, ибо способно понять его немую боль и, переживая невыносимое, оставаться добрым и ранимым – воистину человеческим. Да, поэзия Кулиева – документ эпохи». Айтматов верно заметил, что Кулиев был одним из великих гуманистов XX в. и в своих стихах проповедовал добро, милосердие, справедливость, любовь к ближнему.

На пути к постижению художественной правды, принципов гуманизма стоял жизненный опыт самого поэта. Об этом удивительно правильно и образно сказал народный поэт Кабардино-Балкарии Адам Шогенцуков: «Тропинка Кулиева вилась от вершины к вершине над теснинами, между темными скалами Чегемского ущелья. Чем дальше – к кабардинской равнине, уходящей к бескрайним просторам России, – тропа Кайсына становилась все шире, превращаясь в магистральную дорогу, в большой мир, который он воспринимал с особой живостью и восторженностью. В этой живости и восторженности всегда слышится благодарность Кайсына к родной земле, к родному народу, которого он «никогда не унижал, не обидел

ни единым словом»... Поэзия Кайсына Кулиева родилась в недрах народной жизни, наполнилась соками ее мудрости, напиталась живительной силой родной земли. Поэт никогда не отделял себя от событий, связанных с судьбами родного народа. Его ум и сердце не переставали думать о судьбе людей, о судьбах земли и времени. О больших проблемах нашего бурного века»¹.

Жизненный опыт Кулиева многогранен. Начиная с первого года Великой Отечественной войны, когда он встретил всенародную трагедию молодым воином, в его поэзии звучали гуманистические ноты, ноты скорби по погибшим товарищам и мужества, которое было сильнее смерти. «Нельзя писать о мужестве, не постигнув его законов на собственном опыте: нельзя писать о страданиях, не испытав их,— писал Кулиев об этой поре.— Писателя сопровождает и другая трудность — выразить то, что он испытал и передумал». Поэтому суровая память поэзии Кулиева сохранила и еврейскую девочку, которую фашисты сожгли живьем, и горе матери, оплакивающей смерть сына, горящие хлеба, гибель друзей, печи Освенцима и пепел Хиросимы. Так, обращаясь в 1943 г. к поэту Владимиру Сосюре, Кулиев в стихотворении «Твоя земля» писал:

Твоя обогренная кровью земля —
Как раненый воин средь грохота битв.
Печально поникли твои тополя —
Так мать о потерянном сыне скорбит.

Здесь видел убитого мальчика я,
Такого ж, как дети родных моих гор,
И долго стоял я, печаль затая,
Так тяжек был глаз этих мертвых укор.

Я девушку видел: в дорожной пыли
Лежала она, холодна и бледна,
Над ней украинские зори цвели,
А мне показалась горянкой она.

Перевела В. Звягинцева

«Поэзия может быть и скорбной матерью, сидящей у изголовья сраженного сына, и девушкой, легкой поход-

кой проходящей мимо наших окон майским утром, — писал Кулиев. — Она бывает цветением вишни и грозой молнией, улыбкой ребенка и стоном побежденного полководца. Поэзия всюду — в облаках над Казбеком и в огороде моей матери, где желтел подсолнух и росла морковь. Поэзия — вечная спутница человека — живет, став народной пословицей и трагедиями Шекспира. Она — колыбельная песня крестьянки и шедевры мировых поэтов. Поэзия незатейлива, как игрушки детворы, и сурова, как лицо Бетховена. Она — и простая детская песенка, и «Божественная комедия» Данте. Поэзия многолика, как мир, и прекрасна, как земля»². Так писал Кулиев в статье «О поэзии», доказывая, что умение воплощать обыкновенное в поэтической мысли, излучавшей мудрость и свет, доброту и благородство, — это редкая способность и великий дар. Тот дар, которым обладал сам горский поэт-гуманист. Разрешая нравственные проблемы человеческого бытия, Кулиев стремился приблизить людей к подлинно человеческому, высокому, светлому началу, в котором неизменно выступал на первый план нравственный фактор труда. Об этом говорилось в стихотворении «Руки», в котором показаны гуманистические начала и противостоявшие им антигуманные силы. Первые строки отмечали творческую силу природы в ее многообразных жизненных проявлениях:

Добро и зло всегда — все совершают руки,
И строят города, и разрушают — руки.
Все — дело рук людских: они куют и пашут,
Они и ранят нас, и раны лечат наши

.

Есть руки, что плетут кому-то сеть умело,
И те, что создают «Полтаву» и «Отелло».
Одни цветы растят и трудятся до пота,
Другие нож вострят, чтобы всадить в кого-то.

Перевел Н. Гребнев

Добро и зло — философско-нравственная проблема мировой литературы. Она имела ярко выраженный сакральный характер и в поэзии Кайсына Кулиева и становилась нравственно-этической идеей, призванной защищать всех обездоленных, страдающих людей:

Кто может, выгоде в угоду,
Кричать о том, что ворон — бел,
Тот не поэт и не был сроду
Поэтом, как бы он ни пел.

И тот, кто говорит без риска,
Что плох хороший человек,
Пусть даже не подходит близко,
К святой поэзии вовек.

Перевел Н. Гребнев

Споры о месте и назначении художника слова в современном мире, на рубеже двух веков, об отношении поэта к реальности продолжают и по сей день. Они ведутся в романах, поэмах, на телеэкране и театральной сцене, на писательских симпозиумах и в журнально-газетной полемике. Для Кайсына Кулиева, поэта уходящего века, высокогражданственные чувства и принципы гуманизма были главными и неизменными в истории развития художественной мысли. Возможно, поэтому он писал:

У поэтов и гор долг один — высота!
В этом вся их задача и суть: непременно
Звать людей только вверх, чтоб не гасла мечта
На земле, где бывают и грозы, и ливни.

Перевел Н. Коржавин

Это был 1963 г., когда Кулиев как поэт находился в зените славы и почета, когда миновали черные дни депортации балкарского народа, и он был восстановлен во всех своих политических правах. Строки стихотворений «Говорю с горой», «Поэзия» (1956), «Хочу я, чтоб в мой стих входили люди...» (1956) помогали понять высокую сущность работы поэта как должника Вселенной, как сына века, который нес в душе свет родного очага, боли и радости земли. Мысль о служении народу, о связи с ним постоянно присутствовала в сознании лирического героя в таких стихах, как «Рисунок к заглавию», «Надпись на книге Кязима Мечиева», «Боль ашуга», «Поэтам двадцатого века», «Поэзии», «Поэтам Грузии», «Забытые поэты». В этих стихотворениях красной нитью проходили и идеи

гуманизма и гражданственности. «Тревога сердце озадачит, во мне отзовется стихом», — так писал поэт. И утверждал: «... поэзия живет и самым необходимым, как хлеб, и самым высоким, как звезды... Она — голос жизни, ее эхо и радуга». По его мнению, большая человечность родственна мужеству, без которого немислима любовь к людям и миру, он был убежден в том, что поэзия должна помогать бороться со злом и несправедливостью: «Если ты поэт, так защити тех, кто слаб, кто беден, кто недужен». И он призывал поэтов идти на помощь в первую очередь к тем, кто ждал ее и готов протянуть руку дружбы. В стихотворениях «Чужой бедою жить не все умеют...», «Мое слово», «Старинная заповедь», «Молния» Кулиев обращался к поэтам и простым людям с просьбой соизмерять свои поступки со снегами горных вершин, с их чистотой и твердостью. Так, обращаясь к молнии, Кулиев умолял ее пощадить невинных детей («...Что ж ты, врываясь под мирный кров, губишь детишек весной, когда снится им белизна облаков?»), шоферов и аробщиков, спешивших домой, в аул:

Молния! Лучше излей свой гнев
На ядовитых шипящих змей!..
Но не губи на полях посев!..
Путника, молния, пожалей!

Перевела Ю. Нейман

Подлинное искусство не может быть безнравственным и проповедовать человеконенавистничество. Оно должно быть гуманным и призывать к добру. Определяя гуманистическую сущность и направленность своего творчества, в стихотворении «Охотник, волку в пасть...» Кулиев говорил: «Я тоже так на свете жить привык, жить, даже муравью добра желая. Хочу, чтоб только чистую ледник гнал воду вниз, на солнце в зной сверкая...» (перевел *Н. Коржавин*).

Мировоззренческие ориентиры Кулиева — это, прежде всего, родная природа: деревья, горы, ущелья, ледники, водопады, горные туры, высокогорные луга, орлы, то есть все то, что окружало поэта с самого раннего детства до дней старости. В 1961 г. он писал:

Пора, не склонные к добру,
Вам у деревьев брать уроки.
Они в полдневную жару
Нам дарят тень на солнцепеке.

Сочны их добрые плоды,
Чьей зрелости известны сроки.
Давно пора, как ни горды,
Вам у деревьев брать уроки.

Перевел Я. Козловский

Следуя традициям горской лирики, Кулиев создал ряд стихотворений-напутствий и обращений старшего к младшему. В них идеи гуманизма не имеют нравоучительной и догматической окраски, а наполнены той духовностью, которая сродни общечеловеческим идеалам. Одними из таких стихотворений являются «Не ради славы пишут кровью...», «Пусть утес не достигает облака...», «Бубен», «Людям нужна радость», «Покоя нет», «Ценю я с нежностью и строгостью...», «Говорю философу», «Амине Залиловой – жене казненного поэта», «Пусть мы умрем, но навсегда...», в которых воплощены мысли Кулиева о долге художника перед талантом, подаренным ему природой, о бескорыстном служении истине, справедливости, о гуманистических принципах художественной литературы.

Я кланяюсь неведомым могилам,
Глазам, где столько слез затаено,
Плечам, несущим тяжесть не по силам,
И сердцу, где любовь и боль – одно, –

Перевел Н. Гребнев

писал Кулиев, обращаясь к вдове М. Джалиля.

Обнаженная искренность переживаний за судьбу людей, своих близких, за живую и неживую природу в отдельных лирических стихотворениях Кулиева – это, прежде всего, тревога за судьбу своего поколения, мир и людей, переживших в XX в. две мировые войны и много локальных войн в отдельных уголках планеты. Одно из стихотворений Кулиева начиналось с образа дерева как символа человеческой жизни.

Опять чинары скорбно шелестят
И где-то снова бой идет без славы,
И где-то снова в брата делит брат,
И снова смерть приходит к тем, что правы.

.
Пусть над одним утесом гром гремит,
Не может и другой стоять в покое.
Нетронутое дерево скорбит,
Хоть люди рубят дерево другое.

Перевел Н. Гребнев

Обращение поэта к образам природы, животного мира в стихотворениях с трагическим накалом, с их условно-символическим значением позволяло, как и в народно-поэтическом творчестве, реалистически изображать действительность, затрагивать социально-нравственные аспекты и глубже раскрывать чувства и мысли современников поэта. Рисуя широкий и многогранный характер людей XX в. и, прежде всего, национальный характер горцев Кавказа, Кулиев «проводил» его через горнило социальных потрясений, эпицентром которых была наша Отчизна, и через культурно-нравственные «потoki», что, естественно, отразилось на национальном самосознании и национальной духовности. Одним из таких известных стихотворений явилось «Всегда гордился тем, что горец я!» (1942), высокий патриотический и культурно-этический уровень которого поражает исследователей творчества Кулиева до сих пор: как именно мог молодой поэт выразить так верно и глубоко общенародные, национальные чувства:

Как старый горец любит свой Казбек,
Так я люблю все земли и края.
Но, к родине привязанный навек,
Всегда гордился тем, что горец я.

.
Я по дорогам севера бродил.
Любил простор и ширь его степей,
Хлеб дружбы ел и воду дружбы пил,
И все-таки всегда в душе моей

Блестел далекого Эльбруса снег,
Вздымались острые вершины скал.
Поднявший голову седой Казбек
Везде мне чудился, всегда сверкал! ³

.

Перевел Д. Кедрин

¹ Кабардино-Балкарская правда, 1974. 11 апреля.

² Советская молодежь, 1974. 26 февраля.

³ Кулиев К. Собрание сочинений в 3 т. Стихотворения и поэмы. М.: «Художественная литература», 1987. Т. 1. С. 57.

Ф. С. Эфендиев

О ПРАВСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ АРХИВОВ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Тезисы доклада региональной научной конференции «Историк и время», посвященной 110-летию со дня рождения доктора исторических наук, проф. В. А. Романовского. *Ставрополь, Ставропольский госуниверситет. 2000. 29 марта.*

О значении архивов в истории всех областей знаний, жизни народов и отдельных личностей свидетельствует обширная научная литература. Особое место в этой литературе занимает тема, связанная с жизнью и деятельностью представителей искусства и культуры.

В Кабардино-Балкарии есть два больших архива: Центральный государственный архив и Архив Центральной документации новейшей истории КБР. Для исследователей – историков и литературоведов – наибольшую значимость имеет ЦГА КБР, в котором есть фонд 852-й – фонд архивных материалов Кайсына Кулиева, одного из крупных поэтов уходящего в историю XX в.

К. Ш. Кулиев был представителем литературы советской эпохи, как и его современники – Борис Пастернак, Дмитрий Кедрин, Константин Симонов, Александр Фадеев, Михаил Дудин, Александр Твардовский, Микола Бажан, Самед Вургун, Аркадий Кулешов, Симон Чиковани, Мирзо Турсун-заде, Керим Отаров, с которыми он дружил и расстался навеки. В фонде 852-м есть материалы, отражающие эту дружбу, взаимопонимание и согласие между ними.

Дочь Кайсына Кулиева – Жанна Кайсыновна Кулиева – издала книгу «Я жил на этой земле... Кайсын Кулиев. Портрет в документах». (Нальчик, 1999). Она является составителем книги и автором предисловия. Комментарии также принадлежат ей. Книга включает подлинные архивные документы о Кайсыне Кулиеве, большая часть которых публикуется впервые. Предназначена она для специалистов и широкого круга читателей, потому что здесь встречаются всем известные славные имена: Чингиз Айтматов, Арсений Тарковский, Расул Гамзатов, Алим Кешоков, Давид Кугультинов, Олесь Гончар, Эдуардас Межелайтис, Вилает Рустам-заде, Сильва Капутикян, Мустай Карим, Белла Ахмадулина, Зульфия и ее дочь Хулькар Алимджан, Сергей Смирнов, Петрусь Бровка и многие другие. Здесь и любимые всеми композиторы, народные артисты, художники РСФСР и СССР: Э. С. Колмановский, Г. В. Свиридов, М. М. Кажлаев, М. С. Сарьян, Т. К. Шейблер, З. Тутов, А. А. Юрлов, С. А. Кочарян, Е. С. Матвеев, Я. М. Смоленский, А. Дауров, А. Ф. Вёдерников, Р. К. Щедрин, В. Г. Фере, О. В. Тактакишвили, Х. Х. Хавпачев, Е. В. Образцова, Е. Е. Нестеренко, М. А. Эсамбаев. Имеются и письма и поздравления опытных переводчиков восточной поэзии: С. И. Липкина, Н. М. Коржавина, Н. Гребнева, О. Г. Чухонцева, Я. Л. Акима.

Все архивные материалы о Кайсыне Кулиеве – это история культуры советского народа, это социальная и нравственная память о прошлом, повествующем о феноменальной общительности людей, когда был неподдельный интерес к жизни собратьев по перу и кисти, была душевная щедрость и были взаимопонимание и уважение к профессии. А в целом – это высокая нравствен-

ность представителей искусства и литературы XX в., которой можно поучиться подрастающему поколению.

В фонде 852 есть интереснейшие материалы для исследователей национальных литератур. Вот хотя бы взять стенографический отчет заседания московского отделения СП РСФСР, когда обсуждалась книга Кайсына Кулиева «Раненый камень» в творческом отделении художественного перевода 25 февраля 1965 г. Поэт и переводчик Семен Липкин сказал тогда: «В Кабардино-Балкарии говорят: «Эльбрус имеет две вершины... А у нас, в поэзии, есть две вершины — Кайсын Кулиев и Алим Кешоков».

Архив Центральной документации новейшей истории КБР менее богат материалами, но и в нем исследователей истории культуры, литературы, искусства, науки и т. д. ожидают творческие находки. В этом архиве помещен фонд Союза писателей КБР — ф. 693. Так, исследователь истории родной литературы найдет в нем интересную стенограмму отчетно-выборного собрания Союза писателей КБАССР, составленную на 179 листах машинописного текста и датированную 24 окт. 1954 г.

Работа в архивах — это нравственное познание минувшего, своеобразное творчество, богатство приобретенного и средство самопознания духа. В каждой национальной республике Северного Кавказа есть это духовное богатство, которым должны пользоваться ученые нашей страны и реализовать себя в творческой деятельности. Д. Менделеев считал творчество заслугой свободной человеческой любознательности. Мы считаем, что желание работать в архивах относится к самым сильным мотивам творчества, и убеждены, что те, кто работает в архивах, — истинные ученые, увлеченные благородными идеями и целями. Они могут приносить в жертву себя и свои интересы во имя того, что благо для других. Это о них сказал Кайсын Кулиев в стихотворении «Дон Кихоты», хотя он имел в виду «поэтов всех краев и наций»:

.

Порой не слышал вас никто,
Пред вами закрывали двери.
А вы все веровали в то,
Во что давно никто не верил.

.
Пусть ваши чаянья не раз
В нечаянном огне пылали,
Пусть ваш бывал не слышен глас
И вы не часто побеждали,
Но как бы жили мы без вас? ¹

Перевел Н. Гребнев

¹ Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. Стихи. Поэма. Перевод с балкарского. М.: «Советский писатель», 1985. С. 257.

Т. Е. Эфендиева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО В «ГОРСКОЙ ПОЭМЕ» К. КУЛИЕВА

Тезисы доклада межвузовской научной конференции «Этноэкологическая культура и проблемы охраны окружающей среды». *Нальчик: КБГУ, 2000. 29 сентября.*

Этнической колыбелью для балкарского поэта Кайсына Кулиева был Чегем, а если точнее говорить, то Верхний Чегем, где он родился в сакле старинного аула, где жила его мать со своей семьей. «Я в том ауле был рожден, когда шесть дней до революции осталось», — писал о себе поэт в «Горской поэме о Ленине». Маленькая географическая точка — аул Эль-Тюбю — располагается в красивой местности в верховьях сурового Чегемского ущелья. Этот аул, по меткому выражению поэта Михаила Дудина, волею судеб и человеческого упорства закинутый на уступ Кавказского хребта, был родиной Кулиева. В течение всей жизни он воспевал родные места, вспоминал родительский дом.

Наш дом лепился у Чегемских скал.
Их солнце одевало в позолоту,
Их свет луны таинственный ласкал,
В них уходили горцы на охоту.

Перевел М. Дудин

Этнография поэта Кайсына Кулиева касается прежде всего материальной и духовной культуры горских народов, особенностей быта и нравов его родных земляков. Это и воспевал поэт, многократно возвращаясь к одним и тем же темам: к теме детства, родного аула, трудолюбивой горянки, гор и скал как символа мужества и терпения. А природа — это особая любовь в его творчестве. Проходит она в «Горской поэме...». Обращаясь к ней, мы увидим, как поэтически воспроизведена родная природа:

Горели звезды на снегах вершин,
Клубились тучи над седым аулом,
Ревел поток, метался и спешил,
И горы глухо отзывались гулом.

А чуть дальше Кулиев восторженно признавался: «О детства промелькнувшие года, душа моя не вами ли крылата!» Здесь черпал вдохновение поэт, отсюда его корни и поэтические поиски.

С большим мастерством описана жизнь горского мальчика, который первый раз пошел в школу, получил букварь с красивыми картинками и никак не мог нарадоваться этому дорогому подарку: «О книга книг! Утеха из утех! В душе моей она жива навечно, всех книг открытей и красивей всех. Я ей навек признателен сердечно». Эти первые чувства радости и восторга не что иное, как душевные переживания ребенка, в доме которого никогда не было книг, и он не видел их в семьях охотников и скотоводов, почти оторванных горами и бездорожьем от огромного мира цивилизации. Поэтому-то, уже будучи известным поэтом, он славил этот незабываемый для его социальной памяти день:

О первый день литого сентября,
Парча чинар и холодок ракиты,
Лет паутинок первых! С букваря
Все книги мира предо мной открыты.

Простор дорог открылся вместе с ним.
По тем путям, как озаренья миги,
Летели в мир из каменных теснин
Мои стихи и собственные книги.

Так неназойливо входили в «Горскую поэму...» социальные и политические мотивы, совсем не затмившие главного в ней – лирических нот, поэтичности, художественной и жизненной правды. В содержании поэмы есть все: и белоказак, ворвавшийся в аул («Аул Чегем разграблен был сполна, и в нашей сакле настужь дверь открыта...»), и первые горцы-революционеры, сочувствующие Советской власти, как Бекбулат и ссыльный рабочий Михаил. У каждого из них была своя правда, за которую они боролись и умирали. Для этого были свои, вполне определенные социально-исторические причины. Каждый приходил к истине и прозрению (рано или поздно) своим трудным, выстраданным путем. Пришел к определенным выводам и горский мальчик, став взрослым мужчиной, национальное сознание и самосознание которого формировалось под воздействием определенных факторов социально-политической действительности:

Я, горский мальчик, не умевший «хлеб»
Произносить как следует по-русски,
Вдруг понял сам: без дружбы мир нелеп,
Жизнь – неполна, а все дороги – узки.

Объективная необходимость 20-х – 30-х гг. XX в. заставляла русских учителей отправляться в далекие кишлаки и аулы, чтобы учить грамоте детей, вести уроки ликбеза для неграмотных взрослых, которые никогда не видели больших городов.

А мать моя не знала, где Тифлис.
Она садилась и сучила пряжу,
Когда туман, окутывая высь,
Незванным гостем опускался сразу.

Чуждая русским этносреда постепенно становилась понятной и близкой, а национальные культурные и нравственные традиции народа – уважаемыми. Особая социальная роль первых русских мастеров своего дела тоже нашла художественное отражение в поэме. Кулиев пи-

сал, как строилась первая школа и «как русский мастер с топором в руках с артелью горцев-каменщиков вместе» принимал участие в ее возведении. Особенно с проникновенным лиризмом сказано об учителе, заронившем в души детей стремление и тягу к знаниям. Теперь, с высоты лет, поэт обратился к нему с нежно-трогательными словами благодарности:

Борис Игнатьич! От души моей,
Открытой миру вашей доброй силой,
Я этот стих, как песню соловей,
Оставляю вам над вашей могилой ¹.

Перевел М. Дудин

«Горская поэма...» не носит внесоциального характера, в ней нет «вневременных» противоречий бытия. Поэма социальна, идейна. Она посвящалась 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. И как бы теперь ни относились к тем далеким событиям семнадцатого года и к имени Ленина литературоведы, историки, политики, художники слова, «Горская поэма...» Кайсына Кулиева занимает особое и достойное место в истории русской реалистической литературы. Лиризм, живописность этноприроды, метод и стиль, национальный колорит содержания, внешняя изобразительность — все это кулиевское, отличительное и характерное явление в развитии жанра балкарской поэмы. В конце 60-х и в 70-х гг. об этой поэме Кайсына Кулиева очень много писали. В истории русской литературной критики о ней остался заметный след. В балкарском литературоведении эта поэма не раз была предметом глубокого осмысления (Т. Эфендиева, А. Теппеев, В. Кузьмин, В. Ренерт) ². Известный композитор Аслан Дауров написал ораторию на слова этой поэмы и свел два хора — Кабардино-Балкарского радио и Карачаево-Черкесского — в сопровождении симфонического оркестра под управлением Бориса Темирканова. Премьера состоялась в актовом зале музыкального училища и прошла с большим успехом, а на следующий день вся оратория была исполнена по республиканскому телевидению в Нальчике. До этого композитор предложил Кулиеву выступить самому в оратории, то есть испол-

нить партию чтецов в 1-й части на фоне хорового вокализма. Кулиев согласился. Оратория была записана на радио с участием поэта. Теперь это уникальная запись.

35 лет прошло с тех пор, как Кайсын Кулиев написал «Горскую поэму...». За это время многое изменилось в политике, идеологии и, конечно, в духовной культуре российского народа. За последние 15 лет, именуемые затянувшейся перестройкой экономики, культуры и т. д., эта поэма почти забыта: она не звучала по радио в дни рождения В. И. Ленина, забыта и оратория. К поэме обращаются только историки литературы и молодые исследователи, которые интересуются развитием жанра поэмы в тюркских литературах народов Северного Кавказа.

Сам поэт очень дорожил этой поэмой и считал ее одним из лучших своих произведений. Он писал: «... мне хотелось написать поэму, не повторяя никого, найти ту единственную форму, тот язык и стиль, которые были бы для меня органичными и естественными так же, как скалы и чинары для моего родного Чегемского ущелья».

¹ Кулиев К. Горская поэма о Ленине. Нальчик, 1966. С. 23. (Содержание поэмы цитировалось по этому изданию).

² Ренерт В. Музыка и «Горская поэма о Ленине» // КБП, 1980. 16 января.

С. И. Эфендиев

КАЙСЫН КУЛИЕВ В КОНТЕКСТЕ БУРЯТСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Из выступления на III Международной научной конференции «Интеллигенция в судьбах России на рубеже XX и XXI веков» («Байкальская встреча»). Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет, 2000. 30 июня.

Балкария и Бурятия в природно-ландшафтном отношении — это в основном горные регионы, в них мало

равнинных участков. Бурятия расположена на высоте около 500–700 метров над уровнем моря, а Балкария находится в предгорной и высокогорной части Главного Кавказского хребта. В Европе самые высокогорные жители – это балкарцы. Этническая культура балкарского и бурятского народов сформировалась в различных природно-ландшафтных и климатических условиях. Эти народы друг от друга отделяет огромное пространство – несколько тысяч километров. Однако несмотря на все это, у балкарского и бурятского народов есть определенные исторические связи. Об этом свидетельствует некоторое сходство балкарского и монгольского языков: такие слова, как «бол», «къунажин», «тала», «алтын», «эмеген», «нохта», «мегежин», – термины животноводства, топонимические названия и названия фауны и флоры и т. д.

На протяжении всей истории советского периода были литературные взаимосвязи между писателями и поэтами двух братских народов. Так, Кайсын Кулиев был тесно связан духовными узами с известными бурятскими поэтами Ц. Галасановым, Д. Жалсараевым, Н. Дамдиновым, Д. Дамбаевым, М. Самбуевым и другими, с которыми встречался на Всесоюзных совещаниях молодых литераторов, на Днях литературы и искусства в союзных и автономных республиках, на международных конгрессах в Москве, Ташкенте, Баку, в Алма-Ате. Кулиев по возрасту был старше их (за исключением Ц. Галасанова: они были одногодки). Поэтов балкарского и бурятского народов роднило художественное осмысление событий прошлого и настоящего. Они поднимали социально-философские проблемы мира и человеческого бытия. Так, Д. Жалсараев, тревожась о судьбах мира, писал:

Планеты, познакомиться нам время –
соседи мы по Солнечной системе,
и на Земле мы за добрососедство.
Мы обещаем вам: найдутся средства
мир оградить – от имени Земли –
и в гости к вам готовить корабли.

Перевел М. Львов

у Кайсына Кулиева есть тоже сходные мотивы, которые отражали тревогу людей и желание сохранить мир на земле:

Земля одна и всякая напасть
во всех концах бедою отзовется.
В каком краю земля б ни сотряслась,
она и под тобою сотрясется,—

так писал Кулиев в «Стихах, написанных в городе Скопле».

С поэтом Дамбой Жалсараевым Кулиев дружил. В 60-е гг. они вместе учились в Литературном институте в Москве. И это их сблизило на всю жизнь. Они поздравляли друг друга с праздниками, переписывались. Так, 21 декабря 1976 г. Жалсараев писал Кулиеву: «Дорогой Кайсын! Дорогой мой старший брат! Горячо и сердечно поздравляю тебя, Маку, всю семью с наступающим 1977 г.! Шлю самые добрые пожелания. Поклон и поздравления от нас.

Дамба. Улан-Удэ, ул. Коммунистическая, 44, кв. 11»¹.

К книге стихов Жалсараева «Степь родимая» Кулиев написал предисловие. Оно хранится в личном архиве Кайсына Шуваевича. Вот его содержание: «Если бы я совсем не знал самого автора книги, о которой пишу эти строки, все равно, прочитав ее, твердо сказал бы себе, что она написана хорошим человеком. А вообще, может ли поэт быть плохим человеком? По-моему, нет! В поэзии всегда живут мудрость народа и человечность колыбельной песни. Она рождается горячей любовью к человеческому подвигу и мирному сну ребенка. В поэзии нечего думать плохому человеку, всегда равнодушному к народному подвигу и белому цветению алычи, к боли и радости людей. Равнодушие и злоба не создавали и не могут создавать ничего высокого. Творчество рождается удивлением, горячей любовью ко всему живому, добротой и благородством. Прометей был добр, поэтому для людей он похитил огонь с неба. Недаром Пушкин говорил, что он своей лирой пробуждал чувства добрые. Это бессмертный урок для всех поэтов и завещание. Мы не можем не говорить об этом. Сказать все это побудил меня добрый свет, разлитый по книге Дамбы Жалсараева «Степь родимая». Бурятский поэт своими стихами убедил меня,

что родная земля безмерно дорога ему. Не на словах. Когда он говорит: «Степь родимая», то словно произносит имя матери. Дамба Жалсараев с удивлением говорит о родном небе, по которому проносится советский спутник, и с тихой нежностью склоняется над едва заметным родником в степи... Поэта радует высота над родной степью, куда его поднял самолет: «О высота! Не измерить взглядом, вот, как на ладони, просторы твои!» Поэту хорошо от того, что «все больше, больше вырастает в округе домов»...

Мне посчастливилось побывать в Бурятии. Раскрыв книжечку Дамбы Жалсараева, я снова увидел звезды над степью, Улан-Удэ и небо над Байкалом, цветом похожее на его воды. Мне приходилось беседовать с бурятскими скотоводами и рыбаками Байкала, из рук которых я впервые ел омуля, жареного на огне, и был готов отдать ему предпочтение перед кавказским шашлыком. Я видел пламя печей на стекольном заводе Улан-Удэ (кстати, также впервые). Повсюду на бурятской земле мне приходилось встречаться с добрыми, мудрыми работниками.

После чтения книги Дамбы, у меня появилось такое чувство, будто я снова пожимаю руки этим замечательным людям, вижу мягкие улыбки смуглых девушек и сосредоточенные лица мудрых табунщиков. Как всякая настоящая поэзия, творчество Жалсараева не ограничивается только родным своим домом, где поэта впервые посетила муза в его счастливый час... Он горячо и нежно любит свою родную Бурятию, как и всю нашу великую Родину.

Мне вспоминается, как он в годы нашей совместной учебы в Москве впервые читал свои стихи на поэтическом семинаре. С тех пор я помню такие строки в подстрочном переводе: «Как мне не уважать молодых? — Сам я был молодым! Как мне не уважать стариков? — Сам я буду стариком». В этих строках есть и мудрость, и человечность, которые присущи всей поэзии Дамбы. Я помню, как хорошо относился к Жалсараеву и его стихам руководитель поэтического семинара Владимир Луговской, который по-настоящему знал и любил поэзию советского Востока.

На наших обсуждениях каждый раз стихи Жалсараева получали хорошую оценку. Я не превысил оценки

его поэзии в своей заметке. Анализ творчества поэта не входит в мою задачу. Мне просто хотелось сказать несколько добрых слов о моем друге — хорошем поэте. Я пишу эти строки в очень солнечный день, за моими окнами белеют хребты Большого Кавказа. Передо мной лежит книга Дамбы Жалсараева. Голос друга дошел до меня через большие пространства, как весть дружбы, он дошел и до моих земляков-горцев. Мне просто радостно сообщить об этом Дамбе Жалсараеву. Поэзия, как акт дружбы и братства, сокращает любые расстояния. Эти мои слова о стихах Дамбы — рукопожатие друга»².

Особенно Кулиев был дружен с якутским писателем С. А. Дангуловым. Савелий Артемьевич был старше Кулиева на 5 лет, но эта разница в возрасте не замечалась. Они дружили, переписывались. В архивах того и другого остались письма, которые свидетельствуют об их литературных связях. Оба в свое время пополнили Лениниану: Савва Дангулов написал «Дипломаты», а Кайсын Кулиев — «Горскую поэму о Ленине».

В архиве Кайсына Кулиева есть очень интересная статья о его творчестве, написанная С. Дангуловым на 24 страницах машинописного текста. Статья называется «Опираясь на мужру». Мужра — это кизиловая палка с железным наконечником, с которой горцы ходят в горах через опасные перевалы. Это целое искусство ходить по горам, преодолевая скалы, как верно заметил Савва Дангулов в статье «Вершина — над тобой», опубликованной в книге «Остаться в памяти людской...» (Нальчик: Эльбрус, 1987). В одном письме от 21 марта 1976 г. С. Дангулов писал: «... Дорогой Кайсын, посылаю на твой суд статью. Обнимаю. Савва»³. В ней он глубоко раскрывал многогранный талант Кайсына Кулиева и указывал, что истоки его поэзии — это народный фольклор, родная природа, восточные литературные традиции и русская классика. «Человек, родившийся в высокогорном селении, — писал он, — можно сказать, в самом маленьком селении Кавказа, поднялся на самую высокую вершину мировой культуры, чтобы говорить от имени человечества». Таким человеком, по мнению С. Дангулова, был Кайсын Кулиев. Далее в своем письме Дангулов утверждал, что по высказыванию древних мудрецов, поэт начинается там, где он остается наедине с собой, со своей совестью, спо-

способностью видеть и понимать жизнь. У Кулиева есть цикл стихов о стариках, о предзакатной поре человека, о терпимости и одиночестве, о способности понимать человеческие слабости и об умении их прощать. В статье «Опираясь на мужру» С. Дангулов привел интересные факты о встречах с Кулиевым: «Однажды поздним вечером мы сидели в гостинице и беседовали о литературе, — вспоминал Дангулов. — Вдруг раздался междугородный телефонный звонок. Кулиев снял трубку и долго разговаривал на родном языке. Я внимательно слушал. Из истории литературы я знал, что у балкарцев и кабардинцев очень сходный фольклор, они вместе проживают на одной территории около 700 лет. Мне казалось, что у них язык должен быть сходным. Слушая внимательно Кулиева, я ничего не понял, хотя я вырос в семье, родным языком которой был адыгейский язык, в сущности своей — единокровный с кабардинским. Однако я не смог уловить даже общее содержание речи Кайсына, тем не менее мне тогда открылось живое звучание балкарского языка, его музыка, энергия речи Кулиева. Его речь тогда я сравнил в моем понимании с зеркальным озером, расположенным у подножия горы, с вершины которой я увидел Верхний Чегем, родину Кайсына». Савва Дангулов в статье «Книга о песенном доме», опубликованной в 1972 г., писал: «В моем родительском доме на Кубани был сундук, обитый белой жестью. Ключ от сундука был у бабушки. Те редкие дни, когда, отложив прочь трубку, которая продолжала дымиться, бабушка открывала сундук, были для нас событием немалым.

Да, взяв трубку и теперь уже не выпуская ее изо рта, бабушка могла извлечь из сундука газыри, будто отороченные цветным деревом, медное блюдо или пояс, отделанный серебром.

Однажды ее руки погрузились в сундук глубже обычного и извлекли круглый ларец из серебра, почерневший и чуть помятый, но сохранивший на крышке россыпь камней обычного цвета и формы... Бабушка сказала: «Это «Кумык калэ», точно указав страну, где был сотворен круглый ларец, — Дагестан.

С тех пор минули годы и годы, а я вижу камни, которые мастер оставил такими, какими их нашел, несколько не нарушив их естественного благородства и красоты»⁴.

Все это свидетельствует о том, что Савва Дангулов хорошо знает традиции, обычаи и культуру горских народов, так как его детство прошло в Краснодарском крае среди адыгейцев. Поэтому удивился он, что балкарский язык совсем не похож на адыгейский, который Савва хорошо знал. Он с восторгом говорил о традициях и обычаях адыгских народов. Действительно, в детстве усвоенные язык и культура на всю жизнь сохраняются в памяти у человека, где бы он потом ни жил. Так, живя в Якутии в нескольких тысячах километров от Адыгейской Республики, С. Дангулов продолжал горячо любить этническую культуру горских народов, и часто в беседах с друзьями, когда бывал в Москве на съездах, совещаниях, говорил об этом. Он внимательно следил за публикацией произведений адыгейских писателей и поэтов, читал их в оригинале. Дангулов знал многих друзей Кулиева и, в частности, Михаила Дудина, который поразил и Кайсына, и Савву Артемьевича манерой работы над портретом Кулиева. Мы оба наблюдали за тем, какое чудо творил дудинский карандаш. Вскоре он закончил портрет и вручил его Кайсыну. И он украсил портрет истинно кавказской надписью, патетической и шутливой, в которой были слова о «красивом кавказце», и придвинул портрет мне. Я смотрел на портрет: в облике поэта было то, как его воспринял Дудин, — такая бедовость джигита. Я сказал об этом Кулиеву, портрет отца которого не сохранился.

— Это от озорства? — спросил я у Кулиева.

— Нет, от бескорыстия, — улыбнулся он. — Больше того — от снисходительного отношения к людским порокам — невольные прегрешения нужно прощать.

В этой же статье Дангулов выделил две вехи в жизни Кулиева, две поры: детство чегемского мальчика, не знавшего по-русски ни слова, и автора книги «Так растет и дерево», а между ними — родные горы и скалы и мужра, фамильный знак Кулиевых. Мысли Саввы Дангулова о творчестве Кулиева имеют историко-познавательное значение в художественной культуре якутского и балкарского народов.

В 1977 г., когда отмечали 60-летие К. Кулиева, бурятская писательская организация прислала поздравительную телеграмму. В ней говорилось: «Дорогой Кайсын

Шуваевич! Писатели Бурятии сердечно приветствуют Вас, прославленного певца, в день Вашего славного 60-летия. Мы поздравляем Вас с высокой наградой Родины – орденом Ленина. Мы знаем, любим Вас, как выдающегося поэта, замечательного товарища и друга. От души желаем Вам, дорогой Кайсын Шуваевич, доброго здоровья, новых творческих успехов во славу нашей многонациональной советской литературы. От имени писателей Бурятии
Н. Дамдинов, И. Калашников,
Сергей Цырендоржиев»⁵.

¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 5, ед. хр. 53, л. 10.

² Там же, л. 10.

³ Там же, ед. хр. 120, л. 5.

⁴ Слово о Расуле Гамзатове. Махачкала, 1973. С. 168–169.

⁵ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 7, ед. хр. 67, л. 18–19.

С. И. Эфендиев

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Выступление на Всероссийской научной конференции «XX столетие и исторические судьбы национальных художественных культур». Махачкала, Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы Дагестанского научного центра РАН, 2000. 11 октября.

Современные изменения в общественной жизни России требуют всестороннего социально-философского осмысления, так как страна охвачена глубоким социально-экономическим и духовно-нравственным кризисом. Основными причинами этого процесса являются, на наш

взгляд, следующие: а) невиданный в истории нашей страны спад производства; б) планомерное снижение значимости науки, образования, искусства и культуры; в) игнорирование этнопсихологических и этнокультурных особенностей многих народов; г) возникновение межнациональных конфликтов; д) отсутствие социальной справедливости и духовного идеала. Все это в совокупности привело на рубеже веков к духовно-нравственной деградации общества.

В российской действительности ломаются веками сложившиеся культурные отношения: традиция коллективности, этнопсихологическая совместимость как исторически неотъемлемая черта образа жизни различных народов, национальная терпимость. Люди конца XX в. стали очевидцами того, как разрушается менталитет народа, ликвидируется бесплатное образование в высших учебных заведениях, медицинское обслуживание и дошкольное образование и воспитание в детских учреждениях, идет резкое расслоение общества на богатых и бедных. Современная молодежь видит, как идет процесс деинтеллектуализации общества, девальвации национальных культурных ценностей. В результате этого проявляются глубокие противоречия в общественной и культурной жизни. В этом также кроются причины нравственного падения нашего общества и духовного вакуума современной молодежи. Культурный и моральный нигилизм способствует возникновению и развитию многих негативных явлений в общественной жизни.

Национальное возрождение и основные тенденции развития современной художественной культуры горских народов претерпели также определенные изменения. Северокавказский этнокультурный феномен имеет свои национальные особенности. Процесс взаимодействия, межкультурный диалог, учет менталитета каждого этноса и особенностей национального характера, горский этикет, выработанный исторически, всегда превалировали в регионе Северного Кавказа, уникальном и древнейшем очаге человеческой цивилизации. В систему мировой цивилизации северокавказский этнокультурный феномен вошел в XX в. именами таких выдающихся деятелей культуры и искусства, как Расул Гамзатов, Кайсын Ку-

лиев, Юрий Темирканов, Мурат Кажлаев, Махмуд Эсамбаев, Алим Кешоков, Нафи Джусойты, Наира Абдуллаева, Джемал Далгат, Халимат Байрамукова, Наби Дагиров, Ширвани Чалаев, Умар Бексултанов, Михаил Шемякин (Карданов), Тембот Керашев, Исхак Машбаш, Фазу Алиева, Юсуп Хапалаев, Ахмедхан Абу-Бакар. Особый вклад в мировую культуру внесли выходцы с Северного Кавказа, жившие за рубежом. Это известная балерина Людмила Черина, отец которой был черкес Щамырзэ Ауэныр, оказавшийся волею судьбы во Франции. Талант этой черкешенки был полностью реализован, он служил надежным звеном связи между Западной Европой, Россией и Востоком.

Одним из великих художников XX в. был Халил-Бек Мусаясул, родившийся в дагестанском селении Чох. Его имя славили с трибун ООН, произносили рядом с именами Пикассо, Сикейросом, Модильяни, Коненкова, Сарьяна и других корифеев изобразительного искусства. Выставки его картин с триумфом проходили в Англии, Германии, Франции, Испании, Италии, Америки, Турции, Швейцарии и во многих других странах.

Аналогичное мировое признание получило творчество балкарского поэта Кайсына Кулиева. Его книги изданы на 80 языках народов России и СНГ, а также на 40 языках стран Дальнего Зарубежья. На английский язык его стихи перевела О. Штарц, на болгарский – Н. Христов, на венгерский – А. Гидаш, на польский – В. Домбровский, на чешский – В. Йелинек и М. Кргоун, на немецкий – М. Вебер, В. Гирнус, на голландский – Латауверс, на арабский – М. Бсису, на колумбийский – Э. Сендойя, на кубинский – Л. Суардиас, на турецкий – К. Мизиев. На стихи Кайсына Кулиева написаны песни, романсы, оратории, баллады композиторами Э. Колмановским, Г. Свиридовым, Р. Щедриным, Х. Кардановым, М. Жеттеевым, А. Байчекуевым, Н. Пахомовым, А. Рахачевым, Я. Френкелем, И. Шериевой, М. Османовым, Т. Блаевой, Дж. Хаупой, В. Моловым, Ю. Мейтусом, А. Дауровым, А. Казановым, А. Шахгалдяном, Б. Власовым, О. Шуровой, В. Стасовым. Его песни исполняли Иосиф Кобзон, Анна Герман, Муслим Магомаев, Гелена Великанова, Алла Пугачева, Галина Таукенова, Наталья Гасташева, Галина Улетова, Лев Лещенко, Эдуард Хиль и др.

В исторической судьбе национальных художественных культур XX столетия достойное место занимает Расул Гамзатов, чье поэтическое творчество стало достоянием миллионов читателей в России, СНГ и многих зарубежных стран. Его всемирно известная песня «Журавли» (муз. Яна Френкеля) – о тех, кто не вернулся с войны, покоряет всех слушателей. Кайсыну Кулиеву очень нравилось это произведение друга. «Поэт в нем говорит о тех незабвенных детях Родины, которые погибли в родную землю, отстаивая ее от врагов, – писал он. – И до Гамзатова писали об этом многие, но Расул написал иначе – сильно, сердечно, проникновенно, пронзительно:

Летит, летит по небу клин усталый –
Мои друзья былые и родня.
И в их строю есть промежутки малый, –
Быть может, это место для меня!

Это настолько по-человечески, в этих строках такая сила, что они западают в душу каждого. Ведь любой из нас знает, что за каким-нибудь поворотом дороги его тоже ждет последний час»¹.

Обращая внимание на рост художественного творчества в национальных республиках, В. Пискунов писал: «... поэзия дагестанца Р. Гамзатова, калмыка Д. Кугультинова, балкарца К. Кулиева, литовцев Э. Межелайтиса и Ю. Марцинкявичюса, а также других определяет уровень нашей литературы, ее современное состояние и перспективы»². Это было сказано в конце 70-х гг. уходящего столетия, когда и Кулиеву, и Гамзатову предстояло еще много лет работать на поэтическом поприще и обогатить мировую художественную культуру. –

В связи с присуждением Ленинской премии Расулу Гамзатову Кулиев говорил, что «это является праздником и знаменательным событием для горской поэзии. Лучший из нас, нынешних поэтов гор, – Расул Гамзатов – получил Ленинскую премию. Это победа не только одного блистательного дагестанского поэта, а всей поэзии горских народов, и ее общий праздник и слава. Все мы гордимся Расулом. Он прославил своей поэзией родную землю, получил наравне с выдающимися русскими поэтами, такими, как Твардовский, Прокофьев, премию. Такое со-

бытие свидетельствует о той высоте, на которую уже поднимается культура горских народов»³.

Поэтическое творчество Кайсына Кулиева и Расула Гамзатова по праву входит в сокровищницу мировой художественной культуры. Крупнейшие мастера художественного слова второй половины XX в., они убедительно продемонстрировали всей своей поэзией и прозой, драматургией и переводческой работой, литературно-критическими статьями, очерками и общественно-политической деятельностью, каких успехов достигли в области духовной культуры представители горских народов. Оба эти поэта принесли огромную пользу и славу своим народам и Отечеству. По ним можно судить, как развивались исторические судьбы национальных художественных культур в XX столетии, об основных тенденциях формирования духовного прогресса народов Северного Кавказа. Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов – это особая тема для изучения многонациональной художественной культуры.

На наш взгляд, большой интерес представляют для исследования национальной и общечеловеческой культуры их произведения в прозе: «Мой Дагестан» Расула Гамзатова и «Так растет и дерево» Кайсына Кулиева, которые, по оценкам многих исследователей и почитателей таланта двух великих поэтов, являются подлинными народными университетами культуры. Так, Алла Драгунская писала: «Ваша книга «Так растет и дерево» – это удивительно прекрасная книга. Какой замечательный язык: Вы пишете глубоко, умно и тонко. Вы немеее, читая некоторые стихи Тютчева, а мы немеем, читая Вашу прозу. Это поэтическая проза. В Ваших стихах о Добrote хлебов и Мудрости трав есть доброжелательность, человечность, простор и воздух. Творчество Ваше – реально и правдиво, вечное и одновременно новое и всегда мудрое, в нем столько благородства, хороших традиций и столько новаторства! Счастлива Балкария, имея такого поэта»⁴.

Книга «Мой Дагестан» Р. Гамзатова – это огромный этнокультурный пласт. В ней поэт глубоко раскрыл этнопсихологические особенности и духовно-нравственные ценности народов Дагестана. Она имеет огромное историческое и культурно-познавательное значение. В личном архиве Кайсына Кулиева очень много материалов:

писем, поздравительных телеграмм, открыток Расула Гамзатова, правительственных приглашений для участия в Днях литературы и искусства, в юбилейных вечерах и различных торжествах, а также есть поздравления от научной и творческой интеллигенции Республики Дагестан. Приведем ряд примеров. Так, директор Дагестанского филиала Академии наук СССР Гаджи Гамзатов в своей телеграмме 1977 г. писал: «Дорогой Кайсын, примите наши сердечные поздравления в день Вашего 60-летия. Ты в наших глазах – один из самых достойных художников страны. Мы знаем и чувствуем в тебе такого участливого и внимательного, чуткого и отзывчивого, доброго, смелого кавказского орла! Не годы определяют твое бессмертие, – гордое имя певца, борца, чистой натуры, друга. Обнимаем

Чакар, Гаджи Гамзатовы»⁵.

Обратимся еще к одному поздравлению:

«Мой 60-летний младший брат, Кайсын Шуваевич! Позволь мне, твоему собрату из Кызыл-Кумских гор, поздравить тебя, чегемца, славного сына гордого Эльбруса, с достойным юбилейным праздником и пожелать тебе и твоим близким силы и возможности в добром здравии и счастье отмечать вековую годовщину великого горца! Дай, Аллах! Иншаллах (Бог даст).

Крепко обнимаю. Юсуп Хапалаев»⁶.

Аналогичные поздравления были от Даниялова, Умаханова, Шамхалова, Уммалатова и многих других руководителей Республики Дагестан.

Верный всем своим друзьям и больше всех – Кулиеву, Расул Гамзатов приехал в день похорон поэта, чтобы проститься навсегда с ним. Он был потрясен случившимся и плакал, как ребенок. Говорить не мог, слова застревали в горле. Расул как-то весь сник: ушел от него близкий, родной человек.

Всю горечь прощания с Кайсыном и другими своими любимыми товарищами Гамзатов вложил в строки стихотворения «Давиду Кугультинову». Обращаясь к калмыцкому поэту, Расул Гамзатов как бы оплакивал всех ушедших навсегда друзей, с которыми его связывала долгая общественная и литературная работа. Стихотворение написано в форме беседы, полно горького сожаления о быстро промелькнувших годах:

Как будто бы только вчера
Мы соколам были сродни.
И в «Красную книгу» пора
Уже заносить наши дни.

У нас с тобой,
вспомни, мой друг,
Товарищи были одни.
А ныне их сузился круг,
Храни его, Небо, Храни!

.

Лихих не склоняя голов,
Как жили, ушли без кольчуг
Гудзенко, Луконин, Орлов,
Так вещей сужается круг.

Прекрасен божественный дар.
И нами у горных вершин
Оплакан Думбадзе Нодар
И неповторимый Кайсын...⁷

Перевел Я. Козловский

В этом году кончается миллениум и наступает XXI в. Подводя итоги развития национальных художественных культур, хочется отметить, что творчество Кайсына Кулиева и Расула Гамзатова отражает целую эпоху в историческом процессе XX в. Их поэзия оказала и оказывает огромное влияние на формирование исторического сознания и национального самосознания горских народов.

Взаимосвязи и взаимообогащение национальных художественных культур необходимо глубоко исследовать в социально-философском аспекте для раскрытия общих закономерностей и специфических особенностей вхождения литератур малых народов в систему мировой цивилизации. Молодые ученые XXI в. должны продолжить эти исследования, так как они будут всегда актуальными в осмыслении исторических судеб национальных художественных культур.

Свое выступление мне бы хотелось закончить словами Кайсына Кулиева из стихотворения «Я задохнусь однажды под снегами» (1965):

Боль, что моей предсмертной болью будет,
Идущих вслед за мной не свалит с ног.
Достигнут в должный срок другие люди
Вершин, которых я достичь не мог.

Не пройденные мною перевалы
Другие покорят, придет пора.
Слова, что не давались мне когда-то,
Отыщут молодые мастера ⁸.

Перевел Н. Гребнев

¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 325.

² Дорогой правды – дорогой гуманизма. М., 1978. С. 164.

³ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 58, л. 9–10.

⁴ Там же, оп. 3, ед. хр. 77, л. 65.

⁵ Там же, оп. 7, ед. хр. 70, л. 2.

⁶ Там же, ед. хр. 73, л. 35.

⁷ Гамзатов Р. О бурных днях Кавказа: Стихотворения, сказания, поэмы. М.: Современник, 1989. С. 107–108.

⁸ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М.: Художественная литература. 1987. Т. 1. С. 308.

Ф. С. Эфендиев

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ В ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ БАЛКАРСКОГО НАРОДА

Тезисы Международной
конференции. Симпозиум 3.
Философия, культурология, эконо-
мика, социология, политологи-
я. Пятигорск: ПГЛУ, 2000.
27–28 апреля.

О парадигме как теории, принятой в качестве образца решения исследовательских задач, писали многие ученые, начиная от Платона до Т. Куна, К. Поппера, И. Лакатоса, Г. Бергмана, М. Мастермана и многих других. Каждый из них дал свое понятие парадигмы для характе-

ристики нормативности методологии, формирования научной дисциплины, описания различных этапов научного знания и т. д. По мнению Шеллинга и Гегеля, парадигма может проявляться в ходе анализа принципов внешнего и внутреннего единства различных духовных формообразований, в учении об идеальных первообразах или прообразах.

Наша цель – в краткой форме показать, как когнитивная парадигма проявилась в истории культуры балкарского народа, которая органично вошла в систему мировой культуры благодаря социально-философскому наследию Кязима Мечиева и Кайсына Кулиева, оставивших громадный след в духовной жизни горцев Кавказа. Именно они расширили диапазон мышления, творческого и духовного потенциала родного народа и высоко подняли планку духовности национальной культуры. Мечиев и Кулиев еще при жизни были признаны всеми, а их поэтическое творчество служило моделью постановки проблем в балкарском литературоведении.

Исторические формы парадигмы горской культуры неоднозначны. В истории культуры балкарского народа идеи Мечиева и Кулиева для характеристики формирования научной дисциплины, в частности национального литературоведения, определили два различных этапа научного познания – допарадигмального и парадигмального. Кулиев один из первых заложил основы истории национальной критики, а его литературно-критическое и поэтическое наследие явилось составной частью художественной культуры России и СНГ. «Благодаря его поэзии, – писал профессор С. И. Эфендиев, – балкарский народ стал известен всему миру, а уникальный этнокультурный феномен Кулиева вошел в систему ценностей мировой культуры как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры»¹.

Художественное слово Кязима Мечиева, классика балкарской литературы, как нельзя лучше подходило для характеристики взаимоотношений духовного и реального мира. Поэт-философ любил в человеке Божественное начало и, вероятно, вкладывал в это понятие нечто высшее, духовное, чем просто земной человек. В нем он художественно воплощал свой идеал и углублял нравствен-

ный смысл основных мусульманских заповедей. Все это имело этический смысл только в контексте его философской лирики и отдельных высказываний типа: «Я всегда знал огромность и единственность Аллаха», «Мы — братья одной веры», «Одна вара, одно небо и один дом у человечества» и т. д. Он определял уровень духовности балкарского народа и его социально-нравственную миссию на земле. Долгой была его беседа с Аллахом. Это не могло не сказаться на менталитете балкарского народа. Кязимовская религиозная толерантность — это закономерный и естественный процесс развития тюркской художественной мысли. Будучи уже стариком, Кязим (1859–1945) благословил молодого поэта Кайсына и вложил в его руки знамя национальной поэзии.

Со смертью основоположника балкарской литературы появление на Парнасе новой яркой звезды, звезды первой величины в лице Кайсына Кулиева, в истории национальной культуры произошла как бы смена культурных парадигм. Она явила собой научную революцию, революцию духа, коренное изменение анализа процессов художественного творчества, художественных стилей в национальном искусстве и литературе. Когнитивная парадигма в духовной культуре балкарского народа резко изменилась и качественно повысилась в постановке проблем и их научных решений.

Кайсын Кулиев стал культурным стандартом, эталоном духовности. Его выношенные и выстраданные мысли и чувства, отлитые в стихи и прозу (роман «Была зима»), драматургию («Есть на свете любовь») и критико-публицистические статьи, эссе, рецензии, литературные портреты, предисловия, открытые письма, опубликованные в книгах «Так растет и дерево», «Поэт всегда с людьми», в центральных и местных газетах, журналах, — многократно служат, выступают в современной науке в качестве образцов при решении многих исследовательских задач философами, социологами, культурологами, литературоведами, психологами, педагогами и т. д.

Под влиянием Кайсына Кулиева выросло два поколения балкарских поэтов — реалистов и романтиков, — символические обобщения, художественные ценности и духовные образцы которых входят в нормативную мето-

дологию науки, в национальное литературоведение и национальную эстетику. Они выходят на уровень богатого мира духовной культуры народов Российской Федерации благодаря таким замечательным учителям художественного мастерства, какими были Кязим Мечиев и Кайсын Кулиев. Они сыграли большую роль в формировании массового общественного миропонимания, национального сознания и самосознания, а это, в свою очередь, поставило вопрос о преобразовании и унификации комплекса информационных потоков и системы распространения культуры балкарского народа. Когнитивный подход и становление новой парадигмы национальной науки, балкарского литературоведения, история развития критической мысли данного этноса тоже связаны с именами Мечиева и Кулиева.

¹ Литература народов Северного Кавказа. Карачаевск: КЧГПУ, 1999. С. 170.

Ф. С. Эфендиев

К ВОПРОСУ СИНТЕЗА КУЛЬТУР ГОРСКИХ НАРОДОВ И РОССИИ

Тезисы доклада научной конференции, проведенной кафедрой философии Ставропольского госуниверситета в апреле 2000 г.

Взаимодействие и взаимопроникновение культур различных этносов являются объективной закономерностью развития общественных отношений. Об этом свидетельствует развитие различных цивилизаций Востока и Запада. Сейчас, в канун XXI в., проблема синтеза и трансформаций культур Кавказа, России и СНГ приобретает особую актуальность в условиях национального возрождения. Она требует глубокой разработки в историко-фило-

софском аспекте. Без такого подхода невозможно показать исторические корни и глубину взаимодействия, синтеза культур горских народов и России.

В основе национального возрождения должны лежать культура и искусство, а не политика или идеология. Мыслители эпохи Возрождения подчеркивали, что без культуры и искусства невозможны глубокое социально-философское осмысление идей гуманизма, взаимоотношения человека с природой, сохранение преемственности духовно-нравственных ценностей. Подлинно человеческие традиции и обычаи, гуманистические черты, присущие всем народам, которые веками жили по соседству, в наше время стали нарушаться и наблюдается рост национального отчуждения. «Кровь всегда одного цвета. Но если думают, что одна светлее другой, то это не создает благородства...» Эти слова принадлежат Ф. Петрарке, основателю гуманистической культуры Ренессанса. Поэт-гуманист XX в. Кайсын Кулиев тоже осуждал национальные распри. Он в 1971 г. в статье «Песни горцев» писал: «... Горцы, знавшие цену человеческой жизни, все же считали, что за отнятую жизнь надо отвечать жизнью, за кровь платить кровью... Долгие времена они мстили друг другу, отнимая у детей отцов, кормильцев. Кровь на земле проливалась всегда — по разным причинам, под самыми разными предлогами и далеко не одними только горцами Кавказа. Если бы собрать всю человеческую кровь, пролитую за долгие века, получилось бы самое большое море на свете...»¹

К сожалению, некоторые лидеры национальных общественных движений без четкого и конкретного анализа и всестороннего осмысления целей, задач национального возрождения занимались политическими лозунгами и митинговой эйфорией, что привело в ряде регионов к национальному противостоянию. Подчеркивая пагубность такого подхода в сфере межнациональных отношений, Чингиз Айтматов сказал: «Путь нации не в местных ажиотациях, на что уходят сейчас все силы, особенно молодежи, а в способности совершенствоваться, во взаимодействии полноценного исторического элемента как цивилизованной этнической общности с окружающим миром в процессе глобального развития челове-

чества. Когда же нация увязает в собственной «мелкопоместной» суете, она остается в стороне от этого мирового движения»².

В современном и взаимообусловленном мире самое страшное – это национальное одиночество. Сейчас существование человечества – это глобальная, в масштабе Космоса, проблема, неразрывное целое. Единство человечества базируется на интеграционных процессах: технологического, информационного, транспортного и др. Ни один народ не живет в изоляции, все народы включены в социальный прогресс. В результате этого усиливается взаимодействие культур. Это объективный, диалектический процесс развития общественных отношений. Прав известный ученый В. И. Каширин, который утверждает в своей книге «Очерки философии планетарного самосознания» (Ставрополь, 1996), что нужно рассматривать не только целый этнос, но и отдельного человека как неотъемлемую часть биосферы. Это прежде всего связано с поисками путей выхода из планетарного кризиса духовной культуры человечества и с достижениями современной науки и социальной практики. Развитие культуры, социального сознания и национального самосознания в контексте мировой цивилизации позволит прийти к качественно-му формированию экологического и планетарного самосознания. Тогда и вопросы синтеза национальных культур можно решать наиболее действенными средствами и методами.

Многовековой союз народов Северного Кавказа и России, значение Востока и его открытость Западу – все это уникальная особенность, которая должна рассматриваться как бесценное историческое достояние евразийского этнокультурного феномена. Кайсын Кулиев справедливо писал: «... Мы, горцы, помним все сделанное для нас Россией, навсегда благодарны ей... Мы благодарим Россию за бессмертное слово Пушкина и за удивившие мир мудрость и художественную мощь Льва Толстого, за прекрасное искусство Чайковского... которые стали и нашим национальным достоянием, и нашим неоценимым сокровищем, нашей духовной мощью»³. История свидетельствует, что народы Северного Кавказа и России относились друг к другу с большим уважением, имели давние

этнокультурные связи и обменивались материальными и духовными ценностями. Все это способствовало формированию биоэтногенетического феномена, развитию менталитета горских народов под влиянием синтеза культур различных цивилизаций. Сохранение и приумножение этого многонационального единства как неотъемлемой части общечеловеческой цивилизации имели и имеют большое научно-теоретическое значение в укреплении межнациональных отношений и в национальном возрождении. «... Интерес к искусству не только народа, на языке которого ты пишешь, но и других народов, мало тебе известных, — большое благо для поэта. Как это обогащает! — убежденно восклицал Кайсын Кулиев. — Разве поэзия Лермонтова проиграла от глубочайшей связи с Кавказом или это сделало его менее русским поэтом? Нет, наоборот. Чем выше поднимаешься, тем дальше видишь. А культура поднимает высоко и становится благостным дождем для родной почвы, где возрастает наш хлеб, наливаются колосья, растут деревья, алеют цветы. Образцы — большое дело. Без них не обойтись, они дают возможность окрепнуть нашим собственным крыльям, а не мешают быть самостоятельными, как полагают иные»⁴.

Развитие национальной культуры и возрастающий интерес к истории своего народа — одни из ярких примет сегодняшней действительности. Народы Северного Кавказа создали богатую духовную культуру, которая занимает достойное место в системе мировой цивилизации. В этом, конечно, была большая заслуга влияния культуры России, взаимодействия этих этнокультур. Исследование общих закономерностей и специфических особенностей синтеза культур горских народов и России, постепенного процесса вхождения северокавказского этнокультурного феномена в систему мировой цивилизации имеет большое научно-практическое значение в осмыслении развития культуры горских народов, их этнических особенностей в формировании правильного исторического сознания, нравственных идеалов и национальных ориентиров. Вхождение горского этнокультурного процесса в систему мировой цивилизации играло определенную роль в формировании национальной идеи, в ее целостности на протяжении всей истории горских этносов. Было и оп-

ределенное взаимодействие с русской национальной идеей, занимавшей немаловажное место в этнополитике и этнокультуре.

Критикуя ошибки прошлого, мы не должны забывать, что за 70 лет Советской власти все народы нашей страны добились немалых успехов в социально-экономическом и культурном развитии. Достигнуты определенные успехи в области образования, науки и культуры. В этом была большая роль взаимопомощи между народами. Так, бывший партийный работник КБР М. И. Докшонов писал: «При всей сложности и противоречивости нашего времени мы работали на созидание, а не на разрушение, стремились преумножать те материальные и духовные богатства, которые оставили нам в наследство наши отцы и старшие братья – предшествующие поколения. А оставили они великое государство с огромным и экономическим потенциалом, науку, удивлявшую весь мир своими достижениями и открытиями, культуру и искусство, которыми восхищалось все просвещенное человечество...»⁵ Эти факторы были ускорителями социально-культурного прогресса.

Поэтому в условиях демократизации, гласности и национального возрождения необходимо сохранить в исторической памяти народов все позитивное, что было в нашей стране в общественной и культурной жизни, а не отрицать всю историю и обвинять отдельные народы в нынешних бедах. Ни один народ не виновен перед другим народом. В условиях общего кризиса нужна консолидирующая идея, чтобы направить духовный потенциал этноса на успешное решение социально-экономических и культурных задач, поскольку народы Северного Кавказа – это малая и неотъемлемая часть многонациональных народов Российской Федерации. Самое большое богатство у народа – это единство и сплоченность, взаимопонимание и умение мирно жить, помогая друг другу в развитии экономики и духовной культуры. Так, выступая в 70-е гг. по Всесоюзному радио, Кайсын Кулиев говорил: «... Сейчас меня слушают миллионы людей – от Ленинграда до Ашхабада, от Риги до Орджоникидзе, – а голос моего отца, скотовода и охотника, жившего в Чегемском ущелье, не слышали дальше своего двора и аула.

Круг его друзей был ограничен также родным аулом и ущельем. Народы были разобщены и разделены гранитными стенами неведенья и темноты. А круг моих друзей огромен: они в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Уфе, Алма-Ате, Улан-Удэ, Махачкале, Тбилиси – всюду, где живут советские люди. У каждого из нас миллионы друзей. Это необыкновенно хорошо и чрезвычайно радостно»⁶.

Так говорил поэт на исходе XX в. и искренне верил в дружбу людей. Мы считаем, что все проблемы в международных отношениях, вопросы о взаимовлиянии этнокультур в наступившем XXI в. должны решаться не только политическими методами, но и народной дипломатией на основе всестороннего учета интересов каждого народа и соблюдения прав человека.

¹ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 274.

² Литгазета, 1991. 11 сентября.

³ Кулиев К. Так растет и дерево. М., 1975. С. 37.

⁴ Там же. С. 387.

⁵ Докшоев М. И. Главная привилегия – ответственность за других. Нальчик: Эль-Фа, 1998. С. 4.

⁶ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 4, ед. хр. 24, л. 1.

Ф. С. Эфендиев

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КНИГЕ К. КУЛИЕВА «ТАК РАСТЕТ И ДЕРЕВО»

Тезисы выступления на научной конференции «Россия на пороге нового тысячелетия». Ростов-на-Дону, РГУ, 2000.

В творчестве Кайсына Кулиева книга «Так растет и дерево» занимает особое место. В ней поэт глубоко раскрыл диалектические взаимосвязи и взаимообусловленность национального и общечеловеческого в культуре.

Это литературно-критическая работа, которая охватывает большие временные пространства исторического значения и этногеографическую самобытность национальных культур, начиная от средневековой лирики армянского народа до современной культуры Дагестана. Национальный колорит в сочетании с глубоким социально-философским осмыслением проблем времени и высокое художественное мастерство снискали этой книге известность среди широких читательских масс. Это не сборник стихов и поэм, а научный труд, подводящий итоги многолетним раздумьям поэта о законах творчества, о месте художника в обществе, о роли поэта и поэзии в жизни.

В эту книгу включено 63 эссе, в которых Кулиев глубоко рассмотрел в социально-философском плане творчество выдающихся деятелей отечественной и мировой культуры. Здесь размышления Кайсына Кулиева о великом армянском лирике Наапете Кучаке, о Жуковском («Учитель Пушкина»), об уроках Тютчева («Уроки Тютчева»), О Фете («Перечитывая Фета»), Пушкине, Лермонтове («А парус все белеет»), Некрасове («Народный поэт России»), Кязиме Мечиеве («Талант и мудрость»), Расуле Гамзатове («Талант и восхождение»), об Абае Кунанбаеве («Степной Прометей») и о многих других.

Творчество Кайсына Кулиева — это целая историческая эпоха развития художественной культуры балкарского народа, по которой можно проследить вхождение национальной культуры малых народов в общечеловеческую культуру. Он является культурно-историческим феноменом балкарского народа. Благодаря его творчеству (поэзии, прозе, литературно-критическому наследию, публицистике — выступлениям на Международных конференциях, конгрессах защиты мира стран Азии и Африки) балкарский народ стал известен всему миру.

Книга «Так растет и дерево» вышла из печати в 1975 г. На нее сразу пришло очень много откликов от известных писателей, поэтов, общественно-политических деятелей и почитателей таланта Кайсына Кулиева. Так, Роллан Сейсенбаев, полковник в отставке, писал из Москвы: «После чтения Вашей книги «Так растет и дерево» нео-

жиданно пришла мысль написать Вам письмо, написать слова благодарности от имени молодежи, от тех, кто только начал свой путь в литературе. Не только благодарность, но и преклонение перед Вашим талантом и человеческой мудростью»¹. Во многих откликах говорилось о воспитательно-эстетическом значении этой книги, об укреплении дружбы народов и о взаимовлиянии национальных культур, о том, что это «целая школа в осмыслении общечеловеческой культуры, сочетания уникальных самобытностей во множестве этнокультур». Об этой вещи Кулиева очень много писали в середине 70-х гг., то есть тогда, когда книга «Так растет и дерево» вышла из печати. Писали о ней и намного позже – в начале 80-х гг., отмечая ее национальную и общечеловеческую значимость.

Мы уже говорили, что эта книга явилась итогом многолетних раздумий поэта о творчестве писателей, о традиции классиков. Еще до ее выхода в издательстве «Современник» (М.) в 1975 г. некоторые статьи из нее появились в печати в центральных газетах и журналах. Так, в «Литературной России»² была напечатана небольшая статья об известном художнике М. Сарьяне «Так растет и дерево: Поговорим о прекрасном». В журнале «Дружба народов»³ появились критические статьи «Так растет и дерево: Заметки о художественном творчестве Кязима Мечиева и восточной поэзии», вошедшие в книгу «Так растет и дерево». «Так растет и дерево» – это начало нового и самого плодотворного периода в творческом развитии К. Ш. Кулиева. Он увидел Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Горького, Есенина, Тихонова, Дудина, Кешокова, Карима, Бараташвили, Чиковани, Мартироса Сарьяна, средневековую армянскую поэзию, поэму Руставели, Георгия Леонидзе, Реваза Маргиани, Карло Каладзе, других писателей и поэтов по-своему, по-кулиевски, с его неповторимым кавказским мышлением и национальным самосознанием горца XX в. Как опытный и большой мастер, Кулиев подметил в каждом из них то, что составляло их эстетическую и художественную суть; поэтому в письмах читателей Кулиеву отмечалось его умение видеть и изображать национальное и

общечеловеческое в органическом единстве в сложном историческом процессе или явлениях новой действительности с перспективой будущего. Кулиевские объективные критерии в оценке писателей и поэтов России и Кавказа поражали многих современников горского поэта. Об этом они писали Кулиеву в письмах, которые теперь хранятся в Центральном госархиве КБР.

Выступая на этой конференции, я не могу огласить все письма автору об этой уникальной книге, но надеюсь, что она заинтересует многих исследователей творчества Кулиева, его литературно-критического наследия. А оно огромно. Одни только предисловия и послесловия Кулиева к книгам различных поэтов и писателей составили бы большой том, а его рецензии и публицистика – тем более. Интересно отметить то, что Кулиев охотно откликался на просьбы написать предисловие к книге стихов как старших по возрасту, так и молодых поэтов. Скажем, Б. Гуртуева, Ж. Залиханова или М. Беппаева, И. Бабаева.

Книга Кайсына Кулиева «Так растет и дерево» по своему содержанию уникальна: так много в ней поставлено общечеловеческих и национальных культурологических проблем. Она легла в основу диссертации Светланы Михайловны Кертиевой «Литературно-критическое наследие Кайсына Кулиева» на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

В истории балкарской критической мысли Кулиев являлся одним из крупнейших мыслителей и критиков. Он много писал о сути литературного творчества, о существенных свойствах национальной художественной литературы. В своих статьях, очерках, предисловиях и послесловиях он ярко воспринимал художественную литературу различных веков и народов (что значило его понимание армянской средневековой лирики!), историю развития северокавказской поэзии, все богатство мыслей развития этнокультуры балкарского народа, начиная от лирических народных песен кончая философской лирикой Кязима Мечиева. Благодаря Кулиеву последующие балкарские литературоведы и критики смогли обратиться к прошлому своей духовной культуры и держать связь с современностью.

¹ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 3, д. 78, л. 47.

² Литературная Россия, 1966. 21 января. С. 15–16.

³ Дружба народов, 1975. № 2. С. 177–190; № 3. С. 164–179.

Ф. С. Эфендиев

КАЙСЫН КУЛИЕВ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Тезисы доклада межвузовской научной конференции «Россия на пороге нового тысячелетия: проблемы, тенденции, модели». Ростовский госуниверситет. 2000, апрель.

Современный литературный процесс связан со всеми социально-политическими и культурными событиями на рубеже тысячелетий. Люди всех континентов, независимо от языка, понимают и ценят подлинно художественное слово, если даже оно приходит к ним в переводе. Зарубежный читатель и зарубежная критика высоко оценили поэтическое слово поэта XX в. Кайсына Кулиева, получившего всемирную известность. Так, говоря о Кулиеве как о художнике, поэт А. Тарковский подметил в нем главное: «Кайсын Кулиев – поэт небольшого народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии. Он поэт всего мира... Интересы всего человечества, очень широкие слои всего человечества нашли уста в этом поэте».

Возможно, поэтому, когда Индире Ганди понадобились доказательные слова о необходимости мира на земле, она процитировала слова балкарского поэта: «Первой пулей на войне любой поражает сердце материнское». Поэзия Кулиева нашла путь к сердцу многочисленных зарубежных читателей. Вот что писал преподаватель русского языка в женской гимназии Альберт Расмусен, американец, проживающий в ФРГ: «Ваши стихи просто поразили меня великолепной красотой. Ваши мысли о человечестве очень важны для всех народов. Ваша «Женщи-

на», которая «купается в реке», не зная «зла и смерти», «вьюги и зимы», «тюрьмы и сумы», должна познакомиться со всеми людьми всех стран... Вы, действительно, открываете свое сердце человеческому горю».

Т. Е. Эфендиева

ИДЕИ ГУМАНИЗМА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В ПОЭЗИИ НА ПОРОГЕ ХХІ ВЕКА

Тезисы доклада Всероссийской научной конференции «55 лет Великой Победы: история и современность». Ростовский государственный строительный университет, кафедра истории и политологии. 2000. 20–22 апреля.

На пороге нового тысячелетия ученые-литературоведы, культурологи, философы подводят итоги уходящему веку, тому, что было и что скоро станет историей, какой бы она ни была – черной или светлой полосой в жизни народа. Один из выдающихся гуманистов ХХ в. Кайсын Кулиев в стихотворении «Поэту будущего», обращаясь не столько к своему собрату по перу, сколько к народам мира нового тысячелетия, писал:

Утихнут пушечных залпов грозы,
Остынут копыта коней боевых,
И высохнут матерей наших слезы
На бледных морщинистых лицах их.

И над землей, где поля и воды
Не будут кровью обгарены,
Спокойными станут закаты, восходы
Мирного солнца и мирной луны.

Перевел Л. Шерешевский

Эти гуманистические строки были написаны поэтом в 1942 г., когда шла кровавая Вторая мировая война.

О чем мечтали тогда и солдаты, и те, кто был в тылу? Конечно, о мире, о спокойных закатах и восходах солнца, о мирном труде, то есть обо всем том, о чем и сейчас мечтают люди на пороге нового тысячелетия, — жить без войн, страданий, кровавых убийств. Жить спокойно, со-зидать, растить детей и надеяться, что они будут счастливее нас.

Идеи гуманизма и гражданственности в поэзии XX в. прозвучали как колокол, как предупреждение о том, чтобы не повторились мрачные события Майданека, Бухенвальда, Освенцима, Хиросимы и Нагасаки; террористические жестокие акции в Чечне и бомбардировки в Югославии, этносы которой не могут найти взаимопонимание и мирный путь развития, как и многие другие народы, враждующие между собой на пороге нового тысячелетия.

Кайсын Кулиев, как бы подводя итог тому, что было в XX в., писал в стихотворении «Поэтам двадцатого века»:

Бессилие в горестный час,
Неволя и смерть человека —
Все было на свете до вас,
Поэты двадцатого века!

Перевел Н. Гребнев

Гуманистическая концепция горского поэта начинала развиваться с лирики военных лет. Той же оставалась она и в 1969 г., когда он обращался к поэтам XX в.: «Беда существует давно, хватало и крови, и дыма. Но было лишь вам суждено узнать, как горит Хиросима».

Идеи гуманизма художественно воплощены в поэзии Расула Гамзатова, особенно в его стихотворении «Журавли», ставшем известной песней («Летит, летит по небу клин усталый — мои друзья бывшие и родня...») и в его поэтической речи о XX в.:

Двадцатый век сурово хмурит брови.
Мы — дети века, стыд нам и позор.
Ведь никогда так много лжи и крови
Не проливалось в мире до сих пор.

Двадцатый век устало щурит веки.
Мы — дети века, честь нам и хвала!

Быть может, никогда, как в нашем веке,
Мир не боролся против лжи и зла.

Перевел Н. Гребнев

Горские поэты понимали всю ответственность за судьбу планеты. Может, поэтому Расул Гамзатов писал: «Я аварский поэт. Но в своем сердце я чувствую гражданскую ответственность не только за Аваристан, не только за весь Дагестан, но и за всю планету. Двадцатый век. Нельзя жить иначе».

Кайсыну Кулиеву очень нравилось стихотворение Расула Гамзатова «Журавли», потому что он считал, что в нем говорилось об очень близких каждому из людей вещах — о жизни и смерти; говорилось в этом стихотворении и о тех незабвенных сыновьях, которые полегли на земле, чтобы отстоять ее от врагов.

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в эту землю полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

«Но ведь и до Гамзатова писали об этом очень много,— сказал Кулиев.— Но все дело в том, что Расул написал иначе, то есть очень талантливо, сильно, сердечно, проникновенно, пронзительно. А ведь в этом сила лирики. Вот строки, приводящие любого из нас в трепет правдой чувств:

Летит, летит по небу клин усталый —
Мои друзья бывшие и родня
И в их строю есть промежуток малый,
Быть может, это место для меня?

Это настолько по-человечески правдиво, в этих строках такая пронзительная сила, что они западают в душу каждого. Ведь любой из нас знает, что за каким-нибудь поворотом дороги его ждет последний час. Побеждают только те художники, которые могут сказать откровенно, правдиво и горько».

Идеи гуманизма и гражданственности в северокавказской поэзии, особенно в творчестве Кайсына Кулиева и

Расула Гамзатова, на пороге ХХІ в. обретают глубокое нравственно-философское звучание.

¹ Гамзатов Р. Собр. соч. в 3 т. М., 1969. Т. 3. С. 164.

² Кулиев К. Восхождение таланта // Слово о Расуле Гамзатове. Махачкала, 1973. С. 216–217.

С. И. Эфендиев

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПОЭЗИИ К. КУЛИЕВА

Доклад на научной конференции Ставропольского государственного университета в апреле 2000 г.

Кайсын Кулиев – талантливый балкарский поэт. Без его поэзии невозможно представить художественную культуру балкарского народа. В основе его поэзии лежал богатейший народный фольклор и этнофилософия балкарского народа. В своей поэзии он глубоко выразил веками накопленный духовно-нравственный опыт, философию и мудрость своего народа. В этом заключается сущность и неповторимые национальные черты, этнокультурная специфика Кайсына Кулиева.

Он являлся духовным выразителем балкарского народа, его менталитета и его мироощущения.

С тех пор, как я рожден, с тех давних пор
Я видел много рек, озер и гор.
Прекрасные я видел города
И многие места земной юдоли –
Почти окраины земли, куда
Я отправлялся не по доброй воле.

.....

Но где б я ни был, были вы со мной,
Хребты моей Балкарии родной.
Со мною ваша белизна была,
И красота, и высота была,

Они превозмогали боль мою,
И род мой, что не мал, хоть малочислен,
Со мною пребывал в любом краю,
Благодаря чему я жил и мыслил,
Не погибал, но побеждал в бою¹.

Перевел Н. Гребнев

В своих стихах и поэмах он воспел родные места: Чегемское ущелье, белоснежные вершины Эльбруса, Ушбы и Казбека; облака, плывущие в синем небе над горами Кавказа; альпийские луга; горных туров и орлов; медленно идущих по горным дорогам быков в упряжке; балкарские сакли и маленькие дворики у подножия скал; чабанов в кавказских бурках и башлыках и табунщиков, стерегущих стада овец и лошадей на высокогорных пастбищах; стройных горянок, несущих из родника в кувшинах чистую прозрачную воду; лихих наездников-джигитов. Это тот мир, который был ему близок и понятен, где он провел свое детство и юность, куда часто приезжал к родным, будучи уже известным поэтом.

В стихотворении «Старым горским мастерам» (1958) он писал:

Я – ваш внук, который рожден
В старом доме, созданном вами,
Пуповиной соединен
С этим краем его камнями.

В тех местах, где и тропок нет,
Вы о камни сбивали ноги,
Чтоб я шел через сотни лет
По проложенной вами дороге².

Эти поэтические мысли он воплотил в стихах «Быки, идущие на заре», «Балкарский пейзаж», «Говорю родной земле», «Горы мои», «Я пришел с гор», «Дождь сечет бичами скалы...», «Касыда горам» («О горы, вы мои учителя...»), «Молитва скалам», «Гора» («Блестящая снегами в вышине...»), «Гора» («Ей равных не было по красоте...»), «Гора говорит со снегопадом», «Гора дает приют», «Горные вершины» («Судимый мыслями повинными...»), «Горы, скажите, погибнет ли радость?», «Горцы-крестьяне» («Труженики, не говоруны...»).

В 60-х гг. так называемые местные «знатоки» национальной литературы не раз упрекали Кулиева в том, что он много писал о горах, об этноприроде, употребляя кавказскую атрибутику. Защищаясь от такой необъективной критики, необоснованных нападок некоторых партийных руководителей, пытавшихся указывать поэту, о чем он должен писать, Кулиев на одном из выездных заседаний Союза писателей РСФСР, проходившем в октябре 1959 г. в Нальчике, говорил: «Горы – это поэзия. Северокавказская этнокультура тысячелетиями связана с горами. Горы – это не только снежные вершины, но и величие, красота, это чувство чего-то великого, это вроде Бетховена или Маяковского! А с другой стороны, попробуйте жить без гор, потому что и реки оттуда идут, и леса там растут, и то, что необходимо нам, там рождается и находится в их недрах. Попробуйте жить без Эльбруса и Казбека! Конечно, не надо риторически кричать: «Я вас люблю, горы! Я без вас умру, горы!» Так писать нельзя, но облик гор должен сиять в нашей поэзии. Нельзя обвинять поэзию и поэтов, говоря, что горы – не тема поэзии. Так я мыслю»³. На этом же заседании поэт утверждал: «Здесь много говорилось не в положительном смысле об арбах, бурках и прочих вещах, встречающихся в нашей поэзии. Я хочу поэтому начать свое выступление именно с арбы и бурки. Говорили не раз, что у меня в моих стихах много орлов, кинжалов, камней, бурок и гор. Я не буду спорить с товарищами, указавшими мне на этот, якобы, недостаток. Хочу сказать в защиту бурки и арбы; что арба в наше время – это не тот транспорт. Я с этим согласен. Предыдущий товарищ – это мой друг В. Дементьев. Он сказал, что ехал от Майкопа до Эльбруса и почти не видел ни бурок, ни арбы. Но я хочу подчеркнуть одно: чтобы наша поэзия служила нашему народу и нашему времени так же верно, как служила горцам и служат до сих пор эта простенькая арба и бурка, особенно путникам в горах. Сейчас мы имеем другой транспорт передвижения – самолеты, легковые автомашины, вездеходы и т. д. Но тогда, при бездорожье и при отсутствии современных мостов, арба и бурка были необходимой частью горской жизни. Национальный характер в литературе не создается внешней атрибутикой – ни буркой, ни папайхой, ни кинжалом, ни горами, – а общечеловечески-

ми мотивами, и в творчестве лучших поэтов преобладало именно это качество»⁴.

Именно эти качества поэзии увидели и высоко оценили лучшие переводчики и почитатели таланта Кулиева, когда обсуждали 25 февраля 1965 г. сборник стихов «Раненый камень», выдвинутый на соискание Ленинской премии. Так, в своем выступлении Семен Липкин сказал: «Его поэзия – душа балкарского народа. Никто так не выразил менталитет балкарской нации после Кязима Мечиева, как Кайсын Кулиев. Может возникнуть естественный вопрос: «А важно ли выразить национальное, ведь балкарцев всего около 60 тыс. человек? Их можно поселить в двух высотных домах. Но не будет выразителя двух высотных домов. Большая ли это беда? Большая. Каждая нация – это есть часть человечества, в которой есть все черты человечества. Уничтожение одной нации – это есть утрата уникальных, этнокультурных и этнопсихологических черт человечества. Мы не могли существовать без балкарского народа и без других народов, которых постигла та же судьба, когда депортировали их из отчего края. Нельзя было вычеркнуть балкарцев из списка человечества, потому что Кайсын Кулиев – выразитель человечества»⁵.

Любовь к своей нации, ее языку естественна и закономерна. Нет человека, который не испытал бы неискоренимого чувства любви и привязанности к земле дедов и прадедов, к родной культуре, к своим традициям и обычаям. Все эти чувства предельно ясно выражены в его поэзии. Он гордился словом «кавказец из Чегема». Национальная гордость – важная сторона национального самосознания, выступающая как один из элементов общественного сознания. И она берет начало с земли отцов. Так, в стихотворении «Самое дорогое» (1942) он писал:

В тепле твоих пещер я ночевал, Кавказ,
На гладкий камень голову склоня;
За трубкой у костра я слушал горский сказ,
И ночь, как буркой, кутала меня.

По горным пастбищам, среди орлиных скал,
Я кочевал, на посох опершись,

На бешеном коне над пропастью скакал,
Крутой тропой карабкался, как рысь.

Перевел Л. Шифферс

Родная земля – это истоки творческих сил поэта. Она давала вдохновение для прославления и родного очага, и Отчизны. Национально-самобытное у него органически сочеталось с общечеловеческими мотивами. Глубокое философско-эстетическое осмысление темы малой родины шло параллельно с поэтическим воспеванием огромной России («Сосны России шумят», «Из тетради «В старой Руссе»), а также стран мина («Строки любви к Праге», «Стихи, написанные в городе Скопле», «Стихи, написанные по пути из дальних стран», «Дождь в Братиславе», «Жизнь на земле не убиты!», посвященные памяти Индиры Ганди). Поэтому Кулиев писал: «Когда я говорю с горами, я с целым миром говорю».

¹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 3. С. 89.

² Там же. Т. 1. С. 140.

³ Архивный центр новейшей истории КБР, ф. 693, оп. 1, ед. хр. 219, л. 94.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА КБР, ф. 852, оп. 6, ед. хр. 33, л. 3.

Ф. С. Эфендиев

О КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ МУЗЕЕВ

Тезисы доклада IV региональной научной конференции «Минаевские чтения по археологии и музееведению Северного Кавказа», посвященной 105-й годовщине со дня рождения Т. М. Минаевой. Ставрополь, 2000 г.

Нальчик – один из малых городов России. По мнению исследователей-культурологов, красота и душа России во все времена была воплощена в малых городах,

которые вносили в общенациональную культуру свой посильный вклад: давали талантливых литераторов, композиторов, художников и различных деятелей искусства мирового значения. Конечно, Нальчик не относится к городам-музеям, но и в нем есть культурный потенциал, связанный с прославленными именами Марко Вовчок, Александра Фадеева, Али Шогенцукова и Кайсына Кулиева.

Нальчик – это известный город-курорт на Северном Кавказе. Некогда он был Всесоюзным центром отдыха и спорта. Только в его санаториях ежегодно лечились и отдыхали около 100 тыс. человек. Кабардино-Балкарию посещали туристы и альпинисты из всех краев бывшего Советского Союза и зарубежных стран, а в Приэльбрусье часто проводились крупные Всесоюзные и Международные соревнования по горнолыжному спорту. Почти все, посещавшие г. Нальчик и Приэльбрусье, знакомились с музеями М. Вовчок, А. Фадеева, А. Шогенцукова, К. Кулиева, Музеем изобразительных искусств и Национальным краеведческим музеем. В Книгах отзывов есть немало записей, оставленных экскурсантами о культурологической значимости музеев Кабардино-Балкарии.

В период национального возрождения в республиканской программе культурной жизни и музеефикации определены некоторые меры по воссозданию и «расширению культурного потенциала, связанного с курортом «Долинск», расположенным на территории г. Нальчика, и расширением сфер влияния музеев, находящихся в столице КБР и в близлежащих окрестностях. В частности, это связано с именем Кайсына Кулиева, личность которого и цивилизация – это явление тесно взаимосвязанные. Так, в Чегеме I, в доме-усадебке поэта, открыт музей на улице им. Кайсына Кулиева (бывшая Степная), высится и его памятник. Дом-музей Кайсына Кулиева имеет прямое отношение к программе развития Российского Фонда культуры «Малые города России», главная задача которого – распространить приобретенный методический и практический опыт, инициировать широкое общественно-профессиональное движение по возрождению малых городов и их музеев.

В музее Кайсына Кулиева отмечаются дни рождения и дни памяти поэта по инициативе Национального му-

зея и Союза писателей КБР. Этот музей стал своеобразным культурным центром, куда приходят любители поэзии и искусства, где проводятся литературные вечера, встречи с писателями, выставки. Существует и Благотворительный фонд имени Кайсына Кулиева, средства которого идут на нужды дома-музея и на развитие всего музейного комплекса, связанного с именем поэта. В этом уникальном культурном центре есть много интересных архивных материалов.

В 1987 г. отважные и мужественные альпинисты покорили новую вершину в Приэльбрусье и назвали ее именем Кайсына. Кулиевский Пик – это Пик бессмертия.

Т. Е. Эфендиева

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В «ЧЕГЕМСКОЙ ПОЭМЕ» К. Ш. КУЛИЕВА

Тезисы доклада региональной научной конференции
«IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа».
Ставрополь: СГУ. 2000. 9 апреля.

Поэмы Кайсына Кулиева отразили переломные этапы истории в социально-экономической и культурно-политической жизни горских народов, начиная с 40-х гг. вплоть до середины 80-х гг. XX в., и сыграли большую роль в развитии лироэпического жанра в литературах тюркских народов Северного Кавказа. Такие поэмы, как «Огонь», «Серп», «След арбы», «Завещание», «Зеленые чинары», «Перевал», «Горская поэма», «Золотая свирель» («Кязим Мечиев»), «Знамя», «Говорю родной земле», «Кремень», «Радость – золотая птица», «Вечерняя звезда», «Говорю Лейле в Чегеме», «Поэма любви», представляют собой своеобразную лирическую эпопею, в которой отразилась духовная культура балкарского народа.

«Чегемская поэма», на наш взгляд, – одна из лучших, в которой нашли художественное отражение особеннос-

ти быта, нравов, культуры родного народа. «... Земля родная – вот всему начало», – писал поэт в «Чегемской поэме», выразив в этих словах свои раздумья о родине и о своей любви к ней. Алексей Толстой как-то заметил, что писатель растет вместе с эпохой и каждая его новая вещь – это одновременно его университет и продукт его роста. Для Кайсына Кулиева таким «университетом» была работа над «Чегемской поэмой», которую он писал в течение десяти лет (1957–1967).

Для Кайсына Кулиева самым дорогим уголком земли явился Верхний Чегем. В «Чегемской поэме» он воспел окружающий его с детства прекрасный мир: Чегемское ущелье, склоны, поросшие кизилом и карагачом, пенистую холодную речку Жилги, несущую свои воды с древних гор Илькарги, разноцветные нагромождения выступов скал и парящего над ними орла, старинные башни, быт и нравы своих земляков, горные луга в цвету и лунный свет над ночной саклей. Окружающий мир очаровал поэта, и он обессмертил его силой своего поэтического дара:

... за скал высоту и за их красу,
за свет на хребтах и его белизну,
за зелень травы в ущелье, внизу,
за гул водопада в твоей тиши,
которую с детства в себя вбирал,
за сыновей твоих крепость души...

Перевел Н. Коржавин

Здесь все волновало поэта, все ему было близко и дорого, и все возвращало к началу начал – к народу. Поэтому Кулиев природу почти никогда не давал в отрыве от человека, от мира человеческих ощущений. В поэме немало строк, посвященных его землякам. У них поэт учился с детства мужеству и сдержанности, трудолюбию и упорству:

И меня до сих пор,
Покуда я жив, продолжают учить
Простые крестьяне родных моих гор.

В родном селе у него зародились первые представления о верности и дружбе людей, взаимопомощи и то-

вариществе («Тут слабого бросить никто б не посмел в дороге: позор до скончания лет»), о чести и гуманизме («... здесь совесть и честь почитались всегда, как то, без чего ни ходить, ни дышать»). Родной край научил поэта видеть и понимать прекрасное в жизни и в людях. Здесь он обрел веру «... в жизнь, в свет, в человечество, в высокий свой век, в людей, населяющих мир и аул».

Национальное мироощущение поэта воплощено в конкретном: в этнографии. Но свое, национальное, поэт выражал через призму того, что важно и общезначимо для других. «Когда я говорю с горами, я с целым миром говорю», — эти слова Кулиев взял эпиграфом к поэме. Общечеловеческое проявляется прежде всего в глубинном восприятии жизни и быта горцев, в умении видеть судьбы людей во всей их реальной сложности. Оно выражается в поэме и через образ лирического героя и предельно обобщенный образ народа с его нравственно-эстетическими и религиозно-философскими принципами. Тема народа, тема истории и социальной памяти прошли во многих поэмах Кулиева. В «Чегемской поэме» события истории, а именно: революция, гражданская и Великая Отечественная войны; насильственная высылка и возвращение в родные края — все нашло художественное воплощение. Обращаясь к малой родине — земле отцов и дедов, поэт писал:

Чегем, о прошедшем, о горестях всех
твои обгорелые камни кричат
в развалинах башен...

Несчитанный век
они молчаливую память хранят
о том, как тут, в башне, семья храбреца
исхода сраженья часами ждала.
Герои сражались с врагом до конца,
и кровь их на раненый камень текла.

Поэма не только лироэпическая, но она и драматическая. События прошлого и свершения деятелей минувшего удивительно созвучны современности, тому, что происходит в мире сейчас, в начале XXI в., хотя она была написана более тридцати лет тому назад. Наличие в поэме лирики и эпоса, национально-образного, социально-эти-

ческого и философского моментов позволило поэту создать глубоко самобытное, оригинальное произведение и затронуть многие проблемы личности в истории, человека в обществе. Замысел «Чегемской поэмы» и его осуществление тесно были связаны с теми общественно-историческими процессами, которые решительно повлияли на судьбу его родного народа и поэтическую судьбу самого автора. События прошлого и современности тесно переплетаются, и многие нравственно-этические темы становятся глубоко личными.

Учился я, не ведая, что радость
стоит за каждой буковкой простой.
Букварь мне дали, выдали тетрадки.
Ворота в мир открылись предо мной, —

так писал Кулиев о своем вхождении в широкий мир человечества. Художественная концепция человека и истории как нравственно-этическая и философская проблемы не раз будет предметом раздумий горского поэта.

(Тезисы были опубликованы в Сборнике материалов научной конференции «IV Минаевские чтения по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа». Ставрополь: СГУ, 2000. С. 77–79).

Ф. С. Эфендиев

ПОКАЯНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ РЕЛИГИОЗНОГО И СВЕТСКОГО СОЗНАНИЯ

Тезисы доклада ¹ на научной конференции «Православие и культура» (к 2000-летию христианства). Краснодар: КГУКИ, 2000. 21 апреля.

Православие, как и мусульманство, — это не только целостная религиозная система, но и определенный национальный образ жизни, естественная этнокультурная

среда, влияющие на менталитет народа, его национальное сознание и самосознание.

В христианском, как и в мусульманском, мировоззрении покаяние мыслилось как радикальное духовное перерождение человека, его очищение от греха. Так, во 2-й суре Корана есть 134 аята о покаянии. Как свидетельствует история, покаяние как духовно-нравственная категория существовало более 2000 лет, и существовало оно на личностном уровне для каждого человека в отдельности для очищения совести. С точки зрения религии и философии, покаяние имело различные формы и проходило ряд этапов, когда человек осознавал и осмысливал содеянное. «Раскаяние, – говорил известный русский философ Л. П. Красавин, – есть осознание вины».

Народное покаяние возникло в XX в. после разгрома фашизма в годы Второй мировой войны. Впервые в истории мировой цивилизации народное покаяние за свои злодеяния было совершено в Германии. Оно сыграло огромную роль в формировании исторического сознания немецкого народа, в повышении ответственности его перед другими народами. Карл Ясперс поднял проблему вины и ответственности в своей работе «Вопрос о вине», вышедшей в Цюрихе в 1946 г. Он был убежден, что все немцы, жившие при Гитлере в Германии, и – что более существенно, – каждый из них, в отдельности взятый, «наедине с самим с собой», со своей совестью, в той или иной мере повинны в преступлениях, которые совершали гитлеровцы.

В последние годы покаяние как элемент религиозного сознания из чисто духовного переходит в светское, становится идеологией в культуре и политике. Так, выступая на I российском философском конгрессе «Человек – Философия – Гуманизм» в Санкт-Петербурге (1997), Л. И. Бондаренко говорил о том, что в российской прессе, средствах массовой информации и во многих научных публикациях настойчиво звучит призыв к широкому все-народному покаянию, что пропаганда новых жизненных установок стала мыслиться лишь в жесткой связи с тотальным отрицанием норм и ценностей предшествующей жизни.

Известно, что первый канцлер ФРГ Конрад Аденауэр

совершил покаянный поступок в Иерусалиме, когда он преклонил колени у Стены Плача. Тогда, по словам историков, встала с колен его родина, его страна, перед всеми виноватая и всеми проклинаемая. Аналогичное покаяние было принесено бывшими президентами США Дж. Бушем и Р. Рейганом американским японцам, просидевшим в концлагерях много лет, начиная с 1942 г. до 1988 г. По отношению к ним это был акт несправедливости. Благодаря демократическим традициям и здравому смыслу американского правительства был принят закон о гражданских свободах, и государство извинилось перед своими согражданами. Министр юстиции США Дик Торнберг сказал тогда: «Признав в конце концов эту несправедливость, страна не только не разрушает своего единства, а лишь утверждает искренность уважения к Конституции, а значит, и к народу. Заставив нас переосмыслить историю, вы лишь сделали нас более сильными и гордыми». (Литгазета, 1990, 24 октября).

Было совершено покаяние и в России. Когда народы Кабардино-Балкарии отмечали 50-летие депортации, I Президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин обратился к балкарскому народу: «Сегодня, в скорбный день насильственного переселения балкарцев, низко склоняю голову перед памятью безвременно погибших в ссылке, выражаю искреннее сочувствие и соболезнование их родным и близким. Как Президент Российской Федерации приношу Вам извинения за допущенную несправедливость»².

Восстановление исторической истины имеет огромное морально-политическое и нравственно-психологическое значение для народа в целом и для каждой личности отдельно. Кайсын Кулиев, находясь в ссылке, верил, как и его обиженный народ, в социальную и историческую справедливость. Он сумел выразить художественным словом то, о чем мечтали наказанные народы Северного Кавказа: карачаевцы, ингуши, чеченцы, балкарцы, калмыки:

Когда бы горцам, молодым и старым,
Уменья верить не было дано,
Нас ветром, как труху гнилой чинары,
С чужой землей смешало бы давно...

.
Мы все, кто грешен был или безгрешен,
Перед бедой не распростерлись ниц,
И справедливость, как листы орешен,
В мечтах и снах касалась наших лиц³.

Перевел Н. Гребнев

Покаяние как духовно-нравственная категория всегда играло большую роль в общественно-политической и культурной жизни общества. И в период духовного возрождения национального покаяние по-прежнему имеет определенную ценность и значимость, потому что в условиях обновления всей сферы общественной жизни оно влияет на национальные факторы и межнациональные отношения.

¹ Материалы межвузовской научно-теоретической конференции, посвященной 2000-летию христианства // Православие и культура. Краснодар: КГУ культуры и искусства, 2000. С. 27–28.

² Кабардино-Балкарская правда, 1994. 10 марта.

³ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М., 1987. Т. 1. С. 161.

Т. Е. Эфендиева

МИЛОСЕРДИЕ И ТЕРПЕНИЕ В СИСТЕМЕ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫХ НОРМ И КОНТЕКСТЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПОЭЗИИ

Тезисы доклада на научной конференции «Православие и культура» (к 2000-летию христианства). Краснодар: КГУКИ, 2000. 22 апреля.

Пушкинское признание «... в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал» известно всем мыслящим людям и стало как бы девизом поэтов последующих поколений. С. И. Ожегов объяснял слово «милость» как доброе, человеколюбивое отноше-

ние, как благодеяние, дар, благосклонность, полное доверие, расположение к кому-нибудь низшему со стороны высшего (*устар.*) и др. Это слово имеет много толкований, как и «милосердие» в системе религиозно-нравственных норм.

В православной религии призыв к гуманности, уважению достоинства человека, прославлению разума и трудолюбия, честности и скромности повторялся многократно и находил художественное выражение в искусстве и литературе. У Расула Гамзатова есть поэма «Колокол Хиросимы» в переводе Я. Козловского. В ней – рассказ о трагедии людей, что случилась в XX в., о сострадании и боли нашего, «жестокоего века», века, который закончился:

Молю услышать колокольный зов
Пламенем заживо стертых.
Жаль, что Господь не доверил мне слов,
Что воскрешают из мертвых.

Мольба поэта, обращенная к человечеству и Всевышнему, – это всеобъемлющее чувство. А призыв Гамзатова – это готовность помочь кому-то, сострадание к ближнему:

Я заклинаю:
набатно гуди
Сквозь версты, и леты, и зимы
У человечества в каждой груди,
Колокол Хиросимы!

Милосердие – это не только готовность помочь кому-то или простить кого-то из сострадания, человеколюбия. Эта нравственная норма поведения в системе религиозных принципов проявляется в поэзии через художественную образность. У поэтов-гуманистов борьба милосердного человека, милосердный поступок порой приобретали основной смысл всей их жизни. У Кайсына Кулиева много стихов об этом. «Страданье человека! Милосердным ты делаешь того, кто Человек...» Так начинается «Стихотворение, написанное в больнице». В цикле стихов «Больничная тетрадь» Кулиева, таких, как «Вдали от

Чегема», «Гамлет», «Два голоса в ущелье», «С добрым утром, любовь человека», «Мой посох», «Так учили нас» и во многих других, звучат мотивы грусти, милосердия и христианского терпения:

Всем смертным страх присущ, но в том и суть,
Что храбрость – это только одоление.
Пусть хватит сил мне встать на этот путь.
Всегда со мною, мужество, пребудь
И неперенный спутник твой, – терпенье! ¹

Перевел Н. Гребнев

В христианстве, как и в исламе, религиозно-нравственные нормы – смирение и терпение людей – должны наличествовать как необходимые нравственные качества человека. В Коране (сура 2: 172 (перевод Г. С. Саблукова) говорится о том, чтобы люди были «... терпеливы в бедствиях, при огорчениях и во время бед». У Кайсына Кулиева, хорошо знавшего религиозно-нравственные нормы ислама и христианства, их смысл и назначение, многократно повторяются эти простые и жизненно необходимые постулаты, не ведающие никаких ограничений по национальному признаку. Зная о своей роковой болезни, поэт понимал, что земная жизнь предлагает человеку много испытаний и тяжких уроков бытия, выдерживать которые – удел каждого на собственном жизненном пути. Обращаясь к судьбе («Молю судьбу»), он желал счастья и просил судьбу продлить его дни:

Пришла беда, нежданно и незванно,
Но свет надежды, все же засвети,
Судьба моя, прошу я покаянно:
Как некогда мои целила раны,
Спаси меня и за грехи прости! ²

Перевел Н. Гребнев

Северокавказские поэты в своем художественном слове, предназначенном для всех верующих и неверующих, через индивидуальную художественную концепцию проповедуют милосердие и терпение, чтобы легче было людям пройти через все испытания, порой очень мучительные. Поэтому Кулиев писал, обращаясь к людям:

Я вам не говорил, что просто жить,
Я говорил, что жить живущим надо,
Хоть жить порою — значит слезы лить
от горьких бед и непосильных тягот³.

Перевел Н. Гребнев

Терпение занимает в жизнедеятельности души важное место, и оно помогает обрести порою самого себя через другого. Кайсын Кулиев это знал лучше других, когда его исключили из Союза писателей и запретили печатать свои произведения, когда в течение долгих, мучительных одиннадцати лет, находясь в ссылке, он терпел комендантский режим, унижение человеческого достоинства и другие глумления спецрежима НКВД. Пройдут годы, поэт вернется в родные края, но ничего не забудет и, возможно, на основе всего пережитого напишет стихотворение «Терпение» (1964):

В твой дом несправедливость и беда
Пусть не найдут дороги никогда.
Но если их тебе не избежать,
Умей терпеть, а это значит — ждать.

Терпи, как пуля, сжатая в стволе,
Терпи, как порох, спрятанный в земле.
Как терпят боль от топора чинары,
Как терпит камень молота удары.

Есть мужество боренья, но не менее
Благословенно мужество терпенья.
Терпенье — вот, мой друг, оружие героя,
Коль выбито из рук оружие другое.

Перевел Н. Гребнев

Аристотель писал, что искусство служит тем же целям, что и наука, но другими средствами. Художественная литература с ее высокими духовно-нравственными образами является особым путем духовного возрождения. Процесс нравственного развития человека идет по мере накопления новых знаний о мире и о самом себе, то есть в поисках Истины. И художественная литература,

как и Евангелие, учит мужеству, терпению, укрепляет веру и надежду, не позволяет возвеличиваться и считать себя превыше всех, умнее и благороднее.

Нет, я не лучше всех.
Их грех — не мой ли грех?
Людские все изъязны,
Неправые суды,
Их горести и раны —
Часть и моей беды.
К их злу и к их добру
Причастен вместе с ними.
Я жил с людьми живыми,
И погребенным ими
Мне быть, когда умру.

Перевел Н. Гребнев

Творить, то есть создавать, художественные произведения для Кайсына Кулиева было потребностью, поиском истины, добра и милосердия. Лев Толстой признавал, что причиной появления настоящего искусства является внутренняя потребность выразить накопившиеся чувства. Та же самая мысль была у М. Пришвина: любовь и творчество требуют от человека выхода из себя, чтобы любить Нечто больше себя.

Поэзия жива
Надеждой и любовью.
Поэзия — слова,
Но смешанные с кровью.

.

И подлинный поэт,
Когда стихи слагает,
Рождается на свет
И умирает.

Перевел Н. Гребнев

Так писал Кулиев в 1974 г. и был, вероятно, убежден в том самом смысле жизни, который философы определяют понятиями Добра и Милосердия.

Обнаженная искренность переживаний за живую и неживую природу в отдельных лирических стихотворе-

ниях Кулиева – это, прежде всего, тревога за судьбу своего поколения и тех, кто придет за ним в XXI в. Одно из стихотворений Кулиева начиналось с образа дерева как символа человеческой жизни. Цитируем его финальные строки:

Пусть над одним утесом гром гремит,
Не может и другой стоять в покое.
Нетронутое дерево скорбит,
Хоть люди рубят дерево другое.

¹ Кулиев К. Человек. Птица. Дерево. М., 1985, С. 245.

² Там же.

³ Кулиев К, Собрание сочинений в 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 176.

Т. Е. Эфендиева

О НРАВСТВЕННОЙ ЗНАЧИМОСТИ ГОРСКОЙ ПОЭЗИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ

(Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов)

Тезисы доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Интеллигенция в судьбах России на рубеже XX и XXI вв.» («Байкальская встреча»). Улан-Удэ: Бурятский госуниверситет. 2000. 29–30 июня.

В условиях современной цивилизации духовная жизнь людей усложнилась, потому что социальные проблемы XX в., перекочевавшие в XXI в., отодвинули на второй план нравственность и мораль. Но во все времена художественная литература пробуждала в людях чувства добрые, и наступающий XXI в. – век биологии – не станет исключением: интеллигенция, поэты и писатели будут сеять «разумное, доброе, вечное».

В северокавказской культуре есть много прославленных имен писателей и поэтов. Среди них можно назвать двух представителей горской интеллигенции: Кайсына Кулиева (1917–1985) и Расула Гамзатова (1923), внесших большой вклад в развитие художественной мысли и культуры народов России. Оба они лауреаты Государственных премий СССР и РСФСР. Заслуженно получили они и Ленинскую премию. Расул Гамзатов ее получил за сборник стихов «Высокие звезды» в 1962 г., а Кулиев – за сборник стихов «Человек. Птица. Дерево» в 1990 г. (посмертно). Гамзатов и Кулиев были друзьями-единомышленниками и многое сделали для укрепления дружбы и братства людей, между народами бывшего СССР, в установлении дружественных отношений со странами Европы и Азии. Вместе они побывали во Франции, встречались с творческой интеллигенцией, видными общественно-политическими деятелями, познакомились с писателем Робером Мерлем, с которым Кулиев переписывался: они делились мнением о назначении литературы. Кулиев побывал в составе делегации и во многих других странах: Индии, Японии, Германии, Польше, Монголии, Болгарии, Чехословакии и др. Расул Гамзатов уже в середине 90-х гг. провел почти месяц в поездке по странам Ближнего Востока. Он встречался в интеллигенцией, в т. ч. коллегами-литераторами, рассказывал им о многонациональной российской культуре. Его очень взволновала поездка по Саудовской Аравии, потому что, по словам поэта, священные Мекка и Медина не могут не расстроить мусульманина. Гамзатов глубже познакомился с великой культурой Египта (в этой стране он был несколько раз), был в Иерусалиме, где он прошел Христовой «дорогой скорби»... У Расула Гамзатова есть стихотворение «Двадцатый век». Оно очень точно свидетельствует о том, что пришлось пережить людям:

Если бы были чемпионаты,
кто в веках по убийствам первый, –
ты бы выиграл, Век Двадцатый.
Усмехается Век Двадцать Первый.

.

Если б были чемпионаты,
кто по подвигам первый, –

нет нам равных, мой Век Двадцатый!
Безмолвствует Двадцать Первый.

Перевел А. Вознесенский

Это новое осмысление тенденций времени, когда в поэзию естественно входят мысли о родстве людей всего мира, их духовной близости, чему поэты способствуют всеми силами своей души. Оставаясь сыновьями родной земли, родного очага, и Кулиев, и Гамзатов широко объемлют мир. Об этом характерное признание Кайсына Кулиева: «Моря и океаны. Я немало о них узнал. Они, как жизнь, мощны. Их мать моя ни разу не видала, а я люблю их, мне они нужны». Ярким выражением добрых побуждений к людям всей земли являются стихотворения Кулиева «Малые города», «Когда я говорю с горами», «Реквием», «Опять чинары скорбно шелестят» и Гамзатова «Тост», «Бурка», «София, я тебя люблю», «Смотрю я на далекий Арарат», «Грузинским девушкам», «Леки», «Одна планета – сто держав...» Судя по этим стихотворениям, поэтам было дано изведать радость общения с людьми разных наций, поэтому они говорили о своей духовной связи с горцами Кавказа, людьми России и всего мира. «Как старый горец любит свой Казбек, так я люблю все земли и края» или: «Когда я говорю с горами, я с целым миром говорю» (Кулиев).

У Кайсына Кулиева, как и у Расула Гамзатова, тоже есть стихотворение о будущем веке. Эти стихи он написал в 1957 г., когда ему было 40 лет. К нему уже пришли слава и известность. «Стихи, сказанные будущему» – это добрые пожелания людям, того, что может желать мать своим детям, а бабушка – внукам:

Как многие люди, сегодня живущие,
Хочу, пролетев через годы и лета,
Увидеть, как выглядеть будет грядущее,
Хочу пожелать ему хлеба и света.

.

И, нынче неверья свои и сомненья
Ногой отшвырнув, как разбитую глину,
Тебе я, грядущее, с грядки весенней
Бросаю цветок чрез века и вершины.

Перевел Н. Гребнев

Так горские поэты Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов прощались с XX в. и приветствовали XXI в., век духовно обновленной России, отшвырнув от нее все старое и отжившее, «как разбитую глину», «неверья свои и сомнения». Художественный символ «весенний цветок» как один из категорий поэзии выражал идейно-нравственную образность, обобщение того, что хотел сказать поэт. Глубоким философским умом и острым зрением художника они понимали, что новый век должен быть веком гуманизма, взаимопонимания между народами и временем высокой культуры и нравственности.

Кайсын Кулиев и Расул Гамзатов – это самые яркие представители горской интеллигенции, великие поэты Северного Кавказа, убедительное свидетельство творческого роста поэтов малочисленных наций – аварской и балкарской. Выступая здесь, на этой научной конференции в Бурятии, мы уверены, что поэзию Расула Гамзатова и Кайсына Кулиева знает ваша творческая интеллигенция. Гамзатовские «Журавли» поют и цитируют люди всех наций так же, как кулиевское стихотворение «Женщина купается в реке». К большому искусству они шли от живого народного языка, родной поэзии и ее фольклорных истоков, плодотворных традиций русской литературы и ощущения слитности своей личной судьбы с историческими судьбами России, Дагестана и Кабардино-Балкарии. С глубоким оптимизмом они смотрели в будущее и воспевали тот социально-исторический процесс жизни, свидетелями которого они были. С идейной и художественной зрелостью они смело вступили в XX в. и с нравственных и эстетических позиций отразили его духовные взлеты и падения. Обращаясь к будущим поколениям, к молодежи, Расул Гамзатов писал:

Все, что мы защищали, и вам защищать,
Все, что мы завещали, и вам завещать,
Потому что свобода не знает цены.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Нужно вам, как нагорью, далеко смотреть,
Волноваться, как морю, как звездам, гореть.
Будьте долгу верны, добрым духом верны.
Вы о нас, сыновья, забывать не должны.

Перевел Я. Козловский

Строки этого стихотворения из сборника Р. Гамзатова «Покуда вертится земля»¹ — о незабываемых страницах истории нашего народа, которым суждена долгая поэтическая жизнь. Благодарные потомки в ХХI в. будут хранить их не только как воспоминания, но и как глубокое осмысление истоков героизма и романтики своих предшественников, живших в ушедшем веке. Еще Гегель писал: «Традиция не есть неподвижная статуя... Она живет и растет подобно могучему потоку, который тем больше расширяется, чем дальше отходит от своего истока»².

Художественное осмысление Кулиевым и Гамзатовым событий и явлений жизни, духовного облика своего современника (ХХ в.) происходило в органическом единстве настоящего с прошлым и будущим, составляющими единый процесс жизни людей. Действительность воспринималась ими диалектически и многогранно: жизнь — это преемственность поколений, бесконечность в том смысле, что деяния одних продолжаются в деяниях последующих поколений.

Упадет солдат на поле боя —
Выйдет в поле сын ему под стать,
Засияет чистой красотой
Девушка, похожая на мать...

Вечна в мире жизнь, и если даже
Я умолкну на закате дня,
Кто-то из балкарцев слово скажет,
Что-то переняв и от меня,—

так писал Кулиев, художественно утверждая время как момент вечности; нравственные традиции, которые связывают людей духовным опытом предшествующих поколений.

Жизнь в концепции Гамзатова и Кулиева — это непрерывность больших и малых человеческих дел, неустанное движение к новым открытиям и новым духовным высотам. Оба верили, что в ХХI в. будут иные машины, и люди по-прежнему будут стремиться к звездам.

К дальним звездам, в небесную роздымь
Улетали ракеты не раз.
Люди, люди — высокие звезды,—
Долететь бы мне только до вас,—

писал Расул Гамзатов в 1962 г. Образная ткань этого стихотворения (люди-звезды) порождена не только субъективным представлением поэта, его национальным самосознанием о людях XX в., сколько объективной правдой жизни, когда в этом веке появились сверхзвуковые самолеты, атомные электростанции, космические корабли и другие новшества, о которых не могли и мечтать люди XIX в.

На рубеже тысячелетий поэзия Кайсына Кулиева и Расула Гамзатова так же уникальна, как и в 60-е и 80-е гг. XX в. Гражданственность, патриотизм, гуманизм лирики этих горских поэтов не раз подчеркивались многими исследователями. Эти качества лирики органически вошли в их эстетическую систему и творческий метод. Дело в том, по-нашему мнению, что их биография — это биография страны, в которой они жили, и поколения, преодолевшего трудности первых пятилеток Советской страны, прошедшего Великую Отечественную войну, испытавшего послевоенную разруху, идеологический гнет партийной элиты и прочие беды, которые вынес их родной народ. «Жизнь добром и милосердьем нас одаряла не сполна», — итожил Кулиев, и это признание как нельзя лучше объясняло его право поучать тех, кто обесценивал жизнь человека, окружавшую красоту. Поэтому, возможно, Кулиев писал:

Даже если жизнь не так сложилась,
Ты недобрых слов не говори,
Разве даль тебе не отворилась,
Птица над тобою не кружилась,
Речка под ногами не струилась,
Не светилось зарево зари?
Небу и земле воздай за милость,
И служением отблагодари!

Эти горские поэты не были чересчур оптимистичны. Как поэты-реалисты, они видели единоборство сверхдержав в период «холодной войны», новые болезни и гло-

бальное загрязнение окружающей среды; вооруженные конфликты в тех регионах, о которых люди даже не думали; появление еще двух ядерных держав.

Но поэты всегда мечтают о новом миропорядке, в котором человечество справится со многими трудностями. Поэтому Кайсын Кулиев писал в стихотворении «Пусть мы умрем, но навсегда...» (1964), обращаясь к поколениям XXI в.:

И завещая мир живым,
Я буду, может быть, счастливей,
Поверив, что он будет к ним
Добрей, чем к нам, и справедливей.

Перевел Н. Гребнев

¹ Гамзатов Р. Покуда вертится земля. Махачкала, 1976. С. 108.

² Гегель. Философские соч. М.; Л., 1986. Т. 9. С. 10.

Ф. С. Эфендиев

К. Ш. КУЛИЕВ КАК ВЫРАЗИТЕЛЬ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРСКИХ НАРОДОВ

Тезисы доклада на третьей
Международной научной конфе-
ренции «Интеллигенция в судь-
бах России на рубеже XX и
XXI вв.» Улан-Удэ: Бурятский
государственный университет.
Институт философии РАН.
2000. октябрь.

Балкарский поэт Кайсын Кулиев – поэт уходящего XX в. Прежде всего он выразитель дум и настроений, стремлений и чаяний своего родного народа, который в основном проживает в горных и предгорных районах Кабардино-Балкарии, входящей в многонациональный регион Северного Кавказа. Древняя и богатая культура горских народов уходит своими корнями в глубь веков. На Северном Кавказе, где пересекались пути стольких

народов, где перекрещивались влияния Востока и Запада, не могла не развиваться совершенно своеобразная этническая культура, которая нашла выражение в родном фольклоре, его обычаях, традициях и в художественной литературе.

Одним из феноменальных представителей балкарской интеллигенции был Кайсын Шуваевич Кулиев (1917–1985), в творческой биографии которого можно четко проследить главные вехи жизни балкарского народа, начиная от предвоенного периода до середины 80-х гг. В его творчестве отражается весь ход развития художественной культуры родного народа, его духовная жизнь, в истории которой он оставил огромный след. С его именем связано становление и развитие балкарского театра, драматургии, отечественной литературно-критической мысли, переводческой деятельности, укрепление взаимосвязей с деятелями культуры и искусства всех бывших союзных и автономных республик, краев и областей, а также многих зарубежных стран.

Известные деятели культуры России, СНГ, Востока и Запада высоко оценили вклад Кайсына Кулиева в развитие мировой художественной культуры. О нем и его поэзии говорили с высоких трибун Индира Ганди, Александр Фадеев, Константин Симонов, Давид Кугультинов, Мустай Карим, Михаил Дудин, Расул Гамзатов, Мартирос Сарьян, Ираклий Абашидзе, Мирзо Турсун-заде, Никола Бажан, Алим Кешоков, Николай Тихонов и многие другие, которые лично знали Кулиева, писали ему письма и поздравления в связи с присуждением государственных премий СССР и РСФСР им. М. Горького, а Ленинская премия ему была присуждена посмертно. Так, Чингиз Айтматов в предисловии к собранию сочинений в трех томах Кайсына Кулиева писал, что «... черпая вдохновение в прошлом и настоящем, поэзия предугадывает будущее, формирует историческое мироощущение поколений. Духовное родство, которое Кайсын безошибочно обнаружил у самых разных поэтов, укрепляло в нем чувство мира как единого дома человечества. Естественно, что зародыш этого чувства – врожденная любовь к малой родине, к Чегему, через который, благодаря Кайсыну, ныне пролегает одна из дорог современной мировой поэзии».

В этом же предисловии Ч. Айтматов ссылается на известное высказывание А. Тарковского, который искал в поэзии Кулиева местный колорит. «Но этого я не нашел, — писал он, — потому что стихи Кайсына Кулиева — это настоящая поэзия. Кайсын Кулиев — поэт небольшого народа, вышедший на общечеловеческое поприще поэзии. Кайсын Кулиев говорит от лица своего народа. Он — поэт всего мира... Интересы всего человечества нашли уста в этом поэте». А. Тарковский подчеркивал общечеловеческий характер поэзии Кулиева, интернациональный характер воздействия его поэтического слова. Но Кулиев и ярко национальный поэт, самобытность которого видна во всем, начиная от первых стихов 30-х гг. (цикл «Мои соседи») до середины 80-х гг., когда он стал подлинным поэтом-мыслителем и его философская лирика поражала глубиной социально-нравственных проблем, поставленных и в поэмах «Перевал», «Чегемская поэма», «След арбы», «Радость — золотая птица», «Знамя», «Вечерняя звезда», «Говорю Лейле в Чегеме», «Поэма Любви», «Золотая свирель», «Песнь моей любви», «Горская поэма», «Огонь», «Серп».

На рубеже XX и XXI вв., при осмыслении роли национальной интеллигенции в судьбах России, имя Кайсына Кулиева заставляет многих исследователей-кайсыноведов задуматься над тем, что оставил поэт уходящему веку и что завещал грядущему. В стихотворении «Поэту будущего» («Утихнут пушечных залпов грозы...») он завещал людям хранить мир и солнечные безоблачные дни:

Пусть стих мой, негладкий и несовершенный,
Что дымом пропитан и кровью омыт,
В твой солнечный день из бури военной,
Как вечности ветер, к тебе долетит!

Перевел Л. Шерешевский

Стихотворение это было написано в 1942 г., самом трудном военном, когда Кулиев сражался на фронте. Но уже тогда думал о будущем и желал передать в своем поэтическом слове суть пережитого и осмысленного. В наследство XXI в. он оставил два тома литературно-критических статей, очерков, эссе («Так растет и дерево», «Поэт

всегда с людьми»), роман в прозе «Была зима», написанный им на русском языке, повесть «Скачи, мой ослик!», рассказ «Побег» и др., пьесу «Есть на свете любовь», 50 поэтических сборников на русском языке, таких, как «Раненый камень», «Книга земли», «Весенний свет», «Звездам – гореты!», «Книга лирики», «Кизилловый отсвет», «Вечер», «Высокие деревья», «Живу среди людей» и др. Его стихи переведены на все языки бывших союзных и автономных республик и многих стран мира. И если говорить о роли интеллигенции в судьбах России, чему и посвящена наша научная конференция, то мы с полным правом можем говорить о таком замечательном поэте балкарского народа – Кайсыне Кулиеве, – поэте XX в., который славил российский народ наравне со своими земляками из Чегема и горцами Кавказа. У него есть стихотворение «Горцы- крестьяне» (1974).

Труженики, не говоруны,
Горцы жили, горцы умирали
Здесь, в родном краю, где кабаны
О деревья искры высекали.

Здесь всегда соседи, как могли,
Всем в беду попавшим помогали,
И они, кому б ни помогали,
После никогда не поминали...

Перевел Н. Гребнев

Простое и задушевное произведение Кулиева о тех, с кем он жил рядом и чей повседневный нелегкий труд видел – скотоводов, пахарей, охотников, каменотесов, – когда «черный вол тасил арбу с трудом, в двери горе черное стучалось, горский хлеб был темен, темен дом, только совесть светлой оставалась».

Кайсын Кулиев, по мнению многих исследователей его творчества, – это поэт-гуманист. Его стихотворение «Монолог Прометея» (1973) – отражение его жизненных принципов и идеалов. Обращаясь к людям мира, поэт как бы от лица легендарного Прометея писал:

Я заклинаю, мы за все в ответе.
Огонь уже родил довольно слез.

Он в силах уничтожить все на свете.
Я это знаю — я его принес.

И снова говорю я вам в печали,
Огнем горит и камень, и металл.
Чтоб землю вы огнем моим сжигали,
Не для того я жил,
Не для того страдал.

Перевел Н. Гребнев

Кулиев воспевал мир, тишину, спокойствие людей, хотел, чтобы они жили в благополучии и согласии со своей совестью, во взаимопонимании, уважали соседей, к какой бы нации они ни относились («Легко любить все человечество, соседа полюбить трудней»). Эти слова тоже принадлежат ему, поэту-мыслителю, поэту-философу уходящего XX в. Его сознание и мышление не шли вразрез с его душой, чувствующей беды и горе людей. Поэтому почти в каждом стихотворении Кулиева сквозят мотивы сострадания, гуманизма и пожелания людям добра, света, успехов, а также терпения. Его стихотворение «Сосны под моим окном» (1973) — не о деревьях. Оно о людях и их трудных судьбах.

Терпите, сосны, под моим окном,
Бог даст, иссякнет дождь и стихнет ветер,
Терпенье нужно всем на белом свете,
Где дует ветер и грохочет гром.

Перевел Н. Гребнев

Терпенье — удел всех людей и во всяком деле — в большом ли, малом. Кулиев это знал по своему опыту жизни, когда писал в финальных строках этого стихотворения:

Но не бывает бесконечных зол,
Придет вослед за бурей просветленье.
Для всех для нас, кто в этот мир пришел,
Оружие — надежда и терпенье.

По скромности своей Кулиев никогда не считал себя великим, творцом духовного, но его современники по-иному думали, зная какой огромный вклад внес он в разви-

тие духовной культуры родного и российского народов. Об этом свидетельствует его архив, хранящийся в ЦГА КБР, ЦГАЛИ РФ, в которых письма, адресованные поэту, говорят сами за себя.

Поэтическое творчество Кайсына Кулиева было близким и понятным простому народу, потому что оно народно в самом высоком и глубоком значении этого слова. Его стихи будут звучать и в XXI в., покоряя души людей особым миром национальных образов и глубоким лирическим чувством.

Т. Е. Эфендиева

ИСТОРИЯ И ВРЕМЯ В ЛИРИКЕ КАЙСЫНА КУЛИЕВА

Кайсын Кулиев – не историк. Он вошел в историю русской советской литературы прежде всего как поэт-лирик. Однако он известен и как прозаик (роман «Была зима»), и драматург («Есть на свете любовь»), и литературный критик (сборник статей «Так растет и дерево»), и публицист. Его литературно-критическое наследие в русской литературной критике занимает видное место и имеет большую значимость в формировании гуманистической традиции национальной критики не только в литературоведении Северного Кавказа. Он хорошо известен и за пределами этого края, потому что его рецензии на сборники стихов, повести, рассказы, предисловия и послесловия, открытые письма, эссе, литературные портреты и проблемные статьи написаны на русском языке, которым он владел так же хорошо, как и родным.

Но он – не русскоязычный поэт. Стихи он писал на родном языке, а переводчики С. Липкин, Н. Коржавин, Н. Гребнев, Д. Долинский и др. доводили его мысли и чувства до широкого круга читателей. Кайсыноведы часто этого горского поэта называют поэтом-мыслителем и его философскую лирику относят к лучшим шедеврам отечественной и зарубежной поэзии, в которой история и время как взаимосвязанные категории слиты неразрывно, органично дополняя друг друга. Время детства, юно-

сти, зрелости и время старости неизменно проходят в его стихах, начиная от самых ранних, кончая последними годами жизни, когда он, лежа на больничной койке в Кунцево – Кремлевской клинике, вспоминал свою жизнь – историю жизни родного народа и Отечества. («И в детстве были у меня печали...», «Прометей», «Последний час», «Воспоминания», «Говорю философу», «Язык родной земли», «Колосья и звезды», «Книга земли», поэмы «Знамя», «Перевал», «Сerp»).

В одной из своих статей – «Масштабом столетий» – Кулиев писал об истории России и русском народе и во многих других – об истории русской культуры, ее классиках и классиках русской литературы – о Пушкине, Лермонтове, Тютчеве, Некрасове, Горьком, Есенине, Тихонове и др. История и время в лирике Кулиева спрессованы в один миг и в масштабы столетий, художественно отражены и навечно остались в исторической памяти людей. В одном из стихотворений он писал:

Среди миров огромных и светил
Пусть я всего песчинкой малой был.
Но и песчинкой малой – и таким,
Наверное, я был необходим.
Моя была мгновенна с жизнью связь.
Но жизнь и без меня не обошлась.

Перевел Н. Гребнев

¹ Сборник «Вестник КБГУ». Серия «Филологические науки». Нальчик: КБГУ, 2000. Вып. 4. С. 16–18.

Ф. С. Эфендиев

КАЙСЫН КУЛИЕВ В СФЕРЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹

(с сокращениями)

В своей книге «Так растет и дерево» Кулиев писал: «Мне приходилось бывать в странах Азии и Европы. И это было полезно для меня и для моей работы». У балкар-

ского поэта было много друзей за рубежом. Заграничные поездки способствовали установлению дружеских связей и знакомств со многими писателями и поэтами, с которыми Кулиева связывали общие интересы и любовь к литературе. Его литературные связи с писателями Востока и Запада были обширные и прочные. Это венгерский поэт Антал Гидаш, польский поэт и переводчик стихов Кайсына Витольд Домбровский, арабский поэт Муин Бсису, о котором Кулиев написал статью «С родиной в сердце», прогрессивный французский писатель Робер Мерль, болгарский поэт и переводчик Н. Христов и многие другие. С ними он не раз встречался, беседовал о поэзии, говорил о мире, будущем их родины и своего родного края. Общение с ними продолжалось потом в переписке, в обмене художественными произведениями во время их приездов в Россию.

Современный литературный процесс связан со всеми социально-политическими и культурными событиями XX в. Люди всех континентов, независимо от языка, понимают и ценят подлинно художественное слово, если даже оно приходит к ним в переводе. Зарубежный читатель и зарубежная критика высоко оценивали поэтическое слово Кайсына Кулиева. Оно получило всемирное признание. Кулиева всегда волновали те же проблемы, что и людей всего мира, и он подходил к ним с гуманистических позиций, отстаивая права личности и воспевая ее. Возможно, поэтому, когда Индире Ганди понадобились убедительные слова о необходимости мира на земле, она процитировала слова балкарского поэта: «Первой пулей на войне любой поражает сердце материнское». Поэзия Кулиева нашла путь к сердцу многочисленных зарубежных читателей. Вот что писал преподаватель русского языка в женской гимназии Альбер Расмусен, американец, проживавший в ФРГ: «Ваши стихи просто поразили меня великолепной красотой. Ваши мысли о человечестве очень важны для всех народов. Ваша «Женщина», которая «купается в реке», не зная «зла и смерти», «вьюги и зимы», «тюрьмы и сумы», должна познакомиться со всеми людьми всех стран... Я читаю книги других советских писателей, но Ваши стихи тронули меня больше,

чем все другие. Вы, действительно, открываете свое сердце человеческому горю. К сожалению, в нашем мире есть много горя. Нам надо слушать Вас, доброго поэта нашего времени. Спасибо за Ваше искусство, дорогой Кайсын Шуваевич».

На французский язык произведения балкарского поэта были переведены еще в годы Второй мировой войны. Когда Кулиев сражался на Волге вдали от родного края, он написал стихотворение «Всегда гордился тем, что горец я». Его впервые напечатала 15 сентября 1942 г. газета «Правда». Стихотворение передавалось многими радиостанциями стран Европы и Азии. На французском языке оно было опубликовано в 1943 г. в журнале «Ля литератур интернациональ» (1943. № 1. С. 57–58). В 1963 г. на французском языке было опубликовано его стихотворение «Когда ты глядишь на меня» в журнале «Эвр электрон опиньон» (1963. № 6. С. 137), и в 1976-м — «Берегите детей» в журнале «Лотус» (№ 2. С. 65) и в других.

С прогрессивными деятелями культуры Франции Кулиева связывали общие интересы, особенно в области художественной литературы. Так, писатель Робер Мерль переписывался с Кулиевым. Письма были опубликованы в «Литературной газете» (1974. 20 марта). Это известное письмо Кулиева «Может ли устареть оптимизм?» и ответ Р. Мерля «Дешевые соблазны отрицания».

Касаясь проблем молодежи и задач писателя по отношению к ней, Кулиев писал в своем письме к Р. Мерлю: «... Нам ведь хочется, чтобы наши дети жили лучше и счастливее нас. Возможно это или нет? То, о чем я говорю, касается молодежи не только моей одной страны. Речь идет о детях всех народов».

Теоретические положения обоих художников о соотношении положительного и отрицательного в интеллектуальной жизни современной молодежи мира, о позиции художника в осмыслении жизненных явлений сочетались в этой переписке с конкретным анализом их творчества, сущности и особенностей его. Мерль отметил национальную самобытность и силу художественного воздействия поэзии Кулиева. Он писал: «Не нужно забывать, что литература и искусство должны приносить людям

большое эстетическое наслаждение. Например, когда Вы в своем письме говорите о «боли раненого камня», я нахожу, что это превосходит выражение. Оно принадлежит искусству, поскольку рождает эстетическое наслаждение». Этой высокой оценкой Кулиев гордился и, вспоминая свое посещение городов Парижа, Ниццы, Экс-ан-Прованса, рассказывал: «Наша поездка во Францию была полезной. На мой взгляд, она оказалась очень полезной потому, что живое общение литераторов разных стран не может заменить даже самая лучшая книга. Мы встречались с читателями в различных городах Франции, и всюду аудитории были полны...»²

На одной из встреч со студентами вуза и преподавателями в Марселе Кайсына Кулиева спросили:

– На каком языке пишете Вы, мосье Кулиев, и Ваш друг Гамзатов?

– Я – на балкарском, Расул – на аварском.

– И вас так широко читают в вашей стране? – удивился француз.

Феномен, вызвавший тогда за рубежом большое удивление и недоверие, в СССР был привычным явлением: достижения любой из национальных литератур страны сразу становились достоянием всех народов России. Стихи Кулиева звучали на всех языках народов Советского Союза.

Духовное общение между писателями разных стран способствует развитию чувства взаимопонимания и взаимоуважения. Кулиев побывал во многих странах мира: в Монголии, Франции, Югославии, Японии, Польше, Англии, Венгрии, Индии, Италии, в которых его стихи издавались и пользовались большим успехом. Так, в предисловии к вышедшему в Болгарии в 1969 г. сб. К. Кулиева «Избранные стихотворения» составитель и переводчик Николас Христозов писал: «Кайсын Кулиев – сын своего времени. Век долго не думал – оставил ему великое право говорить от имени Человека. Быть может, этим объясняется чувство планетарности в поэзии Кулиева». Эту высокую оценку подтверждали и другие письма, адресованные поэту. Вот что писал Мечислав Кргоун из Чехословакии: «... Читая Ваши стихи, я понял, как стра-

тно Вы любите свою горную прекрасную родину и по праву гордитесь ею».

Зарубежные критики и литературоведы, поэты и писатели, постигая художественный мир Кулиева, благодарили его за умение быть близким по духу человеком, раскрывать красоту мира, показывать любовь к живой и неживой природе. Так, поэтесса из Германии Марта Вебер писала ему: «... Ваши строки взволновали и обрадовали мое сердце, потому что я разделяю Вашу любовь к деревьям... С того момента, как я прочитала Ваше письмо, Вы стали каким-то образом мне внутренне близки, стали ближе, как друг... Литература – то же самое, что и музыка: у нее нет границ».

В Берлине стихотворения Кулиева издавались несколько раз². Такие известные переводчики, как Х. Прейслер, Ф. Хитцер, Ф. Лешницер, Н. Зиннер, С. Естеррайхер, Ф. Больгер смогли замечательно перевести Кулиева на немецкий язык и передать национальное своеобразие его стихов.

Выступая в октябре 1973 г. в Берлине на VII Конгрессе писателей мира, Кулиев говорил о том, что художник, не поняв языка родной земли, не сможет понять и другого: он приходит, если позволяет степень дарования, к человечеству только через образы отчей земли, своего очага, через опыт своего народа³.

Проблемами перевода стихов Кулиева на немецкий язык занималась одно время преподаватель госуниверситета г. Перми И. С. Головина. Она выступила с интересным сообщением на Всесоюзной конференции, которую проводил Институт языка и литературы Академии наук Киргизии во Фрунзе в 1980 г.⁴. На этой же конференции выступала ст. преподаватель Госуниверситета им. И. Франко из г. Львова Э. М. Луцк с докладом: «Переводы как один из факторов взаимообогащения художественных культур». Среди авторов младописьменной советской литературы по количеству напечатанных произведений на испанском языке она выделила Чингиза Айтматова, Расула Гамзатова, Мухтара Ауэзова и Кайсына Кулиева.

Со многими известными писателями мира Кулиев встречался не раз. Это Рафаэль Альберти, Мария Тереса

Леон из Испании; Николас Гильен с Кубы; Пабло Неруда, Володя Тейтельбойм из Чили, а также многие другие. С ними было немало бесед по вопросам национального своеобразия и художественной значимости культур различных народов. Они высоко ценили поэзию Кулиева и считали его своим другом.

Кайсын Кулиев издавался во многих столицах и городах Европы и Азии: Гаване, Софии, Мадрасе, Дели, Улан-Баторе, Праге, Скопле и т. д. Так, в Варшаве в 1973 г. была издана книга стихов Кайсына Кулиева «Раненый камень», в которую вошло 36 стихотворений на польском языке. Ее переводчиком и редактором был польский поэт и критик Витольд Домбровский. Он отмечал высокое искусство стиха; особенно ему нравились «Скалы в лунном свете» и «Тихие стихи». В мае 1986 г., уже после смерти Кулиева, другой польский поэт и критик Юрий Виелюнский прислал в Чегем I, в музей, сборник стихотворений, в котором были и стихи Кулиева на польском языке.

Кайсын Кулиев за рубежом — это свидетельство общепризнанной значимости его произведений в духовной жизни людей и универсальности его художественного слова. У него было много друзей среди писателей, политиков и общественных деятелей мира, о которых он писал мудро и благожелательно, возвышенно и торжественно, с чувством преклонения и глубокого восхищения. Особенно он почтил память тех, кто ушел из жизни: написал об Индире Ганди, Пабло Неруде; создал реквием о Федерико Гарсиа Лорке. Кайсын Кулиев часто обращался к именам великих музыкантов мира: Баха («Учись у Баха...»), Бетховена («Бетховен»), Шопена («Играют Шопена...»), Равеля; легендам и мифам Древней Греции («Орфей»); к известным литературным героям: Гамлету («Гамлет»), Дон Кихоту («Дон Кихот», «Дон Кихоты»), Прометею и др.

Творчество Кайсына Кулиева в сфере теоретического осмысления в зарубежной культуре — неисследованная область. Многие вопросы в этой статье только поставлены, затронуты; в ней лишь намечены подходы к их изучению, исследованию. Проблема «Кайсын Кулиев как феномен в системе мировой культуры», по нашему мне-

нию, побудит молодых ученых к дальнейшему развитию этой теоретической концепции: в истории мировых культур огромную роль всегда играли двухсторонние духовно-нравственные связи.

¹ Вестник КБГУ. Серия «Филологические науки». Нальчик: КБГУ, 2000. Вып. 4. С. 16–18.

² Пять рассказов о Франции // Литгазета, 1973. 17 января.

³ Вечный огонь // Пер. Х. Прейслер. Берлин, 1976; Играют Шопена // Нойес лебен. Берлин, 1968. № 10. С. 8; К коре чинара я прижмусь... // Нойе дойче литератур. 1973, № 12. С. 48–58 и др.

⁴ Статья С. Хенкеля об участии Кулиева в VII Конгрессе // Нойес Дойчланд, 1973. 18 октября. С. 4.

⁵ Головина И. С. Современная балкарская поэзия на немецком языке // Закономерности развития новописьменных литератур и проблемы социалистического реализма. Фрунзе, 1980. С. 57.

Раздел III

Т. Е. Эфендиева

Поэмы

Кайсына Кулиева

Большую роль в развитии лироэпического жанра в карачаево-балкарской поэзии сыграли поэмы Кайсына Кулиева, отразившие переломные этапы в социально-экономической и культурно-политической жизни горских народов. Такие поэмы, как «Огонь», «Серп», «След арбы», «Завещание», «Зеленые чинары», «Чегемская поэма», «Перевал», «Горская поэма о Ленине», «Кязим Мечиев» («Золотая свирель»), «Знамя», «Говорю родной земле», «Кремень», «Радость – золотая птица», «Песнь моей любви», «Безенги», «Вечерняя звезда», «Говорю Лейле в Чегеме», «Поэма Любви», составившие своеобразную лирическую эпопею и по праву вошедшие в золотой фонд отечественной многонациональной литературы.

ЧЕГЕМСКАЯ ПОЭМА

... Земля родная – вот всему начало

К. Кулиев

Алексей Толстой говорил, что писатель растет вместе с эпохой и каждая его новая вещь – это одновременно его университет и продукт его роста. Для Кайсына «университетом» была работа над «Чегемской поэмой», которую он писал в течение десяти лет (1957–1967).

У каждого истинного поэта есть свой любимый край с яркими картинками детства и юности, родной пейзаж со своими звуками и запахами, которые непременно найдут отзвук в поэтическом слове в самые разные периоды. «Знаешь, почему я поэт? – спрашивал когда-то Есенин. – У меня Родина есть! У меня – Рязань! Я вышел оттуда, и какой ни есть, а приду туда же! Хочешь добрый совет получить? Ищи Родину!»

Для Кайсына Кулиева таким дорогим уголком земли явился Верхний Чегем. В «Чегемской поэме» он воспел окружавший его с детства прекрасный мир. Здесь все волновало поэта, все ему близко и дорого, все возвращало к началу начал – к родному народу, к землякам. Описание окружавшего мира находилось в органической

связи с изображением жизни простых горцев. В поэме немало строк, посвященных его землякам. У них поэт с детства учился мужеству и сдержанности.

И меня до сих пор,
Покуда я жив, продолжают учить
Простые крестьяне родных моих гор,—

говорил поэт. Здесь, в родном селе, у него зародились первые представления о верности и дружбе людей, взаимопомощи и товариществе («Тут слабого бросить никто б не посмел в дороге: позор до скончания лет»), о чести и гуманизме («... здесь совесть и честь почитались всегда как то, без чего — ни ходить, ни дышать»). Родной край научил поэта видеть и понимать прекрасное в жизни и в людях. Здесь обрел он веру «... в жизнь, в свет, в человечность, в высокий свой век, в людей, населяющих мир и аул». Отсюда был исток патриотизма и общечеловеческих начал — этих характерных особенностей творчества Кайсына Кулиева.

Патриотизм Кулиева — это не слепая любовь к этническому, ко всем событиям и явлениям национальной жизни, а осознанное выражение высоких и радостных чувств к своему краю, к тому, что составляет суть народной души. Национальное самосознание позволило ему обратиться к Чегему, как бытию его нации, и выразить ему чувство благодарности:

Чегем, вновь, как в детстве, ты радуешь взгляд:
ущелье, скала, над скалой — орел.
Нет выше, чем ты, для меня наград,
благодарить я тебя пришел.

Перевел Н. Коржавин

Так начиналась «Чегемская поэма». Как писал Казбек Султанов, подлинное осознание глубинной сути национального ничего общего не имеет с апологией национальной исключительности, с попыткой фетишизировать какие-то черты национального мира, изолировать их от внешнего влияния. «Полнокровное национальное чувство — и поэзия Кулиева доказывает эту истину — неизбежно включает в себе сознание необходимости выйти за

пределы национальной ограниченности, проявляясь на уровне диалектического взаимопроникновения национального и интернационального»¹.

Национальное мироощущение в поэме воплощено в конкретном глубоком интересе к родным местам, природе и людям. Свое, национальное, пропускалось через призму того, что было важно и общезначимо для других. В этом проявлялось прежде всего глубинное восприятие жизни, умение видеть судьбы людей во всей их реальной сложности, порой и драматической. Общечеловеческое в поэме выражалось через образ лирического героя и предельно обобщенный образ народа с его идейно-нравственными принципами. События истории (революция, Гражданская война), о которых Кулиев слышал от взрослых в детстве и юности, оставили глубокий след в его социальной памяти: они заронили искру живого интереса к судьбам людей, с которыми ему пришлось общаться на протяжении многих лет. Это те горцы и русские ссыльные, которые здесь жили и работали вместе с горцами. Все те, кто искони был тружеником и осознал в себе творца иной жизни.

Замысел «Чегемской поэмы» и его осуществление тесно были связаны с теми общественно-политическими процессами и событиями, которые решительно повлияли на судьбу его родного народа и судьбу самого поэта. Историко-патриотическая тема становилась под его пером глубоко личной. Стремясь художественно осмыслить и сохранить духовные ценности, некогда добытые «кровью отцов», то есть старшего поколения горцев, Кулиев в основном опирался на средства искусства, исторические документы, рассказы и впечатления очевидцев. Встав на путь творческих исканий, Кулиев силою фантазии возродил картины революции, показал тяжелую жизнь балкарской бедноты в прошлом, не имевшей ни библиотек, ни образованных детей. Из поколения в поколение горцы жили в трудных условиях: простым труженикам были недоступны знания и культура. Они были отторгнуты от социального прогресса бездорожьем и отдаленностью от больших городов и культурных центров. Были и другие, более веские причины.

В своих ущельях заперт, в час печали
молился наш народ лишь высям скал.
На всей большой земле нас мало знали
и даже мало кто о нас слышал.

Отцу и не приснилось бы такое,
что сын его начнет читать, писать
и будет жизнью жить совсем другою,
чем жили до него отец и мать.

Перевел Н. Коржавин

Так в поэме о родном крае органично вышла на первый план тема народа – главного героя и всех реальных событий, которые произошли после 1917 г. В революции, в битвах с таубиями и белоказаками в годы Гражданской войны горские крестьяне и бедняки постигали смысл происходивших событий, сражаясь за землю и волю. И у каждого из них была своя правда, своя истина, за которую боролись; была она и у «белых», и у «красных».

Своеобразно передавалось в поэме дыхание революции, первых декретов:

Земля, вода – все скоро вашим станет,
И будут все равны – встает заря!
Все поднимайтесь! На борьбу, крестьяне!
За равенство! – то голос Октября.

Перевел Н. Коржавин

Люди верили в лозунги большевиков. Верил и поэт социальным изменениям и славил новую власть, как и все поэты советской эпохи. За 70 лет Советской власти многое изменилось: было и положительное и отрицательное в социально-политической и общественно-культурной жизни. Как теперь пишут политологи и экономисты: эксперимент не удался. Но тогда, на заре новой власти, было все по-иному. Трудовые массы верили декретам, постановлениям и лозунгам о социальной справедливости. Сбывались, по мысли поэта, давние мечты людей, заложенные в их легендах и сказаниях; и, казалось, что новая власть положительно повлияет на их жизненный уклад, этнокультуру, экономику и общественные отношения. Надежды на достижения возлагались на большеви-

ков и их сподвижников. Им верили, надеясь, что, возможно, когда-нибудь осуществляются их привлекательные и заманчивые планы. Поэт смог в художественном слове передать сущность психологии человека, склонного по своей природе надеяться на лучшее, и показать его отношение к историческим процессам и вожакам горских масс. Лирический герой поэмы воспринимал все происходившее, как закономерный итог: «Из тех я, кто душою всею в людей поверил, душу чтит во всех». Слова лирического героя, воплощавшего в себе качества подлинного гражданина, приведены для сравнения двух отношений в понимании морали. Понятно, что в основе таких различий морали и нравственных норм поведения лежали социально-политические причины. Решающую роль в изменении мировоззрения, национальной психологии и национального самосознания, безусловно, сыграли первые советские декреты:

... как собственной земле, как вечным скалам,
неслыханным поверили словам.
Как будто искры на траву сухую
упали вдруг, и вспыхнула земля,
как будто воды хлынули, бунтуя,
и выжженные ожили поля.

Перевел Н. Коржавин

Воплощение в жизнь мечты крестьян о воле и земле означало и для поэта претворение в действительность принципа социальной справедливости, мечты о лучшей доле, чем та, которую имел народ. Идеология национального самосознания несла в себе большую эмоциональную силу:

Права на землю!
что́ на свете было,
о чем крестьянин мог мечтать сильнее? —

писал поэт о радости крестьян, об исполнении их извечной мечты — иметь землю, чтоб на ней мирно трудиться.

В поэме убедительно показано, как постепенно расширялись горизонты людей в отношении окружавшего их мира и культуры, как появлялась первая школа в гор-

ном селении, которая несла односельчанам и их детям знания. Кайсын одним из первых пошел в школу. Его туда повел один аульский коммунист, очевидно, его родственник. Отца у горского мальчика не было. Он умер от тифа, когда сыну исполнилось два года, и детская память не сохранила черты дорогого лица:

Он не оставил своего портрета.
Косьба, охота, пашня — до того ль?
Откуда было знать ему, что это
мне принесет потом такую боль...

Те дни давно в тумане потонули.
Но помню: я с мальчишеских годов
завидовал всем сверстникам в ауле,
имевшим фотографии отцов.

Перевел Н. Коржавин

«Чегемская поэма» автобиографична. Порою кажется, что Кулиев рассказывал о своей жизни: как он пошел в школу, как учился, но поэт говорил не о себе, а о своем поколении, поколении родившихся в 1917 г. или чуть раньше. Вековая тяга народа к знаниям сосредоточилась в молодых, в ровесниках поэта. Замкнутый мир горцев расширился до горизонтов всего человечества: «Ворота в мир открылись предо мной». А тот, первый коммунист, который отвел мальчика в первый класс, погиб в годы репрессий. И об этом сказано в поэме.

Я расскажу вам об отцовском друге.
Чрез много лет он тяжело пострадал:
забыты были все его заслуги,
и умер он вдали от этих скал,
тоскуя по чинарам, сердцу милым,
по склонам гор, раскрашенным пестро.
Я не могу найти его могилы,
но говорю: «Спасибо за добро!»

Перевел Н. Коржавин

Спустя много лет, будучи уже известным поэтом, Кулиев сказал: «Какое счастье, что я могу заниматься любимым делом, что я могу писать на родном языке; какое

счастье, что перед небольшим народом, на языке которого я пишу, открыты, как и перед всем народом нашей страны, двери в будущее...» Поэт понимал, что просвещение для народа — это исторический шаг и к социальному прогрессу, и к культурному единению, к взаимопониманию и творческому сотрудничеству.

Лирический герой поэмы не отделял себя от народа и свою личную жизнь связывал с его судьбой. Поэтому некоторые факты из его биографии показаны в поэме на фоне перемен, происходивших в родном краю. А идея новых преобразований, неминуемой гибели антинародного и реакционного — это идея общечеловеческая, хотя и нашла она свое воплощение в объективном отражении исторических событий жизни балкарского народа, в лице его отдельных представителей, горцев-крестьян (первого аульского коммуниста, охотника Такуша, отца и матери поэта).

Отмечая своеобразный национальный облик героев «Чегемской поэмы», известный литературовед и критик И. Гринберг подчеркнул их общечеловеческие качества: «Все они скромные и честные люди труда, ранее обреченные на забвение и безызвестность, теперь воскрешены, будут тревожить и обогащать человеческие умы и сердца»². Одним из таких героев с ярким национальным характером стал отец поэта. Отцу принадлежали высокие слова о подвиге, о смысле жизни и назначении в ней человека. С искренним сочувствием показана судьба чегемского крестьянина, у которого «... земли и хлеба было очень мало». Жил он, как все, «по-крестьянски, как любой сосед, и умер, тоже грамоты не зная, как до него отец его, как дед». Через много лет сын пришел на могилу отца и вспомнил его с любовью и печалью:

... отец,
за все, что видел, знал, прочел,
сюда, на место моего рожденья,
благодарить тебя сейчас пришел.
И рассказать тебе пришел сюда я,
Как стоек твой народ, как труден век
И как порой бывает негибелен
Живой и, значит, смертный человек.

Перевел Н. Коржавин

Глубоким чувством благодарности проникнуты многие строки, обращенные к отцу. Он, по мнению поэта, совмещал в себе безграничную доброту и суровую справедливость. Его, простого крестьянина, занимали заботы о том, «каким сиротам нужно подбросить дров к зиме, муки — к весне». Отец был смелым и отважным человеком («отец мой не боялся ничего») и превыше всего ценил гордое достоинство горца («Сын! Достоинство свое важней всего!»). Перед этим дорогим именем сын был всегда в долгу, и, чтобы не опорочить имя отца и родную землю, он готов отвечать за судьбу страны, «за зло и за добро — за все на свете». Лирический герой воспитан в духе тех принципов, которым следовал его отец, поэтому он признавался: «Я в жизни продолжал твои пути». Поэтому в этой поэме не только тема родины и родного края, но есть и другая — преемственности поколений. Поэт художественным словом утверждал и доказывал, что добрые дела никогда не исчезали бесследно, они сохранялись в сердцах и памяти новых поколений, с благодарностью воспринимавших опыт старших.

Все, как живые, до сих пор вы с нами,
творившие добро в горах родных.
Стоите вы пред нашими глазами,
своим примером учите живых.

Перевел Н. Коржавин

Память о благородных и добрых деяниях старших поколений запечатлена, по мнению поэта, в лучших поступках молодежи, которая продолжает дела отцов. Нравственный опыт жизни народа, гуманистические ценности у горских народов всегда передавались из поколения в поколение. Идеи, светом которых были озарены дела отцов и дедов, не только осознавались молодежью, но и воплощались в их жизни. Традиции — вот тот негасимый факел, который переходит, как эстафета, в молодые руки, факел, освещавший им будущее в ХХI в.

Мы тоже людям после нашей смерти
Оставим то, что им нужней всего:
Родную землю, совесть, милосердье,
Жизнь, мужество, надежду, мастерство.

Перевел Н. Коржавин

Через обобщенный образ горца XX в. поэт показывал единство действий своих соотечественников, их конкретную, целенаправленную трудовую деятельность за социально-культурный прогресс, художественно раскрывал значение и смысл положительных народных традиций. В поэме опоэтизирована духовная общность поколений («власть их дел и после них жила»). Это они совершили подвиг бессмертия в годы Великой Отечественной войны. «Воспоминания, — утверждал поэт, — нужны для того, чтобы «... с ушедших из жизни пришедшие жить тут брали пример». И еще потому, что запас духовной силы молодежи от соприкосновения с его народом, опытом прошлого умножался:

Когда становилось мне трудно дышать,
О них вспоминал я, мечась, как в огне:
В могилах своих оставаясь лежать,
И все ж приходили на помощь ко мне.

Перевел Н. Коржавин

Поэма о Чегеме — сложное, многоплановое произведение. В ней Кулиев продолжал ранее затронутую тему о депортации балкарского народа, когда и он находился в ссылке и писал об этом в стихах. В период работы над этой поэмой Кулиева снова тревожила давняя боль: он разделил с народом тоску изгнания, унижение спецпереселенца. Ему пришлось пережить социальную несправедливость во время культа личности Сталина по отношению к балкарскому народу, насильственно высланному в Казахстан и Киргизию. На самого поэта это бедствие не распространялось: за него ходатайствовали Тихонов, Эренбург, Симонов, Фадеев, в результате чего было получено разрешение жить, где поэт пожелает, вернувшись с фронта. Но Кулиев решил по-своему и по совету своего друга Д. Кедрина: быть там, где его народ, чтобы вместе с ним разделить его участь, в результате чего поэт становился спецпереселенцем, т. е. его касались все тяжкие последствия и требования к депортированным.

«История знает немало случаев, — писал народный поэт Башкирии Мустай Карим, — когда непокорные властелинам поэты лишались родины и народы теряли своих

поэтов. Но еще не было такого, чтобы поэты теряли свой народ. К великому горю, по произволу отдельных личностей, такое случилось с некоторыми народами Северного Кавказа, Крыма и Приволжских степей»³.

Находясь на положении спецпереселенца, Кулиев не разуверился в добрых началах и светлом смысле жизни. Он плодотворно работал в Союзе писателей Киргизии, много писал, хотя печататься он не имел возможности в течение 11 лет; был исключен из Союза писателей СССР. «И все-таки я счастлив тем, что в тяжелых условиях не махнул рукой на жизнь, — писал позже об этой поре жизни Кулиев. — ... Мне остались дорогими снежные вершины и примятая трава у дороги, поэзия Пушкина и музыка Бетховена. Я никогда не забывал о том, что не зря Прометей похитил огонь для людей; а в том, что порой на земле горят дома, титан не виноват. Как хорошо, что никогда я не проклинал жизнь и не считал ее никчемной. Это один из центральных мотивов всего мною написанного»⁴.

Твердость духа и непоколебимая вера в то, что его ни в чем не повинный народ будет когда-нибудь оправдан, любовь и преданность Родине выражены поэтом и в «Чегемской поэме», и во многих стихотворениях 1944–1955 гг. Борис Пастернак в ноябре 1948 г. в письме Кулиеву отметил то, что составляло лучшую сторону лирики балкарского поэта, указывая на особенные черты его характера: «Вы пользуетесь полною моею взаимностью, — писал он. — ... Вы из тех немногих, которых природа создает, чтобы они были счастливыми в любом положении, даже в горе». Отмечая далее прирожденный талант, самобытное дарование поэта «для постижения мира изнутри с его лучшей и наиболее ошеломляющей стороны», Б. Пастернак отметил: «В Вас есть эта породистость струны или натянутой тетивы, и это счастье. Про это я Вам и хотел написать...»⁵

Все эти сложные чувства, пережитые поэтом в тяжелый для балкарцев период, нашли свое отражение в художественном слове «Чегемской поэмы». Поэт почтил память тех, у которых пагубный Указ о выселении вычеркнул из жизни многие годы, отпущенные им судьбой и Богом. Удел их поистине трагичен. О них, потерявших

Чегем на 13 лет, писал Кулиев, задумываясь о пройденном его народом пути:

Погибшим понапрасну в эти годы
Вся боль моя, сочувствие мое.
Бесстрашно вы сражались за свободу,
А гибли зря, лишённые ее.

Перевел Н. Коржавин

Эти нерадостные, порою трагические обстоятельства породили мотивы скорби, чувства боли за судьбу многих ровесников поэта и людей старшего поколения. Но мудрость сердца не покидала Кулиева, в этом и заключалась его прозорливость как большого художника и человека-пророка. Осмысливая события прошлого и настоящего, Кулиев всегда оставался подлинным художником, умевшим видеть и раскрывать перспективу развития жизни на целый век вперед. «Поэт оставался верным в своей любви к жизни, ничуть не потеряв ни веры в доброе и прекрасное, ни своих убеждений...»⁶ — писал Мустай Карим в той же статье о Кулиеве.

В целом в «Чегемской поэме» преобладало радостное, оптимистическое восприятие жизни, ибо поэт верил в правоту жизни, победу добра над злом («... злу добром не вечно слыть дано»). Свет его любви к людям и жизни непреходящ. Размышляя о судьбе балкарского народа, Кулиев радовался тому, что его народ вернулся на родину, и славил жизнь во всех ее разнообразных проявлениях. Прославлением вечной жизни и полноты человеческого бытия наполнены следующие строки:

... славлю жизнь я все ж
за то, что все равно живет весна.
Никто на свете вечным стать не может,
ты только, Жизнь, ты вечной быть должна, и ты, Земля.

Этим прямым и открытым обращением к жизни, оптимизмом и вечной молодостью привлекает многих «Чегемская поэма». Горячий призыв ко всему, что называется словом «жизнь», и добрые пожелания людям слышались в последней строфе второй главы:

Цвети и пахни хлебом,
хребтами гор скрывайся в синей мгле.
Земля – землей пусть будет, небо – небом
И счастьем – жизнь живущих на земле!

Перевел Н. Коржавин

Такие слова мог сказать только человек, который умел ценить жизнь и способен активно в нее вмешиваться. Высокая цель, выстраданная чистота воззрений и твердых убеждений породили подлинное поэтическое вдохновение. Поэма проникнута пафосом мира, прославлением родного края:

Сказать мне «Чегем» – слово «счастье» сказать.
Вот имя! Как пение птицы оно.
Пусть я перестану его повторять,
но имя останется жить все равно.

Нельзя быть счастливым, коль в горе сосед.
Друзей ты вовек не обидел ничем.
Будь счастлив, Чегем, до скончания лет,
с равнинами вместе будь счастлив, Чегем!

И солнцем, и тенью людей ты встречай –
всех конных и пеших, как делал всегда.
Будь вечно таким же, мой радостный край,
и птиц, и людей пусть обходит беда!

Ты – первая песня, которую я
пропел и рассвету, и утру, Чегем.
Но ты и последняя песня моя,
в ней хлеба и счастья желаю я всем!

Перевел Н. Коржавин

Так заканчивается последняя, восьмая глава, в которой поэт воспевал Жизнь, которая вечна и прекрасна; и ее нельзя остановить, как невозможно остановить вечно живое стремление человека к счастью, свободе, творчеству, красоте. В прекрасном ощущении радости бытия, радости творчества и проявился жизнеутверждающий пафос «Чегемской поэмы».

Эта статья была напечатана в сборнике «Фольклор и литература». Нальчик: КБГУ, 1978. Вып. 3. С. 15–25. В помощь студенту-филологу.

Ответственным редактором был проф. И. В. Тресков. Заместители отв. редактора — Р. А. Каюмова и Х. Х. Кажаров. Ответсекретарь — Т. Е. Эфендиева. Сборник был подготовлен и издан по решению кафедры русской и советской литературы историко-филологического факультета.

ПОЭМА «ЗНАМЯ»

Без гибели героев нет побед

К. Кулиев

Кайсын Кулиев относился, по нашему мнению, к так называемому «третьему поколению» советских поэтов XX в., то есть к тому, которое возмужало и выросло в огне Великой Отечественной войны. Стихи Кулиева этого периода отличались высоким гражданским чувством, предельной правдивостью и подлинной страстностью в выражении своих мыслей. В августе 1942 г. он писал:

Мне кажется: в тебе, моя страна,
Девичьи слезы каждый камень льет
И каждая седая крутизна
Тоскою материнскую полна.

Перевел Д. Бродский

Творчество поэта литературоведы обычно делят на довоенный период, военный и послевоенный, выделяя главные темы и направления созидательных поисков. Во второй период, конечно, это прежде всего военно-патриотическая тема, занимавшая у Кулиева видное место и продолжавшаяся и в послевоенное время. Военная тема, тема трагичности войны, осталась жить в сердце поэта как некая неутоленная жажда. Народные страдания стали для него незабываемыми, поэтому он вновь и вновь возвращался к теме, которая его волновала. «Его боль всегда целомудренно спрятана и ощущается лишь в реакции на чужую, — писал Владимир Огнев в статье «О поэзии Кулиева», — но разве для поэта бывает «чужая боль»?»

Я помню, как детей беда военная
Гнала в крови, средь выжженных путей.
Мне кажется: рыдает вся вселенная,
Когда я слышу плачущих детей.

Перевел Н. Коржавин

Болью, страданием проникнуты эти строки, посвященные воспоминаниям о войне, ее драматическим аспектам. Горечью и ненавистью к фашистским палачам, уничтожившим миллионы людей в газовых камерах и концлагерях, проникнуто стихотворение «В пражском гетто» (1966):

Я расскажу об этом горе жгучем
Своим родимым скалам, и тогда
На эти скалы ляжет черной тучей,
Как мне на сердце, жгучая беда.
Земля, мне страшно! Стань добрей и лучше,
Не повтори такого никогда!

Перевел Н. Гребнев

И в те грозные годы, ставшие теперь легендарными, и спустя много лет, Кулиев видел в поэзии испытанное оружие в борьбе за мир. «... Поэзия сейчас ответственна перед людьми как никогда. Она призвана мужественно противостоять врагам молодости мира, угрожающим атомным оружием и всеми достижениями техники»¹, — писал Кулиев в статье «Мир вечно молод».

Тема подвига, жертвенности и достойного выбора поставлена в поэме «Знамя» (1970), эпиграфом к которой Кулиев взял слова М. Горького «Безумству храбрых поем мы песню!» Эта поэма впервые была опубликована на русском языке в журнале «Дон» (1971, № 1) в переводе Н. Коржавина. Потом она была помещена в сборник стихов и поэм «Книга земли» (М.: Совписатель, 1972) в этом же переводе. А спустя 15 лет ее переведет Д. Долинский, потому что имя Коржавина было запрещено в печати (он находился в эмиграции). Поэма «Знамя» в переводе Д. Долинского есть в Собрании сочинений К. Кулиева в трех томах (М.: Художественная литература); мы будем пользоваться переводами Н. Коржавина по «Книге земли».

В этой поэме Кулиев обратился к године величайшего национального бедствия, когда «все пахло кровью: реки, снег, хребты; туман беды вползал и в дом, и в сердце...»

В те дни у Волги мы дрались отважно
и погибали за судьбу страны,
припав к земле, от нашей крови влажной.
Шел год второй невиданной войны.

Обращение к прошлому — годам Второй мировой войны — целиком, на наш взгляд, подчинялось у Кулиева задачам времени, в котором жил поэт: он пытался сказать художественным словом о большой ответственности людей, живущих после войны. Выдержка и стойкость героев поэмы «Знамя» должны были служить примером для современников поэта и для грядущих поколений, которые вступят в XXI в.

Поэма конкретна, жизненна, потому что поэт исходил из реальных фактов самой поры военных лет и драматических человеческих судеб. Факт, положенный в основу произведения, был в действительности: однажды телезрителям ФРГ была предложена викторина, участники которой должны были назвать имя гитлеровского офицера, поднявшего фашистский флаг над Эльбрусом (Комсомольская правда, 1968, 21 февраля). Но был и другой факт: флаг был сброшен горцем и было установлено Красное Знамя. Имя героя-горца долгое время было неизвестно, и только спустя годы установили его — это смельчак-скалолаз учитель Азамат из поселка Эльбрус Эльбрусского района КБАССР.

На отдельном примере Кулиев раскрыл моральный дух и основу национального характера молодого свободолюбивого горца. Поэт показал, как война мобилизовала нравственные силы народа, запасы героического подвизничества, обострила чувства справедливости и возмездия, обнажила духовные категории во всей их щедрой многогранности. «Нравственные категории, — писал Алексей Толстой в одной из первых военных статей, — приобретают решающую роль в этой войне»⁹.

В поэме нельзя выделить главный сюжетно-композиционный прием, так как это небольшое лироэпическое произведение скорее напоминает поэму-эпитафию Кав-

казу и его защитникам-богатырям. Это и составляет главное содержание и существо поэмы Кулиева в общем плане. Но если рассматривать подробно это произведение, то в нем есть четыре главы, которые между собой тесно связаны общим замыслом и содержанием. Итак, поэма «Знамя» посвящена герою-партизану, бывшему учителю Азамату, который поклялся матери Бисли сбросить ненавистный людям черный флаг с фашистской свастикой хотя бы ценою собственной жизни. Однако не только о нем рассказано в поэме, но и о тех, кто защищал город-герой Сталинград. В частности, о старшем брате Азамата — Хасане, который в это же самое время храбро сражался на берегах великой русской реки Волги и погиб, как и многие солдаты Советского Союза:

Да, никогда на белые вершины
вновь не посмотрит сын Бисли — Хасан.
За самую великую в России
реку погиб Хасан во цвете лет,
он пеплом стал, как многие другие.
Без гибели героев нет побед.
Погиб, чтобы на белые вершины
враг не взошел, вовеки не взглянул,
сгорел дотла под вражеской машиной,
чтоб враг не сжег его родной аул.

В этой же первой главе поэмы говорится о горянке Бисли, матери сыновей, Азамата и Хасана. Она, как и все матери, ждала сына с войны, «откармливала белого барана» для «него, веря в душе, что будет прок в молитве неустанной, что он придет. А он был мертв уже, мертв без могилы». О несчастье, постигшем ее, она не знала, похоронка еще не пришла, поэтому надежда не покидала и теплилась вера в возвращение сына:

И долго-долго невдомек ей было,
что сына нет, что в дом вошла беда,
что ей походкой сына, статью, силой
не любоваться больше никогда.

Ее сын, опора и надежда старости, как тысячи других, храбро погиб, как погибают герои, «гранаты подвязав, забыв про страх, он бросился навстречу вражьи́м танкам. Про смерть его на знала мать в горах».

Сражаясь на Волге и погибая за Сталинград, Хасан был уверен, что враг не подойдет к Кавказу. Его национальное самосознание не допускало, что земляки родного аула могут испытать гнет фашисткой неволи («Идя на смерть, Хасан считал, что немцам здесь не прорваться никогда вперед, и он, еще надеясь, верил сердцем, что и к Кавказу враг не подойдет».).

Далее, во второй главе, поэт уже от имени горцев и в своем кратком лирическом отступлении («Но, к счастью, мертвым не бывает больно») продолжал:

А мы дышать от боли не могли
В те дни, когда, вконец собой довольны,
враги земли к Эльбрусу подошли.
А танки, что Хасана раздавили,
или такие же – сущность их одна –
в его аул влетели в клубах пыли,
в горах оделась в траур белизна.

На протяжении всех глав поэмы видно, что мотивы героизма тесно связаны с нравственным обликом национальных героев, с их отношением к Родине, отчему краю, матери, жене, детям, к тем старцам, убеленным сединами, которые скорбели, глядя на Гору Счастья – Минги-Тау. Внутреннее ощущение своей слитности с народом помогало главному герою Азамату принять твердое решение. Поэту удалось с максимальной выразительностью и силой показать овладевшую Азаматом решимость сбросить флаг фашистов: «Он должен сбросить флаг иль умереть». Интонация поэмы наполнена высоким гражданским пафосом. Героическое в поэме утверждалось как моральная норма поведения горца. «Тогда лишь хлеб он есть спокойно сможет и матери своей в глаза смотреть». Долг перед матерью – это и долг перед Родиной. Равносильные чувства и понятия. Это утверждение раскрывалось с большой эмоциональной силой и убежденностью. Нелишне здесь вспомнить слова Кулиева в предисловии к книге О. Л. Опрышко «На Эльбрусском направлении»: «...врагов, которым на время удалось водрузить свой черный флаг на Эльбрусе, остановили... мужество и стойкость советских людей, отвага наших бойцов и командиров»¹⁰.

Самый трудный 1942 г. – это время безмерной трагедии развернувшейся войны в Донских степях и под Сталинградом, на Кавказе и в Крыму, почти на всех просторах огромной России. М. Шолохов в романе «Они сражались за Родину» и Бондарчук в фильме по этому произведению правдиво показали, какой ценой добывалась победа. В одном ряду с ними стояли произведения В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» и К. М. Симонова – его трилогия «Живые и мертвые» – и созданные по ним кинокартины и телевизионные фильмы. Шолохов, Некрасов, Симонов, Кулиев создали яркие и глубокие национальные характеры советских людей, раскрыли суровую и высокую правду народного подвига в борьбе за свободу Отчизны.

В поэме «Знамя» Кайсына Кулиева глубоко раскрыты истоки душевной выносливости и веры воевавшего народа, его страдания и скорбь. Горечь и боль за судьбу родного края охватила сердца всех горцев, кто страдал и выносил все тяготы войны и плена. Социальная память сохранила все потери и переживания.

Мы помним горе страшное. Мы помним,
Как на Эльбрусе водрузил фашист
Свой черный флаг. И словно пленкой темной,
Покрылось все, и воздух стал нечист.

Народные страдания, личные утраты, боль, которая жива в сердцах матерей («кто б ни забыл вас – матери вас помнят»), вызвали к жизни скорбные строки:

Скорбь матери слилась со скорбью скал,
Куда теперь от боли было деться?

Вся вторая глава посвящена глубокому, неутешному горю матери-горянки. Стихи проникнуты народной скорбью. В центре внимания во второй главе находился развернутый поэтический анализ сложных переживаний действующих лиц: матери Бисли и ее сыновей – Хасана и Азамата, их любовь к родному очагу и Родине. Границы поэтического повествования расширялись, и единичная судьба горцев из маленького аула становилась судь-

бой их народа, общенародной судьбой многонационального Отечества. Гражданскую тему, тему преданности Родине и чести человека, принявшего присягу на верность, Кулиев связывал с некоторыми поэтическими приемами устного народного творчества. Волновавшая поэта идея и тема, форма их языкового выражения, национальные характеры горцев Хасана и Азамата органически слиты, неразрывны. Эта неразрывная связь особенно видна в третьей главе, в которой описано, как Азамат восходит на Эльбрус.

Проникновение в идейный замысел поэмы «Знамя» позволяло понять и своеобразие поэтического мастерства Кулиева, закономерность появления избранных им языковых форм, средств художественной изобразительности. Драматизм случившегося и необычайное напряжение героев, решивших сбросить вражеский паучий флаг, переданы с большой художественной выразительностью. Впечатление трагизма событий усиливалось благодаря богатой образно-символической насыщенности. Кулиев прибегал к приему, часто используемому в устной народной поэзии (природа принимает самое активное участие в происходящем: птицы, земля, деревья всегда живо отзываются на людское горе) в поэме Кулиева тот же фольклорный прием:

Стонали скалы – так им тяжело было,
Орел в своем гнезде затосковал,
И вековые камни боль пронзила,
Бросались реки горестно со скал...

Великое горе, охватившее людей при виде ненавистного флага, Кулиев описал языком пламенных метафор. Пейзаж был грандиозен и символизировал столкновение сил народа с врагом. Это был не ложный пафос. В строках, полных внутреннего напряжения и народного горя, черной тучей нависшего над страной и родным аулом, есть одновременно аллегорическое выражение непобедимой жизненности и твердой уверенности в конечном торжестве правды и будущей победы. («Но стойкость все ж была сильней беды».)

Подчас строки второй главы суровы, иногда очень горьки («Земля отцов, тебя враги топтали, тебя и мать одна

терзала боль»), но мужественны и оптимистичны. Несмотря ни на что, люди не теряли силы духа и надежды:

Но наша стойкость все ж сильней была,
Чем все наши враги и наши беды,
Хвала надежде! Мужеству хвала!

Сознание высокой ответственности перед народом и любовь к родине давали Азамату и его товарищам силу и мужество в борьбе с препятствиями («Любовь к тебе вела и тех героев, которым нынче славу я пою».)

Третья глава построена по принципу антитезы: трое отважных и разгневанная природа:

... Смотрела смерть, как на свою добычу,
На них, безумных, верящих в успех,
И хохотала в злобном безразличье,
И в помощь ей метель крутила снег.

.

Как пламя ада, затмевая свет,
метель сметала все, метель бесилась,
с хребта перелетала на хребет,
крапивой лица обжигала вьюга
и залеплял глаза им жесткий снег...

Так, используя богатые возможности народного литературного языка, различные выражения и синтаксические конструкции, выразительные средства языка, Кулиев создал яркие, запоминавшиеся эпизоды поэмы.

В четвертой главе все более ощущалось звучание авторского голоса, лирических отступлений («Высоты славою я в наш бурный век», или: «И жив я светом твоего огня» и т. д.). Эта глава поражала глубиной гражданских раздумий о высотах и Кавказе, как символах свободы, верности и чести, о своем народе, оставшемся верным Отчизне и в годину тяжелых национальных испытаний («Мы верными и в горе оставались твоим вершинам белым, мой Кавказ»), о любви горцев к свободе («Они всегда, как самое святое, как жизнь, свободу берегли твою»). Строфа «Мы верными и в горе оставались твоим вершинам белым, мой Кавказ» взята не просто для рифмы, за ней стояла неожиданная трагедия для це-

лого народа, который насильственно был выслан в 1944 г. из отчего края накануне Великой Победы.

В поэме много сказано лирических строк о горах, выступавших нравственно-философскими символами. Для поэта-горца самое прекрасное — это горы. Все, что ему дорого, он сравнивал с ними. «Почва души Кайсына Кулиева в горах. Поэтому они для него трижды священны. Он влюблен в них не менее, чем в поэзию Лермонтова»,¹¹ — писал Михаил Дудин. Горы для поэта — это свободная стихия, гордость нации и ее достояние.

Огонь свободы! Ты — повсюду благо,
ты на вершине их согрел зимой.
Их привела сюда одна отвага,
одна любовь к своей стране родной.

Горы покоряются смелым и отважным, они дарят благо горцам, знавшим хорошую цену свободы.

И тут, сорвав с Эльбруса флаг насилья,
флаг униженья, смерти и вражды,
они, ликуя, красный водрузили —
пусть светит людям с этой высоты!

Кроме гор Кулиев воспевал высоты. И в этой поэме высоты стали одним из постоянных художественных символов. Здесь они стали символом нравственности и имели сокровенный смысл. Высоты — это чистота и радость, сверканье красок жизни. Высоты — символ верности и чести, отваги, правды, совести, добра.

Порой несправедливость может тоже
достичь вершин, хоть хуже нет беды.
Но все равно настанет день, и все же
неправду правда свергнет с высоты.
Высоты — чистота и радость вместе,
сверканье красок жизни, их игра,
высоты — символ верности и чести,
отваги, правды, совести, добра.

По мнению поэта, к высотам всегда был направлен путь смелых и мужественных. «Человека всегда тянет к вершине и неизведанному. Да он и перестает быть чело-

веком, если в нем угасает это рожденное вместе с ним желание, страсть. Он жертвует собой, а идет, сантиметр за сантиметром отвоевая высоту, утверждая мужество своего духа...» Может, поэтому Кулиев заявлял:

И вот, как жизнь, как мужество, как счастье,
Высоты славлю я в наш бурный век.
Пусть правда кровью обогрелась часто,
был путь ее всегда к высотам — вверх.
Как смелость — благородные высоты,
как мужество — свободные высоты,
как ясный разум — чистые высоты!

Горячая патриотическая взволнованность звучала в последних строках поэмы, обращенных к Кавказу, как символу надежды и непобедимости гордого духа горца:

Богатырей взрастивший, мой Кавказ,
Всегда орлов любивший, мой Кавказ,
Вершинами сияющий Кавказ!

В этих строках чувствовался искренний порыв свободолюбивой горской души. Мысли и чувства лирического героя, его национальный характер выражены простыми и точными словами. И тем более поражали и волновали они, когда осознавалось, что любовь горца к родному краю такая же чистая, как снег, который находится на вершине двуглавого Эльбруса.

Итак, опираясь на действительные факты, Кулиев создал национальные героические образы представителей народа-победителя, убедительно показал бессмертие патриотического подвига. Через судьбы своих героев-горцев он утверждал веру в победу добра над злом, в справедливость, даже если к этому приходилось идти через смерть и великие человеческие жертвы во имя завоевания мира для тех, кто будет жить в иное время. Поэма «Знамя» — свидетельство мужества и самоотверженности горцев. Этого хотел поэт и он сумел это доказать художественными средствами языка. Написать поэму на военную тему двадцать пять лет спустя после победоносного завершения Второй мировой войны, о главном, по мнению поэта, в тот период, — значит заново осмыслить ту драму, которая, как море, заполнила огромные пространства России, по-

ступки людей и их нравственный выбор. И это было важно и значимо для всей читающей массы людей. Особенно для молодого поколения, ровесников тех, кто сражался с врагом в 1942 г. И не только для них, но и для будущих поколений, для которых слова «патриотизм», «родина», «дружба», «человечность», «долг чести» все больше теряют свой первоначальный смысл и нравственное понятие.

В поэме «Знамя» налицо призыв к защите чести Отечества и воинской славы ценою собственной жизни («Без гибели героев нет побед»). Будучи обращены к современникам с целью напоминания им о героическом прошлом нашей страны в годы Великой Отечественной войны, она проникнута пафосом самопожертвования, повышенным чувством ответственности за судьбу родного аула, отчего дома, страны и человечества, обостренным национальным сознанием выполненного гражданского долга. Все эти вопросы решались через национальный характер горцев: матери-горянки Бисли и ее сыновей Хасана и Азамата.

Тема защиты чести Родины становилась для Кулиева в 60-е гг. XX в. основной, как и для всей советской литературы: «холодная война» продолжалась, как и гонка вооружения мировых держав. Художественная литература выполняла свою миротворческую роль, и ее эстетическая значимость была необходимой лептой в укрепление мира и воспитание советской молодежи. К разработке темы подвига и защиты родины Кулиев подходил по-своему, с иных позиций, чем в героической поэме социалистического реализма, который требовал пафоса жизнеутверждения, готовности героя к подвигу во имя светлого будущего, целеустремленности, твердости характера, мужества и воли. В создании такого национального характера проявлялось очевидное новаторство советской литературы. При этом перечисленные выше черты передового советского человека подчинялись той конкретной исторической цели, к которой он стремился (это было обычно в движении к коммунизму). Если с этих позиций подходить к крупным произведениям Кайсына Кулиева, то можно заметить, что идеалом многих его лироэпических поэм был мужественный, целеустремленный, настойчивый в своих желаниях патриот, сила которого – в

несокрушимой воле и жизнеутверждающем оптимизме. В поэме «Знамя» явно воплощен гражданский идеал: главное назначение человека — в патриотическом служении Родине. Общий гуманистический пафос, присущий поэмам Кулиева, роднил его не только с литературой социалистического реализма, но и с классической русской литературой, ее основными методами.

Статья о поэме «Знамя» была опубликована в сборнике «Фольклор и литература» (Нальчик: КБГУ, 1978. Вып. 3.) по решению кафедры русской и советской литературы историко-филологического факультета КБГУ.

Ответственный редактор — проф. И. В. Тресков, зам. ответственного редактора — Р. А. Каюмова и Х. Х. Кажарова; ответственный секретарь — Т. Е. Эфендиева.

Статья перепечатана с небольшими изменениями.

ПОЭМА «ЗАВЕЩАНИЕ» («ОСУЯТ»)

Какой Бетховен выразит те муки
Что принесла нам бранная пора?

К. Кулиев

В одном из своих выступлений на страницах газеты «Литературная Россия» (1974, 15 ноября) Кайсын Кулиев говорил о том, что он рад, рассказав о своем Чегеме, о своем пятидесятитысячном народе, почти каждого представителя которого он знает в лицо.

К Чегему у Кулиева своя, особая любовь. Здесь он произнес свое первое слово, тут испытал первые радости и огорчения. «Все у меня отсюда — и жизнь, и песня, — говорит поэт о своих родных местах. — Чегем — мое начало, мой исток. Здесь я сложил первый свой стих, сложу и последний»¹².

Органическая слитность, нераздельность писательской судьбы с судьбой родины и народа — одна из центральных тем поэм «Песнь моей любви», «Говорю родной земле», «Кремень», «Завещание».

Поэму «Завещание» Кулиев начал писать будучи в Средней Азии, в 1946 г., где в это время находился его

насильственно высланный народ, обвиненный в измене Родине, в пособничестве фашистам, когда те захватили часть территории Северного Кавказа, в дезертирстве и в других грехах. Эта поэма навеяна теми событиями, которые имели место в период культа личности, во время нарушения национальной политики по отношению не только к балкарцам, но и другим народам Северного Кавказа, Крыма и Приволжских степей. Писалась поэма с большими перерывами в течение 15 лет, с 1946-го по 1962 г. А за это время многое изменилось в социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни страны в целом и в жизни балкарского народа, в частности. Важным социально-политическим фактором явилось возвращение горцев на родину, в места их исконного проживания. Восторжествовала, по мнению народа, социально-экономическая справедливость: были восстановлены автономии республик балкарцев, карачаевцев, чеченцев, ингушей, калмыков. Горские народы проявили большое мужество в период необоснованной репрессии и были уверены в торжестве и справедливости национальной политики, оставались верными тому делу, за которое боролись в гражданскую войну — за новую власть, обещавшую горской бедноте землю и волю. «Вспоминая об этом, — писал народный поэт Башкирии, лауреат Государственной премии СССР Мустай Карим, — я думаю о душевной крепости балкарского народа, который не потерял веру в торжество справедливости, веру в то, что советский строй положит конец произволу: сохранит чувства слитности со всеми социалистическими нациями. Это не мое личное заключение... Об этом говорили мне чабаны и поэты, рудокопы и министры Кабардино-Балкарии»¹³. Через десять лет после возвращения депортированных народов на свою историческую родину, то есть в 1967 г., в тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции» сообщалось: «Эти извращения, несмотря на всю их серьезность, не изменили природу социалистического общества, не поколебали устои социализма...» Как сказать! А может, и поколебали, потому что через 20 лет начнется развал СССР, катастрофа для сверхдержавы — Советского Союза. Но тогда в тезисах ЦК КПСС это считалось временными

неудачами и ошибками. Репрессивный характер национальной политики в бывшем СССР продолжался вплоть до 1989 г., когда Верховный Совет СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Если исчислять уроками истории и временными категориями, то с 1967 г., с тех исторических тезисов прошло еще 22 года. Для бывших репрессированных народов это был реальный факт нравственного очищения общества, и правовое значение Декларации было огромным в морально-политическом плане.

О трагедии депортации народов Северного Кавказа и, в частности, о насильственном выселении балкарцев как геноциде народа первым рассказал Кайсын Кулиев в поэме «Осуят» («Завещание»). Теперь много пишут о том, что депортация явилась следствием тоталитарной политики Советского государства, что дискриминация целых народов шла по признаку их малочисленности и национальной принадлежности и т. д. Правда истории как объективная необходимость восстанавливается по крупицам. Одной из них явилась поэма Кулиева «Завещание» – плод длительной и напряженной творческой работы. Поэме предшествовали другие произведения Кулиева, написанные на тему изгнания, ссылки, такие, как «Родной земле», «Другу в беде», «Если радость придет...», «Смородина», «Завещание» и другие. Это были как бы подступы к этой запретной тогда теме, поэтому поэма Кулиева «Осуят» и не переводилась долго на русский язык; она лишь в 2000 г. появилась отдельным изданием в переводе С. Липкина. Кайсын Кулиев не видел и не читал эту поэму в русском переводе, так как он умер в 1985 г., когда до демократических процессов в Российской Федерации было еще далеко и страх сковывал даже известнейших переводчиков.

Выдающийся советский писатель и общественный деятель, секретарь Правления Союза писателей СССР Константин (Кирилл) Михайлович Симонов (1915–1979) выступил на V съезде писателей СССР (1971) и сказал: «Не все легко вспоминать в своей истории. Но как без этого? Как без полного знания всего, что было в истории,

понимать душу своего народа, меру его стойкости, запас его нравственных сил?» Он мог себе позволить сказать многое о прошлом, о серьезных ошибках в национальной политике: Симонов был удостоен Ленинской и шести Государственных премий СССР, был Героем Социалистического Труда, членом ЦРК КПСС, награжден тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, боевыми медалями. К. М. Симонов и К. Ш. Кулиев были друзьями, но и они были в плену идеологизированного времени. Не могло быть и речи о переводе «Завещания» на русский язык, так как был официальный запрет на многие художественные произведения и на эту поэму, в частности.

Осмысливая события периода высылки как трагедию балкарского народа, связь и корни с родным краем как символ национального существования, Кулиев создал высокопатриотическое произведение, которое захватывало художественной образностью и обнаженным лиризмом. Произведение написано в пору высшего расцвета дарования поэта. Лирично, с непосредственной передачей чувств Кулиев писал о своей малой родине и земляках-чегемцах, много переживших и до выселения:

Трагические тени этих лет
В душе Харуна жили и метались.
Расстреляны друзья. Сидит сосед.
Немногие соратники остались.

Где те, кто нашу воздвигал страну,
Кто бился за нее на бранном поле?
Одни в колымском ледяном плену,
Другие рано умерли от боли.

Многие исследователи творчества Кулиева относили эту поэму к числу наиболее значительных его произведений, а вот, что писал о поэме сам Кулиев в автобиографии: «В Средней Азии я начал поэмы «Огонь» и «Завещание». Закончил их на Кавказе. Они вошли в мою книгу поэм «Зеленые чинары». «Завещание» я отношу к лучшим своим вещам».

В поэме 8 частей, связанных между собой главным героем — это безграмотный пастух Харун:

Харун в горах был пастухом овец,
И вместо цифр на посохе порою
Отметины он делал, как отец
Их делал, отдыхая под горою.

Произведение построено как лирическое повествование о жизни одного человека, начиная с его молодости до дней старости, когда он умирает на чужбине и завещает своим сыновьям исполнить его сокровенное желание. Это была своеобразная исповедь, в которой сквозили большая человеческая горечь и страдание, любовь к самому дорогому — к родному краю. Это целостное драматическое переживание воспринималось не в его единичном аспекте, а как острое эмоциональное переживание всего народа, особенно тех, кто остался лежать в чужой земле. И все-таки в «Завещании» раскрывается глубокая трагедия одного человека — Харуна, представителя старшего поколения горцев Кавказа, крестьянина, оторванного от земли и родного края, который он любил всем сердцем, всеми силами своей вольнолюбивой души. Его бы он не променял ни на какие блага и богатства, хотя жизнь Харуна была трудной и суровой:

Когда хлестали ливни, он лежал
В ночи под буркой, рядышком с отарой.
Зимой, когда был труден перевал,
Он спал в снегу, голодный и усталый.

Родина для него — это шумливый говор бегущей по ущелью речки, алый кизил и вечный снег, белеющий на вершинах гор; папахи облаков в синеве над разноцветными ущельями; это и зеленые чинары в желтом свете луны, и всадники в бурках, и смеющийся ребенок на ослике, и конечно же повседневный труд, нелегкий быт и обычаи горцев.

С именем Харуна связана жизнь целого поколения горцев, немало испытывавших всяческих бед. Постигла она и молодого Харуна, когда он был чабаном: случайно сорвался в пропасть и сломал себе ногу. Вокруг не было ни души. Он перевязал себе ногу башлыком и выполз. Ему было больно, но он не плакал — горцы не плачут. Не знал Харун, что придет еще день его слез.

Харун сорвался со скалы зимой.
Со сломанной ногой лежал в ущелье.
Ужели не спасут его, ужели?
Но он не плакал в стуже ледяной.

... Однажды его отец ехал по ущелью и был убит молнией (в горах это часто случается). Почерневшее тело привезли в аул. Харун стоял у изголовья, но не плакал. Не знал он, что придет еще день его слез.

Ударил гром, и молния сверкнула
И поразила старого отца.
Несли среди печального аула
Завернутого в бурку мертвеца.

.

Зажгли костер, и почернел от дыма
Отцовский лик. Засох у сына рот,
Молчал он, а душа была палима.
Не знал он, что для плача день придет!

На этом заканчивалась первая глава. Во второй главе рассказывалось, как Харун оказался в гуще революционных событий, дрался с врагами советской власти («Как на охоте, прячась за камнями, сражался он в лесах Хуламских гор») и как однажды он вместе с другими партизанами попал в плен и их заперли в башне. У них не было оружия, а только сабли, и смельчаки решили пробиться и выскочили с саблями наголо. Трое погибли в бою, а Харуна схватили и поставили у скалы, чтобы расстрелять. В последний момент он решил спрыгнуть в пропасть, не боясь разбиться. Свидетелями его мужества были лишь старинная башня, покрытая снегом, и молчаливые горы.

...Со скалы, как камень,
Упал Харун. Он видел смерть свою.
Узнала башня, слитая с веками:
«Еще есть храбрецы в родном краю!»

Харун остался в живых и ушел в лесистое ущелье. Эта страшная ночь осталась в его сознании, как кошмарный сон. И тогда он не плакал. Не знал Харун, что придет еще день его слез.

В этой главе есть лирические отступления о подвигах и мужестве. Они относятся вообще к горцам, а не только к поступкам главного героя. В них поэт хотел заострить внимание на основных чертах национального характера:

О храбрые! Как радуга живая,
С одной горы влекомая к другой,
Блестит отвага ваша боевая
Нам семицветною дугой.

Или:

О подвиг! На твоих плечах усталых
Подобен каждый час и день скале.
Кровь на твоих струится перевалах,
Поэтому высок ты на земле.

С большим поэтическим мастерством Кулиев в повествование о трагических переживаниях Харуна, на которого обрушились несчастья, вводит свои философско-нравственные рассуждения. Они органично вплетались в ткань лирического рассказа, воспринимались сквозь призму переживаний лирического героя, бывшего пастуха, а в годы Гражданской войны ставшего партизаном, и вот уже, спустя годы, — отца троих сыновей:

О годы, годы! Словно тигров тени,
Вы друг за другом гонитесь впотьмах,
Хоть раны зажили былых сражений,
По-разному горел огонь в домах.

Так начиналась третья глава. Не плачет Харун и тогда, когда ушли на фронт три его сына и он остался один в своем Хуламском ущелье, глядя, как на горе Дыхтау туманы клубились и медленно ползли тяжелые дни суровой войны. Эта глава заканчивалась переживаниями Харуна:

На сердце чувствуя незримый гнет,
Харун познал обиду и кручину,
Но он не плакал в злую ту годину,
Не знал он, что заплакать день придет.

Но не заплакал Харун и тогда, когда погиб на войне его младший сын, которого он любил больше себя. Этот день был одним из самых черных дней его жизни: он узнал из похоронки, что сын Султанбек погиб («Харун – как дерево без ветви лучшей: домой не возвратится Султанбек!»).

Казалось: тяжким горем пахнет сено.
Казалось: летний яркий день погас.
Беда пришла дорогою военной,
Настигла старика в неожиданный час.

Четвертая и пятая главы посвящены войне и переживаниям старика Харуна. И только с шестой главы начиналась тема выселения балкарцев. День 8 Марта – не просто трагедия всех горцев, населявших этот аул, это катастрофа громадного размера, не поддававшаяся никакому объяснению, как страшное землетрясение и светопредставление. Вот как это описано в поэме:

Беда пришла такая, что не снилась
И старикам. Не дождь, а кровь лилась
С небес. И на гору гора валилась,
И вся теснина в ужасе тряслась.

Здесь отбор речевых средств был мотивирован теми специфическими задачами, которые стояли перед поэтом: показать крах мироздания быта и жизни балкарцев, их общественного сознания и национального самосознания. Харун, как и все его земляки, должен был покинуть родину, он в последний раз взглянул из эшелона на уходящие вершины гор Минги тау и впервые заплакал, не прикрывая лица руками и не стыдясь своих слез. Страдание было безмерным, и поэт как бы затруднялся в подборе речевых средств:

Словами, как двуострые мечи,
Как расскажу о глубине страданья?
О, не нашлось и савана в ночи
Для тех, кто умер в горький час изгнания!

Очевидцы тех трагических событий рассказывали, как их сначала везли в открытых машинах, а потом погрузи-

ли в холодные товарняки, где были наспех сколоченные нары. Больные старики и маленькие дети по дороге умирали, их выносили из вагонов на коротких остановках и оставляли вдоль насыпей в снегу. Испуганные люди недоумевали, почему именно на 8 Марта была запланирована эта бесчеловечная акция?!

Восьмое марта, где ты, праздник чудный,
Когда приносят женщинам цветы?
Балкарские селения безлюдны...
О что страшнее этой пустоты!

Пришел не праздник — день пришел бессонный.
Балкарским детям не забыть вовек
Холодные и смрадные вагоны
И мартовский — в слезах кровавых — снег.

... С тех пор прошли многие годы. Харун жил на Иссык-Куле вместе с двумя сыновьями, вернувшимися с войны. Старик заболел и, почувствовав приближение смерти, сказал сыновьям о своем сокровенном желании, что он хотел бы лежать в родной земле своего аула. Обиды у него не было на киргизскую землю и его народ: они приютили горцев в трудные дни войны.

Вернетесь, вижу сердцем. В Киргизстане
Я свой конечный обрету покой.
Здесь я узнал киргизов состраданье,
Но я б хотел лежать в земле родной.

Весь характер, вся личность героя отразилась в его завещании: быть в краю отцов хотя бы надгробным камнем с именем Харуна. Вынужденная разлука с родиной еще более усилила его любовь к ней и обострила его мысли и чувства к земле предков. Судьба не баловала Харуна. Многое ему пришлось испытать и пережить. Трагические обстоятельства закалили его волю. Он отличался суровой сдержанностью и никогда не давал волю слезам: горцы не плачут в беде — это он усвоил с молоком матери. Мужество и стойкость Харуна, национальные черты его характера с наибольшей силой проявились в финальной сцене, в разговоре с детьми перед смертью. Приближение смерти не ослабило духа Харуна и силы

его патриотизма. Не его вина, что он не дожил до тех дней, когда его народу позволили вернуться в родные края. Это была беда для многих, обретших вечный покой на чужбине. Поэтому, обращаясь к сыновьям, он просил:

.
Когда достигнете родного края,
В ущелье выroyте могилу мне,
В нее родные камни опустите
И у надгробья моего скажите:
«Харун лежит в кавказской глубине!»

Сокровенные думы и мечты этого горца о родной земле будут жить в надгробном памятнике в милом ему ауле. Побежденный физически, Харун духовно не был сломлен, а его выносливость, храбрость, мужественность и патриотизм как основные черты национального характера будут служить примером того, как надо любить малую родину, дорожить ею и страстно желать гармоничного естественного слияния с природой и народом родного края.

Отбор речевых средств говорил о силе, сдержанности чувств героя, его мужественном и стойком характере. С неподражаемым, истинно художественным совершенством Кулиев использовал широкий арсенал самых различных образных средств: всевозможные эпитеты, начиная от простого «черный», «зеленый», кончая развернутыми из прилагательных в превосходной степени: самый горький день, самый черный час; гиперболы, сравнения и неожиданные метафоры. Так, в лирических отступлениях, рассуждая о мужестве горцев и, в частности, о поступке Харуна, когда он бросился в пропасть в момент расстрела, Кулиев прославлял подвиг:

О подвиг!.....
Глаза ты застишь кровью благородной,
Но свет победы видишь вдалеке.
В твоей руке не только меч холодный,—
И роза красная в твоей руке!

О глубине обобщения и силе художественного мастерства свидетельствовали и такие строфы седьмой главы:

Тот умер дважды, кто истосковался
Пред смертью по отеческой земле.

В качестве действенных средств раскрытия черт национального характера удачно вводился в поэму и кавказский пейзаж. Природа сочувствовала герою. Она полна голосов и шумов. Даже неодушевленные предметы — камни и скалы — в поэме могут сострадать, чувствовать, говорить и действовать. Они спасли Харуна, когда он бросился в пропасть:

Харуну скалы помогли и травы,
Хотя и раненый, он был спасен.
Ушел он в горы в этот день кровавый,
Он вспоминал его, как страшный сон.

Большие изменения, происходившие в судьбе целого поколения и личной судьбе Харуна, показаны тоже через картины природы и стилистический повтор: «Не знал Харун, что придет еще день его слез...» или «О, мартны сегизинчисы, сабийле, аналарын алгъышлагъан конлери!»

Восьмое марта, день жестокой боли,—
Такую не желаю никому!

И снова тот же повтор страдания:

О слезы гор, о марта день кровавый!

Обращался Кулиев и к легендарному символу образа прикованного богатыря, кавказскому Прометею, чтобы показать силу и храбрость горцев в годы Великой Отечественной войны:

У тех небес, что сумрачно смотрели,
Похитили мы пламя для людей.
Пусть многие из нас в огне сгорели,—
Был каждый наш солдат, как Прометей.

В поэме картины природы нарисованы очень ярко. Они то мрачные, то светлые, но все подчинены логике содержания и, главное,— идее изложения. Использованные олицетворения полны символического смысла:

«Не бойтесь,— вдохновляла их земля,—
Сильней, чем я, не сыщете опоры!»
«Боритесь до конца,— учили горы,—
Мы с вами, ваши мы учителя!»

В олицетворениях, поэтических параллелизмах, выборе сравнений и эпитетов, безусловно, заметно воздействие устно-поэтической традиции балкарцев, однако, творчески переосмысленной и литературно переработанной Кулиевым.

Высокое художественное мастерство и идейная глубина поэмы «Завещание» становились особенно явными при сопоставлении ее с другими поэмами Кулиева этого же периода, такими, как «Огонь», «Серп», написанными по мотивам народного нартского эпоса Кавказа. И эта разница прежде всего в том, что Кулиеву удалось раскрыть национальный характер в органической связи с окружающим миром, социально-политическими событиями и движением истории. Историзм мышления и его специфика нашли глубокое преломление в этой поэме. Кулиевский художественный историзм позволил многим балкарским литературоведам понять сущность развития и обогащения национальной литературы, а молодым писателям — глубже осмыслить закономерности литературного процесса младописьменных литератур в их исторической перспективе.

«Завещание» продолжило лучшие традиции современной реалистической поэмы о родине и народе. В существенных своих чертах она оказалась типичной для входившей в пору зрелости балкарской литературы 50–60-х гг. XX в.

В конце XX и на пороге XXI в. появилось много художественных, документально-мемуарных произведений и научно-критических работ на тему депортации народов. Сняты грифы «Секретно», «Совершенно секретно», появились новые данные ФСБ — это позволило по-иному, с других позиций подойти исследователям и писателям к теме насильственного выселения народов Российской Федерации. На Северном Кавказе прошли на эту тему научные конференции: в Элисте (1992 и в 1993 гг.) «Репрессированные народы: история и современность», «Репрессированные народы: упразднение их национальной

государственности и проблемы реабилитации», в Нальчике в связи с 50-летием депортации балкарского народа в 1994 г. — «Репрессированные народы: история и современность» и др.

МИР И ТРУД КАК СИМВОЛЫ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЧАСТЬЯ В ПОЭМАХ «СЕРП» И «ОГОНЬ»

Пусть вовеки славится умение —
счастье человеческих судеб.

К. Кулиев

Литературовед В. Озеров в одной из своих статей спрашивал: «О чем мечтали герои художественных произведений, которых мы встречали в последние месяцы войны? Что хотели увидеть дома демобилизованные воины, выведенные на страницах этих и других книг?

Конечно, мечтали о мирной жизни в кругу семьи... Как и на каких началах будет организована общественная жизнь после войны, что предстоит сделать... Эти вопросы возникали перед каждым думающим человеком» (*Озеров В. Полвека советской литературы. М., 1967. С. 381*).

Возникли эти вопросы и перед Кулиевым, как и перед другими писателями нашей страны, в произведениях которых выразились основные размышления советских воинов, вернувшихся к мирной жизни и труду. Характер этого времени и стремления бывших солдат к миру и труду запечатлели М. Луконин («Рабочий день»), Н. Грибачев («Весна в «Победе»), А. Недогонов («Флаг над сельсоветом»), А. Яшин («Алена Фомина»), Г. Мустафин («Миллионер»), В. Кочетов («Журбины»), С. Улуг-заде («Обновленная земля»), П. Павленко («Счастье»), Ш. Рашидов («Победители»), В. Ажаев («Далеко от Москвы»), В. Овечкин («Трудная весна», «В одном районе») и многие другие. И в поэзии и в прозе прошла одна и та же тема. Теперь эти произведения не изучаются ни в средних школах, ни в гуманитарных вузах. Они безнадежно устарели, и их никто не знает. Эти поэтические и прозаиче-

ские сочинения стали лишь фактом истории развития советской литературы первых послевоенных лет.

Безусловно, лейтмотивом многих произведений прозы и поэзии этой поры стали труд и мир как продолжение битвы за благополучие Родины и счастье людей, на плечи которых пали страшная послевоенная разруха, материальное неблагополучие, голод и тяжкий, почти бесплатный труд на многочисленных стройках и колхозных полях за грошовые трудовни. И все это делалось на ура!, с небывалым трудовым энтузиазмом и всеобщей верой в счастливое будущее. Интересно в связи с этим привести слова известного тогда советского поэта Э. Межелайтиса. Вспоминая об этом периоде, он писал: «...где сходятся границы Латвии, Литвы и Белоруссии, трудящиеся этих республик решили совместными усилиями построить гидроэлектростанцию дружбы. Я долго жил там. Мысль о братстве, о сближении людей разных национальностей захватила меня. Наступили новые времена, было покончено с культом личности. Я собрал свои лучшие стихи и в 1956 г. издал их отдельной книгой». Это был короткий рассказ о возникновении «Братской поэмы», за которую Межелайтис получил Государственную премию. Все это были лишь слова в духе идеологии того времени. И с культом личности не было покончено (прошло только три года после смерти Сталина), и братская дружба между Литвой, Латвией и Белоруссией была под сомнением.

Новое мироощущение, о котором писал Э. Межелайтис, и все то, что волновало человека, по словам Ю. Смула, было «болевым порогом», и находило оно отражение по-разному даже в художественной литературе конца 40-х – начала 50-х гг. XX в.

Новописьменная национальная литература, скажем, художественная литература народов Северного Кавказа развивалась в тех же рамках, что и вся многонациональная литература СССР, следуя принципам и методу социалистического реализма. Интересно в этом плане рассмотреть поэмы К. Кулиева «Серп» и «Огонь», в которых открытость проявления авторских чувств, духовный и эмоциональный мир поэта строились на чисто художественном вымысле, на фольклорном материале, казалось

бы далеко от анализа общественных явлений и социально-экономических проблем времени. По меткому выражению В. Овечкина, «в спокойной тревоге за будущее» Кулиев по-своему касался некоторых противоречий и трагических сложностей реальной жизни 1945–1955 гг., когда «наиболее удачные произведения советских писателей завоевали читательское доверие тем, что не обходили реальной сложности жизни. Но вопрос о боевой позиции художника стоял в те годы очень и очень непросто»¹⁴.

Кулиев в эти годы, с 1945-го по 1955 г., находился фактически в резервации вместе со своим насильственно высланным народом, национальное самосознание которого претерпело большие изменения, а о менталитете и говорить не приходилось: чуждая среда, другие обычаи и традиции, ущемленность в политических и гражданских правах, низкое общественное положение. И так было на протяжении тринадцати лет.

Почему Кулиев в это время не писал о том, что было в действительности, а обратился к мифологии? Наверное, потому, что самое обращение к прошлому было обусловлено духом протеста поэта против смирения многих писателей этой поры перед властью, перед идеологизированной жизнью. Недовольство Кулиева окружавшей его жизнью, систематической, четко запланированной ходьбой в органы НКВД засвидетельствовать, что ты есть и не выехал без разрешения в близлежащий поселок; художественные поиски сильного национального характера, — все это и многое другое объясняло, почему поэт обратился к нартам — героям кавказского эпоса (Лермонтов ведь тоже в эпоху реакции правления царя Николая I обратился к событиям сурового XVI в. в поэме «Песня про купца Калашникова», в которой битва Калашникова за честь явилась одновременно и борьбой за правду вообще, за человеческое достоинство, своеобразным бунтом против национального унижения).

В поэме «Сerp» нарты явились именно теми национальными героями, о которых мечтал поэт и думал не раз, как о силе, противостоявшей злу. Депортация была насилием. Поэма начинается с того, что надо уметь охранять мирные очаги:

Многих нарты в битвах побороли,
Многих уничтожили врагов,
бились насмерть на кровавом поле,
охраняя пламя очагов.

Страхом никогда не устрашались,
ибо нартам был неведом страх,
гордо и неистово сражались,
даже если был сильнее враг.

Перевел С. Липкин

В поэмах «Серп» и «Огонь» Кулиев художественным словом утверждал активное вмешательство в жизнь, умение трудиться в любых обстоятельствах («Нарты жнут и жнут по всей долине, на поля выходят до утра»). Или:

Лица воинов привыкли к зною,
Руки не боятся остроты.
Валятся колосья, желтизною
лунного свечения полны.

Работа в поле доставляет нартам удовольствие и наслаждение. Для них нет большего счастья, чем выращивать и убирать урожай. Серп в их руках, выкованный для них умельцем-кузнецом, почти как игрушка, и они искренне радуются мирным полевым работам, как дети, которые самозабвенно играют, подражая взрослым. Так поступили и нарты, когда увидели, как великан снял с неба полумесяц красный и «начал жать и жать, и на жнеца посмотрели сеятели хлеба, и сильнее забились их сердца». Опыт великана научил их жать хлеб, а первый серп для них сделал умелец-силач, такой же нарт, как они.

Тема труда и поэме «Серп» не единственная. Конечно, есть и тема выселения, аспекты осуждения властей, разрушивших мирные очаги балкарцев, — во имя чего и зачем? Поэтическое и национальное самосознание Кулиева эволюционировало в соответствии с развитием его таланта, зрелости эстетических взглядов и художественных принципов. Строки пятой главы поэмы «Серп» откровенно передают сокровенные мысли поэта:

Тем проклятье вечное, кто кровью
возжелает колос обогреть,

затоптать поля с высокой новью,
мирные жилища разорить.

И далее уже как вывод, как предостережение:

Вновь тогда мечи заблещут властно,
ибо смелость — нартская стезя.
Кровь не надо проливать напрасно,
Но и в рабстве жить нельзя, нельзя!

Идейная четкость и определенность ясна, и поэт как бы призывал к решительным поступкам и действиям, когда нарушаются нормы нравственности и права человека.

В поэмах «Сerp» и «Oгонь» есть много строк о любви к горной Балкарии, горячей признательности и сочувствии к своим землякам, которых он хотел видеть национальными героями, но которые под гнетом властей теряли свое мужество; поэтому Кулиев художественным словом утверждал мужество терпения, веру в социальную справедливость и надежду на избавление от всякого унижения человеческого достоинства. И в той и в другой поэмах Кулиев сумел передать мироощущение того времени, поскольку он уже был истинным художником с твердыми гражданскими позициями и верными, яркими суждениями. Так, исследователь балкарской литературы З. Толгуров писал: «Поэма «Oгонь» как бы обращена в послевоенное трудное время, когда были нарушены ленинские принципы справедливости, и к тому времени, когда она вновь восторжествовала. В ней звучит мотив веры в человека, во взаимолюбовь людей, в победу добра над злом»¹⁵.

Художественное отражение сложности жизни, подлинных ценностей, народной истории, активное восприятие добра и зла, образное мышление и метафористичность являются примечательными образцами подлинной естественности и поэтического мастерства Кулиева. Так, в поэме «Oгонь» есть много отточенных мыслей, афоризмов:

... так как будущего нет без света,
на земле нет жизни без огня.

Или: «... Огонь озаряет доброту людскую, щедро искры разума даря», «... Огонь — жизни светлый круг и смерти враг».

... Меч остер, а ум еще острее.

... Сила хороша, но выше разум.

.

Разум человеческого сына
победил бессмысленную тьму...

Афористическое мышление Кулиева проявилось не только в этих фольклорных поэмах, но и во многих других произведениях этого жанра. Афористичность и символизм характерны для поэзии Кулиева среднеазиатского периода жизни.

Символична концовка поэмы «Огонь»:

«Огонь»... в каждом очаге и человеке
молодо сияй из рода в род!»

На первый взгляд это восклицание и благопожелание поэта могли показаться несколько риторическими и бытовыми, по существу же они глубоко философские. Кулиев познал из летописи жизни своего народа и собственной судьбы цену человечности, доброты, светлой веры и надежды. Вспоминая годы, прожитые в Киргизии, Кулиев писал: «Человечность неистребима и непобедима. Человечество одичало бы без милосердия. Как прекрасна поговорка: «Мир не без добрых людей!» Отсюда идет основной тон моих книг «Раненый камень», «Мир дому твоему», «Кизилый свет»¹⁶. Его жажда творческого труда, романтической жизни, одухотворенной, энергичной деятельности сказались, несомненно, в этих поэмах, созданных в среднеазиатский период жизни (1945–1956).

Поэмы «Огонь» и «Серп» повествовали о жизни нартов, племени, жившем в ущельях и долинах Кавказа в незапамятные времена; об их лучших богатырях — Сосруке, или Сослане, по преданию, рожденных из камня; великодушных, сильных, способных совершать подвиги в борьбе с коварными врагами-эмигенами; вести справедливую борьбу за родной очаг, за свободу нартских селе-

ний. Истоки поэм, безусловно, таились в легендах и преданиях народов Кавказа. Нартский эпос помог Кулиеву выразить ощущения, мысли и переживания современного человека-горца, выросшего под впечатлением народных балкарских сказок, песен, горских поверий. Народный фольклор, особенно героический эпос балкарцев и карачаевцев, Кулиев хорошо знал. Богатым эпическим наследием народов Восточной Европы и Азии поэт интересовался еще в довоенную пору, когда учился в Литературном институте и ГИТИСе в Москве.

Сказочное содержание поэм «Огонь» и «Серп» со всеми их условно-фантастическими образами почти не имело по сути ничего нереального. При их чтении постоянно ощущалась самая обычная жизнь с земными заботами пастухов, землепашцев, охотников и воинов. Герои поэм похожи в чем-то на обыкновенных людей с их тревогами и радостями. Они создавали в борьбе с препятствиями все то, что необходимо человеку в жизни: построили прочные жилища, бережно вырастили первый колос, добыли огонь, чтобы испечь хлеб, выковали первый серп для уборки урожая и первый меч для защиты родного очага, сложили о героях песни.

Нарты наделены поэтом самыми лучшими человеческими качествами национального характера: мужеством, благородством, доблестью, смелостью, силой, отвагой, свободолюбием и, конечно, трудолюбием. Символом счастья для них, как и для людей нашего века, были мир и труд:

Кажутся хлеба листвою осенней.
Благодарствуй, первая страда!
В мире нет жемчужин драгоценней
Капель пота в добрый день труда!

Хорошо скакать среди раздолий,
хорошо держать в руках мечи,
но прекраснее работать в поле,
строить дом и хлебы печь в печи.

Поэма «Серп»

В этих поэмах ярко проявилось народное мироощущение и миропонимание человеческой судьбы и счастья. И несмотря на сказочность сюжета, поэмы и их основные

герои все-таки не стали из-за этого нереальными: внимание поэта (и вместе с ним читателя) сосредотачивалось не на эмигенах (злое начало), а на положительных героях произведений с обыкновенными человеческими качествами, то есть на национальных характерах людей. Они изображались стойкими и терпеливыми, мужественными и смелыми в трудных испытаниях, трудолюбивыми и добрыми в обычной жизни и повседневном быту. Сильные нарты не боялись эмигенов. Они побеждали могущественных врагов своей доблестью («смелость — нартская стезя»), храбростью. Эмигены были страшны лишь для тех, у кого не было мужества бороться с ними. Смелый же нарт одерживал верх над злой силой — чудовищными эмигенами, извечными врагами богатырей-нарттов. И чтобы чистое, ясное небо, светлое солнце, обогревавшее всех людей, мирные жилища и пастбища, пахучие травы и желтые колосья не покрылись копотью и кровью войны, нарт должен стоять на страже всегда:

Потому-то, сняв свой меч на поле,
нарт с серпом приходит в день страды.
Жить нельзя без мужества и воли
так же, как без хлеба и воды.

Поэма «Сerp»

Эти финальные строфы можно было бы продолжить и другими, предостерегавшими и многозначительными в наш беспокойный XX в., который перенес две мировые войны и бесконечные локальные войны и теракты во всех уголках планеты. Пацифист Кулиев все-таки утверждал необходимость справедливой войны, когда писал в поэме «Сerp»:

... в сердцах не гаснет дух военный:
мужество — их вера и оплот,
а не то нагрянут эмигены,
и погублен будет нартский род.

Писатель Юрий Либединский высоко ценил произведения, в основе которых лежали сказания о богатырском народе — нартах. Подчеркивая их воспитательную роль, он спрашивал: «А разве не передавались в горах Кавка-

за нартские отвага, сила и благородство потомкам? Разве не нарты сражались в горах Кавказа за Советскую власть и на фронтах Великой Отечественной войны?!» Юрий Либединский был одним из тех, с которыми Кайсын Кулиев переписывался будучи в ссылке в Средней Азии. Он и посоветовал Кулиеву писать о героическом прошлом — о нартах-богатырях — так как оно всегда созвучно современности.

В этих поэмах затронуты вопросы морали, нравственности, а они современны всегда, ибо нравственные понятия всегда звучат актуально. Поэтому и в своих фантазиях Кулиев оставался сыном своего времени: в нем жило ощущение, что он продолжатель всего, что было до него. А стремление осознать эту связь, естественно, возвращало поэта к началу литературы — фольклору. «Фольклор, — по верному замечанию Давида Кугультинова, — питает поэзию, рождает поэзию, рождая незримую силу, которая дает возможность появиться на ветке дерева почке и распустить листья»¹⁷.

Богатство и разнообразие устной народной поэзии, несомненно, сказалось в поэмах Кулиева «Сerp» и «Oгонь». Как и в балкарской сказке (то же самое и в русской, и любого другого народа), героям или герою часто помогали в трудных условиях какие-либо чудесные помощники: богатыри (Добрыня, Горыня, Опивало, Обьедало и др.) или благородные животные, чаще всего конь (Конек-Горбунок, Сивка-Бурка и пр.). У Кулиева таким чудесным помощником в поэме «Oгонь» явился богатырь Сосрук, помогавший людям добыть огонь, который похитили одноглазые чудовища. Помогал им и другой великан-богатырь, упиравшийся головой в небесную высь, легко снимавший полумесяц с неба, чтобы сжать нартский хлеб («Полумесяц красный снял он с неба, начал жать и жать...»). В поэме «Сerp», как и в кавказском фольклоре, представление о великанах прежде всего основывалось на гиперболе:

Вдруг в заречье великан проснулся
и расправил плечи над рекой,
И небесной выси он коснулся
черною и мощною рукой.

Этот гиперболизм наиболее характерен для героических сказаний и сказок большинства кавказских народов. Есть он и в поэмах Кулиева. Олицетворение человеческого мужества в образе великана-жнеца дано у Кулиева в чисто народном понимании и представлении о могучих богатырях, созданных поэтической фантазией людей далекого прошлого.

Фольклорная основа поэм «Серп» и «Огонь» определяла и использование определенной народной поэтики. Возьмем кулиевские сравнения, в которых исследователи находили не один, а два уподобления, как это часто бывало в народных сказаниях и песнях. Проиллюстрируем это примером из поэмы «Серп»:

Нарты ночью ехали верхами.
Перед ними – горный перевал.
Встречи не предвиделось с врагами.
Под горой устроили привал.

Полумесяц красен был, как будто
вынул из огня его кузнец.
Иль на скалах, что сбегали круто,
трепетал кизилковый багрец.

Так красный полумесяц поэт уподобил серпу, вынутому кузнецом из огня, и багряному кизилу, трепетавшему на крутых склонах гор. Эти два уподобления (раскаленный серп и пламенеющий кизил) не противоречили друг другу, а сливались в один цвет и придавали глубокий смысл картине привала нартов – покоя, прочности их бытия на земле, когда «им открылось в некое мгновение трудное умение жать свой хлеб».

Кулиевские сравнения часто несли эмоционально-выразительные функции. Так, стремление подчеркнуть особую значимость мира и мирного труда для счастья людей повлекло употребление поэтом оригинальных, заминавшихся сравнений. Например, Кулиев сравнивал капельки трудового пота с драгоценными жемчужинами, цвет колосьев – с лунным свечением, хлеба – с осенней листвой. («Кажутся хлеба листвой осенней»). Ведь осень обычно ассоциировалась у трудового человека с убранным урожаем хлебобобового лета, достатком, благополучием.

Стремление к предельной простоте, ясности и верности сравнений повлекло в поэме «Огонь» употребление следующих строк: «Скалы возвышались, точно стены», «так же трудно, как пройти сквозь гору, как пройти сквозь языки костра» или «Как закат над снеговым утесом, в чреве каменном огонь горит» и т. д. Употребление простых и развернутых сравнений в четвертой части поэмы подчинялось обоснованию особой роли поэтического образа Сосрука, которую он играл в неравной борьбе со злыми эмигенами. Любование силой, храбростью, находчивостью, умом великана-богатыря имело место и в русских сказках и в кавказских преданиях. То же самое можно проследить и в поэме «Огонь», образная языковая система которой подчинялась осмыслению изображаемых национальных характеров и ситуаций.

Верное и уместное употребление Кулиевым сравнений и других средств образной выразительности языка определялось идейным замыслом и находилось в прямой связи со всесторонним осмыслением поэм «Серп» и «Огонь». Так, в поэме «Серп» была затронута и тема войны, войны, которая пронеслась, подобно черной буре, и принесла людям смерть, разрушение, слезы и горе матерям и детям. Она, по глубокому убеждению поэта, противоестественна человеческой натуре. У нее свой голос, голос скорби и печали. Далеко он разносился и был слышен на каждом пороге:

О война, едва поднимешь голос
И как только ступишь на порог,
обагрится кровью каждый колос,
черной бурей станет ветерок.

Так было в далекие времена, так было в годы Второй мировой войны, так может быть и в будущем, если не бороться за мир, не охранять его и не стоять на страже. Поэтому-то писал поэт: «... в сердцах не гаснет дух военный: мужество – их вера и оплот...» Ведь простые люди труда на всей планете хотят созидать, делать научные открытия, растить счастливыми детей, гордиться своим прошлым, любить свое настоящее и мечтать об исполнении своих желаний.

Итак, употребление сравнений, метафор, в которых обычно соотносятся явления природы с событиями в жизни героя; использование художественных определений, многие из которых являлись постоянными эпитетами; гиперболизация, повторы — все эти выразительные средства языка придавали поэмам Кулиева высокое поэтическое начало и достоверный национальный характер.

Таким образом, в поэмах «Огонь» и «Сerp», как и в народно-поэтических произведениях, сказаниях и легендах, был заключен большой смысл, было дано социально-нравственное обобщение: не жестокие и злые эмигены, питавшие непримиримую ненависть к человеку труда, будут править миром и распоряжаться судьбами людей, а гуманные и стойкие нарт-богатыри. Они сильнее самого страшного тирана, потому что бились ради справедливости, любви и добра, во имя человеческой радости. Пользуясь фольклорным сюжетом героических сказаний, Кулиев смог в некоторой степени передать многовековой социальный опыт жизни народа, его понимание морали, человеческого достоинства и мудрости «Пусть знают дети Кавказских гор, что боролись их предки со злом ради добра, с ложью — ради правды, проливали нарт-свою кровь ради любви, — писал С. Липкин. — Так пусть всегда в слове «кровь» слышится отзвук — «любовь»¹⁸.

В поэмах «Огонь» и «Сerp» налицо «внутренний», «скрытый рисунок жизни» (Л. Леонов), в глубине которого кулиевское художественное мышление, свое понимание счастья на земле для простых тружеников. Символом мира, «возлюбленной тишины» (по терминологии М. Ломоносова) являлся огонь в домашнем очаге и серп в руке трудолюбивого человека во все времена жизни на земле. Выступая на страницах печати, в статье на «Вахте созидания», Кулиев писал, что свет мира должен озарять созидательную деятельность всех людей¹⁹. Глубокая вера поэта в мир и созидательный труд на земле, в лучшую долю людей пронизывала поэмы «Огонь» и «Сerp» (1948–1962). Через образы национальных героев поэт выразил свои раздумья о жизни и призвании человека, «организуемого процессами труда». При этом Кулиев конечно же не обошел некоторых вопросов, связанных с депортацией балкарского народа, трудного послевоенного перио-

да. Строгими критериями реальности руководствовался поэт, когда писал эти поэмы, прославляя человеческий разум, его творческие возможности в изменении и улучшении мира людей.

Прибегая к столь отдаленным параллелям (эпоха нартов и современность), хотелось был уточнить, что разработка столь классического фольклорного мотива велась Кулиевым совсем в ином стиле. Оглядываясь, несомненно, на поэзию и прозу тех первых послевоенных лет, Кулиеву не трудно было вписаться в тематику советской литературы. Понимая и то, что для поэмы мало одного только самовыражения, а нужны еще и конфликты, и сильные национальные характеры, Кулиев их мог тогда найти только в нартах-богатырях.

Появление поэм Кайсына Кулиева в конце 40-х и 60-х гг. с нравственно-философскими рассуждениями и морально-этическими выводами было исторически закономерным и социально обусловлено. Поэтому сравнение Кулиева, скажем, с Расулом Гамзатовым или Давидом Кугультиновым, которые в это время тоже написали много поэм, почти бессмысленно, — лучше или хуже он писал. Мы полагаем, что Кулиева надо оценивать по самой сути его исторической роли в развитии балкарской поэзии и, в частности, жанра поэмы. Своим художественным мастерством он повлиял на становление всей карачаево-балкарской поэзии и, в частности, на формирование жанра поэмы всей тюркской литературы. Его воздействие еще долго и плодотворно будет сказываться на поисках новых творческих поколений XXI в. А о прошлом — XX в. — и говорить не приходится: художественный мир Кайсына Кулиева стал важным ориентиром для всех карачаево-балкарских поэтов. Подражать Кулиеву можно, но превзойти его в художественной системе духовных координат невозможно.

Поэмы цитировались по сборнику Кулиева К. «Книга земли». М., 1972 в переводах С. Липкина и Н. Коржавина. С. 275–281.

Впервые анализ поэм дан в методических разработках по спецкурсу для студентов филологических факультетов в небольшой брошюре — Эфендиева Т. Е. Поэмы Кайсына Кулиева. Нальчик: КБГУ, 1979. С. 5–12.

СУДЬБА БАЛКАРСКОГО НАРОДА В «ГОРСКОЙ ПОЭМЕ...»

Так я и жил бы, тяжесть скал кляня.
И тлел душой, как уголь у жаровен.
И Лермонтов не встретил бы меня,
И для меня б не ликовал Бетховен...

К. Кулиев

Эти слова поэмы относятся к горскому мальчику, который и слово «хлеб» не мог произнести по-русски. И вдруг поэзия Лермонтова и музыка Бетховена вошли в его самосознание так же естественно, как вливаются в море реки. Эта поэма о судьбе балкарского народа, но и одновременно о жизни ребенка одной из крестьянских семей, затерянных в старинном ауле – Верхнем Чегеме.

Наш дом лепился у Чегемских скал.
Их солнце одевало в позолоту,
Их свет луны таинственный ласкал,
В них уходили горцы на охоту.

Перевел М. Дудин

Так начиналась первая глава «Горской поэмы о Ленине», написанной к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. Эта поэма вышла отдельным изданием в г. Нальчике в издательстве «Эльбрус» в 1966 г. и стоила эта небольшая книжечка в твердом переплете 17 коп. По ней и будут цитироваться строки «Горской поэмы...». Ленинской темы мы глубоко затрагивать не будем, так как она ушла в прошлое и стала достоянием истории советской литературы 50-х и 60-х гг., когда все писатели и поэты считали своим долгом написать произведение на ленинскую тему, а критики и литературоведы – особо прокомментировать их как достойный вклад в Лениниану.

Кто бы ни обратился к поэмам Кайсына Кулиева (так было в прошлом, так будет и в будущем), он встретится с новыми национальными характерами, темами и сюжетами. Казалось бы, те же горцы-земляки, о которых поэт

писал не раз и в других произведениях. Но, нет. Каждый раз по-новому и по-иному они художественно осмысливались и сверкали новыми гранями, как бриллиант в дорогой оправе. Вот образ простой горянки, матери поэта, горского мальчика, о котором так трогательно рассказал автор поэмы.

А мать моя не знала, где Тифлис.
Она садилась и сучила пряжу,
Когда туман, окутывая высь,
Незванным гостем опускался сразу.

Прекрасным фоном в поэме являлся кавказский пейзаж. Картины природы дополняли национальный характер героев, а этнографические подробности усиливали изображение реалистического быта горцев.

Горели звезды на снегах вершин,
Клубились тучи над седым аулом,
Ревел поток, метался и спешил,
И горы глухо отзывались гулом.

Суровый кавказский пейзаж явился одним из действенных средств раскрытия образов горцев (матери Халимат, бедняка Азамата, смельчака Бекбулата). Это они, каждый по-своему, воспитывали мальчика и формировали его взгляды и отношение к людям, окружавшей природе, поступкам и действиям земляков; первыми знакомили его с духовной культурой балкарцев:

Я помню звезды над горбом горы,
Ущелья, утонувшие в туманах.
И Бекбулат до утренней поры
Мне сказки говорит о великанах.

Все герои поэмы чувствовали родство и неразрывную связь с родной природой. Она окружала их с самого раннего детства. Вот Бекбулат и его маленький друг на берегу горной речки Жилги; в поток летит волосяная леска, и от нее расходятся круги, потом «она, натягиваясь резко, звенит и вылетает. Наяву, подобная невиданному чуду, живая рыбка прыгает в траву».

Все это вспоминалось лирическому герою позже, когда сформировавшееся национальное мироощущение стало тревожить его душу и ум:

А золотые рыбки и хребты
Лиловых скал, и Бекбулата сказки
В моей душе тревожили мечты
И поселялись, смешивая краски.

Работа Кулиева над «Горской поэмой...» шла в 50-е гг. параллельно разработке этой же темы в других произведениях этого жанра, например в «Чегемской поэме», но здесь Кулиев более автобиографичен. Через жизнеописание одного горца он хотел показать процесс формирования личности, национального сознания горских трудовых масс. Поэтому так подробно поэт останавливался на вехах жизни главного героя, представителя горцев:

Я в том ауле был рожден, когда
Шесть дней до революции осталось.
Где горек хлеб и тяжела беда, —
Шесть дней в том мире мне прожить досталось.

Ему запомнилась жизнь соседей-бедняков, дружба с которыми продолжалась долгое время. С ними он ходил в лес по дрова и на охоту, пас скот и ловил форель в быстрой горной речушке, именуемой Жилги. Все это факты биографии и самого Кулиева.

В ауле нашем был бедняк один
С нуждой своею — постоянным гостем.
В живых ему остался младший сын,
А старших путь оборвался погостом.

Как терпит камень жар огня и лед,
Так он терпел обиду и тревогу.
«Нас проклял сатана. И не найдет
Никто из нас счастливую дорогу».

О «счастливой дороге» в конце XX в. и на пороге XXI в. можно говорить и мыслить по-разному, с демократических позиций, по иным идейно-нравственным принципам. Но тогда народ верил большевикам и их призывам

о социальной справедливости и не только верил, но и пошел сражаться за землю и волю. И горские народы поверили, что Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества, освободила народы от социального и национального гнета. В различных Постановлениях ЦК КПСС не раз подчеркивалось, что победа Октября – это главное событие XX в., коренным образом изменившее ход развития человечества.

Интересно в связи с этим привести сейчас, когда народы России вступили в XXI в., слова известного писателя Герберта Уэллса, который убежденно заявил, приветствуя пятнадцатую годовщину Октября: «Я считаю Октябрьскую революцию одним из важнейших событий истории. Она коренным образом изменила идеологию всего мира; все вышедшие романы и пьесы, публицистические и исторические труды написаны под ее влиянием»²⁰. Писатель Иоганнес Бехер говорил, что Октябрьская революция была не просто одной из революций: «... с ней начинается новый период в истории всего человечества, новое летоисчисление в морали и культуре»²¹. Эти определения сущности и роли нашей революции (не французской и не американской, русской, которая произошла намного позже, в 1917 г., и ее завоевания продолжались 70 лет) даны известными тогда в Европе художниками слова – Гербертом Уэллсом и Иоганнесом Бехером; список западноевропейских литераторов можно было бы продолжить. Но нет в этом большого смысла. Во всех рассуждениях и высказываниях подчеркивалось, что новый строй, возникший после русской революции, создал объективные предпосылки для проявления общественно-политической и трудовой активности масс, поднял их творческие силы и преобразил экономику и культуру. Считалось, что и малочисленному балкарскому народу, проживавшему в горах Северного Кавказа, революция принесла свободу и открыла дорогу к социальному и духовному прогрессу. Так считали писатели и поэты многочисленных народов северокавказского региона. На таких же позициях стоял и Кайсын Кулиев, когда писал в статье «Масштабом столетий» в журнале «Вопросы литературы»²²: «Революция дала горцам не только землю и свободу от угнетателей, она распахнула перед

ними двери к образованию, к всемирной культуре, она дала возможность горским языкам зазвучать на страницах книг и газет...»

Тема Октября, народных судеб и вождя революции, коренных перемен не только в судьбе одного героя, но и в жизни целого края продолжала развиваться в советской литературе и искусстве на протяжении всех семидесяти лет. Такой она явилась балкарцу Кайсыну Кулиеву в «Горской поэме о Ленине», аварцу Расулу Гамзатову в стихотворении «Горцы у Ленина», кабардинцу Алиму Кешокову в стихотворении «Рука Ленина», «Коммунисты» адыгейскому народному поэту Цугу Теучежу, которому в дни Октябрьской революции исполнилось 62 года. Это краткий перечень в пределах Северного Кавказа, а если взять масштаб страны, то можно назвать имена Р. Рзы («Ленин»), П. Бровки («Всегда с Лениным»), А. Балтакиса («Ленин в Вильнюсе»), М. Миршакара («Ленин на Памире»), С. Хакима («По зову Ленина»), А. Вознесенского («Лонжюмо»), С. Орлова («Ода революции»), Е. Долматовского («В начале века») и т. д. «Вступаю в поэму, как в новую эру вступаю», — признавался поэт Андрей Вознесенский. Стремление постичь суть происходивших в России социально-политических явлений, обнаружить и объяснить художественным словом нравственно-духовное обновление жизни в целом советского общества и отдельного человека заставляло поэтов и писателей вновь и вновь обращаться к постижению истории через образ Ленина — вождя и человека. Поэтому и Кулиев с именем Ленина связывал свою личную судьбу, когда выводил эти строки в «Горской поэме...»:

Какую б славу без него стяжал
Я на забитом одноухом муле?
В какой обиде дедовский кинжал
Старинной местью обагрил в ауле?

Так я и жил бы, тяжесть скал кланя,
И тлел душой, как уголь у жаровен.
И Лермонтов не встретил бы меня,
И для меня б не ликовал Бетховен...

Постараемся понять их, писавших в XX в. о том, что, вероятно, их волновало, и они старались выразить мнение масс, от имени которых они выступали, на страницах идеологической печати. Другой печати не было, и вся интеллигенция была своеобразным рупором выражения идей правящей партии. Так, во вступлении к исторической поэме «Восстание бжудугов» Цуг Теучеж обращался к «счастливой нашей молодежи, выросшей под советским солнцем», с призывом беречь и любить «новый мир», полный «красоты и благородства». Сейчас это звучит почти иронично, зная, сколько погибло молодежи в годы Гражданской войны, в годы раскулачивания, в годы репрессий, Великой Отечественной войны и т. д. Но тогда ашуг славил Октябрьскую революцию и новый мир, давший трудовому народу «радость свободы». В одном из стихотворений он убежденно и, по всей видимости, искренне писал:

На душе у меня легко и светло
От нашей жизни новой,
Сроднившей нас со счастьем.

(Подстрочный перевод)

Для поэтессы Карачаево-Черкесии Халимат Байрамуковой идеи Октября пришли через русский язык, на котором разговаривал Ленин:

... Мне с русским языком
открылось наше богатство,
И строфы Пушкина, и ленинская мысль...

Не только для карачаевцев, но и для черкесов, абазин, осетин, ногайцев, аварцев и многих других народностей, проживающих на Северном Кавказе, русский язык (по мнению той же творческой интеллигенции) стал вторым родным языком, испытанным средством межнационального общения и сотрудничества. Теперь, то есть в конце 90-х гг. XX в., это мнение несколько изменилось, оно, скорее, негативное, но тогда, в 60-е гг., адыгейский поэт Киримизе Жанэ писал о русском языке так:

Ты богат словами, как весна цветами,
Русский выразительный язык.
Ты помог родиться дружбе между нами,
Русский выразительный язык.
Без тебя б остались мы в теснинах узких,
А с тобой нам целый мир открыт.

В начале 2000 г. миграционная служба подсчитала огромные цифры о беженцах (русскоязычного населения), которым нет места в Чечне и Киргизии, Латвии и Литве, Таджикистане и Узбекистане, Казахстане и на Украине, Грузии и Азербайджане. Его (русскоязычное население) стали ущемлять в правах после развала СССР, эта катастрофа в судьбах многих народов и народностей, отдельных людей и коллективов. Научная и поэтическая мысль еще вернется к этой драматической истории, чтобы постичь духовные потери в этнокультуре российских людей.

Неужели тогда, на заре Советской власти, и после полувека ее существования все великие и невеликие ашуги и писатели кривили душой, шли против собственной совести, когда славили русскую революцию, русских людей и русский язык?! Великий ашуг Дагестана Сулейман Стальский поэтический образ революции воплотил в торжественном стихотворении «На свержение царя». Его стихотворение стало политическим откликом на февральскую революцию: «Я рад, что больше нет царя!» — ликовал лирический герой, как бы выражая чувства всех горских трудовых масс. В дальнейшем лезгинский поэт обращался к революционной России, ставшей, по его словам, «общей судьбой всех» в стихотворении «Россия, мне откликнись ты!» (1919) и в поэтическом обращении к самому себе «Жди, Сулейман, большевиков», в котором ашуг пришел к оценке значения победы Октября и исторической миссии партии большевиков в судьбах горских народов:

Жди, Сулейман, большевиков!
Прогоним всяких Колчаков,
Чтоб край родной не знал оков,
Свободною страну стал.

В кабардино-балкарской литературе одним из первых произведений, утверждавших жизненность идей Октября, его роли в судьбах малочисленных народов, были стихотворения родоначальников кабардинской и балкарской поэзии – Бекмурзы Пачева и Кязима Мечиева. Так, тема революции и Ленина прозвучала в стихотворениях «Рождение жизни», «Песня о Ленине», «Ленин живет» Бекмурзы Пачева. В стихотворении «Ленина сила – морю подобна», написанном в 1920 г., он создал незабываемый образ вождя на фоне революционного движения масс:

И, вал подымая за валом,
полчища вражьи топила –
морю подобная сила,
правды ленинской сила.

С этими поэтическими строками были созвучны слова, сказанные почти в то же время классиком балкарской литературы Кязимом Мечиевым:

... Ленин – оплот, что вовеки нетленен,
Он – крепче родных наших гор.
Я к Ленину шел – и пришел ко мне Ленин,
И стал я сильнее с этих пор.

Перевел С. Липкин

По мнению поэта, Ленин – не только оплот народной силы, но и олицетворение стремлений людей к лучшей жизни и свободе:

Смотрите: вершина белеет высоко –
Так Ленин пред нами встает.
Он цепи разбил и народы Востока,
Повел за собою вперед...

Перевел С. Липкин

Так писал К. Мечиев в 1924 г. в стихотворении «Ленин», и не мог он предположить, что через 20 лет он и его маленький народ будет насильственно выслан из пределов отчей земли в Среднюю Азию, и он там умрет от голода, а его могилу будут долго разыскивать, чтобы похоронить

с почестями его прах на родине в 90-е гг., а точнее, через 75 лет после написания стихотворения «Ленин».

Почти такую же судьбу пережил и старейший балкарский поэт Саид Шахмурзаев, познавший депортацию. Но судьба была к нему более благосклонна: он вернулся на родину в 1956 г. живым и умер в своем ауле Верхний Чегем в преклонном возрасте. Его оплакал Кайсын Кулиев в произведении «Реквием Саиду Шахмурзе – поэту из Чегема» (1978):

Это – родина наша с тобой, дорогой мой Саид,
Мы уходим, она остается стоять, как стоит...

Вспоминая свою дружбу с Саидом Шахмурзаевым, Кулиев в этом «Реквиеме...» не обошел и тяжелые годы депортации, почтил память Кязима Мечиева, умершего на чужбине:

Было все. И Кязим наш остался в далеком краю,
Хоть и в доброй земле, но – в чужой. Ты же – в землю свою
Был опущен в Чегеме родном. А настанет мой час –
Вновь соседство сведет навсегда под вершинами нас.

И он, известный поэт Саид Шахмурзаев, тоже написал в 1924 г., как и Кязим Мечиев, стихотворение «О Ленине». Стихи о Ленине Мечиева и Шахмурзаева вошли в школьные хрестоматии, и школьники хорошо их знали. В подтверждение наших слов можно привести слова Кулиева: «На днях снова я слушал в школе в селении Ак-Су кязимовские стихи об Ильиче в исполнении десятилетней школьницы. И был в этот весенний день вновь возвращен памятью к тем годам, когда сам также читал в чегемской школе эти же стихи о Ленине, не думая и не ведая, что они станут классикой родной поэзии» (ЛГ. 1970. 22 апр.). После крушения Советской власти учебники переиздали, и этих стихов никто не знает. Забыт почти и поэт Саид Шахмурзаев. Так распорядилась история.

Итак, первые стихи Бекмурзы Пачева, Кязима Мечиева, Саида Шахмурзаева стали началом и основой кабардино-балкарской поэтической Ленинианы, осмысления темы Октября, судеб горских народов после революции и

отдельной человеческой судьбы. Впоследствии эта местная поэтическая Лениниана пополнилась многими поэтическими произведениями разных по возрасту и национальности поэтов. Так, В. И. Ленину и Великому Октябрю (так было принято в печати: Великий Октябрь писать только с большой буквы!) посвятили свои стихи Али Шогенцуков («Ленин»), Лиуан Губжоков («Ленин с нами», «Ленин»), Зубер Тхагазитов («Портрет Ленина»), Амирхан Ховпачев («Ленин — наше солнце»), Тау-Султан Шаков («Песня о Ленине»), Максим Гетгуев («Ленин с нами»), Берт Гуртуев («Октябрьская песня»), Жанакант Залиханов («Не умер, не умрет Ленин»), Керим Отаров («Подняв высоко ленинское знамя»), Ибрагим Бабаев («Ленин и Октябрь») и почти все другие кабардинские и балкарские поэты и прозаики. «Если бы написать историю советской литературы народов Кавказа, — писал дагестанский поэт и прозаик Эффенди Капиев, — она началась бы с песни о Ленине. Горцы, в большинстве своем не имевшие в прошлом письменной литературы, приобрели ее вместе с Советской властью, вместе с именем Ленина»²³.

Кайсын Кулиев не был в этом отношении исключением. Он, как и все его предшественники и его современники, стал задумываться о судьбе горцев за прошедшие 70 лет (как однажды он выразился, надо мыслить масштабом столетий). Поэтому нет ничего удивительного в том, что он успешно продолжил традиции собратьев по перу в художественном осмыслении трагического и гуманистического содержания Октябрьской революции, ее значения для формирования и развития человеческой личности представителей народов Северного Кавказа и для судеб целых наций. Дело не в том, о ком написано, а как?!

Итак, к теме Октября и Ленина Кулиев обратился еще в начале своей литературной деятельности. Стихотворения поэта, такие, как «Ночью в горской сакле» (1938), «Праздник Октября в ауле» (1955), «Первый урок» (1956), «Великое братство» (1957), явились оригинальной трактовкой этой темы и отличались национальной самобытностью. Ленин интересовал Кулиева и как вождь русской революции, государственный деятель, и как человек, с именем которого была связана вся жизнь советских

людей. «... В моих стихах, — сказал Кулиев на страницах «Литературной газеты» за 22 апреля 1970 г., — не было ничего примечательного, кроме искреннего желания сказать свое слово о человеке и вожде, именем которого была полна жизнь вокруг меня с самого моего детства». К этой теме он приступил после долгих раздумий о судьбах его народа и своей собственной судьбе; после поисков жанра, формы, сюжетно-композиционного решения поэт приступил к работе. «Я очень хорошо представлял себе, как трудно решиться писать о Ленине, какую огромную ответственность берет на себя человек, взявшийся за эту тему. Все это я вполне осознал, — и все же наступил момент, когда я понял, что не могу не писать о Ленине», — сказал Кулиев в 1969 г. — в предъюбилейный год вождя. Через год поэт писал: «... Мне хотелось написать поэму, не повторяя никого, найти ту единственную форму, тот язык и стиль, которые были бы для меня органичными и естественными так же, как скалы и чинары для моего родного Чегемского ущелья. Мне хотелось рассказать о Ленине истинным языком моей земли, то есть просто»²⁴. Таков был замысел поэмы и таково было желание Кулиева. В статье «Песня убежденного сердца» литературовед Наталья Капиева как бы дополнила сказанное поэтом: «В свое слово о Ленине Кайсын вложил все, что издавна любит, чем жива его поэзия. Вот почему поэма его горская. Порой она звучит как биография... И если все же это биография, то явно биография не одного человека, а целого народа...»²⁵

Поэма была написана в 1956 г. после возвращения Кулиева из ссылки и реабилитации его родного народа. В 1962 г. она была переведена на русский язык замечательным поэтом, опытным переводчиком Михаилом Дудиным, затем на многие языки народов СССР. Это лироэпическое произведение получило высокую оценку в нашей стране и за рубежом, но не потому, что поэма была написана на политическую тему, была злободневна. Или, как теперь говорят, была актуальна, идеологически выдержана, соответствовала принципам социалистического реализма, а потому, что поэма была подлинно народной, высокохудожественным произведением. Идеино-эстетическая мощь и художественная глубина «Горской

поэмы...» делали ее интересной для читателей, потому что она захватывала их непосредственно судьбой простого горца-бедняка, добившегося осуществления своих желаний и мечтаний. Кроме того, мироощущение почти всех героев «Горской поэмы...» оказалось близким и понятным всем. Возможно, поэтому сам автор получил много писем, касавшихся поэмы. Они хранятся в Центральной госархивслужбе КБР. Было много опубликовано и критических статей литературоведов, писателей, поэтов с анализом «Горской поэмы...». Это работы Л. Арутюнова «Черты великого образа», В. А. Зайцева «В. И. Ленин в современной советской поэзии», Н. Капиевой «Песня убежденного сердца», Т. Е. Эфендиевой «Октябрь и судьбы горского народа в творчестве Кулиева» и многих других.

Кулиев обратился к лироэпическому жанру, чтобы глубже осмыслить и воссоздать жизнь балкарского народа, судьбу крестьянского сына. Поэма состояла из восьми глав. Почти каждая из них – важный этап в духовном становлении героев поэмы (Бекбулата, горского мальчика и др.). Поэт довольно подробно знакомил с бытом, традициями, нравами, невзгодами и маленькими радостями балкарцев, у которых, как и у всех жителей гор, «словно щели, узки огороды».

А дворику пространства нет совсем,
Лишь для беды такая щель просторна,
Бесплодный камень холоден и нем.
Из камня горец выжимает зерна.

Но трудолюбивые горцы жили в своем отчем крае и добывали пропитание семье охотой и скотоводством. Склоны у подножия гор, покрытые травой, и высокогорные пастбища были их спасением от нужды. Выращивать хлеб в горных селениях жители не могли: они привозили зерно с равнин.

С ослиным стойлом огород сравним,
Где к двум ослам не поместится третий.
И кукурузу горец вез с равнин,
И зернам нартов радовались дети.

Дети радовались хлебу, а взрослые улыбке детей. Так воссоздавал горскую жизнь в повседневно-бытовых картинах, лишенных кавказской романтики, Кулиев, это все то, что он испытал сам.

В центре поэмы – опыт жизни балкарского народа, проведенный через судьбу и душу лирического героя. Точнее, в поэме две судьбы – Бекбулата и его младшего друга – поэта из Чегемского ущелья, жизнь которых была такой же трудной, как и всех земляков:

...Что много мўки в сердце. А мук
Ни горсточки, в переднике – заплата.
Как эти годы детства далеки...
А я, как брата, помню Бекбулата.

.

Вот Бекбулат у сванов, в стороне
За перевалом, недоступной глазу,
Два яблока выпрашивает мне,
А я не видел яблока ни разу.

Автобиографическая в своей основе поэма повествовала об истории жизни балкарского народа до революции и после нее. Стремление к постижению судьбы горца-бедняка, времени и тех изменений, которые пришли с новой властью, дано поэтом во взаимосвязи с историческими событиями и формированием национального самосознания горских масс.

Таким бедняком в ауле был горестный Азамат, которого преследовали беды и несчастья, но и они были объяснимы:

Он не сумел своих детей спасти –
Позвать врача или добыть лекарство.
В долинный мир отрезаны пути
Из диких дебрей каменного царства.

Учителем в селе был Бекбулат. От него маленькие горцы впервые слышали имя Ленина и увидели его на портрете («Нам тот портрет учитель показал...»). Так мальчик-подросток впервые встретился с этим именем. А спустя сорок лет, став поэтом, ему захотелось рассказать о вожде через собственную судьбу – судьбу сына

пастуха из далекого горного аула, который впоследствии приобщился к свету культуры, узнал, что на свете есть такие великие сокровища, как создания Шекспира, Пушкина, Гете, Бетховена, Шопена. Балкарский мальчик, дед и отец которого не знали грамоты, не забыл, что однажды первого сентября он переступил порог школы.

О, первый день литого сентября,
Парча чинар и холодок ракиты,
Лет паутинок первых! С букваря
Все книги мира предо мной открыты.

Этот день стал незабываемым, потому что с него началось приобщение к знаниям («Сын пастуха... весь мир увидеть поднялся на гору»). С этого времени для героя открылись «инога мира солнечные створы». Знания дали уверенность в себе и в жизни, ощущение неразделенности своей судьбы с судьбой родного края. Герой приобщался к культуре человечества. В этом ему помогали и русские люди – первые учителя и наставники. Поэтому не случайно в поэме отводилось большое место теме первой аульской школы, которую строил русский мастер вместе с горцами, а потом «весь аул, как мотыльки на свет, спешил сюда полюбоваться школой», теме первого сентября, когда маленький горец получил букварь с красивыми картинками. Эта книга произвела на мальчика неизгладимое впечатление:

И в первом классе, праздником даря,
Мне дал учитель книгу и тетрадки.
Я даже в снах картинку букваря
Рассматривал, листая по порядку.

О книга книг! Утеха из утех!
В душе моей она жива навечно,
Всех книг открытей и красивей всех
Я ей навек признателен сердечно.

И пахла, словно яблоки, она,
Как дорогой подарок Бекбулата,
И детская душа моя сполна
Открылась ей легко и без возврата.

Почти целая глава посвящена этой скромной книге, потому что она была первой ступенькой к духовной культуре, основой формирования национального сознания и началом светлой мечты. Букварь и первый учитель — неразделимые понятия. Они остались в сердце поэта на всю жизнь. Им он посвятил лучшие строки поэмы:

Борис Игнатьич, мой учитель! Вы
Мне подарили Лермонтова слово.
Я вижу очерк вашей головы,
Снег седины, спадающей сурово.

И через многие годы поэт не забыл милые и дорогие черты, весь внешний облик учителя, по-доброму относившегося к шалостям своих учеников и одновременно строгого и требовательного:

Улыбку глаз под чеховским пенсне,
Когда Вы так внимательно глядели,
Наверное, вспомнив о своей весне,
На дождь в окне и горные метели.

Обращаясь к нему с чувством большой благодарности, сознавая свою искреннюю любовь и запоздалость признания, Кулиев оставил пронзительно светлые, волнующие каждого строки:

Борис Игнатьич! От души моей
Открытой миру вашей доброй силой,
Я этот стих, как песню соловей
Оставляю вам над вашей могилой.

Это от всех горцев — всем первым русским учителям, которые из благородных побуждений оставляли городские квартиры со всеми удобствами, налаженный быт и уезжали в неведомое и трудное, порой не оцененное по заслугам, забытое далеко.

Но добрые поступки не забываются благородными душами. Кайсын, как духовный выразитель этнокультуры, не забыл, какую роль сыграла в национальном самосознании горцев первая школа: она помогла дать ощущение подлинной свободы, свободы духа человека в обществе и во Вселенной.

А наша школа посреди двора
Под новой крышей радовала взоры,
Вставала над горами, как гора,
И наши души поднимала в горы.

Итак, школа для горцев – это духовное начало, свобода духа («И наши души поднимала в горы»). Так, вероятно, мыслил Кулиев и воспевал в «Горской поэме...» то, что было ему дорого.

Приобщение балкарского народа, проживающего в основном в горных районах и ущельях Кабардино-Балкарии, к знанию и культуре – это не только определенный шаг вхождения в систему мировой цивилизации, но и одна из необходимых сторон сферы межнациональных отношений, которых были лишены многие горцы, проживавшие в самых отдаленных, труднодоступных местах. О прошлом опыте жизни своего народа, который был «прикован к скалам, спрятанным в тумане», Кулиев рассуждал не раз. В «Горской поэме...» поэт также рассказал о том, как горцы мечтали об иной жизни, хотели найти дорогу к социальной справедливости, миру с соседями, к взаимопониманию:

Его герои к золотой поре
Мечтой тянулись из ущелий тесных
И гасли так, как звезды на заре.
Их имена навек остались в песнях.

Проходили годы. И жизнь многих поколений никому не известного маленького балкарского народа проходила в окружении бесплодных камней, холодных и немых, в тяжком труде и в людских печалях. Так, по данным переписи 1897 г., неграмотные среди горцев Кавказа составляли 98 процентов (из книги «Состояние национального просвещения на Северном Кавказе». Ростов-на-Дону, 1932. С. 3). В «Горской поэме...» этих цифр нет, но есть поэтическое правдивое слово художника о своем народе, след которого «петлял по осыпи камней, ущельями, кинжальной уже раны».

Был мой народ, как древний Прометей,
Прикован к скалам, спрятанным в тумане.

Тема народа и истории тоже органично вошла в поэму. При этом историческое сознание поэта и его «Горская поэма...» обращены не только в прошлое, но и в настоящее, и даже в будущее. Дело в том, что Кулиев отражал прошлое своего родного народа через собственное видение, сквозь пережитое им и осмысленное, начиная с первых послереволюционных лет до 60-х гг. XX в.

Он камнем стал в теснинах рыжих скал,
Свой хлеб из камня выжимая черный,
Но только камень жалобы слышал
Души народной о судьбе упорной.

Высокие, исполненные истины и гордости за мужественных горцев мысли Кулиева не были какой-то отдельной частью поэмы. Они естественно входили в исторические и современные события, отображенные в ней. А лирические отступления поэта стали теми социально-нравственными пружинами, которые раскрывали философскую суть поступков горцев, их интересы и помыслы. История балкарцев для Кулиева была не простой цепью событий без определенной цели, а необходимым и объективным процессом, в котором побеждал человеческий разум, дух свободы и гармоническое слияние людей с родной природой. Гармония духа — необходимое условие жизни, а трудности переносить, бороться с препятствиями для балкарского народа — это так же естественно, как дышать.

Он сонмы звезд бесчисленных глядел,
Ждал откровенья разуму и глазу.
Не раз без хлеба на воде сидел,
Но мужества не уронил ни разу.

Мужество — это главная черта национального характера, и Кулиев старался опоэтизировать это качество горца, показать, как она оттачивалась, в какие бы беды ни попадал горец и что бы с ним ни случилось. Оптимизм и мужество жили рядом в быту и на бранном поле:

Он песни пел. Как звезды, в них жива
Тоска и боль. Их давний путь просторен.
И мельницы крутили жернова,
Хоть ран на сердце было больше зерен.

Он – это балкарский народ, испокон веков живший по своим традициям и горским законам, и от самой колыбели его сопровождали героические песни и сказания о нартах-богатырях, которые тоже жили по своим правилам и законам:

Разноголосы в мире соловьи,
По-разному текут ручьи и реки.
В ауле каждом правила свои,
И голос свой дан каждому навеки, –

так начиналась шестая глава поэмы, в которой гимном звучали строфы о народе и его исторической судьбе. По своей сути эта глава посвящена «рыцарям свободы», то есть горцам, национальные черты характера которых воспевал поэт, находя для этого яркие эпитеты и удачные сравнения:

Как солнца свет, светили до конца
Через обиды, горечи и годы,
Кровоточа, отважные сердца
Твоих абреков – рыцарей свободы.

Постигая закономерности развития исторических событий и их значение в успешном разрешении национального вопроса, взаимоотношении людей различных национальностей, Кулиев старался выразить то новое, что так привлекало людей – равенство в политических правах. Это то, что вошло в жизнь народов нашей многонациональной страны за целую эпоху в истории социального прогресса. При этом лирическое повествование о собственной судьбе поэта становилось рассказом о судьбах отдельных горцев (бедняк Азамат, учитель Бекбулат, горянка Бисли); ссыльных русских (рабочий Михаил, учитель русского языка и литературы Борис Игнатьевич), соотнесенных с движением истории балкарского народа, с исторической судьбой России и ее народа, перенесшего в борьбе за революцию, как и другие народы бывшей царской России, неисчислимые жертвы и страдания. Обращаясь к своему народу, поэт в который раз восхищался его душевными качествами; не переставал широко пользоваться устной народной поэзией, мудрыми народными изречениями:

Ты сам сказал, что «мужество души
Ломает скалы», — и поверил в это.
Светильника души не потушил —
Пронес его до самого рассвета.

Процесс формирования национального сознания и национального самосознания горских масс имел постепенный характер, и в поэме это нашло художественное отражение. Историческая роль народа показана просто и убедительно при помощи развернутого сравнения и образности как особой формы отражения событий 1917 г.:

И мужество, которое ты нес,
Орлиным взмахом развернуло крылья,
Арбу насилья сбросив под откос,
Отрезав в горы все пути насилям.

Так шло пробуждение сознания и духовное пробуждение горцев, которые впоследствии стояли насмерть в боях за волжскую твердыню, в предгорьях Кавказа, под Москвой и Курском, защищая свободу и независимость родного края, спокойствие жен и матерей, мирную жизнь стариков и будущее своих детей.

Композиция поэмы определялась не хронологией событий, не биографическими фактами из жизни поэта, а поэтическим замыслом. Поэма многопланова. Одной из проблем, которую решал Кулиев, являлась проблема вождя и народа и связанная с ней тема власти и поэта. Извечные темы в художественной литературе. На протяжении нескольких глав Кулиев стремился показать образ вождя через судьбу балкарского народа, историю его жизни. У балкарцев, как и у любого народа, своя судьба, свой житейский и исторический опыт. Обращаясь к своему поколению, поэт восклицал (потому что он слишком хорошо знал, через что прошел в XX в. его небольшой народ, какие страдания и муки выпали каждой семье):

Ты все познал, мой каменный народ,
Свои дороги не коврами выстлав!
И жизнь твоя в пословицах живет,
Исполненных трагического смысла.

Вся шестая глава посвящена родному народу, который «светильника души не потушил – пронес его до самого рассвета», который стремился к прогрессу, к знаниям, шел сквозь дебри и бои, «чтобы видеть дальше – подниматься выше». Вождем масс в начале XX в. в России стал Ленин. Его утопические идеи (как теперь утверждают ученые и теоретики) увлекли трудовые народные массы, поднявшиеся к историческому творчеству. Вождем угнетенных народов в России стал Ленин, а проводником его идей стала созданная им партия. Балкарский народ не был исключением в истории Российского государства.

Образ вождя Кулиев стремился показать через художественные образы других людей, их глазами, через людские судьбы. Это прежде всего русские люди, русский рабочий Михаил и учитель Борис Игнатьевич, которых судьба занесла в этот отдаленный аул Балкарии. Михаил оказался здесь потому, что был сослан на Кавказ, от него в девятнадцатом году портрет Ленина попал к горцам в аул. До этих событий они не знали ничего о вожде и никогда не видели его фотографии («Не узнаю», – сказала Халимат тогда и наклонилась над портретом. А он для сына был родней, чем брат. Откуда знать она могла об этом!..»). Старшее поколение ко всем новшествам относилось настороженно, с опаской. Консервативный быт аульчан был ближе, понятнее, а что их ждало в будущем, то «все было в руках Аллаха, справедливого и милостивого». Так примерно рассуждали старые горцы, привыкшие к своим традиционным устоям, к своим мусульманским заповедям, обычаям и традициям.

Не знали мы в то время наперед,
Какие бури прогремят над нами,
Что наша юность кровью истечет,
но не уступит ленинское знамя,
Что мне придется с песней в поводу
Идти в огонь, поэту и солдату...

Так рассуждал поэт многие годы спустя, когда позади осталась в песнях Гражданская война («Дан приказ ему на запад, ей – в другую сторону, уходили комсомольцы на Гражданскую войну...»); оттремела пушечными выстрелами

лами, снарядами и атомными бомбами Вторая мировая, ушли в историю страшная депортация народов Северного Кавказа, послевоенная разруха и восстановительный период мирных очагов, городов и сел, заводов и фабрик...

Образ вождя воспринимался поэтом и через национальный характер Бекбулата, представителя более сознательной части горского населения, признавшего революционный, насильственный путь борьбы, и через лирические отступления, которые занимают последнюю восьмую главу. Она начиналась так лирично и задумчиво:

Все лучшее на свете для меня
В поэзии души – открытом храме –
Всей теплотой сердечного огня
Я сравниваю с гордыми горами.

Конечно, вождя поэт сравнивал «с гордыми горами». Лирический принцип – главный в поэме: воспоминания, раздумья – все дано через лирическое «я». На протяжении почти всей поэмы встречались искренние и взволнованные слова поэта о вожде партии большевиков, но не всего народа:

О знамя правды! Твой спокойный свет
Отводит бури, чист и неизменен.
И в целом мире выше слова нет,
Чем слово жизни, слово света – Ленин.

Отмечая эту особенность поэмы, известный критик нашей страны И. Гринберг писал в статье «Неиссякаемый источник вдохновения», что слова благодарности и восторга звучали искренне, сердечно, поскольку они подготовлены, подкреплены всем предшествующим рассказом, достоверно и проникновенно выразившем счастливый поворот в жизни народа и в судьбе поэта²⁶.

Работа над темой о Великом Октябре и его вожде была для поэта своеобразной школой глубинного познания истории и власти времени над людьми, когда в плену идей оказывались, вольно или невольно, самые светлые головы; средством осмысления закономерностей социально-исторического развития, судеб целых народов и реальной отдельной человеческой судьбы.

Вождь и народ, вождь и отношение к нему поэта — таковы два основных стержня поэмы, две сквозные линии, с которыми связаны все остальные образы и события, происшедшие в жизни горцев аула Верхний Чегем. На такой путь встал балкарский поэт Кайсын Кулиев, чтобы воссоздать, как и многие другие до него, образ вождя и человека, причем образ человека, скромного в быту, заботливого и трудолюбивого, удался лучше, чем образ вождя народов России и мирового пролетариата. Об этом явно свидетельствовала концовка поэмы с ее поэтическим сравнением:

Как внешним травам на лугах расти,
Шуметь деревьям, зеленью блистая,—
Так ленинскому знамени цвести
Над всей землею, гибели не зная!

«... ленинскому знамени цвести над всей землею, гибели не зная!» — это, вероятно, было больше похоже на благопожелание, чем на уверенность. Но в искренности поэту отказать нельзя, поскольку «Горская поэма...» — это не только эпическое описание судьбы балкарцев, но и взволнованная лирика — голос души поэта. Лиризм — существенная черта поэмы, на нее указывали все исследователи творчества Кулиева. Так, писатель С. Баруздин верно отметил в статье «Большой праздник», что «... все творчество этого большого мастера слова является поистине значительным явлением в литературе последних лет. Поэтическому голосу Кайсына Кулиева свойственно гражданское мужество, тонкий лиризм, человечность»²⁷.

Действительно, о чем бы ни рассказывал Кулиев в этой поэме: о жизни ли горцев-бедняков в том мире, «где горек хлеб и тяжела беда», о их ли борьбе за советскую власть, о первом ли учителе и друге Бекбулате, о своем ли посещении ленинской квартиры в Кремле, о рождении ли вождя в «благословенный апрель» и т. д. — всегда ощущалось присутствие самого автора, излияние его чувств и дум. Искреннее и глубокое волнение передавалось и читателю. Обаяние истинного поэтического слова безгранично. Секрет этого в самой форме повествования, которое шло от лица лирического «Я». В сугубо лирической строфе «Я всей душою в Ленина влюблен» пере-

давалось признание поэта, а следующая строфа «Я вечно славить Ленина готов» отражала отношение поэта к вождю и человеку, искреннюю, эмоциональную исповедь художника слова. Сейчас, на пороге нового тысячелетия, в 2000 г., когда нет поэта и когда многое изменилось в идеологии Российского государства, трудно судить потомкам Кулиева, что он делал правильно, а что нет. История рассудит современников вождя и поэта и расставит все по своим полочкам, согласно времени, в котором пребывали вождь и поэт, с его сугубо лирическими отношениями.

Лирические отступления проходили через все восемь глав. Есть они и в седьмой главе, в которой дана поэтическая картина весны в горах. Природа в горах — это особая тема, всегда волновавшая поэта. Она была для него образным отражением жизни, тем, как художник слова вообще понимал действительность. Итак, в поэме описан один апрельский день, когда «зазеленела горная земля, запенились чегемские извивы, и маки разбежались по земле». В это время в городе на Волге в семье русского учителя в тихий час рассвета родился мальчик. Это была, по мнению поэта, особенная, неповторимая весна для горцев, хотя как будто все оставалось по-старому: «Как всегда, готовился палач. И дожидались узники расстрела»,

А Азамат чужие гнал стада.
Цвела на склонах шапка зоревая,
И на пиру богатом тамада
Зевал, об утре не подозревая.

Не случайно, что в систему выразительных средств языка поэт ввел слова «утро» и «рассвет», помогавшие лучше и глубже понять идейный замысел поэмы. Эти слова символически олицетворяли смену одного государственного строя другим, возвещали близкое начало изменений в социально-политической и культурной жизни страны, и в частности, в быту и в общественной жизни горцев.

В следующем четверостишии поэмы в форме вопросительно-утвердительной интонации Кулиев выражал свое личное отношение к этим далеким тогда для него

политическим событиям XX в. и историческому факту рождения вождя пролетариата в одной из частей света:

Ткачи, как прежде, на работу шли,
Шахтер врубался в каменные своды...
Откуда знать в тот день они могли
О сердце народившейся свободы.

В этой части поэмы все сильнее ощущалось личностное, звучал особенный, сокровенный тон, который облегчал автору доступ к сердцу читателя. «Я вечно буду славить этот день, он для меня высоким светом светел», — восклицал поэт. И сливая свой голос с чаяниями народа, поэт прибегал к форме выражения мыслей через определенный поэтический прием — «мы»:

Мы без него бродили б, словно тень,
И горе нас развеяло б, как пепел.

Поэт славил не только тот апрель благословенный, блеск радуги над Волгою-рекой и синий воздух заливного луга, свет звезды, птичий разговор, дождя по крышам шум и перестуки, но и тех, кто был в непосредственном общении с вождем: «И сына выводящего во двор добрейшие внимательные руки...»

.
Ораву босоногой детворы, с которой
Ленин заигрался в прятки,
И тот букварь, прочтенный до поры,
в обложке синей школьные тетрадки.

Художественное воспевание природы России (покой березовой рощи, упавшая на траву лугов роса, разноцветные оттенки живых сполохов и т. д.) и подробное перечисление предметов (рано прочтенный будущим вождем букварь, школьные тетрадки и «школьный класс, гудящий роем пчел...») — все было подчинено образному отражению жизни маленького человека, призванного судьбой изменить ход развития Российского государства. Оно, то есть новое государство — СССР, в течение 70 лет шло (как тогда казалось) по собственному пути развития, но с

90-х гг. XX столетия все социально-экономические завоевания рухнули, идеалы были развеяны, и снова Россия начала долго искать свои национальные пути экономического и культурного развития, но уже без вождей мирового пролетариата и их поэтов, воспевавших, как тогда казалось, рождение новой эры.

Итак, анализируя последнюю, восьмую, главу поэмы, можно лишь удивляться стремлению поэта к мощному обобщению и в то же время к индивидуализированному изображению вождя. Кулиев начал эту главу с мысленного обращения к образу высочайших вершин Кавказа, потому что все лучшее на свете он сравнивал, как мы уже говорили, с гордыми горами. Этот фольклорный прием — обращение к Эльбрусу, — как нельзя лучше позволял высветить гений вождя, чистоту его помыслов и высоту свершений («все, что Ленин на земле свершил, — для всех веков великая вершина»). В этой части произведения лирика уступала место страстному пафосу, торжественной патетике как необходимым стилевым приемам в общей архитектонике поэмы для более рельефной обрисовки образа вождя, которого тогда все писатели награждали словами «гениальный», «непревзойденный», «светоч для всех веков» и прочими самыми высокими и прекрасными эпитетами. Этому стереотипу следовал и Кулиев, но со своей самобытной оценкой.

О мой Эльбрус! Ты и высок, и бел.
Таких вершин в Европе не отыщешь.
Но Ленин выше в развороте дел,
И мысль его снегов Эльбруса чище.

Глубина поэтического чувства, ощущение своей неразрывной связи с вождем, его идеями («За мир познания я в него влюблен, его идеям ревностный служитель»), восхищение чертами характера вождя как человека («А он был прост, сердечен и умен, внимателен и мягок, как учитель»), преклонение перед его умением заглядывать в будущее («Построить мост в грядущее сумев, он строил планы, чей размах огромен»), — все это давало Кулиеву моральное право говорить о вожде от своего имени и от имени балкарского народа:

Он был в дерзании революций смел,
Народы за собою поднимая.
И он умом мира обнять умел,
И был задумчив, как поэт, мечтая.

Многогранный духовный облик вождя (будем считать) показан убедительно: он и «умом мира обнять готов», и мог романтически мечтать, как поэт. Да, таким представляли вождя все прозаики и поэты. Вспомним слова писательницы Марии Прилежаевой, тогда известной в Союзе, которая писала в статье «Путь к великому образу»: «Мир Ленина — это высокие политические идеи, революционная мысль, титанический труд, и это — самые сильные, яркие чувства, любовь, дружество, нежность»²⁸.

А вот что писала о его духовной жизни и широте интересов, в частности об отношении вождя к музыке, его жена Н. К. Крупская в сборнике «Воспоминания о Ленине»: «...очень любил слушать музыку... Любил пианино... Любил сонаты «Патетическую» и «Апассионату»²⁹. Интересно в связи с этим привести воспоминания Кайсына Кулиева (когда он впервые посетил квартиру вождя в Кремле) в статье «Масштабом столетий»: «То, что я увидел, потрясло меня, — писал Кулиев. — Вождь революции, создатель Коммунистической партии и Советского государства, руководитель великой страны, жил в трех небольших комнатках, с самой скромной мебелью, где, кроме Надежды Константиновны, жили еще и сестра Владимира Ильича со своим сыном!

Не меньшее впечатление произвел на меня ленинский кабинет Совнаркома. И вот что особенно меня тронуло. Я и раньше знал, что Владимир Ильич любил поэзию, в частности, тех поэтов, которые особенно дороги мне, — например, Верхарна. Но как я был растроган, когда узнал, что в своем рабочем кабинете председатель Совнаркома держал томик Тютчева! Ведь для меня имя Тютчева — святое имя. Он из тех поэтов, к которым я с юности относился с обожанием, со стихами которых не расставался даже на фронте. И вот том этого поэта я вижу здесь... Тут же я разглядел книгу с надписью «В. А. Жуковский». И снова подумал: как это прекрасно, что глава правительства первого в мире государства имел в рабочем кабинете книги тончайших лириков и при всей сво-

ей невероятной перегруженности, занятости, усталости, иногда находил несколько минут, чтобы раскрыть эти книги! О какой культуре, каком высоком духе говорит это!»³⁰ В поэме это впечатление нашло художественное отражение в строфах:

Я всей душою в Ленина влюблен.
Он для меня — всегда орел в полете.
И вижу я, как раскрывает он
Том Тютчева в старинном переплете...

В духовном общении с вождем Кулиев видел нравственную и идейную опору своего современника, поскольку, как тогда полагалось думать, ленинская школа жизни являлась для всех примером восхождения к идеалу; считалось, что, прикоснувшись к миру вождя, люди становились «добрее сердцем и душой выше», что у них якобы возникало желание ощутить сердцем вождя, приобщиться к его делу, его идеям. Примерно так, как это случилось с другом поэта Бекбулатом после того, как они вышли из квартиры вождя, побывав на экскурсии в Москве:

Бекбулат в метели снеговой
Сказал слова с неповторимой жаждой:
Что мы сегодня видели с тобой,
Увидеть должен на планете каждый.

Был, вероятно, уверен Кулиев и в другом (как и многие его современники), что идеи вождя бессмертны и будут еще долго влиять на судьбы мира, человеческую культуру и цивилизацию:

Он больше всех для радости людской,—
На свете сделал и оставил свету,—
И в горести, и радости простой
Зовет вперед. Иной дороги нету!

Это почти концовка восьмой, последней главы, выражавшая светлый, оптимистический пафос произведения. Грустно думать, что поэт горько ошибся в предсказании бессмертия и жизненной силе идей первого вождя трудящихся масс, безнадежно ошибся в том, что вся жизнь и

деятельность людей должна строиться на верности ленинским идеалам. Зря стремился и призывал к этому замечательный лирический поэт Кайсын Кулиев! Все ленинские идеи и принципы сейчас забыты.

В творческих планах Кулиева был замысел: продолжать работу над «Горской поэмой...». Он даже придумал название – «Живой как жизнь». Но планы не были осуществлены. Поэт не написал после «Горской поэмы...» ни одной строчки. В архивах материалов и набросков к новой поэме нет. Может, наступило разочарование и поэт прозрел, а могли быть и другие причины.

Был у российского многонационального народа и другой вождь – Сталин, о котором также много писали и которого славили поэты и писатели. Но Кайсын Кулиев никогда о нем не писал ни поэм, ни од, ни стихотворений, даже упоминаний нет в статьях о литературе. О последующих первых секретарях ЦК КПСС – Хрущеве, Брежнев, Андропове, Черненко – художественная литература умалчивает. Известный историк Рой Медведев написал книгу «Н. С. Хрущев. Политическая биография» (М., 1990), а Ю. В. Аксютин составил сборник статей «Никита Сергеевич Хрущев». Материалы в биографии (М., 1989). После перечисленных выше правителей был в жизни Российского государства первый Президент России – Борис Ельцин. О нем написано несколько книг, были и биографические воспоминания. В частности, Александр Коржаков написал книгу «Борис Ельцин: от рассвета до заката», которая вышла в издательстве «Интербук» в 1997 г. (479 с.). Генерал-лейтенант Александр Коржаков, занимавший пост руководителя Службы безопасности президента, эпиграфом к содержанию книги взял слова Талейрана: «Целые народы пришли бы в ужас, если бы узнали, какие мелкие люди властвуют над ними». О втором Президенте – Владимире Путине – тоже написаны книги. Он принял в мае 2000 г. клятву жить для народа, соблюдая его интересы. А двумя месяцами раньше, 7 марта 2000 г., была подписана в печать книга «От первого лица: разговоры с Владимиром Путиным». М.: Вагриус, 2000. 190 с.

Простой народ, народ-труженик, о котором писал М. Горький, что его руками создается все: от сложней-

ших приборов до современных машин, — не добром вспоминает своих вождей; в его социальной памяти остались бесчисленные беды и страдания, связанные с революцией, Гражданской войной, раскулачиванием, когда погибло трудовое крестьянство; необоснованными в своем большинстве случаев репрессиями; Второй мировой войной; депортацией; тяжким послевоенным голодом и разрухой; с денежными реформами, когда отбирались у народа последние жалкие гроши, накопленные им с большим трудом на похороны, на старость и болезни... О драматической истории россиянам напоминает временами искусство в его различных художественных формах и видах — игровое кино, живопись, скульптура, театр, фотодокументы, художественная литература.

ГЕРОИКА ПОДВИГА КАК ОДНА ИЗ ИДЕЙНО- ПРАВСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ В ПОЭМЕ «ПЕРЕВАЛ»

В мире вечен лишь только подвиг

К. Кулиев

Тема подвига в поэме «Перевал» трактовалась в связи с социально-общественным содержанием жизненно важных нравственных проблем современности 60-х и 70-х гг. XX в. Одной из подобных идеологических проблем этого времени было воспитание молодежи на героических традициях старшего поколения. «Все лучшее, что накоплено нравственным опытом нового общества, — говорил тогда Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, — мы должны передать молодежи, каждому юноше и девушке...»³¹ Это было указание партии для всех, кто так или иначе имел отношение к молодежи, начиная от учителей средних школ до писателей и поэтов.

Кайсын Кулиев по-своему подошел к освещению этой важной гуманистической проблемы — вопросам воспитания молодежи, преемственности героических традиций старших поколений.

Тяга к героическому, философскому, философски-поэтическому осмыслению истоков подвига, выявлению роли славных традиций старшего поколения в воспитании молодежи — все это выступило в сложном взаимодействии лирических и эпических начал глав, подчиненных логике мысли и чувства поэта в поэме «Перевал».

Кулиев обратился к сложному вопросу — о смысле жизни и назначении человека, — стремясь раскрыть глубинную суть поступков людей старшего поколения и молодежи на примере двух героев: отца и сына. Через индивидуальное своеобразие героев поэмы «Перевал» поэт раскрыл общее и закономерное для поколений советских людей. Поэма «Перевал» — это гимн смелости и мужеству людей, способных на самопожертвование ради жизни других.

Остановимся подробнее на содержании поэмы, чтобы понять ее идейную направленность, мысли и чувства поэта.

Главный герой поэмы — врач Азрет — в страшную бурю, без дороги, по крутизне еле заметных тропинок («туда добраться может только пеший, вслепую пробираясь наугад») решил перейти через перевал, чтобы спасти мать при родах и дать жизнь новому гражданину. Азрет знал, что «... там, в ауле, на границе смерти,

Два сердца догорают, как свеча.
Он человек, и он дойдет, поверьте, —
И молча дожидаются врача.
Там ждут врача, и там глядят с надеждой
В седой туман, нависший над горой.
Кто проскользнет под буркой бури снежной,
Через разгул метели гулевой?

Перевел М. Дудин

Охваченный тревогой за судьбу женщины, Азрет решил идти. Его отговаривали товарищи, но Азрет не может быть малодушным, не может быть трусом. Он присягал клятвой Гиппократы. Кроме того, перед ним пример отца, погибшего на Ленинградском фронте в годы Великой Отечественной войны, который

О том не думал в свой последний час,
Что упадет в бою однажды в землю мертвым,
А выполнял своей земли приказ.
И я пойду! —

убежденно сказал Азрет: иначе он не вправе будет гордиться именем своего отца. Судьба сына должна быть равной «с отцом своим на милой стороне».

Мать Азрета разделяла убеждения сына. Сцена разговора между матерью и сыном захватывала своей драматичностью, заражала тем духовным подъемом, волнением, в котором находились два близких человека, решивших пожертвовать самым дорогим — жизнью. Мать посылает сына на перевал, чтобы он спас людей.

... Но смутную тревогу
Не выдало спокойное лицо.
И сын ушел в последнюю дорогу,
И буря снегом занесла крыльцо.

Та же горьковская традиция: ради спасения других мать жертвует жизнью своего сына. У М. Горького есть рассказ, условно названный учителями средних школ «Мать изменника» («Рассказы об Италии»). Ее единственный сын, надежда и опора старости, стоял во главе врагов, разрушавших город, в котором она жила и где родился ее сын, изменник родины. Ради спасения жителей города она убивает его и себя (тем же кинжалом точно попадает в свое сердце: когда оно болит, в него попасть легко). Умение жертвовать собой ради счастья других — давняя традиция русской классической литературы. Кулиев в поэме «Перевал» верен ей.

В поэме в основном три действующих лица. Но содержание ее не исчерпывалось сюжетными отношениями этих трех основных лиц и не сводилось даже к раскрытию психологически обусловленного поступка центрального героя — Азрета. В поэме есть и четвертый герой, стоящий особо. Это лирический герой, то есть сам автор. Его голос постоянно звучал то в монологах отца Азрета, то его матери. Поэтому сюжетное и лирическое начала в поэме органически слиты. Прекрасные строки о матери написаны Кулиевым:

О матери и жены, видно, чище
Нет наших душ, что вырастили вы.

В изображении подвига Азрета тесно сплетались простое повествование и задушевный лиризм.

Поэма состоит из 12 глав. Посвящалась она памяти Дмитрия Бычкова, кандидата филологических наук, преподавателя Кабардино-Балкарского пединститута, затем КБГУ. Кулиев лично знал его, читал его статьи по литературоведению. В этом вузе работал и Кайсын Кулиев перед войной.

В первой и второй главах дано подробное описание бурана, как Азрет на перевале шел «по осыпи, сползающей на склон».

Идет Азрет, как ходят в штыковую,
По осыпи, сползающей на склон.
А буря бьет в упор, напропалую,
Орудиями с четырех сторон.

Переход через перевал сравнивается с трудным боем, в котором каждого подстерегает смертельная опасность, но мужество и долг побеждают, и каждый устремляется в штыковую:

Язык обвала слизывает тропы,
И режет снегом ветер боковой.
Уступы неприступны, как окопы.
Здесь, может быть, трудней, чем в штыковой.

Здесь каждый шаг — как под смертельным дулом,
Как под прицелом темной пустоты.
Обвалом снежным камни повернуло,
Они ползут, как танки с высоты.

В этой части поэмы Кулиев использовал условное событие — воображаемый разговор отца с сыном — как выражение своих взглядов на жизнь и назначение в ней человека.

Поэтическое своеобразие поэмы заключалось в том, что она построена на подтексте. В высказываниях отца, который якобы следил за сыном во время перехода че-

рез перевал, в его восклицаниях постепенно возникал подтекст, в котором заключились основные мотивы поэмы.

Будь тверд, мой мальчик. Нету выше долга —
Взбираться вверх, наперекор судьбе.

Или:

Смелей, сынок! Не отступай ни шагу,
Храбрый только чувствует на вкус
Прекрасную высокую отвагу
Гнилой крапивой умирает трус.

В поэме ощущалось два плана: один из них утверждал необходимость в жизни подвига и его бессмертие («В мире вечен лишь только подвиг»), другой — преемственность патриотических традиций («Мы никогда с тобой не расставались. Сегодня твой черед идти на бой...»). В соответствии с этими двумя планами поэма имела как бы две концовки. Одна из них — о высокой цели в жизни человека, о назначении его, и в ней идейная сущность произведения. Главный эпизод этой концовки — слова отца, обращенные к сыну, ко всем молодым, пришедшим на смену старшему поколению, погибшему во Второй мировой войне:

Я молодым погиб в бою, как воин,
За нашу землю, жизнью верный ей,
И я, сынок, сейчас тобой доволен:
Ты Человеком стал среди людей.

Кулиев опирался на распространенный прием романтической метафоризации и реальных чувств, когда мертвые оставались с живыми, чтобы помогать им в трудные минуты. Вспомним разговор поэта Павла Антокольского с погибшим сыном в поэме «Сын»; возвращение в Ленинград Кирова в поэме Н. Тихонова; стихотворение А. Твардовского «Я убит подо Ржевом» и др.

В поэме «Перевал» образ погибшего отца использовался в таком же аспекте, хотя Кулиев делал большой акцент на живую связь времен и поколений. Отец обра-

щался не только к своему сыну, но и к целому поколению, возмужавшему после войны:

Взбирайся вверх, срываясь и скользя.
Вершины часто заметает снегом,
Но отступать пред высотой нельзя.

Вторая концовка заключала в себе внешний план поэмы, план утверждения реальных событий, план преемственности подвига в жизни людей:

За нами сыновья идут по следу
Сквозь бурю века, не жалея сил.

В поэме «Перевал» Кулиев показал драматизм борьбы в двух планах. В этой борьбе герой поэмы поднялся до таких высот духа, до каких поднимались лучшие герои художественной мировой литературы. В битве со стихией во время бурана, конечно, были минуты отчаяния («Дышать труднее. Губы леденеют, и ноги непослушные скользят...»), но Азрет, подбадриваемый отцом, перешел через перевал и добрался до того порога, «где смерть стояла, задыхаясь встал». Он спас Фатимат и ее первенца.

Но при возвращении домой Азрет погиб под лавиной. Его последние слова были обращены к матери. В них мы находим объяснение тому, почему он пошел на перевал. Острое ощущение личной ответственности за судьбу двух людей, чувство профессиональной чести и долга позвали в дорогу Азрета:

Судьба людей мою судьбу просила
Через буран идти на перевал.
Чтоб тяжесть равнодушья не давила,
Я сам на плечи тяжесть смерти взял.

Но и смертью своей Азрет утверждал высокое служение делу, которому был предан.

Добро и свет людям теперь понесет другой Азрет, тот мальчик, которого спас врач ценой своей жизни и которого называли его именем:

В честь сердца человеческого Азрета
И мальчика Азретом нарекли,
Чтоб людям нес запас добра и света,
Достойного своей родной земли.

Нравственный долг Азрета как врача, гуманный порыв и героический переход через перевал – в центре внимания поэмы. Все сказанное в ней поэтом об Азрете и его воине-отце определяло прежде всего их характер по одной черте – их отношению к людям и к жизни. А это, в конечном итоге, определяло их поступки и поведение, особенно в экстремальных условиях, когда нужно было сделать нравственный выбор. Национальный характер человека лучше всего проявляется в его взаимоотношениях с другими людьми. Белинский говорил, что человек лучше всего раскрывается тогда, когда ему надо совершить поступок, важный для его жизни. Кулиев и поставил своего героя в такую ситуацию. Сюжетный ход поэмы дал возможность главному герою действовать, а следовательно, – проявить себя.

Отец и сын показаны в важные моменты их жизни. Перед читателями возникли два художественных образа, два национальных характера различных поколений людей, порожденных временем социальных перемен, тем государственным строем, за который отец боролся в 1917-м и в 1941–1945 гг. А сын вырос, и его национальное самосознание формировалось под влиянием комсомола и идеологии правящей партии (другой партии тогда не было и быть не могло в условиях тоталитарного режима). Отсюда их убежденность в правильности своих действий во имя людей, интересов государства и общества. Личное было на втором плане.

Поэма «Перевал» написана о человеке-герое. Она учила совершать подвиги в повседневной жизни, относиться с чувством большой ответственности к любому делу.

Кулиев явно хотел выразить силу традиций советских людей, хотя в поэме даны национальные характеры балкарцев. Автор стремился как можно глубже показать истоки преемственности идей старшего поколения и как они передавались молодежи, которая черпала силу и стойкость для подвигов из животворного источника. Таким неиссякаемым источником патриотических свершений являлся родной край, любовь к нему, мораль старших. Верным ориентиром был и героизм старших, их самопожертвование в годы Великой Отечественной войны.

В единстве действий поколений советских людей, в их неразрывной связи был залог Великой Победы в 1945 г.

Вот отец Азрета – это представитель старшего поколения, тех мужественных людей, которые погибли на безымянных высотах, защищая Родину. Молодым солдатом он ушел на фронт, тосковал о сыне:

Тоскуя по тебе, я брал на руки
Чужих детей, тоскуя без конца:
Перед атакой и в смертельной муке
Мне не хватало твоего лица.

Ему принадлежали высокие слова о подвиге, о смысле жизни, назначении в ней человека, он советовал сыну:

Иди, сынок! Не бойся. В мире вечен
Лишь только подвиг...

Замечательные строки, в которых раскрывался смысл поэмы, тоже принадлежали отцу:

У храброго одна дорога – кверху,
У храброго – к бессмертию ключи,
Он умирает так, как пересверки
Слепящей светом молнии в ночи.

Свои жизненные идеалы отец завещал сыну, передал ему эстафету подвига:

Я вижу все. И я сегодня знаю:
Ты Человеком стал среди людей.
Я за людей погиб. Благославляю
Тебя на подвиг и на жизнь. Смелей!

Вот в чем смысл таких людей – жить и совершать добро для народа, а если придется погибнуть, то тоже во имя его:

Без подвига все в мире, на поверку,
Засохнет, словно дерево! Иди!

Сила патриотических традиций в том состояла и состоит, что они основаны на любви к родине своей, исто-

рическому родному краю, на глубокой преданности идеям добра и справедливости, тому, чему учила народная педагогика.

Вероятно, Кулиев хотел художественно осмыслить жизнь с позиций 60-х — 70-х гг. Усилившиеся в эти годы философские раздумья: «Для чего жить?», «В чем смысл жизни?» — волновали и поэта. Наличие нравственного тупика и какой-то неопределенности в общественно-политической жизни страны ощущалось многими, а поэты, как барометры, чутко реагировали на любые изменения действительности. В эти годы поэт много писал о мужестве и немеркнущем подвиге во имя людей. Подвиг должен украшать жизнь общества. «Что наша жизнь без мужества?» — вопрошал поэт и тут же отвечал: «Кладбище. Сад без плодов. Деревья без листвы». Строки поэмы в большинстве своем были пламенными и убедительными, хотя тогда никто не сомневался в преемственности героических традиций поколений советских людей: потому что за 70 лет состарились и выросли три возрастные группы. Острой проблемы «отцов» и «детей» в советское время не стояло. Тургеневский, вернее базаровский, нигилизм канул давно в прошлое, хотя извечные российские вопросы «что делать?» и «кто виноват?» были всегда актуальными и волновали ум и душу творческой интеллигенции.

Кайсын Кулиев одним из первых почувствовал некоторую инертность, равнодушие молодежи, нежелание «задрать штаны бежать за комсомолом». И ему нужно было убеждать, что «без гибели храбрейших нет победы, нет жизни без заснеженных могил»; художественным словом показывать диалектику мужества и бессмертия поколений. Конечно, такой постановкой вопроса о подвиге в жизни Кулиев продолжал традиции русской и советской литературы.

Проблема подвига в жизни волновала многих писателей и поэтов, и разрешалась она по-разному. Тема подвига и вопрос о смысле жизни были поставлены М. Горьким в ряде его произведений 80–90-х гг. XIX в. Страстно жаждал подвига Сокол («Песня о Соколе»); отважный юноша Данко осветил путь человечеству, пожертвовав своей жизнью («Старуха Изергиль»). В произведении

«Песня о Соколе» Горький поставил вопросы: «Для чего стоит жить? В чем смысл жизни?» И сам же ответил на них: «Безумство храбрых – вот мудрость жизни!» Когда-то, в советскую эпоху, эти произведения изучали в средних школах, в конце 90-х гг. XX в. их исключили из программ по литературе.

Кайсын Кулиев интересовался Горьким. Он написал о нем статью «С солнцем в крови» (1968): «В душевные и унылые годы, когда всякое проявление мужества казалось бессмысленным, художник пропел гимн человеческой отваге: «Безумство храбрых – вот мудрость жизни!» Кулиеву нравились горьковские герои. Свою статью о нем он закончил так: «Пусть живет и побеждает на бессмертной земле горьковский человек-творец!» Кулиев прав: многие герои у Горького – искатели, упорно добивавшиеся ясности в вопросе о смысле жизни. В словах Кутузова, персонажа романа «Жизнь Клима Самгина», дана четкая формула истинного героизма как служения народу, служения, вытекавшего из потребности человеческого «Я», «... необходим героизм на всю жизнь, героизм чернорабочего, мастерового революции. Если вы на такой героизм не способны – отойдите в сторону»³².

Та же мысль и у Михаила Светлова в произведении последних лет «Голоса»: тех, кто умел жить для будущего, превращая мечту в реальность, поэт считал бессмертными.

Героические идеалы во все времена привлекали юношеские сердца романтикой благородства, истинности и одухотворенности, умением жертвовать собой. Поэтому появление произведений, раскрывавших гуманистическую и героическую суть традиций, всегда было значимым.

Видимо, не случайно Кулиев взял к поэме «Перевая» эпиграфом слова Горького: «Безумство храбрых – вот мудрость жизни!»

В прославлении подвига, смелости людей, способных на самопожертвование во имя жизни других, в изображении духовных истоков подвига заключался обобщающий смысл поэмы. Она не была идеологически тенденциозной, поэма отвечала требованиям времени. Была проблема воспитания молодежи и актуальные вопросы прием-

ственности героических традиций. Поэтому в поэме есть сын и отец и ощущение почти зримой связи времен. Отец гордился тем, что сын пошел по его пути:

Не превращал я равнодушие в бога,
Как жалкий трус, оставшийся в живых.
Наш сын погиб. Он шел моей дорогой
И жизнь свою отдал за жизнь других.

Азрет — это представитель младшего поколения горцев Кавказа, художественное обобщение национального характера, воплощение героического и совершенного. Его образ нарисован поэтом с большой жизненной убедительностью. Смелость и отвага, готовность к самопожертвованию во имя жизни других, высокие моральные принципы — вот что характеризовало этого молодого балкарца.

Употребление поэтом слова «Человек» с большой буквы по отношению к Азрету не случайно. В его образе — как типического представителя советской молодежи — Кулиев стремился художественно запечатлеть черты Человека, воспитанного на героических традициях старшего поколения горцев. Поэтому ответственность перед людьми, перед своей совестью заставила Азрета идти через перевал, рискуя жизнью. Иначе он поступить не мог, так как был взращен в духе высокой морали, в атмосфере героизма и самоотверженности («Чтоб тяжесть равнодушия не давила, я сам на плечи тяжесть смерти взял»). Молодому горцу было привито глубокое уважение к старшим, к их подвигам, и прежде всего для него примером был его отец. Поэтому, отвечая на вопрос об истоках героизма, поэт говорил устами отца: «Он шел моей дорогой, и жизнь свою отдал за жизнь других».

Поступок Азрета осмыслен в поэме как логическое продолжение героических дел вчерашних, как результат гуманистического воспитания, духовного роста горцев Кавказа. Выявляя определенные черты национального характера (в данном случае Азрета), его честность, самоотверженность, мужество, смелость, ловкость, Кулиев не дал нам психологически законченного портрета. Это потому, как верно заметил Л. И. Тимофеев, что «своеобразие лирики, по сути дела, состоит в том, что в отличие от эпоса и драмы, она рисует не законченные челове-

ские характеры, а их отдельные состояния, в достаточной мере весомые и значимые»³³.

Движения души и переживания Азрета обнажены до предела. Его поступки и чувства близки и понятны читателям, потому что в них воплощено общее, существенное для многих ровесников Азрета, героев 60-х и 70-х гг. Можно с полным правом утверждать, что в его образе Кулиев показал типический характер молодого врача, современника Кулиева, показал его высокие моральные качества. Они обусловлены тем, что Азрет не отделял себя, свои помыслы и дела от людей старшего поколения горцев; «иначе я гордиться не вправе буду именем отца», — заявлял он.

О национальных характерах других героев поэмы Кулиев сказал очень мало. Они как-то стояли в стороне, хотя мы видим тоже сильных, волевых людей, черты которых раскрывались через небольшие детали поведения и отношение к людям. Так, в сцене разговора матери с сыном перед нами предстала умная, много страдавшая женщина, горячо любившая своего единственного сына — радость и надежду старости. Но во имя долга и чести мать посылает его на перевал.

Она могла увидеть сына мертвым,
Но трусом сына видеть не могла...

Автор симпатизирует своим героям. Свой идеал прекрасного, идеал героя — горца из простого народа — он воплотил в образе Азрета и его родителей.

Мастерство Кулиева как большого художника слова проявилось в том, что он сумел немногими словами выразить глубокий смысл. Мастерски переданные внешние проявления помогли читателю увидеть душевный мир героев поэмы. События в поэме «Перевал» воспроизводились в хронологической последовательности, и от главы к главе нарастал драматизм действия. Кульминационной можно считать 10-ю главу, в которой описана гибель Азрета. Накал действия, острая напряженность событий во многом усилены тем, что самые события (буря, переход через перевал, спасение матери и ребенка) развивались в поэме в продолжение одних суток. Это создавало концентрированность действия. Поэт показал

национальные характеры героев, их поступки в предельно обостренной обстановке.

В композиции поэмы «Перевал» особенно важная роль принадлежала отцу, этому безымянному герою Великой Отечественной войны, его высказываниям о жизни, его выношенным мыслям. В последней, 12-й главе сын обращался к матери с просьбой простить его за причиненное ей горе и страдание. Сын находил оправдание своему поступку:

Я радость принести тебе хотел.
Горят дрова и не дают замерзнуть
Зимою детям, — так и я горел.

Эта финальная сцена у Кулиева не только завершала события, подводила итог поступку Азрета, но и заставляла читателя как бы вновь переосмысливать все происшедшее.

Для Кайсына Кулиева представление, что смысл жизни в горении, то есть в активном действии, — глубокое и давнее. В одном из замечательных стихотворений «Моему сердцу» поэт признавался:

Жили мы — горели, не чадили,
Ну, а если было и у нас,
Что себя мы как-то пощадили,
Значит, мы не жили в этот час.

В поэме «Перевал» диалоги, мысли отца, матери, сына имели большое значение для раскрытия национального характера героев. Еще Гораций писал о том, что речь героя должна соответствовать его характеру и положению в обществе. Через речь раскрывался внутренний мир героя, его мысли и чувства. О характере героев поэмы мы можем судить и по их поступкам и высказываниям о жизни и назначении в ней человека.

В поэме есть и иной план — лирические отступления. Она насыщена рассуждениями автора лирического и философского порядка о мужестве, героизме, судьбе и т. д. Сочетание лирики и философского раздумья характерно и для более ранних стихов поэта, но в поэме «Перевал» эти ноты звучали более отчетливо. Вот мысли о смерти Азрета:

Конец всему, что мило и не мило,
Ни страха, ни печали, ни утрат.
У каждого из нас души светило
Своим путем уходит на закат.

В приведенных строках слышалось как будто лично пережитое чувство утраты близкого человека, его боль. В поэме вообще много задумчивой грусти, чего-то трагически близкого каждому.

Желание проследить духовные истоки подвига заставило поэта обратиться к условному приему — разговору с погибшим в войну отцом. Порой устами отца говорил сам автор, и тогда как бы сливались поэт и его герой, представитель старшего поколения. Эта лирическая исповедь поэта отражала его отношение к жизни, событиям, фактам.

Каждая глава начиналась с продолжения событий, а кончалась раздумьями поэта. Все 12 глав представляли единое целое, что достигалось развитием общего сюжета, последовательностью повествования и общей идеей.

Кулиев вел лирический рассказ о подвиге Азрета, не просто излагая события, а показывая их через свое понимание жизни, придавая им драматическую форму. Жизненный опыт поэта преломлялся в поэме «Перевал» сквозь опыт жизни отца Азрета.

Все эпизоды поэмы связаны с внутренним развитием представлений поэта. Глубокие по смыслу сцены (напутствие матери — гл. 4-я, монолог отца — гл. 7-я. размышления поэта о трусости и смелости — гл. 2-я) даны в динамике.

По усилению лирического начала поэму Кулиева «Перевал» можно было бы назвать поэмой-размышлением о смелости и трусости. По этой особенности поэму «Перевал» можно сравнить с такими произведениями, как «За далью даль» А. Твардовского, «Человек» Э. Межелайтиса.

Поэма «Перевал» — это дальнейший этап в творческом развитии Кулиева. В ней поэт развил те идейно-художественные принципы, которые были характерны для его стихотворений. Поэма была написана в пору его поэтической зрелости. Она поразительна по многообразию средств художественной изобразительности. Введение сравнений, эпитетов, олицетворений, метафор не только

обогащали поэтический язык поэмы, но и служили для более яркого выражения идеи произведения. В поэме наблюдается некая повышенная метафоричность речевого строя. Диалоги героев с таким чеканным лаконизмом выражали главное в их переживаниях, что казалось, будто они говорили афоризмами, яркими изречениями. Приподнятый строй авторской речи находился в обдуманном соответствии с теми мыслями и чувствами, которые волновали героев поэмы «Перевал».

Исходная идея о национальном характере горца Кавказа, героическом порыве человеческой души повлекла за собой авторскую стилистику: взволнованность, метафоричность, насыщенность сравнениями. Так, чтобы ярче нарисовать картину бури и мужества Азрета, поэт прибегал к поэтическим средствам языка – олицетворению: «Ущелье воет раненой волчицей», «Ломают крылья белая метель», «Свистит метель над снежным перевалом», «Язык обвала слизывает тропы», «Ревет буран», а ветер представлен живым существом – «Иди назад! – наотмашь хлещет ветер, пронзительною злостью обуян». Показывая мужество Азрета, поэт использовал сравнения:

Идет Азрет, как ходят в штыковую,
По осыпи, сползающей на склон,
А буря бьет в упор, напропалую,
Орудиями с четырех сторон.

Не случайно, что выразительная система построена на сравнении перехода через перевал со штыковой атакой. Каждый шаг на снежном перевале поэт уподоблял опасностям боя:

Здесь каждый шаг – как под смертельным дулом

Или: «... Идет Азрет, как в штыковой, проносит живую душу через этот ад».

Использование ассоциаций, связанных с военным временем, встречалось не только у Кулиева, но и у многих поэтов его поколения, чье творчество мужало в годы Великой Отечественной войны. Это заметно и у К. Симонова в стихотворении «Ленин в Канаде», в «Последних стихах» С. Гудзенко и др.

Поэтический язык поэмы «Перевал», как мы уже говорили, надо рассматривать в свете его социально-идеиной функции. Так, более яркому выражению основной идеи поэмы служил такой художественный прием, как противопоставление. Антитеза выступала в строфах, где отец, обращаясь к сыну, рассуждал о смелости и трусости:

Трус – в жизни мертв. Мы в смерти воскресаем.
Честь человека подвигом храним.

Или:

Не отступай ни шагу,
Храбрейший только чувствует на вкус
Прекрасную высокую отвагу,
Гнилой крапивой умирает трус.

Это противопоставление играло важную роль, так как оно помогало раскрытию идеи поэмы, прославляющей величие подвига и его бессмертие в памяти людей. Этим же обусловлено использование слов и предложений в их прямом и переносном смысле:

Взбирайся вверх, срываясь и скользя.
Вершины часто замечает снегом,
Но отступить пред высотой нельзя.

Или:

Нету выше долга –
Взобраться вверх, наперекор судьбе.

Большую роль в словесно-образной системе Кулиева играла гипербола:

– Иди, Азрет! – сказала мать Азрету, –
Будь как отец. – А на своем веку
Мать сто мостов прошла по белу свету,
Решимости не обронив в реку.

В данном тексте гипербола явилась средством углубления основной мысли поэмы, раскрытия связи идейного, духовного родства между ними.

Как в зависимости от замысла поэмы, ее идей автор использовал лексику, фразеологию языка можно проследить на таком отрывке:

Валится снег. Густой туман клубится.
Заводит ледяную карусель.
Ущелье воет раненой волчицей.
Ломают крылья белая метель.
Свистит метель над снежным перевалом...

Несколькими предложениями отчетливо и точно поэт описал разыгравшийся буран. В этом тексте особую нагрузку несли глаголы несовершенного вида настоящего времени (валится, клубится, заводит, воет, ломает, свистит), показавшие беспрестанное движение разыгравшейся непогоды.

А вот как отчетливо и лаконично, всего в нескольких словах, передал автор душевное состояние матери, пославшей сына на перевал:

И мать Азрета в этот вьюжный вечер
Накинула чернее ночи шаль,
И вместе с шалью ей легла на плечи
Тяжелым камнем новая печаль.

С присущим ему лаконизмом Кулиев употребил всего четыре слова («чернее ночи» и «тяжелым камнем»), и этого достаточно, чтобы показать страшную тревогу, безмерное волнение матери, хорошо понимавшей всю опасность, которая подстерегала сына на перевале.

Умело использовал Кулиев и эпитеты: неприступный перевал, синий туман, смутная тревога, горькие слезы, высокая отвага, горестная тишь, чистые стремленья и т. д.

Золотыми россыпями разбросаны в поэме крылатые слова и выражения, афоризмы, отточенные мысли поэта. Они часто встречались в речи героев. В диалоге отца Азрета особенно слышалось своеобразие речи самого автора. Любовь Кулиева к крылатым выражениям, метким и точным, была отражена в речи отца. Приведем примеры:

- 1) В мире вечен лишь только подвиг.
 - 2) Что наша жизнь без мужества?
- Кладбище. Сад без плодов. Деревья без листвы...

Метафоричность языка, обилие сравнений, усиленная языковая образность – несомненно, одно из сильных эмоциональных средств поэмы, являющейся одним из замечательных произведений в стихах в современной балкарской литературе. Поэма переведена на русский и другие языки народов Российской Федерации.

В поэме «Перевал» не простые мысли – утверждение в жизни, как мы уже отмечали, героического подвига, но и богатство чувств: любовь матери и отца к сыну. А чем сложнее мысль и богаче чувство, тем больше труда и таланта требовалось поэту, чтобы донести их до читателя. Поэма с дидактическо-нравоучительным содержанием должна была повлиять на формирование национального сознания молодежи того времени, учила ее уметь преодолевать трудности, встречавшиеся на пути, и принимать твердое решение самостоятельно в ответственный момент. И уж, конечно, она, молодежь, должна быть верна традициям старших, отвечать их идеалам.

В современных условиях, то есть в начале 2000 г., когда среди некоторой части молодежи имеют место скепсис, нигилизм и ироническое отношение к «высоким словам», равнодушие к сфере идейных убеждений и моральных принципов, на художественную литературу ложится ответственная задача. Появление таких произведений, как поэма «Перевал», способствовало тогда и способствует сейчас гражданскому воспитанию души, выработке в юношестве потребности в героическом, укреплению верности традициям старших. Ценность поэмы и сейчас не снизилась; она заключается в том, что Кулиев вторгается во внутренний мир своих героев, диалектику их чувств и мыслей с позиций нашей действительности. В образах Азрета и его отца, в их национальных характерах были найдены новые принципы обобщения для всестороннего и глубокого раскрытия процесса духовного развития одного из поколений горцев Северного Кавказа, ярких представителей балкарского народа.

Воспитательное воздействие поэмы на людей – в ее нравственном, духовном пафосе. Поэма обращена к молодому поколению, вступающему на трудовой путь; она учит их мужеству, смелости, отваге.

Поэма «Перевал» – это художественно оформленный памятник тем героям, которые защищали Отечество в

годы Великой Отечественной войны, а потом восстанавливали разрушенное вместе со своими сыновьями и женами. Правда изображения жизни, восхищение героическим, благородным поступком всегда будет волновать людей.

Несмотря на трагический финал, поэма «Перевал» является оптимистическим повествованием о той жизни, когда в людях ценились такие качества, как отвага и умение жертвовать собой ради Жизни, ради других. Кайсын Кулиев был по природе своей оптимистом и романтиком, хотя и реалист в нем тоже жил. Этот реалист и решил, что герой должен погибнуть. Тяжесть утраты в поэме налицо. Но чувство невозвратимой потери сменяется ощущением полноты жизненной правды, осознанием, как много благородного и прекрасного в жизни. И как бы ни были драматичны происходившие в произведении события, главное, в конечном итоге, в том, как отзовутся они в душах читателей. Несомненно, что национальный характер Азрета будет интересовать и исследователей горской поэзии и прозы, а сам художественный образ будет волновать читателей всякий раз по-новому, наполняясь для них высоким нравственным смыслом. Вся поэма согрета чувствами автора, освещена светом искреннего вдохновения. Сама по себе краткая история жизни героев и их взаимоотношений имела глубокий подтекст. Обратившись ко второй половине XX в., вернее, к началу ее, к будням и героике, Кулиев стремился постигнуть связь времен и поколений людей, выросших после 1917 г. Для этой цели он показал судьбы двух людей — отца и сына, представителей горцев.

Подлинный оптимизм Кулиева как художника — это наиболее устойчивый признак его духовного возмужания, его понимания сути национального характера, исторических закономерностей развития общества в советское время. Оптимизм поэмы «Перевал» имел тогда широкий социально-политический смысл.

Итак, в поэме «Перевал» автор прямо сопоставил время юности «отцов», мужавших в годы Великой Отечественной войны, и послевоенное время, когда судьба страны переходила в руки «детей». В своих выступлениях на съездах Союза писателей Кулиев не раз говорил о том, что в это время особенно остро стоит вопрос о создании

произведений, в основе которых должны лежать большие художественные обобщения, яркие национальные характеры, отражающие человеческую нравственность. Именно таким произведением явилась поэма «Перевал», утверждавшая мужество и благородство человека-горца. Все эти принципы в поэме с начала до конца проходили осмысленно в диалектическом единстве реальной жизни 60-х и 70-х гг. XX в.

Все 12 глав поэмы пронизаны одной идеей — идеей служения высоким гуманистическим идеалам, верности традициям старших поколений. В этой поэме Кулиев взял за основу один случай, о котором ему рассказали жители высокогорного селения с его буднями и героикой. Связь времен, связь поколений на примере отца и сына прошла красной нитью во всех 12 главах поэмы. При этом в лирических отступлениях Кулиев рассуждал о духовной связи молодого поколения с поколением людей, прошедших школу мужества в войнах — в Гражданской, финской, Второй мировой... При этом его волновали и такие важные нравственно-философские проблемы, как вопросы гуманизма, профессиональной чести, свершения подвига во имя жизни других.

Поэма «Перевал» — одна из замечательных страниц в творчестве Кайсына Кулиева. Пусть с молодежью всех времен останутся слова поэта как благопожелание:

Чрез пропасти, опасности, сквозь ветер
Иди — и будь счастливее, чем мы.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В ПОЭМЕ «ЗОЛОТАЯ СВИРЕЛЬ»

Я вещее слово берег

К. Кулиев

Проблема преемственности и развития художественных традиций поставлена в поэме «Кязим Мечиев», впервые опубликованной на русском языке в журнале «Новый мир» под названием «Кузнец» (1967. № 9). В ней Кулиев размышлял о месте художника в обществе; о

влиянии классика балкарской литературы К. Мечиева на свое творчество и последующие поколения балкарских писателей.

Ты знал ли, что станет твой стих,
Рожденный под нищенским кровом,
Для внуков ученых твоих
Великим пророческим словом?

Так писал К. Кулиев в своей поэме «Кузнец» о Кязиме Мечиеве, о человеке, который поднял факел знания во мгле ночи, рассказал, наполняя людские сердца печалью, о тяжелой доле горянки в старой Балкарии. И через много лет, когда другие поколения поднимутся на новые исторические высоты, когда «минет тьма тьмущая дней и ныне студентки-горянки заплачут над песней твоей о горе неизвестной крестьянки», вещие и мудрые строки Кязима будут волновать души живых, наполнять их светом и радостью.

Человеку, оказавшему своим творчеством сильное влияние на лучших балкарских поэтов, и посвящена поэма «Кузнец». За много лет до этого в стихотворении «Моему читателю», выражая чувство благодарности Мечиеву, Кулиев сказал:

Спроси, кто был учителем моим?
Отвечу: знаменитый наш Кязим.

Ощущение причастности к поэзии Кязима и его личности, сознание, что все значительное в нынешней балкарской поэзии выросло из его корней, послужило воссозданию образа самого замечательного балкарского поэта Кязима Мечиева.

Об одной своей поездке к Кязиму Мечиеву летом 1940 г. К. Кулиев писал: «... там жил человек, который обворожил меня, вошел в мою жизнь и судьбу с самого моего детства... Лучший поэт и мыслитель балкарских гор»³⁴.

Жизненные впечатления, встречи с Кязимом были настолько сильны, что через несколько лет Кулиев смог вновь вернуться ко всему, что видел, знал, пережил, чему был свидетелем, и с высоты нового времени запечатлеть

это в художественном слове. Все события прошлых лет, пережитые поэтом, снова как бы обступили его сознание, и память его потребовала нового воплощения в слове в новых условиях и в свете новых задач. Для чего? Во-первых, в процессе становления и развития новой жизни наступает необходимость оглянуться на прошлое, охватить его взглядом во имя движения вперед. Во-вторых, Кулиев рассказал о Кязиме и его творчестве (и это главное), в народных песнях и поэмах которого «со всей честностью и прямоотой выражен характер балкарского народа, его смех и раны, мужество и задушевность; в ней гул свадебной пляски и рыдания женщин в черных шалях на похоронах. Поэзия его живописна, как родное Хуламо-Безенгийское ущелье, мудра и лаконична, как половицы, она чиста как Совесть народа. В ней мы встретим мягкий разговор с ивой, цветущей у горной речушки, и суровые размышления о смерти и смысле жизни... Кязим похож на Дыхтау. Он – гора, которая всегда будет сиять нам. Он гора и зеленое дерево одновременно»³⁵. А зелень – символ жизни, молодости.

Работая над поэмой «Кузнец», Кулиев чувствовал большую ответственность перед читателями, перед народом за каждое слово, сказанное о поэте. В 1967 г. главы из поэмы были переведены на русский язык. Широкий круг читателей имел возможность ознакомиться с этим произведением в художественном переводе, выполненном Н. Гребневым. Переводчику удалось найти точные слова для многих сложных особенностей балкарского языка. Читается поэма в переводе легко, подкупает красочностью и лаконичностью языка.

Появление поэмы в журнале «Новый мир» не прошло незамеченным. Литературный критик Иосиф Гринберг откликнулся статьей, оценив по достоинству эту новую поэму К. Кулиева. Он писал: «Ее герой – прекрасный балкарский поэт Кязим Мечиев, предшественник и старший друг Кайсына, слагавший песни «сурово и самозабвенно» о своем народе и для своего народа. Теперь этот стих, «рожденный под нищенским кровом», вошел в душу «внуков ученых», помогает им жить и чувствовать. Тема чудесной молодости поэзии, берущей свои истоки в народной жизни, и вдохновляет Кулиева, движет поэму.

Ее строки, сказанные в иное время и иным складом, также в родном горском краю и далеко за его пределами. И эта возросшая, расширившаяся сила слова — неотъемлемая черта нашего времени и поэтов, его достойных»³⁶.

Поэма невелика по объему, но емкая по содержанию. Кулиев затрагивает в поэме широкий круг вопросов. Это и жизнь простых горцев в старой Балкарии («много в Балкарии бед, а света и радости мало»); и любовь простого народа к поэту седых гор, чьи строки «печатались в сердце людей, как наши на книжных страницах»; и советы Кязима молодым поэтам («Поэт, твои строки должны слагать не корысть и злоба. Твой взгляд — это взгляд чабана и речь — это речь хлебороба»); и стремление создать психологически углубленный образ основоположника балкарской литературы; и авторское отношение к нему. Весь этот круг вопросов дан в поэтическом синтезе, через раздумья лирического героя и самого автора.

Однако в центре поэмы стоит Кязим Мечиев — личность в высшей степени привлекательная, классик балкарской литературы, ее основоположник. Сам Кайсын Кулиев в предисловии к поэме «Кузнец» писал: «Если есть что-нибудь значительное в нашей балкарской поэзии, то оно выросло из кязимовских корней»³⁷.

Объективная сила повествования, отразившего некоторые биографические и творческие данные Мечиева как поэта, создает в целом лироэпический характер произведения. Поэма охватывает лишь только некоторые эпизоды из жизни Кязима (работа в кузне — гл. 3-я, скитание по арабскому и тюркскому Востоку — гл. 6-я, гибель сына в Гражданскую войну — гл. 2-я). Но как колоритно и неповторимо с помощью авторских отступлений (иногда выразительных деталей из биографии Кязима), меткой характеристики дан образ первого народного поэта, живой ум, мудрые и лукавые мысли которого и поныне хранят не только люди, но и «камни, снеговые хребты, заветную песню твою, что ты прошептал им случайно». О его творчестве Кулиев уверенно сказал: «... лучше кязимовских слов земля ничего не слыхала».

Кязим Мечиев показан в поэме и убедительно простым человеком с его суровой сдержанностью чувства и

скрытой болью, к которому шли люди и с радостью, и горем («Здесь молот гремел, здесь люди грустили, смеялись»). В 3-й главе поэмы читаем рассказ горянки «о своей непосильной ноше». О своей жизни она поведала Кязиму.

И то, что казнилась она,
Все в жалобе вышло наружу.
Девчонкой была продана
Она нелюбимому мужу.

За сдержанными словами Кулиева видим трагедию живой загубленной жизни и отношение Кязима к суровой правде без всяких прикрас. Он «сделал, что было по силам. Кующий — он серп отковал, поющий — ей песню сложил он».

...Не знаю, что стало с серпом,
А песня жива и сегодня.

Личная жизнь людей может быть сложна и трагична во все времена. Муки любви, неразделенные страдания вечны, как сама жизнь:

Поют эту песню у нас
И ныне, как некогда пели,
Под плач этой песни подчас
Качали меня в колыбели.

Так из авторских размышлений, кратких высказываний самого Кязима, описаний событий в поэме складывается образ человека, который стоял у истоков балкарской поэзии. Убедительно Кулиев говорил об оптимизме и гуманизме своего героя. «У него были очень зоркие и чистые глаза, полные мудрости и страдания, глаза гуманиста», — писал Кулиев. В его жизнестойкости поэт видел наиболее существенную сторону поведения горцев. В поэме «Кузнец» он показал, чем жив человек, что удерживает его в жизни даже тогда, когда приходят беды и ломается судьба. Такой существенной чертой характера многих людей является любовь к своей семье, своему народу и Родине, верность общечеловеческим идеалам.

Чувство глубокой органической любви к отчему краю

было в высокой степени присуще Кязиму Мечиеву, который вдали от родины («в степи ль аравийской, в Дамаске») ни в чем не находил успокоения, ибо все его существо, вся его жизнь связаны с родным краем, о нем он непрестанно думал и грустил «по ущельям кавказским». Обращаясь к Аллаху, он умолял его: «Пусть будет дорога короче, хоть в камень меня преврати, но в край возврати меня отчий». И далее:

Изгнанник, ты камнем не стал,
Вернувшись в родные долины,
Чью глину от века считал
Дороже, чем золото чужбины.

В сердце Кязима деятельная любовь к родине и народу была неотделима от ненависти к угнетателям бедняков, потому что он видел бесправие и страдание народа. Протест против зла был продиктован глубокой любовью к жизни, к людям. «Острое чувство несправедливости и смелый протест против нее,— писал Кулиев,— это свойство всех больших художников,— было в полной мере присуще и Кязиму». Этот мотив развивается в строках 6-й главы поэмы:

Ты видел на свете одно:
В почете богатство и сила,
А бедному всюду темно,
Как солнце б над ним ни светило!

Кязим хорошо знал жизнь не только горцев, но и многих других народов. Он писал: «В глазах бедного араба я видел ту же печаль, что и в глазах пахаря». Эта же мысль и у Кулиева в поэме:

У дальних низин или скал,
Встречая юнцов или старцев,
В глазах бедняков ты читал
Боль, сходную с болью балкарцев.

«Боль и горечь извечной недоли» Кязим выразил в своих стихах, поэмах и песнях.

Размышляя в поэме о судьбе своего народа, Кулиев обращался к своему прошлому, к тому времени, когда он

был «Счастьем и юностью пьян, о горе не думал нима-ло...» и «на сердце было светло, как не было после ни разу». С этим прошлым у Кулиева связано все хорошее, что осталось там, в далекой юности. Этому светлому прошлому и раздумьям о судьбе народа посвящена 4-я глава поэмы.

В 6-й главе можно встретить горькие строки в связи с тем, что судьба последних лет жизни Кязима сложилась трагически. Кулиев с глубокой печалью говорил о смерти Кязима («как вышло, что в крае чужом твоя затерялась могила»), и было бы ошибочно толковать эти строки в ином плане. Их значение – только в том, чтобы подчеркнуть силу и глубину своих чувств к Мечиеву. Поэтому-то строфы исполнены высокого лиризма и грусти:

В чужой стороне не слышны
Кавказские громы весною,
И ливни родной стороны
Не будут шуршать над тобою.

Образ поэта глубоко волновал Кулиева, сумевшего правильно оценить жизнь и творчество Мечиева. В поэме «Кузнец» Кулиев поставил ряд вопросов, касающихся наследия первого певца и заступника наиболее обездоленных людей своего племени. Это прежде всего – вопрос о народности творчества Кязима Мечиева и его идейности, о его большой роли в создании балкарской поэзии и личной судьбе Кулиева как поэта.

В финале поэмы (гл. 8-я) – взлет взволнованного лирического естества самого Кулиева, его отношение к учителю пера и мысли, своему старшему другу и соратнику:

Я слово твое, о Кязим,
Молитвенно трогал руками,
И вновь обретал вместе с ним
Надежду, как раненый камень.

В следующей строфе:

Я вещее слово берег,
Как острый всегда и не ржавый,
Блестящий на солнце клинок,
Для битвы откованный правой –

не случайно использован прием развернутого сравнения вещего слова Кязима с кинжалом. Ведь поэзия Кязима и была боевым оружием, верно служившим ему и народу. Теперь клинок, «для битвы откованный правой», в руках другого поэта в новых социальных условиях, но роль поэта та же: в общественном служении народу.

Поэма «Кузнец» — произведение сильного гражданского и патриотического звучания, ибо это лирический рассказ о самоотверженном патриоте-поэте, борце за справедливость и гуманизм.

Перед нами встает величавый, мудрый образ подлинно народного поэта, слово которого «земли нашей древней частица, клонящийся колос ее, подсолнух, что к солнцу стремится». Кулиев дал этот образ в духе народно-песенных идеалов; связь Кязима с народом — явление органическое. Здесь мы встречаемся с образцом творческой диалектики Кайсына Кулиева.

Своей поэмой «Кузнец» Кулиев утверждал, что творения К. Мечиева бессмертны, поскольку в них отображены сам поэт, его судьба, народ и его время. И «кто хочет коснуться живого сердца Балкарии, — призывал Кулиев, — самых тонких струн души нашего народа, почувствовать самое благоухание в ней, тот должен раскрыть кязимовскую книгу»³⁸.

ПАФОС ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЯ В ЦИКЛЕ СТИХОВ «МОРЕ»

Море, ты прости меня сейчас
Я перед тобой раскрою душу.

К. Кулиев

Романтический образ моря для выражения лирического героя, его собственных внутренних переживаний использовали в своих лирических стихах поэты почти всех времен. Вспомним стихотворения А. С. Пушкина «Погасло дневное светило», «К морю»; Н. М. Языкова «Пловец», «Корабль»; Ф. И. Тютчева «Море и утес»; С. Д. Спасского «Над морем» и т. д., для которых картина моря в основном служит лишь средством выражения

субъективных настроений и переживаний, отправным пунктом воспоминаний и размышлений, связанных с морем, как воплощением свободы.

Лирическая манера Кайсына Кулиева в этом традиционном жанре своя, хотя нельзя не отметить органической близости к поэтам-романтикам, для которых характерен один тип художественного мышления – субъективный подход к изображению действительности.

Цикл стихов «Море» Кулиев посвятил М. Дахкильгой и написаны они им, когда поэт отдыхал в Доме творчества имени Яна Райниса в г. Дубулты. Датированы они 1974 г. Голубая Балтика, приморские сосны, дюны, мерный рокот моря – весь этот уют янтарного края с его тишиной навеял светлую грусть и чувство легкого одиночества, помогая «вынашивать» у рижского «лукоморья» заветные мечты и мысли.

Среди сосен дом, где мы живем,
Рядом с домом море голубое.
Мерный рокот моря нам с тобою
Слышен утром, вечером и днем ³⁹.

Чудесная природа и покой, общение с живой природой породили прекрасные строки целого цикла стихов, внутренне объединенных единым творческим замыслом.

Поэт не просто бесстрастный созерцатель красоты моря. Море для него живое. Оно дышит, у него свой цвет, свои краски, свои запахи и звуки. О нем можно говорить, как о человеке или земле, – ласково, проникновенно. Оно может понять поэта, как понимает его молчаливая гора в его родном Чегеме. И поэт обращается к нему с просьбой:

И теперь тебя прошу все чаще,
Руку поднося к своей груди:
Убеди меня и подтверди,
Что не все на свете преходяще...

Разговор с морем – это своеобразная форма общения с людьми, форма исповеди, форма раздумий о роли природы и ее красот в духовной жизни человека. Лирический герой испытывает благотворное воздействие, наслаждение от умиротворяющих картин: синевы неба и мерного

рокота моря, заходящего солнца и ласкового песка. И сама любовь к морю, благодарно принимаемая широко распахнутым сердцем, — это исповедь о большом и светлом чувстве, озарившем поэта в дни пребывания на Балтике («Я море полюбил, ширь его увидевши воочию»).

Многие вдохновенные строки рождены ощущением счастья бытия, к которому поэт не может привыкнуть. Его радует здесь все: беспечно летящая птица над водой, женщина с мирно спящим ребенком на руках, лунный свет на морской глади. Жажда видеть людей счастливыми «под этим небом синим», а мир — в лучах тепла и света является продолжением кулиевской концепции радостного восприятия жизни:

На песке сию я под сосной,
Так смотрю на мир, как будто с детства
И за годы, прожитые мной,
Не успел досыта наглядеться.

Первозданность восприятия мира, свойственная поэтам, характерна и для Кулиева. Так, красноречивое признание: «Я гляжу и вижу синеву, будто я открыл ее впервые», — свидетельствует о новизне мировосприятия, радости очарования увиденным.

Мир гуманности и красоты выявляется на внутренней взаимосвязи всех частей этого цикла стихов. В них синтезируются не только проблематика поэзии Кулиева последних лет, но и его творческие усилия, эстетический опыт и достижения в области малых жанров.

Всеобъемлющая радость бытия не заглушает ноты грусти, особенно в 4-й части этого цикла стихов. Воспоминания о прошлом («Будто раны все давным-давно зажили и не болят поныне» или «тяжесть лет и тяжесть бед») учитывают элегический тон послания. Радостные и печальные начала отражаются почти во всех частях цикла стихотворений Кулиева. К конкретно-психологическому выражению лирического переживания поэт идет через мир природы. В цикле стихов «Море» природа близка человеку и пейзаж ее очеловечен. Тема слияния человека с природой — давняя тема пейзажной лирики. «Выхожу один я на дорогу», «Когда волнуется желтеющая нива» Лермонтова; «Весенние воды», «Я помню время

золотое» Тютчева; «Косарь» Кольцова, стихотворения Венедиктова, Баратынского 20-х – 30-х гг. XIX в., Бунина, Есенина и многих других проникнуты то чувством гармонии, блаженства, то трагически мятежным ощущением, в котором сквозит сдержанная тревога: «Жду ль чего? Жалею ли о чем?» (Лермонтов) или открытая тоска:

Ни звуков здесь, ни красок, ни движенья –
Жизнь отошла. – И, покорясь судьбе,
В каком-то забытии изнеможенья
Здесь человек лишь снится сам себе.

Тютчев

Ничего подобного мы не встретим в пейзажной лирике Кулиева, хотя тоже встречаем диссонирующий контраст в окружающем мире; тревожные вопросы и думы, возникающие на лоне прекрасной природы, отдыха и умиротворения. Вот строки из 4-й части цикла стихов «Море»:

Будто бы все в жизни решено
Навсегда под этим небом синим,
Будто раны все давным-давно
Зажили и не болят поныне.

Мысль о взаимосвязи человека и природы, волновавшая многих поэтов, затрагивается в цикле стихов «Море». Однако Кулиев не повторял традиционный мотив пейзажной лирики о разобщенности природы и человека. Если в стихотворении Пушкина «К морю» эта мысль остро выражена через антитезу: свободная стихия, а поэт не свободен; у Лермонтова в «Тучах» она раскрывается тоже через противопоставление: свободная природа и преследуемый властью поэт-изгнанник; в «Старике и море» у Хемингуэя – человек обречен на безысходное существование, он не только «жертва царящего вокруг него разобщения, но и носитель его в себе самом»⁴⁰, то у Кулиева вопрос об эстетическом идеале ставился и разрешался по-другому. Некоторые большие художники и истинные гуманисты, как Хемингуэй, идеал человеческой жизни искали и ищут не в переустройстве общества, а в совпадении с природным бытием и человек свободен и прекрасен в той степени, в какой он совпадает с миром приро-

ды (например, «Старик и море»). Кулиев по-своему подошел к этому вопросу, проявляя активность лирического переживания, трагическую причастность к миру. С позиций гуманизма он утверждал необходимость борьбы со злом, с социальной несправедливостью, борьбы за лучшую жизнь и ею определял ценность человеческой личности. Его лирический герой говорит, обращаясь к морю: «На земле людской так много горя, ну а ты невозмутимо, море, будто в мире вовсе горя нет». Образ моря, равнодушного к страданию людей, порожден нашим временем, когда возрастает чувство ответственности прогрессивного человечества за беды и несчастья сотен и тысяч людей, испытавших экологические катастрофы, атомные бомбардировки и непредсказуемые землетрясения и войны.

В цикле стихов «Море» Кулиев, выделяя основные черты эстетического идеала мира, отмечал в нем четко выраженную устремленность к социальной и личной свободе. Проследим эту главную мысль, ее связь с лирической композицией и строем поэтической системы этого цикла стихов.

Главное в цикле стихов «Море» не пейзажный фон. Пейзаж в 1-й части цикла стихов лишь окружает лирического героя. Психологически окрашенный, эмоциональный он почти не играет роли в размышлениях поэта. Здесь солнце, голубое море, долговечные сосны – это лишь экзотический интерьер, музыкальный лейтмотив – не более. Однако во 2-й и 3-й частях – море, морская стихия становятся активным лицом, участвующим в размышлениях поэта, раскрывая его сложный духовный мир, думы и некоторые эпизоды его жизни. Поэтическая семантика этих образов становится более глубокой, чем в 1-й части, менее условной.

Море для Кулиева, как и для многих поэтов-маринистов, – символ романтической, безграничной свободы. «Ты свободно, словно человек», – заявлял он, восхищаясь могущественной, никому не подвластной, вечной свободной стихией. Образ моря является в композиции связующим центром в такой же степени, как и сам лирический герой. Эта композиционная особенность повлекла за собой своеобразное развитие мыслей поэта, тематику час-

тей стихотворных циклов, кажущихся неорганично связанными между собой. Так, 1-я и 2-я части связаны между собой единой лирической связью — о себе и о своем отношении к морю говорит поэт. Причем в этой части поэт прямо заявлял о своем единстве с морем, когда возможно взаимопонимание:

Нам порой бывает суждено
Чувствовать себя его волнами:
Солнце в небе светит нам одно,
И одни дожди идут над нами.

Стихия свободы и вечности — вот, что особенно дорого поэту, потому что, по мнению Кулиева (в этом он повторяет Пушкина), поэт — это сама свободная стихия. У Кулиева к морю уважительное отношение, как и к горам, о которых поэт сказал однажды: «Выше вас только солнце и Бог». Почти то же самое Кулиев говорит о море: «Над тобой лишь небеса и Бог». Горы и море не подвластны никому, все в них вечно, прочно, постоянно. И это сознание вызывает в герое душевную гармонию, успокоенность, мудрость. «Вечны на земле добро и зло, люди смертные, мы тоже вечны», — итожит лирический герой, художественно выражая диалектическую взаимосвязь и взаимообусловленность процесса жизни.

В 3-й части — другой поворот развития мысли — желание подвести итог прошедшему, воспоминания о друзьях: «Здесь, у моря, я друзей своих, всех до одного, припомнить силюсь». Далее, в 4-й части тема заключена в биографические рамки, но и здесь через личное выражается душевное состояние героя, давно минувшее он вновь переживает: горькие сожаления о несбывшихся грезах, боль утраты, тяжесть бед.

Вижу я тебя, легко и мне,
Будто бы мечты мои бывшие
Не терялись никогда на дне
Тех пучин, что глубже, чем морские.

В форме размышления взят какой-то значительный период жизни героя, может быть, и самого поэта, история его поколения. 3-я и 4-я части объединены единой ли-

рической темой и вполне могли бы составить законченное лирическое стихотворение.

В 5-й части цикла стихов включается новый мотив — об одинокой сосне, устоявшей в бурю, как символу и непобедимости жизненного, доброго начала. Размышления о сосне закончены уверенным обобщением, исполненным веры в справедливость («добро порой сильнее зла»), в разумное, высоко нравственное начало. Эмоциональное и смысловое напряжение несколько спадает в 6-й части, в которой налицо мотив прощания с заходящим солнцем («Почему-то мне особо мил час прощанья с солнцем заходящим»). Однако и здесь поэтическую мысль значительно усложняет и углубляет образ женщины на фоне морского прибоя, задуманный, очевидно, в более широком плане, чем любование красивой молодой матерью. Об этом можно судить по последнему четверостишию:

Пламень солнца в волосах ее,
Рокот моря, берегов молчанье
И ребенок на руках ее
Подтверждают вечность мирозданья.

Женщина с мирно спящим ребенком на руках — олицетворение человеческой молодости, непобедимой силы жизни, мира и покоя на земле.

В композиционном плане 7-я часть несет важную мысль в тематическом отношении — в ней дан эмоциональный и душевный образ родного края и раздумья о нем. Отчая земля для героя святая, с нее начинаются подлинные истоки любви к Родине. Он любит эту землю и говорит о ней просто и проникновенно:

...Где весной кизил цветет,
Где всегда хранят молчанье скалы,
Где у дома тесный огород
В дни былые мать моя копала.

Внезапно возникшая любовь к морю равносильна чувству привязанности к малой родине и выражается она не в ярких, эффектных словах, а в сосредоточенном раздумье, в котором чувствуется некий укор самому себе:

Может быть, я тяжко согрешил
И виновен перед краем отчим
В том, что я и море полюбил,
Ширь его увидевши воочию.

Мотив малой родины большого гражданского накала углубляет и расширяет неисчерпаемую тему «Отчизна и малая родина».

Последняя часть, 8-я, возвращает нас к первой части цикла стихов — обращению к морю, с которым поэт чувствовал себя нераздельным до такой степени, что порой ему слышался зов его («Я глухой твой голос, зов твой вечный слышу в час дневной и в час ночной...»), он ощущал родство:

И мне кажется: мои предтечи
На невнятном, но родном наречье
В час печали говорят со мной.

Итак, внешняя непоследовательность развития тем в цикле стихов «Море» только кажущаяся. Каждая часть, состоящая из пяти четверостиший, лирически завершена в развитии мысли и подводит итоги жизнеутверждающей философии поэта, его личной жизни и эстетическим взглядам. В целом весь цикл стихов «Море» построен так, что темы каждой части, на первый взгляд, внешне не согласованы между собой, не переходят одна в другую. Они каждый раз сменяются под влиянием новых размышлений героя. Однако внешней несогласованности частей противостоит внутренняя слаженность. Органичная композиция, взаимосвязь всех частей определена главным образом особенностями ритмики и всем строем поэтической системы.

В первую очередь хочется обратить внимание на особенность поэтической интонации цикла стихов, на их звуковую окраску и ритм (они усиливают поэтическую мысль-чувство). Часто повторяющиеся «р» и «л» (звуковая доминанта строфы) придают звучанию величавость и мерную, музыкальную ритмичность. Поэту, очевидно, нравились негромкие звуки, ласкавшие слух, создававшие ритмическую звукопись: «ложится на морскую гладь лунный свет», «облака плывут или века», «стонет

море ласково и властно», «за море уходит солнце спать» и т. д.; а краски природы давались в чистых тонах: синее небо, морская гладь, красная дорожка, светлая луна, лунный свет. Здесь яркие и чистые тона соответствуют гуманным помыслам и благородным устремлениям души героя. Неспешный ритм передавал неторопливость внутреннего раздумья и, по-видимому, неожиданный порыв тоски по родному краю: цвет заходящего солнца на море напомнил поэту красноту кизила у родной реки Ак-Су:

Там, на море, солнце, заходя,
Красную дорожку прочертило,
Мне напомнив красноту кизила
У реки Ак-Су после дождя.

Перевел Н. Гребнев

Торжество предвечерья, благость, очарование минутами, когда пришли синие сумерки и «ложится на морскую гладь лунный свет, как в первый день творенья», передано конкретными деталями, вызвавшими ассоциации, и они соответствовали лирической тональности всего цикла стихов. В эти часы в таинственной тишине у моря герою думалось о чем-то важном и вечном и, вслушиваясь в себя, он начинал по-иному понимать жизнь, а сердца его касалась какая-то щемящая, сладкая печаль. Ведь море всегда прекрасно своей первозданностью. Оно вызывало много воспоминаний:

Под сосной сажу я на песке,
Постигая благодать покоя,
И проходит тихо предо мною
И мелькает где-то вдалеке
Жизнь моя – все доброе и злое.

Перевел Н. Гребнев

Цикл стихов «Море» позволил увидеть, что патриотическое чувство, которое ясно угадывалось в стихотворениях, написанных в это время, как «Благодарю тебя, земля моя родная...», «Трава и снег», «Гор этих в мире роднее нет», здесь гораздо сложнее: истинно высокая любовь к Родине начинается с любви к отчему краю и даже крат-

кая разлука с ним вызывала мягкую печаль, грусть по родным, привычным с детства картинам. Отсюда и неожиданные метафоры и уподобления – красная дорожка заходившего солнца сравнивалась с краснотой кизила, а вечер – с серым буйволом. Образ серого буйвола давал возможность с помощью неожиданной метафоры создать красочный мир, к какому поэт давно привык у себя на родине. Эта метафора основана на зрительности, что не свойственно Кулиеву. Виденное уподоблялось тому, что знакомо и близко было с детства. Метафора всегда является «основным приемом романтического преобразования мира», – писал В. Жирмунский. Метафоричность мышления Кулиева не являлась отдельно взятой чертой его таланта, она определяла в известной мере его образно-поэтический взгляд на мир, обусловленный развивавшимся горским фольклором и, конечно, литературной традицией. «Метафоры Кулиева основаны не на зрительности, а на внутреннем ощущении», – писал Ст. Рассадин. – Это – чрезвычайно характерно». Замечание верно, когда Кулиев писал о горах, о родных, о знакомых с детства местах. Тогда, по словам Рассадина, зрительные ассоциации для него вообще не играли большой роли: взгляд привык к горам, нет никакой внутренней потребности искать, хотя бы невольно, их похожести на что-то иное...

Другое дело море, безбрежное пространство с постоянно меняющейся картиной. У Кулиева море изображалось в движении, во время смены явлений, перехода одного состояния в другое. Важную художественную роль в этом отношении играли подвижное, динамичное построение стиха, предметно точные детали, слова со «звуковым» содержанием (голос, зов), характер строфы и т. д. Поэт не однажды видел море, но на этот раз, в 1973 г., у него окончательно созрел замысел, он «открыл» для себя море, увидел его в безмятежной обстановке, «постигая благодать покоя»; оно поразило его необычайностью, открывшейся острому взгляду художника. Реальные факты (темная волна, мелькание молнии, ночная буря) и их романтическая интерпретация прежде всего в очеловечивании, метафоризации увиденного моря. Отсюда разговор с морем, обращение к нему, просьба:

Ты неуспокоенных людей
В час покоя озари покоем,
Море, награди добро людское
Широтой и вечностью своей.

Ярко окрашенные романтические образы с помощью неожиданных метафор и сравнений помогали создать красочный, неповторимый мир природы, тот мир, к которому поэт привык у себя на родине – в ауле Верхний Чегем, на Безенгийском перевале, в Чегемском ущелье.

Таким образом, в цикле стихов «Море» налицо два типа творчества, литературного направления – романтический и реалистический принцип изображения жизни. «Поэзия мысли и сердечного воображения», субъективно-романтическое «начало» в этих стихах объяснялись духовными устремлениями Кулиева, особенностями его художественного творчества в 70-е гг. По меткому замечанию М. Горького, «в крупных художниках реализм и романтизм всегда как будто соединены...»

В цикле стихов «Море» отчетливо звучал пафос жизнеутверждения, мотив раздумья о его современнике: сможет ли он отстаивать нравственную чистоту и быть готовым на крутых поворотах истории на подвиг и борьбу за правду века и социальную справедливость. Стремление к идеалу невозможно без романтической окрыленности и реалистического выражения эстетических потребностей людей, их стремлений к лучшему.

Личная судьба лирического героя, дополненная биографическими сведениями поэта, рассматривалась на фоне свободной стихии моря и думах о родных местах (Кабардино-Балкарии) в тесной связи с современным этапом жизни Кулиева, с судьбой его поколения:

Здесь, у моря, я друзей своих,
Всех до одного, припомнить силюсь,
Всех сегодняшних и всех бывших,
Где б сейчас они ни находились.

Перевел Н. Гребнев

«Море» – произведение сложное по композиции и глубокое по мысли. Усиление личностного начала, национально-патриотический и гуманистический пафос, фи-

лософские мотивы, лиризм, языковое богатство – все перечисленное приближало этот цикл стихов к небольшой лирической поэме.

-
- ¹ КБП. 1974. 6 марта.
- ² Литературная Россия. 1968. 14 июня.
- ³ *Карим М.* Избранные произведения в 2 т. Уфа, 1969. Т. 2. С. 416.
- ⁴ Советские писатели. Автобиографии. М., 1972. Т. 4. С. 355.
- ⁵ Вопросы литературы. 1972. № 9. С. 167.
- ⁶ *Карим М.* Указ. изд. Т. 2. С. 416.
- ⁷ *Кулиев К.* Избранные произведения в 2 т. М., 1970. Т. 2. С. 421 (Поэма цитировалась по этому изданию).
- ⁸ Литературная газета. 1967. 1 янв.
- ⁹ *Толстой А.* ПСС. М., 1950. Т. 4.
- ¹⁰ *Опрышко О. Л.* На Эльбрусском направлении. Нальчик, 1970. С. 3.
- ¹¹ *Дудин М.* На пути к вершине // *Кулиев К.* Избранные произведения в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 5.
- ¹² Лауреаты России. М., 1973. С. 104.
- ¹³ *Карим М.* Указ. изд. М., 1970. Т. 2. С. 147.
- ¹⁴ *Озеров В.* Полвека советской литературы. М., 1967. С. 384.
- ¹⁵ *Толгуров З.* Формирование соцреализма в балкарской поэзии. Нальчик, 1974. С. 189.
- ¹⁶ Лауреаты России. Автобиографии российских писателей. М., 1973. С. 119.
- ¹⁷ Литературная газета. 1975. 22 янв.
- ¹⁸ *Липкин С.* Рожденный из камня. М., 1974.
- ¹⁹ Литературная газета. 1976. 11 февр.
- ²⁰ Литература мировой революции. М., 1932. №9–10. С. 145.
- ²¹ Великий Октябрь и мировая литература. М., 1967. С. 8.
- ²² Вопросы литературы. 1969. № 3. С. 5.
- ²³ Горцы о Ленине. Махачкала, 1960. С. 8.
- ²⁴ Литературная газета. 1970. 22 апр.
- ²⁵ *Капиева Н.* Песня убежденного сердца // Дружба народов. 1962. № 4. С. 239.
- ²⁶ Ленинское наследие и современная литература. М., 1971. С. 309.
- ²⁷ Советская Россия. 1966. 14 окт.
- ²⁸ Вопросы литературы. 1969. № 9. С. 9.
- ²⁹ Воспоминания о Ленине. М., 1968. С. 479.
- ³⁰ Вопросы литературы. 1969. № 3. С. 6.

- ³¹ Брежнев Л. И. Речь на XVII съезде ВЛКСМ. М., 1974. С. 12.
- ³² Горький М. Собр. соч. в 30 т. М., 1952. Т. 20. С. 45.
- ³³ Тимофеев Л. И. Советская литература. Метод. Стиль. Поэтика. М., 1964. С. 351–352.
- ³⁴ Мечиев Кязим. Стихотворения и поэмы. Нальчик, 1962. С. 5.
- ³⁵ Там же. С. 78.
- ³⁶ Литературная газета. 1968. № 4.
- ³⁷ Новый мир. 1967. № 9. С. 79.
- ³⁸ Мечиев Кязим. Указан. изд. С. 7.
- ³⁹ Кулиев К. Собр. соч. в 3 т. М.: Художественная литература, 1977. С. 373 (Здесь и далее стихи цитируются по этому изданию).
- ⁴⁰ Давидович В., Аболина Р. Кто ты, человечество? Теоретический портрет. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 86.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Пятый том включает в себя литературно-критические, научные статьи, рецензии, очерки о поэте.

Сюда вошли и краткие тезисы выступлений профессоров Эфендиевых, и научные доклады, которые были опубликованы в сборниках материалов Международных конгрессов, симпозиумов, «круглых столов», Всероссийских и региональных научных конференций, прошедших за последние годы в городах Российской Федерации: Санкт-Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону, Волгограде, Улан-Удэ, Томске, Ставрополе, Краснодаре, Майкопе, Махачкале, Владикавказе, Пятигорске, Карачаевске, Черкесске, Нальчике, Казани, Уфе, Чебоксарах. В течение этого времени авторы данной монографии выступали на этих научных форумах по различным проблемам развития национальной художественной культуры, ее взаимосвязи и взаимообусловленности с общечеловеческой культурой и по межнациональным отношениям. Все эти вопросы рассматривались в контексте развития мировой художественной культуры в условиях национального возрождения. Авторы пытались осмыслить в социально-философском плане культурно-историческое наследие великого поэта и выдающегося гуманиста XX в. Кайсына Кулиева, его вхождение в систему мировой художественной культуры, его роль и значимость как символа в духовной этнокультуре балкарского народа. Творчество этого горского поэта было и остается уникальным явлением истории художественной культуры балкарского этноса.

При этом они широко использовали произведения Кайсына Шуваевича Кулиева, его литературно-критические статьи, выступления по обширному кругу вопросов истории, культуры и общественно-политической жизни страны второй половины XX в. Для данного тома были использованы архивные материалы о поэте, хранящиеся в ЦГАЛИ г. Москвы, Госархиве Ростовской области (фонд Р-248), в ЦГА КБР и Архиве новейшей истории КБР. Безусловно, при этом учитывались и тематика, и требования Международных конгрессов, межвузовских научно-теоретических конференций, которые проходили «на стыке» двух веков нового тысячелетия.

Это издание научных работ профессоров Эфендиевых о Кайсыне Кулиеве не могло не появиться, так как их жизнь была отдана исследованию его творчества как национального гения балкарского народа. И то, что не смогли они сделать, естественно, продолжают делать дети – Фуад и Ирина Эфендиевы.

За долгие годы близкого общения с поэтом и изучения его творчества авторы данной работы в течение более 30 лет собрали большой архивный материал и написали о нем много статей, которые были опубликованы в различных центральных и местных журналах, научных сборниках, в периодической печати России и в бывших союзных и автономных республиках Советского Союза – Киеве, Баку, Ереване, Фрунзе и т. д. Многие из опубликованных работ того времени не вошли в этот сборник. Но несмотря на, скорее, публицистический, научный жанр работ о К. Ш. Кулиеве, в них явно ощущается нравственный и общественно-политический ритм и дух эпохи – XX в. начиная с середины 50-х гг. вплоть до конца 90-х гг. За это время многое изменилось в социально-политической и духовной жизни людей. Диалектика времени, процесс изменения жизни и культура как способ бытия человека в мире нашли художественное отражение в творчестве К. Ш. Кулиева, начиная от его ранних юношеских стихов и критических выступлений на пленумах и съездах Союза писателей СССР, РСФСР и КБАССР до лирики середины 80-х гг.

Научные труды профессоров Эфендиевых представлены в хронологическом порядке, как они были написаны и опубликованы в свое время. Хронология учтена в каждой главе.

Авторы книги понимают и сожалеют, что сделали мало в изучении многогранного творчества удивительно одаренного и всесторонне талантливого поэта-мыслителя, первого литературного критика в истории художественной культуры балкарского народа, публициста, прозаика, драматурга и крупного общественно-политического деятеля советской эпохи. Пусть новые поколения ученых – литературоведов, философов, социологов, психологов – сделают больше и лучше. Авторы надеются, что они внесут

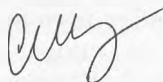
достойный вклад в кайсыноведение, в социально-философское осмысление глубины значимости поэзии К. Ш. Кулиева, юбилей которого будет отмечаться в ноябре 2002 г.

Профессора Эфендиевы сердечно благодарят за оказанную финансовую помощь Рашида Жамаловича Локъева, Ахмата Абдуловича Катчиева, Валерия Мусаевича Чимаева, Бориса Кистуевича Шухостанова, Ханафия Исаковича Хибиева, Алима Ахматовича Кожашева, Хизира Таукановича Хочуева, которые помогли издать 5-й том к 85-летию со дня рождения поэта.

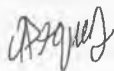
Тамара Эфендиева

Салих Эфендиев

Фуад Эфендиев

7 августа 2001 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Черемисина Н. Б. «Деревья выросли и шумят листвою» (Портрет ученых в семейном интерьере)	5
РАЗДЕЛ I. РЕЦЕНЗИИ И СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ	11
Т. Е. Эфендиева. Книга земли	13
С. И. Эфендиев, Т. Е. Эфендиева. Муза в строю солдатском . . .	18
Т. Е. Эфендиева. Благотворные узы поэзии	24
Т. Е. Эфендиева. «Я многих на милой земле любил...»	30
Т. Е. Эфендиева. Поступь истории	37
Т. Е. Эфендиева. Свет исканья	45
Т. Е. Эфендиева. Из опыта бытия	52
Т. Е. Эфендиева. Поэзия любви	57
Т. Е. Эфендиева. «Я в близких и друзьях опору нахожу» . .	64
Т. Е. Эфендиева. «... Навстречу буре боевой...»	68
Т. Е. Эфендиева. «Я свой стих под воем шрапнели подни- мал навстречу грозе...»	76
Т. Е. Эфендиева. «О Родина, о воля, горы мои!»	84
Т. Е. Эфендиева. Ей, излучавшей силу и тепло	93
Т. Е. Эфендиева. Робер Мерль о поэзии Кайсына Кулиева . . .	97
Т. Е. Эфендиева. Зарубежный читатель о Кайсыне Кулиеве . . .	100
Т. Е. Эфендиева. О поэме Кайсына Кулиева «Завещание» . . .	106
Т. Е. Эфендиева. И честь, и слава	110
Т. Е. Эфендиева. «Я не чуда жду...»	111
Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев. Есть у поэта и честь, и слава .	117
Т. Е. Эфендиева. Образ любимой в лирике Кайсына Кулиева . .	120
Т. Е. Эфендиева. Тема депортации и ее художественное ре- шение	143
Т. Е. Эфендиева. Время в лирике Кайсына Кулиева	153
Т. Е. Эфендиева. О нравственной основе стихотворений Дмитрия Кедрина, посвященных К. Кулиеву в годы депортации балкарского народа	163
Т. Е. Эфендиева. О переписке Кайсына Кулиева с Борисом Пастернаком в годы депортации балкарского народа	169
Т. Е. Эфендиева. О моральной значимости и интеллектуаль- ном богатстве одного стихотворения Кайсына Кулиева	184
Т. Е. Эфендиева, Ф. С. Эфендиев. Этнопсихологические ас- пекты в поэзии К. Кулиева	190
Т. Е. Эфендиева. Проблема памяти в поэзии Кайсына Кули- ева о войне	201
Т. Е. Эфендиева. Кайсын Кулиев и проблемы возрождения духовной культуры	209
Ф. С. Эфендиев. Кайсын Кулиев как духовный феномен бал- карского народа	215
Т. Е. Эфендиева, С. И. Эфендиев. «Молодость моя под пулями шагала»	223

РАЗДЕЛ II. ДОКЛАДЫ И ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНГРЕССАХ, ВСЕРОССИЙСКИХ И МЕЖВУЗОВСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ КОНФЕ- РЕНЦИЯХ (1996–2000)	233
Ф. С. Эфендиев. Этнокультура и национальная идея	235
Ф. С. Эфендиев. Ономастика и этническое сознание	242
Ф. С. Эфендиев. Топонимика как один из факторов этниче- ской памяти	248
Т. Е. Эфендиева. Этнопедагогические мотивы в поэзии К. Ку- лиева	254
Ф. С. Эфендиев. Социальная память в структуре творческого сознания Кайсына Кулиева	259
Ф. С. Эфендиев. Отражение нравственных ценностей в фило- софской лирике Ф. И. Тютчева и К. Ш. Кулиева ..	266
Т. Е. Эфендиева. Природа и гуманистическая сущность чело- веческих деяний в пейзажной лирике Кайсына Кулиева	272
Т. Е. Эфендиева. Роль национальной литературы в гумани- таризации образования	276
Ф. С. Эфендиев. Нравственный аспект национального воз- рождения	280
Т. Е. Эфендиева. К вопросу о переводах Н. Коржавина и С. Липкина произведений К. Кулиева	287
Ф. С. Эфендиев. Космизм и сходные судьбы поэтов (К. Ш. Ку- лиев и А. Л. Чижевский)	296
С. И. Эфендиев. К. Ш. Кулиев и его художественное миро- восприятие	300
Ф. С. Эфендиев. Человек и его призвание в лирике К. Ку- лиева	305
С. И. Эфендиев. Человек и Вселенная в поэзии К. Кулиева	310
Т. Е. Эфендиева. К вопросу об ономастике сборника стихов К. Кулиева «Человек. Птица. Дерево»	317
Ф. С. Эфендиев. Имя собственное в поэзии К. Кулиева	322
Ф. С. Эфендиев. Проявление пацифизма в поэзии К. Кулиева	327
Ф. С. Эфендиев. Кайсын Кулиев о Пушкине	333
Ф. С. Эфендиев. Общечеловеческие символы в поэзии К. Ку- лиева	338
Ф. С. Эфендиев. Влияние русской философии на стиль мыш- ления К. Кулиева	344
С. И. Эфендиев. Кайсын Кулиев и мировая культура	349
С. И. Эфендиев. Социально-философское наследие К. Кулиева в системе мировой культуры	356
Т. Е. Эфендиева. Внутренний мир человека в лирике К. Ку- лиева периода депортации балкарского народа	362
Т. Е. Эфендиева. К вопросу об изучении критических статей К. Кулиева	367

Ф. С. Эфендиев. Пушкинские мотивы в балкарской поэзии	373
Ф. С. Эфендиев. Кязим Мечиев и Кайсын Кулиев как духовные вершины в истории культуры балкарского народа	379
Т. Е. Эфендиева. Художественная концепция личности в творчестве К. Ш. Кулиева	382
Ф. С. Эфендиев. Художественное отражение К. Ш. Кулиевым трагичности человеческого бытия (по книге «Раненый камень»)	389
С. И. Эфендиев. Природно-ландшафтные образы в поэзии К. Кулиева	393
С. И. Эфендиев. Речь, произнесенная в день памяти К. Ш. Кулиева 4 июня 2000 г., Дом-музей в Чегеме I	400
С. И. Эфендиев. В новое время – с чистой совестью и открытой душой	405
Т. Е. Эфендиева. Миллениум в творческом сознании К. Кулиева	407
Ф. С. Эфендиев. Культурно-историческое значение книги К. Кулиева «Так растет и дерево»	412
С. И. Эфендиев, Т. Е. Эфендиева. Кайсын Кулиев и армянская культура	415
Т. Е. Эфендиева. О женщинах и о любви в военные сороковые	419
Ф. С. Эфендиев. Национальное самосознание депортированных народов Северного Кавказа накануне Великой Победы	424
Ф. С. Эфендиев. Этнокультурные процессы на рубеже веков и их влияние на национальное самосознание	428
Т. Е. Эфендиева. Кайсын Кулиев – поэт-гуманист XX века	438
Ф. С. Эфендиев. О нравственно-историческом значении архивов в научном исследовании	446
Т. Е. Эфендиева. Некоторые вопросы этнического и социального в «Горской поэме» К. Кулиева	449
С. И. Эфендиев. Кайсын Кулиев в контексте бурятской духовной культуры	453
С. И. Эфендиев. Национальное возрождение и основные тенденции развития современной национальной художественной культуры	460
Ф. С. Эфендиев. К вопросу о когнитивной парадигме в духовной культуре балкарского народа	467
Ф. С. Эфендиев. К вопросу синтеза культур горских народов и России	470
Ф. С. Эфендиев. Проблемы национальной и общечеловеческой культуры в книге К. Кулиева «Так растет и дерево»	475
Ф. С. Эфендиев. Кайсын Кулиев в контексте мировой культуры	479

<i>Т. Е. Эфендиева. Идеи гуманизма и гражданственности в поэзии на пороге ХХІ века</i>	480
<i>С. И. Эфендиев. Национальная специфика поэзии К. Кулиева</i>	483
<i>Ф. С. Эфендиев. О культурологическом значении музеев</i>	487
<i>Т. Е. Эфендиева. Этнографические аспекты в «Чегемской поэме» К. Ш. Кулиева</i>	489
<i>Ф. С. Эфендиев. Покаяние как элемент религиозного и светского сознания</i>	492
<i>Т. Е. Эфендиева. Милосердие и терпение в системе религиозно-нравственных норм и контексте северокавказской поэзии</i>	495
<i>Т. Е. Эфендиева. О нравственной значимости горской поэзии в художественной культуре России (К. Кулиев и Р. Гамзатов)</i>	500
<i>Ф. С. Эфендиев. К. Ш. Кулиев как выразитель духовной культуры горских народов</i>	506
<i>Т. Е. Эфендиева. История и время в лирике К. Кулиева</i>	511
<i>Ф. С. Эфендиев. Кайсын Кулиев в сфере теоретического осмысления зарубежной литературы</i>	512

РАЗДЕЛ III. *Т. Е. Эфендиева. ПОЭМЫ КАЙСЫНА КУЛИЕВА* 519

<i>«Чегемская поэма»</i>	521
<i>Поэма «Знамя»</i>	533
<i>Поэма «Завещание»</i>	544
<i>Мир и труд как символы общечеловеческого счастья в поэмах «Огонь» и «Серп»</i>	556
<i>Судьба балкарского народа в «Горской поэме»</i>	569
<i>Героика подвига как одна из идейно-нравственных проблем современности в поэме «Перевал»</i>	597
<i>Преемственность художественных традиций в поэме «Золотая свирель»</i>	616
<i>Пафос жизнеутверждения в цикле стихов «Море»</i>	623
<i>Послесловие</i>	636

Художественно-публицистическое издание

**Серия «КЛИО»
(«Кавказский литературно-исторический Олимп»)
Раздел «Литература». Вып. 9**

Тамара Емельяновна Эфендиева
Салих Ибрагимович Эфендиев
Фуад Салихович Эфендиев

КАЙСЫН ШУВАЕВИЧ КУЛИЕВ
Литературно-критические статьи о творчестве поэта

Том 5

Редактор *Л. О. Тамазова*
Художник *М. М. Горлов*
Технический редактор *Т. В. Демьяненко*
Корректор *Н. В. Римская*

ЛР № 010238 от 22.07.97

Сдано в набор 22.11.01. Подписано в печать 01.07.02.
Формат 84×108^{1/32}. Печать офсетная. Гарнитура SchoolBook.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 33,81. Уч.-изд. л. 26,74. Тираж 1000.
Заказ № 289

Издательский центр «Эль-Фа».

Республиканского полиграфкомбината им. Революции 1905 г.

Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.

Министерства печати и информации КБР

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33